This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 605.10

VIII
280.

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

БЕЗЪ ДОГМАТА.

РОМАНЪ.

Генрика Сенкевича.

3-е изданіе. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

РОМАНЪ.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Цѣна 3 руб.

Покупающіе „Камо грядеши“ и „Семью Поланецкихъ“ платятъ за обѣ эти книги вмѣстѣ 3 р. 50 к. Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10%.

1-го Резерва БИБЛІОТЕ САПЕРНАГО БАТАЛІОНА

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона“

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).
Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 39 полутомовъ. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словаря и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ. Уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся налицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ четырехъ рублей. **Правительственныя и частныя учрежденія задатка не вносятъ. Частныхъ лицъ просятъ увѣдомлять о родѣ занятій или службѣ.**

Русская Мысль.

ОТЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

журнала Русская Мысль,

В. М. Лаврова,

Москва, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24.

Въ виду расширившейся дѣятельности открытаго въ 1894 году при редакціи журнала *Русская Мысль* книжнаго магазина, администрація его имѣетъ честь заявить слѣдующее:

а) Книжный магазинъ журнала *Русская Мысль* принимаетъ **годовую** подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты по цѣнамъ редакцій и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги какъ русскія, такъ и иностранныя.

б) Принимаетъ на себя **составленіе народныхъ библіотекъ и читаленъ** на всевозможныя суммы и даетъ указанія по устройству библіотекъ и складовъ для продажи книгъ (на отвѣтъ должна быть прилагаема 7 коп. марка).

в) Книги по желанію заказчиковъ могутъ быть высылаемы въ переплетахъ. Для обыкновенныхъ книгъ переплеты отъ 15 коп. до 2 руб. и дороже. Для мелкихъ народныхъ изданій переплеты отъ 4 до 15 коп. Для изготовленія переплетовъ требуется отъ 3 до 6 дней.

г) Заказы частныхъ лицъ на сумму, не превышающую 25 руб., исполняются безъ задатка съ наложеніемъ платежа на посланныя книги. При заказахъ на сумму больше 25 руб. просятъ прилагать задатокъ въ размѣрѣ не менѣе ¼ стоимости всего заказа. При заказахъ на сумму не менѣе 100 руб. магазинъ дѣлаетъ 10% уступки. Большій % уступки находится въ зависимости отъ суммы заказа.

д) **Заказы учебныхъ заведеній, земскихъ и городскихъ управъ и прочихъ правительственныхъ и**

общественныхъ учрежденій исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и подписью завѣдующаго учрежденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку **отъ 10 до 15 процентовъ**, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями **магазинъ** проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) **Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч.** При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, **ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней**, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногородныхъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

Поступила въ продажу новая книга изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

Романъ **Поля Бурже**. Переводъ **М. Н. Ремезова.**

Цѣна **1** рубль.

ПОРТЪ ТАРАСКОНЪ.

Альфонса Додэ. Переводъ *М. Н. Ремезова.*

Цѣна **1** рубль.

МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ.

Романъ **Альфонса Додэ**. Переводъ *М. Н. Ремезова.*

Цѣна **1** рубль.

НАШЕ СЕРДЦЕ.

Романъ **Гюи де-Мопассана**. Переводъ *М. Н. Ремезова.*

Цѣна **1** рубль.

НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ.

Романъ **М. Н. Ремезова.**

Цѣна **1** рубль.

СИЗИФЪ.

Картинки дерев. жизни **К. Юноши**. Переводъ *В. М. Лаврова.*

Цѣна **50** коп.

Покупающіе всѣ упомянутыя шесть книгъ вмѣстѣ платятъ за нихъ **3** р. Подписчики «Русской Мысли» пользуются уступкой 10%.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предприняла новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ:

„Библіотека Русской Мысли“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первыя книжки:

I.

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ.

Повѣсть Генрика Сенкевича, переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 40 коп.

II.

КЛЕОПАТРА.

Картинки античной жизни М. Н. Ремезова.

Цѣна 40 коп.

III.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

М. Н. Альбова.

Цѣна 1 руб.

IV.

ПОБѢДА.—НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ.

К. С. Баранцевича.

Цѣна 1 руб.

V.

МИЛОРДЪ.—БАБУШКА.

Элизы Ожешковой.

Цѣна 50 коп.

VI.

ІУДЕЯ И РИМЪ.

Картинки античнаго міра М. Н. Ремезова.

Цѣна 50 коп.

VII.

ДРАМА ЗА СЦЕНОЙ.

Вл. И. Немировича-Данченко.

Цѣна 1 руб.

VIII.

Очерки Итальянскаго Возрожденія.

Проф. М. С. Корелина.

Цѣна 1 руб.

IX.

БРАТЬЯ ГОРДѢЕВЫ.— ОХОНИНЫ БРОВИ.

Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цѣна 1 руб.

X.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В. Н. Ладыженскаго.

Цѣна 25 коп.

XI.

ЛЯЛЬКА.

(Изъ „сказокъ дѣйствительности“).

Вас. И. Немировича-Данченко.

Цѣна 60 коп.

Вышли и продаются въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *В. А. Гольцева*, *М. Конопницкой*, *М. С. Корелина*, *В. Косякевича*, *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, *Э. Ожешковой*, *М. Н. Ремезова*, *К. М. Станюковича*, *А. Шиманьскаго*, *А. П. Чехова*, *А. И. Эртеля* и другихъ.

Поступила въ продажу новая книга изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

ЭМПИРИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

РУССКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

(съ атласомъ).

А. М. Бобрищева-Пушкина.

Цѣна **4** рубля.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

„НАДЪ НѢМАНОМЪ“.

Романъ въ 3 частяхъ Элизы Ожешковой. Переводъ съ польскаго **В. М. Лаврова.**

Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“.

Цѣна **1 руб. 50 коп.**

Съ **1897** года будетъ выходить въ Москвѣ, подъ редакціей профессора **П. И. Дьяконова**, ежемѣсячный журналъ, издаваемый Высочайше утвержд. **т-мъ Д. И. Сытина,**

„ХИРУРГІЯ“.

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1. Самостоятельныя статьи по хирургіи и относящимся къ ней отдѣламъ врачебныхъ знаній.
2. Обзоры текущихъ работъ по хирургіи.
3. Критика вновь выходящихъ хирургическихъ сочиненій.
4. Разныя извѣстія.
5. Объявленія.

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ

8 рублей въ годъ и 4 рубля за полгода.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. **Въ редакціи** (Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. проф. **П. И. Дьяконова**).
2. Въ книжн. магазинахъ **т-ва И. Д. Сытина,** *въ Москвѣ*: 1) на Никольской, д. Славянскаго Базара; 2) у Ильинскихъ вор., д. Титова; 3) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова. *Въ С.-Петербургѣ,* Большая Садовая, 25. *Въ Кіевѣ,* Подолъ, Гостиный дворъ. *Въ Варшавѣ,* Бѣлянская ул., 6, и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
журнала Русская Мысль,

уголъ Большой Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24,

продаются по пониженной цѣнѣ оставшіеся экземпляры слѣдующихъ сочиненій:

Головачевъ, А. А. «Десять лѣтъ реформъ». Вмѣсто **3** р. за **1** руб. **50** коп.

— «Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи». Вмѣсто **2** р. **40** к. за **1** р.

Массе. «Исторія кусочка хлѣба». Вмѣсто **1** р. **50** к. за **75** к.

По соглашенію редакціи
„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ"
и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",

въ книжномъ магазинѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ"
В. М. Лаврова

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь"
изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета **38** руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) **42** руб.

За пересылку прилачивается **10** коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ внесятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1897.

Slav 80.11

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Лирическая драма въ четырехъ актахъ. Перси Бишши Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. *Продолженіе* 1

II. УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ. *Продолженіе.*—В. Я. Свѣтлова . . . 24

III. АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ. (По моимъ воспоминаніямъ). *Продолженіе.*—С. В. Максимова 62

IV. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 79

V. СТАРШІЙ РАБОЧІЙ. (Очеркъ).—Дмитрія Абельдяева 98

VI. НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ. Повѣсть Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 141

VII. ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ. (Дюре Рейнъ). (Изъ семейной хроники). Романъ Іонаса Ли. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. *Продолженіе* 152

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Мих. Гербановскаго 180

IX. ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ ДЛЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАУЧНЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ТЕЧЕНІЯМИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ. *Окончаніе.*—М. И. Бруна. . 1

X. СРЕДИ НОВОСЕЛОВЪ. (Отъ Барнаула до Костина Лога).—Н. Х. 18

XI. КРЕДИТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ НА КАВКАЗѢ ВЪ 1894 ГОДУ.—А. Н. Сазонова 45

II. АНАМСКАЯ ОБЩИНА.—М. И. Венюкова. 60

II. СОЦІОЛОГІЯ И ПРАВО.—И. Г. 67

IV. ИЗЪ ИСТОРІИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Кн. Р. Д. Эристовъ).—А. С. Хаханова 79

Стр.

XV. ОРГАНИЗАЦІЯ ТРУДА КАКЪ ВИДЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ВЪ ПАРИЖѢ.—**Маргариты Сабашниковой.** 92

XVI. НАША НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.—**К. И. Тумскаго** . 102

XVII. КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III. (Бенефисъ г. Южина).—**Ив. Иванова.** 127

XVIII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 151

XIX. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—**В. П. Вахтерова** 168

XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Отношеніе комитета сибирской дороги къ переселенческому дѣлу.—Циркуляръ 20 января 1897 года объ упорядоченіи переселеній. — Убытки, причиняемые низкими хлѣбными цѣнами отдѣльнымъ группамъ населенія и всему русскому народному хозяйству. — Отмѣненіе земскихъ ходатайствъ министромъ народнаго просвѣщенія. — Школьное дѣло въ Аткарскомъ уѣздѣ 170

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 189

XXII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Музыкальная хроника. — **Александра Барсова** 195

XXIII. КАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.—**К. М. Станюковича.** 197

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги:** Беллетристика.— Педагогика. — Исторія, исторія литературы. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Медицина.—Дѣтскія книги.—Изданія для народа.— Справочныя книги, календари. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *январь*. — «Міръ Божій», *февраль*. — «Вѣстникъ Европы», *февраль*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль*.—«Вѣстникъ Воспитанія», *январь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1897 г.** 103

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ *).

Лирическая драма въ четырехъ актахъ.

Перси Биши Шелли.

Переводъ съ англійскаго.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Сцена 1-я.

Утро.—Красивая долина въ Индійскомъ Кавказѣ.—Азія одна.

Азія. Во всѣхъ дыханьяхъ неба ты нисходишь,
Какъ духъ, какъ мысль,— Весна, дитя вѣтровъ!
Въ глазахъ застывшихъ нѣжно будишь слезы,
Въ пустынномъ сердцѣ, жаждущемъ покоя,
Біенья ты рождаешь,—о, Весна,
Питомица, взлелѣянная бурей!
Приходишь ты внезапно, точно свѣтъ
Печальныхъ думъ о сладкомъ сновидѣньи;
Ты—геній, ты—восторгъ, съ лица земли
Встающій сонмомъ тучекъ золотистыхъ
Въ пустынѣ нашей жизни. Ночь проходитъ.
Вотъ время, день, и часъ. Я жду тебя,
Сестра моя, желанная, ты медлишь,
Съ разсвѣтомъ ты должна ко мнѣ придти,
Я жду тебя, приди, приди скорѣе!
Едва ползутъ безкрылыя мгновенья,
Еще трепещетъ блѣдный ликъ звѣзды,
Надъ алыми вершинами, въ просвѣтѣ
Растущей ввысь оранжевой зари;
Смотря въ провалъ разорванныхъ тумановъ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1897 г.
— ь, 97 г.

Въ зеркальной глади озера дрожитъ
Стыдливая звѣзда, блѣднѣетъ, гаснетъ—
Опять горитъ въ прозрачной ткани тучекъ—
И нѣтъ ея! И сквозь вершины горъ,
Съ ихъ облачно-воздушными снѣгами,
Трепещетъ розоватый свѣтъ зари.
Чу! слышу вздохъ эоловыхъ мелодій,—
То звукъ ея зеленоватыхъ крылъ,
Съ собою приносящихъ алость утра.

Пантея входитъ.

Я чувствую глаза твои. Я вижу
Лучистый взоръ,—въ слезахъ улыбка меркнетъ,
Какъ свѣтъ звѣзды, потопленный въ туманахъ
Серебряной росы. Сестра моя,
Любимая, прекрасная! Съ тобою
Приходитъ тѣнь души, которой я
Живу. Зачѣмъ ты медлила такъ долго?
Ужъ солнца свѣтлый шаръ взошелъ по морю.
Мой духъ надеждой раненъ былъ, предъ тѣмъ
Какъ воздухъ, гдѣ ничьихъ слѣдовъ не видно,
Почувствовалъ движенье крылъ твоихъ.

Пантея. Прости, Сестра! Полетъ мой былъ замедленъ
Восторгомъ вспоминаемаго сна,
Какъ медленный полетъ вѣтровъ полдневныхъ,
Впивающихъ дыханіе цвѣтовъ.
Всегда спала я сладко, пробуждалась
Окрѣпшею и свѣжей, до того
Какъ палъ Титанъ священный, и любовью
Несчастною меня ты научила
Соединять страданье и любовь.
Тогда въ пещерахъ древнихъ Океана
Спала я межъ камней зелено-сѣрыхъ,
Въ пурпурной колыбели нѣжныхъ мховъ;
Тогда, какъ и теперь, меня Іона
Во снѣ рукою нѣжной обнимала,
Касаясь темныхъ ласковыхъ волосъ,
Межъ тѣмъ какъ я закрытыми глазами
Къ ея груди волнистой прижималась,
Вдыхая свѣжесть юности ея.
Теперь не то, теперь я словно вѣтеръ,
Что падаетъ, стихая отъ мелодій

Твоихъ рѣчей безмолвныхъ; я дрожу,
Мой сонъ смущенъ какой-то сладкой нѣгой,
Какъ будто слышу я слова любви;
А только сонъ уйдетъ,—приходитъ мука,
Заботы угнетаютъ.

Азія. Подними
Опущенный свой взоръ,—прочесть хочу я
Твой сонъ.

Пантея. Я говорю: у ногъ его
Спала я вмѣстѣ съ нашею сестрою,
Океанидой. Горные туманы,
Внявъ голосъ нашъ, сгустились подъ луной
И хлопьями пушистыми покрыли
Колючій ледъ, чтобъ спать намъ не мѣшалъ.
Два сна тогда пришли. Одинъ не помню.
Въ другомъ ко мнѣ склонился Прометей,
Израненый, усталый, изнуренный.
И ожилъ вдругъ лазурный сумракъ ночи
Отъ блеска этой формы, что живетъ—
Внутри не измѣняясь. Прозвучали
Его слова, какъ музыка,—такая,
Что умъ отъ счастья гаснетъ, задыхаясь
Въ восторгѣ опьяненія: «Сестра
Той, чьи шаги воздушные рождаютъ
Цвѣты и чары,—ты, что всѣхъ прекраснѣй,
Лишь менѣе прекрасна, чѣмъ она,—
О, тѣнь ея,—взгляни!» И я взглянула:
Безсмертный призракъ высился, блистая
Любовью ослѣпительной; и весь,—
Въ своихъ воздушныхъ членахъ, въ гармоничныхъ
Устахъ, порывомъ страсти раздѣленныхъ,
Въ пронзительныхъ и меркнущихъ глазахъ,—
Весь, весь горѣлъ онъ пламенемъ подвижнымъ;
Дыханьемъ всемогущей сладкой власти
Окуталъ онъ меня, и я тонула,
Я таяла,—какъ облачко росы,
Блуждающей въ эѳирѣ, таетъ, тонетъ
Въ дыханьи теплыхъ утреннихъ лучей;
Не двигаясь, не слыша и не видя,
Я вся жила присутствіемъ его,
Онъ въ кровь мою вошелъ, со мной смѣшался,

И онъ былъ—мной, и жизнь его—моей,
Моя душа въ его душѣ исчезла.
Потомъ огонь погасъ, и я опять
Во тьмѣ ночной самой собою стала,
Какъ сумрачный туманъ, что въ часъ заката
На соснахъ собирается и плачетъ
Въ дрожащихъ капляхъ; мысли вновь зажглись,
И я могла еще услышать голосъ,
Еще дрожали звуки, замирая,
Какъ слабый вздохъ мелодіи ушедшей,
Но между смутныхъ звуковъ только имя
Твое, сестра, могла я разобрать.
Напрасно слухъ я снова напрягала,
Глухая ночь въ безмолвіи замкнулась.
Іона, пробудившись ото сна,
Сказала мнѣ: «Способна-ль ты представить,
Что въ эту ночь встревожило меня?
Всегда я прежде знала, что мнѣ нужно,
Чего хочу; ни разу не вкушала
Блаженства неисполненныхъ желаній.
Чего теперь ищу—сказать не въ силахъ,
Не знаю; только сладкаго чего-то,
Затѣмъ, что даже сладко мнѣ желать;
Ты, вѣрно, посмѣялась надо мною,
Негодная сестра, ты, вѣрно, знаешь
Какихъ-нибудь старинныхъ чаръ восторги:
Съ ихъ помощью похитивши мой духъ,
Покуда я спала, съ своимъ смѣшала:
Когда съ тобой сейчасъ мы цѣловались,—
Внутри твоихъ разъединенныхъ губъ
Услышала я сладостный тотъ воздухъ,
Что былъ во мнѣ; живительная кровь,
Безъ теплоты которой я томилась,
Дрожала въ нашихъ членахъ въ мигъ объятья».
Звѣзда Востока между тѣмъ блѣднѣла,
И я, сестру оставивъ безъ отвѣта,
Скорѣй къ тебѣ направила полетъ.

Азія. Слова твои—какъ воздухъ; не могу я
Проникнуть въ нихъ. О, подними свой взоръ,
Хочу въ твоихъ глазахъ увидѣть цѣльность
Его души.

Пантея. Взгляну, какъ ты желаешь,
Хотя къ землѣ склоняются они
Подъ тяжестью невыраженныхъ мыслей.
Что можешь ты увидѣть въ нихъ иное,
Какъ не свою прекраснѣйшую тѣнь?
Азія. Твои глаза подобны безграничнымъ,
Глубокимъ, темносинимъ небесамъ;
Ихъ обрамляютъ длинныя рѣсницы;
Я вижу въ кругѣ—кругъ, въ чертѣ—черту,
Все вмѣстѣ сплетено въ одну безмѣрность,
Далекую, неясную.
Пантея. Зачѣмъ
Ты смотришь такъ, какъ будто духъ прошелъ?
Азія. Въ твоихъ глазахъ свершилась перемѣна:
Тамъ, далеко, въ ихъ глубинѣ завѣтной,
Я вижу призракъ, образъ: это—онъ,
Украшенный плѣнительнымъ сіяньемъ
Своихъ улыбокъ, льющихъ нѣжный свѣтъ,
Какъ облачко, скрывающее мѣсяцъ.
Твой образъ, Прометей! Еще помедли!
Не говорятъ ли мнѣ твои улыбки,
Что мы съ тобой увидимся опять
Въ блистательно-роскошномъ павильонѣ,
Который будетъ выстроенъ надъ міромъ
Изъ ихъ лучей нетлѣнныхъ? Сонъ повѣданъ.
Но что за тѣнь возникла между нами?
Грубѣетъ вѣтеръ, только прикоснувшись
Къ кудрямъ суровымъ; взоръ поспѣшно-дикъ;
Но то—созданье воздуха: сквозь ткани
Одежды сѣрой искрится роса,
Не выпитая полднемъ свѣтозарнымъ.
Сонъ. Иди! Иди!
Пантея. Мой сонъ другой!
Азія. Онъ скрылся.
Пантея. Онъ шествуетъ теперь въ моей душѣ.
Казалось мнѣ, пока мы здѣсь сидѣли,
Вдругъ вспыхнули гирляндами цвѣты
На деревѣ миндальномъ, что разбито
Ударомъ грозовымъ; поспѣшный вѣтеръ,
Съ пустынь сѣдыхъ, отъ Скиѳіи, примчался,
Лицо земли избороздилъ морозомъ,

И всѣ листы сорвалъ; но каждый листъ,—
Какъ синій колокольчикъ Гіацинта
О мукахъ Аполлона повѣствуетъ *)—
Въ себѣ хранилъ слова: «Иди! Иди!»

Азія. Пока ты говоришь мнѣ, понемногу
Изъ словъ твоихъ рождаются видѣнья
И формами своими заполняютъ
Мой собственный забытый сонъ. Мнѣ снилось,
Бродили мы съ тобой среди долинъ,
Въ сѣдомъ разсвѣтѣ дня; по горнымъ склонамъ
Чуть шли стада рунообразныхъ тучъ,
Густой толпой, лѣниво повинуясь
Медлительнымъ велѣньямъ вѣтерка;
И бѣлая роса висѣла, молча,
На листьяхъ чуть пробившейся травы;
И многое... чего я не припомню.
Но вдоль пурпурныхъ склоновъ сонныхъ горъ,
На тѣневыхъ изображеньяхъ тучекъ,
Забрезжились слова: «Иди! Иди!»
Когда они, блеснувши, стали таять,
Переходя къ травѣ, на каждый листъ,
Съ себя стряхнувшій блескъ росы небесной,—
Поднялся вѣтеръ, въ соснахъ зашумѣлъ,
И музыкой звенящей онъ наполнилъ
Сквозную сѣть ихъ вѣтокъ,—и тогда,
Звуча, переливаясь, замирая,
Какъ стонъ «Прости!», исторгнутый у духовъ,
Послышалось: «Иди! Иди за мной!»
Я молвила: «Пантея, посмотри!»
Но въ глубинѣ очей, желанныхъ сердцу,
Все видѣла: «Иди за мной!»

Эхо. За мной!

Пантея. Смѣясь между собою вешнимъ утромъ,
Утесы вторятъ нашимъ голосамъ:
Подумать можно, будто ихъ устами
Вѣщаетъ духъ.

Азія. Вкругъ этихъ скалъ нависшихъ
Какое-то витаетъ существо.
Струятся звуки ясные! О, слушай!

---

*) По миѳологіи, Гіацинтъ былъ сынъ спартанскаго царя Амокла, любимъ Аполлона; будучи умерщвленъ имъ нечаянно, за это превращенъ въ цвѣтокъ.—*К.*

Отзвуки Эхо, незримые. Мы отзвуки Эхо,
Мы вѣчно бѣжимъ,
Для жизни и смѣха
Рождаться спѣшимъ,—
Дитя Океана!

Азія. Чу! межъ собою духи говорятъ.
Еще не смолкли плавные отвѣты
Воздушныхъ устъ. Сестра, ты слышишь?

Пантея. Слышу.

Отзвуки Эхо. О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной,
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!

(Болѣе отдаленно). О, слѣдуй призывамъ!
За мною, за мной!
Звуки таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ.
Вслѣдъ за ними поспѣши
Въ чащу лѣса, гдѣ въ тиши
Еле дышетъ межъ листовъ
Сладкій сонъ ночныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ не держитъ путь пчела,
Гдѣ и въ полдень вѣчно мгла,
Гдѣ въ пещерахъ лишь ручьи,
Льютъ сіянія свои,
Гдѣ нѣжнѣй твоихъ шаговъ
Нашъ воздушный странный зовъ,—
Дитя Океана!

Азія. Не слѣдовать ли намъ за роемъ звуковъ?
Они уходятъ вдаль, они слабѣютъ.

Пантея. Чу! ближе къ намъ опять плыветъ напѣвъ!

Отзвуки Эхо. Въ безвѣстномъ молчаньи
Спитъ мертвая рѣчь.
Лишь ты въ состояньи
Тотъ голосъ зажечь,—
Дитя Океана!

Азія. Отхлынулъ вѣтеръ, съ нимъ слабѣютъ звуки.

Отзвуки Эхо. О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной,
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!

Звуки таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ,
Въ глушь лѣсную, гдѣ—роса,
Гдѣ чуть видны небеса,
Гдѣ въ ущельи древнихъ горъ
Блещетъ зеркало озеръ,
Гдѣ съ уклона на уклонъ
Отъ ключей нисходитъ звонъ,
Гдѣ когда-то онъ, скорбя,
Удалился отъ тебя,
Чтобъ теперь обняться вновь,
Принести любви любовь,—
Дитя Океана!

Азія. О, милая Пантея, дай мнѣ руку,
Иди за мной, пока напѣвъ не смолкъ.

Сцена 2-я.

Лѣсъ, перемежающійся утесами и пещерами. Въ него входятъ Азія и Пантея. Два молодые Фавна сидятъ на скалѣ и слушаютъ.

1-й полух. духовъ. Прошла прекрасная чета,
И путь ея покрытъ тѣнями;
Сокрыта неба красота—
Какъ сѣть, нависшими вѣтвями;
Здѣсь кедры, сосны, вѣчный тисъ
Одной завѣсою сплелись.
Сюда ни солнце, ни луна,
Ни дождь, ни вѣтеръ не заходятъ;
Здѣсь медлитъ вѣчная весна
И росы дышущія бродятъ,
Растутъ лавровые кусты,
Глядятъ ихъ блѣдные цвѣты.
На мигъ возставши ото сна,
Здѣсь тотчасъ вянетъ анемона.
Звѣзда случайная, одна,
Сюда заглянетъ съ небосклона.
Но небо мчится, мчится прочь,
И ту звѣзду сокрыла ночь.

2-й полухоръ. Здѣсь въ часъ полудня соловьи
Поютъ о нѣгѣ сладострастья,
Сперва одинъ мечты свои
Разскажетъ въ звукахъ, полныхъ счастья,—

Всего себя изливши, вдругъ
Онъ гаснетъ, полный сладкихъ мукъ.
Тогда въ плющѣ, среди вѣтвей,
Слѣдя за звукомъ уходящимъ,
Другой рокочетъ соловей,—
И полонъ рокотомъ звенящимъ,
И полонъ жаждою чудесъ,
Внимаетъ чутко смутный лѣсъ.
И кто, войдя въ тотъ лѣсъ, молчитъ,
Онъ крыльевъ быстрый плескъ услышитъ,
И будто флейта прозвучитъ,
И онъ, волнуясь, еле дышитъ;
Его зоветъ куда-то вдаль
До боли сладкая печаль.

1-й полухоръ. Здѣсь нѣжный сонъ завороженъ,
Звеня, кружатся отголоски,
Имъ Демогоргонъ далъ законъ,
Чтобъ вѣчно пѣли переплёски;
И власть онъ далъ имъ—всѣхъ вести
На сокровенные пути.
Когда сугробы стаютъ съ горъ,—
Потокъ растетъ среди тумана,
Ладья спѣшитъ въ морской просторъ,
Въ неизмѣримость Океана;
Такъ душу, полную заботъ,
Неясный голосъ вдаль зоветъ.
И тѣхъ, кому насталъ предѣлъ,
Какъ будто вѣтеръ приподниметъ,
Отъ ихъ вседневныхъ тусклыхъ дѣлъ
Умчитъ, и звуками обниметъ;
И умъ не знаетъ, отчего
Такъ легокъ быстрый бѣгъ его.
Они спѣшатъ своимъ путемъ,
Плывутъ въ просторѣ незнакомомъ,
И звуки падаютъ дождемъ,
И гимнъ внезапно грянетъ громомъ,
И вѣтеръ мчитъ ихъ въ полумглѣ,—
Умчитъ къ таинственной скалѣ.

нъ. Не можешь ли сказать мнѣ, гдѣ живутъ
Тѣ духи, что мелодіей пѣвучей
Звенятъ въ лѣсахъ? Заходимъ мы въ пещеры,

Гдѣ мало кто бываетъ,—въ глушь лѣсовъ,—
И знаемъ эти странныя созданья,
И часто слышимъ голосъ ихъ, но встрѣтить
Не можемъ никогда,—они дичатся.
Гдѣ прячутся они?

2-й Фавнъ. Нельзя узнать.
Отъ тѣхъ, кто видѣлъ много разныхъ духовъ,
Такой разсказъ я слышалъ: чары солнца
Проходятъ съ высоты на дно затоновъ,
На илистое дно лѣсныхъ озеръ,
Тамъ блѣдныя подводныя растенья
Цвѣтутъ, и съ ихъ цвѣтовъ лучи дневные
Впиваютъ сокъ воздушныхъ пузырей;
Вотъ въ этихъ-то прозрачныхъ павильонахъ,
Въ зеленой золотистой атмосферѣ,
Что льется отъ листовъ переплетенныхъ,
Тѣ духи гармоничные живутъ;
Когда же ихъ жилища разлетятся,
И воздухъ, распаленный ихъ дыханьемъ,
Изъ этихъ замковъ свѣтлыхъ мчится къ небу,—
Они летятъ на искрахъ, гонятъ ихъ,
И внизъ полетъ блестящій направляютъ,
И вновь скользятъ огнемъ въ подводной мглѣ.

1-й Фавнъ. О, если такъ, тогда другіе духи
Живутъ иною жизнью? Въ лепесткахъ
Гвоздики, въ колокольчикахъ лазурныхъ,
Растущихъ на лугахъ? Внутри фіалокъ,
Иль въ ихъ душистой смерти, въ ароматѣ?
Иль въ капелькахъ сверкающей росы?

2-й Фавнъ. И множество еще придумать можемъ
Для нихъ жилищъ. Но если будемъ мы
Стоять и такъ болтать,—Силенъ сердитый,
Увидѣвъ, что до полдня не доили
Мы козъ его, начнетъ на насъ ворчать,
За то, что мы поемъ святые гимны
О Хаосѣ, о Богѣ, о Судьбѣ,
О Случаѣ, Любви, и о Титанѣ,
Какъ терпитъ онъ мучительную участь,
Какъ будетъ онъ освобожденъ, чтобъ сдѣлать
Единымъ братствомъ землю,—тѣ напѣвы,
Которые мы въ сумерки поемъ,

Смягчая одиночество досуга
И заставляя смолкнуть соловьевъ,
Не знающихъ, что есть на свѣтѣ зависть.

Сцена 3-я.

Вершина скалы между горъ. Азія и Пантея.

Пантея. Сюда привелъ насъ звукъ, на выси горъ,
Гдѣ царствуетъ могучій Демогоргонъ.
Встаютъ врата, подобныя жерлу
Вулкана, извергающаго искры
Падучихъ звѣздъ; на утрѣ дней, блуждая,
Здѣсь люди одинокіе впиваютъ
Дыханіе пророческихъ паровъ,
Зовутъ ихъ добродѣтелью, любовью,
Восторгомъ, правдой, геніемъ,—и пьютъ
Хмѣльной напитокъ жизни, до подонковъ,
Пока не опьянятъ себя,—и громко
Кричатъ, какъ рой вакханокъ, «Эвоэ!»—
Для міра заразителенъ тотъ голосъ.

Азія. Престолъ, достойный Власти! Что за пышность!
Земля, о, какъ прекрасна ты! И если
Ты только тѣнь прекраснѣйшаго духа,
И если запятнала язва зла
Красивое и слабое созданье,—
Я все-таки готова ницъ упасть
И передъ нимъ и предъ тобой молиться.
И даже въ этотъ мигъ моя душа
Готова обожать. О, какъ чудесно!
Взгляни, сестра, пока еще пары
Твой умъ не затуманили: подъ нами
Нѣмая ширь волнистыхъ испареній,
Какъ озеро въ какой-нибудь долинѣ
Среди индійскихъ горъ, подъ небомъ утра
Сверкающее блескомъ серебра!
Смотри, равнина этихъ испареній,
Подобная могучему приливу,
Плыветъ, и верхъ скалы, гдѣ мы стоимъ,—
Какъ островъ одинокій, посрединѣ;
А тамъ, кругомъ, какъ поясъ исполинскій,
Цвѣтущіе и темные лѣса,

Прогалины, окутанныя мглою,
Пещеры, озаренныя ключами,
И вѣтромъ зачарованныя формы
Кочующихъ и тающихъ тумановъ;
А дальше, съ горъ, вонзившихся въ лазурь,
Отъ ихъ остроконечностей воздушныхъ,
Встаетъ заря, какъ брызги свѣтлой пѣны,
Разбившейся объ островъ, гдѣ-нибудь
Въ Атлантикѣ, по вѣтру Океана
Разсыпавшей играющія блестки;
Ихъ стѣны опоясали долину;
Отъ ихъ обрывовъ, тронутыхъ тепломъ,
Ревущіе струятся водопады
И грохотомъ тяжелымъ насыщаютъ
Заслушавшійся вѣтеръ; долгій гулъ,
Возвышенный и страшный, какъ молчанье!
Снѣгъ рушится! Ты слышишь? Это—солнце
Лавину пробудило; тѣ громады,
Просѣянныя трижды горной бурей,
По хлопьямъ собирались; такъ въ умахъ,
На судъ зовущихъ небо, возникаетъ
За думой дума властная, пока
Не вырвется на волю пѣсня правды,
И долгимъ эхо вторятъ ей народы.

Пантея. Взгляни, прибой тумановъ безпокойныхъ,
Разсыпался у самыхъ нашихъ ногъ
Багряной пѣной! Ширится все выше,
Какъ волны Океана, повинуясь
Волшебной чарѣ мѣсяца.

Азія. Обрывки
Огромныхъ тучъ развѣялись кругомъ;
И вѣтеръ, что разноситъ ихъ, ворвался
Въ волну моихъ волосъ; мои глаза
Какъ будто слѣпнутъ; умъ—въ водоворотѣ;
Рядъ образовъ прозрачныхъ предо мной!

Пантея. Я вижу—вдаль зовущую улыбку!
И въ золотѣ кудрей огонь лазурный!
За тѣнью тѣнь! Они поютъ! Внимай!

Пѣснь духовъ. Внизъ, туда, гдѣ глубина,
Внизъ, внизъ!
Гдѣ у Смерти, въ царствѣ сна,

Съ Жизнью вѣчная война.
Дальше, сквозь обманъ вещей,
Бросивъ кладбище тѣней,
Гдѣ миражи обнялись,—
Внизъ, внизъ!
Неустанно звукъ спѣшитъ
Внизъ, внизъ!
Отъ собаки лань бѣжитъ;
Въ тучѣ молнія дрожитъ;
Смерть къ отчаянью ведетъ;
За любовью мука ждетъ;
Мчится все,—и ты умчись
Внизъ, внизъ!
Къ безднѣ вѣчной и сѣдой,—
Внизъ, внизъ!
Гдѣ ни солнцемъ, ни звѣздой
Не зажжется мракъ пустой,
Гдѣ всегда вездѣ — Одно,
Тѣмъ же все Однимъ полно,—
Въ эту бездну устремись,—
Внизъ, внизъ!
Въ глубь туманной глубины,—
Внизъ, внизъ!
Для тебя сохранены
Чаръ властительные сны,—
Цѣнный камень въ рудникахъ,
Голосъ грома въ облакахъ,—
Заклинанью подчинись,—
Внизъ, внизъ!
Мы тебя очаровали,
Заклинаніемъ связали,—
Внизъ, внизъ!
Съ утомленьемъ безъ печали
Сердцемъ кроткимъ не борись!
О, въ Любви такая сила,
Что ее не побѣдила
Неуступчивость Судьбы,—
И Безсмертный, Безконечный
Эту кротость къ жизни вѣчной
Пробудилъ отъ сна борьбы.

Сцена 4-я.

Пещера Демогоргона.—Азія и Пантея.

Пантея. Какая форма, скрытая покровомъ,
Сидитъ на томъ эбеновомъ престолѣ!
Азія. Покровъ упалъ.
Пантея. Я вижу мощный мракъ,
Онъ дышетъ тамъ, гдѣ—мѣсто царской власти,
И черные лучи струитъ кругомъ,—
Безформенный, для глазъ неразличимый;
Ни ясныхъ чертъ, ни образа, ни членовъ;
Но слышимъ мы, что это духъ живой.
Демогоргонъ. Спроси о томъ, что хочешь знать.
Азія. Что можешь
Ты мнѣ сказать?
Демогоргонъ. Все, что спросить посмѣешь.
Азія. Кто создалъ міръ живущій?
Демогоргонъ. Богъ.
Азія. Кто создалъ
Все, что содержитъ онъ,—порывъ страстей,
Фантазію, разсудокъ, волю, мысль?
Демогоргонъ. Богъ: Всемогущій Богъ.
Азія. Кто создалъ чувство,
Что въ меркнущихъ глазахъ рождаетъ слезы,
Свѣтлѣй, чѣмъ взоръ неплачущихъ цвѣтовъ,
Когда весенній вѣтеръ, пролетая,
Къ щекѣ прильнетъ случайнымъ поцѣлуемъ,
Иль музыкой желанной прозвучитъ
Любимый голосъ,—то нѣмое чувство,
Что цѣлый міръ въ пустыню превращаетъ,
Когда, мелькнувъ, не хочетъ вновь блеснуть?
Демогоргонъ. Богъ, полный милосердія.
Азія. Кто создалъ
Раскаянье, безумье, преступленье,
И страхъ, и все, что̀, бросивъ цѣпь вещей,
Влачась, вползаетъ въ разумъ человѣка
И тамъ надъ каждымъ помысломъ виситъ,
Идя невѣрнымъ шагомъ къ смертной ямѣ?
Кто создалъ боль обманутой надежды,
И ненависть—обратный ликъ любви;
Презрѣніе къ себѣ—питье изъ крови;

И крикъ скорбей, и стоны безпокойства,
И Адъ, иль острый ужасъ адскихъ мукъ?

Демогоргонъ. Онъ царствуетъ.

Азія. Скажи мнѣ только имя,—
Лишь имени его хотятъ страдальцы,
Проклятія его повергнутъ ницъ.

Демогоргонъ. Онъ царствуетъ.

Азія. Я вижу, знаю. Кто?

Демогоргонъ. Онъ царствуетъ.

Азія. Кто царствуетъ? Въ началѣ
Повсюду были—Небо и Земля,
Любовь и Свѣтъ; потомъ Сатурнъ явился,
Съ его престола Время снизошло,
Завистливая тѣнь. Въ его правленье
Всѣ духи первобытные земли
Спокойствіемъ и радостью дышали,
Какъ тѣ цвѣты, которыхъ не коснулся
Ни вѣтеръ изсушающій, ни зной,
Ни ядъ червей полуживыхъ; но не далъ
Онъ права имъ—рождать себѣ подобныхъ,
Ни знанія, ни власти, ни умѣнья
Повелѣвать движеньями стихій,
Ни мысли проникающей, какъ пламя,
Въ туманный міръ, ни власти надъ собою,
Ни стройнаго величія любви,
Чего имъ такъ хотѣлось. И тогда-то
Юпитеру далъ мудрость Прометей,
А мудрость—власть; и лишь съ однимъ закономъ
«Пусть вѣчно будетъ вольнымъ человѣкъ!»—
Ему все Небо сдѣлалъ онъ подвластнымъ.
Не вѣдать ни закона, ни любви,
Ни вѣры; быть всесильнымъ, не имѣя
Друзей,—то значитъ царствовать; и вотъ
Юпитеръ царствовалъ; угрюмымъ роемъ
На родъ людской съ небесъ низверглись бѣды;
Свирѣпый голодъ, темный рядъ заботъ,
Несчастія, болѣзни и раздоры,
И страшный призракъ смерти, неизвѣстный
Дотолѣ никому; попеременно
То зной, то холодъ, сонмомъ стрѣлъ своихъ,
Въ безвременное время безпріютныхъ

Погналъ къ пещерамъ горнымъ; тамъ себѣ
Нашли бѣглогу блѣдные народы;
И въ ихъ сердца пустынныя послалъ онъ
Кипящія потребности, безумство
Тревоги жгучей, мнимыхъ благъ миражъ,
Поднявшій смуту войнъ междоусобныхъ
И сдѣлавшій пріютъ людей — вертепомъ.
Увидѣвъ эти бѣды, Прометей
Своимъ призывомъ ласковымъ разсѣялъ
Дремоту легіоновъ упованій,
Чье ложе—элизійскіе цвѣты,
Нетлѣнный Амарантъ, Нипенсисъ, Моли,
Чтобъ эти пробужденныя надежды,
Прозрачностью небесно-нѣжныхъ крылъ,
Какъ радугой, закрыли призракъ Смерти,
Послалъ Любовь связать единой сѣтью
Сердца людей,—побѣги винограда,
Дающаго напитокъ бытія,
Смирилъ огонь,—и пламя, точно звѣрь,
Хоть хищный, но ручной, рѣзвиться стало
Отъ одного движенья глазъ людскихъ;
И золото съ желѣзомъ, знаки власти,
Ея рабы, сокрытые въ землѣ,
Покорны стали волѣ человѣка,—
И цѣнные каменья, и яды,
И сущности тончайшія, что скрыты
Въ водѣ и въ нѣдрахъ горъ; онъ человѣку
Далъ слово, а изъ слова мысль родилась,
Что служитъ измѣреніемъ вселенной;
И Знаніе, упорный врагъ преградъ,
Поколебало мощные оплоты
Земли и Неба; стройный умъ излился
Въ пророческихъ напѣвахъ; духъ того,
Кто слушалъ вздохи звуковъ гармоничныхъ,
Возвысился, пока не сталъ блуждать
По свѣтлой зыби музыки, изъятый
Изъ тьмы заботъ, изъ смертнаго удѣла,
Какъ богъ; и стали руки человѣка
Ваянія изъ камня создавать,
Сначала зримымъ формамъ подражая,
Потомъ превосходя ихъ такъ высоко,

Что мраморъ сталъ печатью божества;
Ключей и травъ сокрытую цѣлебность
Истолковалъ,—Недугъ вкусилъ и спалъ;
И смерть, какъ сонъ, являться людямъ стала;
Онъ изъяснилъ запутанность орбитъ,
Разоблачилъ пути свѣтилъ небесныхъ,
И все сказалъ онъ—какъ мѣняетъ солнце
Прибѣжище свое въ скитаньяхъ вѣчныхъ,
Какая власть чаруетъ блѣдный мѣсяцъ,
Когда его мечтательное око
Не смотритъ надъ подлунныя моря;
Онъ научилъ людей, какъ нужно править
Крылатой колесницей Океана,
И Кельтъ узналъ Индійца. Въ эти дни
Воздвиглись города; чрезъ ихъ колонны,
Сверкающія снѣжной бѣлизной,
Повѣяли ласкающіе вѣтры,
Съ высотъ на нихъ глядѣлъ эѳиръ лазурный,
Вдали виднѣлось море голубое,
Тѣнистые холмы. Такія были
Дарованы услады Прометеемъ,
Чтобъ человѣкъ имѣлъ иной удѣлъ;
И вотъ за это онъ виситъ и терпитъ
Назначенныя пытки. Кто же въ мірѣ
Является владыкой темныхъ золъ,
Чумы неизлѣчимой, той отравы,
Которая, лишь стоитъ человѣку
Великое создать и поглядѣть
Съ божественнымъ восторгомъ на созданье,
Спѣшитъ скорѣй клеймомъ его отмѣтить,
И дѣлаетъ скитальцемъ, отщепенцемъ,
Отверженнымъ посмѣшищемъ земли?
Юпитеръ? Нѣтъ: когда, отъ гнѣва хмурясь,
Онъ небо сотрясалъ, когда противникъ
Его въ своихъ цѣпяхъ алмазныхъ проклялъ,
Онъ весь дрожалъ, какъ рабъ. Молю, открой же,
Кто господинъ его? И чей онъ рабъ?

Органонъ. Всѣ духи,—если служатъ злу,—рабы.
Таковъ иль нѣтъ Юпитеръ,—можешь видѣть.

[illegible]я. Скажи, кого ты Богомъ называешь?

[illegible]гонъ. Я говорю, какъ вы. Юпитеръ—высшій

Изъ всѣхъ существъ, которыя живутъ.

Азія. Кому подвластенъ рабъ?

Демогоргонъ. Возможно ль безднѣ
Извергнуть сокровенность изъ себя!
Нѣтъ образа у истины глубокой,
Нѣтъ голоса, чтобъ высказать ее.
И будетъ ли тебѣ какая польза,
Когда передъ тобой весь міръ открою
Съ его круговращеніемъ? Заставлю
Бесѣдовать Судьбу, Удачу, Случай,
Измѣнчивость и Время? Имъ подвластно
Все, кромѣ нескончаемой Любви.

Азія. Такъ много вопрошала я,—и въ сердцѣ
Всегда отвѣтъ такой же находила,
Какъ ты давалъ; для этихъ истинъ каждый
Въ себѣ самомъ найти оракулъ долженъ.
Еще одно спрошу я, и отвѣть,
Какъ мнѣ моя душа отвѣтъ дала бы,
Когда бы знала то, о чемъ прошу я.
Въ урочный часъ возстанетъ Прометей
И будетъ солнцемъ въ мірѣ возрожденномъ.
Когда же этотъ часъ придетъ?

Демогоргонъ. Смотри!

Азія. Раздвинулся утесъ, въ багряной ночи
Я вижу—быстро мчатся колесницы,
На радужныхъ крылахъ несутся кони
И топчутъ мракъ вѣтровъ; ихъ гонятъ вдаль
Возницы съ удивленными глазами,
Съ безумнымъ взоромъ; кто глядитъ назадъ,
Какъ будто врагъ за нимъ заклятый мчится,
Но сзади только—лики яркихъ звѣздъ;
Другіе, съ лучезарными очами,
Впередъ перегибаются—и жадно
Впиваютъ вѣтеръ скорости своей,
Какъ будто тѣнь, что такъ для нихъ желанна,
Предъ ними—тутъ—несется—и они
Ее сейчасъ обнимутъ—обнимаютъ;
Ихъ локоны блестящіе струятся,
Какъ вспыхнувшіе волосы кометы;
И всѣ, легко скользя, стремятся дальше,
Все дальше.

Демогоргонъ. То безсмертные Часы,
О нихъ ты вопрошала за минуту.
Одинъ съ тобою хочетъ говорить.
Азія. Съ лицомъ ужаснымъ, духъ одинъ замедлилъ
Полетъ поспѣшный черной колесницы
Надъ бездною разорванныхъ утесовъ.
Ты, страшный, ты, на братьевъ не похожій,
Скажи мнѣ, кто ты? Дай мнѣ знать, куда
Меня умчишь?
Духъ. Я тѣнь предназначенья,
Страшнѣйшаго, чѣмъ этотъ видъ ужасный.
И не зайдетъ еще вонъ та планета,
Какъ черный мракъ, со мною восходящій,
Неумолимой ночью обойметъ
Небесный тронъ, царя небесъ лишенный.
Азія. Что хочешь ты сказать?
Пантея. Тотъ страшный призракъ
Сплываетъ вверхъ съ престола своего,
Какъ всплылъ бы надъ пучиною морскою
Зловѣще-синій дымъ землетрясенья,
Дыханіе погибшихъ городовъ.
Смотри: на колесницу онъ восходитъ.
Объяты страхомъ, кони понеслись.
Смотри, какъ путь его межъ звѣздъ небесныхъ
Чернѣетъ въ черной ночи!
Азія. То—отвѣтъ.
Не странно ли!
Пантея. Взгляни: у края бездны
Другая колесница; въ перламутрѣ
Играетъ алый пламень, измѣняясь
По краю этой раковины нѣжной,
Какъ кружево сквозное; юный духъ,
Сидящій въ ней, глядитъ, какъ духъ надежды;
Улыбка голубиныхъ глазъ его
Притягиваетъ душу; такъ во мракѣ
Лампада манитъ бабочекъ ночныхъ.
Духъ. Поспѣшностью молній лучистыхъ
Поилъ я проворныхъ коней,
Съ зарею, межъ тучъ золотистыхъ,
Ихъ выкупалъ въ морѣ огней.
Быстрота! Что сравняется съ ней!

Улетимъ же, о, дочь Океана!
Я жажду: и полночь блистаетъ;
Боюсь: отъ Тифона уйдемъ;
И съ Атласа туча не стаетъ,
Какъ землю съ луной обогнемъ.
Отъ скитаній мы въ полдень вздохнемъ.
Улетимъ же, о, дочь Океана!

Сцена 5-я.

Колесница останавливается въ облакѣ на вершинѣ горы. Азія, Пантея и Духъ Часа.

Духъ. Гдѣ разсвѣтъ и ночная прохлада,
Тамъ былъ отдыхъ всегда для коня.
Но Земля прошептала, что надо
Гнать коней съ быстротою огня,—
Пусть дыханіе пьютъ у меня!

Азія. Ты дышешь въ ноздри имъ, но я могла бы,
Вздохнувъ, придать имъ больше быстроты.

Духъ. Увы! нельзя.

Пантея. Скажи, о, духъ, откуда
Свѣтъ въ облакѣ? Вѣдь солнце не взошло!

Духъ. Оно взойдетъ сегодня только въ полдень.
На небѣ Аполлонъ удержанъ чудомъ,
И этотъ свѣтъ, подобный легкой краскѣ
Въ водѣ—отъ розъ, глядящихся въ фонтанъ,
Исходитъ отъ твоей Сестры могучей.

Пантея. Да, чувствую, что...

Азія. Что съ тобой, сестра?
Блѣднѣешь ты.

Пантея. О, какъ ты измѣнилась!
Не смѣю на тебя взглянуть. Не вижу,
Лишь чувствуя тебя. Почти не въ силахъ
Переносить сіянье красоты.
Я думаю, въ стихіяхъ совершилась
Благая перемѣна, если могутъ
Они терпѣть присутствіе твое,
Не скрытое покровомъ. Нереиды
Разсказывали мнѣ, что въ день, когда
Раздвинулась прозрачность океана,
И ты стояла въ раковинѣ свѣтлой,

По глади водъ хрустальныхъ уплывая,
Межъ острововъ Эгейскихъ, къ берегамъ,
Что носятъ имя Азіи,—любовью,
Внезапно засверкавшей отъ тебя,
Наполнился весь міръ, какъ свѣтомъ солнца,—
И небо, и земля, и океанъ,
И темныя пещеры,—до тѣхъ поръ,
Пока печаль—въ душѣ, откуда встала,—
Не создала затменія; теперь
Не я одна, твоя сестра, подруга,
Избранница,—а цѣлый міръ со мной
Въ тебѣ найти сочувствіе хотѣлъ бы.
Ты слышишь звуки въ воздухѣ: они
Вѣщаютъ о любви всего, что дышитъ.
Ты чувствуешь, что даже мертвый вѣтеръ
Къ тебѣ любовью страстной дышитъ. Чу!

(*Музыка.*)

Азія. Твои слова—какъ эхо словъ его;
По нѣжности однимъ лишь имъ уступятъ.
Но всякая любовь нѣжна,—и та,
Что ты даешь, и та, что получаешь;
Любовь—для всѣхъ, какъ свѣтъ; и никогда
Ея знакомый голосъ не наскучитъ.
Какъ даль небесъ, какъ все хранящій воздухъ,
Она червя равняетъ съ божествомъ.
И кто внушитъ любовь, тотъ сладко счастливъ,
Какъ я теперь; но кто полюбитъ самъ,
Насколько онъ счастливѣй, послѣ скорби,
Какъ скоро буду я.

Пантея. О, слушай! Духи!

Голосъ въ воздухѣ, поющій. Жизни Жизнь! Любовью дышитъ
Воздухъ между губъ твоихъ;
Счастливъ тотъ, кто смѣхъ твой слышитъ,
Спрячь его въ глазахъ своихъ;
Кто туда свой взглядъ уронитъ,
Въ лабиринтѣ ихъ потонетъ.
Чадо Свѣта! Твой покровъ
Свѣтлыхъ членовъ не скрываетъ;
Такъ завѣсу облаковъ
Блескъ разсвѣта разрываетъ;
И куда бы ты ни шла,

Вкругъ тебя растаетъ мгла.
Красота твоя незрима,
Только голосъ внятенъ всѣмъ,
Ты для сердца ощутима,
Но невидима никѣмъ,
Души всѣхъ съ тобой, какъ звенья,—
Я, погибшее видѣнье.
Свѣтъ Земли! Вездѣ, гдѣ ты,
Тѣни, въ блескѣ, бродятъ стройно,
Въ ореолѣ красоты
По вѣтрамъ идутъ спокойно,
И погибнутъ—не скорбя,
Ярко чувствуя тебя.

Азія. Моя душа—какъ лебедь сонный,
И какъ челнокъ завороженный,
Скользитъ въ волнахъ серебрянаго пѣнья.
А ты, какъ ангелъ бѣлоснѣжный,
Ладью влечешь рукою нѣжной,
И вѣтры чуть звенятъ, ища забвенья.
Тотъ звукъ впередъ ее зоветъ,
И вотъ душа моя плыветъ
Въ рѣкѣ, среди излучинъ длинныхъ
Средь горъ, лѣсовъ, средь новыхъ водъ,
Среди какихъ-то мѣстъ пустынныхъ.
И мнѣ ужъ снится Океанъ,
И я плыву, за мной—туманъ,
И сквозь волненье,
Сквозь упоенье,
Все ярче ширится немолкнущее пѣнье,
И я кружусь въ звенящей мглѣ забвенья.
Все выше мчимся мы, туда,
Гдѣ свѣтъ гармоніи всегда,
Гдѣ небеса всегда прекрасны.
И нѣтъ теченій, нѣтъ пути,
Но намъ легко свой путь найти,
Мы чувству музыки подвластны.
И мы спѣшимъ. Отъ лучшихъ сновъ,
Отъ Элизійскихъ острововъ,
Ты мчишь ладью моихъ желаній,
Въ иныя сферы бытія,—
Туда, гдѣ смертная ладья

Еще не вѣдала скитаній,—
Въ тотъ свѣтлый край, гдѣ все любовь,
Гдѣ чище волны, вѣтры тише,
Гдѣ землю, узрѣнную вновь,
Соединимъ мы съ тѣмъ, что всѣхъ предчувствій выше.
Покинувъ Старости пріютъ,
Гдѣ льды свой блескъ холодный льютъ,
Мы Возмужалость миновали,
И Юность, ровный океанъ,
Гдѣ все—улыбка, все—обманъ,
И Дѣтство, чуждое печали.
Сквозь Смерть и Жизнь—къ иному дню,
Къ небесно-чистому огню,—
Чтобъ вѣчно дали голубѣли!
Въ Эдемъ уютной красоты,
Гдѣ внизъ глядящіе цвѣты
Струятъ сіянье въ колыбели,—
Гдѣ миръ, гдѣ мѣста нѣтъ борьбѣ,
Гдѣ жизнь не будетъ сномъ докучнымъ,
Гдѣ тѣни, близкія тебѣ,
Блуждаютъ по морямъ, съ напѣвомъ сладкозвучнымъ!

К. Бальмонтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ*).

VII.

Маржецкій чувствовалъ какую-то особую душевную неловкость. То незначительное по внѣшнему проявленію, но значительное по внутреннему смыслу, что̀ произошло между нимъ и Натальей Сергѣевной, мучило его. Къ чему еще это осложненіе въ его жизни, которое можетъ повліять на его службу?

Онъ былъ смущенъ; онъ не привыкъ хитрить и двуличничать съ женщинами и даже ставилъ себѣ это какъ бы въ особую заслугу; онъ считалъ унизительнымъ поддѣлываться подъ ихъ чувства, если самъ не могъ отвѣчать имъ такимъ же чувствомъ; всегда онъ предпочиталъ немедленный и полный разрывъ длящемуся недоразумѣнію и «туманной канители». Но здѣсь не можетъ быть рѣчи о разрывѣ: Наталья Сергѣевна — госпожа начальница, по злобному опредѣленію Лизы, и съ ней разрывъ былъ бы синонимомъ лишенія службы.

И затѣмъ эта Лиза,—эта славная дѣвушка,—какъ ее неизмѣнно называетъ Титовъ. Какое у ней доброе сердце! Несмотря на всю ея необузданность и злой языкъ, какъ она тепло относится къ людямъ!

И онъ чувствовалъ, какъ что-то нѣжное зараждается въ глубинѣ его души по отношенію къ этой дѣвушкѣ. Это чувство,—да, это «что-то», несомнѣнно, чувство—закралось туда какъ-то незамѣтно, тайкомъ, укрѣпилось тамъ и теперь съ каждымъ днемъ и съ каждымъ новымъ свиданіемъ растетъ въ немъ съ ужасающею быстротой.

Къ чему это? Онъ радъ бы былъ, еслибъ этого не было. Въ любви ему не везетъ. Никогда онъ до сихъ поръ не могъ полюбить

*) *Русская Мысль*, кн. II, 97 г.

барышню общества, на бракъ съ которой его охотно благословилъ бы отецъ; напротивъ, всѣ его увлеченія безусловно не одобрялись отцомъ и поселяли между ними раздоръ и недоразумѣнія. Связь съ Марусей, которая ему самому казалась самой серьезной и окончательной въ его жизни, увеличила до необыкновенныхъ размѣровъ пропасть давно образовавшуюся между нимъ и суровымъ отцомъ. Но это все бы еще ничего, еслибъ связь эта, дѣйствительно, была крѣпка и нравственно поддерживала бы его.

Но что-то мѣшало укрѣпиться этой связи, какое-то двойственное чувство закралось въ нее: то онъ любилъ Марусю до душевной боли, видя, какъ она болѣетъ и таетъ, и чуть ли не основаніемъ этой любви была жалость къ человѣку, съ которымъ сжился; то онъ принимался ее жестоко ненавидѣть, какъ это было вчера на чтеніи. И эта двойственность, эта шаткость чувства не только не уменьшалась съ его водвореніемъ въ провинціи, а только съ каждымъ днемъ увеличивалась.

Тамъ, въ Петербургѣ, у него былъ свой кружокъ, свои связи. У Маруси были ея подруги, у него товарищи и холостые знакомые; никому тамъ не было никакого дѣла до того, какъ они живутъ и какъ другъ другу приходятся. Здѣсь разница въ ихъ взаимномъ положеніи круто и рѣзко обозначалась: онъ принятъ вездѣ, она— осуждена проводить дни въ одиночествѣ. И страннымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы почувствовать себя ближе къ ней, это обстоятельство послужило лишь къ тому, что отчужденіе выросло...

Онъ не любилъ задумываться надъ этими вопросами и всегда, когда они наплывали на него, старался, по малодушію, отгонять ихъ отъ себя, откладывать на неопредѣленное время, утѣшать себя тѣмъ, что будетъ еще время объ этомъ подумать.

Такъ и теперь. Онъ ни слова больше не сказалъ Марусѣ по поводу ея посѣщенія чтеній. И она тоже ничего не говорила. Между ними состоялось какъ бы молчаливое соглашеніе. И вообще у него не было человѣка, съ которымъ бы онъ могъ поговорить по душѣ. Къ Титову онъ чувствовалъ нѣкоторую симпатію и даже близость, но не такую, которая бы позволила ему интимности личнаго свойства. И Титова онъ слегка побаивался. Онъ смутно чувствовалъ въ немъ открытую, смѣлую душу, цѣльный характеръ, неспособный на двойственность и компромиссы, отрицающій всякіе извороты. Ему даже казалось, что Титовъ не одобряетъ его поведенія по отношенію къ Марусѣ, и, если до сихъ поръ ничего не говоритъ съ нимъ объ этомъ, то только потому, что ему не позволяетъ этого природная деликатность, и потому, быть можетъ, что не приспѣло

время. Вчера Титовъ замѣтилъ слезы на глазахъ Маруси и мелькомъ взглянулъ на него такимъ взглядомъ, отъ котораго ему сдѣлалось жутко.

Но онъ и эти мысли постарался отогнать отъ себя и въ сотый разъ вспомнилъ о Лизѣ; сердце его трепетно забилось, и онъ въ первый разъ долженъ былъ отчетливо сознаться себѣ, что онъ увлеченъ ею.

Какъ кстати эта командировка! Сегодня онъ увидитъ Лизу въ городскомъ саду, въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ, а тамъ цѣлый мѣсяцъ новыхъ впечатлѣній, переѣздовъ, встрѣчъ... Можно будетъ наединѣ разобраться, все привести въ ясность, къ душевному равновѣсію.

И онъ съ этими мыслями отправился въ садъ.

Вечеръ былъ душный, собиралась гроза, пролился сильный, но короткій ливень. Гроза прошла стороною, освѣживъ душный воздухъ. Упали послѣднія крупныя капли дождя; отдаленные раскаты грома понемногу замолкли, далекая молнія какъ зарница изрѣдка блистала и освѣщала голубымъ пламенемъ просвѣтлѣвшее небо, на которомъ появились звѣзды. Ночь, чудная, благоуханная ночь, быстро надвигалась.

Маржецкій шелъ по широкой аллеѣ сада, подъ густою сѣнью густолиственныхъ платановъ, которые образовывали своими вѣтвями надъ нею шатеръ. Въ глубинѣ сада, въ такъ называемомъ «Павильонѣ»,—обширномъ зданіи, выстроенномъ въ легкомъ стилѣ швейцарскаго шалэ,—свѣтились голубые огни электрическихъ фонарей, и, полузаглушенные разстояніемъ, доносились оттуда мелодичные звуки вальса изъ «Спящей красавицы».

Эти давно знакомые звуки, когда-то имъ нѣжно любимые, взволновали Маржецкаго; они перенесли его въ далекій теперь, туманный Петербургъ. Онъ вспомнилъ обширную блестящую голубую залу Маріинскаго театра и этотъ очаровательный балетъ, полный поэтической прелести съ ея чарующей, волшебной музыкой. Какъ на яву увидѣлъ онъ и Марусю Кошеву въ костюмѣ «Златокудрой красавицы» въ парѣ съ «Принцемъ Авенаномъ» въ шествіи волшебныхъ сказокъ. Какъ она была тогда эффектна, красива, мила!... Потомъ онъ познакомился съ ней у одного своего товарища, только что кончившаго курсъ привилегированнаго учебнаго заведенія, но сошедшагося съ одной «балетной», будучи еще въ специальномъ классѣ. У нихъ собиралась молодежь и танцовщицы, потому что они устроились въ прехорошенькой квартиркѣ marié-lement и жили уже давно вмѣстѣ; кажется, даже передъ отъѣздо

Маржецкаго на Кавказъ шла рѣчь о «закрѣпленіи союза» бракомъ; но исполнилось ли это, онъ въ точности не зналъ, потому что до сихъ поръ еще никто ему изъ Петербурга не писалъ.

Потомъ пошли неизбѣжныя ожиданія: у кассы—вечеромъ, по окончаніи балета, и днемъ—у воротъ училища, по окончаніи репетицій. Знакомство повело къ ухаживанью, ухаживанье къ увлеченію, а тамъ все сдѣлалось какъ-то само собой. Катанья на тройкахъ—излюбленное развлеченіе корифеекъ, шоколадъ отъ Крафта, покупка балетныхъ туфель у Пантелеева и парфюмерныхъ принадлежностей у Парикова, цвѣты, спектакли, споры и непріятности изъ-за «мѣстъ» въ новыхъ балетахъ, штрафы и выговоры режиссеровъ и балетмейстеровъ, балетный жаргонъ, балетныя новости, балетныя «исторіи»—все это вихремъ пронеслось въ его головѣ.

Сначала онъ совершенно не зналъ «балетныхъ». Онъ представлялъ себѣ ихъ въ совсѣмъ другомъ освѣщеніи; но потомъ, оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что сильно ошибался. Балетный міръ—замкнутый міръ и неохотно допускаетъ въ свою среду непосвѣщенныхъ; у него свои традиціи, свои взгляды на жизнь и на вещи, своя особая терминологія. Въ немъ много своеобразныхъ странностей, но онъ совсѣмъ не то, что принято о немъ думать въ обществѣ. Балетныхъ мужей и «вице-мужей» никто никогда не знаетъ по фамиліямъ, а всегда называютъ мужъ такой-то; и его скоро стали называть—«мужъ Маруси Кошевой». Марусю Кошеву очень любили въ балетѣ, хотя она отличалась задорнымъ нравомъ и была отчаянная «спорюшка». Но она была хорошимъ товарищемъ и вышла изъ училища съ старыми еще традиціями «временъ Петра Александровича». При «Петрѣ Александровичѣ» училище было поставлено на прекрасную ногу, и воспитанницы не выходили такими «балбесками», какъ зачастую стали выпускать теперь.

Въ Марусѣ онъ нашелъ слѣды кое-какого образованія, хорошую внѣшнюю выдержку и огромную начитанность. Она превосходно знала анекдотическую и внѣшнюю исторію всѣхъ временъ и народовъ, и это знаніе почерпнуто было ею изъ историческихъ рома-[illegible]. Это было не много, конечно, но при ея воспріимчивости и [illegible] самообразованія и это уже было хорошо.

[illegible]вотъ Маруся стала какъ-то вдругъ хирѣть и чахнуть; серь[illegible] и упорная болѣзнь завладѣла ею и цѣпко держала ее въ своих суровыхъ когтяхъ. Однажды, послѣ репетиціи новаго балета, у нея назначено было мѣсто въ «снѣжкахъ», а потомъ въ «ле[illegible]хъ», ее прохватило вѣтромъ, и она занемогла уже сильно.

Вылежала три недѣли въ кровати и встала такою, какою пріѣхала на Кавказъ. Она страшно исхудала, и даже знаменитыя въ балетѣ «ножки Маруси Кошевой» превратились въ «макароны».

Ее нужно было увезти во что бы то ни стало изъ Петербурга, и вотъ онъ увезъ ее. Хорошо еще, что дирекція дала годовой отпускъ и содержаніе.

Маржецкому очень не хотѣлось, чтобы эти воспоминанія овладѣли имъ именно теперь, когда онъ меньше всего расположенъ былъ думать о Марусѣ. Образъ «Лизы конца вѣка» привлекалъ его теперь къ себѣ своей новизной, оригинальностью и красотой. И онъ, по давно усвоенной привычкѣ, сталъ гнать отъ себя эти назойливыя воспоминанія и во что бы то ни стало хотѣлъ отдѣлаться отъ нихъ.

Конечно, ему удалось это.

Когда онъ подходилъ къ обрыву городскаго сада, на днѣ котораго грозно ревѣла горная рѣка, Маруся съ ея болѣзненнымъ блѣднымъ личикомъ была уже далеко.

Внизу плескалась и бурлила вода, перескакивая съ камня на камень; вдали, за чернымъ силуэтомъ моста, по которому онъ ѣхалъ когда-то на пикникъ въ «Урочище», рисовались черно-синія громады горъ, покрытыя на верхушкахъ серебряной ризой вѣчныхъ снѣговъ. На противоположномъ берегу мигали жалкіе, желтенькіе огоньки слободки, а въ верху, на траурномъ плащѣ неба, горѣли крупныя, яркія звѣзды. Изъ сада шелъ густой, удушливый, сладкій ароматъ бѣлой акаціи и еще какихъ-то цвѣтовъ и слабый, чуть ощутимый, вѣтерокъ доносилъ до слуха Маржецкаго «Очаровательную ночь»—мандолинату Судесси, которую игралъ теперь городской оркестръ.

Маржецкій опустился на скамейку, стоявшую у самаго края обрыва, и нѣсколько камешковъ скатилось въ бездну.

Лизы здѣсь не было, хотя онъ зналъ, именно здѣсь было ея излюбленное мѣстечко. Онъ и не ждалъ ее встрѣтить здѣсь, сейчасъ. Его неудержимо повлекло сюда, ему хотѣлось остаться одному и помечтать.

Онъ любилъ природу и въ глубинѣ души считалъ себя н множко поэтомъ. Онъ думалъ, что и къ Лизѣ влечетъ его поэтич ское чувство.

— Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ влечетъ меня н вѣдомая сила!— услыхалъ онъ позади себя и радостно обернулс

— Лизавета Степановна! — окликнулъ онъ ее и вдругъ ем захотѣлось отвѣтить ей въ тонъ стихами Пушкина: «Ты-ль нав

нецъ? Тебя ли вижу я, одну со мной подъ сѣнью тихой ночи? Какъ медленно катился скучный день! Какъ медленно заря вечерня гасла! Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ»!...

Она засмѣялась тихо, сдержанно, какъ будто тишина ночи подавляла ее.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы сидите здѣсь?—спросила она его.—Здѣсь мое мѣсто.

— Я это зналъ, — вдругъ набравшись смѣлости заговорилъ онъ, стараясь придать своему голосу особый оттѣнокъ, — и мнѣ именно хотѣлось передъ отъѣздомъ повидать васъ еще разъ.

— Зачѣмъ?—рѣзко спросила она его.

Онъ смутился немного и отъ неожиданности вопроса, и отъ самаго тона его.

Потомъ, оправившись, онъ отвѣтилъ ей.

— Да просто потому, что мнѣ доставляетъ удовольствіе видѣть васъ и говорить съ вами.

Она ничего ему не отвѣтила, сѣла рядомъ съ нимъ на скамейку и—какъ ему показалось—нервнымъ движеніемъ стала сбрасывать камешки въ пропасть.

Соломенная шляпа съ большими полями скрывала отъ него ея лицо, бросая на него широкую тѣнь.

Вдругъ она подняла голову, посмотрѣла ему прямо въ глаза и спросила:

— Скажите, вы очень любите вашу Марусю?

Этотъ вопросъ засталъ его врасплохъ. Онъ не зналъ, какъ ей на него отвѣтить.

— Къ чему вы это спрашиваете?—сказалъ онъ.

— Не хитрите и не лицемѣрьте, отвѣчайте прямо и откровенно.

— Да, люблю...—нерѣшительно и безъ увлеченія отвѣтилъ онъ наконецъ.

Она засмѣялась.

— Ну не очень-то, сказала она.—Вы говорите такимъ тономъ. Но—qui n'aime pas trop, n'aime pas assez.

— Оставимъ этотъ разговоръ, если вамъ все равно,—нахмуро проговорилъ Маржецкій.

— Почему же? Этотъ разговоръ меня очень интересуетъ, какъ ще интересуетъ и самое слово любовь. Вы, напримѣръ, молопетербургскій человѣкъ съ поэтическою душой,—вы какъ ее имаете — любовь? Только скажите просто, безъ фразъ, безъ ковъ.

Онъ немедленно, не задумываясь, ей отвѣтилъ:

— Любовь—это реализованная поэтическая грёза.

— Ну, такъ и есть...—зажмурившись сказала она,—лучшаго я отъ васъ и не ожидала.—Трескучая фраза—и только. Конечно, фразой удобнѣе всего избавиться онъ необходимости подумать.

— Такъ скажите вы, какъ вы ее понимаете—любовь, если моя «фраза» васъ не удовлетворяетъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что я не могу отвѣтить на этотъ вопросъ,—вдумчиво и серьезно проговорила она, какъ бы отвѣчая не ему, а своимъ мыслямъ.—Еслибъ этотъ вопросъ былъ для меня рѣшеннымъ вопросомъ, я бы не стала спрашивать вашего рѣшенія. Я много разъ слышала всякія опредѣленія любви, но ни одно, рѣшительно ни одно меня не удовлетворяло. И...—она чуть-чуть запнулась,—еслибъ этотъ вопросъ былъ бы для меня рѣшеннымъ вопросомъ, мнѣ легче стало бы жить,—выговорила она съ такою серьезностью, что Маржецкому стало жутко.

— Вы все еще не можете забыть вашей первой любви?—рискнулъ онъ ее спросить твердымъ голосомъ.

Онъ почувствовалъ, какъ она вздрогнула.

— Кто вамъ сказалъ?—спросила она глухимъ голосомъ и потомъ засмѣялась.—Я, вѣдь, и забыла, что мы въ провинціи, гдѣ каждому есть дѣло до внутренней, личной жизни своего ближняго. Этотъ «скандалъ»,—продолжала она съ удареніемъ на словѣ «скандалъ»,—надѣлалъ въ свое время много шуму въ городѣ, въ нашемъ муравейникѣ, и смутилъ много благочестивыхъ сердецъ. Имъ много занимались одно время... и еслибъ не благосклонное и высокое покровительство нашей губернаторши... мнѣ плохо пришлось бы,—выговорила она съ насмѣшкой.—И мнѣ конечно пришлось бы смириться и, склонивъ свою побѣдную голову передъ мнѣніемъ свѣта, совершенно стушеваться. Но смиреніе мнѣ никогда не давалось, да оно и вообще не такъ легко дается человѣку какъ мужество. А между тѣмъ я не сдѣлала ровно никакого преступленія, ровно ничего такого, за что слѣдовало бы побить меня каменьями. И право тѣ, которые въ фарисейскомъ негодованіи готовы были побить меня каменьями... а впрочемъ, Богъ съ ними, надоѣли! Я просто любила. Любила открыто, мужественно, до забвенія себя до готовности на всякія жертвы... словомъ, такъ, какъ не полагается любить «барышнѣ». Я знала, на что я иду, и знала, чѣм рискую. Но у насъ не допускаютъ такой любви и оправдываютъ лишь любовь, которая можетъ кончиться бракомъ. Это и приличн и желательно... А, да ну ихъ!...—закончила она, тряхнувъ гол

вой и нервно, озлобленно сбросивъ кончикомъ зонтика нѣсколько камешковъ въ бездну.

Наступило продолжительное молчаніе.

Чтобы какъ-нибудь вывести ее изъ строя печальныхъ мыслей, которыя овладѣли ею, Маржецкій заговорилъ съ нею о природѣ.

— Смотрите, — сказалъ онъ, указывая ей на далекіе огни предмѣстья, — какъ красива кавказская ночь... эти огоньки на днѣ оврага и эти могучіе великаны горъ съ ихъ шапками серебрянаго снѣга... Здѣсь, все-таки, легко жить; среди этой величавой и красивой природы человѣкъ съ его горестями и страданіями кажется такимъ маленькимъ, и эти самыя горести и страданія — такими мелочными и ничтожными, что о нихъ можно забыть... По даже если ихъ и нельзя забыть, то все-таки можно, хотя на время забыться, отъ прозы жизни.

— Скажите, вы не кончили академіи генеральнаго штаба? — насмѣшливо спросила она его.

— Почему это? — рѣзко отвѣтилъ Маржецкій.

— Ахъ, вы говорите какъ академикъ.

— Какъ *вашъ* академикъ? — кольнулъ онъ ее. — Но, мнѣ кажется, не нужно кончать академіи, чтобы чувствовать красоту природы, или, просто-на-просто, обладать чуткимъ, поэтическимъ сердцемъ.

— Охъ, ужъ эти мнѣ поэтическія сердца! — все такъ же насмѣшливо отвѣтила Лиза.

— Вы повидимому противъ поэзіи? — въ томъ же тонѣ сказалъ ей Маржецкій.

— Знаете что? — проговорила она, повернувшись всѣмъ своимъ корпусомъ къ нему. — Пора, наконецъ, отдать должное поэтамъ и поэтическимъ сердцамъ. Хотите знать вы «истины два слова о поэтическихъ сердцахъ?»

— Конечно.

— По-моему, «сердце поэта» очень неустойчиво, — серьезно заговорила она, — и требуетъ возобновленія впечатлѣній; уже поэтому самому оно не знаетъ прочной привязанности, привычки. Скажите же сами, гдѣ нѣтъ привязанности, привычки, можетъ ли тамъ быть теплое чувство? Нельзя любить того, что мимолетно, преходяще, что должно быть замѣнено новымъ... Вы согласны со мной?

— Пожалуй, — нерѣшительно отвѣтилъ онъ.

— Вотъ и сердце поэта, что струна арфы: сильно звучитъ, звукъ ея коротокъ и суховатъ... Аккордъ не такъ, вѣдь, кра-

сивъ, какъ арпеджіо, я хочу сказать, что быстрая смѣна звуковъ красивѣе, чѣмъ полный составной звукъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Что рядъ впечатлѣній непремѣнно будетъ красивъ у поэта, но полнаго, глубокаго жизненнаго аккорда онъ никогда не дастъ,— для этого онъ слишкомъ поклонникъ красоты, а поклонники красоты слишкомъ холодны и эгоистичны... А человѣческое горе, въ большинствѣ случаевъ, некрасиво и ходитъ въ рубищѣ и нищетѣ. Ну, а кто не въ состояніи понять человѣческаго горя, тотъ не можетъ понять и настоящей человѣческой любви. Поэтому поэзія— не любовь, любовь никогда не должна въ свое основаніе класть поэтическаго чувства и, такъ называемыя «поэтическія сердца» неспособны къ любви.

Она кончила, вздохнула глубоко и задумалась.

«Какая странная дѣвушка»,—опять подумалъ онъ, не безъ тайной зависти къ ея уму и сердцу.

И вдругъ ему захотѣлось уязвить ее:

— Это все ваше, что вы тутъ наговорили, или заимствовано изъ книжекъ?—грубовато спросилъ онъ ее.

Но его слова не произвели надлежащаго эффекта. Она нисколько не обидѣлась и искренне просто отвѣтила:

— Думаю, что мое. А, впрочемъ, кто же знаетъ? Можетъ быть, что-нибудь прочитанное когда-нибудь дало толчокъ моимъ мыслямъ въ этомъ направленіи,—право не знаю. Но это не важно. Скажите мнѣ лучше, что вы думаете о моей теоріи?

— Думаю, что вы для меня слишкомъ умны,—неожиданно для себя отвѣтилъ онъ ей.—То бездна глубокихъ свѣдѣній по миѳологіи, то кладезь ума по философіи любви. И умны и сложны.

Въ послѣднихъ словахъ ей почудилась иронія.

— А знаете, что я думаю о васъ?—также иронически спросила она.

— Любопытно.

— Что вы—«петербургскій фазанъ!»

Онъ возмутился и обидѣлся.

— Почему же фазанъ?—недовольнымъ голосомъ спросилъ онъ ее.—Что за странное выраженіе здѣсь, у васъ, на Кавказѣ.

— Вы такъ же красивы, и такъ же надуты, и такъ же легкомысленны, какъ фазанъ. Съ вами говорятъ серьезно,—вы отдѣлываетесь фразами; съ вами говорятъ сердечно,—вы шутите; вы способны только любоваться собой и своими красивыми фразами. Фраза заѣла петербуржца и практическая мораль засушила его сердце

И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на всю вашу узкую практическую мораль, вы всѣ какъ-то удивительно легковѣсны, малодушны и легкомысленны. Впрочемъ, это—не «несмотря», а «благодаря».

— Что же дѣлать?—комически вздохнувъ, проговорилъ онъ.—Дайте срокъ. Поживемъ на Кавказѣ, наслушаемся умныхъ рѣчей, насмотримся примѣровъ «серьезнаго отношенія къ жизни»—и мы исправимся.

— Ну, это врядъ ли. Это случится тогда, когда мечи перекуютъ въ орала и львы будутъ пастись съ ягнятами.

— То-есть никогда. Аминь.

Они замолчали.

Лиза смотрѣла на разстилавшійся передъ нею пейзажъ и продолжала сшибать зонтикомъ камешки; Маржецкій былъ недоволенъ собой. Зачѣмъ онъ взялъ этотъ тонъ съ нею? Онъ, однако, пришелъ сюда вовсе не съ цѣлью съ нею ссориться. Его влекла къ ней дѣйствительно «невѣдомая сила», которую онъ на своемъ поэтическомъ языкѣ назвалъ бы, конечно, «зарею зарождающейся любви», а она на своемъ—«распущенностью». Но ему вовсе не было охоты «мудрить» и разбираться въ терминахъ. Ему хотѣлось сказать ей, какое она сильное произвела на него впечатлѣніе, какъ онъ будетъ скучать безъ ея общества и какъ ему грустно съ нею разстаться. А вмѣсто того Богъ знаетъ что они говорили. И отъ нея ему хотѣлось бы услышать что-нибудь теплое, участливое, «хорошее», что̀ пріятнымъ ощущеніемъ прошлось бы у него по душѣ и на всю дорогу оставило бы хорошее впечатлѣніе. Еслибъ она знала эти его мечтанія! Она, навѣрное, со свойственною ей рѣзкостью обозвала бы его презрительною кличкой, чѣмъ-нибудь вродѣ «gourmet de l'amour»—гастрономъ въ любви.

И какъ это странно: Lise fin de siècle — взбалмошная, «необузданная» хохотушка и вдругъ—такая моралистка, такая проповѣдница... Дѣйствительно, доминирующія ноты этого страннаго конца вѣка звучатъ въ ней.

Лизѣ надоѣло молчать, и она заговорила первая:

— Что же вы умолкли? Вы вѣдь завтра уѣзжаете?

— Да.

— Такъ скажите мнѣ на прощанье пару теплыхъ словъ. Маша скоро кончитъ свой винтъ, и мнѣ надо вернуться въ «Павильонъ». И то, я ужъ думаю, княжны и Настя злословятъ теперь про меня. А Марья Львовна и Сара Петровна ужасаются моему поведенію. Всѣ онѣ думаютъ, что я влюблена въ васъ... И такъ какъ вы несвободны, то опять начинаютъ лицемѣрно жалѣть меня. О, вотъ

чего я рѣшительно не переношу, это—ихъ жалости. Пока, конечно, онѣ меня не трогаютъ, потому что никакихъ данныхъ въ рукахъ не имѣютъ. Кромѣ двухъ-трехъ встрѣчъ на бульварѣ... да и то уже Наталья Сергѣевна мнѣ ставила ихъ на видъ... изъ ревности, конечно,—засмѣялась Лиза;—но еслибъ онѣ видѣли наше свиданіе у обрыва, онѣ бы мнѣ его не простили.

— Сказать вамъ пару теплыхъ словъ... — проговорилъ Маржецкій, — я именно и шелъ сюда съ этой цѣлью... съ тайною надеждой увидѣть васъ.

— Что же вы хотѣли сказать мнѣ?

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что мнѣ очень грустно уѣзжать отсюда такъ надолго.

— Почему?—наивно-подзадоривающе спросила она.

— Потому что все это время я не буду видѣть васъ, не буду слышать вашего милаго голоса, не буду видѣть вашего славнаго личика... Потому что мнѣ не будетъ доставать вашего общества.

— Хорошо поетъ соловушко,—засмѣялась она.

— Ну, вотъ вы опять съ своими шутками, а еще меня только что обвиняли въ неумѣньи говорить серьезно и отвѣчать серьезно на серьезную рѣчь.

— А развѣ вы говорите серьезно?

— А то какъ же?

— Не думаю. Вы вообще не способны относиться серьезно ни къ жизни, ни къ женщинѣ.

— Опять!—въ отчаяньи воскликнулъ онъ.

— Да, опять. Въ сотый, въ тысячный разъ буду говорить то же самое. Еслибъ вы способны были отнестись серьезно къ женщинѣ, вы бы не расточали первой встрѣчной такихъ банальностей.

— Но позвольте, для меня вы не первая встрѣчная, и то, что я говорю, не банальности.

— Тѣмъ хуже, если правда все то, что вы мнѣ наговорили въ качествѣ теплыхъ словъ.

— Почему?

— Потому что, значитъ, вы не серьезно относитесь къ жизни.

— Не понимаю.

— А это такъ легко! Такимъ признаніемъ вы оскорбляете ту женщину, съ которою вы связаны. Но не смущайтесь; я знаю, что это говорится все шутя, такъ себѣ, чтобы сказать что-нибудь пріятное барышнѣ... И все это происходитъ отъ того, что вы не воспитаны въ уваженіи къ женщинѣ. Для васъ она—существо огра-

ниченное, пассивное, легковѣрное. Вы думаете, что достаточно двухъ-трехъ любезностей, чтобъ она растаяла.

— Я никогда не видѣлъ васъ въ такомъ учительскомъ настроеніи.

— Да,— созналась она,— я сегодня, дѣйствительно, въ учительскомъ настроеніи.

И она вдругъ весело, беззаботно расхохоталась.

— Ну, бросимъ этотъ тонъ, — сказала она, — и давайте шутить.

Онъ зорко посмотрѣлъ на нее. Луна начинала всходить изъ-за гребня горъ и становилось свѣтлѣе. Въ этомъ полусвѣтѣ ночи вырисовывалось передъ нимъ ея матовое лицо, обрамленное темными волосами, спускавшимися на лобъ изъ-подъ соломенной шляпки и закрывавшими часть ея удивительно маленькаго уха, ея большіе черные глаза и ея бѣлые мелкіе зубы. То же свѣтло-желтое легкое платье, въ которомъ онъ увидалъ ее въ первый разъ, обрисовывало и теперь ея воздушную фигурку, съ тонкою, гибкою таліей и плосковатой дѣвичьей грудью.

Имъ овладѣло безумное желаніе поцѣловать ее.

— Что вы? — спросила она его, видя, что онъ нагибается къ ней.

— Ничего,—просто отвѣтилъ онъ,— я хочу понюхать цвѣты, которые у васъ за поясомъ.

Она не отодвинулась, напротивъ, ему показалось, что она невольно сдѣлала движеніе въ его сторону.

— Можно? — спросилъ онъ ее, и голосъ его чуть замѣтно дрогнулъ.

— Можно, — тихо отвѣтила она. — Только они ничѣмъ не пахнутъ: это—махровыя маргаритки...

Онъ нагнулся къ ея таліи и незамѣтно, какъ ему показалось, прикоснулся къ ея платью.

Она чуть дрогнула и отодвинулась отъ него.

— Это тоже эмблема?—спросилъ онъ, чувствуя, какъ виски его бьются.

— Что это?—не поняла она.

— Махровыя маргаритки?

— Да, у нихъ тоже есть значеніе.

— Какое?

Она разсмѣялась.

— «Я раздѣляю ваши чувства»,—отвѣтила она ему, смѣло прямо смотря въ его глаза.

— Дайте же мнѣ на память хоть одинъ изъ этихъ цвѣточковъ.

Она вынула весь букетикъ, поднесла его близко къ лицу, такъ что онъ не могъ разобрать, понюхала ли она его, или поцѣловала, и протянула ему.

— Возьмите его весь безъ остатка.

Онъ нервно схватилъ букетъ и задержалъ въ своихъ рукахъ ея руку.

Онъ жадно прильнулъ къ этой рукѣ губами. Лиза была безъ перчатокъ, и онъ почувствовалъ тонкій ароматъ «восточнаго гіацинта», которымъ она была надушена. Его щеки коснулось холодное прикосновеніе золотого браслета, спустившагося до половины худенькой кисти руки, которую она не отнимала отъ него.

«Лиза», — проносилось въ его сознаніи, — «милая, чудная, славная», и онъ не зналъ, произноситъ ли онъ эти слова, или только думалъ о нихъ.

До нихъ долетѣли звуки оркестра. Играли маршъ.

Лиза вдругъ встала.

— Довольно, довольно,—сказала она, высвобождая руку.— Вотъ ужъ и маршъ. Маман меня ищетъ, надо идти домой. Не провожайте меня.

— Лиза,—вдругъ шепотомъ вырвалось у него теперь уже наяву. — Еслибъ вы только знали, какъ я люблю васъ... — и онъ двинулся къ ней, но она отступила къ самому обрыву. Онъ услышалъ сухой звукъ камешковъ, покатившихся въ пропасть.— А... вы?—задыхаясь договорилъ онъ.

— Женщина — созданіе мистическое, — сказала она очень серьезнымъ тономъ.—Въ ней больше зла, чѣмъ добра. Она—бракованный ангелъ.

И вдругъ, впадая въ прежній весело-шутливый тонъ, она ему крикнула:

— А что бы сказала наша Наталья Сергѣевна, еслибъ видѣла насъ съ вами въ такой архи-поэтической обстановкѣ?

Она засмѣялась и быстро убѣжала въ глубину сада.

Онъ стоялъ очарованный, сбитый съ толку, смущенный. Въ его ушахъ еще звучали ея слова и производили въ душѣ его сладкую истому.

Низко опустивъ голову, сжимая въ рукѣ букетъ маргаритокъ, пошелъ онъ домой.

VIII.

Удобный тарантасъ, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей, катился по сухой и ровной дорогѣ по направленію къ богатой и большой слободѣ—первому пункту командировки Маржецкаго.

Маржецкій сидѣлъ рядомъ съ докторомъ, но занималъ въ тарантасѣ лишь треть мѣста; остальныя двѣ трети отошли подъ тучнаго Петра Петровича.

Тарантасъ по этой ровной дорогѣ шелъ мягко, безъ особыхъ толчковъ, и земскія почтовыя лошади бѣжали дружно. Мѣстность, по которой пришлось ѣхать Маржецкому съ докторомъ, была неинтересна,—плоскія полянки, смѣнявшіяся кое-гдѣ кустарникомъ, кое-гдѣ терновникомъ, а кое-гдѣ и молоднячкомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога пересѣкалась горною рѣчкой, какъ всѣ горныя рѣки, бурною въ горахъ и тихо-величавой въ своемъ теченіи здѣсь, на плоскости. Попадались имъ по дорогѣ населенныя мѣста—русскіе поселки не особенно цвѣтущаго вида съ церковью на площади и школою; по улицѣ и площади гуляли свиньи и поросята, бѣгали грязные ребятишки, а за поселкомъ на выгонѣ бродили коровы.

— Вотъ она природная дезинфекція!—хрипѣлъ докторъ, указывая на свиней.—Всякія нечистоты мигомъ уничтожаютъ...

Маржецкому не хотѣлось говорить и онъ ничего еще не отвѣтилъ доктору на всѣ его попытки завести разговоръ.

Попалась по дорогѣ и нѣмецкая колонія,—поселокъ съ чистенькими каменными домиками, уютными садиками, сложенною изъ кирпича церковью въ готическомъ стилѣ и гладко выбритыми и чисто одѣтыми колонистами.

И тутъ докторъ не удержался отъ замѣчанія.

— Та же страна, та же эпоха, а не тѣ люди. Культура номеромъ выше! Другой типъ и темпъ жизни...

Всю дорогу, вдали, сливаясь съ облаками, плывшими какъ расплавленное серебро по густой лазури неба, красовалась цѣпь гигантскихъ горъ, и ими-то, занятый своими думами, молча любовался Маржецкій, вдыхая полною грудью опьяняющій утренній воздухъ. Но его въ концѣ-концовъ одолѣли комары, которые цѣлыми тучами набрасывались на нихъ, въ особенности при проѣздѣ по лѣснымъ участкамъ дороги, и непрерывный звонъ почтоваго колокольчика убаюкивалъ его. Ему захотѣлось спать.

Около трехъ часовъ пополудни они, наконецъ, пріѣхали въ слободу, расположенную по лѣвому берегу довольно широкой рѣки противъ обширнаго аула, который раскинулся на другомъ берегу.

Слобода произвела на Маржецкаго пріятное впечатлѣніе съ ея прямыми и широкими улицами и деревянными и каменными домами. Жители—отставные солдаты, пришлые «изъ Россіи» крестьяне, старообрядцы высматривали небогатыми хлѣбопашцами; однако, особой бѣдноты замѣтно здѣсь не было,—той бѣдноты, которую Маржецкому приходилось наблюдать по дорогѣ въ имѣніе его отца, отстоявшее отъ желѣзно-дорожной станціи на сто слишкомъ верстъ.

Былъ вызванъ старшина,—старый служака, увѣшанный крестами и медалями и украшенный «кавказскимъ крестомъ», и слободской фельдшеръ. Оба удостовѣрили, что никто не «жалуется животомъ» и ничего такого сомнительнаго не замѣтно.

Докторъ предписалъ, чтобы «по возможности» пили кипяченую воду, велѣлъ фельдшеру затребовать разныхъ медикаментовъ «на случай, ежели тово», и немедленно донести ему «въ случаѣ ежели чего». Фельдшеръ, взявъ подъ козырекъ, сказалъ: «слушаю-съ».

Они переправились на ту сторону, къ «гололобымъ», какъ презрительно назвалъ туземцевъ слободской старшина.

Но и у «гололобыхъ» все обстояло благополучно.

— Эти шельмы не любятъ лѣчиться,—замѣтилъ Маржецкому докторъ,—и не любятъ нашей медицины. У нихъ свои знахари. Да мнѣ что? Лишь бы не болѣли, а тамъ лѣчись хоть чортовымъ орѣхомъ. Вы небось не знаете, что это за чортовъ орѣхъ?

— Не знаю,—сказалъ Маржецкій.

— Жила была, изволите ли видѣть, въ оныя времена красавица Фатыма, дочь русской плѣнницы и знаменитаго чеченца Агла. Ну, конечно, она была очаровательна. Нѣкій молодой чеченецъ былъ обрученъ съ ней; но въ день свадьбы онъ былъ коварно пораженъ кинжаломъ. Натурально, всѣ родные и друзья собрались отмстить кровавою местью убійцѣ. Но нѣкій другой молодой красавецъ сдѣлалъ въ это время предложеніе Фатымѣ. Ну, опять начались свадебные обряды. Свадьба состоялась, гости стали расходиться, и послѣдній изъ нихъ, другъ жениха, хватилъ его кинжаломъ. Ну, и такъ далѣе: убили, такимъ образомъ, еще трехъ ея женихов. Съ этого времени началась здѣсь кровная месть—текли потоки крови, погибли убійцы женихов Фатымы, и она сама, и ея отецъ, и всѣ однимъ словомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ они погибли при каждомъ новолуніи происходили пляски и оргіи «нечистыхъ духовъ», которые стали похищать изъ сосѣднихъ ауловъ молодыхъ женъ и дѣвъ. Наконецъ, къ горцамъ явилась сама Фатыма въ золотомъ нарядѣ и съ кинжаломъ въ рукѣ и отправилась вмѣстѣ с

ними истреблять нечистыхъ духовъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ она ихъ перерѣзала, сдѣлался провалъ и образовалось озеро: оно въ двухъ верстахъ отсюда, не хотите ли взглянуть?

— Нѣтъ, не имѣю желанія,—сказалъ Маржецкій.

— Ну, такъ вотъ на днѣ этого озера и растутъ джене-яштра—чортовы плоды, которые вылѣчиваютъ отъ всѣхъ болѣзней и имѣютъ еще разныя таинственныя и симпатическія значенія.

— А могутъ ли они привораживать дѣвушекъ?—полусерьезно спросилъ Маржецкій доктора.

Тотъ искоса оглядѣлъ его.

— Н-не знаю,—протянулъ онъ.—А вотъ когда Шамиль потерялъ эти чортовы орѣхи при переходѣ своемъ въ Гунибъ, то предался отчаянію и предсказалъ мюридамъ свою участь. Много орѣховъ ѣдите?—спросилъ докторъ у старшины аула, молодцеватаго дѣтины съ бритой головой и огромной огненно-красною бородой.

— Все шутите, докторъ,—отвѣтилъ тотъ по-русски, хотя и съ сильнымъ туземнымъ акцентомъ.—Это все сказки.

— Ишь!—подмигнулъ Маржецкому докторъ.—Боится, чтобы русскіе всѣхъ орѣховъ не выловили изъ озера.

И, довольный своей шуткой, онъ хрипло захохоталъ и заковылялъ дальше.

Аульный старшина предложилъ имъ гостепріимство въ своемъ домѣ; былъ уже шестой часъ дня, и доктору не хотѣлось ѣхать дальше.

— Знаете ли, мой юный другъ,—говорилъ онъ Маржецкому,—я не трусъ: у меня и ордена съ мечами, но глупо подставлять свою голову подъ шальную пулю, не охота. Положимъ, теперь не тѣ времена, а не такъ, вѣдь, давно еще водились здѣсь разбойнички; я еще помню времена разбойника Прокопенка: три года подлецъ этакій дебоширилъ... Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. На моей же памяти и «хромые Карауловы» держали разбойничій притонъ на хуторѣ... Все русскіе молодцы - казачки, это только такъ ужъ принято все валить на туземцевъ.

— Это истину говорите, докторъ,—поддержалъ старшина.—Передъ правительствомъ-то всегда туземецъ виноватъ.

— Ну, изъ вашихъ тоже есть молодцы,—охулки на руку не ли...

— Кто говоритъ—вездѣ есть не-бла-гона-дежный элéментъ!—трудомъ выговорилъ старшина казенное слово.

— Такъ какъ же, заночуемъ?—подмигнувъ Маржецкому, спросилъ докторъ.

— Какъ знаете, — отвѣтилъ тотъ,—по мнѣ хоть заночуемъ.

— И чудесно,— сказалъ докторъ.

Маржецкій отправился бродить по аулу. Ему очень не нравился снисходительно-юмористическій тонъ доктора, его словечки вродѣ «изволите ли видѣть» и «мой юный другъ», причемъ онъ произносилъ «друхъ», и его подмигиванья и его фамильярность. Голосъ его казался ему знакомымъ. Гдѣ онъ могъ съ нимъ встрѣчаться? И вдругъ онъ вспомнилъ. Вѣдь, это тотъ самый голосъ, который впервые на пикникѣ въ «Урочищѣ» обозвалъ его «петербургскимъ фазаномъ». Такъ это былъ докторъ!

Послѣднія мысли навели его опять на думы о Лизѣ, и сердце его сжалось. Опять эта Лиза, вчерашній вечеръ представился ему во всей своей чарующей прелести: онъ услыхалъ музыку мелодичной серенады и голосъ Лизы, который былъ еще мелодичнѣе серенады. Ему показалось, что онъ опять вдыхаетъ ароматъ «восточнаго гіацинта» и что губы его касаются легкой лѣтней ткани. Маргаритки говорятъ ему: «я раздѣляю ваши чувства». Ахъ, еслибъ онѣ не солгали! Но даже еслибъ онѣ не солгали, какая ему польза въ томъ? «Вы человѣкъ не свободный»,—сказала ему Лиза, и она сказала правду,—ахъ, какую правду!...

Онъ побрелъ по главной улицѣ аула, безъ цѣли, безъ плана, такъ, куда глаза глядятъ. Дошелъ до перевоза и переправился опять въ слободу. Слобода ему показалась интереснѣе,—тутъ были и лавки, и онъ насчиталъ ихъ около десятка, тутъ было и уѣздное управленіе, и слободское управленіе, и почтово-телеграфная контора, и камера судебнаго слѣдователя, и почтовыя станціи — земская и казенная, и церковь, и синагога, и аптека, и огромный базаръ. Словомъ, настоящій городъ.

По улицамъ ходило много всякаго люда.

Въ аулѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько женщинъ съ закрытыми лицами, и эти женщины, взглянувъ на него своими темными глазами, пугливо прятались за дверями своихъ сакель.

Здѣсь, въ слободѣ, онъ увидѣлъ нѣсколько красивыхъ казачекъ, смѣло и, какъ ему показалось, даже вызывающе смотрѣвшихъ на него.

На базарѣ, заваленномъ овощами и фруктами, толпилось много народа. Среди казаковъ попадались колонисты-нѣмцы, торговавшіе молокомъ, и горскіе евреи, продававшіе сафьянъ, чевяки и поясные ремешки, и кабардинцы, привезшіе сюда сыръ.

Горскіе евреи особенно заинтересовали его. Типъ у нихъ смѣшанный: много семитическихъ чертъ и много чисто-горскихъ; он

произвели на него впечатлѣніе людей, вернувшихся къ первобытнымъ условіямъ существованія. Видъ у нихъ какой-то одичалый и бродятъ они дико озираясь. Очевидно, отъ своихъ они сильно отстали, но не слились и съ горцами. Докторъ еще раньше говорилъ ему, что они сохранили талмудъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣруютъ въ идоловъ и въ разныхъ боговъ, между прочимъ въ бога грома и молніи. Попались ему на глаза и двѣ-три еврейки, одѣтыя какъ туземки; онѣ подходили къ дверямъ магазиновъ и останавливались въ нихъ недвижимыя какъ изваянія; онѣ ничего не говорили, ни о чемъ не просили; но лавочники давали имъ кусокъ чурека или нѣсколько кусковъ сахара, и онѣ, схвативъ подачку, такъ же безмолвно удалялись, какъ тѣни.

У одного дома подъ желѣзною крышей толпился народъ. Это оказалось зданіе горскаго суда.

Маржецкій вошелъ туда.

Въ небольшой комнаткѣ было много народа. Сидѣли на лавкахъ, на подоконникахъ, стояли по стѣнамъ; лица у всѣхъ серьезныя, сосредоточенныя; туземцы показались ему каріатидами, высѣченными изъ камня. Пахло потомъ, чеснокомъ, черемшей.

Маржецкій былъ юристомъ, и его заинтересовалъ этотъ мѣстный горскій, словесный судъ, учрежденіе чисто-народное и признанное русскимъ правительствомъ. Онъ рѣшилъ остаться и прослушать одно дѣло.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ ветхимъ зеленымъ сукномъ, сидѣли почетные судьи — депутаты туземныхъ обществъ; нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ — народный кадій; предсѣдательствовалъ въ судѣ помощникъ исправника.

Дѣло было характерное.

Сыновья одного стараго, почти выжившаго изъ ума туземца, выведенные изъ терпѣнія матерью, потребовали отъ отца, чтобъ онъ развелся съ ней. Старикъ, находившійся подъ вліяніемъ дѣтей, далъ требуемый разводъ. И вотъ жена, ушедшая къ своимъ роднымъ, требовала теперь по шаріату то вознагражденіе, на которое она имѣла права на случай развода. Жадные сыновья пошли на попятный; они доказывали, стараясь перекричать другъ друга, что разводъ долженъ считаться недѣйствительнымъ, потому что старый Османъ слабъ умомъ и волей, а слѣдовательно невмѣняемъ.

Народный кадій, очевидно, нѣчто вродѣ прокурора, произнесъ заключительное слово.

— Вы ищете незаконно. Требовалъ ли старый Османъ развода?—требовалъ. Произносилъ ли онъ слово «талакъ»?—произно-

силъ. Тому были очевидцы и свидѣтели. А разъ слово «талакъ» было сказано, разводъ былъ. Такъ слѣдуетъ по шаріату. Единъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его! А пророкъ не дозволяетъ шутить со словомъ «талакъ». Много нужно думать, прежде чѣмъ допустить уста вымолвить его. Но разъ оно сказано—дѣло сдѣлано. Такъ ли я говорю?—обратился онъ къ судьямъ, и тѣ закивали своими крашеными бородами.—Слово—что горный орелъ: снялся съ мѣста и полетѣлъ—его не поймаешь. Съ словомъ нужно обращаться осторожно и не играть имъ ради корыстныхъ цѣлей,—добавилъ кадій и покосился на сыновей Османа.

Разводъ признанъ былъ состоявшимся и требованіе разведенной подлежащимъ удовлетворенію.

Начиналось слѣдующее дѣло, но Маржецкому стало не по себѣ отъ духоты и скверная запаха.

Онъ выбрался на воздухъ.

«Съ какимъ бы удовольствіемъ я сказалъ слово «талакъ»,—подумалъ онъ, пробираясь къ рѣкѣ, чтобъ опять переправиться въ аулъ.

И онъ вспомнилъ сегодняшнее прощаніе съ Марусей.

Было въ немъ что-то очень, очень тяжелое. Что именно, онъ не зналъ. Слова были тѣ же, какъ всегда, самыя обыкновенныя, но во взорѣ голубыхъ глазъ Маруси было еще болѣе грусти, чѣмъ обыкновенно. Она ему не дѣлала никакихъ упрековъ, хотя замѣтила въ его чемоданѣ маленькій букетикъ маргаритокъ; она даже не спросила, откуда у него цвѣты. Его раздражалъ этотъ покорный, убитый видъ, и по поводу находки ею цвѣтовъ въ чемоданѣ онъ хотѣлъ сказать ей рѣзкость, но что-то удержало его отъ этого. Она его вызвалась проводить до почтовой станціи, онъ отклонилъ это, ссылаясь на то, что тамъ будетъ ждать его докторъ, съ которымъ «она незнакома». По ея лицу прошла тѣнь,—до которыхъ же поръ они будутъ скрываться и таиться отъ свѣта? Но она не настаивала. Она быстро простилась съ нимъ и ушла въ свою комнату, откуда больше не выходила.

Онъ уѣхалъ изъ дому съ камнемъ на душѣ.

Но когда экипажъ выѣхалъ изъ соннаго города на широкую дорогу, когда ярко засвѣтило солнце и зазеленѣла трава, когда е обвѣяло утреннимъ ароматнымъ вѣтеркомъ и онъ увидалъ синѣ щія въ туманной дымкѣ горы, а впереди степь, тяжелое чувст стало проходить и новое, бодрое, жизнерадостное—овладѣло им Образъ дѣвушки феи, дѣвушки-вакханки заполонилъ его вообр женіе. Онъ хотѣлъ разгадать этотъ характеръ, хотѣлъ поня

смыслъ ея рѣчей, проповѣдовавшихъ мораль и смыслъ ея поступковъ, несогласныхъ съ этою моралью. Что кроется въ ней? Весталка, сдерживающая свои порывы и таящуюся въ ней страсть, или холодная, умная и бездушная кокетка? Зачѣмъ она познакомилась съ Марусей и такъ тепло отнеслась къ ней, рискуя на себя навлечь гнѣвъ матери и осужденіе «свѣта»? Зачѣмъ она читала ему мораль? Зачѣмъ она позволила ему цѣловать свое платье и руки?

Онъ хотѣлъ разобраться во всемъ этомъ на дорогѣ, спокойно все обдумать, взвѣсить, рѣшить.

Но хриплый голосъ доктора, его вопросы, разговоры и разсказы мѣшали ему сосредоточиться.

И вотъ теперь, оставшись одинъ, бродя по улицамъ слободы, онъ все таки не могъ отдаться своимъ размышленіямъ; вмѣсто того, чтобы думать, онъ сосредоточивалъ свое вниманіе на горскихъ евреяхъ, на картинѣ полуазіатскаго базара, на интересномъ дѣлѣ горскаго словеснаго суда, изъ котораго онъ вынесъ только одинъ выводъ: онъ хотѣлъ бы быть на мѣстѣ Османа, чтобъ имѣть право произнести это все разрѣшающее слово «талакъ». Снова образъ Маруси всталъ передъ нимъ; но воспоминаніе объ ея блѣдномъ, больномъ личикѣ и грустныхъ мечтательныхъ глазахъ уже не производило тяжкаго, щемящаго впечатлѣнія. Онъ понялъ, что вечеръ у обрыва окончательно сразилъ его. До этого вечера онъ чувствовалъ лишь смутное влеченіе къ Лизѣ. Теперь для него стало ясно одно: онъ любитъ Лизу и охладѣлъ къ Марусѣ.

Быстро темнѣло. Когда онъ вышелъ на берегъ въ аулѣ, наступила уже ночь. Въ сакляхъ зажигались огни, откуда-то неслись звуки—унылые и протяжные—джіанури. Высокія раины, словно изваянныя, чернѣли на фонѣ неба, и только очень внимательный глазъ могъ бы видѣть, какъ онѣ покачиваютъ своими верхушками и только очень внимательное ухо могло бы уловить смутный шелестъ ихъ листьевъ.

Но Маржецкій уловилъ и то и другое. И въ этомъ покачиваньи и въ этомъ шелестѣ ему почудился укоръ.

Ему не хотѣлось идти къ старшинѣ. Тамъ опять этотъ докторъ съ своими фамильярными выходками, тамъ свѣтъ, говоръ, шутки. А ему такъ хотѣлось этой тьмы тихой кавказской ночи, этого покоя природы, который проливалъ въ его встревоженную душу какой-то цѣлительный бальзамъ.

Но дѣлать было нечего.

Онъ вошелъ въ кунацкую старшинскаго дома.

Старшина былъ очень обиженъ, что онъ не пришелъ къ обѣду;

отказываться отобѣдать въ домѣ хозяина, по ихъ взглядамъ, не только неприлично, но и значитъ нанести обиду. Этого старшина не сказалъ, но Маржецкій такъ понялъ изъ его очень почтительныхъ словъ:

— Не хотите ли, по крайней мѣрѣ, теперь откушать?—предложилъ старшина.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я ѣсть рѣшительно не хочу.

— У насъ есть *барашка*, пловъ, сыръ...—предлагалъ старшина.

— Очень благодаренъ! Не могу.

Старшина обиженно отошелъ.

— Оставь его...—проговорилъ докторъ, обращаясь къ старшинѣ, почему-то на «ты».—Мой юный другъ влюбленъ...

— Почему вы такъ думаете?—съ плохо скрытой досадой, кинулъ ему Маржецкій.

— Только влюбленные питаются ночнымъ воздухомъ и созерцаніемъ звѣздъ.

— Почему вы знаете, можетъ быть я гдѣ-нибудь уже ѣлъ?

— Вы бы меня очень обидѣли этимъ!—вставилъ старшина.

«Какъ они мнѣ надоѣли!»—подумалъ Маржецкій.

— Да и чортъ ихъ знаетъ этихъ петербуржцевъ...—началъ докторъ и тутъ только Маржецкій замѣтилъ, что онъ шибко навеселѣ.—Они вообще мало ѣдятъ,—не знаю, ужъ мода у нихъ такая что ли... Потому они такіе всѣ лядащіе—блѣдные да худые. Впрочемъ,—докторъ засмѣялся,—это нравится нашимъ барышнямъ и даже барынямъ. Этой-то худобой да томной блѣдностью они и покоряютъ нашихъ провинціалокъ... эти... эти...

— Петербургскіе фазаны?—вставилъ Маржецкій.

Докторъ удивленно взглянулъ на него, какъ бы припоминая что-то.

— А-а!—догадался онъ, шумно разсмѣявшись.—Ну, кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.

Маржецкій оглядѣлъ кунацкую.

Это была низенькая, довольно обширная комнатка, съ выбѣленными стѣнами и закопченымъ потолкомъ. По стѣнамъ стояли длинныя низенькія оттоманки и тахты, покрытыя текинскими тонкой работы коврами и убранныя подушками и мутаками; стѣны до половины ихъ, были увѣшаны тоже коврами, а на этихъ коврах висѣли кинжалы, длинныя кремневыя ружья, кольчуги и сбруя украшенная серебряными бляхами.

Въ углу стоялъ каминъ, и въ широкомъ черномъ отверстіи е

тлѣло нѣсколько угольевъ, на которыхъ кипѣлъ котелокъ съ калмыцкимъ чаемъ. Угольки потрескивали и порой давали длинное, качающееся пламя, странно озарявшее своимъ умирающимъ свѣтомъ лица присутствующихъ.

Въ другомъ углу, сидя на коврѣ, положенномъ прямо на полу, пріютился старый-престарый туземецъ. Это онъ наигрывалъ на джіанури тотъ унылый мотивъ, который слышался Маржецкому, когда онъ подходилъ къ дому.

Передъ докторомъ, въ удобной позѣ развалившимся на тахтѣ, стоялъ низенькій, круглый достарханъ, на которомъ былъ поставленъ графинчикъ съ ракой, овечьимъ сыромъ, чурекомъ и сластями—чурчхелы и сваренные въ сахарѣ орѣхи. Въ графинѣ побольше виднѣлась еще какая-то свѣтло-бурая жидкость—буза.

Докторъ настаивалъ, чтобы Маржецкій непремѣнно «отвѣдалъ» раки. Но тотъ на-отрѣзъ отказался и долженъ былъ согласиться попровать бузы. Ему чуть не сдѣлалось дурно отъ этого пойла.

Тотъ же запахъ черемши стоялъ и здѣсь, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

Старшина суетился, угощалъ, прислуживалъ; у дверей стояли въ позахъ каріатидъ юноши-туземцы въ однихъ бешметахъ и такъ простояли весь вечеръ, не смѣя присѣсть въ присутствіи старшихъ и почетныхъ гостей.

Докторъ принималъ всѣ услуги какъ должное и ничуть не стѣснялся. Онъ продолжалъ тянуть бузу, которая ему очевидно нравилась, и закусывалъ ее резинообразнымъ чурчхеломъ.

Калмыцкій чай розлили, наконецъ, въ деревянныя чашки, и Маржецкій, скрѣпя сердце, сталъ его пить, хотя въ немъ было много перцу и онъ отзывался бараньимъ саломъ. Подали еще вкусный, жирный каймакъ, но и тотъ отдавалъ запахомъ невыносимой черемши.

— А что-жъ!—воскликнулъ докторъ, лицо котораго было красно и лоснилось отъ пота,—право такъ недурно кейфовать, а? Что скажете, мой юный другъ?...

— Да, хорошо,—изъ вѣжливости къ хозяину заявилъ Марій.

– Это не то, что въ какой-нибудь петербургской кухмистер—добавилъ докторъ.

«Какой дуракъ»,—подумалъ Маржецкій,—«онъ очевидно только кухмистерскія и знаетъ въ Петербургѣ, да и то двадцать лѣтъ назадъ бывалъ въ нихъ».

Вотъ послушайте-ка этого старика, — проговорилъ док-

торъ:—ловко онъ разсказываетъ разныя легенды... люблю я его послушать. А господинъ старшина будетъ переводить намъ.

— Съ удовольствіемъ!—отозвался старшина.

Старшина переговорилъ со старикомъ, на своемъ гортанномъ нарѣчіи; старикъ кивнулъ ему головой, уставился слезливыми глазами въ пространство, перебралъ дрожащими руками струны, и началъ разсказъ. Слово за словомъ, старшина переводилъ имъ довольно правильнымъ русскимъ языкомъ — сказаніе. Изрѣдка только онъ затруднялся и не находилъ тотчасъ подходящихъ словъ.

— Какъ дивны наши родныя горы, когда утреннія облака покрываютъ ихъ своей розовой пеленой, а восходящее солнце золотитъ ихъ серебряныя верхушки своимъ огненнымъ золотомъ, медленно и вдумчиво началъ старикъ, сопровождая свою импровизацію тягучими звуками джіанури.— Тихо двигаются барашки-облака по длинной цѣпи горъ, съ любопытствомъ заглядывая въ ущелья и долины, въ пещеры и пропасти. Кое-гдѣ изъ этого моря облаковъ выглянетъ красный утесъ, покажется верхушка черной горы. Утренній вѣтерокъ подымается, и тогда таютъ бѣлыя облачка. Вершина Ошхамахо розовѣетъ.

— Ошхамахо по-нашему—Эльбрусъ! пояснилъ среди перевода старшина.

— Ошхамахо имѣетъ двѣ головы, и обѣ упираются въ небо,—продолжалъ старикъ,—и головы его покрыты льдомъ и снѣгомъ, которые никогда не таютъ.

«Это мы знаемъ изъ географіи»,—подумалъ не безъ злости Маржецкій, которому хотѣлось думать о своемъ, а не слушать мѣстныя сказки.

— И эти льды сверкаютъ на солнцѣ какъ самоцвѣтные, драгоцѣнные камни... Ошхамахо выше всѣхъ горъ на свѣтѣ.

«Врешь»,—подумалъ Маржецкій.

— И когда Тгашхуо творилъ міръ, онъ раньше всего создалъ Ошхамахо. У его же вершины и Ной остановилъ свой ковчегъ во время большого потопа.

«И опять врешь»,—еще подумалъ Маржецкій.

— И всѣ люди, которые пытались пробраться къ его вершинѣ, погибали; всѣ погибали—даже самые отчаянные смѣльчаки, самые лучшіе джигиты. И вотъ, однажды, это было очень давно, когда великаны и духи населяли землю... одинъ изъ всѣхъ великихъ великановъ задумалъ свергнуть съ неба Тгашхуо. Онъ взобрался таки на вершину горы и хотѣлъ оттуда

браться и до неба. Но тутъ завязалась между нимъ и Тташхуо борьба; великанъ былъ побѣжденъ, и властитель приковалъ его цѣпью къ острому камню на самой верхушкѣ...

«Опять исторія о Прометеѣ!» вскрикнулъ про себя Маржецкій, и ему опять вспомнилось его первое свиданіе съ Лизой. «Милая Пандора», подумалъ онъ и уже съ большимъ вниманіемъ сталъ слушать легенду.

Между тѣмъ старикъ продолжалъ:

— Великанъ и теперь еще тамъ. Когда на Ошхомахо разражается снѣжная буря, это онъ, старый великанъ, трясетъ своей сѣдой бородой, и это его крики и стоны раздаются въ долинахъ, и отъ этихъ стоновъ рушатся камни и осыпаются обвалы. Толстая цѣпь приковываетъ его за шею къ скалѣ; ногти его отросли въ видѣ могучихъ корней и слились съ горою, глаза его горятъ какъ каленые угли. Горный орелъ прилетаетъ къ нему и клюетъ его сердце; жажда не покидаетъ его; онъ кричитъ отъ этой мучительной жажды; близъ него журчитъ горный ключъ, съ прозрачной, какъ кристаллъ водою; но только несчастный нагнется къ ключу, какъ тотъ быстро отъ него убѣгаетъ. Иногда великанъ не въ силахъ переносить эти ужасныя мученія. Тогда онъ кричитъ не своимъ голосомъ: «Растетъ ли камышъ на землѣ?» И голосъ сверху насмѣшливо ему отвѣчаетъ: «Растетъ».—«Родятся ли на землѣ барашки?» И тотъ же голосъ отвѣчаетъ ему: «Родятся и вѣкъ будутъ родиться». И великанъ опять тихо стонетъ, и горючія слезы капаютъ у него изъ глазъ. Эти слезы сбѣгаютъ въ долины и образуютъ цѣлительные ручьи, приносящіе большую пользу людямъ. Онъ знаетъ, что его муки, по обѣщанію его побѣдителя, кончатся тогда, когда на землѣ не будетъ больше камыша и барашковъ. И то и другое, во время борьбы, онъ похитилъ у Тташхуо и сбросилъ внизъ къ людямъ. И вотъ люди благоденствуютъ по его милости, а онъ—одинокій страдаетъ и вѣчно будетъ страдать за свой смѣлый подвигъ.

Старикъ замолкъ; голосъ его къ концу разсказа упалъ, и послѣднія слова онъ произносилъ уже медленно, съ трудомъ. Каза-, онъ задремалъ. Вдругъ, будто встрепенувшись, онъ пробор-лъ:

– Сколь Аллахъ хорошо видитъ! О, сколь онъ хорошо слы-! У людей нѣтъ иного покровителя, кромѣ него...

Это онъ бредитъ изъ Корана,—тихо сказалъ старшина и, по- всѣмъ покойной ночи, подошелъ къ старику и помогъ ему -ся.

Они вышли вмѣстѣ; а за ними юноши въ бешметахъ унесли достарханъ. Маржецкій съ докторомъ остались вдвоемъ.

Докторъ во время разсказа дремалъ и сопѣлъ. Теперь онъ пробудился, и ему не хотѣлось больше спать. Онъ закурилъ.

— Я, вѣдь, какъ походный человѣкъ,—сказалъ онъ въ оправданіе,—мнѣ пять минутъ довольно, и я уже выспался.

Теперь его разбирала охота болтать.

Маржецкому тоже не хотѣлось спать; ему хотѣлось бы остаться наединѣ съ своими мыслями, но отъ болтовни доктора невозможно было отдѣлаться.

— Вы что за человѣкъ?— спросилъ его докторъ, вдругъ въ упоръ глядя на него.

— Петербургскій фазанъ, по вашему остроумному обозначенію!—огрызнулся онъ.

— *Bene*,—отвѣтилъ докторъ, выпуская клубы дыма.—Значитъ—злопамятны. Ну, а еще что изъ себя представляете?

— Гражданина Россійской имперіи, правоспособнаго и вмѣняемаго.

— И получившаго юридическое образованіе.

— Почему вы такъ полагаете?

— Я такъ полагаю по внѣшнему облику. У юристовъ особая складка сюртука и проборъ они расчесываютъ особенно.

— А еще чѣмъ отличаются юристы?

— Краснобайствомъ и торговлей словомъ оптомъ и въ розницу.

— Скажите, вы не чувствуете, докторъ, что говорите дерзости?

— Нѣтъ, мой юный другъ. Я говорю вообще. Я не касаюсь личности. Всякая личность можетъ быть исключеніемъ изъ правила.

— И на томъ спасибо.

— На здоровье.

— Итакъ, что еще вы знаете за юристами вообще?

— Ихъ легкокрылое отношеніе къ жизни, къ людямъ, а изъ людей—къ женщинамъ.

— Вотъ какъ!

— Да-съ, этакъ.

— Итакъ, юридическое образованіе никуда не годится; это р шено. Какое же лучше?—насмѣшливо спросилъ Маржецкій.

— Естественники и философы лучше юристовъ. Они способ къ пониманію процессовъ жизни и къ проникновенію въ тай духа.

— Изъ этого я вижу, что вы естествепникъ и философъ. Естественникъ потому, что—врачъ, и философъ потому, что вамъ очень хочется проникнуть въ тайны моей души.

— Да вѣдь что же дѣлать?—просто сказалъ докторъ.—Ночь велика, спать еще рано. Накушались, напились, наслушались сказокъ. Ну, надо же о чемъ-нибудь бесѣдовать. Ничего на свѣтѣ не можетъ быть интереснѣе, какъ разгадывать новаго человѣка. Человѣкъ—величайшій и труднѣйшій изъ ребусовъ, какъ говорятъ спириты.

— Ну-съ, такъ какъ же вы меня разгадали? — заинтересовавшись спросилъ Маржецкій.

— А вдругъ вы обидитесь?

— Не безпокойтесь.

— Значитъ, говорить?

— Говорите смѣло.

— Вы—человѣкъ, у котораго нѣтъ серьезныхъ запросовъ къ жизни; больше всего вы цѣните собственныя удобства. Ради этихъ удобствъ и удовлетворенія своихъ желаній вы способны принести въ жертву чужія удобства и чужія желанія. Вамъ рѣшительно все равно, что кругомъ васъ дѣлается. Могутъ рушиться государства, можетъ перемѣниться форма правленія, измѣниться господствующее направленіе, и если при этомъ вы останетесь неприкосновенны, то вамъ до всего этого и горя мало. Вы пальцемъ не пошевелите для блага ближняго. Вы никогда не будете великаномъ, прикованнымъ къ скалѣ... У васъ нѣтъ альтруистическихъ чувствъ, чувствъ соціальныхъ. У васъ нѣтъ потребности къ общенію, къ дѣятельности, къ подвигу. Вы, какъ философъ и улитка, все свое носите съ собою и отгораживаетесь стѣной отъ жизни, въ которой васъ ничто не интересуетъ, кромѣ матеріальныхъ благъ и женщинъ.

Докторъ отчаянно затягивался толстѣйшей папиросой и выпускалъ клубы дыма. Хриплый голосъ его крѣпчалъ, и онъ самъ воодушевлялся, дѣлая въ подкрѣпленіе своихъ словъ широкіе жесты руками.

— На женщинъ вы смотрите, какъ на цвѣты. Вотъ роза съ шипами; около нея можно уколоться, и вы поэтому осторожно охаживаете ее, прежде чѣмъ сорвать. Вотъ ночная красавица,—ну, эту вы берете безъ всякой осторожности... Ну, а когда цвѣты сорваны, запахъ вынюханъ, сами они завяли, они теряютъ для васъ всякій интересъ. Вы съ спокойной совѣстью выбрасываете ихъ вонъ и переходите наслаждаться другими ароматами. Цвѣты имѣютъ для васъ интересъ, пока не сорваны. Цвѣтокъ сорванъ—и весь

интересъ пропалъ... У васъ нѣтъ анализа. Черезъ анализъ доходятъ до синтеза, слѣдовательно, у васъ нѣтъ и чувства синтеза. Вы—нули. Сколько бы васъ ни было, вы не составите внушительной цифры. Вы пузыри, образовавшіеся на устоявшейся водѣ послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ, которую насильно запрудили. Она хоть медленно, а бѣжала. Ее остановили, и вотъ на ней пошла плѣсень и пузыри. Въ такія эпохи общіе вопросы жизни отходятъ на второй планъ. За неимѣніемъ общихъ вопросовъ жизни, люди начинаютъ копаться въ самихъ себѣ, и выдвигаются вопросы личные, вопросы единичнаго самоусовершенствованія. Этимъ объясняется успѣхъ проповѣди Толстого. Воздвигаются вопросы о куреніи табака, который будто бы одурманиваетъ совѣсть, о вегетаріанствѣ, о непротивленіи злу. Вотъ здѣсь, невдалекѣ отъ слободки, существовала колонія толстовцевъ. Но главный основатель колоніи бросилъ свой участокъ послѣ неудачной попытки и удралъ въ «Россію». Онъ женился на одной простой работницѣ, женился изъ принципа, и они стали очень хорошо обрабатывать землю и огороды... Но вѣдь всего этого мало. Что толку, что поле такого-то обработано и обсѣяно, когда поля другихъ лежатъ втунѣ? Личнаго примѣра мало. Нужно что-то другое.

— А что именно?

— Истинная государственная политика. Но не такимъ чинушамъ ее дѣлать, какъ вы съ вашимъ милѣйшимъ Николаемъ Ивановичемъ. Онъ—милѣйшій, но у него нѣтъ опредѣленнаго плана, нѣтъ своего взгляда. Онъ только подклеиваетъ и подмазываетъ. А нужно другое. Нужно общее направленіе, система. Будетъ холера—будетъ бунтъ. Перебьютъ докторовъ и другихъ радѣтелей. И вашъ Николай Ивановичъ слетитъ. На его мѣсто вступитъ Иванъ Петровичъ. О, у этого есть свой планъ дѣйствій. Онъ сейчасъ же поставитъ запруду и остановитъ всякія теченія. Это гнусно, но это все-таки—система.

— Ну, вотъ вы и уклонились отъ моей характеристики; у васъ тоже нѣтъ системы,—остановилъ его Маржецкій, котораго рѣчи доктора заинтересовали.

— Да что же ваша характеристика? Незначительный вы человѣкъ—вотъ что. Порожденіе восьмидесятыхъ годовъ. Ни фуа, ни луа, какъ говорятъ французы. Еслибъ я спросилъ васъ: во что собственно вы вѣрите, что исповѣдуете? Вы бы стали втупикъ. Если бы я спросилъ васъ: передъ чѣмъ вы остановитесь, чтобы достать себѣ тѣ или тѣ блага жизни,—вы бы смѣло отвѣтили: ни передъ чѣмъ. Храбрости въ васъ много, но не настоящей храбрости

человѣка, смотрящаго жизни прямо въ глаза, а храбрости труса, который, завязавши глаза или напившись пьянымъ, идетъ на безумную выходку. Выгоритъ—хорошо, не выгоритъ—пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса! Тутъ цѣлая историческая амальгама русской безшабашности съ русскою безпомощностью... Посмотрите, что мы сдѣлали на Кавказѣ? Чѣмъ мы проявили свои цивилизаторскія способности? Какую мы культуру внесли въ эту полуцивилизованную страну? Туземцы жаждутъ учиться,—дайте имъ школы. Но школы мало. Вмѣсто того, чтобъ удержать ихъ на землѣ, мы поощряли не такъ давно ихъ переселеніе въ Турцію... Роскошное черноморское побережье съ его лѣсами, съ его богатствами лежитъ пустынное и глухое, до сихъ поръ не заселенное. Потому что піонеры-то наши не похожи на Прометеевъ. Не хотятъ они похитить огонь съ неба и дать его людямъ... А такіе, какъ Бальцеръ, тѣ всякій и существующій-то огонь постараются приглушить...

— И опять я-то тутъ не причемъ.

— Да что-жъ вы да вы? Вы такой же не культурный піонеръ. Вотъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться поѣздкой и изучать край, вы заняты думами о какой-нибудь дѣвчонкѣ. Развѣ я не вижу? Я вѣдь старый воробей и тонко вижу насквозь. Ну, и наслаждайтесь. Такъ вы все-таки меньше вреда принесете, чѣмъ еслибъ вздумали вліять на общія дѣла. Вы—пузыри, которые должны же когда-нибудь лопнуть. Историческій ходъ вещей сниметъ же когда-нибудь запруды, и вода снова побѣжитъ впередъ. Можно и даже должно исправлять русло и направлять ея теченіе, но зачѣмъ же запружать? Ну, а когда вода побѣжитъ, васъ уже не будетъ. Никто о васъ не вспомнитъ, никто не придетъ на вашу могилу пролить слезы. «Когда придетъ, покинувъ выси горъ, твоя душа къ обѣщанному раю,—пускай пророкъ свой отворотитъ взоръ и грозно молвитъ: я тебя не знаю». Еслибъ я былъ романистомъ, я бы васъ никогда не взялъ въ герои моего романа,—слишкомъ вы ничтожны и не интересны.

Онъ замолчалъ, передохнулъ, закурилъ другую папироску.

— А впрочемъ...—продолжалъ онъ,—какъ извѣстный типъ эпохи, какъ синтезъ людей вашего времени, вы, пожалуй, и представляете интересъ. И даже, пожалуй, будущіе историки вѣяній и направленій нашего общества будутъ васъ разбирать и опредѣлятъ вамъ свое мѣсто, свою полочку, на которой будетъ приклеенъ ярлычекъ: «люди-Нарциссы, лишенные чувства соціальности и плававшіе по морю жизни безъ руля и безъ вѣтрилъ».

— Аминь, — проговорилъ Маржецкій.

Докторъ умолкъ. Онъ вынулъ опять свой «портабакъ», скрутилъ еще папиросу и закурилъ ее.

— Не сердитесь на меня за эти слова. Тутъ много буза виновата. Въ свою очередь вы и намъ можете дать характеристику.

— Какую? — спросилъ Маржецкій.

— Ну, хотя бы «пустомелющихъ донъ-кихотовъ...» Не сердитесь? — прибавилъ онъ и протянулъ ему руку.

Маржецкій крѣпко ее пожалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ. — Въ вашихъ словахъ много правды. Есть и преувеличенья конечно. Но въ общемъ вы правы. — И онъ неожиданно для самого себя вздохнулъ.

На доктора вдругъ нашло раскаянье.

— Нѣтъ, право, я вѣдь не лично про васъ говорилъ; я старался охарактеризовать типъ.

Онъ подошелъ къ окну и заглянулъ на улицу.

— Ого, луна-то какъ уже высоко, — сказалъ онъ. — Давайте-ка спать.

— Давайте.

Онъ потушилъ свѣчу.

Маржецкій все еще не спалъ и слышалъ невообразимую возню доктора, который долго вертѣлся, фыркалъ, пыхтѣлъ и хрипло кашлялъ. Маржецкому захотѣлось достать изъ чемоданчика букетъ маргаритокъ, и онъ уже протянулъ къ нему руку, но вдругъ вспомнилъ слова доктора, и ему сдѣлалось стыдно. «Неужели и Лиза должна будетъ потерять для него всю свою прелесть, какъ только она будетъ сорвана и увянетъ?» Ему припомнился силуэтъ старухи Хомяковой и показалось, что докторъ былъ правъ.

IX.

И докторъ и Маржецкій проснулись рано, несмотря на то, что ночь довольно плохо спали: доктора душилъ его невыносимый «желудочный», какъ онъ называлъ, кашель, а Маржецкому въ низенькой кунацкой, еще сохранившей слѣды запаха черемши и пропитанной табачнымъ дымомъ докторскихъ «пушекъ», было не по себѣ; кромѣ того, тучи мухъ стали одолѣвать его къ утру.

Но только что его сталъ заводить сонъ и онъ задремалъ, какъ какіе-то монотонно протяжные звуки разбудили его.

Онъ выглянулъ въ окно.

Блистающее утро стояло на дворѣ, и съ сосѣдняго минарета

муэдзинъ, взобравшись на верхній балкончикъ его, призывалъ къ утренней молитвѣ.

— Великъ Аллахъ, великъ Аллахъ! — кричалъ онъ, — свидѣтельствую вамъ, что нѣтъ Аллаха, кромѣ единаго, свидѣтельствую вамъ, что Магометъ пророкъ Божій. Идите къ молитвѣ, идите къ счастью; молитва много лучше сна! Великъ Аллахъ, великъ Аллахъ, нѣтъ Аллаха, кромѣ Аллаха!...

Этотъ призывъ перевелъ Маржецкому докторъ, который за свое долголѣтнее пребываніе на Кавказѣ научился понимать «туземную тарабарщину».

Народъ шелъ мимо оконъ къ мечети, но нельзя было сказать, чтобы много правовѣрныхъ отправилось по этому призыву на молитву, другіе шли по направленію къ майдану за покупками.

Солнце блистало съ безоблачнаго, глубоко синяго неба, какъ гигантскій костеръ расплавленнаго металла; несмотря на раннее утро чувствовалось, что день будетъ жаркій, удушливый.

Оба путешественника торопились, чтобы выѣхать пораньше и сдѣлать возможно большій «перебѣгъ» до полудня, потомъ гдѣ-нибудь въ самый развалъ пекла «привалить» и другую часть пути продѣлать отъ пяти до ночи, когда можно будетъ дышать.

Докторъ наскоро вымылся, немилосердно отдуваясь и фыркая, а Маржецкій побѣжалъ купаться. Онъ вернулся освѣженный, бодрый, готовый пуститься въ путь.

Онъ чувствовалъ себя съ докторомъ гораздо лучше, чѣмъ наканунѣ. Они долго присматривались другъ къ другу, долго выслѣживали одинъ другого и, наконецъ, подошли къ такому моменту, когда необходимо было высказаться. И этотъ моментъ наступилъ вчера.

Маржецкій не нашелъ въ себѣ сегодня поутру никакого злого осадка противъ доктора. Напротивъ, онъ сталъ ему ближе и относился онъ теперь къ этому толстяку не съ такою высокомѣрною брезгливостью, какъ прежде.

Докторъ взялъ сегодня другой тонъ.

Ему какъ будто стыдно было за вчерашнія іереміады, и онъ началъ съ извиненій.

— Вы ужъ меня... тово... простите; распалился я вчера очень... Ну, и буза тутъ дѣйствовала, конечно...

— Такъ вы отказываетесь отъ своихъ обвиненій и отъ всего вчерашняго разговора? — поддразнилъ Маржецкій.

— Отказываюсь — нѣтъ! Но многое можно было бы посмягчить высказать въ другой формѣ.

— Къ чему? Не все ли равно проглотить хину въ облаткѣ или такъ?

— Въ облаткѣ не такъ горько.

— Золотите пилюлю или нѣтъ, она все же останется пилюлей.

— Позолоченая все же красивѣе...

Они распростились съ хозяиномъ, сѣли въ экипажъ и поѣхали.

Докторъ опять закурилъ свои пушки, которыя не выпускалъ изо рта и готовъ былъ, кажется, закоптить самое небо.

— Совѣсть-то у васъ, должно быть, охъ, какъ не чиста,—пошутилъ Маржецкій.

Тотъ его не понялъ сначала.

— А-а,—спохватился онъ,—это вы насчетъ табачнаго зелья! Ну, ужъ я такъ прикурился, что оно перестало мнѣ одурманивать совѣсть. Нѣтъ, это все пустяки. Вотъ буза—это другое дѣло. Вино дѣйствительно одуряниваетъ. И шибко же пьютъ на Кавказѣ; я вотъ, когда пріѣхалъ сюда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и вовсе не пилъ. И туземцы стали пить больше съ приходомъ русскихъ.

— Вы никакой цивилизаторской миссіи за нами не признаете?

— Да какъ же признать? Что мы сдѣлали для покореннаго края? До сихъ поръ грабежи, разбои, нападенія... А мы только кричимъ: надо за это судить военнымъ судомъ, надо больше вѣшать! Какъ будто въ этомъ дѣло! Конечно, надо карать преступленія, но лучше предупреждать ихъ, сдѣлать что-либо для смягченія нравовъ. И что же придумали? Сѣчь туземцевъ, а? Этакого сраму они никогда еще не знали. Этотъ способъ культивированья нравовъ—нашего привоза. И знаете, кто его выдумалъ?—Иванъ Петровичъ Бальцеръ. А кто допустилъ?—Нашъ милѣйшій Николай Ивановичъ. А все потому, что у него нѣтъ выработаннаго взгляда. Онъ же допускаетъ чтенія арестантамъ и онъ же допускаетъ сѣченіе туземцевъ. И вы думаете это помогаетъ? Это внесло страшную деморализацію. Сначала это терроризировало населеніе, потомъ къ этому позору стали привыкать. Что-жъ, разбои меньше стали?—ничуть. А эта исторія съ коммиссіей...

— Съ какой коммиссіей?

— По привлеченію туземцевъ къ военной службѣ. Вы думаете, они уклонялись отъ военной службы?—ничуть. Молодежь рвалась служить. И чуть все дѣло не испортили и не вызвали новаго возстанія.

— Но почему?

— Потому что русскіе же чиновники стали по ауламъ распро-

странять миленькія шуточки: «погодите, подлецы, будете служить вмѣстѣ съ солдатами и хлебать изъ одного котла щи со свининой». Ну, къ чему это, я васъ спрашиваю? Вѣдь народъ этотъ легковѣренъ, какъ ребенокъ. Къ чему его пугать нелѣпыми слухами? Съ нимъ нужно обращаться, хотя на первыхъ порахъ, бережно, любовно... Не все же только «спасительная строгость» — этотъ девизъ нашего Бальцера. Да и чѣмъ наши доморощенные цивилизаторы культурнѣе дикарей-туземцевъ? Вонъ, въ прошломъ августѣ, казакъ, безъ всякаго видимаго повода, ударилъ ружьемъ по головѣ туземца, ѣхавшаго на арбѣ съ кукурузой, а другой добилъ несчастнаго камнемъ. Или вотъ другой случай, я самъ былъ свидѣтелемъ: изъ-за бугра показывается арба. Туземецъ везетъ въ ней зерно на мельницу. Ему лѣтъ восемьдесятъ. Сзади арбы идетъ его внука. Дюжіе парни-казаки выскакиваютъ изъ засады и начинаютъ закидывать старика комками засохшей грязи и камнями. Быки опрокидываютъ арбу, кукуруза разсыпается на дорогу, а побитый старикъ плачетъ. Я пожаловался атаману станицы. «Что-жъ, ребята балуются, нешто за всѣми углядишь?» — «Но вѣдь этого такъ оставить нельзя».—«Мы сами отъ гололобыхъ терпимъ не меньше». Вотъ вамъ факты. Мы внесли какую-то мелкую, мучительную для обѣихъ сторонъ партизанскую войну вмѣсто умиротворенія. Мы не сумѣли сплотить два когда-то враждебныхъ элемента, не сумѣли умиротворить, объединить ихъ. Мало вѣдь того, чтобы туземцы только боялись администраціи,—надо, чтобъ они ей довѣряли и уважали ее... Терроръ возможенъ еще, какъ временная мѣра, но нельзя же его возводить въ принципъ!

— Но почему же это такъ?— спросилъ, наконецъ, Маржецкій.

— Почему, почему? Тутъ, вѣроятно, много причинъ. И низкій уровень — нравственный и служебный — представителей мѣстной администраціи, и многое другое. Вѣдь кто идетъ служить къ намъ? Тѣ, кто не ко двору въ Петербургѣ. Ссылаемые сюда за «неприличные гвардіи офицеру проступки»—элементы тронутые, не свѣжіе. Никто не идетъ къ намъ служить изъ любви къ краю, изъ искренняго желанія принести ему пользу. Они и подрываютъ въ глазахъ туземцевъ авторитетъ администраціи. Мы вообще не народолюбивы, мы и своего-то народа не знаемъ и не любимъ,—гдѣ намъ знать, интересоваться и любить чужой народъ? Кто у насъ идетъ добровольно въ деревню? Кто изучаетъ свойства духа его мужичка? Его или идеализируютъ, или поносятъ. Серьезнаго отношенія къ нему нѣтъ до сихъ поръ. Какъ же вы хотите, чтобы мы относились серьезно къ какимъ-то дикарямъ-кавказцамъ?

Русскій интеллигентъ по преимуществу—индифферентенъ. Онъ ничѣмъ не интересуется кромѣ того, что касается его лично, его узкихъ, утилитарныхъ вопросовъ. А какая богатая почва для культурной работы на Кавказѣ! Возьмите хоть туземные языки. Природа кладетъ свой отпечатокъ на духовный строй народовъ. Могучая, титаническая природа Кавказа наложила на народы его населяющіе эту печать. Это отразилось и на ихъ языкѣ и на ихъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ. Туземная рѣчь богата оригинальными изреченіями, поэтическими сравненіями, эпитетами, поговорками, пословицами. Вотъ хоть бы вчерашняя легенда о какомъ-то великанѣ, прикованномъ къ скалѣ. Это, очевидно, миѳъ о Прометеѣ. Откуда онъ сюда попалъ? Какія связи между нимъ и древне-греческими сказаніями? Какое богатое поле для научныхъ и литературныхъ изслѣдованій! А кто этимъ занимается? Русскіе интеллигентные люди занимаются на Кавказѣ игрой въ винтъ, питьемъ кахетинскаго и всякаго вида флиртами. Нѣтъ, гдѣ ужъ намъ выступать въ роли культуртрегеровъ! Туземцы-интеллигенты сами бы рады выступить въ роли просвѣтителей своего народа. Но ихъ мало. Нѣкій горецъ Шора Ногмовъ въ тридцатыхъ еще годахъ составилъ кабардинскую грамматику и въ предисловіи къ ней возопіялъ: «я не доживу, не увижу этой сладкой минуты, когда родина моя оставитъ все то, что отдѣляетъ ее отъ людей просвѣщенныхъ, когда обратится къ добру и познанію...» Какая святая вѣра въ родину! Но съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, а Кавказъ — все еще Кавказъ, отдѣленный высокою стѣной отъ цивилизаціи, отъ просвѣщенія. И никто изъ васъ, молодежи, никто не хочетъ начать подкапывать эту стѣну... Вамъ кажется гораздо болѣе интереснымъ дѣлать открытія въ душѣ такой интересной барышни, какъ наша Лизавета Степановна Хомякова...

— Это вы на мой счетъ, конечно? — вспыхнулъ Маржецкій.

— Пожалуй. Кто говоритъ, интересная барышня Лизавета Степановна, но есть на свѣтѣ многое поинтереснѣе ея! Но въ томъ-то и дѣло, что нами много расходуется энергіи на односторонніе цѣли; большинство гонятся за прихотями и приноситъ имъ въ жертву всякую иную дѣятельность.

Маржецкій ничего не отвѣчалъ.

Ему въ сущности уже надоѣли «рацеи» доктора, какъ онъ называлъ про себя его рѣчи; но онъ уже не питалъ къ нему злобнаго чувства. На него вдругъ нашелъ приливъ откровенности; ему хотѣлось бы поговорить съ этимъ «проповѣдникомъ и моралистомъ» по душѣ.

На солнцѣ начинало жечь немилосердно и распалило его; докторъ тоже пріумолкъ.

Оба задремали; дорога была неровная, тряская и постоянные толчки будили ихъ.

Наконецъ, подчиняясь все болѣе и болѣе овладѣвавшей имъ потребности къ откровеннымъ изліяніямъ, Маржецкій заговорилъ:

— А что, докторъ, нравится вамъ Лизавета Степановна?

Докторъ искоса оглядѣлъ его.

— Ничего себѣ. Барышня умненькая,—ухмыльнулся онъ,—одно ея несчастье—все нападаетъ на такихъ кавалеровъ... петербургскихъ.

— Какъ кто?—спросилъ Маржецкій.

— Какъ этотъ... тотъ... петербургскій полковникъ... и...

— И я?—смѣло проговорилъ Маржецкій.

— Ну, вы...—протянулъ докторъ. — Вы даже и права не имѣете становиться на его дорогу.

— Почему?—необдуманно и ревниво вскрикнулъ Маржецкій.

— Какъ это — почему?—Потому что вы пріѣхали къ намъ не одни.

— Но и тотъ, вѣдь, былъ несвободенъ.

— А я про что же и говорю? Это ея несчастье. Но довольно съ нея и одного. Неужели вы еще тутъ имѣете виды?

— Никакихъ,—сухо отвѣтилъ Маржецкій.

— А ваша...—затруднился докторъ,—ваша барыня...

Онъ не кончилъ вопроса, но Маржецкій угадалъ, что хотѣлъ спросить докторъ.

— Она—танцовщица,—просто заявилъ онъ.

Оба помолчали.

— Вы противъ этой профессіи, конечно?—иронически и безпокойно спросилъ Маржецкій.

— И ничуть,—искренно отвѣтилъ докторъ. — Я не вижу, чѣмъ танцовщица хуже нашихъ изломанныхъ куколъ...—прибавилъ онъ съ озлобленіемъ.—Важенъ человѣкъ, а не его профессія. И судебный приставъ можетъ быть человѣкомъ съ сердцемъ и постигать Спенсера. А вотъ наши куклы, которыя такъ шокированы появленіемъ въ городѣ танцовщицы, совершенно безнадежны. И къ тому еще лицемѣрки. А это хуже всего. Выступаютъ онѣ въ роли столповъ благотворительности и всякой добродѣтели, а за ними блохъ много!—пошутилъ онъ.

И съ чисто-провинціальною любовью къ интимнымъ разоблаченіямъ онъ сталъ раскрывать Маржецкому городскія тайны: княж-

ны очень вольно ведутъ себя,—ихъ мечта попасть во что бы то ни стало въ Петербургъ, который имъ рисуется городомъ полнымъ соблазновъ. Настя Зуева навѣрно кончитъ плохо,—у нея пылкая натура, которая ищетъ только удобнаго случая для своего обнаруженія. У ней голосокъ, и она увлекается опереткой и подноситъ цвѣты опереточному тенору Воробьеву. Марья Львовна Зорина, имѣющая пятерыхъ дѣтей и громче всѣхъ кричащая о нравственности, далеко не безупречна и ѣздила съ однимъ изъ «подчиненныхъ ей чиновниковъ» въ Петербургъ «освѣжаться». Въ свою очередь ея мужъ «развлекался» здѣсь съ одною малороссійскою актрисой. При Сарѣ Петровнѣ Рувимской давно уже состоитъ одинъ эскадронный командиръ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. И онѣ всѣ при каждомъ удобномъ случаѣ кричатъ о нравственности и о ея паденіи. Нѣтъ, Богъ съ ними, я не поклонникъ нашихъ столповъ.

Кое-гдѣ по дорогѣ попадались имъ длинные шесты съ развѣвавшимися на нихъ черными флагами.

— Что это?—спросилъ Маржецкій.

— Это чумная эпизоотія,— отвѣтилъ докторъ. — Сюда отводятъ зараженный скотъ изъ селеній и убиваютъ. Населенію очень это не нравится, и они со сдержанною ненавистью выносятъ ветеринаровъ. Бабы въ особенности бунтуютъ.

Въ двухъ-трехъ поселкахъ они останавливались и опрашивали о холерѣ.

Здѣсь слухи стали тревожнѣе. Многіе «жаловались животомъ», а въ одномъ хуторѣ былъ даже случай смерти. Вездѣ ихъ встрѣчали и провожали злобные, негодующіе взгляды.

Къ часу дня солнце пекло неимовѣрно. Они подъѣзжали къ селенію, въ которомъ хотѣли переждать жаркую пору дня и къ вечеру двинуться дальше.

Не доѣзжая до селенія, они увидѣли группу людей, вооруженныхъ не то палками, не то вилами, которыми они махали, повидимому, угрожая ихъ тройкѣ.

Докторъ недоумѣвалъ.

Двое отдѣлились отъ толпы и сиплыми голосами закричали:

— Стой, ни съ мѣста!

— Что вамъ, братцы, нужно?—спросилъ ихъ докторъ.

Толпа загудѣла, зашумѣла. Послышались ругательства, плоскія шутки.

— Идемъ выручать скотину отъ подлецовъ-ветерановъ,—объ

яснилъ ему одинъ парень, стоявшій поближе.—Они ее травятъ, а потомъ убиваютъ.

— Да что вы, ребята, порете?—говорилъ докторъ.—Ну, зачѣмъ ветеринару травить вашу скотину?

— Знаемъ, знаемъ! За каждую убитую голову имъ по три рубля отъ казны причитается.

— Ложь это!—закричалъ докторъ.—Злые люди вамъ это наговорили! Ежели зараженную скотину оставить въ стадѣ, она все стадо заразитъ и весь вашъ скотъ падетъ. Вотъ почему ее отдѣляютъ и бьютъ.

Парень, стоявшій поближе, подмигнулъ толпѣ.

— Ишь, ребята, за ветерановъ застаиваетъ. Самъ ветеранъ. Не пущать ихъ! Буде!

— Не пущать, не пущать!—загалдѣла толпа.

— Слышь, ямщикъ! Поворачивай во-свояси...

Ямщикъ было хотѣлъ прорваться впередъ сквозь окружавшую ихъ толпу, но буяны заревѣли не своимъ голосомъ.

— Тебѣ говорятъ—назадъ! Ай хочешь отвѣдать рогатины?

Степенный старикъ остановилъ толпу, начинавшую уже сильно волноваться.

— Стой, ребята!

Онъ растолкалъ ихъ, подошелъ къ доктору, снялъ шляпу и почтительно проговорилъ:

— Вашескородіе! Просимъ васъ, сдѣлайте такую милость,—уѣзжайте отъ насъ. Потому вы, по обличью, докторъ, а докторовъ мы сообща рѣшили болѣе не допущать. Буде!

— Да за что же такъ?—пробовалъ еще убѣдить ихъ докторъ.—Что «буде»-то?

— А то и буде, вашескородіе, что повластвовали, значитъ, понакуражились. Во сколько скотины извели! А мы болѣе не согласны.

Маржецкому хотѣлось напугать ихъ властью губернатора, но докторъ не допустилъ до этого. Всякая угроза могла, въ виду возбужденія толпы и очевиднаго ея нетрезваго состоянія, разыграть ь искры, попавшей въ порохъ.

— Нѣтъ, ужъ вы оставьте,—шепнулъ ему докторъ,—и громприказалъ ямщику:

— Что-жъ, гони обратно!

, вновь обращаясь къ толпѣ, сказалъ:

— А только не дѣло вы затѣяли, ребята; какъ бы отъ этого худа какого не вышло...

— Не твоя печаль!—закричали ему.—Хуже того, что есть, не будетъ.

Ямщикъ повернулъ и погналъ лошадей по дорогѣ къ станціи.

За ними раздавалось гиканье, свистъ, дикій ревъ.

Когда они отъѣхали на большое разстояніе и толпа исчезла изъ ихъ глазъ, ямщикъ взялъ въ сторону, чтобы большимъ крюкомъ объѣхать возмутившееся село и затѣмъ благополучно достичь слѣдующей станціи.

Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ неблагополучнѣе попадались имъ селенія. Унылый звонъ съ колоколенъ, рѣдкій и протяжный, свидѣтельствовалъ о чьихъ-либо похоронахъ. Попадались имъ и процессіи.

— Отъ чего умеръ? - спрашивалъ участливо докторъ у кого-нибудь изъ провожавшихъ.

— Кто его знаетъ, —отвѣчали ему.— Маялся, маялся животомъ, значитъ, а сегодня поутру и скрючило. Всего два дни-то и маялся.

Въ деревню ихъ пустили. Но староста, котораго они вызвали, разсказывалъ имъ странныя вещи, изъ которыхъ было видно, до чего масса народа была груба и суевѣрна. Онъ говорилъ имъ и о ходившихъ слухахъ: «ветеринары убивали скотину, а теперь рѣшили убивать людей. За скотину они получали по три рубля съ головы, а за человѣка больше, потому что подкуплены англичанкой».

— Да вы бы ихъ спросили, наконецъ, зачѣмъ же этой самой англичанкѣ подкупать докторовъ?

— И спрашивалъ.

— Ну, и что же?

— А затѣмъ, говорятъ, чтобы ей легче было воевать съ Россіей. Теперь, вишь, въ Россіи много народу, всѣхъ не переколотишь,—ну, а когда меньше его будетъ, тогда и колотить легче.

— Чортъ знаетъ что!—вырвалось у доктора.

— И пьютъ!—продолжалъ староста,—съ отчаянія все проп ваютъ. Все равно помирать, дескать.

— Вотъ оно, невѣжество-то!—вздохнулъ докторъ въ стор ну Маржецкаго.

— Невѣжество какъ есть,—согласился староста.—Распили

такъ, удержу на нихъ нѣтъ. Просто не сладишь. Онамеднись гулящіе молодцы похитили со двора старшóго лѣсного объѣздчика заарестованное бревно и пропили его. Ну, натурально, слѣдователь...

— А смертность какъ?

— Шибко мереть стали...

— Отъ живота все?

— Больше отъ живота.

— Плохо дѣло!--серьезно сказалъ докторъ.

— Чего хуже,—согласился староста.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Александръ Николаевичъ Островскій *).

(По моимъ воспоминаніямъ).

По невольному тяготѣнію и сродству душъ, всѣ наличныя художественныя силы Москвы находились естественнымъ образомъ въ тѣсномъ сближеніи съ литературнымъ кружкомъ «Молодой Редакціи Москвитянина», начиная съ музыкальныхъ художниковъ, каковы: Николай Рубинштейнъ и Дютшъ, и кончая художниками въ собственномъ значеніи, каковы: профессоръ школы живописи и ваянія Рамазановъ и художникъ Боклевскій (скончавшійся въ Москвѣ въ началѣ текущаго года).

Петръ Михайловичъ Боклевскій, къ самому началу литературной извѣстности Островскаго, успѣлъ вернуться изъ-за границы, куда ѣздилъ для изученія школъ живописи (преимущественно испанской), по окончаніи полнаго университетскаго курса. Съѣздилъ онъ не только въ Италію, но и въ Испанію счастливцемъ для тѣхъ временъ строжайшихъ запретовъ на выѣздъ, осложненныхъ большими хлопотами и усиленныхъ дороговизною заграничныхъ паспортовъ. Когда выросла слава Островскаго,—Боклевскій явился къ нему на помощь, какъ толковникъ художественныхъ красотъ во всеоружіи опыта и силы. Испробовавъ ихъ въ блестящихъ, всѣмъ извѣстныхъ, рисункахъ бойкимъ мастерскимъ карандашемъ типовъ *Мертвыхъ душъ* и другихъ произведеній Гоголя,— Петръ Михайловичъ съ такою же любовью и съ такимъ же точно проникновеніемъ въ суть творческаго замысла изобразилъ типы изъ комед *Бѣдность не порокъ*. Они плѣнили Тургенева въ оригиналѣ до та кой степени, что онъ добровольно вызвался дать имъ ходъ и з ботливо хлопоталъ объ изданіи рисунковъ у петербургскихъ изд телей (объ этомъ уже былъ случай упомянуть въ «Воспоминан.

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 97 г.

яхъ объ И. Ѳ. Горбуновѣ», въ письмѣ И. С. Тургенева къ А. Н. Островскому).

Это сближеніе передовыхъ людей московской интеллигенціи въ особенный кружокъ (отдѣльно отъ профессорскаго), если и произошло отъ того, что, по случайному совпаденію, всѣ были «ровесниками», т.-е. ровнями по годамъ, то, съ другой стороны, скрѣпленію его главнѣйшимъ образомъ содѣйствовало другое важное обстоятельство: всѣ они безусловно были «сверстниками»: сплоченность союза облегчалась тѣмъ, что подошли другъ къ другу подладъ и подстать. Тѣмъ не менѣе, мягкой и любящей, снисходительной и уступчивой натурѣ А. Н. Островскаго значительною долею обязанъ былъ этотъ кружокъ тѣмъ, что дружно велъ свое дѣло и не расходился долгое время, несмотря на замѣчательное разнообразіе составныхъ элементовъ. Въ московскомъ разобщенномъ обществѣ, охотно и ярко предъявлявшемъ наклонность къ уединенію и отчужденію отъ того, что находится внѣ сферы личныхъ коммерческихъ интересовъ, уже одна эта возможность сближенія составляетъ немалую заслугу. Быть же связующимъ звеномъ въ такомъ разнохарактерномъ сборѣ видимо не подходящихъ лицъ, въ какомъ поставили Александра Николаевича случайныя обстоятельства,—это уже нѣчто, выходящее изъ ряда всеобщихъ обычныхъ явленій. Уральскій казакъ и торговецъ изъ оптоваго склада Ильинскихъ рядовъ, знаменитый виртуозъ, не имѣвшій себѣ соперниковъ въ Москвѣ и раздѣлявшій славу съ Антономъ Рубинштейномъ и его братомъ Николаемъ, и рядомъ кимровскій мужичокъ—бывшій сапожникъ; учитель чистописанія и рисованія и извѣстные критики-эстетики; землемѣръ и актеры — всѣ объединены и согласованы, всѣ, подъ однимъ знаменемъ служенія изящному и любви къ народу, исполняютъ честный долгъ передъ дорогой и святой родиной.

Уральскій казакъ—Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ—прибылъ въ Москву случайно для временнаго жительства по казенной надобности, какъ адъютантъ командира казачьей сотни, а уѣхалъ изъ нея почтеннымъ литературнымъ дѣятелемъ, извѣстнымъ не въ однихъ лишь предѣлахъ своего войска. Можно смѣло сказать, что кружокъ Островскаго создалъ въ немъ литератора, и онъ сталъ таковымъ, даже лично для себя, совершенно неожиданнымъ и незванымъ образомъ.

Чтобы сдѣлаться Желѣзнову литераторомъ-народникомъ, понадобилась случайная встрѣча съ Шаповаловымъ и Дріанскимъ. Послѣдній и ввелъ его въ компанію Островскаго, съ которою І. Игн. не порывалъ своихъ связей во все время пребыванія своего въ

Москвѣ въ теченіе двухъ послѣднихъ сроковъ командировки. Съ 1853 года его можно было встрѣчать и въ тѣхъ двухъ комнатахъ на антресоляхъ своего дома, которыя занималъ Островскій и въ большихъ залахъ стариннаго барскаго дома М. П. Погодина на Дѣвичьемъ полѣ, и въ тѣхъ двухъ просторныхъ квартирахъ Евг. Ник. Эдельсона на Полянкѣ и Кисловкѣ, гдѣ всего чаще собирались московскіе литераторы читать свои произведенія и обмѣниваться мыслями. Здѣсь главнѣйшими руководителями при оцѣнкѣ и въ направленіи неизбѣжно возникавшихъ при этомъ споровъ являлись: самъ хозяинъ, превосходно образованный, воспитавшійся на началахъ нѣмецкой эстетической критики, переводчикъ Лессингова *Лаокоона*, и Ап. Ал. Григорьевъ, горячій поклонникъ Островскаго съ самаго появленія его первой комедіи отыскавшій въ ней и въ послѣдующихъ то классическое «новое слово», съ которымъ, какъ съ литературнымъ терминомъ, нераздрывно связано и самое имя этого знаменитаго критика, восторженнаго до крайнихъ увлеченій въ совершенный контрастъ съ симпатичнымъ — деликатнымъ и нѣжнымъ — и совершенно уравновѣшеннымъ Евг. Н. Эдельсономъ. Не нуждавшійся въ матеріальныхъ средствахъ Ев. Н., въ новую противоположность — именно съ А. Н. Островскимъ, почти полжизни проведшимъ въ тискахъ нужды, — имѣлъ полную возможность учащать собраніе друзей и съ тою же гостепріимною готовностью, привѣтомъ и ласкою принимать, не тяготясь, и новыхъ добровольцевъ, предъявившихъ литературныя способности, хотя бы и въ зачаткахъ.

На этомъ послѣднемъ основаніи допущенъ былъ сюда и Желѣзновъ — пришелецъ съ вольнаго Яика и изъ киргизскихъ степей — обратившій на себя вниманіе живыми разсказами объ удалыхъ казачьихъ подвигахъ на Каспійскомъ морѣ, во время такъ называемаго аханнаго рыболовства. Его уговорили записать этотъ разсказъ на бумагѣ; общимъ совѣтомъ выровняли, вычистили, исправили написанное и, по общему же приговору, постановили его напечатать въ послѣднихъ книжкахъ *Москвитянина* 1854 г. *Картинами аханнаго рыболовства* Погодинъ остался очень доволенъ и затѣмъ хвастливо разсказывалъ: «Въ немъ (Желѣзновѣ), несомнѣнно, есть талантъ, и еслибъ онъ получилъ получше образованіе, онъ далеко пошелъ бы. Я благословилъ его на литературное поприще и не ошибся въ его призваніи». Не ошиблась собственно въ Желѣзновѣ «Молодая Редакція», которая одна и дала направленіе дѣятельности молодого писателя, разъяснивъ ему значеніе государственное и общечеловѣческое, всего того жизненнаго строя

которымъ три уже столѣтія руководилось родное ему казачье войско. Во время горячихъ и безконечныхъ споровъ того времени о русской общинѣ, уральскій казакъ могъ легко вывести споривших, вѣровавшихъ и сомнѣвавшихся, изъ области теоріи на ту почву, гдѣ на самой практикѣ воочію осуществлялось это основное начало всей русской народной экономической жизни. Нарисовавши картину, гдѣ казачья община, вѣрная завѣтамъ предковъ, въ примѣненіи коренныхъ основъ общиннаго строя, не останавливается передъ смертельными опасностями на морскихъ промыслахъ, Желѣзновъ могъ развернуть и такія мирныя, согласованныя въ красивый строй и изящныя степныя картины, какія представляютъ два другія способа рыболовства, такъ называемый «севрюги» и въ особенности «плавня». Въ томъ и другомъ одновременно принимаетъ участіе все наличное казачье населеніе богатаго рыбою Урала, — и зрѣлище является дѣйствительно изумительнымъ и, положительно, единственнымъ въ цѣломъ мірѣ. Богатство рѣки съ золотымъ донышкомъ настолько обезпечивало все войско, что оно не имѣло нужды прибѣгать къ подспорнымъ промысламъ и занятіямъ иного рода. До 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія впустѣ лежали, въ сѣверной части казачьей земли, невоздѣланными и нетронутыми богатыя черноземныя вѣковыя залежи, на которыхъ родится теперь пшеница, признанная на волжскихъ хлѣбныхъ пристаняхъ за самый высшій сортъ. Самую торговлю, какъ и хлѣбопашество, считали коренные казаки неприличнымъ для своего званія занятіемъ, предоставляли ее наѣзжимъ изъ Россіи купцамъ. Въ то же время казаки упорно лишали своихъ гостей права осѣдлости на своихъ земляхъ, стѣсняли пріобрѣтеніемъ земельныхъ участковъ даже подъ дома и сады въ обоихъ своихъ городахъ (Уральскѣ и Гурьевѣ) и во всѣхъ форпостахъ и награждали сверхъ того этихъ «иногороднихъ» злыми и насмѣшливыми прозвищами. Словомъ сказать, во время пребыванія Желѣзнова въ Москвѣ, родной и возлюбленный его Уралъ продолжалъ еще жить обособленно, отрѣзаннымъ ломтемъ, независимо отъ метрополіи, слѣдуя завѣту предковъ: «живи, пока Москва не провѣдала». Это казакамъ удавалось въ прошлыя два столѣтія, въ срединѣ нынѣшняго уже съ меньшимъ успѣхомъ, и съ нѣкоими зловѣщими признаками, которые свидѣтельствовали о томъ, роковая бѣда надвигается. На колебаніе общиннаго строя, внутренно налаженнаго ко благу народа тремя вѣками, уже устремились властныя руки, опасныя своимъ равнодушіемъ при внѣшней силѣ и своимъ неумѣлымъ и скороспѣлымъ вмѣшательствомъ. Борьбѣ съ ними и погибъ этотъ истый казакъ, страстно пре-

данный интересамъ родины, когда осложнились условія жизни казачьей общины и на почвѣ ея интересовъ возникли столкновенія со властью наказнаго атамана. Какъ типичный представитель казачества, Желѣзновъ былъ по взглядамъ на государство несомнѣннымъ консерваторомъ и монархистомъ: идеалъ его заключался въ вѣчевомъ устройствѣ, полной независимости и въ возможно широкомъ самоуправленіи общины.

Болѣе умный, чѣмъ талантливый, менѣе образованный, чѣмъ дѣловой и практическій, Іосафъ Игнатьевичъ сдѣлался любимцемъ московскаго кружка изъ коренныхъ русскихъ людей, наиболѣе тѣмъ, что былъ самобытнымъ и цѣльнымъ человѣкомъ, съ тѣми исключительными чертами, которыя свойственны были ему, какъ природному казаку. Не какъ особнякъ или новинка, онъ оказался симпатичнымъ и сдѣлался своимъ человѣкомъ по личнымъ качествамъ, по готовности дѣлиться богатыми сырыми матеріалами и по той горячей любви, которая ярко свѣтилась во всѣхъ его разсказахъ о родной странѣ.

Молчаливый, глубоко сосредоточенный въ себѣ, какъ сама казачья думка о грядущихъ временахъ, навѣянная лихими вѣтрами съ Оренбургской стороны, и скорѣе прислушливый, чѣмъ разговорчивый, Желѣзновъ переставалъ походить на себя, когда разговоръ заходилъ о казачествѣ, а въ особенности о казачьемъ офицерѣ, ярмо котораго онъ давно уже носилъ и имъ тяготился. Тогда оживлялось его круглое лицо съ нѣсколько развитыми верхними челюстями и загарались глаза въ узкопрорѣзанныхъ орбитахъ,—коренныхъ признакахъ его происхожденія на степномъ Уралѣ, смежномъ съ кочевьями киргизовъ (дѣдъ Желѣзнова полжизни провелъ въ степи, отецъ также ходилъ по службамъ и пропалъ безъ вѣсти). Нельзя было не любоваться на его коренастую, широкоплечую фигуру, когда онъ свободно, по закону кружка, знакомилъ съ частностями быта своей родины, рисуя ее, какъ бы вновь открытую страну и щедро, массою новыхъ и вовсе неизвѣстныхъ данныхъ, восполнялъ усвоенныя кружкомъ знанія новыми чертами для характеристики русскаго духа, въ лицѣ этого оторваннаго и уединившагося осколка великорусскаго племени. Какъ съ подлинными новинками, онъ знакомилъ съ казачьими пѣснями, а главнѣйшим образомъ съ ихъ «сказаніями». Для собранія послѣднихъ, подъ вліяніемъ московскаго кружка, онъ даже нарочно съѣздилъ изъ Москвы на побывку, а вернувшись въ Москву, снова и усерд занялся самообразованіемъ и главнымъ образомъ изученіемъ истрическихъ актовъ, относящихся до казачества. Подъ руководство

московскихъ друзей и при ихъ хлопотахъ и содѣйствіи, онъ усидчиво занимался въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства, написалъ сочиненіе *Уральцы*, записалъ *Преданія о Пугачевѣ*, готовился къ составленію *Исторіи войска* (всѣ его сочиненія, напечатанныя въ 1888 г., составили три тома, а до того времени они печатались по частямъ: въ *Москвитянинѣ*, *Библіотекѣ для чтенія* и друг. изданіяхъ). Въ отвѣтъ на дружескій пріемъ и фактическую помощь Желѣзновъ отвѣтилъ искреннею привязанностью къ Москвѣ, мечталъ въ ней поселиться на болѣе продолжительное время, чѣмъ дозволяли его временныя казенныя командировки. Онъ успѣлъ уже установить съ Москвою прочныя связи; сюда устремилъ всѣ свои симпатіи. Сюда же звали его перебраться и глубоко сожалѣли о томъ, что коренные казачьи законы воспрещаютъ всякій выходъ изъ сословія, дѣлая казака на вѣки прикрѣпленнымъ, со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ, къ своей землѣ и своему войску.

Мы были личными свидѣтелями того глубокаго сожалѣнія, съ какимъ встрѣчено было въ Москвѣ роковое извѣстіе, что І. И. Желѣзновъ застрѣлился въ Уральскѣ (въ 1863 году). Недостойная интрига и злобная зависть, съ примѣсью рабскаго прислуживанья и угодничества, дерзнула покуситься на его прочно установившуюся репутацію честнаго человѣка, образцоваго патріота и даровитаго изслѣдователя родины и уважаемаго отечественнаго писателя. Онъ сталъ еще болѣе задумчивымъ и необщительнымъ: началъ заговариваться, измѣнилъ всѣ свои прежнія отношенія къ казакамъ: пересталъ ихъ принимать и бесѣдовать съ ними. А по свидѣтельству земляковъ, онъ былъ ласковъ и обходителенъ съ простыми казаками. И эти отвѣчали ему такимъ расположеніемъ и откровенностью, какими едва ли кто-либо и когда-либо пользовался изъ лицъ привилегированныхъ и офицеровъ. Вскорѣ затѣмъ онъ очень настойчиво сталъ указывать на преслѣдованія и называть такихъ лицъ, которыя совсѣмъ сюда не подходили. Какъ ни старался онъ сохранить присутствіе духа и себя подбадривать, умопомѣшательство его стало обнаруживать острую форму и ждало лишь ново толчка. Онъ не замедлилъ. Его, избраннаго обществомъ ассесора войскового правленія, назначили въ полкъ даже не сотеннымъ командиромъ и предписали выѣхать изъ Уральска въ убійственную степную глушь.

10 іюня 1863 г. Желѣзновъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ охотничьяго ружья, заряженнаго дробью. Пока товарищи собирались въ Уральскѣ поставить на его могилѣ памятникъ, московскіе

друзья помянули его добрымъ словомъ и панихидою. Когда издатель *Дѣтскаго чтенія* (казакъ В. П. Бородинъ) задумалъ черезъ 23 года по смерти Іос. Игн. издать *Преданія*, *Сказанія* и *Пѣсни Уральскихъ казаковъ*, А. Н. Островскій на письмо къ нему отвѣчалъ полнѣйшею готовностью изготовить свои воспоминанія объ этомъ превосходномъ, честнѣйшемъ, но несчастномъ человѣкѣ. Только смерть Алек. Ник. въ томъ же 1886 году помѣшала исполнить его завѣтное желаніе.

Когда зимою рокового года привелось мнѣ, по порученію морского министерства, прибыть въ Уральскъ, тамъ не только живы были разсказы о страшной катастрофѣ, но далеко не смолкъ всеобщій ропотъ, сдержанный лишь благоразуміемъ тогдашней молодежи.

Одинъ старикъ казакъ, готовно пересказывая мнѣ (неважныя, впрочемъ), подробности событія, взволновавшаго все войско, высказался такъ:

— Пропала наша «застѣя».

Одновременно съ Желѣзновымъ въ кружкѣ Островскаго можно было встрѣчать другого радѣльника и печальника за народные интересы, но иного склада и покроя, хотя столь же любящаго и искренняго. Это—Сергѣй Арсеньевичъ Волковъ. Въ молодости шилъ онъ на всю молодую редакцію *Москвитянина* фасонистые и крѣпкіе сапоги. Когда стали подростать его сыновья и вступать въ тотъ возрастъ, гдѣ надобится и внимательный и строгій отцовскій глазъ, онъ перебрался въ родную деревню Сухую—на Волгу, въ 7 верстахъ внизъ по Волгѣ отъ села Кимръ, однако, все въ томъ «сапожномъ государствѣ», гдѣ у всякаго «шильцо въ рукахъ и щетинка въ зубахъ». Сер. Арс. занялся, впрочемъ, исключительно сельскимъ хозяйствомъ, но съ особенною охотою облюбовалъ Божью угодницу пчелку. Когда я, послѣ пушкинскихъ праздниковъ, съ товарищами навѣстилъ его въ деревнѣ, онъ, какъ увлекающійся юноша, хвастался успѣхами въ этомъ хозяйствѣ и несмотря на раннюю пору лѣта, вырѣзалъ-таки соты и поподчивалъ насъ. По обычаю жаловался онъ и въ этотъ разъ на распущенность нравовъ своихъ сосѣдей,—попечалился и на свою пчелку:

— Раскурили наши озорники табашныя трубки на сѣновалахъ,—и занялась наша деревня съ того конца. Ну, думаю, Божья власть: этотъ старый домъ не жаль,—довольно онъ мнѣ послу жилъ. А вспомнилъ я про пчелку и пожалѣлъ,—повелась она у меня умница на усладу и великое утѣшеніе. Пожалѣлъ я ее всѣмъ сердцемъ: сталъ таскать колодки, сколь ни тяжелы онѣ,—на сво

ихъ рукахъ. Ухвачу въ охапку и тащу въ свой омшаникъ за деревней. Восемь колодокъ перетаскалъ, съ девятою такъ и повалился на нее, какъ снопъ.

— Усталъ, что ли, выбился изъ силъ?

— Нѣту,—стерпѣть не могъ: изожгли.

Такимъ-то вотъ богатыремъ онъ сохранилъ себя далеко за 70 лѣтъ, и разсказывалъ о своихъ старческихъ подвигахъ съ тѣмъ откровеннымъ простосердечіемъ, которымъ всѣ, знавшіе его, положительно любовались. Бывало слушаетъ - слушаетъ чтеніе Алек. Ник. да и вставитъ свое вѣское словцо въ подтвержденіе. На это онъ былъ охотливъ и большой мастеръ, хотя нерѣдко книжныя, вычитанныя въ житіяхъ, слова передѣлывалъ на свой ладъ иногда очень забавно. Не затруднялся онъ также дополнять кое-какими своими замѣтками многіе художественные характеры въ выслушанныхъ имъ пьесахъ нашего драматурга, который все это принималъ легкимъ сердцемъ къ своему свѣдѣнію, такъ какъ и высказывалось все это спроста и сразу, безъ всякихъ заднихъ мыслей и подходовъ. Впрочемъ, въ завѣтныхъ спорахъ о порчѣ нравовъ и въ придуманныхъ имъ дома строжайшихъ мѣрахъ исправленія былъ неуступчивъ и упрямъ. Ко всѣмъ знакомымъ сохранялъ неизмѣнную дружбу до гроба, а потому у всѣхъ былъ дорогимъ гостемъ, когда, пользуясь глухимъ зимнимъ временемъ, наѣзжалъ сюда или въ Москву навѣстить дружковъ, прислушаться къ новостямъ, разсказать о томъ, что теперь и впрямь съ молодежью никакого нѣтъ слада.

— Все перемѣнили: и лики свои, и одѣянія, какъ и въ житіяхъ писано. Понадѣли куцые спинжаки, по жилету цѣпочку распустили. Пора стоитъ лѣтняя, жаркая, а у него калоши на ногахъ и зонтикъ въ рукахъ. До того всѣ одурѣли!

Слово у нашего мужичка еще ни разу въ его жизни не разошлось съ дѣломъ. Какъ живую, всѣ мы отлично помнимъ его коренастую, небольшого роста фигуру. Наѣзжая по зимамъ, онъ являлся въ теплой поддевкѣ со сборами, подпоясанной домотканымъ кушакомъ: въ ней ходилъ по улицамъ, въ ней же садился и въ гостяхъ за столъ. На головѣ носилъ такую высокую мѣховую шапку, какую на нашей памяти перестали носить священники и старики-купцы. Войдетъ, бывало, въ комнату и, прежде всего, отыщетъ въ углу Божье милосердіе, истово помолится и потомъ уже здоровается и со всѣми перецѣлуется, не разбирая женщинъ и дѣвицъ. Вытащитъ изъ-за пазухи завернутый въ ситцевомъ платкѣ тверской пряникъ, изображающій скрюченную стерлядку:— „тямъ въ подарокъ, безъ котораго никогда не являлся.

Угощенія чаемъ не принималъ, и водки въ ротъ не бралъ не потому, что былъ старовѣромъ (наоборотъ, былъ искреннимъ и усерднымъ православнымъ). Попроситъ кваску, къ нему прикрошатъ ему огурцовъ, варенаго картофеля, луку, подольютъ постнаго масла, прикупятъ чернаго рѣшетнаго хлѣба,—и угощеніе готово. Поѣстъ круто и не торопливо, поблагодаритъ Бога и въ поясъ поклонится хлѣбосольнымъ хозяевамъ со своимъ обычнымъ благодарнымъ словомъ:

— Ужъ и не знаю, чѣмъ мнѣ будетъ вашу любовь платить.

И весь этотъ обиходъ ведетъ онъ—словно священнодѣйствуетъ.

— Не прикрошить ли соленаго судачка?

— Да, вѣдь, филиповки идутъ, а сегодня къ тому же пятница. Завтра приду—угости, пожалуй, рыбкой.

Въ разговорахъ толковалъ все объ одномъ, все о томъ же больномъ мѣстѣ, которое такъ и не излѣчилось до самой смерти этого истиннаго патріота и нагоднаго друга. Не умѣлъ онъ понять и легко примиряться съ тѣми новѣйшими порядками, которые вызваны были недавнимъ великимъ переворотомъ въ народной жизни, указывавшимъ новыя стези экономическаго быта послѣ ежовыхъ рукавицъ, стѣсненій, запретовъ и взысканій.

— Въ Кимрѣ обѣдни поютъ, а ребята въ трактирѣ, противъ самаго собора, за пивомъ сидятъ и играютъ въ чётъ-нечетъ. Теперь уже въ каждомъ домѣ кабакъ: о какую хошь глухую пору ночи приходи—продадутъ. Совсѣмъ наши сапожники Бога забыли.

И вотъ, чтобъ они Его помнили и не казались бы упреки благочестиваго человѣка пустымъ словомъ, брошеннымъ на вѣтеръ, Сергѣй Арсеньевичъ давно ходилъ по знакомымъ въ Москвѣ и Петербургѣ, собирая посильное даяніе на построеніе Божьяго храма въ Сухомъ. Постройку довелъ онъ до конца, изъ деревни сдѣлалъ новое село; получилъ отъ архіепископа Саввы священника «трезвеннаго и учительнаго». Немного отдохнулъ дома и опять пошелъ за сборомъ на колокольню—и ее соорудилъ. И вотъ недавно сложилъ онъ свои старыя кости подъ поломъ этого самаго храма, что̀ считалъ для себя единственною наградою, о чемъ изрѣдка и проговаривался съ обычною скромностью.

Этотъ добродушный и открытый, весь на-лицо, умный человѣкъ евангельской простоты, къ А. Н. Островскому питалъ особенныя чувства глубокой привязанности. Для великаго художника этотъ волгарь былъ драгоцѣненъ въ значеніи безпримѣснаго, неиспорченаго и непорочнаго человѣка, какъ всесовершенный образецъ настоящаго великоросса. Украшенный долготою дней, кимровскій

старикъ съ своей стороны остался неизмѣнно преданнымъ священной памяти дорогого человѣка «во блаженномъ его успеніи» (какъ писалъ онъ сюда въ отвѣтъ на извѣщеніе мое о нашей тяжелой и невозвратимой утратѣ). Самъ Алек. Ник. не только цѣнилъ въ немъ эту стойкость въ коренныхъ народныхъ нравахъ и обычаяхъ до крайнихъ мелочей, но и любовался тою цѣльностью русской природы, черты которой рѣдко являются въ такомъ твердомъ и согласномъ сочетаніи. Насколько уважалъ и цѣнилъ А. Н. Островскій кимровскаго пріятеля, можно видѣть изъ отвѣтнаго письма по случаю приглашенія на освященіе вновь сооруженнаго въ Сухомъ храма:

«Любезный другъ, Сергѣй Арсеньевичъ. Я и Марья Васильевна благодаримъ тебя за приглашеніе. Жаль, что оно пришло не ко времени, а то я бы пріѣхалъ непремѣнно. 30 августа, на другой день Иванова дня, я именинникъ и мнѣ уѣзжать отъ своихъ именинъ неловко: я, не зная о вашемъ праздникѣ, пригласилъ коекого изъ сосѣдей. Поздравляю тебя съ твоимъ душевнымъ праздникомъ! Будь здоровъ и помолись за насъ, грѣшныхъ: Александра и Марію съ чадами. Вся семья тебѣ кланяется. Искренно любящій тебя А. Островскій. Кинешма, 27 августа 1875 г.»

Такова была и та притягательная сила богатства даровъ, какими обладалъ этотъ отечественный писатель и истинно-русскій человѣкъ и какіе съ избыткомъ отпущены на его долю. Умилительно было видѣть, съ какимъ почтеніемъ и искреннею преданностью относились къ нашему драматургу лучшіе представители изъ московскаго купечества. Никто изъ насъ не забудетъ той истинно-родственной и дружеской привязанности къ нему братьевъ Кошеверовыхъ (доводившихся П. М. Садовскому дядями). Въ ихъ семьѣ не только самъ Ал. Ник., но и всѣ «присные» его встрѣчали тѣ же ласки, находили такой же дружескій пріемъ. Особеннымъ радушіемъ отличался старшій братъ, Алексѣй Семеновичъ, глава дома и верховный хозяинъ дѣла, по законамъ старины, къ которому всѣ остальные братья относились съ трогательнымъ уваженіемъ и покорностью. Изъ нихъ болѣе тѣснымъ образомъ примыкалъ къ кружку молодой редакціи одинъ изъ младшихъ, Сергѣй Семеновичъ, статный красавецъ съ солидной посадкой, внѣшностью своей поминавшій намъ старую Москву. Таковы, невольно думалось мъ, должны быть тѣ бояре, которымъ довѣряли цари охраненіе утренняго порядка въ государствѣ или защиту политическихъ тересовъ передъ иностранными государями въ чужихъ земляхъ: нъ видъ и поступь могли уже внушать нѣмцу убѣжденіе въ не-

побѣдимой стойкости до упрямства. Извѣстное московское хлѣбосольство въ лицѣ старшаго брата Алексѣя доведено было даже до крайнихъ предѣловъ, почти до чудачества. Такъ, наприм., онъ никому, сидѣвшему съ нимъ въ одномъ кабинетѣ Гуринскаго трактира, не позволялъ платить денегъ за угощеніе. Когда заѣзжій гвардейскій офицеръ, получившій отъ полового отвѣтъ, что деньги уже заплачены, вломился въ амбицію и дознался до виновника,— этотъ добродушно, своимъ мягкимъ голосомъ и съ кроткою улыбкой, отвѣчалъ:

— Извините меня, старика; я вотъ уже 25 лѣтъ занимаюсь здѣсь этимъ самымъ дѣломъ. Не обижайте же и вы меня: примите наше московское угощеніе, какъ хлѣбъ-соль пріѣзжему въ честь.

Надо было видѣть и нельзя было вдосталь налюбоваться, съ какою торопливою готовностью, весело и поспѣшно развязывалъ Сергѣй Семенычъ на загородной гулянкѣ кульки и корзинки съ привезенными съѣстными и питейными припасами. Одинъ онъ и хлѣбъ рѣжетъ, и колбасу крошитъ, откупориваетъ одну бутылку за другой, вытираетъ рюмки и стаканы, за нѣсколько поваровъ и оффиціантовъ вмѣстѣ, съ артистическою ловкостью, съ изумительнымъ добродушіемъ, съ своеобразными приговорами вслухъ и лично для себя:

— Рѣжь! руби! кроши!—наливай!...

И для гостей:

— Пожалуйте мадерцы, выкушайте!... Провѣсная бѣлорыбица очень хороша, какъ сливочное масло!... Выпитыхъ рюмокъ не считаютъ!... Проша! (обращеніе къ П. М. Садовскому) съѣшь ранетку! и т. д.

И, въ полномъ блаженномъ настроеніи, самодовольно потираетъ онъ себѣ руки.

Прикинетъ онъ на свѣтъ рюмку, налитую «листовкой» (настойкой на свѣжихъ смородинныхъ почкахъ), пригубитъ, причмокнетъ и возгласитъ съ торжествомъ въ похвалу:

— Сады!—значитъ пейте въ полное удовольствіе: домашняя настойка сохранила въ себѣ весь ароматъ ягоднаго листа, во всей его цѣльности и совокупности, и т. под.

Стоило кому-нибудь изъ гостей только слегка пошевелиться, какъ Сергѣй Семеновичъ уже замѣтилъ, привставалъ съ мѣста и быстро вопрошалъ: «Вамъ какого?» (весь столъ бесѣдки уставленъ былъ бутылками).

— А вотъ теперь и по садамъ пройтись хорошо, и на пруды посмотрѣть пріятно,—приговаривалъ онъ, закупоривая не допитое,

завертывая не доѣденное, такъ какъ собственно это былъ починъ, выпивка и закуска, что называлось «на-черно»: въ ящикахъ нанятыхъ долгушекъ-линеекъ спрятаны были новые, и въ болѣе серьезномъ количествѣ, съѣстные и питейные припасы.

Съ наслажденіемъ истиннаго художника вращаясь здѣсь, среди Русаковыхъ, Островскій восполнялъ новыми пріобрѣтеніями прежній и ранній запасъ добрыхъ чувствъ и укрѣплялся въ тѣхъ симпатіяхъ къ коренному русскому человѣку, которыя затѣмъ съ неподражаемымъ мастерствомъ высказалъ въ положительныхъ типахъ своихъ безсмертныхъ комедій. Если въ молодые годы его, при исключительныхъ условіяхъ обстановки и встрѣчъ, могли являться наблюдательному взору эти лучшіе и дѣльные люди какъ рѣдкость, то въ эпоху его литературной славы они охотно шли къ нему съ благодарными чувствами истиннаго благоговѣнія и полнаго уваженія, безъ всякой задней мысли, безъ лицепріятія. Такъ, наприм., Иванъ Ивановичъ Шанинъ (торговавшій въ оптовыхъ Ильинскихъ рядахъ Гостинаго двора) весь готовъ былъ къ услугамъ со своимъ замѣчательнымъ остроуміемъ, бойкимъ, мѣткимъ словомъ, умнымъ и своеобразнымъ взглядомъ на московскую жизнь вообще и на купеческій бытъ въ частности, и замѣчательною находчивостью при мимоходныхъ характеристикахъ лицъ и бытовыхъ явленій. Это— своего рода талантъ, и притомъ, какъ увѣряли, наслѣдственный, во всякомъ же случаѣ рѣзко выдающійся и самостоятельный. До сихъ поръ памятенъ его игривый мастерской разсказъ о томъ, какъ обдѣлываютъ иногородныхъ покупателей московскіе оптовые торговцы, чтобы затуманить имъ глаза и не дать возможности хорошенько разобраться въ отпущенной товарной залежи и въ такъ называемомъ «навалѣ», не указанномъ въ требовательномъ реестрѣ, довѣряемомъ на кредитъ, въ прямомъ разсчетѣ, что и этотъ излишекъ и гнилье сойдетъ съ рукъ и въ темной провинціальной глуши легко распродастся. По самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ вѣрнаго источника, ему, Ив. Ив. Шанину, принадлежитъ основа того разсказа о похожденіяхъ купеческаго брата, предавшагося загулу и потерявшагося, на которой возникъ высокоторжественный образъ Любима Торцова (шанинскій разсказъ, говорятъ, нарисованъ былъ болѣе мягкими чертами). Съ его бойкаго языка немало срывалось такихъ ловкихъ и тонкихъ выраженій и прозвищъ (вродѣ, наприм., «метеоровъ» для пропащихъ пропойныхъ людей), которыя погодились въ отдѣлкѣ комедій потомъ, какъ краски, для пущаго оттѣнка лицъ и образа ихъ дѣйствій и міропониманій.

Было бы недостойно памяти почившаго драматурга и нашихъ благодарныхъ чувствъ, еслибъ мы не послушались пословичнаго завѣта «изъ пѣсни слова не выкинешь» и прошли молчаніемъ мимо первой спутницы его жизни въ суровой нуждѣ, въ борьбѣ съ лишеніями, во время подготовки къ великому служенію родному искусству. Агаѳья Ивановна, простая по происхожденію, очень умная отъ природы и сердечная въ отношеніяхъ ко всѣмъ окружавшимъ Александра Николаевича въ первые годы его литературной дѣятельности, поставила себя такъ, что мы не только глубоко уважали ее, но и сердечно любили. Въ ея наружности не было ничего привлекательнаго, но ея внутреннія качества были безусловно симпатичны. Шутя приравнивали мы ее къ типу Марѳы Посадницы, тѣмъ не менѣе наглядными фактами убѣждались въ томъ, что ея искусному хлопотливому уряду обязана была семейная обстановка нашего знаменитаго драматурга тѣмъ, что, при ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ, въ простотѣ жизни было довольство быта. Все, что было въ печи, ставилось на столъ съ шутливыми привѣтами, съ ласковыми приговорами. Беззаботное и непзсякаемое веселье поддерживалось ея дѣятельнымъ участіемъ: она, прелестнымъ голосомъ, превосходно пѣла русскія пѣсни, которыхъ знала очень много. Хорошо понимала она и московскую купеческую жизнь въ ея частностяхъ, чѣмъ несомнѣнно во многомъ послужила своему избраннику. Онъ самъ не только не чуждался ея мнѣній и отзывовъ, но охотно шелъ къ нимъ на встрѣчу, прислушливо совѣтовался и многое исправлялъ послѣ того, какъ написанное прочитывалъ въ ея присутствіи и когда она сама успѣвала выслушать разнорѣчивыя мнѣнія разнообразныхъ цѣнителей. Большую долю участія и вліянія приписываютъ ей вѣроятные слухи при созданіи комедіи *Свои люди — сочтемся*, по крайней мѣрѣ относительно фабулы и ея внѣшней обстановки. Сколь ни опасно рѣшать подобные неуловимые вопросы положительнымъ образомъ, съ полною вѣроятностью впасть въ грубыя ошибки, тѣмъ не менѣе вліяніе на Ал. Ник. этой прекрасной и выдающейся личности—типичной представительницы коренной русской женщины идеальнаго образца—было и безспорно, и благотворно. Не сомнѣваюсь въ томъ, что все сказанное сейчасъ охотно подтвердятъ всѣ, оставшіеся живыхъ, свидѣтели, и могу даже признаться въ томъ, что по довѣренности двухъ изъ нихъ, ближайшихъ къ покойному, заношу эти строки въ свои воспоминанія, какъ слабую дань нашего общаго искренняго уваженія къ памяти давно почившей, но незабвенной для всѣхъ насъ до сего времени.

Вотъ вся та нравственная сфера и область дѣятельности и подвиговъ, въ которой вращалось срединное свѣтило, окруженное постоянными спутниками, по общимъ законамъ тяготѣнія и взаимныхъ вліяній. Подобно движенію по проводникамъ обоихъ электрическихъ токовъ, положительнаго и отрицательнаго (отъ него къ нимъ и отъ нихъ къ нему), присутствіе ихъ, по физическому закону, стало незамѣтнымъ и неуловимымъ, какъ только они соединились между собою. Очевиденъ лишь конечный изумительный результатъ: вольтова дуга накалилась, и заблисталъ яркій ослѣпительный свѣтъ.

— Поздравляю васъ, господа, съ новымъ свѣтиломъ въ отечественной литературѣ!—торжественно, съ привычнымъ пафосомъ, сказалъ профессоръ русской словесности С. П. Шевыревъ, признававшійся тогда корифеемъ эстетической критики и бывшій соредакторомъ Погодина въ *Москвитянинѣ*, гдѣ впервые и напечатана была комедія *Свои люди—сочтемся*. Этотъ восторженный, смѣло и громко высказанный возгласъ послѣдовалъ тотчасъ же за тѣмъ, какъ самъ авторъ прочелъ на вечерѣ у М. П. Погодина свою комедію и когда удалился (также слушавшій ее) Н. В. Гоголь.

«Комедія *Банкротъ* удивительная! Ее прочелъ Садовскій и авторъ»,— поспѣшилъ записать, по горячимъ слѣдамъ, въ своемъ дневникѣ Погодинъ съ тою своеобразною краткостью, которой не измѣнилъ онъ даже въ описаніяхъ своего заграничнаго путешествія, давшихъ случай остроумнѣйшему изъ русскихъ писателей помѣстить въ *Отечественныхъ Запискахъ* (*Записки Вѣдрина*) блестящую пародію, гдѣ соблюденъ и грубо-отрывистый стиль писанія, и поразительные выводами пріемы сужденій.

«Отъ души радуюсь замѣчательному произведенію и замѣчательному таланту, озарившимъ нашу немощность и нашъ застой,— писала Погодину гр. Евд. Петр. Ростопчина, извѣстная своею горячею преданностью интересамъ отечественной литературы.— Chaque chose et chaque oeuvre a les défauts et les qualités, поэтому нельзя, чтобы немного грязнаго не примѣшалось въ олицетвореніи типовъ, взятыхъ живьемъ и цѣликомъ изъ общества».

Прослушавши комедію два раза, она прямо и кратко выразила свой неподдѣльный восторгъ отъ пьесы такимъ искреннимъ возгласомъ въ другомъ изъ своихъ писемъ:

«Ура! у насъ раждается своя театральная литература!»

Ко мнѣнію Ростопчиной присоединился и другой правдивый и безпристрастный судья, поэтъ и публицистъ, стоявшій во главѣ славя-

нофильской партіи. А. С. Хомяковъ, любившій и знавшій русскій народъ теоретически, также одобрялъ пьесу и предсказывалъ:

«Ученость дремлетъ, словесность пишетъ дребедень, за исключеніемъ комедіи Островскаго, которая—превосходное твореніе».

Графинѣ А. Д. Блудовой онъ же писалъ:

«Грустное явленіе эта комедія Островскаго, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуетъ о внутренней жизни, которая когда-нибудь еще можетъ устроиться и развиться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ».

«Въ Островскомъ признаю помазаніе!—писалъ Ив. Ив. Давыдовъ, бывшій до 1847 года въ Московскомъ университетѣ профессоромъ словесности, а потомъ директоромъ Спб. Педагогическаго института. Онъ, впрочемъ, пожалѣлъ, вѣрный началамъ теоріи по своему же сочиненію *Чтеніе о словесности*, (по изданію 1837—1838 гг.),—пожалѣлъ онъ о томъ, что авторъ написалъ драматическое сочиненіе, а не повѣсть: — «я назвалъ бы повѣсть прекрасною».

Отставного словесника поправилъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Самъ большой художникъ-писатель, всею душой любившій литературу и фактически радѣвшій успѣхамъ изящныхъ искусствъ (онъ, между прочимъ, однимъ изъ первыхъ приласкалъ въ Петербургѣ Горбунова и дружески сблизился съ Писемскимъ),—В. Ѳ. Одоевскій («Дѣдушко Ириней») писалъ своему пріятелю между прочимъ:

«Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: *Недоросль*, *Горе отъ ума*, *Ревизоръ;* на *Банкротѣ* я поставилъ нумеръ четвертый».

По напечатаніи комедіи послышались Погодину со всѣхъ сторонъ поощрительные голоса тотчасъ же, какъ только вышла мартовская книжка *Москвитянина* 1850 года. Вскорѣ стало очевиднымъ, что и коммерческая сторона дѣла стала улучшаться: вмѣсто 500 подписчиковъ въ теченіе того же года оказалось 1,100,—приростъ, судя по тѣмъ временамъ, изумительный и блестящій. Невольно вспоминается при этомъ успѣхъ въ ходѣ изданія, благодар. помѣщенію въ ученомъ журналѣ литературнаго произведенія, на чальный поводъ и самый пріемъ, знаменательные и своеобразные какъ и все у этого самобытнаго и независимаго человѣка, съ ка кими разыскивалъ Погодинъ для себя новаго сотрудника, когда

Дѣвичье поле дошелъ слухъ о появленіи подходящаго. Онъ писалъ Шевыреву, обычно на клочкѣ бумаги, первомъ подвернувшемся подъ руку, и, конечно, дождавшись, по старинному и по деревенскому обычаю, «оказіи», — способомъ, которому оставался онъ вѣрнымъ и послѣ, когда уже заведена была городская почта:

«Есть какой-то Островскій, который хорошо пишетъ въ легкомъ родѣ, какъ я слышалъ. Спроси г. Попова (товарища Островскаго по гимназіи, бывшаго у Шевырева учителемъ его дѣтей). И не можетъ ли онъ спросить его трудовъ. Я посмотрѣлъ бы ихъ и потомъ объявилъ бы свои условія» *).

Не только въ средѣ университетскихъ студентовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ новая комедія произвела сильное впечатлѣніе, но вся Москва заговорила о ней, начиная съ высшихъ слоевъ до захолустнаго Замоскворѣчья. Не только въ городскихъ трактирахъ нельзя было дождаться очереди, чтобы получить книжку *Москвитянина* рано утромъ и поздно вечеромъ, но и въ отдаленномъ трактирѣ Грабостова, у Чугуннаго моста (привлекавшаго посѣтителей единственною въ то время на всю Москву машиною съ барабанами), мы получили книжку, довольно измызганною. Ежедневно являлся какой-то досужій добровольцъ и вслухъ всѣмъ, дьячковскимъ способомъ, прочитывалъ ее по нѣскольку разъ въ день за приличное угощеніе. Впрочемъ, какимъ бы то ни было путемъ, но молва о томъ, что нѣкоторый человѣкъ «пустилъ мараль» на все торгующее купечество, побрела по Москвѣ, заглядывая въ тѣ торговые дома, гдѣ готовились совершить или успѣли уже продѣлать на практикѣ «ловкое колѣнцо» банкротства. Добрела молва и до самой Тверской, по той причинѣ, что очень многіе обидѣлись, а вліятельные изъ купечества пошли даже жаловаться. Комедія не только не была допущена до сцены, но успѣла навлечь на автора нѣкоторыя непріятности. И эта пьеса обречена была на ту же участь покоиться до радостнаго утра,—какую испытали и двѣ ея великія предшественницы: *Горе отъ ума* и *Ревизоръ*. Невинный авторъ «взятъ былъ подъ сумлѣніе», какъ у него же выразился потомъ Любимъ Торцовъ. Изъ Петербурга послѣдовалъ запросъ, что такое Остров-, и, по полученіи надлежащихъ свѣдѣній, его отдали подъ не-ный надзоръ полиціи.

то обстоятельство не помѣшало, однако жъ, Островскому зна-

*) Сообщеніемъ этихъ послѣднихъ данныхъ я обязанъ предупредительной любез- Николая Платоновича Барсукова, автора капитальнаго труда *Жизнь М. П. ина*, готовно уступленныхъ до выхода въ свѣтъ XI части сочиненія, на-дняхъ щей въ продажу.

комить со своимъ классически-художественнымъ произведеніемъ интеллигентные кружки Москвы, начиная съ артистическаго салона графини-поэтессы Е. П. Ростопчиной (въ своемъ домѣ на Кудринской Садовой) и кончая казеннымъ и суровымъ кабинетомъ самого графа Закревскаго на Тверской. На-перерывъ другъ съ другомъ приглашали читать автора это и послѣдующія его произведенія почти ежедневно. Графъ Закревскій оказался, наконецъ, въ числѣ его поклонниковъ: на всѣхъ первыхъ представленіяхъ *Бѣдность не порокъ* и слѣдующихъ пьесъ молодого сочинителя гладкая, какъ ладонь, голова графа неизбѣжно вырисовывалась въ первыхъ рядахъ креселъ рядомъ со львиной головой, украшенной цѣлою копной непослушной шевелюры, знаменитаго кавказскаго героя генерала А. П. Ермолова. Этотъ, впрочемъ, добровольно зачислилъ самъ себя въ поклонники собственно П. М. Садовскаго, котораго очень любилъ. Артистъ проводилъ у опальнаго генерала цѣлые вечера въ его скромномъ и пустынномъ кабинетѣ на Большой Никитской, всегда вдвоемъ и глазъ на глазъ.

Какъ бы то ни было, въ залахъ гр. Закревскаго Островскій не разъ читалъ свои произведенія, обѣ первыя пьесы, и тутъ же услыхалъ оригинальное утѣшеніе изъ устъ самого грознаго и ревностнаго блюстителя за спокойствіемъ умовъ столицы, когда пожаловался нашъ чтецъ вскользь о недоразумѣніи, возникшемъ въ Петербургѣ и вызвавшемъ полицейскій надзоръ:

— Это вамъ дѣлаетъ больше чести! — лукаво отыгрывался властный старикъ почти наканунѣ своего паденія.

При вступленіи на престолъ Императора Александра II, по всемилостивѣйшему манифесту, полицейскій надзоръ былъ снятъ, и явившійся въ квартиру Островскаго мѣстный квартальный надзиратель и благодарилъ его, и поздравлялъ съ пріятною новостью. Благодарилъ за то, что освободилъ полицію поведеніемъ своимъ отъ излишнихъ безпокойствъ и сохранилъ его, квартальнаго, здравымъ и невредимымъ, а поздравлялъ (приправившись пріятною улыбкою) словами, хорошо запечатлѣвшимися въ памяти свидѣтелей этого посѣщенія:

— Кажется, мы васъ не безпокоили,—расшаркивался квартальный.—Мы доносили объ васъ, какъ о благородномъ человѣкѣ. Не скрою, однако, что мнѣ одинъ разъ была за васъ нахлобучка.

С. Максимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ **Генрика Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго.

III.

Княгиня Данута, Мацько и Збышко еще раньше бывали въ Тыньцѣ, но въ свитѣ находились придворные, которые видѣли его въ первый разъ. Поднявъ глаза съ изумленіемъ, они смотрѣли на великолѣпное аббатство, на зубчатыя стѣны, бѣгущія вдоль скалъ и нависшія надъ пропастью, на зданія, стоящія то на откосахъ горъ, то въ предѣлахъ палисада, на высокіе готическіе дома, облитые золотистымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Эти могучія стѣны, дома, постройки, предназначенныя для разныхъ хозяйственныхъ надобностей, эти сады, лежащіе у подножія горы, и эти тщательно обработанныя поля, которыхъ нельзя было охватить взглядомъ, ясно говорили о вѣковѣчномъ, неистощимомъ богатствѣ, къ которому не привыкли люди убогой Мазовіи.

Правда, существовали старинныя и богатыя бенедиктинскія аббатства въ другихъ частяхъ страны, какъ, напримѣръ, въ Любушѣ надъ Одрой, въ Плоцкѣ, въ Великой Польшѣ, въ Могильнѣ и другихъ мѣстахъ, но ни одно не могло сравняться съ Тынецкимъ,— его владѣнія превышали не одно удѣльное княжество, а доходы могли возбуждать зависть даже въ тогдашнихъ корольхъ.

Удивленіе между дворянами все росло; иные даже не хотѣли вѣрить собственнымъ глазамъ. Тѣмъ временемъ княгиня, желая какъ-нибудь разнообразить свой путь и заинтересовать женщинъ своей свиты, попросила одного монаха разсказать старинную и страшную повѣсть объ Удаломъ Вальгерѣ,—эту повѣсть разсказывали ей въ Краковѣ, хотя и не особенно подробно.

*) *Русская Мысль*, кн. II.

Приближенные тѣсною кучкой сбились вокругъ княгини, медленно взбираясь въ гору, похожіе на какіе-то подвижные цвѣты подъ ранними лучами солнца.

— О Вальгерѣ пусть лучше разсказываетъ братъ Гидульфъ,— онъ ему являлся когда-то ночью,—сказалъ одинъ монахъ и указалъ на другого, человѣка уже преклонныхъ лѣтъ, который, слегка сгорбившись, шелъ рядомъ съ Николаемъ изъ Длуголяса.

— Вы вправду видѣли его своими глазами, благочестивый отецъ?—спросила княгиня.

— Видѣлъ,—угрюмо отвѣтилъ монахъ.—Бываютъ времена, когда, по волѣ Божіей, ему можно покидать адскія бездны и показываться на свѣтъ.

— Когда же это бываетъ?

Монахъ посмотрѣлъ на своихъ братій и ничего не отвѣтилъ. Существовало повѣрье, что духъ Вальгера появляется тогда, когда въ орденѣ портятся нравы и иноки больше, чѣмъ слѣдуетъ, думаютъ о мірскихъ удобствахъ и утѣхахъ.

Этого ни одинъ изъ монаховъ не хотѣлъ признать во всеуслышаніе, а такъ какъ ходили слухи, что кромѣ того привидѣніе Вальгера предвѣщаетъ войну или другое какое-нибудь несчастіе, то братъ Гидульфъ, послѣ минутнаго молчанія, проговорилъ:

— Появленіе его ничего добраго не предвѣщаетъ.

— Я не хотѣла бы видѣть его,—проговорила княгиня и перекрестилась,—но почему онъ мучается въ аду? Я слышала, что онъ только мстилъ за свою горькую обиду.

— Еслибъ онъ прожилъ всю жизнь благочестиво,—сурово отвѣтилъ монахъ,—то и тогда подвергся бы осужденію, потому что жилъ въ языческое время и не былъ омытъ отъ первороднаго грѣха святымъ крещеніемъ.

Брови княгини болѣзненно нахмурились. Ей вспомнилось, что и ея великій отецъ, котораго она любила всѣми силами души, также умеръ въ языческомъ заблужденіи и долженъ подвергнуться адскимъ мукамъ.

— Мы слушаемъ,—сказала она немного погодя.

Братъ Гидульфъ началъ разсказывать:

— Въ языческія времена жилъ могущественный графъ, котс раго за его силу прозвали Удалымъ Вальгеромъ. Весь этотъ кра покуда глазъ хватитъ, принадлежалъ ему, а на войну, кромѣ пѣ шаго люда, онъ велъ за собой сотню копейщиковъ. Стадъ его н кто не могъ исчислить, а въ Тыньцѣ у него была башня, до вер насыпанная деньгами, какъ теперь у крестоносцевъ въ Мальборг

— Я знаю, у нихъ есть!—перебила княгиня Данута.

— Былъ онъ богатырь,— продолжалъ монахъ,—и дубы съ корнями вырывалъ, а по красотѣ, по искусству играть на лютнѣ и пѣть съ нимъ никто не могъ равняться во всемъ свѣтѣ. Однажды, когда онъ былъ при дворѣ французскаго короля, имъ прельстилась королевна Гельгунда, которую отецъ во славу Божію хотѣлъ отдать въ монастырь, и убѣжала съ нимъ въ Тынецъ, гдѣ они и стали жить въ беззаконіи, ибо никакой священникъ не хотѣлъ освятить ихъ бракъ христіанскимъ благословеніемъ. Былъ также въ Вислицѣ Вислав Прекрасный, изъ рода короля Попеля, и, во время отсутствія Удалого Вальгера, опустошилъ Тынецкое графство. Вальгеръ пошелъ на него войною, побѣдилъ его и привезъ съ собою въ Тынецъ плѣнникомъ, несмотря на то, что всякая женщина, какъ только увидитъ Вислава, готова была тотчасъ же отречься отъ отца, матери и мужа, чтобъ только насытить свою страсть. Такъ сталось и съ Гельгундой. Тотчасъ же она придумала такіе путы на Вальгера, что хотя онъ былъ богатырь, хотя дубы съ кореньями вырывалъ, не могъ порвать ихъ,—и отдала его Виславу, а тотъ повезъ его въ Вислицу. Но Ринга, сестра Вислава, услышала въ подземельи пѣніе Вальгера, прельстилась имъ и освободила на волю. Вальгеръ зарубилъ мечомъ Вислава и Гельгунду, тѣла ихъ бросилъ коршунамъ, а самъ съ Рингой возвратился въ Тынецъ.

— Развѣ онъ поступилъ неправильно?—спросила княгиня.

Братъ Гидульфъ отвѣтилъ:

— Еслибъ онъ принялъ крещеніе и отдалъ бы Тынецъ бенедиктинцамъ, то, можетъ быть, Богъ отпустилъ бы ему грѣхи, а такъ какъ онъ не сдѣлалъ этого, то земля пожрала его.

— А бенедиктинцы были уже въ этомъ королевствѣ?

— Бенедиктинцевъ въ этомъ королевствѣ не было, потому что въ то время здѣсь жили только язычники.

— Такъ какъ же Вальгеръ могъ принять крещеніе или отдать Тынецъ?

— Не могъ и поэтому обреченъ на вѣчныя муки,—съ важностью сказалъ монахъ.

— Вѣрно! Онъ правду говоритъ!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Тѣмъ временемъ княгиня со свитой приблизилась къ главнымъ монастырскимъ воротамъ, у которыхъ ожидалъ аббатъ во главѣ монаховъ и дворянъ. Мірского народу, «экономовъ», «адвокатовъ», «куратороовъ», а также и разныхъ монастырскихъ сановниковъ

въ аббатствѣ всегда было не мало. Множество дворянъ, зажиточныхъ и богатыхъ, держали неисчислимыя монастырскія земли по довольно исключительному въ Польшѣ ленному праву и, какъ «вассалы», съ охотой проживали при дворѣ «сюзерена», гдѣ легко было разсчитывать на всякое благодѣяніе, уступку и снисхожденіе,—все это порою зависѣло отъ мелкой услуги, отъ ловко сказаннаго слова или отъ минуты добраго расположенія могущественнаго аббата. Здѣсь были вассалы изъ отдаленныхъ мѣстъ, ѣдущіе на столичныя празднества, и тѣ, которымъ трудно было найти пристанище въ Краковѣ. По этому случаю «abbas centrum villarum» могъ привѣтствовать княгиню, окруженный болѣе многочисленною свитой, чѣмъ обыкновенно.

То былъ человѣкъ высокаго роста, съ сухимъ, умнымъ лицомъ; макушка его была выбрита, и только у висковъ и на затылкѣ виднѣлся вѣнецъ сѣдѣющихъ волосъ. На лбу у него былъ шрамъ отъ раны, вѣроятно, полученной въ молодости во время его рыцарства, проницательные, гордые глаза смотрѣли изъ-подъ черныхъ бровей. Одѣтъ онъ былъ въ рясу, какъ и другіе монахи, но сверху рясы накинутъ былъ черный плащъ, подбитый пурпуромъ, а на шеѣ—золотая цѣпь съ золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями,— знакъ аббатскаго достоинства. Вся фигура аббата обличала человѣка гордаго, привыкшаго къ власти и увѣреннаго въ себѣ.

Княгиню, тѣмъ не менѣе, онъ привѣтствовалъ ласково и даже раболѣпно. Онъ помнилъ, что мужъ ея изъ того рода мазовецкихъ князей, изъ котораго происходили короли Владиславъ и Казиміръ, а по женской линіи—и нынѣ царствующая королева, обладательница одной изъ прекраснѣйшихъ странъ въ мірѣ. Аббатъ переступилъ порогъ воротъ, низко склонилъ голову, а потомъ, благословивъ Анну Дануту и весь ея дворъ маленькимъ золотымъ ковчежцемъ, который держалъ въ правой рукѣ, произнесъ:

— Привѣтствую тебя, милостивая госпожа, у убогаго монастырскаго порога. Святой Бенедиктъ Нурсійскій, святой Мавръ, святой Бонифацій и святой Бенедиктъ Аніанскій, а также и Іоаннъ Толомейскій — наши патроны, въ вѣчномъ свѣтѣ обитающіе, одарятъ тебя здравіемъ, счастьемъ и да благословляютъ тебя с микратно каждый день во весь вѣкъ житія твоего.

— Мы были бы глухи, еслибъ не выслушали словъ столь в ликаго аббата,—такъ же любезно отвѣтила княгиня,—тѣмъ лѣе, что мы прибыли сюда выслушать обѣдню и отдаемся шему покровительству.

Она протянула руку; аббатъ, какъ ловкій придворный, сталъ на одно колѣно, поцѣловалъ руку княгини, а затѣмъ ввелъ ее въ ворота. Видимо ее ожидали; тотчасъ же зазвонили большіе и маленькіе колокола, трубачи, стоящіе у церковныхъ дверей, заиграли въ честь княгини, другіе ударили въ огромные котлы, выкованные изъ красной мѣди, обтянутые кожей и издающіе громкій звукъ. На княгиню, которая родилась въ нехристіанской странѣ, до сихъ поръ всякая церковь производила сильное впечатлѣніе, а тынецкая тѣмъ паче, потому что по великолѣпію немногія изъ церквей могли сравняться съ нею. Внутренность храма наполнялъ мракъ, только у большого алтаря дрожали лучи свѣта и смѣшивались съ огнемъ свѣчъ, освѣщающихъ позолоту и рѣзьбу. Монахъ, облаченный въ ризу, вышелъ со Святыми Дарами, поклонился княгинѣ и началъ обѣдню. Густой благоуханный дымъ окуталъ и алтарь, и священника, и спокойными клубами началъ подниматься кверху, еще болѣе увеличивая таинственную торжественность храма. Анна Данута склонила голову, подняла руки до уровня головы и начала горячо молиться. Заигралъ органъ,—въ то время онъ являлся рѣдкостью при богослуженіи,—и его голосъ то наполнялъ внутренность храма своими могучими звуками, то смягчался, какъ пѣніе ангеловъ, то разсыпался соловьиною трелью, и княгиня подняла глаза кверху. На ея лицѣ вмѣстѣ съ благоговѣніемъ и страхомъ отразилось безконечное блаженство, и смотрящему на нее могло казаться, что это какая-то боговдохновенная женщина, которая въ чудесномъ видѣніи созерцаетъ открывающееся передъ ней небо.

Такъ молилась рожденная въ язычествѣ дочь Кейстута. Въ обыденной жизни она, какъ и всѣ люди ея времени, легкомысленно призывала имя Божіе, но въ домѣ Господнемъ съ дѣтскимъ страхомъ и покорностью возносила глаза къ таинственной и неизмѣримой силѣ.

Такъ же благоговѣйно, хотя и съ меньшимъ страхомъ, молился весь дворъ. Збышко стоялъ на колѣняхъ позади, вмѣстѣ съ мазурами,—впередъ прошли только женщины,—и поручалъ себя покровительству Божію. По временамъ онъ посматривалъ на Данусю, которая сидѣла съ закрытыми глазами рядомъ съ княгиней, и думалъ, что хотя и стоило сдѣлаться рыцаремъ такой дѣвочки, но съ другой стороны онъ принялъ на себя не малое обязательство. Ревкой онъ уже опоясался, когда надѣвалъ свое новое платье, но это лишь половина обѣта,—предстояло совершить другую, невиданно болѣе трудную. И теперь, когда пиво и вино, которое онъ выпилъ на заѣзжемъ дворѣ, испарилось изъ его головы, онъ

испугался при мысли,—какъ же онъ это выполнитъ? Войны не было. Правда, при пограничной неурядицѣ можно было наткнуться на какого-нибудь вооруженнаго нѣмца и переломать ему кости или самому сложить голову. Такъ онъ и говорилъ Мацьку, но самъ теперь думалъ, что не всякій нѣмецъ носитъ страусовый или павлиній гребень на шлемѣ. Изъ гостей крестоносцевъ—развѣ графы, а изъ крестоносцевъ — комтуры *), да и то не всякій. Если войны не будетъ, то могутъ пройти года, прежде чѣмъ онъ добудетъ павлиньи перья... Кромѣ того, Збышку пришло въ голову, что онъ, какъ не опоясанный до сихъ поръ, можетъ вызывать на поединокъ только неопоясанныхъ. Положимъ, онъ разсчитывалъ, что получитъ изъ королевскихъ рукъ рыцарскій поясъ во время турнировъ, которые будутъ послѣ крестинъ,—а потомъ что? Поѣдетъ онъ къ Юранду изъ Спыхова, побьетъ кнехтовъ, сколько удастся,—и на томъ конецъ. Нѣмецкіе кнехты—не рыцари съ павлиньими перьями на головѣ.

И, въ своемъ удрученіи и неувѣренности, видя, что безъ особой милости Божіей онъ едва ли преуспѣетъ въ своихъ дѣлахъ, Збышко началъ молиться:

«Пошли, Іисусе, войну съ нѣмцами и крестоносцами! Они враги царствія Твоего и всѣхъ народовъ, языкомъ нашимъ имя Твое прославляющихъ. И насъ осѣни побѣдой, а ихъ сотри съ лица земли, ибо они служатъ больше адскому владыкѣ, чѣмъ Тебѣ, и носятъ въ сердцахъ своихъ злобу противъ насъ, въ особенности за то, что нашъ король съ королевой окрестили Литву и возбраняютъ имъ рубить мечомъ Твоихъ слугъ. Покарай ихъ за ихъ свирѣпость!

«А что я найду у побѣжденныхъ мною, съ того безоблыжно отдамъ десятину Твоей святой церкви, дабы Ты, Сладчайшій Іисусе, получилъ отъ меня славу и выгоду и да позналъ бы, что я Тебѣ обѣщаю отъ чистаго сердца, а не попусту. И поколику сіе правда, потолику помоги мнѣ. Аминь!»

По мѣрѣ того, какъ онъ молился, сердце его таяло отъ прилива благочестія, и онъ накинулъ новое обѣщаніе: какъ они выкупятъ Богданецъ, онъ отдастъ въ церковь весь воскъ, какой пче. нанесутъ за годъ. Конечно, дядя Мацько не будетъ противить этому, а Господь Іисусъ въ особенности радъ будетъ воску, желая поскорѣе получить его, поскорѣе ему поможетъ. Эта мыс

*) Въ мирное время комтуры завѣдывали областью, находящеюся подъ власт ордена, а въ военное—отрядомъ войска.

показалась ему такою удачной, что радость наполнила всю его душу; теперь онъ былъ почти увѣренъ, что Богъ услышитъ его, и что война скоро наступитъ, а если и не наступитъ, то онъ и такъ возьметъ свое. Збышко почувствовалъ въ своихъ рукахъ и ногахъ такую силу, что въ эту минуту готовъ былъ одинъ ударить на цѣлый отрядъ. Онъ даже подумалъ было, что, сдѣлавъ обѣщаніе Богу, можно было бы прибавить Данусѣ еще пару нѣмцевъ,—ребяческая запальчивость подбивала его на это,—но благоразуміе взяло верхъ, и онъ испугался, какъ бы излишними просьбами не надоѣсть терпѣнію Божію.

Увѣренность его возросла еще болѣе, когда послѣ обѣдни и долгаго отдыха, на который удалился весь дворъ, онъ услыхалъ за завтракомъ разговоръ аббата съ княгиней Анной Данутой. Жены тогдашнихъ князей и королей, отчасти по благочестію, отчасти благодаря дарамъ, которыхъ не щадили для нихъ магистры ордена, оказывали крестоносцамъ большое расположеніе. Даже благочестивая Ядвига удерживала, покуда была жива, поднятую надъ ними руку своего властнаго супруга. Только одна Анна Данута, испытавшая отъ нихъ много несправедливости, ненавидѣла ихъ всею душой. И когда аббатъ предложилъ ей вопросъ о Мазовіи и какъ тамъ идутъ дѣла, она горько начала жаловаться на орденъ. «Какъ могутъ идти дѣла въ княжествѣ, у котораго такіе сосѣди? Какъ будто миръ,—обмѣниваемся посольствами и письмами, и несмотря на то нельзя ручаться ни за день, ни за часъ. На границѣ кто вечеромъ ложится спать, тотъ не знаетъ, не проснется ли онъ въ оковахъ, или съ остріемъ меча у горла, или съ горящею кровлей надъ головой. Отъ предательства не обезпечиваютъ ни клятвы, ни печати, ни пергаменты. Не то ли было подъ Злоторыей, когда, во время ничѣмъ ненарушимаго мира, князя похитили въ плѣнъ? Крестоносцы говорили, что этотъ замокъ можетъ угрожать имъ,—но замки строятъ для обороны, а не для нападенія, и какой же это князь не имѣетъ права на своей землѣ строить или перестраивать замки? Ордена не умилостивитъ ни слабый, ни сильный,—слабаго онъ презираетъ, сильнаго старается довести до паденія. Кто имъ сдѣлаетъ ...о, тому они отплачиваютъ зломъ. Есть ли такой орденъ, ко...ый въ чужомъ государствѣ былъ бы осыпанъ такими благодѣя...ми, какими осыпали крестоносцевъ польскіе князья,—а какова ...ыла расплата? Ненависть, грабежъ, война и предательство. И ...апрасно требовать отъ нихъ чего-нибудь, напрасно жаловаться ...му апостольскому престолу, потому что они въ своей гор...и закоренѣлости даже римскаго папу не слушаютъ. Присла-

ли они посольство на родины королевы и на ожидаемыя крестины, но это только для видимости, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ отвратить отъ себя гнѣвъ могучаго короля за то, что они надѣлали на Литвѣ. Въ сердцѣ же у нихъ все живетъ мысль объ истребленіи королевства и всего польскаго народа».

Аббатъ слушалъ внимательно и поддакивалъ, а потомъ сказалъ:

— Я знаю, что въ Краковъ во главѣ посольства пріѣхалъ Лихтенштейнъ, рыцарь весьма уважаемый въ орденѣ за его знаменитый родъ, мужество и умъ. Можетъ быть вы, милостивая госпожа, скоро увидите его, потому что онъ прислалъ мнѣ извѣстіе, что хочетъ помолиться нашимъ святынямъ и пріѣдетъ навѣстить Тынецъ.

Княгиня снова начала свои жалобы:

— Люди говорятъ, и можетъ быть это вѣрно, что скоро будетъ большая война,—съ одной стороны Польское королевство и всѣ народы, которые говорятъ языкомъ, похожимъ на польскій, а съ другой—всѣ нѣмцы и ордена. Кажется, объ этой войнѣ есть пророчество какой-то святой...

— Бригиды,—перебилъ ученый аббатъ:—восемь лѣтъ назадъ она была сопричислена къ лику святыхъ. Преподобный Петръ изъ Альваспуга и Мацѣй изъ Линкёпинга списали ея слова, въ которыхъ, дѣйствительно, пророчествуется о войнѣ.

Збышко при этихъ словахъ задрожалъ отъ радости и не удержался, спросилъ:

— А скоро это должно быть?

Но аббатъ, занятый княгиней, не слыхалъ, а можетъ быть сдѣлалъ видъ, что не слышитъ вопроса.

Княгиня продолжала:

— Наши молодые рыцари такъ и рвутся на эту войну, но болѣе старшіе и разсудительные говорятъ: «Не нѣмцевъ мы боимся, хотя велико ихъ могущество и гордыня, ни ихъ коней и мечей, а святынь орденскихъ боимся, ибо противъ нихъ всякая человѣческая сила—ничто».

Анна Данута со страхомъ посмотрѣла на аббата и добавила тихимъ голосомъ:

— Кажется, у нихъ есть крестъ Господень: какъ же съ ни воевать?

— Имъ прислалъ французскій король,—отвѣтилъ аббатъ.

Наступила минута молчанія. Наконецъ, Николай изъ Длуголя по прозвищу Обухъ, человѣкъ бывалый и опытный, заговорил

— Я былъ въ неволѣ у крестоносцевъ и видѣлъ процес

когда несли эту великую святыню. Но и кромѣ того въ монастырѣ въ Оливѣ множество другихъ знаменитыхъ реликвій, безъ которыхъ орденъ не дошелъ бы до такого могущества.

Бенедиктинцы съ великимъ любопытствомъ повернули къ нему головы и начали разспрашивать:

— А что же еще есть?

— Есть частица одежды Пресвятой Дѣвы,—отвѣтилъ Николай изъ Длуголяса,—есть коренной зубъ Маріи Магдалины и угольки Неопалимой Купины, въ которой Самъ Богъ Отецъ предсталъ Моисею, есть рука святого Либерія, а костей другихъ святыхъ и по пальцамъ не пересчитаешь.

— Какъ же съ ними воевать?—со вздохомъ повторила княгиня.

Высокій лобъ аббата нахмурился. Онъ подождалъ съ минуту и отвѣтилъ такъ:

— Воевать съ ними тяжело хотя бы и потому, что они иноки и носятъ крестъ на плащахъ, но если они превзошли мѣру въ прегрѣшеніяхъ, тогда и святынямъ непріятно будетъ пребывать у нихъ и онѣ не только не пріумножатъ ихъ силы, а скорѣе уменьшатъ ихъ для того, чтобы перейти въ достойнѣйшія руки. Да сохранитъ Господь христіанскую страну, но если наступитъ великая война, то и въ нашемъ королевствѣ есть реликвіи, которыя будутъ сражаться за насъ. Господь же, устами святой Бригиды, изрекъ: «Я поставилъ ихъ аки полезныхъ пчелъ и утвердилъ на рубежѣ земель христіанскихъ, но они возстали противъ Меня, ибо они не заботятся о душѣ и не щадятъ тѣла народа, который изъ заблужденія обратился къ католической вѣрѣ и ко Мнѣ. И обратили его въ рабовъ и не учатъ его заповѣдямъ Божіимъ и отнимаютъ у нихъ Святое Причастіе, обрекая его на бо́льшія мученія, чѣмъ еслибъ онъ остался въ язычествѣ. А войны они ведутъ для распространенія своего властолюбія. Посему придетъ время, когда будутъ выломаны ихъ зубы и отсѣчена у нихъ будетъ правая рука, а правая нога захромаетъ, дабы они познали свои прегрѣшенія».

— Дай-то Богъ!—воскликнулъ Збышко.

Прочіе рыцари и монахи также ободрились при этихъ словахъ. батъ обратился къ княгинѣ и сказалъ:

— Уповайте на Бога, милостивая госпожа, ибо скорѣе сочте[illegible] ихъ дни, чѣмъ ваши, а пока съ благодарнымъ сердцемъ приге вотъ этотъ ковчежецъ,—въ немъ хранится палецъ ноги свя[illegible]о Птоломея, одного изъ нашихъ патроновъ.

Княгиня, дрожа отъ счастія, протянула руки, преклонила ко-

лѣна и приложила ковчежецъ къ губамъ. Радость госпожи раздѣляли дворяне и дамы,—никто не сомнѣвался, что этотъ даръ призоветъ благословеніе на всѣхъ, можетъ быть, и на все княжество. Збышко также чувствовалъ себя счастливымъ,—ему казалось, что война должна наступить немедленно послѣ краковскихъ торжествъ.

IV.

Было уже сильно за полдень, когда княгиня вмѣстѣ со своею свитой тронулась изъ гостепріимнаго Тыньца въ Краковъ. Тогдашніе рыцари, въѣзжая въ большіе города или замки для посѣщенія знакомыхъ, часто облекались въ полное вооруженіе. Правда, существовалъ обычай снимать его немедленно послѣ проѣзда черезъ ворота,—къ этому приглашалъ и самъ владѣлецъ торжественными словами: «Снимите оружіе, благородный рыцарь, вы пріѣхали къ друзьямъ»,—тѣмъ не менѣе «военный» въѣздъ считался болѣе показнымъ и поднималъ значеніе рыцаря. Для этой-то показности какъ Мацько, такъ и Збышко нарядились въ лучшіе панцыри и нараменники, отнятые у фризскихъ рыцарей,—ясные, блестящіе и украшенные пропущенною по краямъ золотою нитью. Николай изъ Длуголяса,—онъ зналъ свѣтъ, видалъ много рыцарей и, кромѣ того, былъ хорошимъ знатокомъ военныхъ вещей,—сразу узналъ, что эти панцыри выкованы лучшими въ тогдашнее время медіоланскими оружейниками, и что каждый изъ этихъ панцырей стоитъ хорошей деревни. Онъ вывелъ изъ этого заключеніе, что фризы должны были быть не малыми людьми въ своемъ народѣ, и тѣмъ съ большимъ почтеніемъ началъ смотрѣть на Мацька и Збышка. Шлемы ихъ, хотя также не послѣдняго достоинства, не были такъ богаты, за то покрытые роскошными попонами лошади возбуждали среди дворянъ удивленіе и зависть. И Мацько, и Збышко, сидя на неимовѣрно высокихъ сѣдлахъ, глядѣли на всю толпу сверху. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ длинное копье, каждый былъ вооруженъ мечомъ, висящимъ сбоку, и топоромъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу. Положимъ, ради удобства, они сложили свои мечи на телѣги, но и безъ нихъ, казалось, ѣхали на борьбу, а не въ городъ.

Они слѣдовали за коляской, въ которой сидѣли княгиня съ Данусей, а впереди помѣщались почтенная придворная дама Офка вдова Кристина изъ Яжомбкова, и старикъ Николай изъ Длуголяса. Дануся съ великимъ интересомъ смотрѣла на желѣзныхъ рыцарей, а княгиня отъ времени до времени доставала ковчежецъ съ мощами святого Птоломея и подносила его къ губамъ.

— Ужасно любопытно знать, какія это кости,—сказала княгиня,—но сама я не раскрою ковчежца, чтобъ не обидѣть святого. Пусть его откроетъ краковскій епископъ.

На это осторожный Николай изъ Длуголяса отвѣтилъ:

— Лучше этого не выпускать изъ рукъ, вещь-то ужъ очень лакомая.

— Можетъ быть, вы и правду говорите,—сказала княгиня и, немного подумавъ, прибавила:

— Давно мнѣ не доставлялъ никто такого утѣшенія, какъ достойный аббатъ—и этимъ подаркомъ, и тѣмъ, что успокоилъ мой страхъ передъ реликвіями крестоносцевъ.

— Онъ говорилъ мудро и справедливо,—отозвался Мацько изъ Богданьца.—У нихъ и подъ Вильномъ были разныя реликвіи, тѣмъ болѣе, что они хотѣли убѣдить гостей, что воюютъ съ язычниками. Ну, и что-жъ? Увидали наши, что стоитъ только плюнуть на руку, размахнуться хорошенько топоромъ, то и шлемъ пополамъ и голова пополамъ. Святые помогаютъ,—грѣшно спорить противъ этого,—но только справедливымъ, которые идутъ на войну за правду и во имя Божіе. Вотъ я и думаю, милостивая госпожа, что коли дѣло дойдетъ до войны, то хотя бы крестоносцамъ помогали всѣ нѣмцы, мы побьемъ ихъ въ лоскъ, нашего народу больше, и Господь Іисусъ укрѣпитъ нашу силу. А что касается реликвій, то развѣ у насъ въ монастырѣ Святого Креста нѣтъ частицы Животворящаго Креста?

— Правда, клянусь Богомъ,—сказала княгиня,—но у насъ это остается въ монастырѣ, а они свои реликвіи возятъ съ собою.

— Все равно, для Бога нѣтъ разницы, далеко или близко.

— Правда ли, скажите, такъ ли это?—обратилась княгиня къ мудрому Николаю изъ Длуголяса, а онъ отвѣтилъ:

— Это и всякій епископъ подтвердитъ. До Рима далеко, и все-таки міромъ правитъ папа, а Богъ ужъ и подавно.

Слова эти совершенно успокоили княгиню, и она обратила разговоръ на Тынецъ и его великолѣпіе. Вообще мазуровъ удивляло не только богатство аббатства, но и богатство и красота страны, по которой они проѣзжали теперь. Вокругъ виднѣлись большія, зажиточныя деревни, сады, полные фруктовыхъ деревьевъ, липовые [illegible], гнѣзда аистовъ на деревьяхъ, а ниже ульи съ соломенными [illegible]кушками. Вдоль дороги съ той и другой стороны тянулись поля, [illegible]янныя разными хлѣбами. Вѣтеръ отъ времени до времени колъ еще зеленое море колосьевъ, среди которыхъ, какъ звѣзды [illegible]ебѣ, мелькали головки голубыхъ васильковъ и ярко-краснаго [illegible]. Далеко, за полями, чернѣли сосновые лѣса или весело красо-

вались дубовыя и ольховыя рощицы, купающіяся въ солнечномъ свѣтѣ. Влажные луга, поросшіе густою травой, чайки, кружащіяся надъ мочежинами, и потомъ опять холмы, облѣпленные хатами, опять нивы. Видно, что на этой землѣ жилъ многочисленный, трудолюбивый народъ, страстно привязанный къ землѣ; куда ни хватитъ глазъ, край казался не только изобильнымъ, но и спокойнымъ и счастливымъ.

— Это Казимірово королевское хозяйство, — сказала княгиня,—тутъ бы жить и умереть.

— Господь Іисусъ улыбается этой землѣ,—отвѣтилъ Николай изъ Длуголяса,—и благословеніе Божіе почіетъ на ней. Да и какъ же быть иначе, если здѣсь, когда начнутъ звонить колокола, нѣтъ такого угла, куда бы не дошелъ колокольный звонъ. Вѣдь, всѣмъ извѣстно, что злые духи не могутъ выносить этого и должны бѣжать въ глухіе лѣса, къ венгерской границѣ.

— Вотъ то-то мнѣ и удивительно,—проговорила пани Офка, вдова Кристина изъ Яжомбкова,—что Удалый Вальгеръ, о которомъ говорили монахи, можетъ показываться въ Тыньцѣ: тамъ семь разъ въ сутки звонятъ въ колокола.

Замѣчаніе это на минуту смутило Николая и, лишь подумавъ немного, онъ отвѣтилъ:

— Прежде всего, судьбы Божіи неисповѣдимы, а во-вторыхъ, замѣтьте себѣ, что онъ каждый разъ испрашиваетъ особое разрѣшеніе.

— Какъ бы тамъ ни было, я рада, что мы не ночуемъ въ монастырѣ. Я умерла бы отъ страха, еслибъ онъ мнѣ представился.

— Гм... какъ знать, говорятъ, онъ красавецъ.

— Хотя бы онъ былъ раскрасавецъ, я не хотѣла бы цѣловаться съ тѣмъ, у кого изо рта разитъ сѣрой.

— Вотъ оно что: даже когда рѣчь идетъ о чертяхъ, у васъ все поцѣлуи на умѣ.

Княгиня, панъ Николай и оба владѣльца Богданьца засмѣялись. Засмѣялась, сама не зная почему, по примѣру другихъ, Дануся; Офка изъ Яжомбкова обратила свое разгнѣванное лицо къ Николаю изъ Длуголяса и сказала:

— Я предпочитала бы его, а не васъ.

— Э, не вызывайте волка изъ лѣсу,—весело отвѣтилъ зуръ,—онъ ѣздитъ часто и таскается между Краковымъ и Тыцемъ, въ особенности вечеромъ: а ну, какъ онъ васъ услышитъ ну, какъ предстанетъ передъ вами въ образѣ богатыря?

— Съ нами крестная сила!—отвѣтила Офка.

Въ это время Мацько изъ Богданьца,—съ своего высокаго сѣдла онъ могъ видѣть дальше, чѣмъ тѣ, которые сидѣли въ колескѣ,—задержалъ лошадь и воскликнулъ:

— Боже всемилостивый, что это?

— Что такое?

— Богатырь какой-то выѣзжаетъ къ намъ навстрѣчу изъ-за горы.

— И слово плоть бысть!—испугалась княгиня.—Не наговорите чего-нибудь.

Збышко приподнялся на стременахъ и сказалъ:

— Такъ и есть, богатырь Вальгеръ, не кто другой.

Возница со страха осадилъ лошадей и, не выпуская изъ рукъ возжей, началъ креститься: и онъ, съ козелъ, увидалъ на противоположномъ холмѣ гигантскую фигуру всадника.

Княгиня приподнялась и тотчасъ же опустилась на мѣсто, съ лицомъ, измѣнившимся отъ страха. Дануся спрятала голову въ складкахъ ея платья. Дворяне, дамы и рибальты, которые ѣхали верхомъ за коляской, услыхавъ зловѣщее имя, начали сбиваться въ кучку. Мужчины еще пытались смѣяться, хотя въ ихъ глазахъ отражалось безпокойство, женщины поблѣднѣли, только Николай изъ Длуголяса,—ему былъ не первый снѣгъ на голову,—держалъ себя попрежнему и, желая успокоить княгиню, сказалъ:

— Не тревожьтесь, милостивая госпожа. Солнце еще не зашло, а еслибъ и теперь была ночь, святой Птоломей справится съ Вальгеромъ.

Тѣмъ временемъ всадникъ въѣхалъ на вершину пригорка, задержалъ коня и остановился неподвижно. Его можно было ясно разглядѣть въ лучахъ заходящаго солнца, и, дѣйствительно, его фигура своею величиной, казалось, превосходила обыкновенные размѣры человѣка. Разстояніе между нимъ и свитою княгини было не больше трехсотъ шаговъ.

— Чего онъ стоитъ?—спросилъ одинъ изъ рибальтовъ.

— Потому что и мы стоимъ,—отвѣтилъ Мацько.

— Смотритъ на насъ, какъ будто хочетъ выбрать кого-нибудь ъ насъ,—замѣтилъ другой рибальтъ.—Еслибъ я зналъ, что это ловѣкъ, а не нечисть, то подъѣхалъ бы къ нему и хватилъ бы лютней по лбу.

Женщины въ конецъ перепугались и начали вслухъ читать молитвы. Збышко, желая похвастать отвагой въ глазахъ княгини и Руси, сказалъ:

А я такъ поѣду. Что мнѣ Вальгеръ!

Дануся съ плачемъ закричала: «Збышко! Збышко!»—но онъ пустилъ въ ходъ коня и помчался впередъ, увѣренный, что если встрѣтитъ и настоящаго Вальгера, то пронижетъ его насквозь копьемъ.

У Мацька глаза были дальнозоркіе, и онъ сказалъ:

— Онъ кажется такимъ большимъ потому, что стоитъ на пригоркѣ. Парень здоровый, но обыкновенный человѣкъ, а не что-нибудь иное. И я поѣду, чтобы не допустить ссоры между нимъ и Збышкомъ.

Збышко тѣмъ временемъ ѣхалъ рысью и размышлялъ, сразу ли ему наставить копье, или разсмотрѣть вблизи, каковъ этотъ человѣкъ, стоящій на пригоркѣ. Онъ рѣшилъ сначала удостовѣриться хорошенько и тотчасъ же убѣдился, что послѣдовалъ хорошей мысли; по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, незнакомецъ въ его глазахъ началъ утрачивать свои необыкновенные размѣры. Очень рослый человѣкъ сидѣлъ на огромной лошади, еще большей, чѣмъ лошадь Збышка, но чудеснаго въ немъ ничего не было. Онъ былъ невооруженъ, съ атласной, похожей на колоколъ, шапочкой на головѣ, въ бѣломъ полотняномъ плащѣ, изъ-подъ котораго выглядывала зеленая одежда. Голова его была поднята кверху,—онъ молился и для этого, вѣроятно, задержалъ своего коня.

— Э, что мнѣ Вальгеръ!—подумалъ мальчикъ.

Онъ подъѣхалъ такъ близко, что могъ бы достать копьемъ незнакомца. Незнакомецъ, увидавъ передъ собою великолѣпно вооруженнаго молого рыцаря, дружелюбно улыбнулся и сказалъ:

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа!

— Во вѣки вѣковъ.

— Это не дворъ княгини мазовецкой—тамъ, внизу?

— Да.

— Такъ вы изъ Тыньца ѣдете?

Отвѣта на вопросъ не послѣдовало. Збышко посмотрѣлъ впередъ и пришелъ въ такое изумленіе, что не слыхалъ ничего. Съ минуту онъ простоялъ, какъ окаменѣлый, не довѣряя собственнымъ глазамъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ за незнакомцемъ онъ увидалъ нѣсколько конныхъ солдатъ, во главѣ которыхъ ѣха рыцарь въ блестящихъ латахъ, въ бѣломъ суконномъ плащѣ черным крестомъ, въ стальномъ шлемѣ, украшенномъ велик лѣпнымъ гребнемъ изъ павлиньихъ перьевъ.

— Крестоносецъ!—прошепталъ Збышко.

И, при видѣ крестоносца, онъ подумалъ, что молитва его усл шана, что Богъ, по милосердію своему, посылаетъ ему нѣмца

которомъ онъ просилъ въ Тыньцѣ, что нужно пользоваться Божьимъ соизволеніемъ, и, не колеблясь ни минуты, прежде чѣмъ это промелькнуло у него въ головѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ остыть отъ изумленія, наклонился на сѣдлѣ и со своимъ родовымъ крикомъ «Грады! Грады!»—во всю прыть помчался на крестоносца.

Крестоносецъ также изумился, задержалъ коня и, не наклоняя копья, смотрѣлъ впередъ, какъ бы неувѣренный, на него ли это нападаютъ.

— Наклони копье!— кричалъ Збышко, вонзая желѣзные концы стремянъ въ бока лошади.—Грады! Грады!

Разстояніе, раздѣляющее ихъ, уменьшалось. Крестоносецъ, видя, что нападеніе направлено противъ него, подставилъ щитъ, и копью Збышка вотъ-вотъ было коснуться его груди, какъ вдругъ какая-то могучая рука переломила копье Збышка, какъ сухую тростину, потомъ та же самая рука дернула поводья съ такою страшной силой, что лошадь сразу остановилась, какъ вкопанная.

— Безумный человѣкъ, что ты дѣлаешь?—раздался глубокій, грозный голосъ,—на посла нападаешь, короля оскорбляешь?

Збышко оглянулся и увидалъ того богатыря, который подъ видомъ Вальгера такъ напугалъ придворныхъ княгини.

— Пусти на нѣмца! Кто ты таковъ?—крикнулъ Збышко, хватаясь за рукоять топора.

— Оставь топоръ! Богомъ клянусь, оставь топоръ, говорю тебѣ, а то съ коня сброшу!—еще грознѣй проговорилъ незнакомецъ.—Ты оскорбилъ величіе короля и пойдешь подъ судъ.

Онъ обратился къ людямъ, которые ѣхали за крестоносцемъ и крикнулъ:

— Сюда!

Тѣмъ временемъ подоспѣлъ Мацько съ безпокойнымъ и зловѣщимъ лицомъ. И онъ понималъ ясно, что Збышко поступилъ какъ сумасшедшій и что изъ этого дѣла могутъ проистечь гибельныя для него послѣдствія, но однако былъ не прочь и отъ схватки. Весь отрядъ неизвѣстнаго рыцаря и крестоносца состоялъ не больше какъ изъ пятнадцати человѣкъ, вооруженныхъ отчасти дротиками, [illegible]сти самострѣлами,—двое совершенно вооруженныхъ рыцарей [illegible]и сразиться съ ними не безъ надежды на побѣду. Мацько ду[illegible]ъ, что если впослѣдствіи имъ будетъ угрожать судъ, то, мо[illegible]ъ быть, лучше пробиться сквозь этихъ людей и спрятаться, [illegible]не пройдетъ буря. Его лицо сморщилось, какъ морда волка, [illegible]аго укусить, и, остановивъ коня между Збышкомъ и незна[illegible]мъ, онъ спросилъ, хватаясь за мечъ:

— Кто вы такіе? По какому праву?

— По такому праву,—отвѣтилъ незнакомецъ, — что король повелѣлъ мнѣ наблюдать за безопасностью этихъ мѣстъ, а зовутъ меня Повала изъ Тачева.

При этихъ словахъ Мацько и Збышко посмотрѣли на рыцаря, опустили головы и вложили въ ножны полуобнаженные мечи. Не страхъ объялъ ихъ, —они преклонили голову предъ знаменитымъ и хорошо знакомымъ имъ именемъ: Повала изъ Тачева, дворянинъ знаменитаго рода и могущественный вельможа былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и славнѣйшимъ рыцаремъ во всемъ королевствѣ. Рибальты воспѣвали его въ пѣсняхъ, какъ образецъ чести и мужества, прославляя его имя наравнѣ съ именами Завиши изъ Габрова, Фарурея, Скарбка изъ Гуры, Добка изъ Олесницы, Яська Наншана и Николая изъ Москожова. Въ эту минуту кромѣ того онъ представлялъ особу короля и посягнуть на него значило то же, что отдать голову подъ топоръ палача.

Мацько остылъ и проговорилъ почтительнымъ голосомъ:

— Честь и поклонъ вамъ, вашей славѣ и мужеству.

— Поклонъ и вамъ,—отвѣтилъ Повала, — хотя я предпочелъ бы свести съ вами знакомство не при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

— Почему же такъ?—спросилъ Мацько.

Повала обратился къ Збышку:

— Что ты натворилъ, молодой человѣкъ? На большой дорогѣ, на глазахъ у короля, напалъ на посла. Знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ за это?

— Напалъ на посла потому, что онъ молодъ и глупъ, — ему легче отважиться на какое-нибудь дѣло, чѣмъ обдуматься,— отвѣтилъ Мацько.—Но не осуждайте его сурово, пока я не разскажу вамъ все.

— Не я буду судить его. Мое дѣло наложить на него оковы.

— Какъ же это такъ?—отозвался Мацько, угрюмымъ взглядомъ окидывая всѣхъ людей, окружающихъ его.

— По приказу короля.

Послѣ этихъ словъ наступило молчаніе.

— Онъ дворянинъ,—спустя немного проговорилъ Мацько

— Тогда пусть онъ поклянется рыцарскою честью, что не станетъ на призывъ суда.

— Клянусь честью!—воскликнулъ Збышко.

— Хорошо. Какъ васъ зовутъ?

Мацько назвалъ свою фамилію и гербъ.

— Если вы принадлежите ко двору княгини Мазовецкой, то просите, чтобъ она ходатайствовала за васъ передъ королемъ.

— Мы не принадлежимъ къ двору княгини. Мы ѣдемъ изъ Литвы отъ князя Витольда. Лучше бы намъ не встрѣчаться ни съ какимъ дворомъ. Отъ этой встрѣчи на мальчишку и свалилось несчастіе.

Мацько началъ разсказывать, что произошло на заѣзжемъ дворѣ, какъ туда пріѣхала княгиня, какъ его племянникъ произносилъ обѣтъ, и вдругъ воспламенился такимъ гнѣвомъ противъ Збышка, что закричалъ на него:

— Лучше бы тебѣ умереть подъ Вильномъ! О чемъ ты, дуракъ, думалъ?

Збышко отвѣтилъ:

— Послѣ того, какъ я далъ обѣтъ, я молился Господу Іисусу, чтобъ Онъ послалъ мнѣ побольше нѣмцевъ, и обѣщалъ Ему разные дары, и, когда увидалъ павлиньи перья и плащъ съ чернымъ крестомъ, то какой-то голосъ заговорилъ во мнѣ: «Бей нѣмцевъ,— чудо совершилось». Ну, я напалъ на него,—да и кто бы не напалъ?

— Слушайте,—перебилъ Повала, — я не желаю вамъ зла, я вижу ясно, что мальчикъ провинился скорѣе по безсмыслію, свойственному его возрасту, чѣмъ по злому умыслу. Я былъ бы радъ, еслибъ мнѣ можно было совсѣмъ не обратить вниманіе на его поступокъ и поѣхать дальше, какъ будто ничего не бывало. Но сдѣлать это я могу только въ томъ случаѣ, если комтуръ пообѣщается, что ничего не скажетъ королю. Просите его, можетъ быть, и онъ сжалится надъ подросткомъ.

— Я скорѣй пойду подъ судъ, чѣмъ стану кланяться крестоносцу! — крикнулъ Збышко. — Недостойно это моей рыцарской чести.

Повала изъ Тачева сурово посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Не хорошо ты дѣлаешь. Тѣ, что постарше, лучше тебя знаютъ, что достойно и что не достойно рыцарской чести. Обо мнѣ [illegible] кое-что знаютъ, а я, все-таки, скажу тебѣ, что еслибъ я такъ [illegible]инился, то не постыдился бы просить прощенія за свою [illegible]у.

[illegible]бышко смутился, но, осмотрѣвшись вокругъ, отвѣтилъ:

— Земля здѣсь ровная,—утоптать бы ее немного... Чѣмъ про[illegible] прощенія у нѣмца, я предпочелъ бы сразиться съ нимъ на [illegible] на ногахъ, на смерть или неволю.

— Дуракъ ты!—перебилъ Мацько.—Какъ же это ты съ посломъ станешь сражаться? Ни тебѣ съ нимъ нельзя, ни ему съ такимъ паршивцемъ.

И онъ обратился къ Повалѣ:

— Простите, благородный рыцарь. Мальчишка совсѣмъ избаловался во время войны,—пусть онъ лучше не говоритъ съ нѣмцемъ, а то еще обругаетъ его. Говорить буду я, буду просить прощенія, а если, послѣ своего посольства, нѣмецъ захочетъ встрѣтиться со мной, то я съ охотой предстану предъ нимъ.

— Рыцарь этотъ знатнаго рода, — едва ли онъ съ кѣмъ-нибудь захочетъ биться,—отвѣтилъ Повала.

— Какъ же это такъ? Развѣ у меня нѣтъ пояса и шпоръ? Противъ меня и князь можетъ стать.

— Не спорю, но лучше не говорите объ этомъ,—развѣ онъ самъ не начнетъ бесѣды, а то какъ бы онъ не обидѣлся на васъ. Ну, помоги вамъ Богъ.

— Пойду моргать глазами,—сказалъ Мацько Збышку,—погоди ты у меня!

И онъ приблизился къ крестоносцу, который неподвижно сидѣлъ на своемъ огромномъ, похожемъ на верблюда конѣ и съ величайшимъ равнодушіемъ прислушивался къ тому, что говорятъ. Моцько во время войны научился по-нѣмецки и началъ объяснять нѣмцу на его родномъ языкѣ, что случилось, сваливать вину на молодые годы и неукротимый характеръ мальчика, которому показалось, что самъ Богъ послалъ ему рыцаря съ павлиньими перьями, и, наконецъ, испрашивалъ, чтобъ Збышку отпустили его вину.

Лицо комтура не дрогнуло. Прямой и неподвижный, съ высоко поднятой головой, онъ смотрѣлъ на Мацька своими стальными глазами такъ равнодушно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ презрительно, какъ будто бы смотрѣлъ не на рыцаря, не на человѣка даже, а на какой-нибудь бездушный предметъ. Владѣлецъ Богданьца замѣтилъ это, и, хотя слова его были по-прежнему вѣжливы, его душа, видимо, начинала возмущаться. Онъ говорилъ все съ большимъ принужденіемъ, а на его загорѣлыхъ щекахъ выступилъ румянецъ. Было очевидно, что при столкновеніи съ этой леденящею гордостью онъ сдерживался, чтобъ не заскрежетать зубами и не разразиться гнѣвомъ.

Повала,—сердце у него было доброе,—замѣтилъ это и рѣшилъ прійти на помощь Мацьку. И онъ, въ молодости, при дворахъ [illegible]герскомъ, разузскомъ, бургундскомъ и чешскомъ, въ поискахъ [illegible]а рыцарскими приключеніями, которыя повсюду прославили его [illegible],

научился по-нѣмецки, теперь обратился на этомъ языкѣ къ Мацьку примирительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шутливымъ тономъ:

— Вы видите, что благородный комтуръ не придаетъ этому дѣлу никакого значенія. Не только въ нашемъ королевствѣ, но и повсюду подростки не отличаются зрѣлымъ умомъ, но такіе рыцари, какъ комтуръ, не сражаются съ дѣтьми ни на аренѣ, ни въ судѣ.

Лихтенштейнъ выпятилъ свои русые усы и, не говоря ни слова, прослѣдовалъ впередъ, минуя Мацька и Збышка.

А у нихъ отъ бѣшенаго гнѣва волоса стали дыбомъ подъ шлемомъ, а руки такъ и хватались за мечи.

— Подожди, проклятый крестоносецъ, — сквозь стиснутые зубы проговорилъ Мацько,—теперь ужъ я обрекъ тебя и найду, когда ты перестанешь быть посломъ.

У Повалы также разгоралось сердце, и онъ сказалъ:

— Это потомъ. А теперь пусть княгиня походатайствуетъ за васъ,—иначе плохо будетъ мальчику.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТАРШІЙ РАБОЧІЙ.

(ОЧЕРКЪ).

I.

Это случилось глубокою осенью—въ концѣ октября.

Смеркалось. Морозило. Дулъ сѣверный вѣтеръ и было очень холодно... На полотно желѣзной дороги съ проселка свернули два пѣшехода. То были «пильщики». У одного изъ нихъ—высокаго, сутуловатаго старика, лѣтъ подъ 60, бодраго на видъ и безъ единой сѣдины въ рѣдкихъ, желтыхъ, какъ песокъ, волосахъ—болтался за спиной грязный холщевый мѣшокъ съ интрументомъ, а въ рукахъ былъ аршинъ, которымъ старикъ изрѣдка постукивалъ о промерзлую землю. Другой—низкорослый, моложавый, съ темною бородкой и кроткимъ взглядомъ красивыхъ карихъ глазъ—несъ пилу, широкое полотно которой зыбилось у него на плечѣ и по временамъ издавало короткій, плачущій звукъ.

Звали ихъ: старика—Сильвестромъ, а помоложе—Самсономъ. Шли пильщики домой, пошабашивъ съ работой на «барскомъ дворѣ», гдѣ они пилили дубовыя доски.

Имъ предстояло пройти верстъ съ десять.

— А что, дядя Сильвестръ, захватимъ мы ночи: не рано, поди, ужъ?...

— Во-та! А ты скажь,—перебилъ старикъ:—идти-то здѣсь важно! Много допрежь-то прошли мы?... Эхъ, другъ, ноги только вихляли... Колчъ!... А тутъ, какъ по глянцу, катай-валяй... Ишь, ишь, по песочку-то... Лихо!

И онъ замолчалъ и прислушался, какъ мягко шуршали ихъ обутыя въ лапти ноги по густо усыпанному пескомъ полотну желѣзной дороги, которая дальше загибалась въ глубокую пяти-сажженную выемку.

Старикъ настроенъ былъ особенно весело. Это былъ бобыль гультяй, у котораго, какъ говорится, ни сзади, ни спереди—нѣт

ничего. Руки, да ноги—только и есть, что добра. Жилъ онъ поденною работой. А не случалось ея—ходилъ и «въ поборы», съ рукой. Послѣднее время онъ, какъ-то случайно столкнувшись съ Самсономъ, присталъ къ нему за товарища, назвался «пильщикомъ», и вмѣстѣ съ нимъ недѣли съ двѣ работалъ, гдѣ придется. И вотъ работа была кончена; другой пока не предвидѣлось; въ карманѣ, завернутый туго въ кисетъ, лежалъ давно невиданный «троякъ»,— и такимъ образомъ, впереди былъ и досугъ, и возможность «кутнуть». Немудрено, что перспектива такой заманчивой программы грядущаго «завтра» пріятнымъ ощущеніемъ довольства разливалась по всему тѣлу дяди Сильвестра, и онъ былъ совершенно счастливъ.

— А что,—началъ Сильвестръ:—доводилось тебѣ коли ѣздить по нимъ?—указалъ онъ на рельсы.

— Что скажешь: ни разу!

— О?... Ну, а я, малушка, покатался... Пріѣлась, Богъ съ ней! Слава те, Господи, походилъ и поѣздилъ!...

Вошли въ выемку. Та становилась все выше и выше.

— Поди, и поглубче гдѣ есть, а? дядя Сильвестръ?—осмотрѣлся Самсонъ.

— Вотъ пуще! Какого рожна тутъ! Такъ только—обличье одно!... Усколько разъ!... Другой разъ, такъ-то, выйдетъ... Страсть!...

Послышался гулъ колесъ, и впереди показалась вагонетка. Двое рабочихъ, идя сзади, толкали ее. Одинъ былъ будочникъ, высокій, смуглый мужикъ, другой—«ремонтный», приземистый бородачъ, изъ солдатъ. За ними, пріотставъ, шли остальные пять-шесть человѣкъ—«ремонтные» все. Сверху, на «бермѣ», показался старшій рабочій—Умовъ. Это былъ совсѣмъ молодой, широкоплечій, коренастый малый, лѣтъ 22, безбородый, безусый, въ короткомъ крытомъ полушубкѣ, опоясанномъ кучерскимъ съ наборомъ поясомъ.

Завидя пильщиковъ, онъ грубо крикнулъ:

— Куда прете вы, черти?... Не видали васъ тутъ, дьяволовъ! Назадъ!... Случится что, а ты отвѣчай за нихъ!...

Тѣ остановились.

Самсонъ робко оглянулся на своего бывалаго спутника.

— Чаво ты?—окликнулъ тотъ.

— Того-то! Пошелъ назадъ! Оглохъ? Я вотъ пойду—налажу, ъ ты живо прочухаешь!...

— О?... Горячъ дюже!—задорно парировалъ старикъ, но все ступилъ и повернулъ назадъ.

— Пойдемъ. Ну ихъ...—боязливо отозвался Самсонъ.

— Чего: ну ихъ? Наруга одна! Какого родимца онъ ищетъ?! Такъ—величается только!—протестовалъ старикъ.

— Я вотъ тебя поговорю! — отозвался сверху старшій рабочій.

Старикъ не отвѣтилъ. Но, пройдя шаговъ пять остановился.

— Самсонъ!—рѣшилъ онъ,—полѣземъ наверхъ! Куда мы будемъ переть!... Шли, шли...—и, шагнувъ черезъ ровъ, онъ вступилъ на откосъ.

— Куда ты, идолъ?... Дерновку ковырять... Аль тебя черти ломаютъ?!—закипятился старшій рабочій.

— Дядя Сильвестръ!—вступился Самсонъ,—кинь, не перечь! Ну изъ чего? То-то и заняться съ нимъ стало, изъ пустяковъ?... Пойдемъ куда надо.

— Э!—возмутился старикъ,—коли-бъ ужъ по дѣлу,—ну, такъ! А то что... привилегію ищетъ!... Начальникъ! Старшой!... Птица!... Я, братъ, тысячи верстъ исходилъ! Такихъ мозгляковъ видѣлъ!...

— А, ты еще ляскать!—вспылилъ «старшой» и, быстро сбѣжавъ по откосу, рванулся къ старику.

Тотъ оглянулся, струсилъ и побѣжалъ. «Старшій» нагналъ и сразмаха ткнулъ его въ шею. Старикъ клюнулъ впередъ, не сдержался и упалъ на колѣна, но быстро вскочилъ и обернулся.

— За что-жъ ты меня, стараго человѣка, сухмячишь?—сказалъ онъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

Тотъ молча, схватилъ его за грудь и, поддавъ снизу колѣнкомъ, сбросилъ въ ровъ.

— Охъ!—сдавленно крикнулъ старикъ и затихъ.

«Старшой» прошелъ мимо, прогудѣла за нимъ вагонетка, подошелъ и Самсонъ, а старикъ все еще не могъ подняться и стать на ноги, безсильно катаясь по рву.

— Э, дядя Сильвестръ, говорилъ, вѣдь, тебѣ! — упрекнулъ слабо Самсонъ.—Нашелъ съ кѣмъ заняться! Вставай-ка!

— Охъ, смерть! не могу я, братенекъ ты мой!—простоналъ старикъ, но, сдѣлавъ усиліе, всталъ и, съ помощью Самсона, взобрался даже по невысокому въ этомъ мѣстѣ откосу. Но, взойдя на верхъ, снова сѣлъ.—Охъ, нѣтъ... Не могу... Убилъ онъ меня!

— Ну, ну!—недовѣрчиво покосился Самсонъ.—Чего тамъ. Такъ и убилъ! Пойдемъ-ка!... А то, гляди, не вернулся-бъ опять

— Да что-жъ ты, не вѣришь? Эхъ, братъ, не за боемъ г нюсь я... Главное дѣло—«грызь» у меня: зашибъ онъ, подлецъ

Смерть моя! Охъ!...—и онъ, судорожно охвативъ руками животъ, прилегъ и опять застоналъ.

Самсонъ понялъ, что дѣло дрянь. Растерянно оглянувшись кругомъ, онъ сбросилъ пилу, снялъ шапку, шумно почесалъ пятерней въ волосахъ и страдальчески сморщилъ лицо,—онъ не зналъ, какъ быть.

Старикъ все стоналъ и метался. Самсонъ думалъ думу. Особенно мысль «взять и уйти» соблазняла его.

Больной сразу понялъ.

— Самсонушка, ты... не кидай меня, милый... Грѣхъ это... Куда-жъ теперь я?...—онъ оборвался и снова заплакалъ.

— Ну, чудачокъ! нешь это можно! Такъ и того... И со всякимъ такъ можетъ... Тоже: и самъ за себя не ручишься.

Отъ казармы (она была близко) Самсонъ запримѣтилъ — къ нимъ шелъ кто-то... быстро такъ.

«Кто-бъ это? Старшòй никакъ?... нѣтъ».

Тотъ поровнялся. Самсонъ обозналъ: то былъ бородачъ изъ ремонтныхъ, что гналъ вагонетку.

— Эй, вы, землячки, что стали? — началъ бородачъ, рокоча низкими нотами хриплаго голоса.

— Ты, дядя, кто?

— Прохожій я... Вижу, стоятъ... Что, молъ, за притча?... Аль случилòсь что?—пыталъ бородачъ, соблюдая инкогнито (его подослали узнать).

— Какъ не случилось! Зашибъ вотъ старшòй старичка, а онъ и того... занедужилъ. Гляди: не встаетъ вотъ...

— Это, братъ, дѣло такое!... Да ты бы пошелъ поскучалъ на барскомъ дворѣ-то...—указалъ бородачъ на лѣсной хуторъ сосѣдняго помѣщика.—Ну, гляди, и пустили-бъ... Баринъ хорошій. Я знаю.

— А что!—спохватился Самсомъ:—и давешь пора бы... Я вхожъ туда: пильщики мы... Ну, приходилось, пилилъ тамъ... Побудь съ старичкомъ, добѣгу я.

— Да я бы и радъ хоть...—запнулся совѣтчикъ,—да недосужно мнѣ... Вотъ въ чемъ...

— Иди, иди,—отозвался больной.—Чего... полежу и одинъ. Вси Христомъ-Богомъ, авось, не откажутъ?... Скорѣй бы, дурно меня дюже.

Самсонъ спѣшилъ, не отвѣтилъ ему и почти побѣжалъ. Хубылъ близко.

А ты не скучай, старичокъ,—сказалъ, уходя, бородачъ.—

Послабитъ, Богъ дастъ... Пожди вотъ, въ тепло положатъ,—«она» замигунитъ.

И быстро скользнувъ по откосу, онъ широко зашагалъ, направляясь въ казарму.

II.

Уютно осѣвшій въ лѣсу небольшой хуторокъ помѣщика Сагина давно ужъ мелькалъ огоньками, лучи которыхъ, дрожа и мигая, вперялись въ тьму ночи и, такъ казалось Самсону, манули и звали къ себѣ. Онъ торопился и шелъ къ нимъ на встрѣчу.

Всѣхъ ярче лучились огни, что̀ изъ дома, слабѣй—изъ конторы, затѣмъ—поварской, и вовсе ужъ слабо и тускло—огни двухъ людскихъ. Но ихъ-то и выбралъ Самсонъ. И онъ не ошибся: здѣсь было и шумно, и весело. Въ домѣ, хотя и ярко горѣлъ его свѣтъ, совсѣмъ было тихо. Въ одной угловой только комнатѣ, на мягкомъ диванѣ, подъ ярко-сверкающей лампой, понуро сидѣлъ высокій, худой человѣкъ, черные глаза котораго были прикованы къ раскрытой книгѣ, а черные волосы, двумя тонкими прядями спадали на блѣдный, красиво очерченный лобъ. То — Сагинъ. Въ комнатѣ, да и во всѣмъ домѣ, тихо. Шуршатъ изрѣдка листы книги, курчавится дымъ отъ сигары—и только. Не станемъ мѣшать мы ему, пусть читаетъ. Заглянемъ дальше. Въ конторѣ... ну, тутъ оживленнѣй. Жена приказчика Анна Алексѣевна, не красивая и не молодая уже женщина, съ проваленнымъ, скошеннымъ ртомъ (ее и зовутъ «кривороткой»), сидитъ и кормитъ ребенка. Въ комнатѣ, заставленной сундуками, столомъ, огромной «двухспальной» кроватью, подъ ситцевымъ линючимъ пологомъ, жарко, какъ въ банѣ, и пахнетъ скверно. Въ поварской оживленно. Толстая и круглая, какъ арбузъ, старуха-Никаноровна (повариха) сидитъ и говоритъ, говоритъ безъ конца... Это—ея всегдашняя манера. Она никогда не молчитъ. И слушатели—ихъ трое—сидятъ и не мѣшаютъ ей. Смазливая горничная Неонила шьетъ что-то. Черноглазая, 15-ти лѣтняя Поличка, съ красивымъ, задорнымъ личикомъ, которое не остается ни на минуту спокойнымъ, насмѣшливо кривитъ свой румяный ротикъ: ей такъ смѣшно, что та все болтаетъ. Поличка, сирота и любимица Сагина, который пріютилъ ее у себя холостой, одинокій, съ каждымъ днемъ привязывался къ ней все больше и больше. Ближе къ двери сидитъ кучеръ Григорій—красивый брюнетъ. Онъ часто коротаетъ здѣсь время, такъ какъ большой любитель и поклонникъ прекраснаго пола, а этотъ послѣ-

здѣсь преобладаетъ. И, наконецъ (четвертый по счету), огромный котъ Васька. Ну, этотъ, положимъ, самъ по себѣ: лежитъ онъ на печкѣ и лѣниво мурлычетъ и врядъ ли слушаетъ болтливую старуху,—онъ сладко дремлетъ.

А на людской? О, тамъ совсѣмъ уже весело! Смѣхъ, шутки... Всѣ сидятъ у стола и играютъ въ карты. Начали съ «королей», но скоро бросили и перешли на «свой-козырь». Приказчикъ Григорій Ипполитычъ играетъ лучше всѣхъ, и главный игрокъ «людской»— караульщикъ Семенъ - Печеный проигралъ подрядъ шесть разъ. Печеный злится — и это еще болѣе бередитъ общую веселость. Особенно молодой парень, Петракъ-Золкинъ, — тотъ прямо умираетъ, ложась на столъ, отъ смѣха. А побѣдитель торжествуетъ. Красное, толстое, рыжебородое лицо его лоснится отъ пота. Онъ только-что сдалъ козырнымъ тузомъ «свалку» противнику и предрѣшилъ этимъ исходъ борьбы, какъ вдругъ дверь людской отворилась, и вошелъ Самсонъ-пильщикъ.

Разсказъ его произвелъ впечатлѣніе. Самсонъ сталъ героемъ минуты. И не скоро ему удалось исчерпать событіе и ввести всѣхъ подробно въ курсъ дѣла. Пришлось не разъ возвращаться назадъ; повторять все сначала; выяснять всѣ мельчайшія подробности, возстановляя все въ лицахъ; и все это добросовѣстно продѣлалъ Самсонъ, окруженный жадно внимающею публикой.

А время шло да шло. Погода шумѣла. И слышно было и въ хатѣ, какъ глухо стоналъ лѣсъ подъ напорами вѣтра. А дядя Сильвестръ все лежалъ да лежалъ на мерзлой студеной землѣ.

— Такъ какъ же?—вдругъ встрепенулся и вспомнилъ Самсонъ:—Старичка-то, а?... Сюда бы его... Не тамъ же кидать!... Перевезть бы?...

— Постой, пойду вотъ скажусь,—размягченно отвѣтилъ приказчикъ.—Знаете, наше дѣло такое: безъ спроса—неловко.

— Што тамъ!—согласился Самсонъ.

Григорій Ипполитовичъ всталъ, не спѣша, застегнулъ крючки полушубка и, уходя, распорядился: запречь «пока» лошадь. Онъ, къ слову сказать, вполнѣ былъ увѣренъ, что въ домѣ «запини» не будетъ, и если сейчасъ и сослался на то, что «безъ спроса неловко», то потому, что въ немъ ужъ назрѣла зудящая потребность «пойти разсказать» и упиться тѣмъ жаднымъ вниманіемъ слушателя, которое въ такія минуты бываетъ наградой разсказчику. Онъ не попалъ сразу въ домъ: соблазнъ былъ и по дорогѣ. Онъ забѣжалъ къ женѣ, повергъ ее въ ужасъ; зашелъ поварскую и тамъ произвелъ впечатлѣніе; и только потомъ

ужъ, оставляя за собой трепещущія жаждой дальнѣйшихъ свѣдѣній сердца своихъ слушателей, онъ попалъ въ домъ.

Тамъ было попрежнему тихо.

Григорій Ипполитовичъ вступилъ въ переднюю, пождалъ съ минуту и выразительно кашлянулъ.

— Кто тамъ?—послышался нетерпѣливый голосъ изъ кабинета, въ отворенную дверь котораго мягко вливалась широкая полоса свѣта отъ большой висячей лампы. — Григорій Ипполитовичъ, вы?

— Я, я.

— Что вамъ?

— Да дѣло тутъ есть!

— Идите сюда,—не сразу отвѣтилъ Сагинъ.

Григорій Ипполитовичъ оправилъ волосы, старательно высморкался въ грязный и мятый комочекъ цвѣтного платка и, пройдя почему-то «на цыпочкахъ» темную столовую, шумно, ступая на всю уже ногу, выступилъ въ свѣтлой амбразурѣ растворенной двери.

— Ну, что?— спросилъ Сагинъ, отрываясь отъ книги и берясь за сигару.

— Да видите... Пришелъ Самсонъ-пильщикъ, что пилилъ-то у насъ по веснѣ дубовыя доски на шкафъ...

— Ну, ну... Помню я. Дальше!

— А дальше, что шелъ онъ по «линіи» съ дѣдомъ Сильвестромъ (товарищъ его). Ну, а тотъ и займись со старшимъ рабочимъ... То-се... Тотъ возьми и «толкани» его... А онъ и не встань. «Грызь» у него. Зашибъ, видно, какъ... Да и лежитъ тамъ. А Самсонъ-то пришелъ попросить, чтобъ перевезть его къ намъ, пока что... Какъ вы скажете? Можно? Я ужъ приказалъ лошадь сготовить... Да пришелъ вотъ сказаться.

— Конечно, можно. «Сказаться»!... Это не только «можно», но и должно. Тутъ и сказываться нечего!

— Да, вѣдь, какъ это... Мало-бъ чего! Наше дѣло такое...

Сагинъ поморщился.

— Постойте. Я не понялъ. За что тотъ сталъ бить?

— Приказалъ не ходить въ выемку. Ну, они и послушались вернулись. А старикъ-то («съ душкомъ», видно...) оговаривался все... За это.

— Чортъ знаетъ что! И что онъ: сильно побитъ?

— А кто его знаетъ! Говоритъ, не встаетъ.

— Такъ какъ же? За докторомъ надо послать?

— Что вы!—испуганно запротестовалъ тотъ.—Послать! На чемъ же теперь? Ни въ саняхъ, ни въ телѣгѣ. А тутъ еще—темь. Тоже двѣнадцать верстъ по такой дорогѣ... не шутка!... Ужъ если такъ, то... глядя, поутру... Да и старикъ... Кто его знаетъ... Гляди, и хитритъ?... «Они» промышляютъ на это! Смотри, такъ-то: вздумалъ судиться—и наводитъ эту музыку...

— Да? И это возможно?

— Во-на! То ли дѣлаютъ!... Это еще что!...

— Ну, и какъ же?

— А перевеземъ. А тамъ—погляжу: трудёнъ если будетъ—и доктора можно. Хоть тоже: день—днемъ, а дорога—зарѣзъ!—пугалъ Григорій Ипполитовичъ, желая совсѣмъ устранить мысль о докторѣ.

— Ну, мало ли чего!—не согласился съ нимъ Сагинъ.—Утромъ пошлите.

Григорій Ипполитовичъ не отвѣтилъ.

И аудіенція кончилась.

Григорій Ипполитовичъ вышелъ изъ дома и скоро съ головой погрузился въ интересъ событія. Суетился, кричалъ, распоряжался—и былъ какъ рыба въ водѣ. А Сагинъ, оставшись одинъ, разсѣянно докурилъ сигару и недовольный тѣмъ, что его развлекли и помѣшали ему, снова принялся за книгу. Но прежняго интереса, прежней сосредоточенности мысли ужъ не было. Теперь онъ невольно прислушивался къ шуму вѣтра и мысленно переживалъ возможность очутиться на мѣстѣ этого неизвѣстнаго дяди Сильвестра, быть такъ же избитымъ и лежать въ темную ночь на холодѣ, тоскливо поджидая: когда-то придутъ, когда-то возьмутъ, когда-то окажутъ помощь... И порой картинность этихъ представленій становилась такой яркой, что заслоняла собой книгу, и Сагинъ дурно понималъ, что читаетъ. Онъ злился, старался пересилить себя, проникнуться былымъ интересомъ къ книгѣ, не слушать вѣтра, забыть, что узналъ... Онъ такъ не любилъ, когда жизнь, которая кишѣла кругомъ, начинала «трогать» и его,—не любилъ, избѣгалъ и боялся. Въ такія минуты онъ,—не злой по натурѣ,—становился и рѣзокъ, и грубъ. Вотъ и теперь, онъ съ упрямымъ и злымъ выраженіемъ перечитываетъ по нѣскольку разъ одну и ту же страницу, но та не давалась ему. Онъ бросилъ читать и сталъ ходить по комнатѣ, рѣшивъ переждать и отвлечься.

А вѣтеръ шумѣлъ все.

III.

Было уже поздно—часъ слишкомъ. Больной, уложенный на «хорахъ», что въ «скотной» избѣ (такъ называлась одна половина «людской», гдѣ обитала коровница, вмѣстѣ съ телятами и птицей), стоналъ и метался, напрасно стараясь вытянуть во всю длину свои жилистыя, худыя ноги, которыя были такъ длинны; ему мѣшала печь, и было неловко и коротко. Боль не стихала. Внутри словно грызло. Порой онъ впадалъ въ забытье, не владѣлъ ужъ собой, и иногда стоны становились крикомъ.

Всѣ давно ужъ успѣли упиться событіемъ: узнали подробности, и что, и какъ; насмотрѣлись, наслушались стоновъ; и, лелѣя про себя жуткую (а потому и заманчивую) мысль: «а, ну, какъ умретъ онъ?»—поразошлись кто куда, съ тѣмъ, положительно пріятнымъ, трепетаніемъ въ сердцахъ, которое бываетъ при несчастіи, если только это послѣднее капризно разразится надъ кѣмъ-нибудь, минуя и даже косвенно не касаясь насъ.

Въ избѣ, у больного, сидѣли: Самсонъ и Григорій Ипполитовичъ. Послѣдній затѣмъ, что никакъ не рѣшался, сейчасъ ли услать за попомъ, или ждать до утра?

Григорій Ипполитовичъ былъ скептикъ, онъ все сомнѣвался, не вретъ, не хитритъ ли старикъ?

Но, чутко прислушавшись къ стонамъ и крикамъ больного, онъ вдругъ начиналъ колебаться, растерянно двигалъ руками и неуклюже барабанилъ культяпыми, красными пальцами по крышкѣ стола. Онъ отдавался другому теченію:

«А ну, какъ помретъ онъ, одинъ, безъ попа? Тогда больше, что-жъ, на меня обопрутся! Всѣ загалдятъ, дескать, ты... Э, видно, пошлю-ка!»—и онъ, разъ рѣшилъ и не желая мѣнять, сказалъ и Самсону:

— А что, матушка, вотъ что, пошлю за попомъ я... А то, храни Богъ, такъ-то, выйдетъ что... И нехорошо.

— А что, Ипполитычъ, я и самъ такъ-то думалъ... Вѣдь, это какъ руки развяжетъ. И онъ, старичекъ-то, скучалъ все объ этомъ: «священника-бъ мнѣ», говоритъ...

— Ну, вотъ тамъ! Скажи такъ-то: грѣхъ съ души снимемъ ответилъ Григорій Ипполитовичъ и вышелъ изъ хаты.

Поѣхалъ Григорій, на развальняхъ, тройкой.

«Услалъ за попомъ Ипполитычъ-то, право»,—взволнован торопясь и шепча, говорили другъ другу по всѣмъ уголкамъ новость, и все населеніе хутора, настроивъ себя на жутко-

жественный ладъ, жадно переживало эту обостренность положенія. Всѣ стали добрѣй и общительнѣй; всѣ, словно, ютились другъ къ другу. Пріятно и страшно такъ было!

Не скоро пріѣхалъ священникъ. Село въ двухъ верстахъ, да дорога ужасна. Все шагомъ тащились.

На «скотной» прибрали, настлали соломы, накинули скатерть на грязный, качающійся столъ; коровница Марья—та даже умылась и обрядилась въ новый платокъ.

Священникъ исполнилъ свой долгъ и сейчасъ же собрался и ѣхать,—не рано ужъ было.

Всѣ облегченно вздохнули. Прошелъ часъ, и всѣ уже спали. Одинъ лишь Самсонъ караулилъ больного. Но скоро и онъ, какъ остался одинъ, подъ тягучіе стоны,—а тѣ не смолкали,—не осилилъ себя и, приткнувшись къ столу, задремалъ. Наигрывалъ вѣтеръ въ трубѣ. Въ плохо припертую дверь такъ и сквозило. Удушливо коптила дешевенькая лампочка, дрожа косымъ языкомъ неровнаго пламени. Стоналъ, порою бредилъ больной. И не видя, не слыша, не помня себя, навѣки затихъ передъ разсвѣтомъ.

Совсѣмъ ужъ свѣтало, проснулся Самсонъ.

Потомъ говорилъ онъ:

— Какъ, словно, толкнулъ кто... ей-Богу! Такъ и проснулся я сразу... И чую, что вдругъ уробѣлъ я... Да. Кинулся, значитъ, къ нему-то... А онъ (и тутъ всякій разъ Самсонъ переходилъ къ умиленный, приподнятый тонъ), а онъ... отошелъ ужъ, скончался... ей-Богу!...

Разсказъ этотъ трогалъ, и Самсонъ, уступая желанію всѣхъ, не разъ повторялъ его снова.

IV.

Утро. Въ казармѣ «ремонтные» кончили завтракъ и собирались идти на работу. Собирался и Умовъ. На взглядъ «старшой» былъ совершенно спокоенъ; и только круги подъ глазами да блѣдность лица выдавали его,—онъ вовсе не спалъ эту ночь, все думалъ, ялся.

Вошелъ «бородачъ» (онъ только что вышелъ передъ этимъ).

— Старшой!— фамильярно окликнулъ онъ,—что, братъ, залъ ноги «крестникъ-то» твой!... Приказалъ долго жить! Карагинъ!... Пришелъ вонъ товарищъ его, паренекъ, что съ нимъ былъ омедни...

Въ дверяхъ показался Самсонъ.

Привычно метнувшись глазами къ иконамъ, Самсонъ покрестился сначала, потомъ осмотрѣлся кругомъ и, остановивъ свой мягкій, ласкающій взглядъ на блѣдномъ лицѣ Умова, котораго сразу призналъ, какъ вошелъ, покашлялъ и началъ:

— Здорово, другъ!... Что, вѣдь, помѣръ старичекъ-то!...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Пришелъ вотъ, не дашь ли чего на похоронки ему?

Умовъ, дрожащій и мертвенно-блѣдный, не понялъ, да врядъ ли и слышалъ конецъ его рѣчи.

— Не дашь что ли, а?

— Постой ты, чудакъ!—осадилъ «бородачъ».—Ты глянь, человѣкъ замутился, а ты съ первыхъ словъ ужъ: «не дашь!» Дай придетъ въ степень... Нешь можно?... Ты какъ полагаешь, легко ему, что ли? Милый, дѣло рискованное,—и онъ обратился къ Умову.—Скучаетъ онъ, вишь, о покойникѣ, «пòмочи» проситъ.

— Что-жъ! Я... Что-жъ, можно... Я дамъ, братъ! Я дамъ... Я...—и Умовъ оглянулся на всѣхъ.—Всѣ вы видали, братцы! Извѣстное дѣло, со всякимъ такъ можетъ... Нешь думалъ я то-то!... Вышло чтò! Господи, а?...

Онъ заикался, спѣшилъ, обрывался, растерянно бѣгалъ глазами... Подбородокъ и губы его трепетали и—онъ не владѣлъ ими—мѣшали ему говорить... Не сразу нащупавъ карманъ полушубка и все бормоча: «и гдѣ это, Господи? Тутъ, видно... вотъ онъ...»—онъ вынулъ кошель, досталъ двѣ измятыхъ рублевыхъ кредитки и передалъ ихъ Самсону.

— Вотъ, нà тебѣ, нà... Что есть; а потомъ,—сейчасъ нѣту,—не хватитъ коли, ты приди: я дамъ и еще, раздобуду...

— Что скажетъ! Зачѣмъ? И такъ обойдемся; теперь, мотри, хватитъ?—отвѣтилъ Самсонъ и расправилъ кредитки.—А?—обратился ко всѣмъ онъ,—что вышло-то... Грѣхъ какой... Часомъ сказать... Взялъ и помёръ вотъ... Поди ты! И выйдетъ же, право!... Спасибо, попа спохватились привезть; а то бы и такъ...

Онъ помолчалъ, покачалъ головой и, тихо подавшись къ двери, обронилъ, выходя ужъ:

— Сейчасъ, какъ пошелъ я, къ становому услали...

Никто не отвѣтилъ ему. Ушелъ онъ. Всѣ посидѣли, еще покурили и молча (стѣснялъ всѣхъ «старшòй») собрались и вышли.

Умовъ съ посыльнымъ сейчасъ же далъ знать на станцію дорожному мастеру, прося Христомъ-Богомъ пріѣхать, и не пошел на работу, а вышелъ на «линію», да и застылъ тамъ на переѣздѣ нетерпѣливо поджидая, когда тотъ пріѣдетъ... Онъ былъ слов

сонный. И мысли то быстро вихрились въ его головѣ, то вдругъ, какъ-то сразу, запнутся и кружатся, кружатся... А тамъ и опять встрепенутся... Утомленное тѣло тоскливо все ныло. Покалывало, саднило горло... Ротъ пересохъ (все, кажется, пилъ бы...). И все бы стоялъ, да сидѣлъ, иль лежалъ гдѣ-нибудь, чтобъ одинъ, чтобы не трогалъ никто, не мѣшалъ бы...

«Пропалъ я!... Въ Сибирь сошлютъ... Господи, ослобони!... Мать бы сейчасъ... Нѣтъ, не ее, а жену бы сюда!» — и ему, какъ ребенку, хотѣлось заплакать...

Умовъ не злой по натурѣ былъ малый. Немного хвастливый, немного заносчивый, правда. И то эти качества были наносными. Раньше, какъ жилъ онъ въ семьѣ, на деревнѣ, онъ много былъ проще. Веселый, разгульный, шутникъ, зубоскалъ, онъ—первый плясунъ и «гармонистъ» на селѣ — былъ общимъ любимцемъ и «женской сокрухой»... 18 лѣтъ онъ женился. Теперь ему 22 года, а у него уже трое дѣтей. По знакомству, случайно, онъ попалъ на «дорогу»: раньше «ремонтнымъ», потомъ—расторопный, смышленый — онъ скоро пробился и выше... Онъ «на изысканіяхъ» сумѣлъ показаться инженеру и сталъ за «артельщика»,—собиралъ, когда надо, поденныхъ, велъ съ ними разсчеты, гонялъ «негожалыхъ», понукалъ на работѣ... И скоро—вчерашній «свой братъ»—онъ смотрѣлъ уже «начальникомъ». Это сказалось: онъ сталъ и грубѣе и заносчивѣе. И если за это хвалили и даже любили гг. инженеры, молодцомъ называли, то, наоборотъ, «свой братъ» порицалъ, ненавидѣлъ. Скоро для Умова вчерашній «свой братъ» сталъ уже «мужланомъ», «идоломъ«, «хамомъ», котораго онъ ни во что ставилъ, а подчасъ (дошло и до этого) билъ даже...

А гг. инженеры смѣялись, хвалили... Мало - по - малу онъ (когда началась постройка) и вовсе сталъ нуженъ и близокъ. При немъ не стѣснялись. Пріѣдетъ, бывало, начальникъ дистанціи—толстый такой—Шаркинъ и скажетъ ему и десятнику Маркину: «Вы, дескать, на этотъ мѣсяцъ по табелямъ накиньте рубликовъ 300...»—«Слушаемъ, ваше благородіе!»—отвѣтятъ они. Тотъ засмѣется: простой такой баринъ... Ну, и припишутъ они: надо, скалъ 500,— 900 напишутъ... 300 — тому, а сотнягу подѣлятъ. ѣстно, «рука руку моетъ», и шло себѣ... Разъ, что камни вои, Умовъ и сразу сорвалъ двѣ «катюхи»!...

Закончилась постройка, поправился Умовъ. Въ семьѣ раньше хлѣба на годъ хватало, теперь былъ запасъ и достатокъ. Лоей пару «въ 300 цѣлковыхъ» купилъ. Двухъ дѣвокъ-сестеръ

и «справилъ», и замужъ повыдалъ. Начальство любило. Дома души въ немъ не чаяли. И только «свой братъ» не любилъ: «ворягой» и «собакой» его величалъ... Ругался и дрался онъ шибко... И все, слава Богу, сходило... И надо же было случиться!...

«Пропала моя голова!... Въ Сибирь сошлютъ... Убилъ человѣка я!... Господи, выпутай!»—тосковалъ и молился запуганный Умовъ, неподвижно стоя на переѣздѣ и поджидая дорожнаго мастера...

Все нѣту... Но вотъ изъ-за выемки донесся до него далекій гулъ, словно идущаго поѣзда... Но то былъ не поѣздъ; привычное ухо Умова не могло ошибиться: онъ зналъ, то шла, говорила дрезина...

V.

Цѣлыхъ шесть дней лежалъ трупъ на «хорахъ» въ «скотной избѣ», и все благодаря неумѣлости и безтолковости деревенскихъ «начальствующихъ» лицъ. Становой, напримѣръ (милый, но шальной уже старецъ), произведя осмотръ «тѣла» и сдѣлавъ дознаніе на тотъ же день утромъ, на слѣдующій только день собрался послать сотскаго въ городъ и, отпуская его, не далъ ему никакихъ указаній. И тотъ, очутясь какъ въ лѣсу, пошелъ ерундить... Пріѣхалъ, не засталъ дома слѣдователя (тотъ былъ въ отъѣздѣ) и, не зная какъ быть съ этимъ, куда обратиться, куда дѣть бумаги, почелъ почему-то нужнымъ заняться «перехватываніемъ» слѣдователя на дорогѣ и «кинулся» на одну изъ желѣзно-дорожныхъ станцій... Ну, и не засталъ: «обминулся»—тотъ только-что выѣхалъ... Неудача эта, какъ на-зло, совпала съ вечеромъ: и сотскій, соблазнясь близостью дома, заѣхалъ къ себѣ, заночевалъ, и уже поутру отправился въ городъ... И опять не засталъ: «опоздинился»—тотъ снова уѣхалъ...

Кончилась вся эта волокита тѣмъ, что Сагинъ, потерявъ всякую надежду дождаться слѣдователя, вошелъ съ нимъ въ переговоры самъ—телеграфировалъ, и тотъ, на пути уже, чуть ли не за нѣсколько минутъ передъ самымъ отъѣздомъ, выручилъ нужны ему по этому дѣлу бумаги отъ въ конецъ замученнаго и сбита. съ толку сотскаго, который, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ и несча стій, попалъ еще за всю эту исторію на цѣлую недѣлю подъ арест

Обязанъ послѣднимъ онъ былъ г. слѣдователю. Это былъ в сокій, сильно и плотно сложенный человѣкъ, лѣтъ 40, съ кру

лой, какъ шаръ, головой, посѣдѣвшей и коротко стриженой, съ большимъ, круто очерченнымъ, какъ клювъ хищной птицы, носомъ, на которомъ прочно осѣли золотыя очки, мѣшая всмотрѣться въ подозрительно, зорко глядящіе глазки, съ небольшою бородкой и ртомъ, чувственно-брюзглымъ и совершенно лишеннымъ маломальски законченныхъ линій... Что-то птичье, ястребиное, было въ этомъ лицѣ слѣдователя, особенно въ профиль.

— Этихъ мерзавцевъ учить да учить надо! — рѣшилъ этотъ просвѣщенный мужъ и, не обращая вниманія на просьбы и слезы несчастнаго сотскаго, на заступничество своей хорошенькой жены отослалъ его съ запиской въ полицію, а самъ (все это происходило на вокзалѣ, у подъѣзда) грубо взялъ въ руку красивую «мордочку» провожавшей жены, не спѣша и не стѣсняясь присутствіемъ публики, жадно расцѣловалъ ее и, продѣлавъ все это, быстро взбѣжалъ въ вагонъ... За нимъ (поѣздъ снимался уже съ мѣста), торопясь, неуклюже взобрался и докторъ — тщедушный брюнетикъ, простоватый, мозглявый, съ застывшей плюгавой улыбкой на угреватомъ, слащавомъ лицѣ. Онъ ѣхалъ на вскрытіе.

VI.

— Простите, что такъ нескоро и затруднили васъ гостеваніемъ трупа,—сказалъ, входя первымъ, слѣдователь.

— Вы не меня, а — точнѣе — моихъ рабочихъ затруднили этимъ «гостеваніемъ»: трупъ—ихъ сосѣдъ по помѣщенію и разложился очень...

— А не топили тамъ?

— Избу, гдѣ онъ лежитъ? Нѣтъ.

— Ну... тогда—пустяки,—сказалъ, весь утопая въ улыбкѣ, докторъ.

Всѣ вошли въ кабинетъ.

— «Дурасевичъ»! — «Бобровъ»! — назвали себя слѣдователь и докторъ.

Сагинъ пожалъ имъ руки, назвалъ себя и предложилъ сѣсть.

— Такъ какъ же? — началъ слѣдователь, дымя папиросой.— чъ бы сейчасъ и за дѣло?...

— Я,—перебилъ Сагинъ,—предложилъ бы вамъ сперва по-.грабать.

— А что-жъ. Докторъ, давайте-ка съѣдимъ что-нибудь: по-ъ-то, пожалуй, не такъ уже вкусно будетъ, а? правда?

— О, что касательно меня...то...знаете...я... Пустяки это,—

встянулъ брови тотъ и, дѣлая неуклюжіе жесты головой и руками, опять весь расплылся въ улыбкѣ.

Слѣдователь насмѣшливо, а Сагинъ брезгливо слѣдили за нимъ. Перешли въ столовую. Тамъ все уже было готово. Во время завтрака Сагинъ, наведенный на это вопросами слѣдователя, въ общихъ чертахъ обрисовалъ ему картину убійства.

А на «скотной избѣ», гдѣ помѣщался трупъ, все было готово и ждали...

Невозмутимый фельдшеръ, человѣкъ лѣтъ 50 слишкомъ, бородатый и рослый, одѣтый въ рыхлое отъ долгой носки драповое пальто съ оттянутыми пуговицами, жадно зіяющими карманами и неуклюже-торчащимъ шиворотомъ на сухой, сутуловатой спинѣ, возился у стола и отъ нечего дѣлать перетиралъ блестящіе инструменты, которые потомъ онъ чинно раскладывалъ кряду по лавкѣ. Широко открытые сѣроватые глаза его, когда онъ смотрѣлъ на трупъ, уложенный на «хорахъ», подъ наискось наброшеннымъ овчиннымъ полушубкомъ, на лица любопытныхъ, то и дѣло заглядывающихъ къ нему въ дверь, — глаза его были совершенно спокойны, безучастны и ничего не выражали. Онъ, съ его словъ, 20 лѣтъ «потрошилъ».

На «людской», что была черезъ сѣни, собирались обѣдать. Пришли рабочіе, поденщики (они подчищали лѣсъ, и за поясами у нихъ торчали топоры). Усѣлись. Первые — вокругъ стола, вторые—гдѣ было мѣсто по лавкамъ. И каждый, доставъ, всякъ себѣ, изъ котомки краюшку хлѣба, соль, не торопясь, началъ ѣсть, запивая глотками воды изъ большой жестяной, потемнѣвшей кружки, которая шла по рукамъ.

Умовъ тоже здѣсь. Жмется подальше отъ трупа... Въ сѣняхъ—вовсе близко и запахъ. А онъ не выноситъ его: забьется-забьется вдругъ сердце... Того и гляди—упадешь. Лицо Умова блѣдно; и слѣдъ пережитыхъ страданій—безсонницы, страха—оттиснулись ясно. Глаза его, свѣтлые каріе, и то виновато-молящіе, то равнодушные вовсе, и смотрятъ поверхъ какъ-то, мимо...

— А что, братъ,—не вытерпѣлъ Денисъ и обратился къ нем вдругъ, — ты бы глянулъ, дошелъ бы... Нешь можно такъ? Крестникъ!...

Тотъ вздрогнулъ весь какъ-то, оглянулся на голосъ и мол потупился... Всѣмъ стало неловко. Да и Денисъ тоже понялъ, ч шутка не къ мѣсту, и больше не трогалъ ужъ Умова.

«Богъ съ нимъ,— подумалъ онъ.—Легко нешь! Тоже, вѣдь, какъ-никакъ, душу человѣкъ загубилъ!»...

И не одинъ онъ, а всѣ такъ подумали и снова украдкой взглянули на Умова. А тотъ какъ потупился, такъ и остался... Губы только дрожали, кривились... И онъ не могъ справиться съ ними. Ему было жаль себя; онъ былъ готовъ ужъ заплакать, и только самолюбивая мысль о томъ, что это стыдно, выпуждала его бороться, крѣпиться...

Въ «людской» стало тихо, и слышно было, какъ глухо гудѣли голоса говорившихъ въ сѣняхъ. А тамъ были: староста сельскій, Иванъ Петровъ Зайцевъ, бородатый мужикъ, изъ старыхъ солдатъ, хлопотливый, порывисто-быстрый, съ дрожащею гримасой гдѣ-то близко укрытаго смѣха, понятые — два безбородыхъ, безусыхъ парня; свидѣтели (знакомые намъ)—будочникъ «бородачъ» изъ ремонтныхъ и пильщикъ Самсонъ. Послѣдній — опять жертва «слушателя»: онъ усердно повѣствуетъ о томъ: и какъ «приключилось» все это, и какъ «помёръ-отошелъ старичокъ»... По первому пункту ему возражаютъ «дорожники»—и мягкій, какъ воскъ, по натурѣ Самсонъ уступаетъ, не споритъ и, какъ разсказчикъ, не мало теряетъ; за то по второму онъ, не стѣсненный ничѣмъ, весь отдается разсказу, и этотъ послѣдній волнуетъ и трогаетъ: всѣмъ вдругъ становится жаль «старичка».

VII.

— Да, да, запоздали мы, докторъ... Все завтракъ надѣлалъ, а? правда?—продолжалъ говорить слѣдователь, входя въ сѣни «людской». Онъ остановился, небрежно сунулъ ближайшему къ нему человѣку портфель, обронивъ какъ-то вскользь: «подержи-ка!»— и, сосредоточенно поковырявъ въ зубахъ длиннымъ, отрощеннымъ ногтемъ мизинца, распахнулъ пальто, досталъ часы, взглянулъ и сказалъ:—А знаете, докторъ, не такъ уже поздно: часъ слишкомъ. До поѣзда долго: успѣемъ.

— Ну!—мѣняя интонацію, неожиданно обратился слѣдователь къ окружающимъ и въ первый разъ оглянулъ ихъ:—накройтесь!... ·роста! трупъ гдѣ?

Тотъ такъ и рванулся... заторопился и, тихо рыча, вдругъ рвавшимся смѣхомъ отвѣтилъ:

— Вотъ... вотъ... ха-ха... ваше благородіе!... Тутъ они, ... ха-ха...

·лѣдователь впился глазами въ подозрительный, багрово-синій носъ суетливаго старосты и недовѣрчиво спросилъ у него:

— Что веселъ такъ, а?

Тотъ заробѣлъ, затоптался на мѣстѣ, сорвалъ быстро шапку, хотѣлъ что-то сказать и осѣлся.

«Нѣтъ, кажется, трезвый»,—рѣшилъ про себя, слѣдователь и молча прошелъ въ хату.

Вскрытіе шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Слѣдователь молча писалъ. Докторъ — тоже: посмотритъ-посмотритъ, порѣжетъ, буркнетъ что-то, сядетъ и пишетъ. А невозмутимо - спокойный фельдшеръ, безучастный ко всѣмъ, продолжалъ «потрошить»... Лица крестьянъ были брезгливо наморщены. Ни страшный видъ трупа, ни смрадъ его—имъ не давали того впечатлѣнія, какъ это дѣлала грубая картинность самаго вскрытія: «наруга»—вотъ слово, въ которое выливалось ихъ отношеніе къ тому, что они созерцали. И всякій разъ, какъ фельдшеръ предпринималъ что-нибудь особенно нецеремонное по отношенію къ трупу,—они обмѣнивались короткими взглядами. И этотъ молчаливый, но выразительный обмѣнъ мыслей не прекращался съ начала и до конца вскрытія.

Вскрытіе кончилось.

Слѣдователь и докторъ перешли въ сосѣднюю хату. А фельдшеръ занялся приборкою трупа.

Въ дверяхъ показался вдругъ Сагинъ. Черные глаза его, изъподъ сѣрой высокой барашковой шапки, разсѣянно скользнули по лицамъ всѣхъ и остановились на трупѣ. Тотъ—длинный и плоскій, словно придавленный, одѣтый въ широкія, просторныя порты и темно-синюю, лощеную коленкоровую рубаху,—покоился въ бѣломъ тесовомъ, наскоро сбитомъ Игнатомъ, гробу.

Сагинъ опять оглянулъ всѣхъ, подался къ покойнику и пристально, долго смотрѣлъ на него...

«Какъ измѣнился онъ стрижкой. Бѣдный! И что за лицо! Совсѣмъ—восковая статуя»...

Сагинъ, снова взглянувъ на всѣхъ, вышелъ.

Въ «людской»—довольно большой и опрятной избѣ—у стола сидѣлъ слѣдователь и, не отрываясь, писалъ. Докторъ, въ растегнутой шубѣ, тихо похаживалъ взадъ и впередъ, изрѣдка останавливаясь и морщась, обнюхивалъ руки. Онъ мылъ ихъ, но запахъ остался.

Дверь отворилась.

— Можно?—спросилъ, входя, Сагинъ.

— О, да! Тутъ что же?... Вотъ еслибъ серьезное, запутанное дѣло, ну тогда ужъ, конечно... А здѣсь—хоть и всѣ пускай спятъ!

— Сейчасъ и начнете?

— А вотъ... сію минуту: допишу только это... Скажите: какъ правильно: «съ наровъ»?

— Нѣтъ. «Съ наръ».

— А... такъ?—протянулъ тотъ.—Мерси!—и снова сталъ быстро набрасывать вязанымъ, четкимъ почеркомъ строку за строкой...

Опять отворилась дверь—и въ «людскую» вошелъ высокій, худой, матово-блѣдный человѣкъ лѣтъ 40, въ очкахъ на темныхъ, близорукихъ, красивыхъ глазахъ и въ формѣ инженера-путейца. То былъ начальникъ дистанціи—Декрэ.

— А!—вскрикнулъ слѣдователь,—вотъ кто! Пора ужъ, пора! Убиваютъ людей и въ усъ себѣ не дуютъ!...

— Что же дѣ'ать: дѣ'а, 'абота!—мягко, пѣвуче сказалъ тотъ, упраздняя двѣ буквы—«р», «л».—Мы не знакомы...—подался онъ къ Сагину и протянулъ ему руку:—Дек'э.

Сагинъ назвалъ себя и поздоровался.

— Эй, староста!—вдругъ крикнулъ слѣдователь и сразу превратился въ сдержаннаго, безстрастнаго чиновника. Лицо его сдѣлалось холодно, жестко. Голосъ и тонъ измѣнился: сталъ глуше и ниже.

Началось слѣдствіе.

Самсонъ былъ опрошенъ первымъ.

— Ну, разскажи мнѣ, какъ все это было!—спросилъ слѣдователь и подозрительно уставился глазами на «свидѣтеля». Но милое, симпатичное лицо того, кроткій, ласкающій взглядъ, тихій, задушевно-искренній голосъ—невольно располагали къ довѣрію: и слѣдователь понялъ, что здѣсь не солгутъ и повѣдаютъ правду.

— Какъ, ваше благородіе, сказывать: прямо съ начала какъ было?

— Да, да, все, какъ было...

— Ну... стало быть, шли мы съ работы, объ вечеру́, значитъ, со старичкомъ... Идемъ, такъ-то, балакаемъ, занялись, то-то, отъ скуки... Сколько сгодя—запнулись мы въ выемку... Глядь: встрѣчались рабочіе... А на верху, стороной, и старшой тоже [утъ. Ну, оглядѣли насъ и взялись исчунять: что, дескать, хоте здѣсь?... Поскверносло вили насъ... Ну, мы и повернули надъ. Идемъ, такъ-то, а старичекъ-то успариваетъ все, навстрѣ, то-то, говоритъ... Дальше больше... Вздумалъ онъ, старичекъ, откосу взойти... Старшой—опять взяли въ сердцѣ — не допу-или. Ну, а старичекъ все перечилъ... Они, стало быть, возгор-

ились—сбѣжали къ намъ сверху-то, да за нимъ-то... Старичекъ-то побѣгъ; я-то—иду... Ну, а они погнались и настигли. Да прямо, такъ-то, ка-акъ дали ему въ горбъ-то... Онъ и упалъ — не сдержался. Да всталъ и скажи: «Что жъ ты меня, говоритъ, стараго человѣка, сухмянишь?...» Да. Они не урезонились этимъ: схватили его за пельки, да споднизу ногой его ка-акъ пустятъ, да съ «линіи», такъ-то тово, и попхни... Старичекъ-то упалъ; старшой-то пошли; подошелъ я—а тотъ никуда: ослабѣлъ вразъ. Я, то-то, думаю: издивляетъ онъ, глупости затѣваетъ—судиться задумалъ, а онъ и взаправду. Подылъ я его, взвелъ по откосу, а дальше-то онъ и не осилилъ идти... Кричитъ: «смерть!» Я чисто затмился. Да—сколько сгодя—подойди человѣкъ изъ казармы (прохожимъ сказался), да и посовѣсти меня: «Ты бъ, говоритъ, къ барину (къ ихней вотъ милости,—указалъ Самсонъ на Сагина) дошелъ: гляди, и примутъ?...» Я, то-то, добѣгъ сюда; поскучалъ приказчику... Они дошли до самихъ, спросились... Да и привезли старичка. Тутъ, опосля ужъ, попа привезли (скучалъ старичекъ-то, ей-Богу). А къ свѣту ужъ близко,—засни я,—а онъ и помри... Спохватился я, сразу,—какъ вродѣ толкнулъ меня кто, право,—кинься къ нему-то, а онъ... отошелъ ужъ, ей-Богу... Вотъ. Только,—закончилъ Самсонъ свои показанія.

Его замѣнили сперва «Бородачъ», потомъ—будочникъ. И тотъ, и другой сильно врали, особенно будочникъ. Онъ показалъ, что старикъ напалъ первымъ, съ аршиномъ въ рукахъ, и тотъ, защищаясь пихнулъ его—только. Оба «дорожника», на глазахъ у своего начальства (Декрэ), старались попасть въ тонъ—угодить и замазать...

Слѣдователь слушалъ, писалъ... И, опросивъ этихъ трехъ, тѣмъ и закончилъ. Умовъ имъ не былъ допрошенъ.

— Къ чему же! Все ясно и такъ. Здѣсь—просто случайность: больной; ну, толкнулъ—и конецъ...—пояснилъ онъ, поймавъ на себѣ вопросительно-удивленный взглядъ Сагина.

— Да? И, какъ вы думаете, чѣмъ это кончится?—спросилъ его тотъ.

— Ну, это,—развелъ онъ руками,—Богъ знаетъ! Я... я — пошлю «на прекращеніе». А тамъ—какъ прокуроръ ужъ. А что?

— Простите, но я нѣсколько иначе отношусь къ этому дѣлу,—уклончиво отвѣтилъ Сагинъ и... пропустилъ своихъ гостей въ дверь первыми.

Всѣ четверо молча направились къ дому.

VIII.

Во время обѣда, разговоръ мало-по-малу перешелъ въ возбужденный, а вскорѣ потомъ—какъ это всегда и бываетъ—въ запальчивый споръ: сначала—между Сагинымъ и слѣдователемъ, затѣмъ—послѣдняго смѣнилъ Декрэ, и Сагинъ заспорилъ съ «путейцемъ».

Началось все съ того, что слѣдователь, котораго подмывало спросить: какъ это «нѣсколько иначе» относится Сагинъ къ данному дѣлу,—не стерпѣлъ и спросилъ. Разговоръ завязался.

Сагинъ доказывалъ то, что подобный порядокъ веденія дѣла—какъ отсылка «на прекращеніе», при такомъ бѣгломъ, чисто эскизномъ, предварительномъ слѣдствіи, какъ только что слышанное имъ,—создаетъ почву для крайне нежелательнаго отношенія со стороны судебной власти къ преступникамъ, которымъ то оказывается незаслуженное милосердіе, то, наоборотъ, тамъ, гдѣ и совсѣмъ ужъ не надо,—примѣняется драконовская мѣра.

— Въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ онъ,—возьмите двѣ параллели: убиваетъ одинъ; но онъ—хронически-грубый, вѣчно дерущійся субъектъ; и не нынче — завтра, а долженъ, логически долженъ, убить. Убиваетъ другой; но онъ—тихій, мягкій по натурѣ, разъ, разъ только во всю свою жизнь, въ запальчивости, занесъ руку—и ударъ, въ силу какой-то роковой случайности, падаетъ именно такъ, что влечетъ за собою смерть. Правда, и тотъ, и другой не хотѣли убивать—и убили. Но у одного это—результатъ его всегдашняго поведенія: онъ нарывался и словно искалъ этой случайности. Другой, наоборотъ, самъ жертва послѣдней. И не дайте вы указанныхъ характеристикъ, опустите вы эту сторону дѣла — и эти двѣ, такъ непохожія, личности у васъ станутъ безразличными передъ мертвою буквой закона, который прежде всего и нуждается въ томъ, чтобъ его разумно, цѣлесообразно примѣняли къ жизни, умѣло разобравшись въ массѣ безконечно разнообразныхъ комбинацій... А именно этого-то вы и не дѣлаете. Вы, напримѣръ, не опросили даже Умова. И онъ (теперь вотъ—для васъ, потомъ—для прокурора) загадка, иксъ. И г. прокурору придется заняться рѣшеніемъ курьезной и трудной шарады, если только онъ не вернетъ мъ этого дѣла назадъ и не попроситъ васъ просвѣтить его относительно закутанной въ тайну личности Умова, о которомъ онъ изъ тихъ бумагъ, помимо имени этого человѣка, ровно ничего не лаетъ. И не сдѣлай онъ этого, и дай онъ тотъ или иной ходъ ву,—я откажусь понять, чѣмъ г. прокуроръ руководится?... Вы

вотъ говорили давеча, что на вашъ взглядъ это — «простая случайность: больной,—ну, толкнулъ, и конецъ...» А я вотъ и не согласенъ съ вами, такъ какъ, правда — по слухамъ, но все же хоть мало-мальски, а знакомъ съ личностью Умова. Это — крайне несимпатичная личность: онъ грубый, заносчивый, и рѣдкій день не дерется. И потому это убійство, на мой взглядъ, не «просто случайность».

Сагинъ говорилъ возбужденно, запальчиво; черные глаза его жестко посверкивали, и онъ то и дѣло мѣнялъ положенія и нервно теребилъ свою черную бороду.

— Э-э, батюшка, да вы были бы опаснымъ судьей!—увильнулъ, зубоскаля, хитрый слѣдователь.—И потомъ,—прибавилъ онъ, мѣняя интонацію и чувствуя почему-то потребность уколоть собесѣдника:—скажите, вы—какъ?—не имѣете «зуба» противъ желѣзной дороги? Отчужденіе земли подъ «линію» у васъ было вѣдь? Правда? И что жъ, хорошо обошлось? Не тянули васъ, а?—и онъ засмѣялся.

Сагинъ слегка поблѣднѣлъ, но сдержанно улыбнулся.

— Вы думаете? И мнѣ васъ жаль разочаровывать. Съ дорогой по дѣламъ отчужденія я покончилъ—знаете?—однимъ изъ первыхъ. И вы простите, но я дурно понимаю: какъ все это вяжется у васъ съ предметомъ настоящей бесѣды?—онъ усмѣхнулся.—А что касается «зуба», то такъ, какъ вы его понимаете я его не имѣю противъ желѣзной дороги; хотя—не утаю—и не изъ поклонниковъ ея. А вы... вы—съ нею въ ладахъ?—спросилъ онъ, слегка тонируя послѣднюю фразу.

И тотъ, и другой улыбались любезно; но каждый въ душѣ не любилъ другъ друга, почти ненавидѣлъ, и хорошо это зналъ.

Вотъ тутъ-то въ разговоръ и вмѣшался «путеецъ». Его затронули. Его уколола и небрежно брошенная Сагинымъ фраза о томъ, что я де «не поклонникъ» желѣзнодорожнаго дѣла, и рѣзкая характеристика Умова, сдѣланная имъ, а главное—ему все больше и больше не нравился этотъ нервный, злой человѣкъ, черные жгучіе глаза котораго, когда говорилъ онъ, загорались недобрымъ огнемъ и становились дерзкими. Декрэ—мягкій и добрый по натурѣ—рѣдко волновался и сердился, но сейчасъ его словно зажала страстность собесѣдника. Онъ сталъ возражать.

— Позвольте, вы вотъ говорите, что «не поклонникъ» желѣзнодорожнаго дѣла, — началъ Декрэ, мягко смазывая то «р», то «л».—И мнѣ, право, хочется думать, что вы и болѣе рѣзко относитесь къ намъ... Почему?—развелъ онъ руками,—Богъ вѣсть!

Во всякомъ случаѣ, эта предубѣжденность, нерѣдкая за послѣднее время, прямо-таки несостоятельна, — изъ какой бы тамъ точки зрѣнія вы ни выходили съ вашими нападками!... Желѣзная дорога — и это вамъ засвидѣтельствуетъ исторія — всегда являлась проводникомъ и разсадникомъ культуры и цивилизаціи. И спорить противъ такой почтенной миссіи, какъ: просвѣщеніе массъ, развитіе благосостоянія, смягченіе нравовъ,—курьезно...

— О, Богъ мой, какъ все это издалека,—перебилъ его Сагинъ.—Но, поймите вы, вѣдь это-жъ уловка, какъ и масса подобныхъ пріемовъ!... Въ самомъ дѣлѣ, вы говорите, положимъ, эта книга дурна, она исполнена лжи, и я не поклонникъ ея; или: это платье негодно, оно дурно сшито, гнилъ матеріалъ, и я не хочу его;—а вамъ возражаютъ, раздувъ произвольно ваши недовольства до крайнихъ предѣловъ, на что и нападаютъ, конечно.—Какъ! вы противъ книгъ?! вы противъ просвѣщенія?!—Какъ! вы хотите упразднить костюмы и ходить голышомъ?!—Да нѣтъ же, м. г., я не противъ книгъ, не противъ костюмовъ, не противъ и желѣзныхъ дорогъ, и мнѣ не нравится только то, когда все это—дурно, негодно... Дорога... Никто вамъ не скажетъ, что онъ противъ нея, противъ скораго передвиженія грузовъ... Безспорно, это огромное удобство, очень сложное и многообразное по своимъ результатамъ... Но, вѣдь, не въ этомъ же все желѣзно-дорожное дѣло, надѣюсь! Есть и другія стороны. И вотъ то, что является придаткомъ къ этой желанной «скорости», то зло, которымъ пропитано все это дѣло,—мнѣ и не нравится. Не нравится мнѣ: ни какъ наши дороги строятся, ни какъ эксплуатируются онѣ... И не беря даже широко, и не трактуя «зло» вообще, нѣтъ!—я беру только исключительно желѣзно-дорожное «зло», и все-таки его такъ много, что не считаться съ нимъ невозможно. И я вотъ и считаюсь, и говорю: мнѣ это не нравится. «Возьмемъ примѣръ. Вы только что обмолвились: «смягченіе, дескать, нравовъ...» А, развѣ и это?... Но тогда вамъ не доставало только иллюстрировать ваши положенія фактами для того, чтобы себя да своими словами побить!—зло усмѣхнулся Сагинъ.

— Позвольте-съ!—съ невозмутимымъ апломбомъ парировалъ Декрэ,—мнѣ вотъ особенно и не нравится ваше отношеніе къ Умову. Да-съ. Онъ далеко не таковъ, какимъ вы его аттестуете. Онъ у меня на прекрасномъ счету и лучшій старшій рабочій изо всей дистанціи. А что на него обрушилось это несчастіе—случай, отъ котораго не застрахованы и мы съ вами,—то у меня, простите!—не хватаетъ жестокости карать его за это!

— Честь и хвала вамъ! Только ужъ позвольте и мнѣ участвовать въ этомъ, вѣдь, если вамъ будетъ угодно припомнить, что я говорилъ, включая сюда и «аттестацію Умова, то вы, надѣюсь, должны будете признать то, что я только констатировалъ фактъ, и до сихъ поръ не сказалъ еще, какъ я отношусь къ нему. И, если позволите, я вотъ и перейду къ этому. Вы вотъ говорили, что Умовъ лучшій старшій рабочій?

— Да, лучшій.

— Теперь вотъ будьте любезны, скажите: что это такое по-вашему: «лучшій и вообще хорошій» старшій рабочій.

— А умѣлый администраторъ... который умѣетъ руководить артелью, дать всѣмъ работу, т.-е. наиболѣе выгодно эксплуатируетъ мускульную силу послѣднихъ и, наконецъ, имѣетъ престижъ среди нихъ.

— Виноватъ, «престижъ?» т.-е....

— Держитъ артель въ кулакѣ. Вотъ!—показалъ онъ худой, сжатый кулакъ и засмѣялся, и, странно, лицо его стало вдругъ добрымъ и милымъ.—Да, раньше онъ былъ разиня, а потомъ примётался, и у него работа кипитъ.

— Вотъ, вотъ... Словомъ, вы его отшлифовали. Былъ Умовъ простой, чернорабочій труженикъ, разиня, пришелъ желѣзно-дорожникъ—этотъ эксплоататоръ всѣхъ «силъ» и «богатствъ»,—пришелъ, коснулся волшебнымъ жезломъ—и сталъ Умовъ молодцомъ, не разиней и—сначала вотъ убиваетъ, а потомъ идетъ и въ острогъ... И вотъ эту-то именно способность вашу—одну изъ многихъ магически превращать «разиней» въ «молодцовъ» и острожниковъ—я и не долюбливаю въ васъ.

— Во-первыхъ,—закипятился путеецъ,—это натяжка, а, во-вторыхъ, что касается эксплуатаціи «силъ» и «богатствъ», то Богъ его знаетъ, кто изъ насъ перетянетъ: я ли, желѣзно-дорожникъ, вы ли, помѣщикъ?... О, я присмотрѣлся и знаю. Мы—это фактъ—и платимъ, и кормимъ своихъ рабочихъ гораздо лучше васъ!... Надѣюсь, вы спорить не станете?

Что-то дрогнуло въ лицѣ Сагина. Но онъ поднялъ перчатку.

— Я всячески далекъ отъ мысли,—сказалъ онъ,—ставить вамъ въ примѣръ «помѣщика» и защищать его... (Губы его зло скривились, и онъ усмѣхнулся).—Вы помните въ «Трилогіи» Толстого царь Іоаннъ такъ аттестуетъ себя:

...осквернилъ:
Уста божбой, языкъ мой срамословьемъ,
Убійствомъ руки и грабленьемъ злата,

Утробу объяденіемъ и пьянствомъ,
А чресла несказуемымъ грѣхомъ!...

Это не полный эскизъ для Грознаго, и портретъ во весь ростъ для нашего бывалаго помѣщика.

Всѣ засмѣялись.

— Однако,—отозвался слѣдователь,—вы и себя не щадите.

— Я не помѣщикъ,—спокойно отвѣтилъ Сагинъ.—Я разночинецъ, и здѣсь—случайный гость. Но и себя я защищать не стану. Нѣтъ. Всѣ мы виноваты. Кто—больше, кто—меньше... Но, знаете,—сверкнулъ онъ глазами и обратился къ путейцу: знаете, какая разница есть между вами, желѣзно-дорожникомъ, и мною, помѣщикомъ?

— Пожалуйста.

— А вотъ, я, правда, барахтаюсь въ трясинѣ; но въ нее меня загнали долгія историческія условія; и я—что, конечно, дурно рекомендуетъ мои силы—не въ силахъ выбраться оттуда. А вы... вы создали себѣ свою почву; да, сами забрались въ трясину и съ головой утонули въ нее... И вотъ: я сознаюсь въ грѣхѣ, и мнѣ стыдно; а вы—и не сознаетесь, и не стыдитесь. А, вѣдь, вы и сами забрались, и глубже засѣли.

Тотъ только рукой махнулъ.

— Э, все это фразы! По-моему такъ: не хорошо?—не дѣлайте. А говорить... говорить, что угодно можно!

— Да? Но вы-то сами... вы выполнили эту программу? Вы не больны этимъ? У васъ: и слово, и дѣло—одно? Не побиваютъ другъ друга, а совпадаютъ?

— Да, совпадаютъ,—упрямо отвѣтилъ путеецъ.

— Ну, хорошо. Возьмемъ крупный примѣръ: Евангеліе... По-вашему какъ: хорошая книга это?

— Причемъ тутъ Евангеліе?

— Вы не хотите отвѣтить?

— Ну, хорошая! Ну, и что же?

— И вы ужъ продѣлали все то, что написано тамъ?

— Э, вонъ вы куда!... Все это слова и слова... А я смотрю такъ...

Но ему помѣшали: въ комнату вошелъ высокій, бородатый че-
вѣкъ (дорожный мастеръ) и, извиняясь, что помѣшалъ, доложилъ
нженеру о томъ, что его ждетъ дрезина, а поѣздъ, на которомъ
ѣли ѣхать слѣдователь и докторъ, вотъ-вотъ долженъ быть.

И правда: послышался плачущій свистъ паровоза.

ѣ встали и засуетились. Толпясь и толкая другъ друга, они

извинялись и пожимали другъ другу руки. Лица всѣхъ озарились улыбками: у слѣдователя—галантно-изысканной (онъ благодарилъ за пріютъ и гостепріимство); у Сагина—непріятно-дѣланной. Докторъ кривлялся и ёжился, какъ левретка, весь расплываясь въ улыбкѣ. И одинъ только Декрэ окинулъ всѣхъ добрымъ, ласкающимъ взглядомъ и былъ и простъ, и естественъ.

— Жаль, право, что не время... Нельзя, надо ѣхать... Но, все равно, увидимся—докончимъ... Прощайте!—ласково улыбнулся онъ.

Сагинъ молча пожалъ ему руку.

IX.

Сагинъ остался одинъ. Въ комнатѣ было и душно, и дымно. Онъ отворилъ фортку окна, и въ нее, вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ, который волной вливался въ комнату, доносился и грохотъ уходящаго поѣзда. Онъ стлался раскатами по лѣсу и—по мѣрѣ того, какъ уходилъ-убѣгалъ поѣздъ—становился все больше и больше похожимъ на гулъ отдаленнаго грома.

Сагинъ тихо, понуро ходилъ взадъ и впередъ, то утопая во мракѣ гостиной, то снова вступая въ залитую свѣтомъ столовую, и, заложивъ руки въ карманы бархатной блузы, разсѣянно слѣдилъ, какъ убирали столъ, унося съ него остатки обѣда—хлѣбъ, сыръ, вино. Неонила работала; Поличка (уморительно-важно разыгрывая роль хозяйки) руководила ею. И всякій разъ, какъ хмурые глаза Сагина останавливались на ея красивой фигуркѣ, съ едва обозначенною молодою, выпуклою грудью,—на ея задорномъ, смугломъ личикѣ, съ румяными, характерно скривленнымъ ротикомъ, не то насмѣшливымъ, не то циничнымъ немного,—глаза его дѣлались мягки и добры. Онъ очень привыкъ и любилъ эту граціозную, бойкую и какъ вьюнъ подвижную дѣвочку.

Мысль Сагина не разъ возвращалась къ недавнему спору, и не по себѣ ему было; онъ, словно, стыдился чего-то.

«И чего разболтался!... Къ чему и зачѣмъ?... Удивить что-ли думалъ!»—и, нервно кривясь и замедляя шаги, онъ налегалъ всею тяжестью тѣла на каждый размѣренный шагъ, словно придавливалъ что-то ступенями къ полу.

И дальше потомъ, когда пилъ онъ чай и разсѣянно слушалъ немолчную, пеструю рѣчь своей юной хозяйки, ему нѣтъ-нѣтъ, и вспомнятся лица гостей: тяжелый профиль слѣдователя, протяжныя гримасы доктора,—и снова станетъ неловко и стыдно.

крѣпкій коньякъ, что усердно вливалъ онъ въ свой чай, согрѣвалъ и ласкалъ, и глушилъ непріятныя мысли. И скоро онъ былъ ужъ другимъ, не злымъ и не хмурымъ и, ближе придвинувши кресло къ столу, внимательно слушалъ, о чемъ говоритъ «эта милая Поличка».

А та не смолкала. И сейчасъ, когда чай и коньякъ разгладили и смягчили черты на слегка покраснѣвшемъ лицѣ слушателя, толкнули его кресло къ столу, рѣчь шла о томъ, что тѣ, «кто были», нехорошіе, гадкіе, и Поличкѣ совсѣмъ-таки не нравились.

И въ самомъ дѣлѣ, слѣдователь—чисто сова; докторъ—и вовсе противный; а тотъ, «что картавитъ»—понравился было сначала, а потомъ раскричался—и тоже сталъ скверным.

— А говорили, что добрый онъ! Какъ же!

— Говорили, а кто?

— А въ кухнѣ, и наши, и тѣ, кто нанимались работать на «линію». Всѣ.

«Да...—прищурился и вспомнилъ Сагинъ лицо своего недавняго собесѣдника,—онъ, право, все-таки, лучшій изъ этихъ «строителей».

А между тѣмъ (изъ пѣсни слова не выкинешь), зналъ Сагинъ и то, что и онъ, этотъ милый и добрый Декрэ, придерживается очень пикантной теоріи «экономіи суммъ», которыя проходили черезъ его руки. Онъ даже и не скрывалъ этого. И все же, безспорно, среди остальныхъ, этотъ «путеецъ» однимъ былъ изъ лучшихъ! Другіе—тѣ вовсе...

А Поличка все говорила. Теперь ужъ о томъ, что мертвецъ былъ «ухъ—страшный!» Что она только разъ и взглянула, когда выносили его, и то, вотъ, жалѣетъ: «такъ и стоитъ онъ въ глазахъ! Не забудешь»... Что жутко теперь, и боятся... Что какъ стемнѣетъ, пойдешь: «словно ловитъ кто сзади»...

Покончили съ чаемъ, убрала все Поличка, а идти и боялась... Она и горничная Неонила занимали небольшой флигелекъ, недалеко стоящій отъ дома. И пробѣжать это короткое разстояніе теперь одной, ночью, для Полички казалось положительно страшнымъ.

— Ну, что-жъ, Поличка, боишься?— спросилъ и улыбнулся Сагинъ.

— Боюсь,—отвѣтила та.

Сагину стало жаль ее, и онъ вызвался проводить. Та не ждала такой любезности и очень обрадовалась. И когда они вышли, она все время держалась за него, торопилась добраться до двери.

— Спасибо, теперь не боюсь я,—сказала она, ухватясь за

дверную скобу. — А вы совсѣмъ не боитесь, а?... Въ домѣ... одинъ!...

— Нѣтъ,—усмѣхнулся Сагинъ.

Ночь была холодная, вѣтряная. Гололедило. Оледенѣлыя деревья грузно взмахивали отяжелѣлыя, нависшія вѣтви, и тѣ, ударяясь, шуршали, скрипѣли. На черномъ дворѣ подвывали собаки, онѣ еще чуяли недавнее присутствіе трупа. И нехорошо становилось отъ ихъ безконечно-тягучаго вопля.

X.

Немногочисленное населеніе хуторка долго еще переживало и эксплоатировало недавнее событіе, внесшее разнообразіе въ его скучную, монотонную жизнь. Настанетъ вечеръ—и всѣ ютятся и жмутся другъ къ другу, и всячески стараются усилить, взвинтить то острое ощущеніе суевѣрнаго страха, которое такъ пріятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непрочно, и ежеминутно готово пугливо вспорхнуть, разъ нѣтъ ему точки опоры. А этой послѣдней и не было: дядя Сильвестръ не оправдалъ предсказаній, онъ не «шалилъ» и не «скучалъ въ могилѣ». Волей-неволей пришлось обратиться къ иному, испытанному средству—къ фантазіи, и сказочный міръ суевѣрнаго, мрачнаго пафоса народной, изустной литературы раскрылся привольно и охватилъ сердца всѣхъ. Слушатель смѣнялъ разсказчика, такъ какъ каждый имѣлъ что сказать. И мало-помалу личность Сильвестра расплылась и стушевалась въ памяти всѣхъ.

О немъ забывали.

Мѣсяцъ спустя, прошелъ слухъ, что у «покойнаго» будто была и жена, съ которой не жилъ онъ; и что она, узнавъ о смерти мужа, прониклась желаніемъ явиться наслѣдницей его имущества, единственной вещи, оставшейся послѣ Сильвестра,—жалкаго, выношеннаго до послѣдней крайности полушубка, пропитаннаго къ тому же и запахомъ трупа, которому онъ служилъ покрываломъ. Но скоро и этотъ слухъ какъ-то сразу затихъ. И всѣ позабыли Сильвестра.

Но былъ человѣкъ, который помнилъ о немъ: то—Умовъ.

— Что съ малымъ-то сталось!—сказалъ какъ-то разъ болтливый Лукьянъ, смѣнившій въ артели знакомаго намъ «бородача изъ ремонтныхъ». А? То-то вотъ... Раньше, бывало, случалось работать—бѣда! Вразъ-то готовъ слопать... Собака!... А нонѣ—куда!... Человѣкъ!... Ты скажи,—поражался Лукьянъ,—пить-то онъ бросилъ!... Не куритъ!—взывалъ онъ.—Ну, прямо, монахъ и монахъ! Вотъ дѣло какое...

И правда, и всѣ замѣчали, что Умовъ не тотъ ужъ. Сознаніе «грѣха» не покидало его и давало всегдашній тонъ его настроенію. Ему было жутко. И ночью, и днемъ онъ, этотъ худой и высокій старикъ, говорящій послѣднюю фразу: «За что-жъ ты меня, стараго человѣка, сухмянишь?»—упрямо стоялъ передъ нимъ и ждалъ, словно, отвѣта на это «за что?»

Оставаясь одинъ, Умовъ плакалъ. И мало-по-малу расплата за это, острогъ, ему не казалась ужъ страшной.

«Лишь только скорѣй бы!»

Прошло этакъ съ мѣсяцъ, и Умовъ былъ вызванъ къ допросу.

Дѣло въ томъ, что прокуроръ, какъ то и предсказывалъ Сагинъ, вернулъ дѣло обратно. И слѣдователю снова пришлось, отъѣзжая на слѣдствіе, цѣловать на платформѣ красивую мордочку провожавшей его жены, что было, конечно, пріятно и до нѣкоторой степени скрашивало хлопоты новой поѣздки.

Минула зима. Прошелъ май мѣсяцъ. Погоже, тепло стало. Славно!... Веселые, ясные дни удлинялись, и яркій закатъ отдалялся все къ сѣверу... Онъ, если смотрѣть отъ казармъ, давно миновалъ уже лѣсъ, поровнялся и съ выемкой, пологіе откосы которой взрѣзали близкую въ этомъ мѣстѣ линію горизонта, дѣлая въ немъ красивое, ярко-блестящее ущелье, куда и откуда ныряли грохочущіе поѣзда, и куда подолгу засматривался Умовъ, которому, вотъ-вотъ, надо было явиться на судъ, въ городъ, а этотъ послѣдній и былъ какъ разъ въ той сторонѣ, куда вело это красивое, сверкающее огнемъ заката, ущелье... И, глядя въ него, онъ не разъ проникался надеждой... Но дальше и дальше, что ни день—отходилъ, отдалялся закатъ... И скоро погасло ущелье. Одна лишь береза, что наклонилась надъ выемкой, залитая кровавымъ свѣтомъ, покрасовалась недолго, но скоро и та заслонилась высокою стѣной кавальеровъ... И темная дыра выемки стала загадочной, темной... Казалось, не доброе что-то скрывалось за нею... Вотъ тутъ-то какъ разъ и пришелъ срокъ «явиться».

И не разъ вспоминалъ послѣ Умовъ, какъ быстро мелькнуло в
.. Городъ. Большой, темный домъ. Огромныя двери той залы, г
ждалъ его «судъ»... Отворились онѣ, эти мрачныя двери... И к
та онъ вышелъ обратно изъ нихъ, на немъ ужъ лежалъ «приго- в
». Осудили. Ему предстояло отбыть наказаніе шестимѣсячнаго з
ченія въ замкѣ...

XI.

Умовъ въ острогѣ.

Обычную шутку играетъ съ нимъ время... Кто былъ тамъ, тотъ знаетъ, какъ быстро и, вмѣстѣ съ тѣмъ, долго, мучительно-долго, бѣжитъ за тюремною рѣшоткой ненужное время... Томительно-длинное въ каждой минутѣ своей, оно, наоборотъ, суммируясь въ дни, мѣсяцы, годы, становится быстрымъ, какъ мигъ.

То же было и съ Умовымъ. Тянется-тянется праздное, скучное время, а мѣсяцъ-другой проскользнетъ—незамѣтно. И радъ онъ: «скорѣй бы!...» Но со скукой минутъ приходилось бороться. И ихъ коротали кто какъ. Кто спалъ, кто безцѣльно таскался по камерѣ, кто мастерилъ что-нибудь, кто ссорился, кто изливался въ бесѣдахъ, кто, наоборотъ, замыкался въ себя: смотрѣлъ, слушалъ, смекалъ тихомолкомъ. Таковъ былъ и Умовъ. Присядетъ, бывало, къ окну онъ и цѣлыми днями сидитъ, не отходитъ. Ему свысока далеко было видно... Внизу, прямо—городъ, точнѣе—крыши его—зеленыя, красныя, а то и деревянныя—темныя, провисшія, укрытыя гдѣ зеленью, гдѣ черными, жадно зіяющими дырами... И все это море разбросанныхъ и пестро перемѣшанныхъ крышъ крестъ-на-крестъ рѣзалось узкими улицами и раздвигалось квадратами двухъ площадей. Городокъ не великъ. Три церкви въ немъ. Двѣ мельницы (и ночь, и день шумятъ ихъ немолчные шлюзы). Два грязныхъ прудка, которые—настанетъ вечеръ—дрожатъ безконечною трелью лягушекъ... И множество кузнь, и изъ нихъ съ утра и до поздняго вечера сыплется частая дробь молотковъ, упрямо долбящихъ свои наковальни... А главное—есть и «дорога». Огромная насыпь ея укрываетъ осѣвшій внизу городокъ съ сѣверной части его, а то и дѣло снующіе взадъ и впередъ поѣзда разнообразятъ несложный пейзажъ, который безъ нихъ былъ бы бѣденъ и скученъ съ этими лужами сорныхъ прудковъ, съ этимъ тощимъ, ошмыганнымъ, чахлымъ лѣскомъ, что по взгорью, съ этой гладью и ширью полей...

Сидитъ, смотритъ Умовъ. А на всей этой картинѣ, обрамленной узкимъ, высокимъ окномъ, лежитъ рѣдкая сѣтка тюремной рѣшотки, которая все же мѣшаетъ и заставляетъ его то и дѣло м нять положенія.

Умовъ не даромъ «дорожникъ»: дорога—ея суета и движеніе его занимаетъ всецѣло. Онъ только и знаетъ, что ищетъ вда этихъ бѣлыхъ, курчавыхъ дымковъ: и знаетъ, какой это поѣ идетъ иль уходитъ, знаетъ и номеръ, и лица прислуги: и р каждой встрѣчѣ, и грустенъ, когда провожаетъ...

Придетъ пассажирскій — внизу суета... Торопятся: ѣдутъ, идутъ. И онъ,—словно нужно ему,—онъ тоже охваченъ всей этой сумятицей: волнуется, жадно слѣдитъ и—забудется—шепчетъ: «скорѣй, вы! отходитъ»... И правда: упруго рванется вверхъ паръ отъ свистка, покурчавится долго, порвется на мигъ... и—опять...

— Тронулся... во! запыхтѣлъ...—шепчетъ Умовъ, и не стерпитъ—вздохнетъ:—такъ бы, кажется, сѣлъ и уѣхалъ!...

И бѣжитъ, и ползетъ незамѣтное, скучное время...

Вѣдь, недавно еще,—какъ вчера бы, сказать,—на бугрѣ, за лѣсомъ, вихрилась зеленая рожь... А потомъ какъ-то сразу желтѣть стала... И вотъ нынче явился косарь, баба въ красномъ платкѣ; поработали день—и на узкой полоскѣ рядкомъ стали первыя копны... А скоро и все неоглядное поле, куда ни посмотришь, укрылось какъ стадомъ: все копны и копны... Недѣля-другая—убрали, свезли съ поля хлѣбъ. И то стало скучно, пустынно. Одни только вихри—завѣтрится день—пробѣгали, кружились по немъ, высоко-высоко поднимая столбы темной пыли... Да тихо, лѣниво бродили стада...

Осень скоро.

— Теперь... сколько, бишь, мнѣ? — встрепенется вдругъ Умовъ.—Половина осталась... Эхъ, долго! Скорѣй бы!...

А время ползло и бѣжало.

Умовъ скучалъ, но съ тѣхъ поръ, какъ въ острогѣ онъ, совѣсть его ужъ не мучитъ. Онъ свелъ съ нею счеты. И «грѣхъ», и не разлучный съ нимъ образъ убитаго, съ этой послѣднею фразой: «за что?...»—его не тревожатъ ужъ больше, не давятъ тѣмъ жуткимъ, сжимающимъ сердце ознобомъ, который былъ съ нимъ до суда неразлученъ. Да, страхъ предъ судомъ, приговоръ и острогъ отдалили недавнее прошлое, и оно ужъ казалось далекимъ такимъ и искупленнымъ. Умовъ старался не думать о немъ, избѣгалъ вспоминать, и могъ это дѣлать. Его постояннымъ желаніемъ и мыслью было: «скорѣй бы»... О томъ же, что будетъ потомъ, какъ, выйдя, устроится онъ, какъ свяжется его настоящее—острогъ—съ будущимъ и какъ, наконецъ, отзовется все это на его отношеніяхъ къ дямъ, онъ вовсе не думалъ. Онъ зналъ только то, что какъ выйъ отсюда, сейчасъ же поступитъ на прежнее мѣсто, а тамъ—етъ видно... Одно только: пить онъ не станетъ, ругаться и ться теперь—ни за что и ни съ кѣмъ. И все было ясно. Вотъ ько: «скорѣй бы!»...

Но разъ,—это было за мѣсяцъ предъ выходомъ,—Умовъ нѣ-то глубже взглянулъ на себя, на свои вчера, нынче и завтра...

Случилось все такъ.

Однимъ изъ сожителей Умова по камерѣ былъ, между прочимъ, и 60-ти-лѣтній старикъ. Какъ звали его—Богъ знаетъ. Всѣ обращались къ нему просто: старикъ! дѣдъ! дѣдушка! А Умовъ, который держался всегда въ сторонѣ, чуждался и рѣдко съ кѣмъ заговаривалъ,— не обращался и вовсе. Но слушать его онъ любилъ. Голосъ у того былъ мягкій, рѣчь — плавная, спорая. Старикъ, дѣдъ - дѣдушка, любилъ поразсказать: и всѣ ужъ давно познакомились съ его несложною исторіей о томъ, какъ онъ попалъ «въ это мѣсто». Сидѣлъ онъ за мелкую кражу и, съ его словъ,— что и было предметомъ всегдашнихъ бесѣдъ,—совершенно напрасно, облыжно. Были враги; намутили; и онъ безъ вины «пострадалъ»... Никто этой баснѣ не вѣрилъ; случалось, смѣялись надъ нимъ, но лгать не мѣшали.

Вотъ разъ какъ-то въ сумерки (скучно было, темно, всѣ примолкли) старикъ - дѣдъ - дѣдушка не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ (его соблазняло обиліе слушателей) и началъ...

Моросилъ мелкій дождь...

Умовъ привычно сидѣлъ у окна и задумчиво смотрѣлъ на мигавшіе огоньками городъ, вокзалъ, на красные, зеленые огоньки «линіи» и, между тѣмъ, урывками слушалъ. Въ палатѣ было тихо. И только голосъ разсказчика звучалъ хрипло и плавно... Никто не мѣшалъ. И не скоро закончилъ старикъ-дѣдъ-дѣдушка свою одиссею...

Концомъ ея было:

— Да, милые, сказано: «отъ сумы, отъ тюрьмы не отказывайся». И правда вотъ вышла: шестой ужъ десятокъ, дружки, коротаю, въ головѣ не держалъ, а пришлось вотъ... Извѣстно, все въ Богѣ. А только обидно: голова засивѣла—«острожникомъ» кликать почнутъ... Все «дѣдъ» да «старикъ», а кто обласкаетъ и «дѣдушкой» кликнетъ... А то вотъ дожилъ и «острожникомъ» сталъ. А, поди, и помирать ужъ пора!... Знать, припомнилъ Господь и меня!...

Онъ вздохнулъ и примолкъ какъ-то сразу...

Въ палатѣ совсѣмъ стало тихо. Но вотъ кто-то вкусно всхрапнулъ и зачавкалъ во снѣ слипшимъ ртомъ, вѣроятно, давно убаюканный мѣрнымъ разсказомъ, который ужъ зналъ наизусть. А кто и не спалъ, да молчалъ, размышляя о томъ, что услышалъ. Вѣдь все это близко касалось и всѣхъ! Умовъ—тотъ даже вздрогнулъ. И странно, предъ нимъ въ первый разъ встала мысль, что и онъ какъ и всѣ, кто бывалъ здѣсь,—«острожникъ».

«Острожникъ... Поди, и меня станутъ звать такъ?»

Конечно. И онъ самъ, случалось, другихъ обзывалъ такъ... Да что! даже здѣсь, наблюдая своихъ сотоварищей, въ душѣ онъ не разъ такъ «костилъ» ихъ. Острожники, дескать. Онъ ихъ сторонился, чуждался...

«А самъ-то... далеко ушелъ я? Не тотъ-то ли самый? Диковина, право! Поди-жъ ты, и въ мысляхъ того не держалъ. А чего бы... Сижу-жъ вотъ!»...

Все такъ; но ему до сихъ поръ все казалось, что это его не касается: то, дескать, онъ, то—другіе... И даже когда по веснѣ—еще дома—онъ какъ-то повздорилъ съ рабочимъ, и тотъ обозвалъ его вслухъ «душегубомъ»,—онъ даже тогда былъ далекъ отъ того, что современемъ, «послѣ», его обзовутъ и иначе. И вотъ оказалось, что это и будетъ.

«Острожникъ»...— шепталъ онъ чуть слышно и словно старался примѣрить къ себѣ эту «кличку»: подходитъ она или нѣтъ? Выходило, что нѣтъ. А все-таки зналъ онъ, что звать этакъ будутъ.

Онъ вспомнилъ опять свою ссору съ рабочимъ и какъ обозвалъ тотъ, и думалъ, стараясь понять, въ чемъ же дѣло? «Душегубъ»—не обидно, а «острожникъ»—обидно... И мало-по-малу все стало вдругъ ясно... Ему рисовалось все такъ. «Душегубъ»—просто ругань. На-сердце пошло—и сказалъ такъ. А это не то. Не ругаются такъ. Нѣтъ. Это—кличка. Такъ и безъ сердца звать станутъ. Все одно, что «солдатомъ» вонъ кличутъ, «богомольцемъ», «бродягой»... Такъ точно и это: «острожникъ».

«Да, такъ и окрестятъ»,—тоскливо рѣшалъ онъ, приткнувшись къ окну; а сердце въ груди такъ и билось.

«Не смоешь!... Вѣдь, это не то, что другое что... Былъ, скажемъ, пьяницей—кинулъ, и баста! Нѣтъ, «это» теперь не скопнешь, прикипѣло... Старикъ вонъ шестой ужъ десятокъ живетъ, а и то вонъ скучаетъ... А мнѣ-то?... Жить, жить бы... Въ порѣ только... Эхъ!»

И сталъ онъ «доискивать»: какъ это «сталось»? Сперва онъ метнулся въ деревню, какъ жилъ у отца онъ... Но что тамъ! Тамъ тихо и мирно. Отецъ только крутъ былъ... Потомъ въ тѣ дая онъ ушелъ. Косовица... На пристани «робилъ»... Тамъ пить» онъ занялся, «по бабамъ по этимъ пошелъ». Оголтѣлъ... опять ничего. А потомъ, какъ женился (отецъ приказалъ: детъ мало онъ слалъ,—все гулялъ. Такъ затѣмъ, чтобъ потишелъ), а, на дорогу попалъ онъ... Вотъ тутъ-то все и случилось.

«Таскаются, ходятъ по «линіи»... Опричъ богомольцы, сволочи... Прутся день-ночь... А начальство одно и твердило: «гони!...» Ну, и гналъ вотъ... И вышло... Не что, какъ дорога! Не будь-ка ея,—ничего-бъ не случилось... Отъ ней вся причина!»

И, странно, найдя, отыскавъ «всю причину», онъ оказался не въ силахъ озлиться, сорвать на ней зло, упрекать, отвесть душу... Дорога... Но онъ такъ привыкъ къ ней! Онъ такъ съ нею сжился! Да и мало того. Онъ и самъ ужъ не тотъ,—онъ не прежній ужъ Умовъ, для котораго «свѣтъ не клиномъ сошелся», гдѣ ни ткнись, все у мѣста; «руки, да ноги», «всталъ, да пошелъ»... Нѣтъ. Не тотъ. Онъ—«дорожникъ». Онъ привыкъ уже къ деньгамъ, и къ большимъ, «набалованъ». А ихъ на «дорогѣ»—«лопатой греби»! Раньше что? 50—100 руб. — это съ годъ надо гнуться! А теперь-то—«акортное» жалованье! Да, 20 руб. «положонныхъ», да «хабаровъ» набѣжитъ, что ни мѣсяцъ, съ десятку и больше... А въ годъ-то, глядишь, и четыре «катюхи» въ карманъ... Живи!

Да, обдумавъ все ясно, не въ силахъ озлиться онъ. Гдѣ!... Для него «свѣтъ» давно уже «клинемъ сошелся». И «клинъ» тотъ—«дорога». И близка вотъ она, и онъ знаетъ, она виновата, она довела до острога... Но рабъ онъ, не свой онъ теперь, а ея. И окончится срокъ, отсидитъ онъ—и снова пойдетъ въ кабалу къ ней, возьми!... Того лишь и ждетъ онъ, а тамъ и мечтаетъ: «скорѣй бы»!

XII.

Наканунѣ желаннаго дня Умовъ былъ взволнованъ, нервенъ и мучался днемъ, что, казалось, тянулся, полозъ безъ конца. Онъ то садился къ окну, то сновался по камерѣ и, чего раньше не дѣлалъ, входилъ въ разговоры, смѣялся безъ всякой причины и, все время разсѣянный, всякій разъ обрывалъ, угловато и рѣзко, начатую имъ же бесѣду.

Всѣ знали, съ чего онъ такой и томились невольною завистью. Но старикъ-дѣдъ-дѣдушка отнесся сочувственно. Улучивъ, выбравъ время, когда тотъ сидѣлъ у окна, онъ подошелъ къ нему тихо, взглянулъ какъ-то сбоку и, покашлявъ, спросилъ его:

— Завтра?

— Завтра.

— Счастливо, милый.

— Спасибо.

— А мнѣ,—сказалъ онъ,—мнѣ не скоро... На самые «сòроки», какъ постъ переломится. Вотъ когда, милый!—и улыбнулся.—Съ жаворòнками вмѣстѣ приду, по проталинкамъ... Долго?

— И то...

— Что-жъ дѣлать! Пожду. А ты вотъ что... скажу я тебѣ... Хошь слухай, хошь нѣтъ...

Умовъ насторожился. Пухлое, блѣдное и словно бы отекшее лицо того было ласково, кротко; завитки длинныхъ сивыхъ волосъ, что осѣняли его старую голову, были мягки и даже красивы. Ихъ тронуть, коснуться хотѣлось. Онъ медлилъ все.

— Вотъ что: какъ выйдешь отсуль, прямо въ церковь сходи, помолись. Отслужи ты молебенъ Ангалю и понифитку, покойника вспомни. И тебѣ хорошо, и ему будетъ легче. А то не скучалъ бы во снѣ онъ... Бываетъ. А ты отслужи. Помирись съ нимъ. Попомни.

— Спасибо, дѣдушка, что добру научаешь,—сказалъ ему ласково Умовъ.—Отслужу, отслужу... Первымъ долгомъ. Спасибо!

— Отслужи,—сказалъ тихо старикъ и, закашлявъ опять, отошелъ, волоча свои старыя ноги.

XIII.

Умовъ исполнилъ свое обѣщаніе и, какъ только вышелъ, прежде всего, вмѣстѣ съ бабой своей (а та поджидала его у острога, нарочно прибывъ изъ деревни), направился въ церковь. Тамъ только-что были крестины, и толстый, сѣдой, страдающій одышкой «батюшка» еще не ушелъ. Отдуваясь, пыхтя, онъ о чемъ-то бесѣдовалъ съ юнымъ причетникомъ.

Умовъ пождалъ и подался поближе.

— Ну, что?—обернулся вдругъ батюшка.

— А вотъ...—и онъ объяснилъ, запинаясь, въ чемъ дѣло, и протянулъ молча свернутый рубль.

Тотъ взялъ, повертѣлъ и отвѣтилъ:

— Сейчасъ.

Минуту спустя, уже служили.

Умовъ молился усердно, но стоя. А баба его осѣдала все книзу и лала земные поклоны, касаясь лбомъ грязнаго пола.

Но вотъ все и кончилось.

Умовъ и баба, крестясь на ходу ужъ, подались изъ церкви.

— Куда мы теперь?—обернулась она.

Къ вокзалу. Пождемъ тамъ. Дневной скоро будетъ.

Пошли. Падалъ мелкій снѣжокъ, и все гуще и гуще.

— Зима, поди, станетъ? Вишь, вишь...—сказалъ радостно Умовъ, озираясь кругомъ.—Побѣлѣло...

— Пора!

И оба они были рады тому, что и снѣгъ-то, и вмѣстѣ они, и кончилось все. Особенно баба: она, кряжеватая, статная, съ бѣлымъ, чистымъ лицомъ, голубыми глазами,—такъ и свѣтилась вся счастьемъ. И Умову весело было засматривать къ ней подъ навѣсъ ея пестрой, нарядной, имъ купленной шали, которой закутано было лицо его бабы. Вотъ такъ бы, кажись, и схватилъ бы ее, да нельзя—не одни.

На вокзалѣ они, запасясь колбасой, бѣлымъ хлѣбомъ, усѣлись къ сторонкѣ и, тихо толкуя другъ съ другомъ, занялись трапезой.

— Что, скучилась дома?

— Ито... И не чаяла выждать! Тоска... А тутъ еще тятенька только и знаетъ—пилитъ цѣлый день.

— Недостатки, небось?—усмѣхнулся онъ,—а?... Подобрались, поджали хвосты?

— А то нешь? Привыкъ-то на шеѣ сидѣть у тебя отецъ!..

— Ругался, чай?

— Страсть!... И тебя, и меня... Чисто съѣлъ!

— Очумѣлъ, старый хрычъ! Набалованъ!...

И онъ ужъ готовъ былъ спросить, какъ ругалъ? Но раздумалъ. И та не сказала. Онъ только подумалъ: «острожникомъ, видно»? И ему стало больно.

А баба его все болтала.

Послышался свистъ. Потомъ вскорѣ внушительный, сотрясающій почву грохотъ подходящаго поѣзда, который, пыхтя и дыша, подползъ вплоть къ вокзалу и сталъ.

Началась суматоха. Выходили, садились, тащили узлы, чемоданы, подушки; говорили, кричали, смѣялись. Въ толпу замѣшались и Умовъ съ женой, пробираясь къ вагону.

Усѣлись. Прошли пять минутъ. Второй, третій звонокъ... Рѣзкій свистъ... Поѣздъ тронулся... Крестится Умовъ и смотритъ. А мимо окна пошли, потянулись: вокзалъ, платформа съ пестрой кашей толпы; переулокъ съ прохожими; трубы, крыши, дома, церковь съ острымъ шпилемъ, на которомъ едва виденъ крестъ, сорная площадь. И все это мало-по-малу, отступая назадъ, спадаетъ все ниже и ниже, такъ какъ поѣздъ бѣжитъ уже по насыпи...

Падаетъ снѣгъ.

Умовъ смотритъ въ окно и опять свысока далеко ему видно, но только съ другой стороны, и не какъ уже прежде—дорога, вокзалъ,—нѣтъ, а мрачный острогъ, окруженный высокою стѣной, замыкаетъ картину. Смотритъ Умовъ на мрачное зданіе и силится въ массѣ чернѣющихъ точекъ оконъ найти то, «его», у котораго онъ короталъ безконечные, долгіе дни и короткіе, быстрые мѣсяцы... Затерялось оно. Не нашелъ онъ.

Но вотъ,—поѣздъ быстро бѣжитъ и вступаетъ въ кривую,—и городъ, и лучшія зданія—церкви, острогъ—заслоняются стѣнкой вагона. И мимо окна уже бѣгутъ побѣленныя снѣгомъ поля и обычныя неровности дороги—кавальеры, бермы, куветы, откосы и срѣзки... И все это близко, знакомо такъ Умову! Онъ знаетъ все это и любитъ. И радъ онъ.

А бѣлыя мухи зимы мелькаютъ и вьются у оконъ вагона...

Скоро станція.

— Ты,— обращается Умовъ къ женѣ,— здѣсь, на Лапинской слѣзешь. А тамъ, на казарму, дойдешь ли, доѣдешь...

Это было верстъ шесть.

— А ты, дальше?

— На Кшну. Объявлюсь по начальству. А къ вечеру,— глядя тамъ, съ поѣздомъ, такъ ли,—назадъ оберну. Заночуемъ, а завтра домой. Отпрошусь. Повидаться съ отцомъ... да и такъ, отдохну я...

— Ну, ну,—соглашается баба и ласково смотритъ на мужа.— Надолго?

— Дня два или три перебуду. А что?

— Перебудь, перебудь; насмотрюсь хоть...

И Умову снова вдругъ хочется взять и обнять свою бабу (а та улыбается, смотритъ),—нельзя, не одни... И онъ только ближе склоняется къ ней и тихо ей шепчетъ о чемъ-то на ушко... Смѣется, краснѣетъ она и пугливо глядитъ на «сторонних»,— услышатъ...

Кондукторъ прошелъ.

— Господа, кто до Лапинской ѣдетъ—билеты?

— Она вотъ,—привсталъ съ мѣста Умовъ и подалъ билетъ.

— А вы?

— Я дальше, на Кшну...

Тотъ взялъ и прошелъ.

Рѣзкій свистъ... Остановка. Красное зданіе станціи. Поле огомъ.

Умовъ простился съ женой и пошелъ проводить. Но столкнулся зверяхъ съ дорожнымъ мастеромъ своего участка и остался.

— Э!... вотъ оно кто!... Отсидѣлъ? — вскрикнулъ тотъ, вы-

сокій, красивый, бородатый, съ большимъ, выпирающимъ носомъ. Онъ полякъ. Голосъ у него грубый, басистый, съ акцентомъ. Онъ сильно тонируетъ и часто, когда хочетъ быть особенно убѣдительнымъ, прибѣгаетъ къ высокому тембру. Умовъ не любитъ его: часто ссорился съ нимъ и бранился. Но сейчасъ, встрѣтясь, радъ, улыбается,—радъ и тому, что «окончилось все», и тому, что знакомаго встрѣтилъ.

— Отсидѣлъ, отсидѣлъ!—говоритъ и смѣется онъ.

— Радъ?

— Вѣ-та! Какъ же! На свѣтъ какъ родился!

— Куда же теперь? до начальства? на Кшну? что, провѣдать надумалъ?

Тотъ засмѣялся.

— И скажете, право! Провѣдать! Свой братъ мы, что-ль, съ ними!... Явиться. На мѣсто скорѣе... У васъ теперь кто замѣстилъ-то?

Но тотъ не отвѣтилъ на это.

— Постой-ка. На мѣсто?...—и онъ посмотрѣлъ какъ-то странно.— А знаешь ты, право, наврядъ тебя примутъ!...

— Какъ такъ?—поблѣднѣлъ сразу Умовъ.

— А такъ: по закону, такихъ, кто въ острогѣ бывалъ... Я не знаю. А врядъ ли... А впрочемъ—узнаешь. Боюсь, не соврать бы...— и онъ засмѣялся, а вскорѣ затѣмъ что-то вспомнилъ и вышелъ.

А Умовъ задумался:

«Какъ же такъ, право?... А ну, не возьмутъ вдругъ?... Не надобенъ, скажутъ?»—и жутко ему становилось. Онъ снова несчастенъ, и блѣдный, разсѣянный смотритъ въ окно... А поѣздъ бѣжитъ и бѣжитъ все... Вотъ выемка. Кончилась. Мѣсто «то» («здѣсь!»—вздрогнулъ Умовъ). Вотъ Сагинскій хуторъ. Казарма. И вразъ — переѣздъ. Будочница Марья, съ зеленымъ «флачкомъ» А дальше поля, и село протянулось... Лѣсокъ по-за нимъ...

«А ну, не возьмутъ какъ?... Пропалъ я!... Да только наврядъ такъ... За что же?... Навралъ полячище! За что же не взять-то? Все сами: гони, да гони... А случилось—такъ я?... Ну, а тоже не гналъ бы? И давешь прогнали-бъ! Э, что тамъ! Пустое. Не знае ь, а брешетъ... Вотъ чортъ-то! А самъ оскаляется... Право! Ему о-то радость!... «Узнаешь!...» А что-жъ, и узнаю...»

И снова въ душѣ та знакомая мысль (онъ привыкъ уже къ ней): «поскорѣй бы!...»

А вотъ и свистокъ...

Это — Кшна.

XIV.

Начальникъ дистанціи Декрэ, отъ котораго зависѣла участь Умова, съ утра былъ въ отъѣздѣ на «линіи» и вечеромъ только вернулся домой. Онъ только что кончилъ обѣдъ и, сидя въ своемъ кабинетѣ, слушалъ обычный докладъ отъ дорожнаго мастера. На столѣ, предъ которымъ сидѣлъ инженеръ, ярко залитымъ свѣтомъ двухъ лампъ, лежали кипы бумагъ и развернутый планъ, концы котораго, вскатанные на скалки, были придавлены съ одной стороны толстой книгой, съ другой—прессъ-папье. Инженеръ торопливо просматривалъ мелко исписанный листъ и, водя рукой по строкамъ, то и дѣло свѣрялся то съ планомъ, то съ справочною книгой и, дѣлая выписки сбоку, на чистомъ листѣ, опять принимался за бѣглый просмотръ.

— Ну, да, пять и шесть; а впе'ѣдъ — двадцать... двадцать, двадцать пять, какъ и 'аньше гово'илъ вамъ... А тамъ,— указалъ онъ куда-то рукой,—мы пока уве'ичимъ куветы, а весной заде'нуемъ ихъ. Вотъ.

— А дамбу?

— Оставьте такъ: это те'пить.

Не скоро закончилась эта бесѣда о дамбахъ, куветахъ, дерновкѣ...

Покончивъ со всѣмъ и исчерпавъ всѣ, назрѣвшіе за день, вопросы, дорожный мастеръ доложилъ и объ Умовѣ:

— Ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ. Вернулся.

— Вернулся? И что же?

— На мѣсто бы опять, говоритъ...

— Ахъ, да! Эка, право! Неловко, а жаль, надо взять.

— По законамъ, я слышалъ... Да вотъ, какъ служилъ я на К—ской линіи, такой же былъ случай... Не взяли...

— Э, все ерунда! По законамъ! Мало-бъ чего!... Пустяки. А неловко: исторія эта...

Онъ всталъ и прошелся.

— Не знаю...—началъ равнодушно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко слѣдя за начальникомъ, хитрый полякъ, который давно не любилъ уже Умова и теперь вотъ не прочь былъ его потопить.—Не знаю... А только наврядъ онъ продержится долго...

— Что такъ?

— Измѣнился. Размякъ онъ. То, раньше-то, дай ему сто-полтораста рабочихъ—и все хорошо! Ну, а послѣ того, какъ случись съ нимъ «это», такъ нѣтъ ужъ... И тотъ, да не тотъ уже

Умовъ! Прямо—«тряпка»! А такъ... вы ужъ знаете...—вздернулъ онъ плечи и, вставъ, ожидалъ позволенія идти, вполнѣ увѣренный въ томъ, что разсчетъ его вѣренъ.

И онъ не ошибся. Декрэ—мягкій, добрый—боялся всегда, что «распуститъ», и потому старался о томъ, чтобъ у него подъ рукой были грубые, жесткіе люди, надѣясь на нихъ, что такіе «подтянутъ». Полякъ это зналъ и умѣло коснулся давно изученной струны.

Послышался отзвукъ:

— А... такъ?... Ну, конечно...—и онъ помолчалъ.—Да, такихъ намъ не надо, работа не терпитъ. Намъ надо не «тряпокъ», а вотъ! — показалъ онъ кулакъ,— чтобъ держать въ кулакѣ!... И,—улыбнулся онъ,—жалко, а что же?—придется не взять!... Вы идете? Прощайте... Пошлите его. Надо кончить.

Тотъ вышелъ.

А Декрэ, какъ остался одинъ, нахмурился и постарался превратиться въ чиновника: онъ зналъ, что такъ дѣлаютъ и что это удобно: можно многое сдѣлать, чего такъ, по себѣ, не сдѣлалъ бы,—стыдно.

Вошелъ Умовъ.

— А, здравствуй! Ну, какъ?—заторопился Декрэ и понялъ, что вышелъ изъ роли...

«Ну, все равно!»—быстро рѣшилъ онъ.

— Здравія желаю! Ослобонился, ваше благородіе! Пришелъ вотъ на старое мѣсто.

— Ну, мѣсто—нельзя. По правиламъ нашимъ такихъ, какъ вотъ ты, съ такимъ прошлымъ, принимать воспрещается. Да. Мнѣ жаль, право, но что-жъ дѣлать?

Умовъ—блѣдный, потерянный—еле отвѣтилъ:

— Ваше благородіе! за что же? Что-жъ я... и причиной? Сами изволите знать—обязанность наша... Сдѣлайте милость!...

Декрэ только руки разставилъ.

— Нельзя!—и, шагнувъ вдругъ къ столу, онъ быстро рванулъ къ себѣ ящикъ, досталъ что-то въ немъ и, подойдя, сунулъ Умову («на водку,—смекнулъ тотъ).—Вотъ, что могу... И прощай!

Умовъ вышелъ, шатаясь... Онъ зналъ, что теперь все пропало!...

Въ дверяхъ, на крыльцѣ, весь залитый свѣтомъ оконъ, его поджидалъ, усмѣхаясь, полякъ.

— Ну, что, говорилъ вѣдь!

Умовъ быстро взглянулъ и, поймавъ на лицѣ у него злую усмѣшку, подался къ нему и въ упоръ такъ и рявкнулъ:

— Убирайся ты къ...

Тотъ отшатнулся и, только когда онъ сошелъ съ крыльца, отозвался сквозь зубы:

— Острожникъ!

— А ты,—обернулся, вдругъ Умовъ,—ты воръ! Да и всѣ вы!... Постой, дай вотъ срокъ, аттестую я васъ!—и онъ такъ и рванулся впередъ, словно тамъ, въ темнотѣ его поджидала возможность исполнить угрозу.

Порошилъ, падалъ снѣгъ. Освѣщенныя окна вокзала и дальше—трактира, шинка, и открытыя настежь широкія двери двухъ лавокъ—давали длинныя полосы свѣта, которыя мягко легли по пушистому, чистому снѣгу, росли, уширялись, добѣгали до Умова и подъ ноги клали ему рядъ свѣтящихъ дорогъ. Онъ выбралъ одну—и, немного пройдя, ужъ стоялъ у шинка. Ругань, говоръ и смѣхъ доносились оттуда. Умовъ раньше, случалось, бывалъ здѣсь. Онъ грубо рванулъ заскрипѣвшую блокомъ тщедушную дверь и, войдя, замѣшался съ другими.

— Водки, вы!—заоралъ хрипло онъ, и не глядя, срозмаху, вдругъ плюхнулъ на лавку.

XV.

Часъ спустя, Умовъ былъ уже готовъ. Давно имъ не питая водка сказалась: онъ быстро хмѣлѣлъ и, развалясь на столѣ, обличалъ и ругался, дурно справляясь съ одеревенѣлыми губами и нервно подергивая правымъ плечомъ. Онъ не обращался ни къ кому въ частности,—онъ говорилъ такъ, вообще—всѣмъ, кому слушать хотѣлось. Такихъ было мало: всѣ говорили, кричали и сами.

— Какъ?—вопрошалъ хрипло Умовъ,—я ненадобенъ сталъ?! А-а?... А какъ грабили вмѣстѣ, такъ нуженъ былъ, а? Какъ по табелямъ вамъ приписывалъ,—нуженъ?.... Воряги!... Постой, дай вотъ срокъ: я аттестую васъ, сволочи! Я на весь бѣлый свѣтъ. «Эй, почтенные, вы!... Я лѣвой рукой въ табеляхъ имъ писалъ ...ныхъ тамъ Петровъ, да Ивановъ, какихъ и на свѣтѣ-то нѣтъ! ...лучали... Вы спросите у нихъ, какъ цементъ на мостахъ ворови? Какъ пополамъ боченки пилили... для отчета? Два дна въ ...ло шли!... Какъ на табеляхъ руки грѣли? Какъ на «кубахъ»... ...окачки-то, а? Рыли: по два «куба» всего выходило,—по десятъ отчеты катали!... Поди-ка, сыщи тамъ!... Всѣхъ въ острогъ ...ора!... А то—я... Подвели...

«Душегубъ я? острожникъ? воряга?... А кто? Все они довели! «Гони!...» Ну, и гналъ... А теперь: «по правиламъ нашимъ нельзя?» По правиламъ? Ишь справедливые вышли! Я черезъ васъ, справедливыхъ, не человѣкомъ—острожникомъ сталъ!...

И долго еще кричалъ и ругался онъ, хрипло, противно.

Шинокъ опустѣлъ. Мало-по-малу затихъ и хмѣльной ужъ вконецъ обличитель. Онъ утомился и началъ дремать. Но, сразу вдругъ вспомнивъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ, и что, поди, ѣхать ужъ скоро,—онъ быстро схватился, ошарилъ себя, расплатился и вышелъ.

Темно. Падалъ снѣгъ. Издали доносились свистки подходящаго поѣзда.

«Ишь, ползетъ ужъ... Еще бы немного,—смотри опоздалъ бы...»—и онъ зашагалъ, направляясь къ вокзалу.

Онъ какъ-то ослабъ, облѣнился вдругъ, сразу, и сталъ равнодушенъ, спокоенъ. Покупая билетъ, онъ уронилъ на полъ сдачу—два гривенника—и такъ-таки и не сталъ поднимать, не хотѣлось. И дальше потомъ уже, въ вагонѣ, его не покидало то же равнодушіе и полнѣйшее безучастіе ко всему на свѣтѣ. Онъ сидѣлъ, смотрѣлъ, потому только, что глаза были открыты; разсѣянно слушалъ, какъ стучали, отзванивали колеса вагона, и то—словно путались, шли какъ-то вразбивку, то снова налаживались, сговорчиво сливаясь въ одинъ, чередующійся правильно, звукъ.

Онъ ни о чемъ не думалъ. А такъ просто—сидѣлъ и впитывалъ въ себя впечатлѣнія. И только одно желаніе—добраться скорѣй и увидѣть жену—не разъ поднималось въ немъ; но скоро и то заслонялось первымъ же вздорнымъ впечатлѣніемъ,—то тѣмъ же стукомъ колесъ, то слабымъ, трепетнымъ свѣтомъ свѣчи вагоннаго фонаря; то—просто движеніемъ, кашлемъ сосѣда. Ему казался и долгимъ, и нѣтъ этотъ часовой переѣздъ до станціи, съ которой онъ долженъ былъ пройти пѣшкомъ верстъ шесть до казармъ.

Остановка. Станція. Онъ вышелъ. Постоялъ на платформѣ. Проводилъ зачѣмъ-то поѣздъ. Потомъ, вспомнивъ, что хочется пить,—у него послѣ водки пересохло во рту,—подошелъ къ грязной стойкѣ буфета, и тутъ же сразу, стаканъ за стаканомъ, жадно выпилъ бутылку пива и вышелъ. Пройдя короткую платформу, онъ спустился внизъ по маленькой лѣсенкѣ, взошелъ на полотно и зашагалъ по шпаламъ.

Полотно было тоже укрыто все снѣгомъ, который шелъ цѣлый день и, сухой и пушистый, мягко хрустѣлъ подъ ногами. А черныя

линіи рельсовъ рѣзко выдѣлялись на бѣломъ фонѣ снѣга и, убѣгая впередъ, казалось, дальше сливались въ одну.

Умовъ, быстро шагая, прошелъ уже двѣ будки, какъ вдругъ впереди засверкали три глаза идущаго поѣзда.

«Сорокъ первый... товарный»...—зналъ онъ,—сошелъ, пропустилъ и, посмотрѣвъ ему вслѣдъ, сталъ взбираться на «путь», по которому было удобнѣй идти. Заторопясь и скользнувъ по откосу, онъ не сдержался, упалъ и, прійдясь о рельсы, ушибъ себѣ руку.

— Э, чортъ!...—вскрикнулъ онъ и лежа дулъ и потиралъ ушибленное мѣсто. Боль скоро утихла, но ему все еще не хотѣлось вставать: онъ сильно усталъ, да и удобно такъ было—межъ рельсовъ, онъ оперся на нихъ и спиной и ногами.

«Полежу, покурю такъ»...—и, вынувъ табакъ, онъ завозился съ сигаркой. «Гляди, не заснуть бы еще? Ну, вотъ тамъ! я скоро курну и пошелъ... Да и «путь» опростался. Теперь черезъ часъ только жди... А какой это будетъ?... Сорокъ третій, товарный что-ль?—онъ».

Умовъ сильно былъ хмѣленъ. Особенно послѣ выпитаго на станціи пива, кажется, все бы лежалъ, да лежалъ такъ!... Тепло, хорошо и какъ тихо кругомъ!... Только невидныя телеграфныя струны гудутъ и звенятъ гдѣ-то сбоку.

«Тепло. Затишекъ. А снѣжитъ все».

И цѣпляются мысли одна за другую.

«И чего загрустилъ я?... Не взяли?... Ну что-жъ! Ну и пусть! Вотъ бѣда-то!... Возьму на «постройку» махну... Раньше-жъ звали... Чего не пошелъ-то?... Сдурѣлъ!... Вишь, что вышло! И «то», и острогъ, и безъ мѣста теперь... Уйду. Суетнѣй хоть—доходнѣй. Писали-то 40 на мѣсяцъ. Не пошелъ. То-то слушать!...

«А тамъ не возьмутъ—въ тѣ края утяну. Бабу взялъ бы, да дѣти... Нельзя. Вотъ женился еще... И зачѣмъ?... Все отецъ»,—тужитъ Умовъ.

А телеграфныя струны гудутъ и гудутъ.

Скоро Умовъ не думалъ ужъ. Онъ лежалъ и всецѣло отдался этому тихому звуку дрожащихъ, играющихъ струнъ.

«Ишь, какъ пчелы гудутъ»,—шепчетъ онъ, засыпая.

. . . . . .

...Хорошо и тепло. Лѣто. Лѣсъ. Онъ на пасѣкѣ. Тихо. Жужатъ и летаютъ кругомъ, вьются пчелы. И все больше, и гуще. ются. Гляди, облѣпили... Лицо все, и шею, и руки... Съѣдятъ!... се садятся... Не кусаютъ—щекочатъ... Холодныя вовсе... Смахть бы? Укусятъ. Не надо. Пускай. «Испугался? укусятъ?»—

смѣется старикъ. Самъ въ раевнѣ. Снимаетъ ее. «Что, узналъ?» О, да это не тотъ, что въ деревнѣ, а тотъ—изъ острога. Смѣется... А самъ говоритъ: «Что, послушалъ? Служилъ ты молебенъ?»—Служилъ.—«Молодецъ! А панифитку?»—Служилъ. «Не забылъ... Хорошо. Вотъ и славно. Покойника вспомнилъ. Такъ лучше. И онъ не серчаетъ. Простилъ. Что? не вѣришь? Онъ, вотъ онъ: спроси, если хочешь...» И правда: покойникъ.—«За что-жъ ты меня, стараго человѣка, сухмянешь?»—И стыдно вдругъ Умову. Смотритъ тотъ, ждетъ. И сказалъ онъ: «прости!»—а самъ плачетъ... «Ну, будетъ, забылъ я; простилъ».—«Обнимитесь... Чего вы!»—говоритъ сбоку дѣдушка. И какъ онъ сказалъ, подошелъ вдругъ покойникъ и обнялъ. Холодный, какъ ледъ! Прижимаетъ къ себѣ, а самъ тихо, неслышно смѣется, дрожа весь отъ скрытаго смѣха. А дѣдушка сбоку стоитъ, говоритъ, да такъ часто и звонко—и словъ не поймаешь... Смѣется, дрожитъ весь покойникъ—дрожитъ съ нимъ и Умовъ (спина, плечи, руки),—и страшно ему, и все больше и больше... А кругомъ ужъ народъ... И отецъ, и жена, и еще—много, много народа!... Говорятъ всѣ о чемъ-то, да скоро такъ, часто... все громче и громче... А покойникъ все жметъ и дрожитъ весь отъ смѣха...—«Побратались теперь...» И кругомъ загалдѣли: «побра-тались... побра-тались... побра-тались... тались... тались...» И все наступаютъ; все ближе и ближе; кричатъ, и дрожатъ всѣ.

. . . . . .

Умовъ вскрикнулъ, вскочилъ. Три огненныхъ глаза сверкнули вблизи.

«Поѣздъ!»—быстро мелькнуло въ мозгу.

Онъ рванулся впередъ. Но ужъ поздно—глухой, сотрясающій грохотъ покрылъ его и понесся по немъ, окруживъ и обвивъ увлекающимъ вихремъ, въ которомъ онъ вдругъ потонулъ какъ-то сразу, окутанный мракомъ.

Порошитъ, вьется снѣгъ. Вдалекѣ замираютъ раскаты умчавшагося поѣзда. А на полотнѣ, между рельсовъ, валяется груда растянутыхъ тряпокъ. Темно—не разсмотришь. Движатся, словно онѣ и дымятся.

А телеграфныя струны гудутъ и звенятъ гдѣ-то сбоку.

Дмитрій Абельдяевъ.

НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ *).

Повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

Нѣсколько минутъ спустя Свирскій и пани Эльзенъ очутились подъ кровлею тира. Изъ ихъ знакомыхъ тамъ былъ только Синтенъ, стрѣляющій на пари съ какимъ-то венгерскимъ графомъ. На обоихъ были рыжіе англійскіе костюмы, такія же фуражки съ днищемъ, надвигающимся сзади на козырекъ, и такія же клѣтчатые чулки; оба были великолѣпно вымуштрованы, оба съ дурацкими лицами. Согласно съ предположеніемъ пани Эльзенъ, Синтенъ былъ такъ занятъ стрѣльбою, что не сразу замѣтилъ ихъ и только спустя нѣсколько подошелъ къ нимъ повидаться.

— Какъ идетъ?—спросила барыня.

— Бью. Почти увѣренъ въ выигрышѣ.

Тутъ онъ обратился къ Свирскому:

— А вы не стрѣляете?

— Стрѣляю, но не сегодня.

— А я,—отвѣтилъ Синтенъ, многозначительно посматривая на пани Эльзенъ,—я сегодня heureux au jeu!

Его позвали стрѣлять.

— Онъ хотѣлъ сказать, что несчастливъ въ любви,—сказалъ Свирскій.

— Imbécile! Развѣ могло быть иначе?

Несмотря на укоризненныя слова, по лицу прекрасной женщины можно было видѣть, что она не сердится за то, что въ присутствіи Свирскаго ей дали удостовѣреніе, какъ она обольстительна и какъ всѣ стремятся къ ней. Впрочемъ, сегодня ей предстояло еще разъ удостовѣриться въ этомъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. II, 97 г.

— Я хотѣлъ спросить васъ кой о чемъ,—послѣ минутнаго молчанія сказалъ Свирскій, но за завтракомъ, при дѣтяхъ и Кресовичѣ, это было неудобно. Кресовичъ по дорогѣ сказалъ мнѣ, что уходитъ отъ васъ, по крайней мѣрѣ, что послѣдній день остается въ качествѣ учителя вашихъ дѣтей. Правда ли это и почему?

— Правда,—отвѣтила пани Эльзенъ. — Во-первыхъ, я не увѣрена въ его здоровьѣ. Нѣсколько дней назадъ я заставила его пойти къ доктору. Положимъ, докторъ повторилъ, что чахотка не угрожаетъ ему, иначе я не продержала бы его лишняго часа, но, какъ бы то ни было, видъ у него съ каждымъ днемъ все хуже и хуже... Онъ какой-то странный, раздражительный, часто бываетъ совершенно несносенъ... Это первый поводъ. А во-вторыхъ, вы знаете его убѣжденіе!... Ромула и Рема это не касается, я знаю. Мальчики воспитаны такъ, что не могутъ усвоить подобныхъ правилъ. Но я не хочу, чтобъ они въ дѣтскихъ лѣтахъ знали, что такія вещи существуютъ, чтобъ они сталкивались съ такою экзальтаціей и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ недоброжелательствомъ къ средѣ, къ которой они принадлежатъ... Вы изъявили желаніе, чтобъ они разговаривали съ кѣмъ-нибудь на родномъ языкѣ,—для меня этого было достаточно... Для меня это было чѣмъ-то вродѣ приказанія... Вотъ я какова,—такою и останусь... Притомъ, я и сама понимаю,—нужно, чтобъ они хоть немного знали свой языкъ... Теперь люди обращаютъ на это много вниманія, и я согласна, что они правы. Но Кресовичъ даже и въ этомъ направленіи черезчуръ экзальтированный.

— Жаль мнѣ его! У него въ углахъ глазъ складки, это обозначаетъ фанатизмъ. Интересное лицо и, въ сущности, человѣкъ интересный.

— Вашими устами снова говоритъ художникъ!—смѣясь сказала пани Эльзенъ.

Но черезъ минуту она сдѣлалась серьезна, и на лицѣ ея выразилось смущеніе.

— У меня еще есть одинъ поводъ,—прибавила она. — Трудно говорить объ этомъ, но я все-таки скажу,—съ кѣмъ же мнѣ и не быть искренной, какъ не съ моимъ великомъ человѣкомъ... съ такимъ любимымъ и добрымъ, который сумѣетъ все понять. Я замѣтила, что Кресовичъ потерялъ голову и влюбился въ меня безъ памяти, а въ такихъ условіяхъ онъ не можетъ оставаться вмѣстѣ со мною.

— Какъ, и онъ тоже!—воскликнулъ Свирскій.

— Да!—отвѣтила она и опустила глаза.

Она старалась показать, что признаніе это ей непріятно, но какъ послѣ словъ Синтена, такъ и теперь по ея губамъ промелькнула улыбка удовлетвореннаго самолюбія и женскаго тщеславія. Свирскій замѣтилъ это, и нехорошее, гнѣвное чувство стиснуло его сердце.

— Значитъ, я не устоялъ противъ эпидеміи,—сказалъ онъ.

Пани Эльзенъ съ минуту посмотрѣла на него и тихо спросила:

— Это говоритъ ревнивецъ или неблагодарный человѣкъ?

Но художникъ отвѣтилъ уклончиво:

— Вы правы. Если такъ, то Кресовичъ долженъ удалиться.

— Я сегодня же сосчитаюсь съ нимъ, и все будетъ кончено.

Они замолчали. Слышно было только, какъ стрѣляютъ де-Синтенъ и венгръ.

Свирскій, все-таки, не могъ простить ей улыбки, которую онъ перехватилъ налету. Правда, онъ говорилъ себѣ, что пани Эльзенъ поступила съ Кресовичемъ какъ слѣдуетъ, что нечего ему раздражаться, но чувствовалъ, что раздраженіе въ его душѣ растетъ съ каждою минутой. Когда-то, еще въ началѣ знакомства съ пани Эльзенъ, Свирскій видѣлъ ее на велосипедѣ: она ѣхала впереди, а въ нѣсколькихъ шагахъ за нею слѣдовали Синтенъ, молодой Кладскій, Пожецкій, Уилькобей и Уоксфордъ. На Свирскаго тогда эта группа произвела фатальное впечатлѣніе какой-то звѣрской погони,—точно самцы гонятся за самкой. Теперь же картина какъ живая воскресла въ его памяти, и его впечатлительная артистическая натура испытывала неподдѣльныя страданія. «На самомъ дѣлѣ, это такъ и есть,— говорилъ онъ самому себѣ, — за нею всѣ гонятся, и еслибъ я упалъ, споткнувшись о какую-нибудь преграду, то ее настигъ бы слѣдующій за мной!»

Дальнѣйшія его размышленія прервала пани Эльзенъ. Ей стало холодно въ тѣни и захотѣлось погрѣться на солнцѣ.

— Пойдемъ домой и возьмемъ пальто,—сказалъ Свирскій и всталъ.

Они пошли назадъ, на верхнюю террасу, но на половинѣ лѣстницы пани Эльзенъ вдругъ остановилась.

— Вы недовольны мною?—сказала она.—Развѣ я провинилась передъ вами, развѣ поступала не такъ, какъ слѣдуетъ?

Свирскій, немного успокоившійся и тронутый ея безпокойствомъ, отвѣтилъ:

— Простите старому чудаку; это я прошу у васъ прощеніе.

Пани Эльзенъ во что бы то ни стало хотѣла узнать, что омрачило, но никоимъ образомъ не могла добиться отъ него от-

вѣта. Тогда полушутливо, полугрустно она начала жаловаться на артистовъ. Что это за несносные и странные люди, которыхъ огорчаетъ всякій пустякъ, малѣйшая боль, и которые тотчасъ замыкаются въ самихъ себя, а потомъ бѣгутъ въ свои одинокія мастерскія. Вотъ хоть бы сегодня,—она три раза замѣтила, какъ въ немъ отозвался художникъ... Это нехорошо!... Въ наказаніе, пусть негодный художникъ останется обѣдать, до вечера.

Но Свирскій заявилъ, что долженъ ѣхать, потомъ подѣлился съ пани Эльзенъ своими артистическими непріятностями, заботами, какъ найти модель для «Сна и Смерти», и передалъ, какія упованія онъ возлагалъ на эту картину.

— Я вижу изо всего,—отвѣтила, улыбаясь, молодая вдова,—что у меня будетъ страшная соперница—искусство.

— Это не соперница,—отвѣтилъ Свирскій,—это божество, которому вы будете служить вмѣстѣ со мною.

Правильныя брови пани Эльзенъ слегка нахмурились.

Въ этотъ день Свирскій свершилъ двѣ трети пути до рая и уѣхалъ съ радостной дрожью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ убѣжденіемъ, что ворота въ рай предъ нимъ откроетъ только бракъ.

И, придя въ себя въ вагонѣ, онъ чувствовалъ признательность къ пани Эльзенъ за это убѣжденіе.

IV.

Пани Эльзенъ передъ тѣмъ, чтобы начать одѣваться къ обѣду, приказала Кресовичу прійти считаться. Она призвала его съ нѣкоторымъ любопытствомъ въ душѣ,— каково будетъ ихъ прощанье. Она видѣла такое множество людей дюжинныхъ, словно выкроенныхъ однимъ портнымъ по одному образцу, что этотъ молодой оригиналъ занималъ ее съ нѣкотораго времени, а теперь, когда онъ долженъ былъ уйти съ разбитымъ сердцемъ, началъ занимать еще больше. Она была увѣрена, что его страсть проявится какимъ-нибудь образомъ, и втайнѣ желала, чтобъ она проявилась, давая себѣ слово (впрочемъ, не совсѣмъ искренно) остановить ее однимъ словомъ или движеніемъ, еслибъ она грозила перейти извѣстную мѣру.

Но Кресовичъ вошелъ холодный, съ лицомъ скорѣе зловѣщимъ, чѣмъ влюбленнымъ.

Пани Эльзенъ посмотрѣла на него и подумала, что Свирскій, какъ художникъ, долженъ былъ обратить вниманіе на эту голову — въ ней крылось что-то исключительное. То было лицо съ твердыми, какъ бы съ желѣзными чертами, въ которыхъ воля преобладала

надъ разсудочностью и придавала ему выраженіе до нѣкоторой степени тупое и вмѣстѣ съ тѣмъ неумолимое. Свирскій давно понялъ, что Кресовичъ изъ тѣхъ людей, которые, если схватятся за какую-нибудь идею, то никакой скептицизмъ не смутитъ ихъ вѣру въ нее, и сомнѣніе никогда не подкопаетъ ихъ способности къ осуществленію дѣла, собственно потому, что рука объ руку съ сильнымъ характеромъ у нихъ идетъ и извѣстная узость ума. Фатализмъ возрастаетъ только на такой почвѣ.

Пани Эльзенъ, несмотря на свой свѣтскій умъ, была черезчуръ мелка, чтобъ умѣть понять это. Кресовичъ привлекъ бы ея вниманіе лишь въ томъ случаѣ, еслибъ былъ хорошенькимъ мальчикомъ, а такъ какъ хорошенькимъ онъ не былъ, то она и обращалась къ нему какъ къ какой-нибудь вещи, и лишь Свирскій невольно заставилъ всмотрѣться въ него.

Она приняла Кресовича любезно и, расплатившись съ нимъ, свойственнымъ ей холоднымъ и равнодушнымъ голосомъ, но такъ же любезно выразила сожалѣніе, что ея предполагаемый отъѣздъ изъ Монте-Карло кладетъ преграду между ихъ дальнѣйшими отношеніями.

Кресовичъ механически спряталъ деньги въ карманъ и отвѣтилъ:

— Я вчера самъ заявилъ вамъ, что не буду дольше учить Ромула и Рема.

— Это меня и радуетъ,—отвѣтила она, поднимая голову.

Очевидно, она хотѣла хоть на первое время вести разговоръ въ церемонномъ тонѣ и навязать этотъ тонъ Кресовичу. Но достаточно было посмотрѣть на него, чтобы понять, что онъ твердо рѣшилъ высказать все.

— Вы мнѣ заплатили настоящими деньгами,—сказалъ онъ,—не прибавляйте же мнѣ на дорогу фальшивыхъ.

— Что вы подразумѣваете подъ этимъ?

— Я подразумѣваю то,— разстановисто сказалъ онъ,— что вы разстаетесь со мной не по поводу отъѣзда и не потому отблагодарили меня за службу. Поводъ здѣсь другой, и вы поняли это такъ же хорошо, какъ и я.

— Если я знаю, то, можетъ быть, не желаю ни слышать, говорить о немъ,—высокомѣрно сказала пани Эльзенъ.

Онъ приблизился къ ней на шагъ, пряча назадъ руки и выпивая впередъ свое угрожающее лицо.

— А нужно!—съ удареніемъ сказалъ онъ:—во-первыхъ, по-

тому, что черезъ минуту я уйду отъ васъ, а во-вторыхъ... по другимъ соображеніямъ, о которыхъ вы узнаете завтра.

Пани Эльзенъ встала съ нахмуренными бровями и до нѣкоторой степени приняла позу оскорбленной королевы.

— Что это значитъ?

Кресовичъ приблизился еще больше, такъ что его лицо очутилось въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ ея лица, и заговорилъ съ сосредоточенною энергіей:

— Это значитъ, что я долженъ былъ ненавидѣть васъ и всю вашу среду, и полюбилъ васъ. Это значитъ, что я сдѣлался подлецомъ въ собственномъ мнѣніи, и за это приготовилъ себѣ возмездіе. Но потому, что мнѣ нечего терять, вы должны заплатить за оказанную мнѣ несправедливость, иначе дѣло можетъ кончиться несчастіемъ.

Пани Эльзенъ не испугалась, потому что она вообще не боялась мужчинъ. Она также не боялась чахотки Кресовича, потому что мѣстный докторъ совершенно успокоилъ ее въ этомъ отношеніи. Непритворнымъ было только ея изумленіе, а гнѣвъ и испугъ являлись чѣмъ-то искусственнымъ. Въ ея сердцѣ вдругъ возбудилось удивленіе. «Mais c'est un vrai oiseau de proie... онъ готовъ растерзать меня!»... Для ея натуры, освоившейся съ порчей, всякая авантюра, въ особенности льстящая ея женскому самолюбію, представляла неизъяснимую прелесть. При этомъ ея нравственность не приходила въ смущеніе отъ какихъ-нибудь пустяковъ. Еслибъ Кресовичъ на колѣняхъ, съ покорностью, со слезами просилъ ее дать ему минуту счастья, дозволить облобызать край ея платья, она приказала бы вышвырнуть его за дверь. Но этотъ человѣкъ, грозный и чуть не сумасшедшій, представитель секты, о страшной энергіи которой въ ея кругу разсказывались баснословныя вещи, показался ей такимъ демоническимъ, такъ не похожимъ на другихъ людей, что ею овладѣлъ положительный восторгъ. Нервы ея жаждали новинки. Кромѣ того, она подумала, что авантюра можетъ, пожалуй, принять совершенно неожиданные размѣры и превратиться въ скандалъ, потому что безумецъ, дѣйствительно, былъ готовъ на все.

А Кресовичъ продолжалъ, обливая ея лицо горячимъ дыханіемъ

— Я люблю васъ, а терять мнѣ нечего. Я потерялъ здоровь потерялъ будущее, сдѣлался подлецомъ!... Мнѣ нечего терять,- вы понимаете? Мнѣ все равно, придутъ ли на вашъ крикъ деся или сто человѣкъ... Но для васъ это не все равно. Потомъ я уйд и тайна пропадетъ,—клянусь!

Пани Эльзенъ теперь нужно было сохранить только внѣшность,—притворство всегда заботится объ этомъ,—и обмануть себя.

И, обративъ глаза, полные притворнаго испуга, на его лицо, дѣйствительно похожее на лицо безумца, она спросила:

— Вы хотите убить меня?

— Я хочу расплаты... не деньгами, — отвѣтилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Онъ поблѣднѣлъ еще больше, обнялъ ее, она начала сопротивляться. Но дѣлала это она какъ женщина, лишающаяся чувствъ, у которой страхъ отнялъ сознаніе и силу.

V.

Свирскій доѣхалъ до Виллафранки, вышелъ и направился къ гавани,—ему пришло въ голову возвратиться въ Ниццу по морю. У пристани онъ нашелъ знакомаго рыбака. Тотъ при видѣ щедраго иностранца обрадовался и съ истинно лигурійскою хвастливостью брался довезти его «хоть до Корсики, — пусть сирокко до дна взволнуетъ море».

Но теперь дѣло шло только о небольшой прогулкѣ, тѣмъ болѣе пріятной, что въ воздухѣ было совершенно тихо. Свирскій сѣлъ у руля, и лодка двинулась по гладкой поверхности. Миновавъ роскошныя частныя яхты, они приблизились къ броненосцамъ, спокойныя, черныя громады которыхъ твердо и ясно вырисовывались при солнечномъ освѣщеніи. Палуба *Формидабля* уже была увѣшана гирляндами разноцвѣтныхъ лампочекъ для завтрашняго бала, на который Свирскій долженъ былъ достать приглашеніе. У бортовъ виднѣлись матросы, которые снизу казались пигмеями въ сравненіи съ размѣромъ судна. Желѣзные бока броненосцевъ, трубы, мачты, реи отражались въ прозрачной водѣ, какъ въ зеркалѣ. Отъ времени до времени между броненосцами проскальзывала военная лодка, издали похожая на чернаго жука, регулярно передвигающаго ноги. За судами начиналось пустое пространство; вода, какъ это обыкновенно бываетъ при выходѣ изъ порта, несмотря на отсутствіе вѣтра, слегка колебалась, то поднимая, то опуская лодку, въ которой сидѣлъ Свирскій, мягкими и широкими движеніями. Теперь они приблизились къ высокимъ скаламъ по правой сторонѣ пристани; вдоль нихъ бѣжала сѣрая, пыльная дорога, а еще ниже находился учебный плацъ, на которомъ теперь при звукѣ трубы выражнялись солдаты. Обогнувъ мысъ, лодка вышла въ открытое море.

За пристанью всегда бываетъ хоть маленькій вѣтерокъ. Лодоч-

никъ началъ развертывать парусъ, а Свирскій направилъ руль въ открытое море.

Они двинулись впередъ, перерѣзывая легкія волны. Тѣмъ временемъ солнце склонилось къ западу. Скалистые обрывы и море принимали красноватый оттѣнокъ. Все вокругъ было спокойно, тихо и такъ громадно, что Свирскому поневолѣ пришло на умъ, какъ мала и ничтожна жизнь въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ окружало его въ эту минуту. И вдругъ онъ почувствовалъ такое впечатлѣніе, какъ будто бросилъ свои и чужія дѣла и уѣхалъ куда-то далеко-далеко. Пани Эльзенъ, Ромулъ, Ремъ, всѣ знакомые и весь прибрежный муравейникъ, полный суетливости, безпокойства, ничтожной амбиціи и ничтожныхъ страстей, умалились въ его глазахъ. Какъ человѣкъ, привыкшій отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ съ нимъ дѣлается, онъ испугался этого впечатлѣнія, — еслибъ онъ истинно любилъ пани Эльзенъ, то ея образъ не заслонялся бы дымкою отдаленія, не умалялся бы и не исчезалъ бы никогда. Такъ бывало прежде. Свирскій вспомнилъ, какъ нѣкогда, послѣ выхода замужъ любимой имъ женщины, онъ уѣзжалъ за границу. Тогда онъ въ первый разъ видѣлъ Италію, Римъ, Сицилію, море, берега Африки, и никакія впечатлѣнія не изглаживали изъ его ума память о любимой женщинѣ. Въ римскихъ и флорентійскихъ галлереяхъ, на морѣ и въ пустынѣ она была съ нимъ; онъ воспринималъ все только черезъ ея посредство и всегда говорилъ ей, какъ будто она присутствовала здѣсь: «Смотри». Разница между прошлымъ и настоящимъ наполняла его грустью.

Но спокойствіе вечера и моря, все-таки, умиротворяюще дѣйствуетъ на него. Они отплыли уже такъ далеко, что берегъ началъ исчезать изъ ихъ глазъ. Солнце зашло, блеснула одна звѣзда, другая. Дельфины, которые при закатѣ волнообразнымъ движеніемъ скользили мимо ихъ лодки, теперь погрузились въ глубину, и ни откуда не доходило никакого голоса. Поверхность воды совершенно сгладилась. Парусъ отъ времени до времени падалъ и свѣшивался вдоль мачты. Наконецъ, изъ-за горъ вышелъ мѣсяцъ, облилъ море зеленоватымъ блескомъ и освѣтилъ даль до границъ горизонта.

Начиналась южная ночь, погожая и теплая. Свирскій закутался въ пелерину лодочника и началъ думать:

«Все, что окружаетъ меня, не только прекрасно, но и правдиво. Человѣческая жизнь, если хочетъ быть нормальной, должна быть привита къ стволу природы, вырастать изъ него, какъ вѣтвь вырастаетъ изъ дерева, и существовать въ силу тѣхъ же самыхъ

коновъ; тогда она будетъ правдива, а вмѣстѣ съ тѣмъ и моральна, ибо моральность въ сущности не что иное, какъ только согласованіе жизни со всеобъемлющимъ закономъ природы. Вотъ теперь меня окружаютъ простота и покой, я понимаю и чувствую ихъ только какъ артистъ, но не вмѣщаю ихъ въ себѣ какъ человѣкъ, потому что и моя жизнь, и жизнь тѣхъ людей, среди которыхъ я вращаюсь, удалилась отъ природы, перестала руководствоваться ея законами, быть ея проявленіемъ—и сдѣлалась ложью. Въ насъ заглохло даже понятіе о правдѣ природы. Наши отношенія основаны на фальши, умъ нашъ искривленъ, души и страсти—больныя. Мы обманываемъ и другихъ, и самихъ себя, въ концѣ никто не увѣренъ, дѣйствительно ли онъ хочетъ того, къ чему стремится, и сможетъ ли достичь того, чего хочетъ».

И вдругъ, въ противопоставленіи съ этою ночью, съ безконечностью моря, со звѣздами, со всею природой, ея спокойствіемъ, простотой и безграничностью, Свирскаго охватило чувство страха передъ гигантскою ложью людскихъ отношеній. Ложью ему показалась его любовь къ пани Эльзенъ, ложью ея отношенія къ нему, къ дѣтямъ, къ другимъ мужчинамъ, къ свѣту, ложью—жизнь на этомъ ясномъ берегу, ложью—настоящее и ложью—его собственная будущность. «Меня окружаетъ сѣть,—подумалъ онъ,—а я не знаю, какъ выпутаться изъ нея!» Такъ и было въ дѣйствительности. Если вся жизнь ложь, то что же дѣлать? Возвратиться къ природѣ, начать какую-нибудь другую жизнь, наполовину дикую, наполовину буколическую, порвать связи съ людьми и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться реформаторомъ? Для этого Свирскій чувствовалъ себя черезчуръ старымъ и черезчуръ большимъ скептикомъ. Для этого нужно было носить въ себѣ догматизмъ Кресовича и чувствовать это *какъ средство, побуждающее къ борьбѣ и реформѣ*, а не только какъ впечатлѣніе, которое можетъ быть ослаблено завтрашнимъ днемъ. За то Свирскому пришла въ голову другая мысль. Кто не чувствуетъ въ себѣ силы, достаточной для того, чтобъ измѣнить міръ, можетъ, по крайней мѣрѣ, убѣжать отъ него и отдохнуть. Онъ завтра могъ бы быть уже въ Марселѣ, а два дня спустя, дѣйствительно, въ открытомъ морѣ за сотни миль отъ берега, отъ больной жизни, отъ ея лжи и обмана. Такимъ образомъ все было бы развязано или, вѣрнѣе, разсѣчено какъ ножемъ.

И въ одну минуту ему такъ захотѣлось осуществить свое намѣреніе, что онъ приказалъ повернуть къ Ниццѣ.

«Звѣрь, который чувствуетъ себя въ тенётахъ,—думалъ онъ,—прежде всего старается выпутаться изъ нихъ. Это его законное

право согласно съ природой и, значитъ, морально. Мои тенёта не одна только пани Эльзенъ, они слагаются изо всего взятаго вмѣстѣ. Сейчасъ я чувствую прекрасно, что, вступивъ въ союзъ съ ней, я вступилъ бы въ союзъ съ ложью жизни. Можетъ быть, это явилось бы результатомъ не ея вины, а вины положенія вещей, но отъ такихъ перспективъ всегда дозволяется бѣжать».

И онъ началъ воображать другія перспективы, которыя ему представятся при его бѣгствѣ: широкія пустыни, водныя и песчаныя, незнакомыя страны и народы, искренность и правда ихъ первобытной жизни, наконецъ, разнообразіе впечатлѣній и дни, не похожіе одинъ на другой.

«Мнѣ давно бы слѣдовало сдѣлать это!»—говорилъ онъ самому себѣ.

Потомъ ему въ голову пришла мысль, которая могла придти только артисту: когда «сплавишь» невѣсту и уѣдешь, напримѣръ, въ Парижъ, то такой поступокъ составляетъ достояніе «литературы дурного тона», но когда удерешь за экваторъ, къ какимъ-нибудь эѳіопамъ, то фактъ разлуки блѣднѣетъ въ сравненіи съ величиною разстоянія, дѣло производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, представляется въ оригинальномъ, а вслѣдствіе этого и въ лучшемъ стилѣ.

— А я,—думалъ онъ,—заѣду чортъ знаетъ какъ далеко!

Вдали показалась Ницца, какъ полоска свѣта; посреди этой полоски зданіе, называемое Jetée promenade сверкало точно гигантскій фонарь. По мѣрѣ того, какъ лодка при дуновеніи ночного вѣтра приближалась къ порту, каждый изъ огоньковъ превращался въ огненный столбъ, дрожащій на прибрежныхъ волнахъ. Видъ этихъ огней отрезвилъ Свирскаго.

— Городъ!—подумалъ онъ,—и жизнь!

И сразу всѣ его планы начали разсѣиваться, какъ видѣнія, порожденныя пустыней и ночью. То, что еще минуту назадъ онъ считалъ справедливымъ, легкимъ для исполненія и неизбѣжнымъ, теперь представлялось ему фантазіей, лишенной дѣйствительнаго смысла и отчасти недобросовѣстной. «Съ жизнью, какова бы она ни была, однако, нужно считаться. Кто столько лѣтъ, какъ я, подчинялся ея законамъ, тотъ долженъ чувствовать себя отвѣтственнымъ передъ ними. Не трудное дѣло сказать себѣ: я пользовался ими, пока мнѣ было удобно, а какъ стало неудобно, то возвращаюсь къ природѣ».

И его мысль обратилась уже не къ общимъ теоріямъ, а къ паннѣ Эльзенъ.

— По какому праву я оставилъ бы ее? Если ея жизнь была искусственною и лживой, если ея прошлое сомнительно, то, зная объ этомъ, я могъ бы не предлагать ей руку. Теперь я считалъ бы себя вправѣ порвать съ ней отношенія только въ томъ случаѣ, еслибъ открылъ въ ней порокъ, который она таила отъ меня до сихъ поръ, или еслибъ она провинилась въ чемъ-нибудь передо мной. Но она ни въ чемъ не провинилась. Она была со мною открыта и искренна. Въ ней есть что-то такое, что привлекаетъ меня, иначе я не посватался бы къ ней. Я иногда чувствую, что люблю ее, и если по временамъ на меня находятъ сомнѣнія, за что же она должна страдать? Мое бѣгство было бы тягостно для нея, и кто знаетъ, не нанесло ли бы ей непоправимый ударъ.

Онъ понялъ, что мечтать о какомъ-нибудь бѣгствѣ и осуществить его для порядочнаго человѣка—это два полюса. Свирскій могъ только мечтать. Онъ скорѣе былъ бы способенъ предстать передъ пани Эльзенъ и потребовать отъ нея возвращенія слова, но бѣжать отъ опасности было противно его природѣ. При одной мысли объ обиженной женщинѣ сердце его сжалось, и пани Эльзенъ представилась ему болѣе дорогой и болѣе близкой.

Свирскій расплатился съ лодочникомъ, сѣлъ въ экипажъ и приказалъ везти себя въ мастерскую. На улицахъ царилъ свѣтъ, движеніе и шумъ; Свирскаго снова охватила тоска по той тишинѣ, по той безконечной шири водъ, по томъ спокойствіи и Божіей правдѣ, съ которыми онъ только что разстался. Наконецъ, уже недалеко отъ мастерской ему пришло въ голову слѣдующее замѣчаніе:

— Странная вещь,—подумалъ онъ,—что я, который такъ боялся женщинъ и такъ не довѣрялъ имъ, въ концѣ-концовъ выбралъ женщину, которая можетъ возбуждать болѣе опасеній, чѣмъ всѣ другія.

Въ этомъ крылся какой-то фатализмъ, и Свирскій несомнѣнно нашелъ бы въ подобномъ стеченіи обстоятельствъ достаточно матеріала, чтобы размышлять о немъ въ теченіе вечера, еслибы не два письма, которыя ожидали его. Въ одномъ заключалось приглашеніе на завтрашній балъ на Формидабль, другое было отъ m-me Лажа, хозяйки дома.

Хозяйка извѣщала о своемъ отъѣздѣ на два дня въ Марсель и ѣстѣ съ тѣмъ сообщала, что нашла модель, которая должна удоетворить самому причудливому вкусу и которая придетъ завтра.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ *).

(Дюре Рейнъ)

(Изъ семейной хроники).

Романъ Іонаса Ли. Переводъ съ датскаго.

IV.

Рождество.

Снѣгъ валилъ тяжелыми влажными хлопьями въ послѣобѣденныя сумерки сочельника.

Дорога къ дому была расчищена; на крышѣ амбара возвышался шестъ съ необмолоченнымъ снопомъ—елка для птицъ.

Полы и лѣстницы были выскоблены и вымыты; мѣдная и оловянная кухонная посуда такъ и блестѣла. Въ конюшнѣ, въ хлѣвахъ, въ людской, въ пивоварнѣ—все было прибрано, все на мѣстѣ. Сбруя была вычищена мѣломъ; большія сани и маленькія санки стояли прикрытыя волчьими и медвѣжьими полостями, вполнѣ готовыя къ мобилизаціи.

Въ комнатахъ для гостей весело трещали березовыя полѣнья, а постели—ради просушки бѣлья—стояли съ откинутыми одѣялами, ослѣпляя бѣлизной тонкихъ простынь.

Павелъ и Ларсъ съ ранняго утра выѣхали на саняхъ, одинъ на Фигаро, другой на Карькѣ, встрѣчать Іесса и гостей на станціи, находившейся за три мили.

Молодой Гротъ пріѣхалъ еще къ обѣду на своемъ красивом ворономъ, увѣшанномъ бубенчиками. Гроту отвели лучшую и комнатъ для гостей рядомъ съ залой.

Буланка примчала въ санкахъ отъ тетушки Ра Маріанну и М ретэ. Онѣ отвозили старухѣ рождественскіе дары — пробы всѣ

---

*) *Русская Мысль*, кн. II, 97 г.

праздничныхъ кулинарныхъ издѣлій и—лично отъ Маріанны—вышитую спинную подушку для кресла. Отъ тетки дѣвушки привезли обычный рождественскій презентъ — запечатанный конвертъ съ извѣстною суммой: по пяти спецій на каждую изъ племянницъ.

Явился домой и Рейнъ—словно чортъ вылѣзшій изъ сугроба, какъ сказалъ Квигстадъ. Рейнъ передъ праздниками находился въ конторскіе часы въ самомъ дурномъ настроеніи, такъ что съ нимъ трудно было ладить; работалъ какъ волъ и невпопадъ отвѣчалъ на вопросы. А какъ только занятія кончались, исчезалъ въ лѣсу, несмотря ни на какую пору. Люди говорили, что часто видѣли, какъ на мельницѣ вдругъ вспыхивалъ огонекъ,—это онъ, вѣрно, дѣлалъ тамъ привалъ и разводилъ костеръ.

По мѣрѣ того, какъ сумерки сгущались, снѣгъ валилъ все сильнѣе, а въ домѣ все съ большимъ напряженіемъ прислушивались и поглядывали — не ѣдутъ ли гости, и лихорадочно спѣшили закончить послѣднія приготовленія.

Рѣзали торты къ чаю; наполняли вазы и хрустальныя блюдечки разнаго сорта печеньемъ, накрывали столъ для ужина, носили изъ погреба медъ и пиво.

Въ полутемныхъ горницахъ весело пылали дрова въ печахъ; на праздничномъ столѣ красовалась пара традиціонныхъ, литыхъ дома, свѣчей «трехъ царей» *).

Чайный котелокъ давно уже шумѣлъ и пѣлъ.

Маріанна осматривала въ кухнѣ жаркое—грудинку и гуся,—подарокъ отъ тетушки Ра, которая, по старинному датскому обычаю, придерживалась рождественскаго гуся.

Въ кухню влетѣлъ запыхавшійся и весь мокрый отъ снѣга Шмидтъ и сообщилъ, что уже слышны бубенчики съ рѣки внизу.

Поспѣшили зажечь свѣчи и фонари и высыпали на крыльцо встрѣчать.

А вотъ и они!

Сначала Фигаро примчалъ Христіану Гедде съ Іессомъ, который громко здоровался со своими изъ саней, пока спутницу его извлекали при свѣтѣ фонаря изъ ножного мѣшка и медвѣжьихъ [illegible]ялъ, потомъ ее внесли на крыльцо и въ сѣни, гдѣ и предоставили радушному попеченію и привѣтамъ хозяекъ.

Христіана привезла поклоны отъ отца и матери.

---

*) Въ Норвегіи, какъ и въ Даніи, съ празднованіемъ сочельника соединена память трехъ царей, пришедшихъ съ Востока поклониться Божественному Младенцу; ѣсть ихъ-то и зажигаются особыя „тройныя“, развѣтвляющіяся на три, свѣчи.

Прим. перев.

Затѣмъ въ ворота влетѣлъ, потряхивая холкой и позванивая бубенчиками, Карька, и Іессъ, какъ хозяинъ, поспѣшилъ встрѣтить своихъ друзей на крыльцѣ.

— Это вотъ студентъ-медикъ Гордеръ, отецъ! Первый танцоръ!... А голосъ у него,—скажу я тебѣ!... А это Андерсъ Нергоръ, который ухитрился блестяще сдать экзаменъ на юриста, занимаясь ни болѣе, ни менѣе какъ иногда по ночамъ.

На Іесса было уже брошено нѣсколько краснорѣчивыхъ, напряженно-испытующихъ взоровъ со стороны сестеръ; братъ обмѣнялся съ ними быстрыми и многозначительными взглядами, которые должны были объяснить сестрамъ его дѣла, главнымъ образомъ то, грозятъ ли омрачить и это Рождество надвигающіяся тучи въ видѣ долговъ и неоплаченныхъ счетовъ? Прошлогоднія-то сто одиннадцать спецій восемь скиллинговъ *), которыя свалились на отца въ самый Новый годъ, стояли еще у всѣхъ поперекъ горла.

Послѣ обоюдныхъ представленій, обмѣна привѣтствіями и предварительныхъ сообщеній о дорожныхъ приключеніяхъ, гости, предшествуемые хозяевами, прослѣдовали, продолжая веселую бесѣду, въ отведенныя имъ комнаты, чтобы перемѣнить дорожныя платья.

Немного спустя, всѣ собрались въ столовой, наполнившейся смѣшаннымъ гуломъ отъ восклицаній и смѣха.

Горячій чай показался удивительно вкуснымъ, и настроеніе духа еще повысилось.

Вотъ пришли сказать, что старая коровница Ранди ожидаетъ въ сѣняхъ съ фонаремъ и лучиной.

— Ну, такъ надо и намъ до ужина выйти навѣстить сочельничнаго домового!—громко объявилъ судья.—Идемъ, кто хочетъ!

— Я! Я! И я!—засуетилась компанія.

— И сочельникъ будетъ не въ сочельникъ, если мы не побываемъ сперва въ хлѣву и въ конюшнѣ!—пояснилъ Іессъ, наэлектризованный воспоминаніями изъ домашней обстановки.

Но хозяйка, какъ тяжелое маховое колесо въ домѣ, направила дѣло иначе, разсудивъ, что Христіанѣ и двумъ-тремъ изъ дочерей нужно остаться въ комнатахъ, а не подвергаться опасности промочить ноги. Она усадила Христіану съ собой на диванъ и стала разспрашивать ее о домѣ, о родныхъ.

Шествіе съ Ранди во главѣ двинулось между тѣмъ черезъ дво

У хлѣва стояли въ ожиданіи Ранди младшая коровница, с рикъ Андерсъ и подростокъ, служившій на побѣгушкахъ.

---

*) Приблизительно двѣсти двадцать два рубля восемь коп.

Ранди засвѣтила отъ фонаря лучину, начертила ею въ воздухѣ передъ дверями три креста и осторожно загасила ее, ткнувъ въ снѣгъ.

Потомъ старуха начала обходить коровъ, угощая ихъ сочельничнымъ пойломъ, взболтаннымъ съ мукою и солью. Два фонаря бросали слабый свѣтъ на рядъ яслей, между которыми толпились коровы, жуя жвачку и поглядывая на людей изъ темноты дальнихъ угловъ; то и дѣло раздавалось нетерпѣливое мычанье.

Судья потрепалъ и погладилъ и Краснушку, и Чернушку, и Рыжку, и Золотую, и Буренку, приговаривая при этомъ обычное «ѣшь, пей на здоровье; сегодня сочельникъ!»

Ранди докладывала обществу, какъ и что у нихъ въ хлѣву. Теперь тутъ осталось только пятнадцать коровушекъ... Бычокъ и пять коровъ пошли на убой... А тутъ вотъ стоитъ вожатая корова; даетъ вразъ пять кринокъ... А эта—Краснушка—чуть не подавилась сегодня днемъ картошкой.

— Дальнѣйшая часть церемоніи,—пояснялъ Іессъ при обходѣ:—состоитъ въ томъ, что въ овинѣ ставятъ кашу для домового. Этимъ дѣломъ завѣдуютъ старикъ скотникъ Андерсъ и сама Ранди. Мы же ребятишки никогда не могли проникнуть въ эту мистерію, какъ ни старались подглядѣть!

— Да, кому открыты всѣ тайныя силы природы?—кивнулъ головой судья.

— Глядите!—и Рейнъ внезапно положилъ руку на плечо Іесса.—Что-то сѣрое тамъ!... Глядите... въ воротахъ гумна... Шевелится! Правда? Какъ будто крошечный человѣчекъ возится тамъ... И точно... голубоватый огонекъ надъ нимъ въ сугробѣ... А теперь,—продолжалъ онъ напряженно,—все меньше и меньше... Вотъ и пропало все во мракѣ!

— Да что-жъ это?—спросилъ озадаченный Іессъ.—Въ самомъ дѣлѣ было что-то.

— Пожалуй, самъ домовой!—увѣренно проговорила Барбара.

— О, пустяки! Ничего не было!—усмѣхнулась Меретэ.

— Не было... на этотъ разъ!—сухо подтвердилъ Рейнъ.—Мнѣ просто хотѣлось продѣлать маленькій опытъ—пощупать такихъ в[illegible] горожанъ.

— А, чтобъ васъ!—съ сердцемъ вырвалось у Іесса.—Все однѣ б[illegible]ьи сказки... Но, конечно, если вотъ такъ застанутъ тебя в[illegible]сплохъ!

— Да, вотъ видите, не одна Ранди да Андресъ поддаются этом[illegible]—отвѣтилъ Рейнъ.

Пошучивая и посмѣиваясь, что видѣли домового, компанія заглянула въ конюшню, гдѣ въ стойлахъ топтались и благодушно ржали Фигаро и Карька, отдыхая отъ шестимильной пробѣжки по свѣже выпавшему снѣгу.

Въ столовой на разубранномъ по праздничному столѣ уже ожидала общество рисовая каша.

За столомъ усаживались съ извѣстнымъ выборомъ, — такъ, вѣдь, придется сидѣть «до двадцатаго дня» — конца праздниковъ.

Кашу ѣли при свѣтѣ свѣчей «трехъ царей» съ нѣкоторой осторожностью, въ виду остального предстоящаго сочельничнаго угощенья.

Подали гуся, грудинку и сосиски.

Хозяйка и Маріанна торопливо рѣзали, и блюда съ кушаньями, съ цѣлою свитой подливокъ, маринадъ, варенья, яблокъ, сливъ и проч. обносились кругомъ стола.

Іессъ взялъ на себя графинчикъ съ водкой,—обходилъ гостей, угощалъ всѣхъ и пилъ самъ со старикомъ Геншиномъ; вотъ уже шестнадцать-семнадцать лѣтъ, насколько ему помнится, они празднуютъ сочельникъ вмѣстѣ.

Вотъ запѣнилось въ стаканахъ крѣпкое домашнее пиво, и судья выпилъ первый глотокъ въ честь сочельника изъ массивной серебряной кружки съ портретомъ-медальономъ Фредерика IV на крышкѣ; обыкновенно кружка служила только украшеніемъ стола, а сегодня пошла въ круговую.

— Чудесное пиво, мама!—возвѣстилъ Іессъ и важнымъ тономъ принялся читать вслухъ изреченія, красовавшіяся у черточекъ-дѣленій вмѣстимости кружки:

1. Полезно по утрамъ!
2. Пожалуй заболѣешь!
3. Навѣрно оглупѣешь!
4. Въ погибель и во срамъ!

— Это старинная фамильная вещь. Дѣды наши рано свели знакомство съ кружкой... Понимаешь, Гордеръ?

— Да, засмѣялся судья:—наслѣдовать можно много чего, только не опытъ.

— Ну!—опять началъ Іессъ.—А какія же у васъ планы на счетъ рождественскихъ увеселеній — вечеринокъ, баловъ и т. п. подобнаго, Евфемія, Меретэ, Барбара, Алида? А, впрочемъ, вѣдь, уже невѣста; тебѣ не интересно... Мой будущій зять!— рекомендовалъ онъ Грота Нергору.—Бросилъ науку ради коммиціи, управляетъ отцовскимъ заводомъ.

Молодой блондинъ, щеголявшій тонкимъ бѣльемъ и длиннымъ желтымъ жилетомъ, отозвался на рекомендацію быстрымъ, самоувѣреннымъ кивкомъ, въ которомъ такъ и сквозилъ единственный сынъ и наслѣдникъ. Алида, съ своею обычною прямой и строгою осанкой, сидѣла рядомъ съ нимъ, какъ будто не совсѣмъ весело настроенная.

— И у насъ не будетъ бала на Рождествѣ? — продолжалъ Іессъ.—А если мы заѣзжіе гости съ фрёкенъ Христіаной во главѣ подадимъ петицію судьѣ? Что папа? Устроимъ плясъ здѣсь въ Вангенѣ на третій день праздника? Подумай, Санковичъ за фортепьяно.

— Что вы скажете на это, дѣвочки?—оживленно обратился къ нимъ судья, видимо благосклонно идя на встрѣчу этому предложенію.—Мое дѣло открыть погребъ, а Іессъ пусть заботится объ остальномъ.

Краска бросилась было въ энергичное лицо госпожи Орнингъ; но она сумѣла сдержаться.

— На пятый день, не раньше! — утвердила она.—Нужна маленькая передышка. А завтра послѣ обѣдни молодые люди отправятся въ городъ съ визитами, объѣдутъ всѣхъ и пригласятъ на вечеръ.

— А чудесный гусь прилетѣлъ къ намъ отъ тетушки Ра!... Слѣдуетъ помянуть его хорошимъ глоткомъ, Іессъ! — поспѣшилъ заговорить судья, протягивая сыну стаканъ. — И, насколько я вижу, мы уже покончили съ солидной частью ужина, такъ можно перейти къ дессерту!—заключилъ онъ, свертывая салфетку.

Пока перемѣняли приборы и блюда, можно было сходить въ кухню чокнуться съ людьми за веселое Рождество.

И все общество съ судьей во главѣ отправилось въ кухню.

Весь наличный составъ Вангенскихъ слугъ, человѣкъ девять-десять, возсѣдалъ за длиннымъ столомъ, уставленнымъ праздничными явствами: рисовая каша, рыба, жбанъ съ пивомъ, бутыль съ водкой—были предоставлены въ полное распоряженіе всѣмъ,—ѣшь и пей вволю. Двѣ цѣльныя сальныя свѣчи слабо освѣщали желтоватымъ свѣтомъ увѣсистый кусокъ масла; гора сухихъ овсяныхъ ешекъ и огромный кругъ сыра, которыхъ должно было хватить всѣ праздники, красовались еще въ полной неприкосновенности.

Въ печкѣ трещали и порой оглушительно стрѣляли наваленные ймя сосновые чурбаны; въ свѣтцѣ горѣла лучина; красноватое юмое пламя ея играло на вычищенной, горѣвшей какъ жаръ, чой и оловянной посудѣ на полкахъ.

— Точно попали въ самыя нѣдра земныя къ гномамъ!—вскри-

чалъ Рейнъ.—Пойдемте, іомфру,—шутливо схватилъ онъ за руку Меретэ,—пропляшемъ пляску лѣшихъ!

И онъ, притопывая и приплясывая, вывелъ ее на середину и закружилъ, завертѣлъ, словно волчокъ...

Сгорбленная Ранди, съ крупными рѣзкими чертами лица, сняла нагаръ съ лучины и подозрительно покосилась на черномазаго помощника, который такъ шутилъ съ нечистыми въ самый сочельникъ.

— И я, какъ тролль, скажу, что охотно лизнулъ бы солнышка! — вдругъ сказалъ онъ.— Только... какъ бы не подохнуть отъ этого! — закончилъ онъ, понизивъ голосъ.

Медъ былъ разлитъ по стаканамъ, и судья чокнулся съ каждымъ изъ людей отдѣльно, пожелавъ всякому «счастливаго праздника!»

А теперь пусть принимаются пировать... Андерсъ будетъ хозяиномъ.

— Не забудь, старикъ, жбана съ пивомъ да водочки! Рождество-то всего разъ въ году!—напомнилъ судья людямъ, съ веселыми, довольными лицами обступившимъ столъ и готовымъ приняться за дѣло, какъ только господское привѣтствіе будетъ окончено.

Въ столовой опять принялись за угощеніе, пили медъ, пиво, лакомились печеньями и прочими обильными рождественскими сластями и гостинцами.

Настроеніе все шло въ гору. Мало-по-малу всѣ какъ-то сблизились между собою, благодаря общей бесѣдѣ, въ которой развивались планы и виды на разные вечеринки, балы, прогулки и мирное рождественское времяпрепровожденіе въ домашнемъ кругу.

Послѣ ужина посидѣли, поболтали еще за миской пунша.

Но сдѣланныя въ два дня шестнадцать миль сказались усталостью,—войско изнемогло.

Пуховыя постели такъ и манили къ отдыху, а взорамъ сквозь полусомкнутыя вѣки мерещилось заманчиво-позднее пробужденіе отъ сна, привѣтствуемое трескотней дровъ въ печкѣ и появленіемъ подноса съ кофе и рождественскимъ печеньемъ.

Молодые люди и въ самомъ дѣлѣ потрудились-таки въ п[illegible] лица, объѣздивъ съ визитами весь городъ и развезя приглаше[illegible] и по ту, и по сю сторону рѣки до самой усадьбы Фогта.

Теперь они сидѣли въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, б[illegible] годаря портвейну и мадерѣ, которыми вездѣ приходилось с[illegible]

скивать «веселое Рождество», и сумерничали съ барышнями у огонька печки.

То ярко разгоравшееся, то тускнѣвшее пламя охватывало толстыя сосновыя полѣнья, прыгало и извивалось въ печкѣ, высовывая временами изъ ея отворенной дверцы длинные языки.

Отблескъ пламени ложился прямо на локоть и подбородокъ Алиды; она сидѣла на низенькой скамеечкѣ, уставившись въ огонь и время отъ времени невпопадъ отвѣчала Гроту.

Евфемія красовалась въ полномъ освѣщеніи и, небрежно покачивая ножкой съ высокимъ подъемомъ, перемывала въ компаніи съ Гордеромъ косточки городскимъ знакомымъ, подвергая ихъ своей строгой критикѣ.

Нѣсколько подальше, дружески шушукалась съ Геншиномъ Барбара, а на диванѣ Іессъ и Христіана совсѣмъ ушли въ обдумыванье новой фигуры котильона, которую они собирались ввести на предстоящемъ балу,— дирижировать, конечно, будутъ они сами.

Квигстадъ озлобленно забился въ самый дальній темный уголъ, откуда мучительно подстерегалъ каждый жестъ и слово Алиды жениху.

Нергоръ школьничалъ и шутилъ съ Меретэ.

Маріанна—центръ, съ фланговыми Августинусеномъ и Шмидтомъ—заставляла ихъ занимать себя разсказами о сегодняшнихъ приключеніяхъ и готовящихся въ городѣ, по слухамъ, рождественскихъ увеселеніяхъ.

Дрова почти прогорѣли; Маріанна подошла къ печкѣ, опустилась на колѣни и принялась раздувать уголья, послѣ чего подложила еще нѣсколько полѣньевъ; пламя опять занялось и заиграло.

Но Алидѣ стало черезчуръ жарко, и она отодвинулась вглубь комнаты.

Все какъ-то особенно располагало къ такому сумерничанью, къ тихой задушевной бесѣдѣ парочками, что и высказалъ Гордеръ:

— А славно такъ сумерничать въ уютной, рождественской обстановкѣ!

— Да, а вдругъ кто-нибудь тамъ, среди мрака, прильнулъ къ ну блѣднымъ лицомъ и заглядываетъ въ такую вотъ «уютную» мнату! — неожиданно пробормоталъ Рейнъ.

— Да,— согласился Нергоръ. — Разумѣется, привидѣніямъ и той чертовщинѣ только и бродить въ рождественскія сумерки нибудь тутъ по снѣгу. Въ городѣ имъ уже не житье отъ поли и сторожей. Самому чорту пришлось перекочевать оттуда,— не хотятъ больше вѣрить въ него.

— Вѣрить? — сказалъ Рейнъ.—Вѣрить—значитъ быть убѣжденнымъ въ томъ, чего не видишь... Вѣра—нѣчто воздушное, неосязаемое... Сказать, что вѣришь, значитъ витать въ туманѣ, и сказать, что не вѣришь—то же... Хочешь схватиться—глядь, все и растаяло у тебя въ рукахъ. И тѣмъ не менѣе...

— Ну, вѣрить не значитъ, вѣдь, поддаваться глупымъ предразсудкамъ! Когда вѣришь, имѣешь на то... или, во всякомъ случаѣ, какъ-то ощущаешь... разумныя причины...—пытался выяснить Нергоръ.

— Да, да, объясните-ка, объясните!—иронизировалъ Рейнъ.—Есть семьи, довольно-таки образованныя, въ которыхъ, однако, держатся темныя зловѣщія преданія... Они передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Преданіе о какомъ-нибудь преступленіи, грѣхѣ и т. п., какъ червякъ вгрызается въ сознаніе восходящихъ поколѣній. Всѣ они, пожалуй, предполагаютъ, что не вѣрятъ въ него, но, все-таки, носятъ его въ себѣ, хотя бы въ видѣ мучительнаго вопроса: *я* или *не я* буду искупительною жертвой?

— Глава о наслѣдственномъ умопомѣшательствѣ! — небрежно уронилъ Гордеръ.

— Какъ будто что-то случилось тамъ, въ далекомъ прошломъ рода,—продолжалъ Рейнъ, весь уйдя въ свои мысли.—Заблужденіе, паденіе... Словомъ, былъ преступленъ священный законъ о границахъ, которыя кладетъ, созидая, природа, и масса косвенныхъ послѣдствій прорвала плотину гдѣ-то тамъ, во мракѣ прошлаго...

— Скажите! Точно какое-то дьявольское навожденіе!—вставилъ Нергоръ.

— И вотъ, этотъ поступокъ долженъ быть наказанъ, или если предпочитаете выразиться — уравновѣшенъ,—горячо продолжалъ Рейнъ.—Психологія грѣха—міровая мистерія... Въ какомъ-нибудь поколѣніи, говорятъ, въ седьмомъ, попранный законъ возстаетъ въ *уродѣ*... физическомъ или нравственномъ... Тотъ раждается съ мохнатыми пятнами, какъ бы мѣтками, оставшимися отъ животнаго состоянія... Этотъ съ торчащими изъ спины когтями, словно послѣ схватки... Тотъ съ наклонностью къ галлюцинаціямъ, съ н преодолимою боязнью крови...

— Въ концѣ-концовъ, это чисто медицинскій вопросъ!— пр рвалъ Гордеръ.—Если цѣлыя поколѣнія заквашены на подобны дрожжахъ...

— То, по-вашему, можно и выбить эту закваску? Стоитъ ступить въ такое-то или такое-то заведеніе для умалишенны

гдѣ введена раціональная гимнастика мозга! Гм... бываютъ такія основныя условія...

Въ комнатѣ воцарилась тишина. Даже какъ-то жутко стало.

— Просто гадко! — шепнула Евфемія Гордеру.—Подумаешь, онъ самъ такой вотъ волосатый или съ когтями.

— У! каково-то будетъ той, кому онъ достанется!—качая головой, сказала Барбара Геншину.

— И откуда только выкопалъ отецъ такого мистика себѣ въ помощники!—проговорилъ на ухо Христіанѣ Іессъ.—Сегодня во время визитовъ онъ, впрочемъ, былъ довольно милъ, оживленъ, разговорчивъ.

— Я предлагаю зажечь огонь!—сказала Алида.—Тутъ стало что-то совсѣмъ неуютно.

— А вы, что такъ уставились на тлѣющіе уголья, іомфру Меретэ?—тихо спросилъ Рейнъ.—Или я превратилъ для васъ Божій міръ въ темный чердакъ?—И онъ задумался, подставивъ свою сильную руку подъ отблескъ пламени изъ печки.—Я внушаю вамъ отвращеніе?—вдругъ рѣзко обернулся онъ къ дѣвушкѣ.

Вмѣсто отвѣта она слегка коснулась этой волосатой до самой ладони руки, почти погладила ее.

Что-то заставило ее сдѣлать это, она не могла поступить иначе.

И затѣмъ она выскользнула изъ комнаты.

Къ балу дѣлались большія приготовленія.

Въ кухнѣ командовала и управлялась тётушка Тейанъ, городская повариха, она живала въ дѣвичествѣ экономкой въ большихъ домахъ, а теперь была замужемъ за однимъ изъ мелкихъ пригородныхъ крестьянъ-собственниковъ. Кладовая и чуланчики заполнялись всевозможными тонкими снѣдями, заливными и проч.

Послали лошадь за іомфру Линдъ, единственной на весь округъ спеціалисткой по части искусства убирать голову. Такой руки, такого глаза, какъ у нея, когда она, бывало, слегка склонитъ голову на бокъ и примется навивать букли на палецъ, не было ни у кого другого. Она была изъ хорошей семьи и принята во многихъ домахъ за-просто. Молчать она умѣла какъ могила! За примѣромъ далеко ходить, вотъ хоть бы это. Она знала, что Крафтъ послалъ своей невѣстѣ Оливіи письмо съ отказомъ, и рука у нея такъ ожала, когда она причесывала Оливію къ балу, что пришлось нанять сызнова, три раза и, все-таки, она не проронила ни слова! Оливія въ тотъ же вечеръ на балу и получила отказъ.

Само собой іомфру Линдъ явилась причесывать Вангенскихъ

барышенъ. Но, занятая по горло,—за ней посылали гонца за гонцомъ со всѣхъ сторонъ,—она не могла урвать минутки свободной раньше шести часовъ вечера наканунѣ самого бала.

А утромъ въ самый пятый день ей предстояло причесать всѣхъ дамъ у пастора и оттуда махнуть за двѣ мили къ Фогту, убирать головы Кайѣ и Леттѣ.

Нельзя сказать, чтобы такая заблаговременная уборка головы была особенно удобна, барышнямъ пришлось ради прически провести всю эту ночь сидя на стульяхъ. Ну, да, велика бѣда! Не все равно не спать—что одну, что двѣ ночи ради бала!...

Фортепіано перенесли въ залу. Въ люстру вставили свѣчи, въ бра по стѣнамъ и въ канделябры на трюмо тоже, старые фамильные портреты слабо мерцали со стѣнъ. Полъ съ широкими половицами былъ выскобленъ, вычищенъ и весь лоснился, отполированный шарканьемъ танцоровъ въ длинный рядъ рождественскихъ баловъ. На окнахъ красовались тонкія филейныя гардины.

Насталъ и вечеръ пятаго дня праздниковъ, въ ворота въѣзжалъ экипажъ за экипажемъ—и большія широкія сани, и биткомъ набитые возки и саночки—заворачивали къ крыльцу, освѣщенному двумя фонарями, и гости исчезали въ указанныхъ имъ раздѣвальныхъ комнатахъ, для мужчинъ внизу, для дамъ на верху.

Изъ одного мѣхового мѣшка извлекли и іомфру Би, компаньонку тётушки Ра.

Тётушка находила, что и ей надо погулять на праздникахъ, да и кромѣ того, іомфру Би знала свое дѣло: ея тайной миссіей было наблюдать и подмѣчать все, что будетъ твориться на балу, произвести генеральный смотръ всему городу и собрать, такимъ образомъ, богатый матеріалъ, котораго хватитъ на долю для бесѣдъ въ Рафоссѣ.

На клочкѣ бумажки, переданномъ компаньонкой Маріаннѣ, были набросаны тетушкой еще кое-какіе тонкіе совѣты и соображенія. Пусть Іессъ откроетъ балъ съ Христіаной Гедде. Затѣмъ надо и іомфру Би доставить случай повертѣться немножко съ Августинусеномъ и Шмидтомъ, а то она, чего добраго, еще заснетъ на балу «А ужъ насчетъ тебя, душа моя, не знаю какъ и быть... Вотъ Б разскажетъ мнѣ, авось поможетъ смекнуть».

Дамы постарше усаживались съ чашками чаю въ рукахъ вдол стѣнъ залы. Молодежь мало-по-малу по одиночкѣ и группами вх дила и дефилировала передъ ними съ такимъ чувствомъ, точно прогоняли сквозь строй. На обоихъ концахъ залы образовали

тоже живыя шпалеры—одна темная изъ кавалеровъ, другая свѣтлая, пестрая изъ дамъ.

Первыя минуты пошли на спокойное обозрѣваніе и взаимное разсматриваніе.

Да, видно, что іомфру Линдъ успѣла также побывать повсюду: что ни головка,—то шедевръ куафёрскаго искусства.

Горничная Инге удачно прокладывала себѣ путь, обнося гостей чаемъ на подносѣ, а за нею въ фарватерѣ держались Маріанна и Меретэ съ булками и разными печеньями.

— Этотъ вотъ... съ жиденькими волосами, — съ живостью толкнула Маріанну Тея Гренбекъ,—и есть кандидатъ Нергоръ, который слыветъ такимъ умницей? Оно и видно, отъ думанья всѣ волосы повылѣзли... Ахъ, знать бы только заранѣе, что онъ скажетъ, если...—вдругъ бухнула она.

— А тотъ маленькій брюнетикъ?—опять тормошила она Маріанну, немного погодя.—Это Гордеръ, медикъ?... Только бы не перепутать ихъ!—смущалась она, уже чувствуя приступъ бальной лихорадки.

— Да онъ почти красавецъ вашъ новый помощникъ, Евфемія! Раньше я видѣла его лишь мелькомъ!—высказалась Іоганна Зоммерфельдъ, очнувшись отъ долгаго созерцанія Рейна.

— Да, наружность ничего себѣ... особенно когда принаряжается!—согласилась Евфемія.—Но будь осторожнѣй съ нимъ, онъ ни на кого не смотритъ, выражается иной разъ такъ, что мы просто боимся его... Правда, Маріанна?

— За то *я* ни въ комъ не увѣрена такъ, какъ въ немъ!—улыбнулась про себя Меретэ, обходя гостей съ печеньемъ.

— Да, говорятъ, онъ такой странный,—продолжала Іоганна:—Чудакъ, непосѣда, нелюдимъ, все бродитъ одинъ... Можетъ быть, у него какое-нибудь горе, несчастная любовь?...

Меретэ вскинула глазами съ быстротою молніи... и застыла на мѣстѣ съ своимъ подносомъ, углубившись въ думы.

Ей было такъ больно. Точно стѣна обрушилась передъ ней... все въ залѣ потускнѣло.

Пытливо прищуренные глазки Маріанны заставили ее очнуться...

А немного поодаль стояла Христіана Гедде, стройная, высокая, головой выше другихъ, вся въ голубомъ, и жестомъ увѣренной въ себѣ столичной барышни натягивала за локоть длинныя шелковыя перчатки, готовясь открыть балъ съ хозяйскимъ сыномъ.

Раздались звуки фортепьяно и потянулся полонезъ; пары вы-

ступали нѣсколько осторожно и чопорно, вытянувшись въ струнку,—молодежь еще не освободилась отъ сжимавшаго сердце предбальнаго трепета. Но вотъ, Санковичъ разразился бурнымъ вальсомъ; пара за парой, отрываясь отъ цѣпи, уносилась въ вихрѣ танца, и скоро вся середина залы представила одно колышащееся, вращающееся кольцо.

Приглашенные молодые люди отбывали болѣе или менѣе охотно обязательные туры со всѣми знакомыми барышнями.

Госпожа Орнингъ слѣдила за всѣмъ зоркимъ окомъ. Квигстаду, Шмидту и Августинусену она уже поставила на видъ, чтобы они занялись тѣми барышнями, которыя остаются сидѣть безъ кавалеровъ.

Но этотъ Рейнъ! Къ числу прочихъ безцеремонностей съ его стороны прибавилась еще одна: ему неугодно было танцовать, хотя, конечно, онъ умѣлъ отлично. Онъ, впрочемъ, соблаговолилъ быть нѣсколько полезнымъ, переходя съ разговоромъ отъ одной пожилой дамы къ другой. Гм... хозяйкѣ еще памятенъ былъ комплиментъ, который онъ разъ преподнесъ ей: «Меня интересуютъ въ сущности только старухи! Онѣ пожили, отъ нихъ можно кое-что узнать».

Судья временами вдругъ появлялся у фортепьяно и то самъ наигрывалъ отрывокъ какого-нибудь бойкаго стариннаго танца, который расшевеливалъ танцующихъ, то предлагалъ сыграть что-нибудь такое Санковичу.

Теперь онъ стоялъ и оглядывалъ залу...

Квигстадъ положительно блисталъ сегодня. Танцовалъ превосходно, напрактиковался на всевозможныхъ балахъ да свадьбахъ. Какъ непринужденно подходитъ онъ приглашать! А теперь какъ завертѣлъ волчкомъ красавицу Валерію Борнеманъ, которая гоститъ у майора!... Довольно замѣчательно, однако, что онъ все лавируетъ вокругъ Алиды съ женихомъ.

Право, молодецъ что-то какъ будто странно ведетъ себя. Точно онъ выпилъ!... А теперь! Поглядѣть только, съ какой изысканной галантностью и апломбомъ ведетъ онъ свою даму на мѣсто! Нѣсколько претенціозно, конечно, со стороны какого-то конторщика, но разъ это выходитъ у него такъ чертовски красиво...

Передъ нимъ такъ и мелькали въ вихрѣ вальса дамскія головки съ завитушками, буклями, взбитыми кверху волосами, гребенками на затылкѣ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Лица оживились, раскраснѣлись. Сердца шибко стучали, на глаза пала волшебная дымка иллюзіи...

Танцы слѣдовали за танцами, а вдоль стѣнъ въ это время шли оживленные разговоры.

Но вотъ Маріанна и Алида пришли шепнуть матери, что столъ накрытъ, и, къ досадѣ молодежи, но къ вящему удовольствію пожилыхъ, танцы были прерваны, чтобы идти къ ужину.

Первая глава занимательнаго романа кончилась; продолженіе впереди!

Скоро и за большимъ, обильно уставленнымъ яствами, подковообразнымъ столомъ и за приставными закипѣло шумное оживленіе.

Ѣли, пили, говорили рѣчи, провозглашали тосты, пѣли обычныя застольныя пѣсни, и аппетитъ и оживленіе все росли.

Инге и еще двѣ служанки вносили изъ кухни блюда за блюдами, а хозяйскія дочери обходили и угощали гостей, шутили, просили, настаивали, рекомендовали подъ шумокъ капитану Бухвальду, большому лакомкѣ, лучшіе кусочки, сами выбирали что повкуснѣе для старика пастора, чокались и пили то съ тѣмъ, то съ другимъ подъ звуки старинной пѣсни.

Присѣвъ на минутку за одинъ изъ приставныхъ столовъ, Маріанна шутливо обратилась къ своему сосѣду Рейну:

— Знаете, вы сегодня покоряете сердца! Старуха Паусъ и майорша совсѣмъ безъ ума отъ васъ. Поздравляютъ маму съ такимъ милымъ новымъ помощникомъ!—И она тихо прибавила:—Я и думаю, что вы за сложная натура... Надъ вами поломаешь да поломаешь голову... Да, я сознаюсь, много размышляла о васъ...

— И что же, по-вашему, якорь все больше и больше увязаетъ въ тинѣ?—засмѣялся Рейнъ.

— Не угорь ли, скорѣе, возится тамъ?—отшутилась Маріанна,—котораго никогда не поймаешь!... Сегодня вы сумѣли увернуться отъ танцевъ, хотя я увѣрена, что вы опытный, бывалый танцоръ и кавалеръ!

— Почему вы знаете, іомфру?

— О, стоитъ взглянуть, какъ вы ходите, садитесь, вступаете съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ... Ну, вотъ я опять ловко попалась!—смѣясь спохватилась она.—Вы, пожалуй, еще вообразите, что я намекаю вамъ на вашу обязанность пройтись по туру съ хозяйскими дочками!... О, съ вами опасно имѣть дѣло! Не знаешь, съ какой стороны и подступиться!

— Знаете что, іомфру Маріанна?—улыбнулся Рейнъ.—Въ васъ съ вами сидятъ разные звѣрки. Въ васъ кошка, во мнѣ сова; ну, и понятно!—и онъ сдѣлалъ соотвѣтствующій жестъ.

— Ахъ, какъ это любезно!

— Но, все-таки, намъ можно, я полагаю, — и онъ галантно поднялъ свой стаканъ:—сознавая разницу своихъ натуръ, жить въ мирѣ, хотя бы и пофыркивая время отъ времени другъ на друга!

— Какъ Аяксъ и Киска, что ли?— прозвучало уже нѣсколько натянуто въ отвѣтъ; затѣмъ Маріанна кивнула ему и встала, чтобы заняться только-что принесеннымъ крэмомъ, съ которымъ Ингe, повидимому, не знала что дѣлать.

Пѣніе и питье шло своимъ чередомъ; слышался шумъ передвигаемыхъ и отодвигаемыхъ стульевъ,—одни изъ гостей хотѣли удобнѣе бесѣдовать съ сосѣдями, другіе вставали и шли на-встрѣчу желавшимъ чокнуться съ ними.

Евфемія окружила себя за дессертомъ тремя кавалерами, которые услуживали ей и тянулись за ней довольно неудобнымъ хвостомъ, когда и ей приходилось принять участіе въ хлопотахъ, въ качествѣ одной изъ хозяекъ.

Барбара, наконецъ, сѣла... Пора было и ей отвѣдать всѣхъ этихъ лакомыхъ вещей; другіе уже заканчивали ужинать и переходили изъ столовой въ залу.

— Надо и вамъ покушать этого гуся съ бѣлой подливкой, Геншинъ! Рекомендую!—сказала она, прожевывая кусокъ, и матерински-заботливо наполнила его тарелку. — И мы можемъ позволить себѣ посидѣть тутъ спокойно и покушать всласть; по мнѣ пусть себѣ пропущу танецъ-другой.

Она подтянула свой стулъ къ столу, чтобъ очистить путь потоку, который хлынулъ на верхъ изъ столовой, и усѣлась поудобнѣе...

Майоръ и капитанъ Бухвальдъ все еще сидѣли, повернувъ стулья къ столу бокомъ, и спорили объ измѣнѣ Гакстгаузена въ 1814 году.

Меретэ весь вечеръ ходила какъ въ забытьи; у нея не шли изъ головы слова Іоганны Зоммерфельдъ: «Можетъ быть, у него какое-нибудь горе, несчастная любовь?»

А въ ушахъ у нея все звенѣло сказанное ей однажды Рейномъ: «Никогда у меня не было никого, съ кѣмъ бы отвести душу, поговорить, и никогда не будетъ!»

И много, много чего еще страннаго всплывало у нея въ памят

Вѣчно это полуозлобленное, полугрустное выраженіе лица!

И вдругъ онъ словно выросъ передъ нею въ коридорѣ, ка будто поджидалъ ее... и глядѣлъ, глядѣлъ на нее такимъ удив тельнымъ взглядомъ.

Сердце застучало и вдругъ замерло въ груди... голова закружилась...

Господи! Что, если все-таки...

Онъ взялъ обѣ ея руки и смотрѣлъ на нее, слегка отведя отъ себя.

— Какая вы славная сегодня, Меретэ... Точно клонитесь подъ наплывомъ думъ... Я слѣдилъ за вами весь вечеръ... Изнывающей отъ жажды душѣ хочется хоть пригубить изъ чаши жизни! —тоскливо зазвучалъ его голосъ.— Воображаешь... рисуешь себѣ... У человѣка бываютъ, вѣдь, мечты?... Положите на минутку свою бѣленькую ручку мнѣ на лобъ, іомфру Меретэ!...— вдругъ страстно вырвалось у него, въ окружавшемъ ихъ полумракѣ.— Я и буду чувствовать ее всю жизнь!... Въ одномъ вашемъ башмачкѣ больше счастья, чѣмъ... Я такъ бѣденъ, такъ бѣденъ!...

Къ дверямъ приближались, громко разговаривая, майоръ съ капитаномъ, и Рейнъ круто оборвалъ:

— Ну, теперь принцессѣ пора въ свое царство!...

Судья расхаживалъ по залѣ, лобъ у него пошелъ красноватыми пятнами, настроеніе было самое порхающее.

— Менуэтъ, менуэтъ, Санковичъ! — молодцевато прокричалъ онъ. — Менуэтъ! Я самъ буду дирижировать! И нельзя ли уступить мнѣ Алиду, Гротъ? Она мастерица!...

Изъ-подъ пальцевъ Санковича полились задушевные звуки.

Танцующіе расположились парами.

И вотъ, кавалеры и дамы плавно задвигались въ тактъ музыки, позируя другъ передъ другомъ, присѣдая, поднимаясь на цыпочки, выдѣлывая граціозныя, эластичныя па, поклоны и реверансы,—дамы, широко распространяя при этомъ платья,—и мало-по-малу переходя подъ звуки музыки въ міръ грезъ...

Во главѣ колышащейся колонны былъ судья въ высокомъ бѣломъ галстукѣ и съ блестящей булавкой въ жабо.

Выдѣлялись изъ толпы танцующихъ и статныя граціозныя фигуры Алиды и Маріанны въ шелковыхъ платьяхъ — одна въ голубомъ, другая въ красномъ—съ черными каймами à la grec, буфчатыми рукавами и кушаками подъ самою грудью; мягкія складки атьевъ спадали только до подъема, такъ что ножки въ остроконыхъ, на высокихъ каблукахъ, башмачкахъ-сандаліяхъ были в на виду.

Хозяйка дома, пасторша и майорша смотрѣли, какъ ихъ незабтныя со дней юности шелковыя парадныя платья развѣвались и лестѣли на новомъ поколѣніи, сердечки котораго стучали такъ

же, какъ и у стараго въ свое время, даромъ что языкъ сталъ немножко другимъ.

Младшія дочери, Евфемія и Меретэ, какъ и подобаетъ молоденькимъ дѣвушкамъ, порхали въ легкихъ свѣтлыхъ кисейныхъ платьицахъ.

Меретэ двигалась какъ очарованная, во снѣ... Звуки музыки точно подхватывали ее и несли... Въ груди у нея пѣло.

А взглядъ Рейна, упорный, горячій, все время такъ и жегъ ее.

Въ дверяхъ комнаты, переполненной клубами табачнаго дыма и карточными столами, скучились болѣе или менѣе лысыя, сѣдыя и бѣлыя какъ лунь головы пастора, майора, старика адвоката Поппе и Фогта. Они побросали карты, заслышавъ менуэтъ, исполняемый Санковичемъ; звуки порхали вокругъ нихъ роемъ старыхъ воспоминаній.

Вотъ и конецъ! Санковичъ перешелъ въ кадриль-монстръ.

Тутъ пришлось выступить въ пары и пастору, и майору, и адвокату, и Фогту, и прочимъ съ хозяйкой, пасторшей, майоршей и съ другими солидными барынями.

И вотъ пошли смѣняться кадриль, фанданго, богемскій вальсъ съ хлопаньемъ въ ладоши, англэзъ, краковякъ и «выходной» танецъ...

Старики, разъ ужъ пошли, держались на бальной аренѣ стойко, подкрѣпляемые глинтвейномъ хозяйки и знаменитымъ несравненнымъ пуншемъ хозяина.

Подъ утро молодежь разбилась вокругъ залы парочками для котильона; смѣняющіяся фигуры вырывали изъ круга то одного, то другую, но затѣмъ облюбовавшіе другъ друга молодые люди сидѣли рядышкомъ.

Главную роль играли Іессъ и Христіана Гедде со своими новыми фигурами, изобрѣтенными на балахъ въ столицѣ.

Вотъ, посреди залы заблистала въ «фигурѣ съ цвѣтами» Евфемія, а передъ ней широкоплечій, приземистый Гордеръ въ очкахъ и высокій, жидковолосый Нергоръ. Съ миной королевы она протянула первому кольцо, второму — цвѣтокъ, а кадетикъ Паусъ удостоился лишь носового платка. Евфемія въ одномъ изъ двухъ старшихъ кавалеровъ видѣла будущаго профессора, во второмъ — будущаго члена суда, а пожалуй—и статскаго совѣтника.

Ангажировали на этотъ разъ, наоборотъ, дамы, а не кавалеры. Маріанна пригласила Грота... и, пройдясь съ нимъ туръ, осталась сидѣть съ нимъ, увлекшись интересною бесѣдой о новыхъ плачахъ и способѣ отливки металловъ, которые онъ хотѣлъ ввести

своемъ заводѣ, а также о разныхъ другихъ его планахъ. Алида танцовала съ другимъ кавалеромъ.

Санковичъ, несмотря на надвигавшееся утро, игралъ неустанно, время отъ времени машинально укрѣпляя себя въ этомъ полусонномъ, полубодрственномъ состояніи глотками изъ стакана, который постоянно доливали; пробуждался и встряхивался онъ, только заслышавъ хлопанье въ ладоши и приглашеніе къ новому танцу—вальсу или экоссезу.

А въ углу подавляла въ себѣ зѣвокъ за зѣвкомъ іомфру Би, впадала въ дремоту, поникала головой и вдругъ вздрагивала и опять выпрямлялась...

Благодаря заботамъ Маріанны, она повертѣлась немножко въ котильонѣ и теперь сидѣла со спокойною совѣстью, сознавая, что выкачала изъ іомфру Могельтендеръ, жившей у Шольдагеровъ, все, что только было возможно.

Донесшійся до нея наискось изъ дверей ароматъ кофе и печеній заставилъ ее энергично встрепенуться и оживиться.

Это была послѣдняя вспышка потухавшаго праздника.

Послѣ двухъ-трехъ чашекъ кофе, госпожа Паусъ стала сзывать дочерей Кайю и Летту, доказывая, что пора и честь знать,—имъ предстоялъ самый дальній путь, пробило уже шесть, и имъ дай Богъ добраться до дому къ девяти.

Нѣмымъ отвѣтомъ были умоляющія мины и кивки въ сторону танцующихъ, которые, перебивъ сонъ, все еще кружились подъ непрерывную, хоть и отзывавшуюся уже нѣкоторой усталостью, игру Санковича.

Но тутъ вмѣшалась въ дѣло пасторша, которая самолично и отправилась къ дирижору, и Іессу волей-неволей пришлось бить въ ладоши къ отступленію и закончить котильонъ.

— Вы въ столицѣ, безъ сомнѣнія, не привыкли кончать балы такъ рано?—любезно сказала пасторша Христіанѣ.

Мѣсяцъ бросалъ на снѣгъ слабый отблескъ; къ крыльцу, звеня бубенчиками, подъѣзжали сани и возки подъ окрики и предостереженія кучеровъ, которые получили въ людской обильное угощеніе и еще по стаканчику на дорогу.

Комнаты наполнялись закутанными въ дорогу фигурами; всѣ ери стояли настежь.

Мужчины, въ ожиданіи, пока дамъ ихъ окончательно запаютъ въ путь, опять очутились въ столовой, гдѣ ихъ угощали осошкомъ на дорожку», расточая другъ другу послѣднія серные пожеланія.

Блѣдный, охрипшій, съ нетвердой поступью, Квигстадъ такъ и сыпалъ остротами и фамильярными замѣчаніями...

— Теперь мы мертвецки напоили нашу совѣсть, по крайней мѣрѣ, на трое сутокъ!—чокнулся онъ съ добродушной беззастѣнчивостью съ адвокатомъ Поппе:—И можемъ спать съ миромъ, не мучась проклятыми тайными голосами... Такъ, адвокатъ?...

А когда Кайя Паусъ просунула въ дверь головку въ капорѣ и кивнула жениху, кривоногому управляющему лѣсопильнымъ заводомъ, Квигстадъ довольно громко сказалъ:

— Вотъ что значитъ схватить тѣнь вмѣсто «предмета»!

Вдругъ онъ встрѣтилъ серьезный взглядъ Алиды и рѣшительнымъ жестомъ отодвинулъ отъ себя только-что вновь налитый стаканъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Не буду больше! Простите, простите, іомфру Алида!... Но... когда человѣка... мучали, терзали всю ночь напролетъ!—заикался онъ.

Уже занимался сѣренькій день, когда послѣдній колокольчикъ прозвенѣлъ за воротами.

Празднованье праздниковъ все продолжалось, и Гордеръ потерялъ даже счетъ днямъ; только обѣды да балы еще и служили ему вѣхами, отмѣчающими время; часы заводить онъ забывалъ, возвращаясь домой на зарѣ.

Гостепріимство распахнуло всѣ двери, открыло всѣ шлюзы, и размахъ и полнота его скоро были испытаны по всему городу, во всѣхъ домахъ; оно сказывалось на обѣдахъ числомъ закормленныхъ и напоенныхъ до упада; пили, пѣли и веселились до изнеможенія. Частенько то тотъ, то другой изъ столичныхъ друзей Іесса, приходя въ себя на морозномъ воздухѣ въ саняхъ или уже дома въ постели, не помнилъ, какъ собственно выбрался изъ гостей.

Канунъ Крещенья подкрался какъ-то незамѣтно; черезъ недѣлю и «двадцатый» день, конецъ вакаціямъ,— надо будетъ разъѣзжаться!

Малый срокъ настоятельно побуждалъ не откладывать дальше давно проектированнаго посѣщенія тетушки Ра.

Утромъ въ этотъ день Іессъ предсталъ передъ обществомъ в старинномъ платьѣ съ фижмами, которое онъ отыскалъ въ одно изъ шкафовъ на чердакѣ. Онъ и подалъ мысль отправиться къ т тушкѣ ряжеными.

Въ Рафоссъ послали мальчишку съ извѣщеніемъ, что благоро ные господа будутъ имѣть честь представиться тетушкѣ послѣ обѣ

Началось исканье, рытье, перетряхиванье стараго хлама въ забытыхъ сундукахъ, шкафахъ и чемоданахъ на чердакѣ.

Пришлось нанюхаться пыли, за то хлопоты были вознаграждены.

Къ обѣду всѣ собрались въ самыхъ разнообразныхъ одѣяніяхъ. Гротъ—въ красномъ мундирѣ датскаго полковника-кавалериста въ ботфортахъ, при саблѣ и напудренномъ парикѣ съ косичкой. Нергоръ—въ костюмѣ à la Робеспьеръ: въ гофрированномъ жабо, въ коротвихъ панталонахъ до колѣнъ, чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Гордеръ явился знаменитымъ разбойникомъ Ринальдо-Ринальдини, въ плащѣ съ привязною бородой и въ широкополой шляпѣ, надвинутой на брови.

Геншинъ и Шмидтъ изображали старый и новый годъ, первый, съ огромною бородой изъ мха и лишаевъ, второй—въ забавной маскѣ съ юношески-румяными щеками и любопытно вздернутымъ носомъ.

Іессъ нарядился почтеннымъ старшиной или «королемъ нищихъ»; на немъ былъ старый широкій сюртукъ съ блестящими пуговицами, въ рукахъ красовалась подобающая его сану трость, а на затылкѣ высокая шляпа. Рейнъ былъ трубочистомъ, весь черный, съ лѣстницей, метлой и черпакомъ за плечами.

Дамы выступали въ болѣе или менѣе высоко взбитыхъ напудренныхъ парикахъ, въ корсажахъ со шнипами, въ юбкахъ на китовомъ усѣ, или въ широчайшихъ фижмахъ.

Квигстадъ и не бывалъ дома съ самаго бала. Всѣ знали, что онъ опять отбился отъ рукъ, кружилъ по всему городу и гулялъ на-пропалую.

Компанія двинулась въ путь послѣ обѣда. Гротъ повезъ Маріанну въ своихъ саночкахъ на горячемъ ворономъ... Съ такимъ спутникомъ она могла быть спокойной. А то упаси Боже довѣриться такимъ вѣтрогонамъ, какъ эти столичные гости.

Алида рѣшила остаться дома, чтобы немножко помузицировать съ отцомъ. Санковичъ уже уѣхалъ, такъ что для судьи въ эту праздничную сутолоку насталъ нѣкоторый постъ по части музыки.

Санковичъ на прощанье высказалъ, что время въ Вангенѣ пролѣло какъ блаженный сонъ. Оставилъ онъ гостепріимный кровъ
ногъ до головы одѣтый въ платье частью съ плеча судьи,
тью съ плеча Іесса. А утромъ, передъ уходомъ, онъ еще побылъ въ спальнѣ у судьи и по обычаю получилъ нѣкоторую сум-
никто никогда не зналъ—сколько.

Іессъ и Христіана умчались подъ звонъ бубенчиковъ въ пар-

ныхъ санкахъ, Гордеръ съ Евфеміей—въ другихъ. Остальные шестеро съ хохотомъ и шутками старались размѣститься въ большомъ четырехмѣстномъ возкѣ.

Рейнъ выступалъ по снѣгу такимъ элегантнымъ и бравымъ трубочистомъ.

Его лѣстница и метла требовали мѣста, поэтому онъ настаивалъ, что только іомфру Меретэ—она была вдвое тоньше Барбары съ ея фижмами—и могла умѣститься рядомъ съ нимъ.

Алида въ раздумьи стояла у окна въ коридорѣ наверху и смотрѣла вслѣдъ веселому поѣзду. Выраженіе ея лица становилось все жестче, губы сжались вплотную.

И сани давнымъ-давно скрылись изъ вида, а она все стояла и машинально оттаивала дыханьемъ замерзшее стекло.

Судья воспользовался послѣобѣденною тишиной и свободой въ домѣ для возобновленія обыденныхъ своихъ хозяйственныхъ занятій. Мурлыча про себя, съ соломинкой во рту, онъ обошелъ дворъ, заглянулъ въ конюшню и въ хлѣвъ, въ дровяной сарай, въ экипажный и углубился въ серьезную бесѣду съ Ларсомъ о доставкѣ на лѣсопильный заводъ бревенъ изъ лѣса. Слѣдовало воспользоваться хорошимъ саннымъ путемъ тотчасъ же, какъ праздники покончатся.

Госпожа Орнингъ расположилась въ семейной комнатѣ въ креслѣ съ романомъ Вальтеръ Скотта и вязаньемъ. Книга лежала передъ нею на столикѣ, на которомъ горѣла и свѣчка. Читая, она переворачивала листы вязальною спицей; чтеніе и вязанье шли рука объ руку подъ аккомпаниментъ игры Алиды на фортепьяно въ темномъ углу.

Когда въ коридорѣ послышались шаги отца, Алида зажгла на фортепьяно свѣчи.

— Уфъ!—вздохнулъ судья, потирая съ холода руки.—Славно, наконецъ, что выдался такой спокойный вечерокъ!... Ты играла «Оберона»? Звуки рога такъ и пробиваются сквозь всѣ варіаціи... Много славныхъ мелодій, навѣрно, было прежде положено на рогъ... Играли на охотѣ или съ городскихъ стѣнъ. У насъ веселый рогъ не въ ходу; вмѣсто него заунывный глухой пастушій рожокъ!... думаю заняться сегодня «Обероном»!

И нотные листы переворачивались одинъ за другимъ весь вечеръ. Судья откладывалъ скрипку, только чтобы прихлебнуть изъ чашки чаю.

Вдругъ Алида оборвала игру, точно ее разбудили отъ сна.

— Квигстадъ желаетъ поговорить съ судьей!—раздалось изъ дверей.

— Квигстадъ!—воскликнулъ судья и глубоко вздохнулъ раза два...—Уфъ! Ну задамъ же я ему, выскажу все, что онъ и самъ знаетъ!

Алида порывисто отошла отъ фортепьяно и все время, пока отца не было, стояла, держась за спинку стула, и напряженно прислушивалась.

— Чортъ, а не парень!—вошелъ судья:—онъ просто искушаетъ боговъ! Накутился и является какъ разъ наканунѣ Крещенья съ намѣреніемъ обревизовать контору и въ одну недѣлю покончить со всѣми новогодними отчетами ленсмановъ... И тому подобныя и тому подобныя чудеса.

Алида поспѣшно скрылась.

Квигстадъ уже вышелъ на крыльцо, чтобы направиться на свое обычное мѣсто въ контору, какъ вдругъ дверь изъ сѣней распахнулась.

— Квигстадъ!—позвалъ его кто-то тихо сзади.

Онъ быстро обернулся,—голосъ Алиды.

— Квигстадъ!—раздалось опять, и глаза Алиды впились въ него въ вечерней полутьмѣ.—Я вѣрю въ ваши чудеса!—услышалъ онъ страстный шепотъ.

— Іомфру Алида!—и Квигстадъ взмахнулъ руками, словно стараясь сохранить равновѣсіе и не скатиться со ступеней внизъ.—Нѣтъ... постойте! Дайте мнѣ понять васъ... Ахъ, да! Вы насчетъ моихъ занятій въ конторѣ... Да, да я постараюсь исправиться.

— Нѣтъ, Квигстадъ! *Я*, *я* жду отъ васъ... чуда!—отозвалась она почти неслышно и безъ оглядки кинулась къ двери, распахнула ее и исчезла.

Поздно вечеромъ бубенчики возвѣстили о возвращеніи ряженыхъ; раздѣванье шло подъ громкій смѣхъ и говоръ.

Іессъ былъ въ радужномъ настроеніи; въ головѣ у него шумѣло, и онъ два раза покусился прямо снести закутанную Христіану наверхъ на рукахъ, пока наконецъ не удовольствовался тѣмъ, что
лъ ее по лѣстницѣ, слегка поддерживая. Въ своемъ блаженномъ настроеніи онъ чуть не сдѣлалъ ей предложенія въ саняхъ.
тушка Ра имѣла съ нимъ интимную конференцію у себя въ
льнѣ и высказала ему, какая гладкая открылась бы передъ нимъ
ога—съ его-то пріятною наружностью, способностями и связя-
олибъ онъ только чуточку постарался, сдалъ, наконецъ, го-
твенный экзаменъ! Затѣмъ она возложила на него непре-

мѣнную миссію побывать у полковника Гедде съ поклономъ отъ нея, а также высказать ему и женѣ его, какъ понравилась тетушкѣ ихъ милая дочка Христіана, которая такъ умѣетъ держать себя, такъ изящна, любезна и деликатна.

Итогъ бесѣды выразился въ стоталерной *) бумажкѣ на покрытіе возможныхъ долговъ Іесса и вообще на поправку обстоятельствъ.

Словомъ, тетушка Ра была въ отличномъ расположеніи духа и очень довольна посѣщеніемъ такихъ знатныхъ гостей. Она съ любопытствомъ разсматривала и узнавала надѣтыя на дамахъ платья.

— Вотъ это бабушкино... А это такъ даже прабабушкино!...

Христіана сразу завоевала ея высшее благоволеніе, и она даже заставила дѣвушку показаться въ ярко-желтомъ платьѣ, въ которомъ сама тетушка присутствовала съ своимъ супругомъ-президентомъ на коронованіи...

Любуясь Христіаной, старушка то и дѣло горячо теребила Маріанну за руку и шептала:

— Вотъ это, я вижу, какъ разъ по Іессу!... Съ нею онъ выбьется на дорогу!...

Іомфру Би обильно угощала праздничными яствами, и было уже поздновато, когда гости собрались, наконецъ, въ обратный путь.

Гротъ въ своемъ красномъ мундирѣ помогалъ Маріаннѣ раскутаться. Она какъ-то все еще въ себя прійти не могла отъ того, что такъ скоро очутилась дома.

— Я и не замѣтила за разговоромъ, какъ пролетѣло время!— заявила она, дѣлая своему кавалеру глубокій реверансъ въ стилѣ костюма.

А въ полутьмѣ сѣней Барбара въ своихъ фижмахъ помогала усталому старому году освободиться отъ бороды изъ мха, весь обильный запасъ котораго она отправила, затѣмъ, въ дровяной ящикъ.

Рано утромъ, еще задолго до зари, рождественскіе гости умчались по морозцу и хрустящему снѣжку.

Къ снабженію ихъ продовольствіемъ отнеслись съ особен. ю заботливостью; сумки и ранцы были биткомъ набиты разны. и лакомыми бутербродами, карманныя фляжки налиты водкою и -стойками. Само собою не были забыты и деревенскіе гости ы для полковника Гедде и хозяевъ Іесса.

---

*) Сто рублей.

Прощанье прошло частью въ слезахъ, частью въ шуткахъ и смѣхѣ; наконецъ, всѣ были запакованы въ дорогу, какъ слѣдуетъ, и Ларсъ, сидѣвшій на облучкѣ первыхъ саней, щелкнулъ бичомъ...

Хозяева стояли и прислушивались, пока бубенчики совсѣмъ не замерли вдали.

— Да, пожили-таки мы въ вихрѣ!— сказалъ Рейнъ Меретэ.— Теперь надо глядѣть въ оба, какъ бы не завертѣться въ конецъ!— докончилъ онъ угрюмо.

— Я такъ рада буднямъ... рада каждому дню!—не совладѣла съ собою Меретэ.

— Да, потому и надо положить конецъ!—пробормоталъ онъ про себя.—Нельзя смущать жизнерадостности такихъ дѣвочекъ!...

— Я вовсе не такой ужъ ребенокъ, которому бы все только играть да плясать!—горячо возразила она.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я и вижу!...—опять точно про себя проговорилъ онъ.—Бѣдняжка вы Меретэ, что пріобрѣли такого друга, какъ я!

Будни, съ праздничными занятіями, съ будничнымъ столомъ, снова вступили въ свои права.

Поздніе завтраки съ солониной, ветчиной, холодной жареной птицей и прочими яствами и питіями, вродѣ пива и водочки, уступили мѣсто обычному подносу съ чашками кофе и бутербродами, которые разносились по комнатамъ въ восемь часовъ утра.

Шмидтъ возобновилъ отправленіе своихъ обязанностей младшаго конторщика тѣмъ, что вычистилъ и заново налилъ всѣ чернильницы.

Въ передней комнатѣ конторы снова заскрипѣли перья и стулья.

Среди служащихъ царили свойственныя началу занятій сосредоточенность и тишина, прерываемыя лишь отдѣльнымъ кашлемъ или кряканьемъ.

Въ одиннадцать часовъ утра судья задумчиво шагалъ взадъ и впередъ по задней комнатѣ конторы.

Да, дѣла принимали серьезный оборотъ. Ударъ за ударомъ, такъ сказать.

Сегодня утромъ Рейнъ вдругъ объявилъ ему, что непредвиденныя обстоятельства вынуждаютъ его возможно скорѣе оставить должность помощника судьи.

То-есть такъ некстати, такъ некстати, какъ только возмож-

но! Только-что успѣлъ освоиться съ конторскими дѣлами—и теперь, вотъ, извольте отыскивать и пріучать новаго!... Да мало этого! Явился Геншинъ... тихо, осторожно... Топтался, топтался на мѣстѣ, глядя въ полъ, тяжело вздыхая и покачивая головой, прежде чѣмъ заговорить, и, наконецъ, сжавъ губы такъ, что щеки оттопырились, и покраснѣвъ до корней волосъ въ бородѣ, выговорилъ, что получилъ мѣсто ленсмана и осмѣливается почтительнѣйше просить судью и госпожу Орнингъ согласиться отдать ему руку ихъ пріемной дочери Барбары! Конечно, зная его положеніе и года, почти пятьдесятъ, можно подумать, что онъ заносится немножко высоко, но... голосъ сердца...

— Да, тяжело! Даже какъ-то неестественно!—бормоталъ про себя судья, останавливаясь и поглядывая въ окно на сѣренькій зимній пейзажъ, словно ища тамъ подтвержденія безотрадности жизни.

«Ей уже стукнуло тридцать лѣтъ, и вотъ она кидается въ объятья человѣка двадцатью годами старше... почти старикашки... Ужасно рѣшительный шагъ!... Въ концѣ концовъ, пожалуй, тетушка окажется права!—И судья въ волненіи бросился на обитый кожей стулъ.—Въ концѣ концовъ все это моя вина... Зачѣмъ не былъ честолюбивѣе, требовательнѣе... Проклятая скрипка съ ея сатанинскимъ очарованіемъ!...

«Лучше быть несчастной въ замужствѣ, чѣмъ остаться старою дѣвой,—разсуждала Барбара.—Лучше, чѣмъ такъ и завянуть, засохнуть... Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего!...» Бѣдняжка смиренно рѣшилась, наконецъ, поступиться золотыми грезами юности, смѣнять ихъ на сутуловатаго, плѣшиваго Геншина.

Уступки... уступки—вотъ наша жизнь!

Ну, тутъ ужъ не обойдешься безъ Боллеты!...

Въ дверь громко постучали, и съ лихорадочною поспѣшностью вошелъ Квигстадъ. Энергичное лицо его дышало какою-то торжественностью, глаза бросали твердые, рѣшительные взгляды на судью.

— Отказъ, Квигстадъ?—съиронизировалъ судья.—Вы смотрите, точно пришли не спроста.

— Да, у меня есть просьба, господинъ судья... И я разсчи
ваю только на ваше старое, столь часто и довольно сильно ис
танное расположеніе ко мнѣ! — сказалъ Квигстадъ съ видим.
волненіемъ.—Господинъ судья знаетъ, что мнѣ пришлось о
заться отъ мысли сдать государственный экзаменъ послѣ
какъ я пробылъ на юридическомъ факультетѣ полтора года. Т

мнѣ открывается возможность — и это крайне важно для меня — сдать экзаменъ. Поэтому я и долженъ ходатайствовать о позволеніи оставить мою службу у васъ возможно скорѣе, какъ только вы, господинъ судья, найдете мнѣ замѣстителя.

— Вотъ какъ! Вы въ самомъ дѣлѣ? И вы, значитъ, тоже?— вырвалось, наконецъ, у судьи. — Да, да! Разумѣется! Возможно скорѣе!... Нельзя сказать, чтобъ это пришлось особенно кстати! Геншинъ тоже уходитъ къ веснѣ на новый постъ... Рейну тоже понадобилось освободиться «возможно скорѣе»... Такъ, такъ! Вездѣ надо посадить новыхъ людей!... Ну, что-жъ, Квигстадъ!—кивнулъ онъ ему съ видомъ покорности судьбѣ.—Скорѣе—такъ скорѣе! Сейчасъ же наведу справки о новыхъ кандидатахъ.

И судья быстро зашагалъ изъ угла въ уголъ, когда Квигстадъ скрылся за дверью.

«Слыханное ли дѣло!... Вотъ такъ доза! Немножко крѣпка для утра!... Да, да, конечно, я самъ не разъ готовъ былъ уволить Квигстада... Держалъ его только, такъ сказать, изъ милости... Такъ надо, пожалуй, еще сказать ему спасибо за то, что онъ самъ догадался пойти на встрѣчу моимъ желаніямъ,—неудачно старался подбодрить себя судья.— Конечно, я-то скорѣе думалъ, что онъ вѣчно останется enfant terrible конторы... Но ужъ такого ловкача, мастера своего дѣла, когда надо вывернуться, никогда больше не сыщешь!»

Съ такими-то утѣшительными новогодними видами судья и отправился въ главный домъ, подумывая, не будетъ ли теперь кстати подѣлиться радостями и горестями жизни съ своею половиной.

Въ домѣ шла возня, уборка; проводы праздниковъ требовали такой же генеральной чистки, какъ и встрѣча. Къ дверямъ были прислонены щетки и метлы, въ опустѣвшихъ комнатахъ для гостей красовались лоханки съ водой и половыя тряпки; въ залѣ мыли и натирали полъ двѣ работницы. Шкафы и буфеты уже приняли въ свое лоно подъ замокъ сосчитанные фарфоръ, хрусталь и серебро.

Семейная комната приняла свой обычный видъ; обѣ прялки и мотовило заняли свои старыя мѣста у оконъ.

Хозяйка сидѣла и выкладывала нитками на игральной картѣ воръ цвѣтной набивки для новыхъ тканей на лѣтнія платья; дори время отъ времени подходили дать свой совѣтъ.

Главною темой перешептываній было, конечно, событіе дня. то-то скажетъ отецъ?...

Сестры давно уже посмѣивались и острили межъ собою по по- у всевозраставшей дружбы и сближенія между Барбарой и Ген-

шиномъ. Но вотъ на-дняхъ она пришла въ амбаръ къ Маріаннѣ и открылась ей во всемъ, прося ея посредничества для переговоровъ съ матерью.

Она сказала, что у нихъ съ Геншиномъ уже все рѣшено. Къ веснѣ она станетъ ленсманшей въ Вестдаленѣ—лучшемъ участкѣ во всемъ округѣ. Она такъ увѣрена въ Геншинѣ, знаетъ его съ дѣтства. И только бы папа съ мамой были довольны... Это ее такъ мучитъ, такъ мучитъ!

Когда судья вошелъ въ комнату, жена бросила на него быстрый испытующій взглядъ, но продолжала дѣлать свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало.

Судья оглядѣлся, желая узнать, чѣмъ и насколько всѣ заняты и въ состояніи ли будутъ отнестись, какъ должно, къ важнымъ сообщеніямъ, имѣвшимся у него въ запасѣ.

— Да! —начала, слегка выпрямляясь, госпожа Орнингъ, чтобы сказать что-нибудь. — Вотъ мы и опять за будничными дѣлами. Что, Меретэ? Рѣзкій переходъ отъ вчерашняго?... Что-то принесетъ намъ новый годъ?— продолжала она послѣ нѣкоторой паузы и взгляда на судью, которымъ какъ бы перебрасывала ему мостикъ, чтобъ облегчить переходъ.—Много чего можетъ случиться!

— Гдѣ Барбара?—спросилъ судья; въ голосѣ дрожали нотки сближенія.—Мнѣ надо поговорить съ ней! Дѣло важное!

— Барбара въ амбарѣ, отпускаетъ провизію Ларсу. Онъ ѣдетъ въ лѣсъ возить бревна,—сказала жена.—Вѣрно, сейчасъ придетъ.

— Глядите, что мы нашли въ комнатѣ Нергора! — вошла въ комнату Маріанна.—Гляди и любуйся, Евфемія! Какія элегантныя туфли онъ забылъ. На цвѣтной шелковой подкладкѣ... вышитыя бабочками... Все первый сортъ, изысканно, какъ самъ Нергоръ.

Туфли пошли по рукамъ.

— Да, этотъ милый молодой человѣкъ черезчуръ занятъ собой!—усмѣхнулась мать.—Совѣтую тебѣ лучше держаться Гордера, Евфемія! — шутила она. — Изъ него можетъ выйти хорошій мужъ! Онъ не станетъ ломаться изъ-за пустяковъ!

— Гм... — гнѣвно крякнулъ судья, и лицо его сразу приняло замкнутое выраженіе, а въ глазахъ появился оттѣнокъ холодной горечи.—Я спрашивалъ о Барбарѣ! — напомнилъ онъ нѣсколько хрипло.—А, да вонъ она!—и онъ поспѣшилъ махнуть ей въ окно

— Да, милая моя Барбара!...—заговорилъ онъ, когда дѣвушка вошла съ глазами, подернутыми влагой въ предчувствіи того, что сейчасъ ей предстояло.—Большую новость узналъ я сегодня. Геншинъ проситъ твоей руки, и по всему видно, что ты согласна.

за эти годы научился цѣнить его, какъ высоко честнаго и дѣльнаго человѣка, и если ты съ своей стороны питаешь къ нему симпатію, то... Ты-то ужъ никого не сдѣлаешь несчастнымъ, милая моя Барбара! — добавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.— Геншинъ хочетъ зажить собственнымъ домомъ уже къ веснѣ... Такъ насчетъ приданаго...—тутъ судья многозначительно покосился въ сторону жены.—Это по женской части и должно устроиться по заведенному порядку. Отъ меня же ты получишь восемьсотъ спецій банковыми билетами. Это—назначенная тебѣ доля наслѣдства. А затѣмъ, ты знаешь, я всегда буду помнить о тебѣ, помогать и поддерживать тебя, если понадобится.—Онъ потрепалъ Барбару по плечу и продолжалъ:—Такъ вотъ, дитя мое, и все!... Теперь мнѣ надо скорѣе идти писать письма... Придется отослать съ нарочнымъ на почту. Кромѣ Геншина ко мнѣ явились сегодня Рейнъ и Квигстадъ,—этотъ хочетъ сдавать экзаменъ,—и заявили, что по разнымъ причинамъ вынуждены просить увольненія. Такъ, вотъ, мнѣ предстоитъ обзавестись новыми людьми.

Жена выпрямилась, точно хотѣла вмѣшаться, но удержалась.

Алида тоже вдругъ сдѣлала рѣзкое движеніе, такъ что мотовило опрокинулось, а Маріанна зорко, испытующе впилась взглядомъ въ Меретэ, лицо которой сразу покрылось сѣроватой блѣдностью...

Судья снова направился въ контору.

— Мужъ!—бормоталъ онъ.— Мужъ! У Боллеты грубая мѣрка для людей!...

Послѣ обѣда Рейнъ сидѣлъ у себя наверху, углубившись въ чтеніе маленькаго, на-скоро свернутаго письмеца; облатка была прижата наперстком въ вмѣсто печатки: Меретэ сунула бумажку ему въ руки, проходя мимо, и шепнула при этомъ почти повелительно-строго: «Прочтите!»

Рейнъ читалъ:

«Не уѣзжайте, Рейнъ... Не уѣзжайте! Отецъ *не можетъ* обойтись безъ васъ. Вы не должны... Неужели у меня теперь не будетъ больше никого... никого во всемъ мірѣ, о комъ думать? Если такъ, то правду вы сказали утромъ: бѣдная я, что пріобрѣла такого друга, какъ вы!»

Потомъ онъ отправился бродить по морозу.

Онъ больше не видѣлъ передъ собою этихъ набросанныхъ кадашомъ строкъ, но продолжалъ мысленно перечитывать ихъ снова и опять, безъ конца.

А. и П. Ганзенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Страничка изъ дневника.

I.

Задыхаюсь... томлюсь... выбиваюсь изъ силъ...
Не могу я понять, что случилось со мной:
Я любилъ, разлюбилъ и опять полюбилъ
И, унизивъ одну, сталъ рабомъ я другой.
Вспоминаю былое—на сердцѣ темно,
А оно-ль не сіяло лучистѣе дня?
То, что было вчера, словно было давно,
Все впередъ и впередъ манитъ грёза меня.
Позади—укоризненный, любящій взглядъ
И нѣмыя уста точно молятъ—зовутъ,
А вдали чьи-то очи такъ дерзко горятъ
И загадочно-дерзко влекутъ и влекутъ.
Задыхаюсь... О, совѣсть, оставь, не шепчи,
Что не вправѣ любовь унижать, забывать...
Я не властенъ, я—рабъ... Замолчи, замолчи!
Но ты шепчешь «не вправѣ»—опять и опять...

II.

Да, любилъ я... Но нѣтъ, я любилъ и люблю,
Что любилъ, никогда не могу разлюбить,
И ужель я святыню мою оскорблю,
Чтобъ святынѣ другой вдохновенно служить?
Этотъ скорбный, молящій, задумчивый взглядъ—
Сколько въ немъ безпредѣльной и нѣжной любви!
Онъ безмолвно зоветъ оглянуться назадъ,—
О, зови меня къ днямъ улетѣвшимъ, зови!
Вѣдь, не могутъ въ душѣ промелькнуть безъ слѣда
Эти дни, лучезарно-счастливые дни;
Наступающимъ днямъ не сіять никогда,
Какъ когда-то небесно сіяли они!...
...Въ бездну страстныхъ очей я безстрастно гляжу
И на дерзостный взглядъ отвѣчаю я зло,
И предъ темной ихъ властью, какъ рабъ, не дрожу
Потому что на сердцѣ и въ прошломъ—свѣтло!

Мих. Гербановскій.

Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ научными и общественными понятіями въ современной Германіи *).

Нормы *семейственнаго* права, къ изложенію которыхъ мы теперь переходимъ, явились въ результатѣ столкновенія самыхъ разнородныхъ интересовъ. Въ семейственномъ правѣ, если оставить на время въ сторонѣ вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, соціальная борьба не можетъ отражаться непосредственно, потому что мужъ и жена, родители и дѣти принадлежатъ къ одному и тому же общественному классу. Тѣмъ не менѣе, тревожное время, переживаемое Германіей и вынуждающее укрѣплять позицію, сказалось и въ этой сферѣ отношеній стремленіемъ поднять авторитетъ брачныхъ узъ и крѣпость семейныхъ связей. Но этимъ не исчерпывается сумма вліяній на кодификацію. Не слѣдуетъ забывать, что уложеніе есть прежде всего дѣло рукъ юристовъ, которые его писали,—поэтому они прежде всѣхъ должны были наложить на него свою печать. По существу они должны были подвести итогъ тому развитію гражданской эмансипаціи женщины, которое выразилось въ предшествующемъ законодательствѣ; съ внѣшней стороны они должны были принять въ соображеніе требованія юридической техники. Но затѣмъ должны были сказаться и другія вліянія. Во-первыхъ, въ то время, какъ для государства въ Германіи бракъ пересталъ быть учрежденіемъ религіознымъ, для 17½ милліоновъ католическаго населенія онъ остается таинствомъ, и всякое вмѣшательство свѣтской власти въ организацію брака является для католическаго населенія насиліемъ надъ религіозною совѣстью. Далѣе, идея гражданскаго равенства живетъ и продолжаетъ работать въ прямомъ направленіи;—она должна была сказаться [illegible] стремленіи взрослыхъ дѣтей эмансипироваться отъ власти родителей. [illegible] третьихъ, образованная женщина, добиваясь отъ мужчинъ третьяго [illegible]овія гражданскаго и политическаго равенства такъ же, какъ до фран[illegible]кой революціи ихъ дѣды искали равенства для себя,—эта женщина ор-

*) *Русская Мысль*, кн. II, 97 г.

[illegible], 97 г.

ганизовалась и выступила со своими требованіями при составленіи уложенія. Таковы тѣ разнородныя вліянія, которыя должны были отразиться на гражданскомъ уложеніи.

Они сказались уже въ вопросѣ *о формѣ и условіяхъ вступленія въ бракъ*. Въ Германіи съ 1875 года дѣйствуетъ обязательный гражданскій бракъ на основаніи спеціальнаго закона. Кодификаторамъ оставалось только ввести этотъ спеціальный законъ въ систему общаго уложенія. За 20 лѣтъ успѣли сказаться въ Германіи всѣ преимущества обязательнаго гражданскаго брака для смѣшаннаго въ религіозномъ отношеніи населенія; обнаружилось, что авторитетъ церкви ни мало не колеблется при существованіи этой формы, и религіозный индифферентизмъ вовсе не является ея послѣдствіемъ, такъ какъ, не говоря уже о католикахъ, но даже въ протестантскомъ населеніи 93% брачущихся, пройдя черезъ канцелярію свѣтскаго регистратора браковъ, обращаются къ церкви за благословеніемъ новаго союза. Нападенія на обязательный гражданскій бракъ ведены были въ кодификаціонныхъ коммиссіяхъ и въ парламентѣ со стороны католиковъ, со стороны евангелическаго духовенства, со стороны нѣкоторой части консервативной партіи. Въ наши цѣли не можетъ входить разсмотрѣніе доводовъ въ пользу введенія «факультативнаго» гражданскаго брака или «гражданскаго брака по нуждѣ»; во всякомъ случаѣ обязательный гражданскій бракъ уцѣлѣлъ и вошелъ въ уложеніе. Уступка католицизму выразилась только въ одной незначительной нормѣ. Именно, свѣтское заключеніе брака состоитъ, по уложенію, въ томъ, что будущіе супруги въ присутствіи должностного лица объявляютъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ; съ этого момента, когда согласіе супруговъ выразилось, бракъ считается заключеннымъ, т.-е., какъ и въ католической догмѣ, согласіе супруговъ есть рѣшающій актъ, тогда какъ въ проектѣ коммиссіи бракозаключительный моментъ лежалъ въ словахъ должностного лица: «объявляю такихъ-то законными супругами». Вліяніемъ чисто-техническихъ соображеній,—слѣдовательно, простою случайностью,—объясняется, что уложеніе повысило возрастъ для вступленія въ бракъ для мужчинъ съ 20 лѣтъ до 21 года; кодификаторы нашли несовмѣстимымъ съ положеніемъ мужа нахожденіе подъ опекою; пришлось бы создавать спеціальныя нормы для несовершеннолѣтнихъ мужей. Въ томъ случаѣ, когда необходимо жениться и раньше, 18-лѣтній можетъ просить о признаніи его совершеннолѣтнимъ, а отсюда вытечетъ и право жениться. Меньшинство осталось недовольно такимъ способомъ рѣшенія затруднительныхъ случаевъ; оно требовало, чтобы несовершеннолѣтніе могли вступать въ бракъ по спеціальной диспенсаціи. Для женщинъ брачное совершеннолѣтіе опредѣлено въ 16 лѣтъ; женскія ассоціаціи домогались въ своихъ петиціяхъ, чтобы возрастъ былъ назначенъ въ 18 лѣтъ; но большинство парламента, имѣя въ виду, что часто бываетъ необходимо, особенно въ народныхъ массахъ, поправить бракомъ послѣдствія увлеченій бо[л]ѣе молодыхъ дѣвушекъ, высказалось за 16 лѣтъ. Вліяніе демократической идеи равенства сказалось въ законѣ, опредѣляющемъ, что согласіе и-

телей для вступленія въ бракъ требуется только до 21 года. Въ проектѣ стояло 25 лѣтъ; въ парламентской коммиссіи вокругъ этой цифры завязалась борьба. Большинство коммиссіи стояло за 25 лѣтъ во имя поднятія родительскаго авторитета; меньшинство, которое въ самомъ парламентѣ, однако, превратилось уже въ большинство, стало на ту точку зрѣнія, что вообще согласіе родителей имѣетъ значеніе только для высшихъ классовъ, какъ средство предупреждать mésalliances; что «для массы трудящагося населенія, которое рано становится въ хозяйственномъ отношеніи на ноги, вмѣшательство родителей или составляетъ ненужное затрудненіе, или только портитъ идеальную сторону брака разными меркантильными соображеніями». Наконецъ, вліяніе опасенія, чтобы не сказали, что государство придаетъ теперь меньше значенія вѣрности супружескимъ узамъ и тѣмъ содѣйствуетъ шатанію основъ, опредѣлило норму, что бракъ не допускается между соучастниками прелюбодѣянія; меньшинство, напротивъ, рекомендовало, какъ въ Англіи и Америкѣ, обязывать въ такихъ случаяхъ соучастниковъ вступать въ бракъ, чтобы скорѣе прекратить общественный скандалъ, или же вообще не вмѣшиваться въ эти дѣла, такъ какъ «государству,—говорили,—нѣтъ никакого дѣла до такой интимной стороны человѣческихъ отношеній, какъ прелюбодѣяніе».

Всего рѣзче соображеніе, что необходимо подтянуть гражданскій порядокъ въ виду надвигающагося врага, сказалось въ постановленіяхъ о разводѣ. Иронія исторіи! Еслибы нынѣ воскресли Джіордано Бруно и Галилей, они не повѣрили бы своимъ ушамъ, что страстный вопль о дарованіи свободы совѣсти вырывается теперь изъ устъ представителей той самой церкви, которая посылала ихъ въ темницу и на костеръ. Католическій центръ добивался если не уничтоженія развода вообще, то введенія для католиковъ института разлученія отъ стола и ложа. Несмотря на поддержку баварскаго правительства, это требованіе не прошло, и уложеніе усвоило только одинъ институтъ — разводъ. Подтягиваніе гражданскаго порядка выразилось въ реакціи противъ прусскаго уложенія 1794 г. Это уложеніе написано было подъ вліяніемъ школы естественнаго права; оно насквозь раціоналистично и настолько чуждо сантиментальности въ дѣлахъ семейныхъ, что между прочимъ на матерей оно возлагаетъ юридическую обязанность кормить дѣтей грудью. Для ландрехта бракъ есть учрежденіе на пользу государства, цѣль его—рожденіе дѣтей; все, что служитъ этой цѣли, стоитъ поощренія. Отсюда выводъ: нужно облегчать разводы, и потому по ландрехту разводъ допускается не только въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности, но и вслѣдствіе отвращенія, препятствующаго дѣторожденію, а въ извѣстныхъ случаяхъ и просто по взаимному согласію. Творцы нашего уложенія стали принципіально на другую точку зрѣнія. Нужно поднять значеніе брака, какъ одного изъ столповъ гражданскаго порядка; для этого нужно подкрѣпить нравственную связь между супругами,— нужно ограничить число законныхъ поводовъ къ разводу. Отсюда принципъ: вина одного изъ супруговъ, только оскорбленіе нравственной связи

должно служить законнымъ поводомъ для развода. Въ парламентской коммиссіи столкнулись оба воззрѣнія. Новая иронія исторіи! Враги отечества въ рядахъ защитниковъ прусскаго уложенія: «Раціонализмъ, — говорило меньшинство коммиссіи,—составляетъ достоинство прусскаго уложенія; населеніе такъ сжилось съ его системою, что повертывать назадъ не годится. Протестантскій бракъ не таинство, а нравственный союзъ; не дѣло государства насильственными мѣрами укрѣплять нравственное значеніе брака; нравственная связь порвалась, когда супруги не хотятъ болѣе жить вмѣстѣ. Запретите совсѣмъ разводы, и число счастливыхъ браковъ не увеличится; только тѣ, которые останутся въ бракѣ, будутъ несчастнѣе; вы вгоните болѣзнь внутрь; создадите адъ для дѣтей». Большинство этимъ не убѣдилось; по уложенію, законъ въ принципѣ предполагаетъ вину одного изъ супруговъ.

Въ перечисленіи законныхъ поводовъ для развода кодификаторы завершили работу пандектной юриспруденціи и судебной практики. Наряду съ объективными поводами (прелюбодѣяніе, злонамѣренное оставленіе) уложеніе допускаетъ разводъ, «если другая сторона грубымъ нарушеніемъ созданныхъ супружествомъ обязанностей, или своимъ безчестнымъ или безнравственнымъ поведеніемъ такъ глубоко расшатала супружескія отношенія, что продолженіе брака становится немыслимымъ». Это одна изъ нормъ, развитіе которыхъ предоставлено совѣсти и усмотрѣнію судьи.

Однако, кодификаторамъ не удалось провести односторонне принципъ вины, и послѣ отчаянной борьбы, безпримѣрной для всѣхъ другихъ 2,300 статей уложенія, въ него вошла статья о томъ, что «разводъ допускается, если супругъ подвергся душевной болѣзни, которая длится уже во время брака не менѣе 3 лѣтъ, достигла такой степени, что духовное общеніе между супругами прекратилось и исчезла всякая надежда на выздоровленіе»; при этомъ здоровый супругъ обязавъ обезпечить пожизненное содержаніе больного. Какъ велика была борьба изъ-за этого закона, видно изъ того, что хотя она значилась во второмъ проектѣ, парламентская коммиссія ее вычеркнула; затѣмъ она провалилась при именномъ голосованіи при второмъ чтеніи въ парламентѣ, и только при третьемъ чтеніи, опять-таки съ помощью поименнаго голосованія, она, наконецъ, прошла. Даже союзныя правительства, обыкновенно единодушныя, въ этомъ вопросѣ раскололись, и Баварія и Мекленбургъ горячо высказывались противъ. Противники утверждали, что при современномъ состояніи психіатріи нѣтъ рѣшительной увѣренности въ заключеніяхъ эксперта: каково же должно быть положеніе больного супруга, когда онъ очнется въ сумасшедшемъ домѣ во время свѣтлаго промежутка или совсѣмъ выздоровѣетъ и увидитъ себя лиш нымъ дѣтей и семейнаго крова! Сторонники закона указывали на кра осторожную редакцію его, при которой возможность развода чрезвыча затруднена, и предлагали обдумать положеніе здороваго супруга, особе изъ народа, который лишенъ возможности дать дѣтямъ хотя бы мач или вотчима, у котораго хозяйство разстраивается и который самъ вергается величайшимъ нравственнымъ опасностямъ.

Переходя къ нормамъ, касающимся личныхъ и имущественныхъ отношеній супруговъ, мы должны на первый планъ выдвинуть одну черту уложенія, которая имѣетъ огромное принципіальное значеніе, но которая легко затуманивается, благодаря полемикѣ, завязавшейся вокругъ болѣе второстепенныхъ нормъ. Уложеніе опускаетъ завѣсу надъ длиннымъ историческимъ періодомъ, когда жена, въ силу того только, что она жена, была ограничена въ своей дѣеспособности. Докончивъ дѣло, начатое другими спеціальными законами имперіи, уложеніе для всей Германіи отодвинуло въ область преданій отождествленіе замужней женщины съ малолѣтними и слабоумными. Поэтому, если дальше читатель увидитъ, что жена иногда ограничивается въ правѣ распоряженія своимъ имуществомъ, то пусть онъ мысленно сравнитъ ея положеніе съ положеніемъ не малолѣтняго, а только лица, на имущество котораго наложенъ арестъ въ пользу кредиторовъ.

Мы упомянули о нормахъ, имѣющихъ второстепенное значеніе. Мы разумѣемъ подъ этимъ такія, какъ «супруги обязаны жить вмѣстѣ, и рѣшающій голосъ во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся совмѣстной жизни, и въ частности въ вопросѣ о выборѣ мѣстожительства и квартиры, принадлежитъ мужу». Если даже взять эти нормы въ такой абсолютной формѣ, которая, однако, въ уложеніи сопровождается важными оговорками, то и въ такомъ случаѣ — какое значеніе можетъ имѣть законъ, обязывающій жену жить тамъ, гдѣ мужъ, въ странѣ, гдѣ публичное право обезпечиваетъ женщинѣ прежде всего ея личную свободу, гдѣ невозможно заставить ее слѣдовать за мужемъ? Съ другой стороны, кому не извѣстно, что господство въ семьѣ опредѣляется не статьями уложенія, а индивидуальностью супруга? Поэтому, когда женскія ассоціаціи требовали, чтобъ изъ уложенія было вычеркнуто обязательство жить вмѣстѣ, потому что обязательство это нравственное, онѣ были правы; но когда кодификаторы возражали, что правило необходимо сохранить по техническимъ соображеніямъ, такъ какъ злонамѣренное оставленіе составляетъ поводъ для развода, они въ свою очередь также были правы. Далѣе женскія ассоціаціи требовали, чтобы въ самомъ текстѣ закона не было болѣе намека на зависимое положеніе жены, а была бы выражена равноправность супруговъ; наоборотъ, противники ихъ настаивали, что въ законѣ необходимо подчеркнуть идею, что мужъ глава, иначе будутъ ослаблены семейныя узы, и бракъ превратится въ союзъ свободной любви; имъ, въ свою очередь, возражали, что ничѣмъ не доказано, чтобы мужъ всегда былъ воплощеніемъ разума и нравственности, а у жены—всегда отсутствовали эти качества, и что, наконецъ, въ вопросѣ о квартирѣ жены компетентнѣе мужей. Мы видимъ здѣсь не болѣе какъ столкновеніе культурныхъ воззрѣній наивныхъ и грубоватыхъ политиковъ съ идеалистическими сторонниками идеи равенства, но юридическаго значенія не имѣютъ, конечно, ни ..., ни другая редакція закона. Прибавимъ къ этому, что въ текстѣ уло...ія сказано, что «если требованіе супруга возстановить совмѣстную

жизнь представляется злоупотребленіемъ своимъ правомъ; и если рѣшенія мужа относительно мѣстожительства, квартиры и вообще въ дѣлахъ семьи представляются злоупотребленіемъ его права,—то жена не обязана ему подчиняться», и въ результатѣ получится, что жена живетъ съ мужемъ и подчиняется ему только тогда, когда этого хочетъ. Уложеніе опредѣляетъ далѣе, что жена ведетъ все хозяйство; ей принадлежитъ «власть надъ ключами»; въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, гдѣ это обычно, она обязана къ личному труду по хозяйству и въ предпріятіи мужа; но заставить ее опять-таки нельзя. Въ предѣлахъ своего домашняго круга жена заступаетъ мужа предъ третьими лицами; всѣ сдѣлки, которыя она совершаетъ въ этой сферѣ, непосредственно обязываютъ мужа, какъ еслибъ онъ совершилъ ихъ самъ.

Отъ этихъ нормъ, представляющихъ только культурно-историческій интересъ, обратимся къ закону, содержаніе котораго имѣетъ огромное практическое значеніе. Супруги живутъ вмѣстѣ, но жена вздумала вступить съ третьимъ лицомъ въ договоръ найма личныхъ услугъ,—она становится актрисой, кассиршей, телеграфисткой, учительницей или домашней прислугой. Возникаетъ коллизія между ея обязанностями относительно мужа—вести хозяйство и работать дома—и обязанностями относительно нанимателя. Извѣстно, какъ элементарно просто разрѣшается эта коллизія у насъ: «жена не вправѣ наниматься безъ согласія мужа». Кратко, безповоротно и непоправимо,—жаловаться на притѣсненія со стороны мужа некуда. Исторія редакціи того закона, который вошелъ въ германское уложеніе, крайне характерна; на ней видно, какъ женщины шагъ за шагомъ отвоевываютъ себѣ дорогу къ полной независимости. Проектъ уложенія давалъ мужу право во всякое время, не стѣсняясь никакими сроками, прійти и заявить контрагенту жены, что онъ больше не желаетъ, чтобы жена у него служила. Тогда женѣ оставалось бы одно изъ двухъ: или жаловаться въ опекунское установленіе и доказывать, что мужъ злоупотребляетъ своимъ правомъ, и этимъ путемъ возстановить дѣйствіе договора, или же прекратить совмѣстную жизнь и тѣмъ вынудить мужа требовать развода. Въ парламентской коммиссіи сторонники женской равноправности требовали полнаго уничтоженія права мужа стѣснять жену въ выборѣ самостоятельной профессіи: «патріархальный порядокъ отношеній—уже пройденная стадія развитія и искусственно поддерживать его нѣтъ надобности. Не правда, будто свобода жены можетъ вести къ разрушенію семьи; на дѣлѣ жена всегда болѣе консервативный элементъ семьи и разложеніе идетъ обыкновенно отъ мужа». Борьба за женское право привела къ тому, что проектъ былъ измѣненъ. Мужъ, если ему не нравится самостоятельная дѣятельность жены, долженъ обратиться съ жалобою въ опеку, и если это установленіе найдетъ, что дѣятельность жены дѣйствительно вредитъ интересамъ семьи, то оно можетъ дать мужу разрѣшеніе прекратить безъ соблюденія сроковъ договоръ жены. Таковъ законъ. Сторонники женской равноправности этимъ не удовлетворятся; борьба будетъ продолжаться въ начатомъ

направленіи, но она несомнѣнно еще долго будетъ упорна съ обѣихъ сторонъ. Симпатичнѣйшій изъ кодификаторовъ, проф. Планкъ, говорилъ въ парламентѣ: «нормируя супружескія отношенія, мы имѣли въ виду на первомъ планѣ не самостоятельность жены, а интересы семьи; кто вступаетъ въ бракъ, тотъ долженъ жертвовать извѣстною долею своей самостоятельности, чтобъ имѣть право требовать жертвъ отъ другой стороны; при истинномъ бракѣ болѣе счастливъ тотъ, кто болѣе жертвуетъ другому». При такомъ идеализированіи женской зависимости противники не скоро поймутъ другъ друга.

Въ области имущественныхъ отношеній супруговъ реформа гражданскаго законодательства представляла наиболѣе трудностей. Въ Германіи дѣйствуетъ болѣе 100 различныхъ системъ имущественныхъ отношеній между супругами. Трудность кодификаторской работы заключалась, во-первыхъ, въ необходимости интегрировать эту массу, во вторыхъ—въ философско-юридическихъ воззрѣніяхъ самихъ кодификаторовъ, которые, благодаря вліянію ученій исторической школы въ юриспруденціи, считали національный консерватизмъ первою своей обязанностью. Это заставило ихъ пуще всего бояться радикальныхъ реформъ въ этой сферѣ, хотя изъ собранныхъ ими матеріаловъ видно, что какъ разъ въ этой области отношеній реформы совершаются быстро и легко; въ Силезіи въ 1845 г. дѣйствовало 60 системъ имущественныхъ отношеній между супругами; теперь онѣ всѣ безъ всякихъ потрясеній вытѣснены системою прусскаго уложенія. Интеграція формъ имущественныхъ отношеній супруговъ не пошла далѣе 5 типовъ. Въ основѣ одного изъ типовъ лежитъ идея раздѣльности имуществъ, въ основѣ трехъ лежитъ идея общности имуществъ; пятый типъ составляетъ промежуточное образованіе. Идея раздѣльности лежитъ въ основѣ дотальной системы, которая унаслѣдована отъ римскаго права; жена передаетъ мужу только опредѣленную имущественную единицу въ управленіе, остальное имущество остается ея собственностью. На идеѣ общности построены: типъ *полной общности* всѣхъ имуществъ (Allgemeine Gütergemeinschaft): оба имущества сливаются въ одно цѣлое и поступаютъ въ управленіе мужа; *общность движимыхъ имуществъ* (Fahrnissgemeinschaft)—опять-таки подъ управленіемъ мужа; общность *пріобрѣтенія* (Errungenschaftsgemeinschaft)—опять-таки подъ управленіемъ мужа. Промежуточное образованіе—*общность управленія* (Verwaltungsgemeinschaft): женино имущество остается ея личною собственностью, но оно все поступаетъ въ управленіе мужа, который управляетъ имъ такъ же, какъ и своимъ. Кодификаторы не могли рѣшиться пожертвовать хотя бы одною изъ этихъ формъ. Ввести ихъ всѣ одновременно по районамъ страны оказалось невозможнымъ, потому что формы соотвѣтствуютъ не мѣстностямъ, а обственнымъ классамъ: въ среднемъ мѣщанствѣ — общность пріобрѣтеній, крестьянствѣ—полная общность, въ зажиточномъ чиновничествѣ, купечествѣ и дворянствѣ — общность управленія. Кодификаторы послѣдовали примѣру Code Civil. Они объявили одну изъ формъ нормальною для тѣхъ

случаевъ, когда супруги не пожелаютъ устроиться иначе. Такъ какъ обыкновенно супруги молчаливо подчиняютъ свои имущественныя отношенія дѣйствію господствующей формы, то первостепенное значеніе получилъ вопросъ, какая изъ 5 формъ будетъ возведена на степень нормальной. Духъ національнаго консерватизма заставилъ кодификаторовъ отвергнуть дотальную систему; по статистикѣ, она оказывалась наименѣе распространенною въ Германіи. Они выбрали изъ остальныхъ 4 формъ промежуточный типъ—общность управленія. Почему?—Менгеръ въ свое время язвительно замѣтилъ: потому, что эта форма болѣе распространена въ зажиточномъ классѣ, интересы и отношенія котораго кодификаторамъ всего ближе и дороже. Сами они объясняли свой выборъ двумя соображеніями: во-первыхъ, эта форма по статистикѣ самая распространенная въ Германіи; во-вторыхъ, при ней цѣлость имущества жены болѣе гарантирована, чѣмъ при другихъ 3 формахъ. Нападки на кодификаторовъ за этотъ выборъ шли съ двухъ сторонъ: въ литературѣ Гирке осуждалъ ихъ за то, что они не взяли наиболѣе національной изъ національныхъ формъ—полную общность имуществъ; въ парламентѣ сторонники женской равноправности—за то, что они не остановились на системѣ раздѣльности имуществъ.

Сущность той системы, которая является нормальною, сводится къ слѣдующему. Все имущество жены, движимое и недвижимое, поступаетъ въ управленіе и пользованіе мужа. За то онъ обязывается содержать семью, а жена вправѣ требовать, чтобы онъ отдавалъ на содержаніе семьи все, что онъ извлекъ изъ ея имущества; если у него существуютъ какія-нибудь обязательства относительно другихъ лицъ, напримѣръ, родственниковъ, онъ долженъ покрывать ихъ изъ другихъ источниковъ. Отчуждать имущество жены, обязывать ее предъ третьими лицами—мужъ не вправѣ; если есть основаніе опасаться, что мужъ растратитъ капиталы, жена можетъ потребовать обезпеченія или же настоять, чтобы капиталы были внесены въ банкъ. Онъ во всякое время обязанъ ей отчетомъ въ своемъ управленіи. Всюду предъ третьими лицами онъ дѣйствуетъ отъ своего имени, но за его долги имущество жены не отвѣчаетъ. Въ силу своей дѣеспособности жена можетъ вести процессы, выдавать обязательства, но она не можетъ распоряжаться имуществомъ во вредъ мужу; безъ его согласія съ нея нельзя ничего взыскать, пока ея имущество находится въ его управленіи и пользованіи. Когда мужъ оказывается дурнымъ управляющимъ, дурнымъ отцомъ семейства, когдя онъ самъ попадаетъ подъ опеку, тогда, въ силу судебнаго рѣшенія, его управленіе прекращается и наступаетъ раздѣльность имуществъ. И тогда мужъ обязанъ содержать семью, но жена должна давать ему въ воспособленіе извѣстную сумму; но она можетъ и не давать если можно опасаться, что онъ употребитъ деньги не на содержаніе семьи Раздѣльность имуществъ наступаетъ, однако, не въ случаѣ только неумѣлаго управленія мужа. Если у жены имѣется свой личный заработокъ, то она вправѣ не отдавать его мужу. Все, что ей достанется во время брака по наслѣдству или въ даръ, но съ предусмотрительною оговоркой, что

мужъ не могъ управлять этимъ имуществомъ, остается ея раздѣльною собственностью. Но главное—раздѣльность можетъ быть установлена предбрачнымъ договоромъ, если она сама или ея родители догадались заключить его. Мы говоримъ—предбрачнымъ договоромъ. Вообще супруги вольны во всякое время измѣнить порядокъ своихъ имущественныхъ отношеній; они могутъ во всякое время и послѣ заключенія брака установить любую изъ трехъ формъ общности имуществъ. Но имѣетъ ли жена право во всякое время потребовать, чтобы законное управленіе было прекращено не по основаніямъ указаннымъ въ законѣ, т.-е. не потому, что онъ дурной мужъ, а просто потому, что она не хочетъ больше, чтобы онъ управлялъ ея имуществомъ, не хочетъ просто потому, что это ея имущество? Нѣтъ; этого права она не имѣетъ.

Нѣмцы говорятъ: супъ ѣдятъ не такимъ горячимъ, какъ его варятъ. Относительное значеніе всѣхъ нормъ гражданскаго права, опредѣляющихъ отношенія между супругами, мы знаемъ. Мы знаемъ, что, несмотря на раздѣльность имуществъ, у насъ мужья фактически обираютъ своихъ женъ; но мы знаемъ и то, что женѣ не всегда нужно имѣть собственное имущество, чтобы фактически властвовать надъ мужемъ. Поэтому жалобы на зависимость нѣмецкой жены надо принимать съ оговоркою на бумагѣ. А на бумагѣ, дѣйствительно, дѣло такъ стоитъ. Допустимъ, что у жены нѣтъ ничего своего раздѣльно, а все ея имущество въ управленіи мужа. Имѣетъ ли она право требовать, чтобы, помимо расходовъ на содержаніе семьи, онъ выдавалъ ей карманныя деньги на ея личныя нужды—на подарки ея родственникамъ и т. п.? Повидимому, нѣтъ.

Въ парламентѣ система уложенія подверглась жестокимъ нападкамъ; большинство, однако, безцеремонно заявило: движеніе женщинъ идетъ изъ образованныхъ круговъ, составляющихъ меньшинство,—народныя массы равнодушны; уступать небольшой горсти женщинъ и ихъ сторонниковъ не для чего. Большинство, зараженное маніей подтягиванья гражданскаго порядка, увидало опасность для семьи во введеніи раздѣльности имуществъ; имъ пресерьезно указывали на то, что въ Англіи, гдѣ въ 80-хъ годахъ введена раздѣльность имуществъ, семья еще, слава Богу, держится; ихъ спрашивали, неужели нѣмецкая жена менѣе русской жены и менѣе нѣмецкихъ же дѣвушекъ и вдовъ способна управлять своимъ имуществомъ. Когда кодификаторы въ защиту своей системы ссылались на національный духъ, имъ предлагали возвратить Германію къ тому времени, когда мужъ попивалъ медъ, лежа на медвѣжьей шкурѣ, а жена работала въ полѣ. Буя введенія раздѣльности имуществъ, какъ нормы, сторонники женской неправности доказывали, что система субсидіарнаго договора о раздѣльности имуществъ нисколько не гарантируетъ жены, потому что передъ бракъ или молодымъ не до матеріальныхъ разсчетовъ, или невѣста и ея ственники боятся отвадить рѣдкаго жениха, который охотно вломится мбицію, когда дѣло коснется его кармана. Кромѣ того, несправедливо ть жену въ расходы по совершенію нотаріальнаго договора для со-

храненія своего имущества. Большинство присоединилось къ проекту кодификаторовъ; меньшинству осталось пока апеллировать къ будущему.

Сколько мы можемъ судить, историческій моментъ, который переживаетъ Германія, всего слабѣе отразился на отношеніяхъ родителей и дѣтей. Родительская власть исторически развилась въ Германіи не въ эгоистическій институтъ господства старшаго поколѣнія надъ младшимъ, сильнаго надъ слабымъ, какъ это было въ Римѣ, а въ институтъ покровительства и защиты; вслѣдствіе этого по существу нѣтъ разницы въ Германіи между отцомъ и опекуномъ, если не считать права отца пользоваться доходами отъ имущества дѣтей. Съ этимъ характеромъ родительская власть вошла и въ уложеніе. Историческій моментъ далъ себя чувствовать только въ парламентскихъ рѣчахъ о томъ, что надо-де усилить древнюю почтенную patria potestas, что нужно подтянуть распущенное молодое поколѣніе; со стороны правительственнаго большинства на это отвѣчали, что пора бросить ламентаціи, образчики которыхъ можно найти въ историческихъ памятникахъ всѣхъ временъ. Уложеніе покончило съ разнообразіемъ относительно времени прекращенія родительской власти. Теперь она будетъ оканчиваться съ достиженіемъ совершеннолѣтія, т.-е. когда цѣль института — забота о воспитаніи къ зрѣлости — достигнута. Прежде мѣстами родительская власть оканчивалась только съ хозяйственнымъ выдѣленіемъ взрослыхъ сыновей и съ замужествомъ дочерей; кодификаторы нашли, что это колеблетъ увѣренность гражданскаго оборота и часто гонитъ насильно изъ родительскаго дома взрослыхъ дѣтей. Въ парламентской коммиссіи хотѣли пойти еще дальше, и, по примѣру французскаго права, оставлять у родителей право пользоваться дѣтскимъ имуществомъ только до 18 лѣтъ, такъ какъ могутъ быть случаи, когда эгоистическіе отцы замедляютъ отдачу дочерей въ замужество. Большинство отказалось идти дальше въ ослабленіи родительскаго авторитета, находя, что вообще отцы не заслуживаютъ недовѣрія.

Помимо нормальныхъ случаевъ прекращенія родительской власти, уложеніе регулировало экстраординарные случаи ея прекращенія; мы невольно вспомнимъ при этомъ о вопіющемъ пробѣлѣ въ нашемъ законодательствѣ. «Отецъ теряетъ права родительской власти, если онъ совершилъ надъ своимъ дитятей такое преступленіе, за которое онъ приговоренъ къ тюремному заключенію минимумъ на 6 мѣсяцевъ»; это, впрочемъ, для Германіи не ново: по прусскому уложенію родительская власть прекращалась, хотя бы преступленіе было совершено не надъ личностью дитяти. Но вотъ что ново. Уложеніе постановляетъ, что «если духовному или физическому ра витію дитяти грозитъ опасность отъ того, что отецъ употребляетъ сі право заботиться о его личности во зло, нравственно забрасываетъ ея или же самъ оказывается виновнымъ въ безчестномъ или безнравстве номъ образѣ дѣйствій, то опекунское установленіе обязано принять мѣ для отвращенія опасности»; между прочимъ, оно можетъ помѣстить д для воспитанія въ подходящую семью, или въ воспитательное учреж-

или въ исправительное заведеніе». Въ такомъ видѣ законъ не встрѣтилъ ни съ чьей стороны препятствій. Но въ проектѣ стояло еще нѣчто другое, что заслуживаетъ вниманія по многимъ причинамъ. Силы, взаимодѣйствіе которыхъ опредѣляетъ общественную жизнь, въ своемъ прямомъ направленіи встрѣчаются съ такими явленіями, которыя заставляютъ ихъ сворачивать въ сторону не только вслѣдствіе прямого противодѣйствія со стороны другихъ силъ, а вслѣдствіе сложности самыхъ явленій. Оттого становится рѣшительно невозможно предугадать, какъ будетъ дѣйствовать данная сила. Если поставить такъ вопросъ: кто въ томъ случаѣ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, намѣревался поколебать авторитетъ родительской власти и кто, наоборотъ, выступилъ въ защиту этого авторитета, то можно съ увѣренностью сказать: отвѣтъ a priori будетъ прямо противоположный тому, что имѣло мѣсто на дѣлѣ. Проектъ уложенія хотѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ лично «вовсе не виновенъ въ пренебреженіи воспитаніемъ дѣтей, но когда дѣти нравственно заброшены, и можно, въ виду общественнаго положенія отца, думать, что его родительской власти недостаточно для ихъ исправленія, чтобы въ такихъ случаяхъ опекунское установленіе имѣло право отбирать дѣтей и отдавать ихъ въ воспитательное или исправительное заведеніе». Вопросъ, слѣдовательно, былъ поставленъ такъ: должно ли предоставить государству, въ его заботахъ объ уменьшеніи числа малолѣтнихъ преступниковъ, не стѣсняться обычными соображеніями о поддержаніи авторитета родительской власти, игнорировать естественныя чувства родителей и насильно отымать дѣтей у ни въ чемъ не повинныхъ людей. Представители государственной власти доказывали въ парламентской коммиссіи, что въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ и рѣчи о родительской любви и попеченіи; что государственное воспитаніе во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ то, какое могутъ дать родители при данныхъ условіяхъ, что примѣръ Саксоніи и Бадена, гдѣ уже дѣйствуютъ подобные спеціальные законы, показываетъ, что результаты государственнаго воспитанія хороши и что родители бываютъ только признательны. Парламентская коммиссія вступилась за права родительской власти: «они идутъ впереди правъ государственной власти; отымайте дѣтей, когда родители злоупотребляютъ своею властью, но не когда ихъ ни въ чемъ нельзя упрекнуть. И гдѣ ручательство, что государственное воспитаніе лучше: развѣ масса рецидивистовъ не опровергаетъ заявленія о блестящемъ результатѣ этого воспитанія, — заявленія, которое обыкновенно исходитъ отъ самихъ директоровъ исправительныхъ ...еній?» Католики присоединились къ противникамъ проекта. «Самый ...ипъ насильственнаго отнятія дѣтей у родителей ради принудительв... воспитанія опасенъ; не слѣдуетъ создавать прецедентовъ». Парламентъ ...гнулъ предложеніе проекта; но мы остановились на этомъ эпизодѣ ...у, что онъ показываетъ, что и въ семейственномъ правѣ liberté на...етъ мраморную статую на глиняномъ постаментѣ.

говорили въ частности объ отцахъ, Обратимся къ матерямъ. Отмѣ-

тимъ прежде всего важное принципіальное значеніе работы кодификаторовъ. До сихъ поръ въ Германіи мать въ случаѣ смерти отца далеко не вездѣ пользовалась такими же правами родительской власти, какъ и отецъ; мѣстами она устранялась даже отъ опеки. Теперь она на протяженіи всей Германіи будетъ пользоваться всею полнотой родительской власти,—заботиться о личности дѣтей, пользоваться и управлять ихъ имуществомъ. Однако, вѣковое недовѣріе къ женщинѣ все еще оставляетъ нѣкоторые слѣды: отецъ по завѣщанію, опекунское установленіе по своему усмотрѣнію могутъ назначить ей соопекуна. Слѣды неравенства остаются и въ дальнѣйшемъ; когда отецъ во второй разъ женится, это не измѣняетъ его правъ на имущество дѣтей; когда мать второй разъ выходитъ замужъ, она теряетъ свои права на это имущество. Въ парламентской коммиссіи образовалось даже большинство въ пользу уравненія матерей съ отцами въ этомъ отношеніи, но большинство разстроилось. За то парламентской коммиссіи удалось какъ бы насолить отцамъ за недовѣріе къ матерямъ; благодаря ей, въ уложеніе вошла статья закона, по которой отецъ, въ случаѣ смерти матери, обязанъ составить опись имущества дѣтей; справедливо было указано, что добросовѣстные отцы могутъ только радоваться этому закону. Все, что мы до сихъ поръ говорили о правахъ матери, относится къ случаю, когда отца нѣтъ въ живыхъ. При жизни отца она, какъ уже догадывается читатель, уступаетъ ему въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся личности дѣтей. Но бываютъ случаи, когда дѣйствіе власти отца пріостанавливается,—именно, когда надъ нимъ учреждена опека за расточительность или пьянство. Кодификаторы не хотѣли и въ этихъ случаяхъ давать матери правъ родительской власти, «чтобы не ссорить ее съ отцомъ». Парламентъ оказался смѣлѣе и по уложенію въ тѣхъ случаяхъ, когда родительская власть отца фактически пріостановлена по опредѣленію опекунскаго установленія,—мать заступаетъ его; только пользованіе доходами отъ дѣтскаго имущества все-таки остается у отца.

Переходимъ къ больному мѣсту гражданскаго порядка—къ вопросу о незаконныхъ дѣтяхъ. Уложеніе не могло послѣдовать за тѣми, кто, игнорируя основу гражданскаго порядка — бракъ, стоялъ за неограниченное признаніе родительскихъ связей между незаконными дѣтьми и ихъ отцами. Въ проектѣ стояло правило: «между незаконнорожденнымъ дитятей и его отцомъ нѣтъ никакого родства»; въ самомъ уложеніи это рѣзкое отрицаніе естественнаго факта уступило мѣсто редакціи, скрывающей ту же сущность подъ покровомъ юридической фикціи: «незаконное дитя и его отецъ не считаются родственниками». Трудно оспаривать то положеніе, что установленіе родственныхъ связей между незаконными дѣтьми и ихъ отцами было бы радикальнымъ средствомъ для ослабленія преступности, что справедливо, чтобы дѣти страдали за вину родителей, чтобы матери подвергались осужденію и умаленію своей гражданской личности, тогда какъ отцы ничего не теряютъ въ своемъ общественномъ положеніи и порою даже фигурируютъ въ качествѣ поборниковъ нравственной чис-

Однако, предложеніе вычеркнуть вовсе изъ уложенія это отрицаніе родственныхъ связей между незаконными дѣтьми и ихъ отцами было отвергнуто парламентомъ безъ обсужденія. Но у кодификаторовъ былъ на виду извѣстный институтъ французскаго права, reconnaissance d'enfant naturel, представляющій удачное примиреніе интересовъ гражданскаго порядка, основаннаго на законномъ бракѣ и законной семьѣ, съ нравственнымъ чувствомъ самого виновника рожденія, незаконнаго дитяти, такъ какъ не всегда возможно обращеніе къ легитимаціи чрезъ послѣдующій бракъ. Уложеніе отвергло и этотъ институтъ, дѣйствующій, однако, въ $^1/_5$ части Германіи, во-первыхъ, потому, что онъ противенъ нѣмецкому духу, который, какъ оказывается, всегда является на выручку, когда нужно уклониться отъ рѣшительнаго мѣропріятія, и, во-вторыхъ, потому, что это будто бы поощряло бы безбрачіе. Уложеніе предоставляетъ возможность узаконять дѣтей путемъ послѣдующаго брака; кромѣ того, узаконеніе возможно путемъ обращенія къ государственной власти, которая, однако, можетъ и отказать въ просьбѣ; при этомъ узаконенное дитя все-таки не становится родственникомъ семьи отца.

За то, по отношенію къ матерямъ, уложеніе не усомнилось, что точка зрѣнія древняго германскаго права неумѣстна для современнаго законодательства, и объявило, что незаконныя дѣти имѣютъ всѣ права законныхъ дѣтей не только въ отношеніи самой матери, но и въ отношеніи всѣхъ ея родныхъ. Въ мотивахъ къ первому проекту мы читаемъ: «Въ интересахъ незаконныхъ дѣтей, которыя иначе подвергались бы нищетѣ и толкались бы на путь преступленія, а слѣдовательно и въ интересахъ общества, необходимо, чтобы незаконныя дѣти не стояли изолированно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ мать рано умерла или вообще не исполняетъ своихъ материнскихъ обязанностей, чтобъ они не были лишены столь важной въ нравственномъ и соціальномъ отношеніяхъ связи съ семьею. Число незаконныхъ дѣтей растетъ; деструктивные элементы выходятъ преимущественно изъ среды людей, которые стоятъ внѣ семей, поэтому законодательство обязано и въ сферѣ частнаго права противодѣйствовать развитію пролетаріата, если даже вступленіе незаконныхъ дѣтей въ семью матери не соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ высшихъ классовъ. Что касается святости и высокаго значенія брака, то достаточно уже, что незаконное дитя не состоитъ въ родствѣ со своимъ отцомъ и его семьей». Ближайшимъ образомъ незаконныя дѣти имѣютъ такія же права на наслѣдованіе послѣ матери и всѣхъ ея родственниковъ, какъ дѣти законныя.

Однако, традиціонное недовѣріе къ женщинѣ выразилось и въ этой ча уложенія. Незаконная мать не имѣетъ правъ родительской власти; она кетъ заботиться о своемъ ребенкѣ, но права представлять его въ имущественномъ отношеніи она не имѣетъ; въ частности она не вправѣ предъявлять отъ имени ребенка требованіе къ отцу объ алиментахъ; для этой ли назначается опекунъ. Кодификаторы боялись, что незаконныя матери тъ взыскивать деньги для себя и пренебрегать здоровьемъ и воспи-

таніемъ дѣтей. «У незаконной матери,— говорятъ мотивы, — не хватаетъ часто ни доброй воли, ни соотвѣтствующей серьезности, чтобы заботиться о благѣ своего ребенка, часто она видитъ въ немъ только бремя; къ тому же у нея рѣдко бываетъ свое хозяйство; часто ей, чтобы найти себѣ пропитаніе, нужно отдавать ребенка на сторону. Незаконныя матери не должны имѣть никакихъ правъ на имущество дѣтей потому, что обыкновенно это легкомысленныя и расточительныя женщины; къ тому же въ интересахъ нравственности нужно, чтобъ онѣ не могли извлекать никакой выгоды изъ своей безнравственности». Такъ лицемѣріе пробивается наружу сквозь здравыя сужденія; представленіе о грѣховной природѣ дочерей Евы твердо засѣло въ мозгахъ и заставляетъ забывать, что мать, не бросившая своего ребенка, проявила такое высокое самопожертвованіе, что ей можно подарить нѣсколько больше довѣрія.

Кодификаторы съ самаго начала отвергли, какъ жестокое и безнравственное, правило Code civil: la recherche de la paternité est interdite. «Отрицать обязанность отца заботиться о своемъ незаконномъ дитяти—значитъ противорѣчить законамъ природы и нравственности; это значитъ выдавать мужчинамъ открытый листъ на развратъ; это значитъ перекладывать на общество отвѣтственность за пороки состоятельныхъ людей». Такимъ образомъ, кодификаторы рѣшили, что отецъ обязанъ давать незаконному дитяти содержаніе, но въ какомъ размѣрѣ и до какого времени? Исторія этого вопроса для уложенія крайне характерна. Идея справедливости, которая борется въ гражданскомъ обществѣ за интересы незаконныхъ дѣтей, дѣлала успѣхи шагъ за шагомъ по мѣрѣ того, какъ росло вліяніе общественнаго мнѣнія на кодификацію. Составители перваго проекта, поговоривъ на тему о безнравственности отцовъ и соціальной опасности, обязали отца выдавать на содержаніе только до 14-лѣтняго возраста, и притомъ только Nothdürftigen Unterhalt, т.-е. чтобы дитя только не умерло голодною смертью; предполагалось, что въ 14 лѣтъ незаконное дитя достигаетъ той зрѣлости и самостоятельности, которой законныя достигаютъ только въ 21 годъ. Составители второго проекта устыдились: они повысили возрастъ до 16 лѣтъ и объяснили: «неловко по соціально-политическимъ соображеніямъ вносить въ уложеніе правило, намекающее на возможность голодной смерти; къ тому же вѣдь отцы всегда легче матерей зарабатываютъ средства къ жизни; поэтому нужно, чтобъ они несли большее бремя, чѣмъ матери». Второй проектъ постановилъ,—и это вошло въ уложеніе,—что отецъ обязанъ выдавать на содержаніе сообразно съ общественнымъ положеніемъ *матери*. Парламентъ пошелъ еще дальше; ме
шинству не удалось провести требованіе, чтобы отецъ давалъ на сод
жаніе дитяти сообразно со *своимъ* общественнымъ положеніемъ, а не тол
съ положеніемъ матери; большинство боялось нанести ущербъ законны
семьямъ. Но парламентъ внесъ существенную поправку: и послѣ 16-л
няго возраста, если дитя не въ состояніи само себя содержать, отецъ
занъ давать на содержаніе. Законъ такъ опредѣляетъ размѣръ со

нія: «всѣ потребности жизни, расходы на воспитаніе и подготовку къ профессіи».

Дальше все регулировано въ высшей степени цѣлесообразно: дайте юристамъ тонъ—сдѣлать выводы, дать техническую разработку,—это они сумѣютъ. Обязанность отца выдавать на содержаніе ребенка идетъ впереди обязанности матери; онъ обязанъ выдавать алименты непремѣнно въ видѣ денежной ренты и за 3 мѣсяца впередъ; отнять у матери ребенка, подъ предлогомъ, что онъ самъ будетъ его воспитывать, съ тѣмъ, чтобы потомъ, быть можетъ, спровадить его въ воспитательный домъ,—это онъ сдѣлать не можетъ. Мало того: въ случаѣ смерти отца дитя ничего не теряетъ,—оно обращается съ своимъ требованіемъ къ его наслѣдникамъ. И, въ заключеніе, мы видимъ опять ограниченіе свободы договора, къ сожалѣнію, остановившееся на полдорогѣ: отецъ можетъ войти въ соглашеніе съ опекою и откупиться разъ навсегда извѣстною суммою, и только безденежное отреченіе отъ правъ на алименты ничтожно. Относительно матери обязанности отца ограничивались по проекту тѣмъ, что онъ возмѣщалъ ей издержки на роды и содержаніе въ теченіе шести недѣль послѣ родовъ; но въ парламентѣ поднялся соціалъ-демократъ, и послѣ его горячей рѣчи консервативный депутатъ сказалъ: «Мое чувство справедливости велитъ мнѣ примкнуть къ требованію соціалъ-демократа», и увлекъ за собою парламентъ, который постановилъ добавить: «если она вслѣдствіе беременности и родовъ будетъ больна и понадобятся дальнѣйшіе расходы,—то и дальше».

Этимъ мы ограничиваемъ наше сообщеніе объ институтахъ новаго уложенія. Но на одной общей чертѣ его мы должны еще остановить вниманіе читателя. На страницахъ новаго уложенія выростаетъ фигура нѣмецкаго судьи; ему отводится огромная и отвѣтственная роль. Мы упустили сообщить, говоря объ ограниченіи свободы договора, что судьѣ предоставлено право понижать по своему усмотрѣнію размѣръ неустойки, установленной по договору. Но, и независимо отъ этого спеціальнаго постановленія, читатель могъ уже наблюсти, какъ часто уложеніе предоставляетъ ближайшее нормированіе случая совѣсти и усмотрѣнію судьи; тамъ, гдѣ иной законодатель даетъ въ самомъ текстѣ закона мѣру и вѣсы, уложеніе полагается на тактъ, честность, умъ и знаніе судьи. Знаніе! Что такое знаніе у судьи? Достаточно ли, чтобы судья твердо зналъ законы и прецеденты,—чтобы онъ обладалъ способностью логически связывать посылки и также искусно дѣлать изъ нихъ выводы, какъ математикъ рѣ---етъ свои задачи? Очевидно, нѣтъ! Судьѣ, поставленному на такую вы-.у, на какую становится нѣмецкій судья теперь, недостаточно обладать ·собностью, которая развивается при постоянной гимнастикѣ ума, нетаточно умѣть примѣнять нормы къ отдѣльнымъ казусамъ, какъ еслибъ · были стереотипные школьные примѣры, а необходимо прежде всего ть тѣ жизненныя отношенія, которыя будутъ проходить предъ его су-. Когда къ нему явятся съ требованіемъ уничтожить договоръ вслѣд-

ствіе *важности* нарушенія, расторгнуть бракъ вслѣдствіе *безчестнаго* поведенія, взыскать убытки вслѣдствіе *безнравственности* образа дѣйствій, тогда онъ долженъ будетъ умѣть оперировать понятіями «важный», «безнравственный», «безчестный», «существенный», «значительный»—такъ же легко, какъ онъ теперь находитъ нужныя ему статьи закона. Содержаніе законовъ онъ узнаетъ изъ книгъ, но понятія: что важно и что существенно?—изъ жизненнаго опыта? Но жизненныя отношенія въ наше время быстро усложняются, и умственный круговоротъ съ помощью личнаго опыта при неизбѣжной спеціализаціи обнимаетъ все меньше и меньше отношеній. Для дѣятельности судьи нужна болѣе основательная подготовка, чѣмъ прежде, именно благодаря этой сложности жизненныхъ явленій; но въ чемъ эта подготовка должна состоять, на этотъ вопросъ мы здѣсь не отвѣчаемъ, потому что намъ тогда пришлось бы перейти къ обширному вопросу о реформѣ юридическаго образованія, которая отчасти, въ связи съ новымъ уложеніемъ, теперь на очереди въ Германіи. Но разъ уже зашла рѣчь о выдающейся роли судьи по новому уложенію, намъ удастся освѣтить еще съ одной стороны картину соціальной борьбы, происходящей въ современной Германіи. Парламентскіе отчеты показываютъ, что обширныя полномочія судьи, его свободное усмотрѣніе, встрѣчаютъ протестъ со стороны представителей четвертаго сословія. Мы не знаемъ что сказать о заявленіи этихъ представителей, что они не довѣряютъ знаніямъ и безпристрастію судей, потому что имъ ближе *знакомы* и по ихъ положенію имъ *ближе* интересы третьяго сословія, основано ли это заявленіе на дѣйствительномъ наблюденіи, или это простая политическая тактика,—какъ бы то ни было, но у сторонняго наблюдателя при этомъ невольно встаютъ въ воспоминаніи аѳинскій демосъ и римскіе плебеи, требовавшіе отъ эвпатридовъ и патриціевъ твердыхъ законовъ взамѣнъ рѣшеній на основаніи невѣдомыхъ источниковъ познанія судьи. Въ интересахъ общечеловѣческой культуры намъ остается пожелать, чтобы наши сосѣди не искали выхода изъ трудностей историческаго момента ни въ помощи Дракона, ни въ удаленіи на Священную гору.

Въ заключеніе постараемся отвѣтить еще на вопросъ по поводу уложенія въ его цѣломъ,—что вноситъ книга, съ которой мы познакомились, въ науку о правѣ? Мы думаемъ, что она должна разрушить старыя научныя воззрѣнія, которыя продолжаютъ до сихъ поръ смущать умы, и, наоборотъ, утвердить взгляды, которые высказаны новою наукой, но еще не пріобрѣли всеобщаго признанія. Въ парламентѣ въ числѣ воспріемниковъ новаго уложенія выступали члены второй коммиссіи, профессора Планкъ и Зомъ, оба пользующіеся громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью въ наукѣ. Вотъ что говорилъ Зомъ: «дѣйствующее право не создается, не выдумывается законодателемъ или господствующими классами; оно произрастаетъ органически, съ элементарною силой оно вытекаетъ изъ всей народной жизни; право зиждится на первомъ планѣ, какъ это знаетъ вся историкъ, на великихъ вѣковыхъ, съ элементарною силой пробивающи

теченіяхъ духовной жизни, надъ которыми никакой законодатель не властенъ». Планкъ говорилъ: «Право народа должно вырости изъ его внутренней жизни, нужно найти его и отлить въ прочныя формы». Итакъ, по вопросу объ образованіи права два видныхъ нѣмецкихъ ученыхъ продолжаютъ стоять на почвѣ воззрѣній исторической школы. Для нихъ не существуетъ столкновеній между старымъ и новымъ, борьбы интересовъ, координаціи силъ, компромиссовъ,—вся критика Іеринга и Маркеля, видимо, пронеслась мимо нихъ, не снявъ пелены школьныхъ предразсудковъ съ ихъ умственнаго взора. Но то, что мы цитировали, сказано было обоими *до* парламентскихъ голосованій; теперь, мы увѣрены, при одномъ взглядѣ на уложеніе они отрекутся отъ старыхъ заблужденій. Съ другой стороны, уложеніе въ связи съ исторіей его образованія подтверждаетъ положеніе, что право по своей природѣ не логично, что оно развивается не путемъ выведенія нормъ изъ понятій, а путемъ приспособленія нормъ къ цѣлямъ,—положеніе, что право образуется вслѣдствіе борьбы интересовъ, опирающихся на силы; но также и положеніе, что идеализація силы, какъ правообразующаго фактора, составляетъ другую крайность, и что не слѣдуетъ совсѣмъ игнорировать роль идеальнаго фактора, чуждаго разсчетовъ и интересовъ,—справедливости. Какъ отложеніе умственнаго развитія народа, идея справедливости покоряетъ себѣ волю людей и становится выше эгоистическихъ побужденій отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ сословій, и потому чѣмъ шире просторъ, данный умственному развитію народа, тѣмъ большаго можно ожидать отъ идеальнаго фактора правообразованія.

М. Брунъ.

Среди новоселовъ.

(Отъ Барнаула до Костина Лога.)

Въ теченіе моего пребыванія въ Томской губерніи лѣтомъ 1896 г. мнѣ пришлось, между прочимъ, посѣтить и нѣсколько деревень новоселовъ изъ Европейской Россіи, отчасти устроившихся самостоятельными селеніями, отчасти приписавшихся къ деревнямъ сибирскихъ старожиловъ. Мои наблюденія касаются лишь очень небольшого района, но я рѣшаюсь подѣлиться ими въ виду того, что нѣкоторыя условія жизни переселенцевъ въ видѣнной мною мѣстности являются отличными отъ тѣхъ, въ которыхъ обыкновенно приходится жить новоселу. Къ югу отъ Барабинской степи и къ западу отъ Оби расположена мѣстность, извѣстная подъ общимъ названіемъ Кулундинской степи, въ просторѣчіи просто называемой «Кулундой». Мнѣ удалось посѣтить только юго-восточную часть ея и осмотрѣть селенія, находящіяся къ юго-западу отъ г. Барнаула въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ р. Барнаулки, притока Оби, причемъ болѣе подробно пришлось познакомиться съ новоселами дер. Костина Лога и близлежащаго Микешина Лога.

Какъ скоро выберешься изъ сыпучихъ песковъ, окружающихъ на нѣсколько верстъ Барнаулъ, мѣстность принимаетъ особый характеръ, который она не измѣняетъ на протяженіи 150 верстъ, отдѣляющихъ Барнаулъ отъ Костина Лога. Это еще—не Кулунда, хотя этимъ именемъ и называется обыкновенно въ просторѣчіи и мѣстность отъ Барнаула до Костина и Микешина Логовъ. На степь въ обычномъ смыслѣ она не похожа: отъ Барнаула до Микешина Лога тянется узкой прерывистой полосой боръ, въ значительной степени порѣдѣвшій въ настоящее время отъ порубокъ лѣсныхъ пожаровъ; ровная плоскость, открывающая путешествующему ш рокій горизонтъ, усѣяна березовыми рощицами, колками, достигающи иногда довольно значительныхъ размѣровъ. Съ точки зрѣнія ландшаф эта часть Кулунды очень напоминаетъ Барабу, но она не страдаетъ т сыростью, изобиліемъ грязей и болотъ, какъ послѣдняя, и вслѣдствіе эт производитъ и болѣе благопріятное впечатлѣніе. Единственнымъ недост

комъ является отсутствіе воды, и это накладываетъ на веселый въ общемъ ландшафтъ печать чего-то грустнаго, безжизненнаго.

Направляясь къ Костину Логу, путешествующій съ первой же остановки начинаетъ сталкиваться съ новоселами: приходится проѣзжать д. Шахи, Стуково, Сараи, Черемное, Барнаульскую, Колыванскую (Ложкино), Савинскую (Зимину), Рожны (Рожновъ Логъ), Вороніху и Микешинъ Логъ. Изъ нихъ Сараи, Костинъ и Микешинъ Лога заселены исключительно новоселами, остальныя представляютъ смѣшанное населеніе старожиловъ-сибиряковъ съ переселенцами изъ различныхъ губерній Европейской Россіи. Путешествующій попадаетъ сразу какъ бы въ живой этнографическій музей: рядомъ съ коренными сибиряками, успѣвшими въ теченіе ряда поколѣній выработать особый типъ, встрѣчаешь здѣсь жителей Курской и Самарской, Вятской, Тамбовской и Орловской, Рязанской и Саратовской, Воронежской и Могилевской, Нижегородской, Симбирской, Уфимской, Пермской, Казанской и др. губ., малороссовъ изъ Черниговской и Полтавской губ., чувашей, мордву, старообрядцевъ изъ Саратовской губ. и пр.,—однимъ словомъ, значительная часть областей Европейской Россіи имѣетъ здѣсь своихъ представителей. Кромѣ того, здѣсь же можно встрѣтить и переселенцевъ изъ Тобольской губ. (д. Вороніха) и Каинскаго округа Томской губ. (д. Савинская). Нивеллирующее значеніе деревенской моды сказывается и здѣсь: въ одеждѣ, въ частности женской, нельзя замѣтить рѣзкихъ, по крайней мѣрѣ, различій по областямъ и мѣстностямъ; мордва и чуваши нарядились въ обычные костюмы русскихъ крестьянъ, и мордвинку или чувашку вы не отличите по одеждѣ отъ представительницъ великорусскаго племени. Лишь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сохраняется еще старинный національный костюмъ, привезенный съ собой изъ далекой родины, живое воспоминаніе о недавнемъ прошломъ; но онъ хранится въ сундукѣ и неохотно показывается. Малороссы облеклись уже въ великорусскую рубаху и утратили характерныя черты своего костюма. Несмотря на это, пестрота этнографическаго состава довольно рѣзко выражается и въ типѣ, и въ говорѣ, и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ хозяйства и домостроительства.

Деревни со смѣшаннымъ населеніемъ изъ старожиловъ-сибиряковъ и новоселовъ сохраняютъ общій типъ сибирскихъ нетрактовыхъ деревень. Какого-нибудь правильнаго плана въ расположеніи селенія, прямыхъ улицъ, устройства домовъ съ фасадами, выходящими на улицу, и т. д.,—однимъ словомъ, тѣхъ чертъ, которыя отличаютъ типичную деревню центральныхъ губерній Россіи,—здѣсь не встрѣтишь. Сибирскія деревни представляютъ ...пу дворовъ, расположенныхъ гдѣ и какъ попало: болѣе или менѣе ...рокія, но всегда кривыя улицы тянутся между этими дворами; дома ...положены чаще всего внутри отгороженныхъ заборомъ дворовъ, окна ...ятъ во дворъ, а не на улицу; одинъ домъ стоитъ къ улицѣ бокомъ, ...гой задомъ и т. д. Селеніе окружено на 2—3 и больше, иногда на 8 ...ть во всѣ стороны, считая отъ селенія, заборомъ; это—паскотина, въ ...ой пасется скотъ, отпускаемый изъ деревни всегда безъ пастуховъ.

Приселяющіеся новоселы не въ состояніи видоизмѣнить плана деревни: они строятся такъ же безпорядочно, какъ и старожилы, но сохраняютъ вынесенный изъ родины обычай обращать дома фасадами на улицу. Рядомъ съ потемнѣвшими отъ времени избами сибиряковъ, прочными, выстроенными изъ толстаго лѣса, часто двухъэтажными и снабженными въ обиліи разными хозяйственными постройками, жилища новоселовъ кажутся довольно убогими: это, въ большинствѣ случаевъ, небольшіе срубики, вѣнцовъ въ 12—14 высоты, съ плоскими крышами, маленькими окнами, лишенные еще хозяйственныхъ приспособленій. Малороссы иногда строятъ себѣ мазанки, выгодно отличающіяся чистотой и нарядностью среди недостроенныхъ плоскокрышихъ срубовъ новоселовъ и побурѣвшихъ отъ времени домовъ сибиряковъ; встрѣчаются и соломенныя крыши, почти неупотребительныя въ Сибири, благодаря обилію лѣса. Нѣкоторые переселенцы, повидимому, пытаются перенести въ Сибирь родной обычай устраивать передъ избами палисаднички: въ сибирскихъ деревняхъ Томской губ. почти никогда вы не увидите ни деревца, ни кустика; это отсутствіе зелени придаетъ имъ скучный и непривѣтливый характеръ. Переселенцы пробуютъ сажать березки подъ окнами, но оттого ли, что деревья взяты слишкомъ большими, отъ другихъ ли причинъ, но мнѣ почти не пришлось видѣть, чтобъ эти насажденія привились: лишь по сухимъ вѣтвямъ можно догадаться, что такія попытки были сдѣланы.

Другое впечатлѣніе производятъ селенія, исключительно занятыя новоселами. Хотя они строятся безъ ранѣе начерченнаго плана, но привычка къ правильно расположеннымъ деревнямъ выражается здѣсь въ томъ, что дома въ селеніи тянутся двумя линіями вдоль улицы, фасадами на нее, напоминая этимъ селенія средней полосы Россіи; этимъ, впрочемъ, правильность плана и ограничивается, такъ какъ дома лѣпятся другъ отъ друга на близкое разстояніе, и въ общемъ селеніе производитъ впечатлѣніе тѣснаго. При приходѣ на новое мѣсто новоселы обыкновенно сравнительно скоро обзаводятся избой; но послѣдняя представляетъ просто срубъ, очень небольшой, въ одну комнату. Новоселъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не приступаетъ къ возведенію крыши еще долгое время, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: отчасти вслѣдствіе дороговизны постройки, но часто и отъ того, что новоселъ не увѣренъ, останется ли онъ долго на новомъ мѣстѣ, или нѣтъ: съ одной стороны, онъ еще не успѣлъ окончить формальности по припискѣ своей къ селенію, съ другой — недостаточно еще оглядѣлся на мѣстѣ,—все это плодитъ въ немъ неувѣренность въ дальнѣйшей своей судьбѣ, и ему нѣтъ разсчета производить траты окончательное обзаведеніе дворомъ. Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ жи въ недостроенномъ домѣ, онъ, окончательно приписавшись и рѣшивш продолжать начатое хозяйство, покрываетъ домъ земляной, тесовой соломенною крышей, пристраиваетъ дворовыя строенія, украшаетъ он крыльцо и крышу рѣзьбой:—послѣдняя почти отсутствуетъ всецѣло домахъ сибиряковъ-старожиловъ. Такъ какъ переселенцы извѣстной д

ни сошлись не сразу, такъ какъ экономическій уровень ихъ часто весьма различенъ, то деревня новоселовъ представляетъ довольно пестрый видъ: рядомъ съ новымъ домомъ, съ тесовою крышей, балкончикомъ, рѣзными перильцами крыльца и обширнымъ дворомъ, стоитъ землянка, еле поднимающаяся надъ уровнемъ земли; стѣна ея въ 4—5 вѣнцовъ закидана навозомъ-заваленкой, для сохраненія тепла зимой; на плоскую крышу навалена земля, маленькія окна еле поднимаются надъ почвой; такое жилое помѣщеніе на ⅓ врыто въ землю. Тутъ же увидите и одинокій срубъ, безъ крыши, часто даже безъ сѣней, которыя иногда замѣняются плетневою изгородью, и пятистѣнныя помѣщенія со строющейся крышей, и маленькій покосившійся дворикъ изъ плетня, и обширные, крытые соломой амбары и проч. Однимъ словомъ, на небольшомъ пространствѣ дается возможность познакомиться чуть не со всѣми видами богатыхъ и бѣдныхъ типовъ жилищъ. Индивидуальный вкусъ, экономическое благосостояніе, привычки, принесенныя съ родины,—все накладываетъ особый отпечатокъ на развивающееся хозяйство; у одного крыша крыта соломой на 4 ската и подстрижена щеткой, у другого—на два ската, рядомъ домъ съ четырехскатною тесовою крышей и тутъ же другой съ двускатной, украшенною рѣзьбой, съ балкончикомъ на фронтонѣ и проч. Одни по обычаю родины выстраиваютъ погреба на улицѣ, противъ избы, ставятъ тамъ же колодцы, другіе переносятъ всѣ хозяйственныя постройки внутрь двора. Въ такомъ селеніи все говоритъ о развитіи, о побѣдоносной борьбѣ пришлаго элемена съ чуждыми условіями, съ новою для него обстановкой—и оно производило бы совершенно благопріятное впечатлѣніе на наблюдателя, еслибы то тутъ, то тамъ полуразвалившіяся, оставленныя на произволъ судьбы хибарки не напоминали, что не всѣ пришельцы устроились хорошо, что часть не выдержала борьбы за существованіе среди чуждыхъ условій жизни и покинула начатое хозяйство, чтобъ искать себѣ новыхъ мѣстъ или возвратиться на родину къ разоренному пепелищу. Въ литературѣ, касающейся быта и условій жизни переселенцевъ въ Сибири, было такъ много писано о взаимныхъ отношеніяхъ старожиловъ и новоселовъ, что мои наблюденія едва ли могутъ прибавить что-нибудь новаго. Не останавливаясь поэтому на этомъ вопросѣ, я долженъ однако отмѣтить, что въ посѣщенной мною мѣстности можетъ считаться почти общимъ фактъ постепеннаго вытѣсненія старожиловъ новоселами.

Старожилъ-сибирякъ, экономически хорошо обезпеченный, относится нѣсколько свысока къ переселенцу, которому часто приходится въ первое время по прибытіи на новое мѣсто поступать въ работники или даже просить милостыней. Сибиряки охотно имъ помогали и не предъявляли чрезвычайныхъ условій за право приписки къ обществу. Встрѣчались случаи, когда старожилы даже дарили переселенцамъ лошадей: «пріѣдетъ переселенецъ, остановится въ деревнѣ, пойдетъ просить по домамъ, а вернется—у него къ телѣгѣ лошадь привязана». Но по мѣрѣ увеличенія числа переселенцевъ сибиряки начали чувствовать «утѣсненіе» въ землѣ, и отно-

шеніе ихъ къ «россійскимъ» измѣнилось: условія приписки къ обществу дѣлались все тяжелѣе, и въ настоящее время установилась высокая цѣна 40—60 руб., цѣна далеко не часто доступная переселенцу, израсходовавшему уже подчасъ въ дорогѣ значительную долю и безъ того небольшого запаса денегъ, взятаго съ родины. Дѣйствительно, часть переселенцевъ устраивается самовольно и переселяется къ старой деревнѣ, не внося ничего въ пользу общества,—и этотъ фактъ является причиной многихъ споровъ и неудовольствій, принимающихъ иногда довольно рѣзкій характеръ. Чаще, впрочемъ, если переселенцевъ много, сибиряки молча глядятъ на совершившійся фактъ, затая глухое неудовольствіе на пришлыхъ.

Помнится, какъ въ с. Колыванскомъ на мой вопросъ, какъ живутъ новоселы, большуха богатаго сибирскаго дома иронически отвѣчила: «Больше не побираются». Но сколько накипѣвшаго неудовольствія скрывалось за этою краткою фразой, обнаружилось сейчасъ же при разговорѣ съ ея мужемъ, старикомъ, главой большой семьи, недавно отдѣлившимъ своихъ взрослыхъ сыновей.

Еще недавно переселенцы пришли сюда совершенно бѣдные, они имъ помогали, а теперь вотъ какіе дома выстроили, и стало теперь жить тяжело, земли стало «тѣсновато»; прежде засѣвали по 70 десятинъ, а теперь сколько народу прибавилось? а земля здѣсь какая? посѣешь—нѣсколько лѣтъ родитъ, а потомъ бросай, ищи себѣ другой участокъ; пробовали возить наземъ, только здѣсь земля не такая: пшеница на удобренной землѣ гніетъ на корню или колосъ даетъ пустой.

На замѣчаніе, что въ Россіи удобряютъ же поля и хлѣбъ родится хорошо,—всегда, какъ въ Колыванскомъ, такъ и всюду, гдѣ приходилось поднимать этотъ же вопросъ, получаешь неизмѣнный отвѣтъ, что въ Россіи земля другая, тамъ вотъ одна десятина цѣлую семью прокормитъ, а здѣсь не то—нѣсколько десятинъ нужно запахать, чтобы прокормиться, и т. дал.

Если спросить себя, основательны ли подобныя жалобы сибиряковъ на недостатокъ земли, придется отвѣтить и да, и нѣтъ. Да, съ точки зрѣнія самого сибиряка, привыкшаго вести свое хозяйство самыми первобытными пріемами, при которыхъ онъ быстро истощаетъ плодородную землю, и, кромѣ того, считающаго годъ, когда онъ сниметъ на 5 пудовъ засѣянныхъ сѣмянъ 50 пудовъ, уже плохо урожайнымъ. Хорошимъ урожаемъ онъ считаетъ на 5 пудовъ—150 пудовъ, т.-е. самъ-тридцать. Но если вглядѣться, какъ мало сибирякъ вкладываетъ труда въ обработку земли, придется, конечно, отвѣтить отрицательно на поставленный вопросъ. Землей сибирскія деревни видѣнной мѣстности обезпечены въ обиліи; даже въ такихъ деревняхъ, гдѣ какъ въ Колыванскомъ, больше $^2/_3$ населенія состоитъ изъ новоселовъ, земли хватило бы съ избыткомъ на все населеніе, вѣроятно на нѣсколько поколѣній. Но дѣло въ томъ, что крестьянское хозяйство средней полосы Россіи, которое является вполнѣ экстенсивнымъ, сравнительно съ болѣе культурными странами, должно считаться чрезвычайно интенсивнымъ по сравненію съ хозяйствомъ сибирскимъ.

При существованіи вольнаго пользованія землею, при отсутствіи душевыхъ надѣловъ и господства права захвата земли, сибирякъ запахиваетъ земли сколько можетъ поднять наличными силами семьи и при помощи рабочихъ. «Иной вспашетъ столько, сколько въ Россіи другому помѣщику не вспахать», приходилось мнѣ слышать; и дѣйствительно, есть семьи, которыя запахиваютъ или запахивали въ недавнее время до 200—400—700 десятинъ. Крестьянинъ, имѣющій 40—50 и болѣе лошадей, здѣсь не рѣдкость. Тѣ, которые не были въ состояніи запахивать такое большое количество земли, урожай съ которой, за удовлетвореніемъ семейныхъ нуждъ, шелъ въ продажу, вспахивали болѣе скромную цифру десятинъ, удовлетворяли потребности семьи, а остальное время «работали бичикомъ», т.-е. занимались извозомъ. Послѣ одной поверхностной вспашки, плохо пробороновванная земля вознаграждаетъ поистинѣ не по заслугамъ пахаря. Плохой способъ обработки приводитъ къ тому, что года черезъ 2—3 урожай уменьшается и сибирякъ бросаетъ свой участокъ и поднимаетъ или цѣлину, или, по крайней мѣрѣ, отдохнувшую долгое время землю. Не только объ удобреніи земли, но даже о болѣе раціональномъ способѣ вспашки, перепахиваньѣ, тщательномъ бороновании и проч. онъ не думалъ: легкій трудъ былъ вполнѣ достаточенъ для обезпеченія семьи съ лихвой хлѣбомъ на круглый годъ.

Новоселы не даромъ смѣются надъ старожилами, что они поднимаются поздно, когда солнце уже встало; затѣмъ поѣдятъ, а потомъ помаленьку заложатъ лошадь и поѣдутъ на пашню; пріѣдутъ, а солнце уже высоко; пройдетъ полосу,— смотритъ, пришло время чай пить, а тамъ и обѣдъ, и т. д.; много-много двѣ полосы въ день вспашетъ. Въ этомъ разсказѣ, въ которомъ находитъ себѣ выходъ и антагонизмъ новоселовъ къ старожиламъ, есть та доля правды, что понятія о той тяжелой работѣ, съ которой сроднился пахарь Европейской Россіи, сибирякъ не имѣетъ. Да и мнѣ самому приходилось видѣть неоднократно, что крестьяне-сибиряки отправляются на покосъ только въ 7—8 ч. утра и возвращаются раньше 6 ч. вечера. Такъ какъ покосные участки находятся обыкновенно въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни, во всякомъ случаѣ за предѣлами паскотины, которая, какъ было уже упомянуто, отстоитъ отъ деревни на нѣсколько верстъ, то, за вычетомъ времени поѣздки на покосъ и обратно домой, времени, необходимаго на налаживанье косъ и проч., питья чая (иногда три раза), обѣда и послѣобѣденнаго отдыха,—пожалуй, едва наберется часовъ 6 работы, которая къ тому же ведется далеко не такъ интенсивно, какъ Европейской Россіи. Богатая травами почва вознаграждаетъ и здѣсь ботника съ лихвой. Именно этой легкостью обработки земли, отсутствіемъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, объясняется обычай, встрѣчающійся мѣстами въ Томской губ.: засѣвать вдоль дорогъ полоски земли, иногда саженей 20, овощами для прохожихъ. Хозяинъ, засѣявшій такую полоску, пользуется урожаемъ съ нея,—онъ идетъ въ пользу желающихъ: дѣтей,

прохожихъ и проч. Частью это дѣлается по обѣту, въ особенности при болѣзни ребенка въ семьѣ, частью изъ соображеній другого характера.

Хозяева, заботящіеся о прохожихъ, по мѣстному выраженію—«радѣтели», надѣются этимъ способомъ предохранить поля съ овощами отъ порчи прохожими, которые, если нуждаются въ пищевыхъ продуктахъ, могутъ безпрепятственно рвать на свои нужды, сколько требуется, съ этихъ полосокъ.

При указанныхъ способахъ хозяйства, господствѣ съ полною силой переложной системы, легкости труда, сибиряку трудно конкуррировать съ новоселомъ. Послѣдній является по отношенію къ первому элементомъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе культурнымъ, хотя экономически и хуже обставленнымъ. Переселенецъ приноситъ съ собою болѣе высокіе способы обработки земли, онъ ведетъ болѣе правильное хозяйство, — однимъ словомъ, приходитъ вооруженнымъ тѣмъ опытомъ и средствами борьбы за существованіе, которые онъ выработалъ въ теченіе долгой жизни среди печальныхъ экономическихъ условій своей родины, съ привычкой къ труду, съ способностью выносить лишенія и готовностью приложить всю энергію на поднятіе своего хозяйства. Кромѣ того, между переселенцами встрѣчается не малое количество грамотныхъ, въ противоположность сибирякамъ, въ средѣ которыхъ грамотность развита въ минимальныхъ размѣрахъ.

Легкость труда, конечно, отражается на характерѣ хозяйства и новоселовъ: естественно, они также предпочитаютъ поднимать цѣлину, чѣмъ биться надъ полуистощенною землей. Обыкновенно новоселы не прибѣгаютъ къ удобренію почвы, и черезъ нѣсколько лѣтъ обработки они переходятъ на новый участокъ. При выборѣ этихъ послѣднихъ новоселы одерживаютъ обыкновенно верхъ надъ старожилами. Привыкши трудиться, новоселъ, выбравъ себѣ участокъ получше, встаетъ рано и не жалѣетъ усилій, чтобы скорѣе запахать бо́льшую площадь. При существованіи права вольнаго пользованія землей, по которому владѣльцемъ участка оказывается тотъ, кто его вспахалъ, новоселъ успѣетъ обезпечить за собой извѣстное количество земли, прежде чѣмъ сибирякъ-старожилъ соберется пріѣхать на участокъ. Сибирякъ начинаетъ также пахать, но его работа идетъ медленнѣе, онъ даетъ себѣ частые отдыхи, и къ концу дня, въ то время, какъ новоселъ успѣваетъ захватить потребное количество земли, сибирякъ еле поднимаетъ нѣсколько полосокъ. Большее количество энергіи, съ которою работаютъ новоселы, приводитъ въ результатѣ къ тому, что лучшіе участки переходятъ въ ихъ руки, а сибирякъ-старожилъ, не умѣющій приноровиться къ новымъ условіямъ, вынужденъ бываетъ часто довольствоваться землями менѣе хорошаго качества.

Если, наконецъ, прибавить къ этому, что новоселы составляютъ въ посѣщенныхъ мною деревняхъ значительный % всего населенія, часто $^2/_3$—$^3/_4$ всѣхъ жителей, то жалобы численно меньшихъ и не привыкшихъ къ усиленному земледѣльческому труду сибиряковъ являются хотя и несправедливыми, но во всякомъ случаѣ легко объяснимыми. Встрѣчаются

даже случаи окончательнаго вытѣсненія сибиряковъ новоселами: такъ, напримѣръ, въ д. Рожны значительная часть населенія состоитъ изъ крестьянъ-сибиряковъ, переселившихся сюда съ р. Касмалы, изъ д. Ребрихи, находящейся отъ Рожновъ верстахъ въ 30. По словамъ этихъ переселенцевъ, они были вынуждены покинуть родную деревню, уступая новоселамъ, которые ихъ стѣснили. Степень стѣсненія естественно нѣсколько преувеличивается. Проф. С. І. Залѣсскій, совершившій въ 1893 г. поѣздку по переселенческимъ деревнямъ Барнаульскаго и Каинскаго округовъ, Томской губ., въ своемъ *Отчетѣ* *), на который намъ придется ссылаться еще неоднократно ниже, сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Желая уяснить себѣ причину, зачѣмъ обжившіеся и обзаведенные коренные жители старой, большой и зажиточной деревни (Ребрихи) бросаютъ свои пожитки и ищутъ житья въ другомъ смежномъ, но врядъ ли болѣе удобномъ мѣстѣ, я старался собрать самыя точныя справки и, благодаря главнымъ образомъ болтливости женщинъ, установилъ фактъ, что чуть ли не всѣ ребришане, оставляя свою родную деревню, продали выстроенные ими дома, владѣнія и посѣвъ россійскимъ переселенцамъ при довольно благопріятныхъ условіяхъ. Такъ, наприм., одинъ крестьянинъ, хозяинъ сельской квартиры, уступилъ свой домъ за 500 руб., другой за 400 руб. и т. д. Выходитъ, такимъ образомъ, что сдѣлка была здѣсь во всякомъ случаѣ добровольная, не безъ разсчета со стороны ребришанъ на извѣстныя выгоды, такъ какъ имъ больше, чѣмъ россійскимъ переселенцамъ, знакома была окрестность и смежныя свободныя и болѣе всего къ заселенію удобныя земли» (стр. 16). Что уходящіе изъ своей деревни старожилы старались устроить свой переходъ на возможно выгодныхъ для себя условіяхъ за счетъ новоприбывшихъ переселенцевъ изъ Россіи, не подлежитъ сомнѣнію, что нисколько, конечно, не измѣняетъ факта, что сибиряки-старожилы разсчитывали лучше устроиться у своего брата сибиряка, чѣмъ вести прежнее хозяйство при большомъ наплывѣ «россійскихъ».

Къ чему приведетъ столкновеніе и взаимное общеніе стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культурнаго уровня представителей русской народности, предрѣшить невозможно. Отдѣльные случаи, когда старожилы-сибиряки, присмотрѣвшись къ хозяйничанью новоселовъ, усвоиваютъ себѣ ихъ пріемы и улучшаютъ способы обработки земли, въ настоящее время находятъ себѣ противовѣсъ въ фактахъ, когда обратно новоселы, увлеченные богатствомъ земель и ихъ плодородіемъ, усвоиваютъ себѣ привычки сибиряковъ. Въ настоящее время, въ посѣщенной мною мѣстности, культурная побѣда остается п[illegible] на сторонѣ новоселовъ, и можно надѣяться, что пришлый изъ Европ[illegible]кой Россіи элементъ сыграетъ постепенно роль цивилизующую и подн[illegible]тъ хозяйство старожиловъ хотя бы до того невысокаго уровня, на

*) *С. І. Залѣсскій*: „Изслѣдованіе пригодности нѣкоторыхъ маловодныхъ мѣстно-ст[illegible] Барнаульскаго и Каинскаго округовъ къ заселенію переселенцами изъ Европей-ск[illegible] Россіи. Отчетъ о командировкѣ, состоявшейся лѣтомъ 1893 г. по предложенію го[illegible] томскаго губернатора“ (Томскъ, 1893 г.).

которомъ оно стоитъ въ Европейской Россіи. Быть-можетъ, онъ разовьетъ среди сибиряковъ и большее стремленіе къ грамотности, отсутствіе которой въ массѣ населенія старожиловъ не можетъ не отражаться крайне вредно и на ихъ хозяйственномъ бытѣ, въ особенности, когда измѣняющіяся условія жизни заставляютъ вырабатывать и новые способы для борьбы съ ними.

Въ большинствѣ посѣщенныхъ мною деревень, въ томъ числѣ и въ Костиномъ и въ Микешиномъ Логахъ, населеніе можетъ быть раздѣлено на слѣдующія, непріязненно относящіяся другъ къ другу группы: «приписныхъ» и «неприписныхъ», православныхъ и «кержаковъ».

Хотя каждый переселенецъ, конечно, хорошо знаетъ, изъ какой губерніи переселились его односельчане, хотя постоянно приходится слышать: «здѣсь живутъ уфимскіе», «здѣсь тамбовскіе», «поѣзжай къ чувашамъ» и т. д.,—но общность интересовъ наложила на всѣхъ общую печать. Воспитанные при разныхъ условіяхъ хозяйственныхъ и климатическихъ, оторванные отъ родины, не оглядѣвшіеся еще среди новыхъ условій, переселенцы охотно дѣлятся другъ съ другомъ своими свѣдѣніями, даютъ взаимные совѣты и т. д. Антагонизмъ существуетъ, съ одной стороны, между православными и кержаками, и приписными съ неприписными; въ первомъ случаѣ онъ развивается исключительно на религіозной почвѣ, во второмъ—часто на экономической.

Старообрядцы, въ большинствѣ случаевъ, не пользуются ни уваженіемъ, ни вліяніемъ на своихъ сосѣдей: ихъ замкнутая жизнь, презрительное, къ тому же ничѣмъ не скрываемое, отношеніе къ православнымъ не можетъ расположить послѣднихъ къ старообрядцамъ. Православная часть населенія относится нерѣдко иронически къ моленіямъ «кержаковъ», охотно передаетъ вѣроятные и невѣроятные разсказы о дѣятельности «кержацкихъ поповъ», о бракахъ, которые они по произволу то скрѣпляютъ, то расторгаютъ; они не безъ злорадства сообщатъ вамъ, что дѣвушку кержачку выдали насильно замужъ за кержака, а она, полюбивъ православнаго, перешла «въ церковь» и обвѣнчалась «по закону» и что кержацкій попъ ничего не могъ подѣлать, такъ какъ «его можно чуть-что и въ каталажку». Даже воровство, если послушать крестьянъ, завелось здѣсь отъ кержаковъ. «Прежде, бывало, потеряешь что, никто не возьметъ, хоть черезъ день поѣзжай, лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ потерялъ. А какъ приселились эти (т.-е. кержаки), потеряешь и не ищи,—подберутъ сейчасъ. Они первые воры и мошенники». Въ свою очередь старообрядцы, сильные взаимной поддержкой, часто и болѣе обезпеченные матеріально, чѣмъ православные, платятъ своимъ сосѣдямъ полнымъ презрѣніемъ и, считая ихъ нечистыми, не допускаютъ общенія съ собой. Кержакъ не позволитъ православному зачерпнуть воды изъ своего колодца, не согласится съ нимъ ѣсть и пить и пр. Встрѣчаются, впрочемъ, случаи, что старообрядцы, благодаря совмѣстной жизни съ православными, перестаютъ въ столь рѣзкой

степени отдѣляться отъ послѣднихъ. Иные разрѣшаютъ себѣ даже куреніе табаку. Антагонизмъ находитъ себѣ иногда выраженіе въ спорахъ о вѣрѣ. Въ Микешиномъ Логу, наприм., крестьяне воспользовались временемъ пребыванія въ одной переселенческой семьѣ пономаря, родственника послѣдней, и часто вызывали кержацкихъ начетчиковъ на религіозныя состязанія, за которыми деревня слѣдила съ большимъ интересомъ. Православный вамъ разскажетъ съ удовольствіемъ, какъ на тотъ или иной вопросъ пономаря «кержакъ ничего не отвѣтитъ, потому что не знаетъ, и уйдетъ». Положительныхъ результатовъ эти состязанія въ селеніи, насколько мнѣ извѣстно, не давали никакихъ: микешинцы по-прежнему смѣются надъ «кержаками», а послѣдніе продолжаютъ по-прежнему обкуривать свои комнаты, если къ нимъ по дѣлу забредетъ православный.

Приписные переселенцы, т.-е. тѣ, которые, исполнивъ всѣ формальности, получили билеты на поселеніе, относятся часто крайне недружелюбно къ неприписнымъ. Прежде чѣмъ рѣшить, оставаться или нѣтъ въ данной деревнѣ, переселенецъ часто приходитъ въ нее съ спеціальною цѣлью лишь познакомиться съ условіями жизни. Онъ медлитъ исполненіемъ формальностей и просто причисляется къ деревнѣ, заводитъ небольшое хозяйство, чтобы на собственномъ опытѣ убѣдиться въ пригодности мѣстности для окончательнаго поселенія. Если такой приселившійся крестьянинъ соглашается платить наравнѣ съ приписными «полѣтки», т.-е. общіе платежи, онъ пользуется обыкновенно всѣми правами гражданства; приписные не препятствуютъ ему запахивать землю или косить траву, гдѣ и сколько онъ захочетъ. Если же онъ не желаетъ, а чаще всего не можетъ платить «полѣтки», приписные начинаютъ его притѣснять, мѣшаютъ ему вести хозяйство и стараются сдѣлать ему жизнь по возможности тяжелой, чтобы принудить его или уйти, или платить. Но такъ какъ количество неприписныхъ, не платящихъ «полѣтки», иногда довольно значительно, и они, естественно, поддерживаютъ другъ друга, то нерѣдко борьба принимаетъ острый характеръ. Толпа приписныхъ нападаетъ на неприписного, отбиваетъ у него сельско-хозяйственныя орудія; притѣсняемые въ свою очередь защищаются, и дѣло переходитъ въ драку. Не всегда, впрочемъ, уплата «полѣтокъ» спасаетъ неприписного отъ нападеній приписныхъ переселенцевъ. Въ Костиномъ Логу, наприм., нерѣдко отбираютъ насильственнымъ образомъ сохи и бороны даже у тѣхъ, кто аккуратно вноситъ «полѣтки»; нерѣдко, взявъ «полѣтки», имъ запрещаютъ заготавливать землю къ слѣдующему году и, когда обиженные, въ сознаніи своей правоты, выходятъ
[illegible] работы, приписные нападаютъ на нихъ, и снова повторяются сцены
[illegible] баго насилія, драки, побѣдительницей изъ которыхъ выходитъ та пар-
[illegible], которая въ данный моментъ сильнѣе. Если преслѣдованіе не платя-
[illegible] хъ «полѣтокъ» переселенцевъ находитъ себѣ объясненіе въ желаніи
[illegible] иписныхъ освободиться отъ элемента, который, не неся никакихъ тя-
[illegible] ей, хочетъ пользоваться всѣми выгодами на новомъ мѣстѣ своего по-
[illegible] и этимъ стѣсняетъ свободный выборъ земель для запашки при-

писными, то случаи преслѣдованія уплатившихъ «полѣтки» неприписныхъ поселенцевъ объясняются исключительно сознаніемъ, что безправный неприписной не можетъ найти себѣ защиты.

Борьба между приписными и неприписными, православными и кержаками чувствуется, конечно, и въ Костиномъ и Микешиномъ Логахъ не менѣе, чѣмъ въ остальныхъ деревняхъ. Оба Лога получили свое названіе отъ какихъ-то Константина и Никифора, бывшихъ первыми жителями этихъ мѣстъ. Микешинъ Логъ, находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ Костина, составляетъ какъ бы его естественное продолженіе и заселенъ выходцами изъ послѣдняго. Между обѣими деревнями, составляя часть Костина Лога, стоитъ рядъ домовъ саратовскихъ старообрядцевъ, живущихъ совершенно особнякомъ и не сообщающихся со своими сосѣдями-православными.

Въ обѣихъ деревняхъ вы встрѣтите тотъ же пестрый составъ населенія, какъ и въ другихъ, гдѣ переселенцы составляютъ болѣе или менѣе значительную часть населенія. Въ числѣ приблизительно $1^1/_2$ тысячи душъ, населяющихъ оба лога, за исключеніемъ саратовскихъ «кержаковъ», составляющихъ приблизительно $^1/_7$ часть населенія (душъ 200 слишкомъ), вы найдете выходцевъ Тамбовской, Уфимской, Воронежской, Курской, Орловской, Московской, Самарской, Пензенской, Казанской и друг. губерн., малороссовъ Черниговской, Кіевской, Подольской губ., мордву и чувашей. И здѣсь, какъ въ другихъ селеніяхъ съ новоселами, земляки стараются селиться ближе другъ къ другу: уфимскіе къ уфимскимъ, тамбовскіе къ тамбовскимъ, малороссы къ малороссамъ и т. д.; и здѣсь, какъ и въ другихъ деревняхъ, найдешь широкія улицы съ выстроенными вдоль ихъ домами, фасадами на нихъ, и тутъ такое же смѣшеніе типовъ жилищъ, какъ и въ другихъ переселенческихъ деревняхъ: дома съ крышами, дома безъ крышъ, землянки, дворы съ тесовыми воротами, дворы плетневые, просто изгороди, замѣняющія дворы и проч. Но на всемъ, если не считать нѣсколькихъ зажиточныхъ дворовъ, лежитъ печать особой бѣдности, замиранія, и хотя нѣкоторыя семьи живутъ здѣсь 10—15 лѣтъ, хозяева не спѣшатъ приводить свои жилыя и дворовыя постройки въ порядокъ, довольствуясь этими временными жилищами. Причина этого становится скоро ясна: населеніе обѣихъ деревень уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ ожиданіи: костинцы—воды, микешинцы—рѣшенія своей судьбы: утвердятъ ли ихъ на занятомъ ими мѣстѣ, или заставятъ уйти. Неопредѣленность положенія не можетъ не отражаться невыгодно на обзаведеніи хозяйствомъ новоселовъ.

При бѣгломъ взглядѣ на мѣстоположеніе Костина Лога становится совершенно непонятнымъ, какими судьбами эта совершенно безводная мѣстность могла быть назначена для устройства деревни переселенцамъ; еще болѣе теряешься, когда узнаешь, что, несмотря на отсутствіе воды, переселенцы охотно шли сюда. Заселеніе его началось въ 1881 г., но особенно усиленно переселенцы стали направляться сюда за послѣднія 7—8 лѣтъ. Г. Залѣсскій замѣчаетъ, что «толчекъ къ заселенію дали ищущіе себѣ

лучшихъ участковъ выходцы сосѣднихъ деревень. Увидя большой, глубокій и далеко тянущійся сухой логъ, надъ которымъ расположена теперь деревня, они сразу задались мыслью, что хотя по сосѣдству нѣтъ нигдѣ ни ручьевъ, ни ключей, его все-таки удастся—по примѣру сосѣднихъ поселковъ—запрудить весенними водами, обильно стекающими изъ болѣе возвышенныхъ окрестностей при таяніи снѣговъ». О причинахъ, содѣйствующихъ продолжающемуся заселенію мѣстности, я скажу ниже. Земля, прилегающая къ Костину Логу, хорошая, плодородная; мысль о добычѣ воды казалась легко осуществимой, и неудивительно, что заселеніе новой деревни пошло быстрыми шагами. Однако «на первыхъ же порахъ попытки ихъ (крестьянъ) запрудить сухой логъ и найти хорошую воду въ колодцахъ оказались безуспѣшными, но они этимъ все-таки не смущались и думали, что, когда народу будетъ больше, удастся устроить и лучшія плотины и найти болѣе подходящія мѣста для колодцевъ. Пришло народу больше, выстроили крѣпкія и массивныя плотины, по обыкновенію изъ назему, стали повсюду рыть колодцы и воды все-таки не нашли столько, сколько нужно было и сколько предполагали» (l. c. стр. 21). И вотъ начинается бѣдственное положеніе населенія Костина Лога, борьба его съ природой въ поискахъ за водой,—борьба, въ которой принимаетъ живое участіе населеніе остальныхъ деревень. Уже за сто верстъ отъ Костина Лога, въ Стуковѣ и дальше во всѣхъ селеніяхъ, закидываютъ проѣзжаго вопросами, не слыхать ли что о судьбѣ костинцевъ. Вся видѣнная мною, занятая переселенцами мѣстность страдаетъ отъ дурного качества воды: ее приходится брать то изъ прудовъ, образованныхъ задержанною плотиной весенней воды въ логахъ, то изъ запруженныхъ рѣчекъ, то изъ небольшихъ озерковъ, болѣе похожихъ на болота и т. д. Но этотъ недостатокъ въ водѣ, *до извѣстной степени,* конечно, нѣсколько скрашивается возможностью имѣть колодцы съ достаточнымъ количествомъ болѣе сносной воды для питья.

Совершенно не то въ Костиномъ Логу. Едва я успѣлъ выйти изъ тарантаса, какъ меня окружила тѣсная толпа крестьянъ и тотчасъ начались жалобы на недостатокъ воды. Измученные безводіемъ, которое они претерпѣваютъ уже много лѣтъ, крестьяне съ нетерпѣніемъ окружаютъ всякаго проѣзжаго, даже такого мирнаго туриста, какъ я, чтобъ узнать, не «вышла ли какая перемѣна» въ ихъ судьбѣ, не рѣшило ли что-нибудь для ихъ облегченія главное управленіе. Въ этихъ жалобахъ было, дѣйствительно, что-то невѣроятно тяжелое, да и едва ли найдется на свѣ- человѣкъ, который былъ бы въ состояніи спокойно глядѣть, какъ 00 людей, покинувшихъ родину подъ гнетомъ тяжелыхъ экономическихъ овій, ждетъ рѣшенія своей судьбы на новомъ мѣстѣ изъ года въ годъ, пенная такого необходимаго элемента, какъ мало-мальски порядочная а. «Вода есть,—указываютъ вамъ на небольшую лужу въ логу—только пить нельзя. Выпьешь—сейчасъ все назадъ идетъ». И дѣйствительно пить эту воду нѣтъ возможности: вода въ прудикѣ-лога гнилая, во-

нючая. Съ цѣлью ее хоть сколько-нибудь очистить, крестьяне выкапываютъ на разстояніи $1^1/_2$—$2^1/_2$ аршинъ отъ лога ямки, въ которыя вода просачивается. Этимъ фильтромъ они пользуются для полученія воды въ самовары и достигаютъ путемъ этого приспособленія развѣ только того, что вода послѣ принятія «только назадъ не идетъ», такъ какъ стоитъ ей постоять нѣкоторое время въ кадкѣ, и не обтерпѣвшійся среди невзгодъ Костина Лога проѣзжій едва можетъ усидѣть у кипящаго самовара: настолько зловонны пары этой фильтрованной воды. Бѣда этимъ однако не кончается: въ іюлѣ, благодаря испареніямъ и, главнымъ образомъ, просачиванью воды сквозь почву, прудикъ начинаетъ быстро мелѣть,—и тогда первобытные фильтры перестаютъ уже дѣйствовать; вскорѣ затѣмъ вода исчезаетъ совершенно, и логъ высыхаетъ.

Еще грустнѣе глядѣть на многочисленные колодцы костинцевъ, на устройство которыхъ истрачено ими такъ много энергіи, труда и денегъ. Убѣдившись, что никакими плотинами воду въ логу не удержать, крестьяне съ перваго времени поселенія начали рыть колодцы и количество ихъ здѣсь значительно больше, чѣмъ въ какой-нибудь изъ видѣнныхъ мною деревень. Но результатъ далеко не одинаковъ: въ то время, какъ въ остальныхъ селеніяхъ вода показывается на глубинѣ 6—10 арш. и держится все время, костинцамъ приходится копать 15—20 иногда и болѣе, даже до 30 арш., прежде чѣмъ они дойдутъ до воды. Но какой?—грунтовой воды въ мѣстности нѣтъ, это та же вода, просочившаяся изъ лога; ея въ большинствѣ случаевъ не больше $^1/_2$—$^3/_4$ арш., и рѣдко она доходитъ до $1^1/_4$ арш.; вслѣдствіе этого она мутная; даже послѣ долгаго стоянья частицы глины не осаживаются окончательно; иногда при поднятіи ведра изъ колодца вода имѣетъ совершенно молочный цвѣтъ. Мало того, затративъ значительную долю труда или денегъ на рытье колодца (колодезь обходится въ 25—50 р.), крестьянину въ большинствѣ случаевъ приходится пользоваться имъ сравнительно лишь очень короткое время: вода легко просачивается черезъ глинистую, съ большимъ количествомъ примѣси песка, почву и стекаетъ по наклону; колодезь такимъ образомъ часто высыхаетъ, и костинецъ снова остается безъ воды. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ среди населенія происходитъ часто борьба изъ-за воды въ буквальномъ смыслѣ этого слова: не всѣ переселенцы имѣютъ возможность выкопать такой глубокій колодезь; иной, истратившись на его устройство въ прошломъ, иногда и въ третьемъ, и въ прошломъ году, не въ силахъ во 2-й или въ 3-й разъ производить затраты на рытье высыхающихъ колодцевъ. Имѣющія колодцы семьи сами еле получаютъ в въ достаточномъ количествѣ и не могутъ снабжать ею своихъ нужда щихся односельчанъ. Происходитъ воровство воды изъ чужихъ колодце а отсюда брань, драка и проч.; случаи похищенія воды становятся о бенно частыми къ концу лѣта, когда многіе колодцы высыхаютъ, и доб воды, не только въ количествѣ потребномъ для всего хозяйства, но необ димомъ на скромныя нужды семьи, становится крайне затруднительно

Въ этотъ самый тяжелый для страдающихъ хронически отъ безводія костинцевъ періодъ, когда деревня можетъ быть названа безводной въ буквальномъ смыслѣ этого слова, когда логъ высохъ, большинство колодцевъ изсякло, единственнымъ средствомъ получить воду—это отправиться версты за 4 отъ деревни въ такъ называемую «Боровскую лабзу». Съ цѣлью познакомить, что такое «Боровская лабза» и каковы условія добыванія изъ нея воды, привожу свидѣтельство проф. Залѣсскаго: «Жалко даже вспомнить эту Боровскую лабзу,—пишетъ изслѣдователь,—и условія, при которыхъ добывается изъ нея вода, предназначенная для питья и пищи. Въ самой низменной части истребленнаго лѣса, въ мѣстности, представляющей характеръ какого-то плоскаго лога, имѣется болото, нѣчто вродѣ тундры, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ аршинъ. Встрѣчаемая здѣсь вода пропитываетъ всю почву этой мѣстности, какъ бы губку, и только мѣстами скопляется маленькими пространствами (такъ называемыми лягами) между кочками травы. По наружному виду она напоминаетъ пиво или чайный настой, съ массою всякаго рода инфузорій. Добывать воду изъ этой тундры также не легко. Мѣстность топкая и недоступная, на лошади подъѣхать нельзя, приходится къ кочкамъ пробираться по скользкимъ и ненадежнымъ вертлявымъ кладкамъ. Мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ,—продолжаетъ почтенный изслѣдователь,—какъ слабая беременная женщина, пріѣхавшая съ маленькою дѣвчонкой, лѣтъ 8, за водою къ лабзѣ, свалилась съ кладки въ тундру и не могла выбраться, пока ей не была оказана помощь мною и сопровождавшими меня людьми. Когда же лошадь поднималась на гриву *), кадушка съ столь тяжело добытою водой упала съ телѣги, такъ что процессъ наполненія ея ковшикомъ изъ болотистыхъ топкихъ мочаговъ пришлось повторять вновь» (l. c. 26).

Чтобы вполнѣ понять трудность полученія воды изъ этой лабзы, единственнаго источника для костинцевъ въ тяжелое для нихъ осеннее время, а для многихъ и въ теченіе почти всего года, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, по словамъ самихъ костинцевъ, средней семьѣ требуется въ день на хозяйственныя нужды (для себя и для скота) нѣсколько десятковъ ведеръ Легко представить себѣ, сколько труда и времени должно быть потрачено каждою семьей, чтобы получить необходимое количество воды. Если даже предположить, что семья нуждается хотя бы въ двухъ кадушкахъ въ день, крестьянину необходимо сдѣлать 4 конца, т.-е. 16 верстъ, чтобы съѣздить на лабзу и обратно и ковшикомъ наполнять бочку, нося при этомъ ковшъ съ водой по кочкамъ и, слѣдовательно, расплескивая не малое количество воды по пути. Уже этого достаточно, чтобы представить себѣ трудное положеніе костинцевъ; они не жалѣютъ ни времени, ни труда, чтобы получить въ концѣ концовъ плохую мутную воду.

*) „Грива“ возвышенная мѣстность (хребетъ). Этимъ именемъ часто называютъ длинныя степныя пространства, образующія водораздѣлы.

Невольно можетъ возникнуть вопросъ, почему костинцы, поставленные неудачнымъ выборомъ мѣста для ихъ поселка въ такія анормальныя условія, не покидаютъ своей деревни? Часть ихъ, и значительная, выселилась, о чемъ свидѣтельствуетъ большое количество покинутыхъ дворовъ; одни окончательно оставили негостепріимное мѣсто, другіе перешли въ Микешинъ Логъ, о которомъ рѣчь впереди. Часть, дѣйствительно, остается, но только въ надеждѣ на рѣшеніе вопроса о мѣстоположеніи деревни въ благопріятномъ для новоселовъ смыслѣ. Сами крестьяне, болѣе или менѣе обжившіеся на мѣстѣ, отлично понимаютъ и видятъ наиболѣе легкій и простой способъ рѣшенія вопроса и устраненія тяжелаго положенія, проистекающаго отъ отсутствія воды.

Всего въ 10 верстахъ отъ Костина Лога протекаетъ притокъ р. Касмалы, р. Махаиха, и крестьяне сознаютъ, что перенесеніе селенія на ея берега сразу и радикально вывело бы ихъ изъ того тяжелаго состоянія, въ которомъ они находятся. Перенести пришлось бы только само селеніе: пашни и угодья, отчисленныя къ Костину Логу, остались бы неизмѣнными въ своихъ границахъ. Все затрудненіе къ осуществленію этой мечты лежитъ въ томъ, что земля по Махаихѣ принадлежитъ другимъ деревнямъ, которыя, впрочемъ, облюбованнымъ костинцами мѣстомъ для поселенія не дорожатъ. О самовольномъ переселеніи на Махаиху крестьяне-костинцы не думаютъ, напуганные неудачною попыткой, сдѣланной въ этомъ направленіи переселенцами изъ Малороссіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Не успѣли переселившіеся малороссы обзавестись домишками и устроиться хозяйствомъ, какъ, вслѣдствіе жалобы жителей окрестныхъ деревень, совершенно не пользовавшихся, впрочемъ, занятыми хохлами угодьями, они подверглись (въ 1891 г.) принудительному выселенію, оставивъ въ воспоминаніе о краткомъ пребываніи на Махаихѣ свои запустѣлыя жилища. При воспоминаніи о торжествѣ сильныхъ своимъ правомъ сосѣдей костинцы не имѣютъ больше охоты испытывать судьбу. Жизнь въ Костиномъ Логу, однако, настолько невыносима, что они сторговали у жителей д. Воронихи участокъ чо Махаихѣ для перенесенія своихъ избъ; за облюбованный участокъ сошлись на цѣнѣ 450 р. Все уже было улажено, и мечта костинцевъ была близка къ осуществленію, но жителей Воронихи взяло сомнѣніе, имѣютъ ли они право отчуждать землю, числящуюся среди ихъ угодій, и дѣло разошлось. Исторія покупки костинцами земли, не состоявшейся только вслѣдствіе сомнѣній, взявшихъ жителей Воронихи, заставляетъ надѣяться, что и впредь вопросъ о переселеніи костинцевъ на Махаиху не встрѣтитъ препятствій со стороны владѣльцевъ облюбованныхъ костинцами для переноса селенія угодій.

Другой вопросъ, являющійся у всякаго, повидавшаго условія жизни въ Костиномъ Логу, — какъ могло случиться, что такое безводное мѣсто отведено подъ селеніе и что предпринимаетъ главное управленіе Алтайскимъ округомъ съ цѣлью вывести переселенцевъ изъ указаннаго ненормальнаго хозяйственнаго положенія. Что касается первой части вопроса, то, вѣроят-

но, при нарѣзкѣ земель подъ переселенческіе участки, логъ, который, казалось, можно было запрудить по примѣру другихъ деревень, могъ ввести въ ошибку организаторовъ, какъ онъ ввелъ въ заблужденіе и самихъ переселенцевъ. Изслѣдованіе почвы, рѣшеніе вопроса, можетъ ли при данныхъ почвенныхъ условіяхъ вода держаться въ запрудѣ, требуетъ значительнаго времени. Наконецъ, cujusvis hominis est errare. На вторую часть вопроса я постараюсь отвѣтить на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось собрать въ бытность мою въ Томской губ., равно и на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ печатной литературѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о недостаточности воды въ Костиномъ Логу уже нѣсколько лѣтъ какъ привлекъ на себя вниманіе мѣстнаго управленія. Въ 1893 г. томскимъ губернаторомъ было возложено на проф. химіи Томскаго университета С. І. Залѣсскаго порученіе посѣтить между прочимъ и степную часть Барнаульскаго округа, занятую переселенцами, со спеціальною цѣлью изслѣдовать качество воды въ селеніяхъ. Начальникъ Алтайскаго округа, къ которому проф. Залѣсскій обратился съ просьбой о содѣйствіи, отнесся къ этой просьбѣ «до того отзывчиво и сочувственно,—читаемъ мы въ отчетѣ о поѣздкѣ проф. Залѣсскаго,—что немедленно приказалъ вытребовать по телеграфу находившійся въ Салаирѣ буръ для попытокъ найти путемъ буренія воду въ тѣхъ переселенческихъ участкахъ земель Кабинета, о которыхъ мною были собраны свѣдѣнія, какъ объ особенно страдающихъ отъ недостатка воды. Руководство буровыми работами возложено было, независимо отъ моей поѣздки, на г. управляющаго барнаульскою лабораторіей, горнаго инженера А. А. Бобятинскаго» (l. c., 5).

Изъ результатовъ экспедицій гг. Залѣсскаго и Бобятинскаго я укажу лишь на данныя, добытыя по отношенію къ д. Костинъ Логъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, г. Бобятинскій произвелъ пробное буреніе въ Костиномъ Логу, къ сожалѣнію, не давшее никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, такъ какъ, пройдя 6—7 аршинъ, онъ былъ вынужденъ прекратить работу за отсутствіемъ достаточнаго количества штангъ. Естественно, что въ мѣстности, гдѣ приходится рыть колодцы на 15 — 30 арш. глубины, изслѣдованіе почвы на такую малую глубину не можетъ имѣть серьезнаго значенія.

Гораздо опредѣленнѣе выводы, къ которымъ приходитъ проф. Залѣсскій. На картѣ своего маршрута, приложенной къ отчету, авторъ отмѣчаетъ Костинъ Логъ въ числѣ поселковъ, *«совершенно непригодныхъ къ заселенію по недостатку или недоброкачественности воды»*. Авторъ цитируемаго отчета лично убѣдился въ желаніи костинцевъ переселиться на Махиху и совершилъ съ цѣлью обслѣдованія мѣстности экскурсію по теченію этой рѣчки. Результатъ своихъ обслѣдованій г. Залѣсскій суммируетъ слѣдующихъ словахъ: «въ виду того, что ни логомъ, ни протекающею нею рѣчонкой Махаихой никто не пользуется, что нѣтъ никакихъ покосъ и вообще признаковъ осѣдлой жизни на этомъ мѣстѣ, что спру-

дить логъ до извѣстной степени, особенно при содѣйствіи весенних водъ, можно, съ другой стороны, въ виду жалкой участи жителей сосѣдняго Костина Лога, доводимыхъ иной разъ до отчаянія отсутствіемъ воды, — въ виду всѣхъ этихъ соображеній поневолѣ навязывается вопросъ, зачѣмъ такая мѣстность, вполнѣ пригодная къ заселенію, все еще не заселяется, между тѣмъ какъ въ смежномъ Костиномъ Логу происходитъ процессъ ненормальнаго заселенія» (ib., стр. 82). «Проще и правильнѣе всего, — пишетъ г. Залѣсскій нѣсколько далѣе, — въ интересахъ населенія, дѣйствительно изнемогающаго отъ недостатка и недоброкачественности воды, 1) прекратить немедленно дальнѣйшій отводъ участковъ въ Костинъ Логъ, 2) дать возможность части населенія этой мѣстности перебраться на Махаиху при самыхъ льготныхъ условіяхъ, 3) облегчить каждому, кто пожелаетъ, переводъ въ другіе поселки» (стр. 36). «Потеря для правительства была бы сравнительно не очень значительная,— читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ отчета (стр. 123),— еслибы даже пришлось перенести всѣ такъ называемые безводные или маловодные участки въ другія, болѣе соотвѣтственныя мѣста. Гораздо дороже обошлось бы и съ гораздо большими осложненіями было бы, на мой взглядъ, связано стремленіе доставить во что бы то ни стало воду надлежащихъ качествъ и въ надлежащемъ количествѣ въ страдающіе отъ ея недостатка участки». Для пожелавшихъ остаться, несмотря на эти мѣры, въ безводномъ Костиномъ Логу новоселовъ, авторъ рекомендуетъ,—впрочемъ, совершенно непрактичный,—способъ обезпечить себя водою, именно: «предложить (крестьянамъ) устроить путемъ общественныхъ работъ ледники, снѣжники и одну - двѣ цистерны, воспользовавшись для послѣдней цѣли правильно смѣняемою водой атмосферныхъ осадковъ». Рекомендуемый способъ, которому, впрочемъ, и самъ г. Залѣсскій не придаетъ, повидимому, особеннаго значенія, не можетъ считаться ни удачнымъ, ни легко примѣнимымъ. Предполагая, что крестьяне согласились бы на «предложеніе» и оказалось бы лицо, могущее ихъ научить пріемамъ для выполненія указанныхъ изслѣдователемъ мѣръ, каждому домохозяину для обезпеченія деревни водой хотя бы на 4 мѣсяца потребовалось бы поставить, по меньшей мѣрѣ, 300 бочекъ льду, достать который представилось бы просто невозможнымъ за отсутствіемъ въ мѣстности рѣки, озера или иного большого водоема, въ которомъ образуется ледъ. Что же касается устройства цистернъ и наполненія ихъ атмосферными осадками, то кромѣ дороговизны устройства цистернъ въ мѣстности, гдѣ почва съ такою легкостью пропускаетъ воду, какъ это имѣетъ мѣсто въ Костиномъ логу, можно представить еще то соображеніе, что количество атмосферныхъ осадковъ г означенной мѣстности совершенно не изслѣдовано, такъ что безъ предв рительныхъ наблюденій нельзя судить, окажется ли осадковъ достаточ для наполненія цистернъ.

Остальнымъ тремъ приведеннымъ мѣрамъ для радикальнаго улучшен быта новоселовъ въ Костиномъ Логу до послѣдняго времени еще не бы суждено сбыться. Притокъ переселенцевъ въ Костинъ Логъ не прекр

щается: еще въ 1893 году г. Залѣсскій могъ засвидѣтельствовать, что при немъ пріѣхало 11 семействъ съ билетами на водвореніе изъ земельной части Алтайскаго округа; выдача билетовъ новоселамъ въ Костинъ Логъ прекращена, насколько мнѣ извѣстно, только въ настоящемъ году; но рядомъ съ этими «приписными» переселенцами, количество которыхъ въ настоящее время не будетъ увеличиваться, идетъ притокъ такъ называемыхъ «неприписныхъ», которые поселяются въ извѣстномъ количествѣ въ Костиномъ Логу до послѣдняго времени. Вопросъ о переселеніи на Махаиху, на что и новоселы, и г. Залѣсскій смотрятъ какъ на наиболѣе желательный способъ выхода изъ современнаго жалкаго положенія,—пока все еще остается вопросомъ, хотя, какъ я уже указывалъ, сами крестьяне и старались рѣшить его путемъ покупки необходимаго для поселенія участка и хотя нѣтъ основаній предполагать, что населеніе Воронихи не согласится на уступку земли.

Дѣйствительно, авторъ *Отчета* указываетъ, что «незавидное положеніе жителей Костина Лога было бы въ значительной мѣрѣ облегчено, еслибъ удалось найти воду и путемъ буреній изучить условія водоснабженія этой мѣстности». Буровыя работы, по справедливому совѣту г. Залѣсскаго, желательно производить «на почвѣ предварительныхъ, строго-геологическихъ соображеній». Но предполагая, что если изысканія и дорого стоющія работы и привели бы къ желательному результату, еслибы даже была найдена артезіанская вода, еслибы послѣдняя поднялась на доступную высоту и т. д.,—авторъ въ заключеніе приходитъ къ выводу, что «что бы ни дѣлалось и какъ бы ни дѣлалось—все это для Костина Лога будутъ только палліативы. Радикальное устраненіе зла наврядъ ли возможно...» «Смѣю думать,— пишетъ г. Залѣсскій,— что при изложенныхъ условіяхъ (жизни въ Костиномъ Логу) и при изобиліи земли въ Сибири не хуже той, какая имѣется въ Костиномъ Логу, прибѣгать къ такимъ серьезнымъ и исключительнымъ мѣрамъ (т.-е. изслѣдованіямъ для отысканія воды) пока преждевременно, тѣмъ болѣе, что и земледѣліе далеко здѣсь не на томъ уровнѣ, который бы оправдывалъ ихъ примѣненіе. На мой взглядъ, гораздо выгоднѣе было бы для правительства, озабоченнаго жалкою участью переселенцевъ, страдающихъ отъ недостатка и недоброкачественности воды, перевести жителей Костина Лога въ другое, болѣе подходящее мѣсто,—однимъ словомъ, устроить для нихъ новый поселокъ, чѣмъ затрачивать громадныя суммы на устройство артезіанскихъ колодцевъ,— предпріятіе, во всякомъ случаѣ, трудное и рискованное» (l. c., стр. 33—36).

Я остановился такъ подробно на выводахъ проф. Залѣсскаго, добытыхъ путемъ личнаго, внимательнаго изученія условій жизни населенія Костина Лога, не столько въ виду того, что рекомендуемое имъ средство переселенія костинцевъ на Махаиху является и наиболѣе простымъ, дешевымъ и радикальнымъ къ прекращенію бѣдственнаго положенія новоселовъ средствомъ, къ тому же идущимъ на-встрѣчу и желаніямъ самихъ костинцевъ, сколько оттого, что трудъ почтеннаго профессора представляетъ и един-

ственное серьезное изслѣдованіе этого вопроса. Другая работа, касающаяся, между прочимъ, и Костина Лога, принадлежащая перу проф. А. А. Иностранцева *), къ сожалѣнію, затрогиваетъ этотъ вопросъ слишкомъ поверхностно и не даетъ полной картины условій жизни костинцевъ.

Дѣйствительно, самъ проф. А. А. Иностранцевъ замѣчаетъ, что «лѣто 1894 г. въ Сибири отличалось крайнимъ обиліемъ дождей, а потому, быть можетъ, мнѣ и пришлось вынести изъ этой поѣздки иное впечатлѣніе, отличное отъ впечатлѣнія г. Залѣсскаго». Обиліемъ дождей лѣтомъ 1894 г. слѣдуетъ объяснить, что г. Иностранцевъ въ августѣ нашелъ въ двухъ мѣстахъ запруженнаго костинцами лога «довольно большое количество воды», которая хотя и «представляла характеръ стоячей», но которую скотъ пилъ. Проф. Залѣсскій, бывшій въ Костиномъ Логу въ первыхъ числахъ іюля, нашелъ, однако, что «въ двухъ только мѣстахъ (лога) замѣтны были небольшія лужи грязной и вонючей воды», причемъ скорость убыли воды, по произведеннымъ наблюденіямъ, равнялась двумъ вершкамъ въ сутки. Лично могу тоже засвидѣтельствовать, что въ бытность мою въ Костиномъ Логу въ іюлѣ я нашемъ логѣ значительно высохшимъ. Разсказы крестьянъ, если не трудъ г. Залѣсскаго, могли бы повліять на измѣненіе благопріятнаго впечатлѣнія, вынесеннаго проф. Иностранцевымъ, благодаря обильному дождями лѣту. Но авторъ *Геологической поѣздки* скептически, впрочемъ, ничѣмъ не мотивируя свой скептицизмъ, относится къ показаніямъ крестьянъ. «Правда, — замѣчаетъ онъ, — мѣстные жители привыкли жаловаться на недостатокъ воды, недостатокъ покосовъ, но едва ли всѣ ихъ жалобы справедливы», — и, какъ бы опровергая самого себя, авторъ непосредственно за этимъ прибавляетъ: «Отсутствіе покосовъ легко объясняется открытымъ степнымъ характеромъ мѣстности, значительно приподнятой надъ уровнемъ моря. Кромѣ того, мѣсторасположеніе д. Костинъ Логъ какъ разъ совпадаетъ съ водораздѣломъ на степи, а потому здѣсь и не можетъ быть благопріятныхъ условій для поемныхъ луговъ» (стр. 42). Объ отсутствіи покосовъ у костинцевъ я скажу ниже, но приведенная цитата подрываетъ довѣріе къ скептицизму почтеннаго геолога и убѣждаетъ скорѣе въ противномъ, что жалобы костинцевъ на недостатокъ покосовъ вполнѣ основательны. Я не буду останавливаться на мало осуществимыхъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ проф. Иностранцевымъ для облегченія тяжелаго положенія костинцевъ, замѣчу лишь въ качествѣ примѣра, что его предположеніе объ утилизированіи сбора весеннихъ и дождевыхъ водъ логовъ, дно которыхъ, въ виду легко проницаемой для воды почвы, изслѣдователь считаетъ необходимымъ покрывать нетолстымъ слоемъ глины, слѣдуетъ признать не особенно практически осуществимымъ уже оттого, что по близости отъ Костина Лога, какъ и въ немъ самомъ, совершенно не имѣется необходимой для производства указанныхъ работъ жирной глины.

---

*) *Геологическая поѣздка въ Алтайскій округъ лѣтомъ 1894 г.* въ *Тр. Геолог. части Кабинета Е. И. Величества*, т. I, вып. 2. Спб., 1895 г.

Для насъ болѣе интересны геологическія соображенія г. Иностранцева, какъ идущія до извѣстной степени на-встрѣчу справедливому замѣчанію г. Залѣсскаго, что буровыя работы желательно вести на почвѣ «строго-геологическихъ соображеній». Не имѣя возможности, за отсутствіемъ обнаженій на водораздѣлѣ, на которомъ, между прочимъ, находится и Костинъ Логъ, рѣшить вопросъ о возможности найти воду въ достаточномъ количествѣ для населенія, проф. Иностранцевъ полагаетъ, что нахожденіе Костина Лога на водораздѣлѣ и его склонѣ и «нахожденіе здѣсь подъ почвою лёсса,—все это, конечно, должно содѣйствовать значительному обезвоживанію мѣстности», и что вопросъ о водѣ можетъ быть рѣшенъ только пробнымъ буреніемъ «и первоначально въ деревняхъ, находящихся на западномъ склонѣ водораздѣла», вслѣдствіе чего авторъ полагаетъ, что «было бы цѣлесообразнѣе первыя пробныя скважины заложить *въ деревняхъ, лежащихъ на склонѣ водораздѣла, а не въ Костиномъ Логу*» (стр. 50).

Мнѣ неизвѣстны причины и соображенія, которыми руководилось главное управленіе Алтайскимъ округомъ при выборѣ средствъ для облегченія положенія костинцевъ. Вмѣсто болѣе легкаго и дешеваго способа устраненія насущнаго вопроса о водѣ путемъ переселенія жителей на Махаиху, оно предпочло въ 1896 г. предпринять буровыя работы, причемъ первыя работы было поручено произвести, въ противность совѣту А. А. Иностранцева, именно въ самомъ Костиномъ Логу. Кабинетомъ Его Величества отпущено, какъ мнѣ говорили, на затраты по отысканію воды какъ въ Костиномъ Логу, такъ и въ другихъ страдающихъ отъ недостатка воды мѣстностяхъ означеннаго района, занятыхъ переселенцами, 15,000 р. Буровыя работы, насколько мнѣ извѣстно, не дали никакихъ благопріятныхъ результатовъ: углубленная на 15 слишкомъ саженей скважина не обнаружила задерживающаго воду слоя, такъ что надежда на устройство даже на такой глубинѣ невысыхающихъ колодцевъ должна, очевидно, считаться неосуществимой. По слухамъ, главное управленіе намѣревается пробивать 100-саженную буровую скважину, въ надеждѣ натолкнуться на артезіанскую воду. Потребныя для этой дорого-стоющей работы трубы, говорятъ, заказаны въ Петербургѣ. Впрочемъ, надежда на нахожденіе артезіанской воды не можетъ считаться прочной, такъ какъ геологическихъ данныхъ для обоснованія ея нѣтъ никакихъ: «Не могу не обратить вниманія,—пишетъ А. А. Иностранцевъ по поводу отысканія воды путемъ буренія,—на то обстоятельство, что буреніе будетъ производиться на водораздѣлѣ, гдѣ надо допустить участіе въ орографіи страны не только поверхностныхъ образованій, но и коренныхъ горныхъ породъ. Будутъ ли этими послѣдними нижне-третичныя образованія или породы кристаллическія—безразлично, во всякомъ случаѣ на водораздѣлахъ ихъ можно будетъ встрѣтить буровою скважиною скорѣе, чѣмъ въ мѣстахъ болѣе низменныхъ, заполненныхъ большими скопленіями наноса. Если это такъ, то едва ли есть надежда добыть воду, которая била бы на дневную поверхность фонта-

номъ, а если таковая и будетъ найдена, то она остановится на нѣкоторой глубинѣ отъ поверхности земли». Только въ томъ случаѣ, если «мѣстная орографія находится здѣсь только въ исключительной зависимости отъ поверхностныхъ образованій, а коренныя породы въ ней не принимаютъ никакого участія, подчиняясь самостоятельному рельефу, можетъ быть и здѣсь встрѣтятся условія для артезіанскаго буренія благопріятныя» (l. c., стр. 50). Далѣе можно ли быть увѣреннымъ, что, если артезіанская вода и была бы найдена, она остановится на глубинѣ легко доступной, а не въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей подъ уровнемъ почвы? Наконецъ, для удовлетворенія потребностей населенія въ водѣ при вѣроятномъ недостаточномъ поднятіи воды придется прибѣгать къ различнымъ приспособленіямъ (наприм., вѣтрянка, конный двигатель или, наконецъ, паровой насосъ), дорого стоющимъ и требующимъ значительной затраты времени на ихъ устройство.

Пока что, а костинцы продолжаютъ страдать отъ безводія и мечтать о переселеніи на облюбованныя ими мѣста на Махаихѣ.

Что касается Микешина Лога, который г. Залѣсскій называетъ Бахматовой, то селеніе это, находящееся въ трехъ верстахъ отъ Костина Лога, своимъ возникновеніемъ обязано именно ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ, благодаря отсутствію воды, находятся жители Костина Лога. Микешинъ Логъ возникъ года 3—4 тому назадъ: пестрый, изъ разныхъ губерній, составъ его населенія имѣетъ собственно билеты на поселеніе въ Костиномъ логу; но, пріѣхавъ на новыя мѣста, поселенцы, испуганные отсутствіемъ воды на отведенномъ имъ мѣстѣ, рѣшились перебраться къ другому Логу, въ которомъ держится вода. Къ нимъ переселилась и часть костицевъ. Мѣсто поселенія было выбрано на грани сосѣдняго с. Боровскаго или Бахматова, что не могло не вызвать протеста со стороны жителей этого послѣдняго. Между тѣмъ перспектива имѣть хоть какую-нибудь воду для домашняго скота, надежда, что устройство колодцевъ дастъ лучшіе результаты, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Костиномъ Логу, наконецъ, близость тутъ же бора, необходимаго для возведенія построекъ,—все это заставило переселенцевъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ душъ рискнуть поселиться на этомъ мѣстѣ. Логъ, въ которомъ скопляется весенняя вода, былъ запруженъ, устройство колодцевъ на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ (6—10) дало довольно чистую воду, и новоселы примирились бы съ другими неудобствами жизни, еслибъ были увѣрены, что ихъ не подвергнутъ принудительному выселенію съ чужой земли. Три года тому назадъ проф. Залѣсскій, посѣтившій Микешинъ Логъ, засталъ деревню въ періодѣ устройства: «пришлый народъ,— пишетъ онъ,— все бѣдные люди, строятъ себѣ самыя жалкія лачужки, пригодныя развѣ для временнаго въ нихъ житья за недостаткомъ чая пьютъ отваръ различныхъ травъ, растущихъ тутъ же въ степи, напримѣръ—мяты, Богородичной травы. Многіе изъ нихъ только что пріѣхали, свозятъ лѣсъ для построекъ, обтесываютъ его, а пока спятъ на телѣгахъ или подъ телѣгами. Кто позажиточнѣе, устраиваетъ себѣ ша

теръ изъ парусины... Процессъ заселенія и обстраиванья въ полномъ здѣсь разгарѣ, нѣтъ ни одного дома, выстроеннаго прочно и порядочно» (l. c. 19).

Въ бытность мою въ Микешиномъ Логу, процессъ заселенія уже окончился. Оставленная обитателями лачужка - полуземлянка съ маленькимъ плетневымъ дворикомъ свидѣтельствовала до извѣстной степени, что не всѣ переселенцы вынесли новыя условія жизни. Большинство домовъ представляло однако простые срубики съ плоскими земляными крышами, съ неустроенными дворами. Единственный, хорошо обстроенный дворъ, включавшій въ себѣ и первоначальное помѣщеніе — низенькій срубикъ съ маленькими окнами — принадлежалъ семьѣ чувашей, выселившихся изъ Казанской губ. Семья зажиточная, занимающаяся кромѣ земледѣлія и торговлей; всѣ члены ея, кромѣ старухи - матери грамотны. Отецъ пошелъ искать новыхъ, болѣе удобныхъ земель для поселенія и, по слухамъ, поступилъ гдѣ-то въ пріисковые рабочіе. Сыновья и пріемный зять не хотятъ оставить мѣста своего поселенія: они выстроили изъ толстыхъ бревенъ, срубленныхъ въ сосѣднемъ бору, прочную, пятистѣнную избу, съ обширнымъ крыльцомъ, амбары и другія хозяйственныя постройки, устроили прочныя тесовыя ворота, — однимъ словомъ, поставили все хозяйство на прочную ногу, — неудивительно, что они, пожалуй, болѣе другихъ своихъ односельчанъ озабочены судьбой Микешина Лога: опасенія принудительнаго выселенія тяготѣютъ и надъ ними, какъ и надъ другими болѣе бѣдными жителями деревни, не рѣшающимися покрывать свои избы крышами, невзирая на то, что земляныя крыши пропускаютъ дождь въ обиліи во внутреннія помѣщенія; они также не расширяютъ жилыхъ строеній и дворовыхъ построекъ изъ опасенія, что, если ихъ заставятъ переселиться, вся ихъ «домашность» пойдетъ за безцѣнокъ. Землей костинцы и микешинцы вполнѣ довольны: «Грѣхъ на землю жаловаться, землица—хорошая», заявляетъ въ одинъ голосъ населеніе обѣихъ деревень, хотя обыкновенный здѣсь урожай самъ 10 — 20 и не можетъ считаться особенно обильнымъ по сибирскимъ понятіямъ.

Печально обстоитъ дѣло относительно покосовъ. Выше я уже привелъ слова проф. Иностранцева о причинахъ, препятствующихъ урожаю травъ въ этой мѣстности. Вода, просачиваясь сквозь глинистый песокъ, стекаетъ по наклонамъ возвышенности, на которой расположены селенія. Отсутствіе подпочвенной влаги не даетъ возможности развиться травамъ. По мѣрѣ приближенія къ Костину и Микешину Логамъ, трава замѣтно становится хуже, а въ непосредственной близости отъ деревень маленькая низенькая
стительность свидѣтельствуетъ о неспособности сухой почвы производить
рошія травы; полынь, растущая здѣсь въ изобиліи, придаетъ мѣстности
роватый оттѣнокъ. Если крестьяне и относятся сравнительно спокойно
недостатку травъ, то происходитъ это, во-первыхъ, оттого, что забота
водѣ поглощаетъ преимущественно ихъ вниманіе, а во-вторыхъ—хорошее
ество пашенной земли заставляетъ ихъ примиряться до извѣстной сте-
ч съ недостаткомъ покосныхъ мѣстъ.

Вопросъ о покосахъ является на сцену не въ однихъ только указанныхъ селеніяхъ. Изъ-за обладанія сѣнокоснымъ участкомъ произошло наканунѣ моего пріѣзда цѣлое сраженіе между населеніемъ д. Колыванской и д. Барнаульской. Больше 10 лѣтъ шла тяжба изъ-за такого участка между обѣими деревнями; вопросъ, наконецъ, былъ окончательно рѣшенъ въ пользу колыванцевъ. Въ сознаніи своего права, колыванцы въ количествѣ 50 человѣкъ отправились съ женами и дѣтьми на покосъ. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до барнаульцевъ, они, выпивши изрядное количество водки, ополчились на колыванцевъ. Говорятъ, барнаульцевъ собралось до 500 человѣкъ; взяли съ собой кто топоръ, кто дубину и двинулись частью пѣшкомъ, частью верхомъ. «Словно войско шло, страшно становилось», разсказывали мнѣ на слѣдующій день. Телѣги были поломаны, косы отобраны и разбиты, разбита была и посуда, колыванцы согнаны, частью избиты, частью поранены, а побѣдоносные барнаульцы возвратились въ деревню, гдѣ и принялись дѣлить добычу и праздновать побѣду.

Недостатокъ, происходящій отъ отсутствія покосовъ, костинцы и микешинцы стараются устранить путемъ арендованія подходящихъ участковъ у сосѣднихъ деревень. Арендная плата доходитъ до 10 руб., а отданный сосѣдями въ аренду участокъ находится нерѣдко отъ арендаторовъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, 40 и больше. Особенно плохо дѣло обстоитъ въ Микешиномъ Логу: населеніе не имѣетъ тамъ даже выгона. Поселившись на чужой грани, они лишены, конечно, возможности пользоваться землей своихъ сосѣдей въ большей мѣрѣ, чѣмъ теперь. Но выгода имѣть воду заставляетъ ихъ примиряться до извѣстной степени и съ этимъ неудобствомъ, и никто изъ нихъ не согласился бы перейти вновь въ Костинъ Логъ, гдѣ хотя и есть выгонъ, но нѣтъ воды. Нѣкоторые переселенцы, познакомившіеся на родинѣ съ травосѣяніемъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, поговариваютъ о желательности заведенія травосѣянія. Препятствіемъ къ осуществленію является прежде всего трудность полученія необходимыхъ для производства перваго опыта сѣмянъ. Выписывать ихъ изъ центральныхъ городовъ не такъ легко. Крестьяне, прежде всего, не знаютъ, куда обратиться, да еслибъ и знали, то посылка сѣмянъ по почтѣ, при стоимости пересылки 40 к. съ фунта, напримѣръ изъ Москвы въ Томскую губернію, сдѣлало бы необходимые для опыта 1—2 пудовъ сѣмянъ совершенно недоступными по дороговизнѣ. До Томска—далеко, а что касается мѣстнаго центра, г. Барнаула, то хотя тамъ и была, насколько мнѣ извѣстно, сдѣлана попытка устройства опытныхъ полей, но сѣмянъ для травосѣянія, въ мою бытность въ Барнаулѣ по крайней мѣрѣ, достать бы невозможно. Организаторы опытныхъ полей въ Барнаулѣ, безъ сомнѣнія, принесли бы существенную пользу устройствомъ опытныхъ искусственныхъ луговъ, принятіемъ мѣръ для распространенія свѣдѣній о травосѣяніи среди мѣстнаго населенія и облегченія послѣднему полученія необходимыхъ сѣмянъ. Почва для успѣха лицу, пожелавшему бы посвятить часть сво-

времени и труда на это полезное дѣло безусловно существуетъ, благодаря недостаточности хорошихъ покосныхъ участковъ не только въ Костиномъ и Микешиномъ Логахъ, гдѣ такіе участки вовсе отсутствуютъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ. Можно было бы надѣяться, что принятіемъ подобныхъ мѣръ удалось бы парализировать одно изъ крайне невыгодныхъ условій, въ которыя поставлены новоселы, между прочимъ и въ Костиномъ и Микешиномъ Логахъ. Потребность покосныхъ мѣстъ является въ Сибири крайне настоятельной: дѣло въ томъ, что разбросанность и отдаленность участковъ отъ деревни вынуждаетъ крестьянъ держать сравнительно очень большое количество лошадей, при которыхъ они и могутъ вести хоть сколько-нибудь правильное хозяйство. Отсутствіе возможности содержать необходимое количество лошадей крайне вредно отзывается на количествѣ обрабатываемой земли, а слѣдовательно и на всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Не малымъ бѣдствіемъ для жителей Костина и Микешина Логовъ являются въ заключеніе всего лихорадки. Дѣйствительно, и въ другихъ посѣщенныхъ мною переселенческихъ деревняхъ вы встрѣтите довольно значительное количество больныхъ лихорадкою, но ни въ одной, кажется, она не захватываетъ такое большое число жертвъ, не является такой упорной, какъ въ названныхъ двухъ селеніяхъ, въ особенности же въ Костиномъ Логу: лихорадка тамъ, по-истинѣ, бичъ для населенія, которое все чуть ли не поголовно страдаетъ отъ нея или, по крайней мѣрѣ, было недавнею жертвой болѣзни.

Приходитъ къ вамъ крѣпкаго сложенія мужикъ: цвѣтъ лица у него землистый, весь сгорбился, стоять ему трудно; его, оказывается, ежедневно треплетъ лихорадка вотъ уже въ теченіе 4 недѣль. Вотъ дѣвушка еле двигается: продолжительная болѣзнь ее настолько изнурила, что она кажется восковой, и немудрено, она въ теченіе двухъ мѣсяцевъ лежитъ черезъ день въ сильнѣйшихъ припадкахъ лихорадки. Иного лихорадка совсѣмъ свалитъ, и онъ лежитъ недѣлю, другую въ ожиданіи, что болѣзнь сама собой пройдетъ. Только и слышишь, что въ такой-то избѣ лежитъ въ лихорадкѣ такой-то, а въ другой избѣ—такая-то и т. д., постоянно видишь проходящія передъ окнами фигуры свободныхъ въ данный день отъ пароксизма больныхъ, желтыхъ, сгорбленныхъ, унылыхъ. И такъ изо дня въ день безъ конца. Невольно становится жутко.

У многихъ ознобъ, смѣняющійся жаромъ, бываетъ не особенно мучительнымъ, но болѣзнь за то выражается иногда въ общей слабости и отсутствіи аппетита, въ желудочно-кишечныхъ явленіяхъ, тошнотахъ; у нѣоторыхъ появляется безсонница, частые поты или боли въ мышцахъ и членевіяхъ, сердцебіеніе, одышка, дизентерія и т. д. И всѣ эти многочисленныя болѣзни, падающія на костинцевъ и микешинцевъ, среди которыхъ они сами растериваются, не болѣе, какъ проявленія того же самаго ча здѣшней мѣстности—лихорадки, которая, захвативъ костинца или кешинца, держитъ его недѣлями, мѣсяцами. Во время моего пребыванія

въ означенныхъ деревняхъ я не имѣлъ возможности собрать свѣдѣнія, приводятъ ли лихорадочныя заболѣванія къ смертнымъ случаямъ, и не могъ прослѣдить, не осложняются ли они болѣе тяжелыми формами болѣзней. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что подмѣченные виды заболѣванія лихорадкой могутъ привести къ болѣе тяжелымъ нервнымъ явленіямъ, наприм., параличамъ или психическому разстройству, что могутъ присоединиться вторичныя заболѣванія: туберкулезъ, амилоидъ и др., которыя и сводятъ обыкновенно больного въ могилу. Избавиться отъ этихъ заболѣваній въ такой лихорадочной мѣстности, какъ та, среди которой расположены обѣ деревни, не легко. Лишенные на долгое время способности работать, ослабленные, измученные болѣзнью, освободившіеся отъ лихорадки выздоравливающіе производятъ тяжелое, угнетающее впечатлѣніе.

Борьба съ болѣзнью, при отсутствіи благопріятныхъ для борьбы условій, почти невозможна. Ближайшую медицинскую помощь можно получить въ с. Бутыркахъ, гдѣ живетъ фельдшеръ, но Бутырки находятся отъ обоихъ логовъ въ 30 верстахъ. Обращающимся въ Бутырки больнымъ фельдшеръ даетъ хининъ, но, естественно, слѣдить за ходомъ болѣзни онъ не можетъ. Ближайшій врачъ—въ Барнаулѣ, а до него, какъ сказано, 150 верстъ. Въ имѣющейся въ Микешиномъ логу лавкѣ крестьяне покупаютъ сомнительнаго качества хининъ, платя за порошокъ 10 коп. Высокая плата заставляетъ больныхъ обращаться въ лавку за лѣкарствомъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Лѣченіе же не ясно выраженныхъ ознобомъ и жаромъ проявленій лихорадки происходитъ при помощи такъ называемыхъ «народныхъ средствъ», совокупность которыхъ приноситъ, однако, мало пользы больному. Наконецъ, само лѣченіе хининомъ ведется крайне неправильно: больной довольствуется пріемомъ болѣе или менѣе значительной дозы хинина и, если лихорадка его не оставитъ, онъ снова начинаетъ выжидать нѣкоторое время, чтобы потомъ, изнуренный повторяющимися пароксизмами, прибѣгнуть вновь къ большому пріему лѣкарства. При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о раціональномъ лѣченіи. О размѣрахъ, въ которыхъ доведенные до отчаянія постоянными приступами болѣзни костинцы и микешинцы принимаютъ хининъ, можно судить по тому, что одного больного родственники заставили проглотить въ одинъ пріемъ два золотника купленнаго въ лавкѣ хинина, т.-е. почти 140 гранъ. Относительно указываемаго случая долженъ, однако, оговориться, что, хотя послѣдствіемъ этого пріема и были рѣзко выраженные признаки отравленія, лихорадка оставила больного, не дожидаясь повторенія этого энергичнаго способа лѣченія.

Я не берусь рѣшать вопроса, что собственно является причиной такого громаднаго господства лихорадокъ—этихъ, называемыхъ самимъ народомъ «Иродовыхъ дочерей»: лежитъ ли она въ условіяхъ мѣстности, или нахо дится въ ближайшей зависимости отъ дурного качества воды, пить котору обречены костинцы, въ средѣ которыхъ лихорадки, насколько я могъ з мѣтить, господствуютъ сильнѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ Микешиномъ Логу. Р шить этотъ вопросъ можетъ медицинское изслѣдованіе, но какова бы

была причина—Костинъ и Микешинъ лога, съ отсутствіемъ воды въ первомъ, недостаткомъ покосовъ въ обоихъ, господствомъ лихорадокъ «всѣхъ видовъ и сортовъ», не могутъ считаться удачными мѣстами для поселенія приходящихъ изъ Европейской Россіи колонизаторовъ Западной Сибири.

Если, несмотря на тяжелое положеніе, утвердившееся въ Костиномъ Логу, населеніе не покидаетъ поголовно негостепріимной для поселенца мѣстности, если часть его предпочитаетъ мучиться отъ безводія, трястись въ лихорадкѣ, платить за наемъ покосовъ, то это объясняется, какъ я уже указывалъ, въ значительной степени тѣмъ, что оно, затративъ массу энергіи, силъ и денегъ на борьбу съ неблагопріятными условіями, надѣется, что ему будетъ оказана помощь. Къ удивленію, приходится, однако, узнавать, что и новые переселенцы охотно идутъ въ Костинъ Логъ, что независимо отъ тѣхъ, которые приписываются къ этой деревнѣ, она постоянно принимаетъ и значительное количество неприписныхъ. Между тѣмъ новоприбывающіе не могутъ не знать, что ихъ ожидаетъ въ Костиномъ Логу: молва о его безводіи широко распространилась въ округѣ; вопросомъ, въ какомъ смыслѣ будетъ рѣшена участь костинцевъ, занято населеніе окрестныхъ деревень на десятки верстъ, и, несмотря на это, переселенцы все идутъ и идутъ. Дѣйствительно, многіе, увидѣвши собственными глазами условія жизни въ Костиномъ Логу, покидаютъ его и переходятъ въ другія деревни; часть, однако, осѣдаетъ.

Объясненіе этого страннаго на первый взглядъ факта слѣдуетъ искать въ совокупности нѣкоторыхъ условій, сопровождающихъ осѣданіе пришлаго элемента на новыхъ мѣстахъ въ посѣщенной мною мѣстности. Переселенецъ, если онъ бѣденъ, естественно избѣгаетъ примкнуть къ деревнѣ, населенной старожилами, такъ какъ послѣдніе, какъ я уже говорилъ, подняли приписную плату до высоты, часто недоступной «россійскому», онъ отыскиваетъ себѣ деревню, которая, какъ, наприм., Костинъ Логъ, исключительно занятая новоселами, не взимаетъ ничего за приписку къ обществу. Богатый или хоть сколько-нибудь обезпеченный крестьянинъ и не идетъ въ Костинъ Логъ, вслѣдствіе чего масса населенія послѣдняго состоитъ изъ бѣдняковъ; только тотъ, кто не можетъ внести требуемую плату обществу старожиловъ, рѣшается попытать счастье въ Костиномъ Логу. Переселенцы часто съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, пока не убѣдятся лично, относятся къ слухамъ о неудобствахъ жизни въ названномъ селеніи, а тяжелыя экономическія условія, вынудившія ихъ покинуть родину, заставляютъ ихъ часто смотрѣть даже на такое мѣсто, какъ Костинъ Логъ, гдѣ, [с]нако, земля постоянно даетъ хорошій урожай, гдѣ она не требуетъ удо[б]нія, какъ на мѣстность, гдѣ можно все же какъ-никакъ прожить: [ж]дь, живутъ же другіе».

[П]ереселенецъ, конечно, могъ бы занять и другой участокъ, гдѣ нѣтъ [ни] ни старожиловъ, ни новоселовъ,—однимъ словомъ, могъ бы явиться [пер]вымъ піонеромъ въ незанятомъ еще никѣмъ участкѣ. Но онъ избѣгаетъ [это] и стремится поселиться непремѣнно «на людяхъ», и это по весьма

понятной причинѣ: если онъ бѣденъ,—а только такой и вынужденъ искать мѣстности, гдѣ съ него не брали бы за приписку,—переселенецъ не можетъ собственными силами поднять хозяйства; ему необходимо прибѣгнуть къ помощи сосѣдей. Случаи широкой взаимопомощи весьма часты среди новоселовъ. Облюбовавъ, наприм., участки для устройства пашенъ, переселенцы, пока они еще не стали твердою ногой на новомъ мѣстѣ, обыкновенно ведутъ запашки вмѣстѣ или выѣзжаютъ и обрабатываютъ землю всѣ совокупно сначала на участокъ одного, потомъ другого, третьяго и т. д., или ссужаютъ нуждающагося сочлена лошадьми, орудіями и пр. Если къ этому присоединить, что новоселъ обыкновенно совершенно незнакомъ съ условіями выбранной имъ для поселенія мѣстности, что онъ нуждается въ первое время постоянно въ совѣтѣ и руководствѣ уже оглядѣвшихся на мѣстѣ хозяевъ, приноровившихся къ почвеннымъ, климатическимъ и другимъ условіямъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему новоселъ всегда предпочтетъ устроиться на худшемъ участкѣ, но «на людяхъ», чѣмъ изолированно съ своими слабыми силами пытать счастья на новыхъ мѣстахъ, ему совершенно незнакомыхъ.

Было бы крайне несправедливо предполагать, что условія жизни въ Костиномъ и Микешиномъ Логахъ являются типичными для новоселовъ всей посѣщенной мною мѣстности: обѣ деревни находятся въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ и могутъ скорѣе считаться печальнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, чѣмъ наоборотъ. Но единовременно съ этимъ нельзя забывать и того, что онѣ не являются *единственными* исключеніями, что селеній, страдающихъ отъ недостатка воды, отнесеннымъ г. Залѣсскимъ на картѣ, приложенной къ его «Отчету, въ разрядъ совершенно непригодныхъ къ заселенію», нѣсколько, въ частности и по близости отъ Костина Лога, наприм., Чудскіе пруды и Закладная, и что этотъ же изслѣдователь считаетъ возможнымъ замѣтить (стр. 123), что по имѣющимся у него «относительно Барнаульскаго и Бійскаго округовъ даннымъ, такихъ болѣе или менѣе заселенныхъ маловодныхъ участковъ, какъ Костинъ Логъ, Чудскіе пруды, Абрамова дубрава и Закладная, нашлось бы еще нѣсколько»

Н. Х.

Кредитныя учрежденія на Кавказѣ въ 1894 году.

Въ возраженіяхъ на мою статью объ армянахъ на Кавказѣ мнѣ было указано, что выводы и заключенія, дѣлаемыя мною, хотя и оправдываются приводимыми цифрами, но г. «Сазоновъ [1]) не далъ себѣ труда сдѣлать приблизительный подсчетъ армянскимъ капиталамъ, въ особенности по сравненію съ капиталами грузинскими и русскими. Очень можетъ быть, что тогда указаніе на преобладающее вліяніе армянъ на Кавказѣ не показалось бы ему голословнымъ».

Въ настоящемъ своемъ очеркѣ я, насколько то оказалось возможнымъ, постарался пополнить этотъ пробѣлъ, т.-е. обслѣдовалъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, торговлю деньгами—единственный родъ торговли, котораго я въ своей статьѣ не касался. Капиталисты, какъ извѣстно, стремятся къ тому, чтобы никакая свободная частица ихъ капиталовъ не оставалась внѣ оборота и прибыльнаго нарастанія, а пущенныя въ оборотъ деньги приносили бы наибольшую прибыль.

Не разыскавъ армянскихъ капиталовъ ни въ сельской промышленности, ни въ заводскомъ и фабричномъ дѣлѣ и найдя, по сравненію съ капиталомъ другихъ національностей, лишь незначительныя по количеству суммы въ торговлѣ, обратимся къ той сферѣ дѣятельности, гдѣ капиталы въ современномъ обществѣ проявляются въ своей преобладающей роли и значеніи, т.-е. къ тѣмъ капиталамъ, которые доставляютъ доходы ихъ владѣльцамъ путемъ ссуды изъ процентовъ подъ обезпеченіе товарами, землями, домами и т. п.

Въ современномъ экономическомъ строѣ важнѣйшими органами денежнаго обращенія и самыхъ разнообразныхъ формъ кредитнаго посредничества являются банки. Вотъ почему для разъясненія вопроса о томъ, какъ велики обращающіеся на Кавказѣ капиталы и въ чьихъ рукахъ они находятся, необходимо, по возможности, разсмотрѣть организацію и дѣятельность кредитныхъ учрежденій на Кавказѣ.

При изслѣдованіи дѣятельности банковъ мы коснемся всѣхъ видовъ

---

[1]) *Новое Время*, № 7424.

этихъ учрежденій, не задаваясь цѣлью исчерпать всю ихъ дѣятельность, остановимся болѣе подробно на двухъ главныхъ операціяхъ ссудной и вкладной.

Всѣ приводимыя нами цифры взяты изъ оффиціальныхъ источниковъ: *Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли*, отчетовъ государственнаго банка, крестьянскаго банка, отчетовъ бывшаго главнаго управленія намѣстника Кавказскаго, кавказскихъ календарей, и изданій комитета съѣздовъ представителей русскаго земельнаго кредита.

На Кавказѣ проявляютъ свою дѣятельность слѣдующія учрежденія краткосрочнаго кредита:

а) 8 отдѣленій государственнаго банка [1]): тифлисскій коммерческій банкъ съ тремя отдѣленіями, 4 отдѣленія азовско-донского банка и одно отдѣленіе волжско-камскаго банка; в) шесть обществъ взаимнаго кредита и г) четыре городскихъ общественныхъ банка.

Изъ отчета государственнаго банка за 1895 годъ мы видимъ, что операціи: а) учета и ссудъ и б) вкладовъ—выразились въ слѣдующихъ цифрахъ [2]) въ 1894 году.

ОТДѢЛЕНІЯ.	Учетъ векселей и ссуды.	Вклады и текущіе счета части. лицъ и кред. учр.	Прибыль.
Владикавказское. . .	1.346,6	929,5	69,7
Екатеринодарское . .	1.990,5	2.002,7	100,2
Ставропольское . . .	191,5	131,8	6,9
Бакинское	1.369,4	3.070,3	105,3
Батумское	222,1	419,6	41
Тифлисское.	2.985,5	2.874,2	178,1
Эриванское.	190,5	225,4	13,5
Итого. . . .	8.296,4	10.795,2	514,8 [3])

Примѣчаніе [4]). Въ пятигорскомъ отдѣленіи вкладовъ по текущимъ счетамъ отъ частныхъ лицъ и кредитныхъ учрежденій было 314,4; ссудъ подъ процентныя бумаги 23,2.

Балансъ операцій всѣхъ отдѣленій за 1894 г. 23.998,281 р. 70½ к.

По операціи учета векселей обратимъ вниманіе на учетъ мѣстныхъ векселей [5]).

---

[1]) Изъ восьми отдѣленій государственнаго банка одно, Пятигорское, временное, открывающееся только на время лѣчебнаго сезона.

[2]) Для упрощенія мы всюду въ своихъ табличкахъ будемъ писать суммы въ [illegible]сячахъ. Приводимыя цифры взяты изъ отчета, стр. 80: „состояніе счетовъ конт[illegible]ъ и отдѣленій государственнаго банка, кавказскій районъ“ и приложенія № 52 къ [illegible]чету, стр. 141.

[3]) Это валовая прибыль, чистая—110,524 руб. 64 коп.

[4]) Приложенія къ отчету №№ 25, 26 и 44.

[5]) Приложенія къ отчету госуд. банка №№ 18, 22, стр. 41 и 71.

	Число векселей.	Средняя валюта.
Тифлисское отдѣленіе. . . .	3,556	1,133
Бакинское.	1,468	1,792
Екатеринодарское.	2,443	794
Владикавказское	1,699	665

По операціи спеціальныхъ текущихъ счетовъ, обезпеченныхъ векселями, особенно выдѣляется бакинское отдѣленіе, гдѣ было позаимствовано 2.408,010; иначе говоря, оборотъ этого отдѣленія, по этой операціи, превышаетъ обороты всѣхъ остальныхъ отдѣленій вмѣстѣ взятыхъ [1]).

По операціи ссудъ подъ товары обращаетъ на себя вниманіе батумское отдѣленіе, гдѣ выдано таковыхъ ссудъ на 5.360,376 руб., обороты всѣхъ остальныхъ отдѣленій, по этой операціи, достигаютъ лишь одной пятой этой суммы.

Что же касается до главнѣйшей изъ пассивныхъ операцій—вкладной, то она къ 1 январю 1895 года выразилась въ слѣдующихъ суммахъ [2]).

По вкладамъ срочнымъ 2.006,705 руб., въ томъ числѣ вкладовъ принадлежащихъ правительственнымъ и частнымъ учрежденіямъ 385,605 [3]).

По вкладамъ безсрочнымъ 6.166,475 руб., въ томъ числѣ принадлежащихъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ 3.424,317 р. [4]).

Наибольшее количество безсрочныхъ вкладовъ было въ бакинскомъ отдѣленіи, гдѣ оно доходило до суммы 972,436 руб.; срочныхъ же вкладовъ было болѣе въ тифлисскомъ отдѣленіи на 856,800 руб.

Операція вкладовъ на текущіе счета является самою крупною изъ всѣхъ вкладныхъ операцій: сумма годового оборота достигаетъ 55.096,451 рубля.

Особенно развиты эти кредитныя сдѣлки въ трехъ отдѣленіяхъ—бакинскомъ (до 23 мил.), тифлисскомъ (до 15 мил.) и батумскомъ (до 11 мил.). На текущіе счета вкладываютъ деньги частныя лица, частныя кредитныя учрежденія, торговыя и промышленныя предпріятія и товарищества.

Акціонерные коммерческіе банки.

Тифлисскій коммерческій банкъ основанъ въ 1871 году и имѣетъ три отдѣленія—въ Баку, Батумѣ и Эривани. Основной капиталъ банка одинъ милліонъ (5,000 акцій по 200 рублей), запасный капиталъ 236,232 рубля [5]).

Общее собраніе состоялось при 86 акціонерахъ.

Правленіе банка: гг. Тамамшевъ, Шахбудаговъ и Тавадовъ, бухгалтеръ Калантаровъ, всѣ армяне.

---

[1]) Приложеніе № 23 къ отчету госуд. банка, стр. 73.

[2]) № 27 приложенія, стр. 81.

[3]) Приложенія №№ 42 и 43, стр. 110 и 114.

[4]) Приложенія №№ 42 и 43, стр. 110 и 114.

[5]) *Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли* 1895 г., № 31, отдѣлъ „Отчеты торговыхъ и промышленныхъ предпріятій“, стр. 861.

	(Въ тысячахъ рублей.) Учетъ векселей и ссуды.	Вклады и текущіе счета.	Прибыль.
Въ Тифлисѣ . . .	3.711,1	5.170,4	249,8
» отдѣленіяхъ .	1.731,6	2.166,8	на акцію 16,70%
Итого	5.442,8	7.337,3	

Балансъ на 1 декабря 1895 г. 51.171,546 р. 19 к. [1]).

Изъ активныхъ операцій—ссуды подъ залогъ товаровъ и коносаментовъ, а равно и ссуды по спеціальнымъ текущимъ счетамъ подъ обезпеченіе товарами производятся исключительно въ отдѣленіяхъ въ Баку и Батумѣ, доходя до суммы 756,138 рублей.

Изъ пассивныхъ операцій особенно развиты въ отдѣленіяхъ—вклады на текущіе счета, всего въ обоихъ отдѣленіяхъ 2.388,000 рублей.

Тифлисскій коммерческій банкъ выдавалъ въ 1894 году по вкладамъ: а) на текущій счетъ 1%, б) по срочнымъ — на 6 мѣсяцевъ 3%, на годъ и болѣе 4½ и 5%, в) до востребованія 2 и 2½%; взималъ: по учету векселей 8⅓ и 9%; по ссудамъ по спеціальнымъ текущимъ счетамъ — 7, 8 и 8½%; по ссудамъ подъ товары—8%.

Изъ двухъ конторъ и 240 отдѣленій волжско-камскаго банка на Кавказѣ—одно отдѣленіе въ Баку. Операціи этого отдѣленія, по интересующимъ насъ сдѣлкамъ, выразились въ 1894 г. въ слѣдующихъ суммахъ [2]):

По учету векселей и ссудамъ.	Въ тысячахъ рублей. По вкладамъ срочнымъ и безсрочнымъ [3]).	Прибыль на акцію.
3.480,7	501,5	23,68 (55 руб.).

Складочный капиталъ волжско-камскаго банка 10 милліоновъ, запасный—3.795,511 руб.; всей прибыли за 1894 годъ—3.590,429 руб.

Общее собраніе состоялось при 48 акціонерахъ.

Правленіе: гг. Соллогубъ, Костылевъ, Вальхъ, Бобрищевъ-Пушкинъ, Мухинъ, бухгалтеръ Экгорстъ.

Годовой балансъ 130 милліоновъ 713 тысячъ.

У азовско-донского банка всѣхъ отдѣленій семнадцать, изъ нихъ на Кавказѣ четыре: въ Армавирѣ, Ставрополѣ, Екатеринодарѣ и Ейскѣ; выдѣлить операціи этихъ отдѣленій мы не могли, такъ какъ не добыли отдѣльнаго отчета этого банка. Изъ годового же отчета, помѣщеннаго въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, выписываемъ слѣдующія данныя [4]).

---

[1]) *Вѣстникъ Финансовъ*, № 53, стр. 1181.

[2]) *Вѣстникъ Финансовъ*, № 18, отчетъ волжско-камскаго банка за 1894 годъ.

[3]) У насъ нѣтъ цифры ни о вкладахъ, ни о ссудахъ на текущій счетъ по этому отдѣленію. Въ отдѣленіяхъ (исключая конторы) эти операціи достигаютъ первая 22.754,360 рублей, а вторая 15.209,399 рублей.

[4]) *Вѣстникъ Финансовъ*, №№ 15 и 52.

Складочный капиталъ 4.134,000 руб., запасный—1.377,998 руб., всей прибыли за 1894 годъ 669,208 руб., дивидендъ 40 руб. на акцію.

Общее собраніе состоялось при 18 акціонерахъ.

Главныя активныя операціи въ отдѣленіяхъ: учетъ векселей—9.596,100 рублей и ссуды подъ залогъ товаровъ и коносаментовъ—3.591,339 рублей.

Пассивныя операціи въ отдѣленіяхъ: по вкладамъ срочнымъ и безсрочнымъ—1.352,120 руб.; по вкладамъ на текущіе счета—9.433,649 руб.

Годовой балансъ—46.867,000 руб.

Правленіе: гг. Нентцель, Каменка, Скароманга, Поляковъ и Чаменскій. Бухгалтеръ Джаниди.

Общества взаимнаго кредита [1]).

Названіе обществъ.	(Въ тысячахъ рублей). Учетъ векселей и ссуды.	Вклады.	Прибыль.
Бакинское, членовъ 836 . .	1.152,9	460,7	120,5
Потійское, членовъ 255 . .	284,1	90,4	16,7
Тифлисское, членовъ 1,197 .	4.551,1	2.067,3	221,2
Кутаисское, членовъ 849 . .	741,2	399,1	39,0
Екатеринодарское, член. 298 .	1.283,0	152,8	50,6
Батумское, членовъ 240 . .	122,4	73,2	?
Итого . . .	6.981,8	3.243,5	

Капиталы обществъ.

	Складочный.	Запасный.	Спеціальный.	Обезпеченія.
Бакинское	527,6	101,3	65,3	2.110,4
Потійское	80,6	29,6	1,8	225,4
Тифлисское. . . .	1.000,3	154,6	42,5	4.003,0
Кутаисское. . . .	96,9	23,6	—	871,1
Екатеринодарское .	79,5	15,0	—	716,1
Батумское	34,9	—	—	314,3
Итого . . .	1.819,8	304,1	109,6	8.240,9

Изъ слагаемыхъ, образующихъ эти цифры, сведенныя мною въ таблицы, можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

Главныя операціи обществъ взаимнаго кредита—учетъ векселей и вклады на текущіе счета. Особенно развита первая изъ этихъ операцій въ обществахъ тифлисскомъ, бакинскомъ и екатеринодарскомъ, а вторая, вкладная, въ обществахъ тифлисскомъ, бакинскомъ и кутаисскомъ. Ссуды подъ товары выдаются почти исключительно батумскимъ обществомъ. Общества взимали: а) по учету векселей 10 и 11%, по ссудамъ отъ 8 до 12%; платили по вкладамъ отъ 2 до 7%.

---

[1]) *Вѣстникъ Финансовъ*, №№ 24, 34, 28, 44, 30 и 53 за 1895 годъ, отчеты годовые за 1894 годъ.

Городскіе общественные банки [1]).

Банки эти включаютъ въ кругъ своихъ операцій и выдачу долгосрочныхъ ссудъ подъ залоги городскихъ недвижимыхъ имуществъ и сельскихъ имѣній, а потому, чтобы не разбивать разсмотрѣніе дѣятельности этихъ кредитныхъ учрежденій, мы приведемъ цифры, относящіяся ко всѣмъ этимъ операціямъ:

Названіе банковъ.	Учетъ векселей и ссуды.	Вклады.	Прибыль.
Ейскій	515,4	414,3	18,2
Ставропольскій	826,7	695,5	22,2
Темрюкскій	207,5	144,6	10,6
Пятигорскій.	309,6	460,3	12,3
Итого.	1.859,2	1.714,6	63,3

Капиталы городскихъ банковъ.

	Основной.	Запасный.
Ейскій	242,9	10,9
Ставропольскій	255,7	47,9
Темрюкскій	105,1	10,0
Пятигорскій.	101,8	3,6
Итого. . . .	705,5	72,4

Ссуды подъ залогъ.

	а) городскихъ строеній.	б) земель.	Итоги.
Ейскій	2,0	3,9	5,9
Ставропольскій . . .	95,7	—	95,7
Темрюкскій	27,7	—	27,7
Пятигорскій.	197,8	19,0	216,6
Итого. . .	323,2	22,9	346,1

Изъ этихъ табличекъ видно, что обороты городскихъ общественныхъ банковъ на Кавказѣ вообще не велики, только въ одномъ изъ нихъ, ставропольскомъ, годовой балансъ переходилъ за милліонъ (1.125,935 рублей), такъ что можно предположить съ большою вѣроятностью, что дѣятельность этихъ банковъ ограничивается удовлетвореніемъ чисто-мѣстныхъ потребностей, а потребности эти пока не велики.

Дѣятельность всѣхъ учрежденій краткосрочнаго кредита, дѣйствующихъ на Кавказѣ, по разсмотрѣннымъ операціямъ, выразится въ слѣдующихъ таблицахъ:

[1]) *Вѣстникъ Финансовъ* 1895 года, №№ 18, 26, 32 и 33, извлеченіе изъ годовыхъ отчетовъ за 1894 годъ.

	Учетъ векселей и ссуды.	Вклады.
Городскіе общественные банки . . .	1.859,2	1.714,6
Общество взаимнаго кредита. . . .	6.981,8	3.243,5
Акціонерные коммерческіе банки . .	8.923,5	7.838,8
Государственный банкъ	8.296,4	10.795,2
Итого	26.060,9	23.592,2

Капиталы:

	Основной.	Запасный.	Прибыль.
Городск. общ. банки	705,5	72,4	63,3
Общества взаимн. кредита . . .	1.819,8	304,1 (капиталъ обезпеч.). 8.240,9	447,8
Тифлисскій коммерч. банкъ . .	1.000,0	236,2	249,8
Итого	3.525,3	612,7	1.275,7
		4.138,0	

Въ эту таблицу не включены капиталы ни волжско-камск., ни азовско-донского банковъ, а равно и отдѣленій государственнаго банка, такъ какъ выдѣлить изъ капиталовъ ту часть, которая должна быть отнесена на эти отдѣленія—трудно. Въ прибыль же, въ итогъ, включена и прибыль кавказскихъ отдѣленій государственнаго банка въ суммѣ 514,800 рублей.

Такимъ образомъ на капиталъ въ 27.730,2 (вклады+основн. капитал.) при активныхъ операціяхъ, доходящихъ до 26 милліоновъ получено прибыли одинъ милліонъ 60 тысячъ рублей, т.-е. менѣе 5%, что подтверждаетъ и по отношенію къ Кавказу то общее правило, что оборотными средствами банковъ могутъ быть всегда только свободныя средства частныхъ хозяйствъ, иначе говоря—тѣ средства, коими владѣльцы не могутъ найти производительнаго и доходнаго занятія.

Вся вкладная операція кавказскихъ кредитныхъ учрежденій, за исключеніемъ вкладовъ правительственныхъ и общественныхъ установленій, хотя и достигаетъ 20 милліоновъ, но изъ этой суммы около $^4/_5$ составляютъ вклады двухъ категорій: а) на текущіе счета и б) безсрочные. Этого рода вклады, какъ извѣстно, представляютъ собою расходные капиталы различныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій или связанныя съ этими предпріятіями деньги, лишь временно, на короткій срокъ, свободныя.

Вкладовъ срочныхъ, т.-е. принадлежащихъ къ той категоріи, которая въ ихъ мѣстностяхъ, какъ Кавказъ, гдѣ предпріимчивость весьма слабо развита, спасаютъ большіе капиталы, если таковые существуютъ на мѣстахъ, отъ омертвѣнія,—такихъ вкладовъ всего на сумму около 4 милліоновъ; изъ нихъ 1.623 въ отдѣленіяхъ (7) государственнаго банка, около милліона въ городскихъ общественныхъ (4) банкахъ и остальныя суммы

въ шести обществахъ взаимнаго кредита и въ 8-ми отдѣленіяхъ коммерческихъ банковъ, т.-е. вся сумма составляется изъ многихъ мелкихъ вкладовъ. Прибыль доставляемая банкомъ операціями учетной и ссудной, въ которыхъ и проявляется непосредственное пользованіе ссуженными капиталами,—прибыль эта распредѣляется по изслѣдуемымъ учрежденіямъ такъ: гг. акціонеры тифлисскаго коммерческаго банка получили 16% со 100, азовско-донскаго—20% съ 100, волжско-камскаго—23% со 100. Изъ этихъ трехъ банковъ одинъ тифлисскій, по составу своего правленія (если, конечно, допустить, что члены правленія избираются не по назначеніямъ и довѣрію къ нимъ, а только потому, что принадлежатъ къ извѣстной національности) можетъ быть названъ армянскимъ.

Изъ годовыхъ отчетовъ этихъ банковъ видно, что общія собранія состоялись при участіи: въ тифлисскомъ банкѣ 86 человѣкъ, въ волжско-камскомъ 48 человѣкъ и въ азовско-донскомъ 18 человѣкъ. Складочный капиталъ тифлисскаго банка 1 милліонъ, волжско-камскаго 10 милл., азовско-донского 4.134,000 рублей. Такъ какъ на основаніи уставовъ акціонерныхъ банковъ одно лицо можетъ, на общихъ собраніяхъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ до одной десятой всѣхъ акцій, то можно допустить, что въ общихъ собраніяхъ участвовали всѣ акціонеры. Раздѣливъ складочный капиталъ на число участвовавшихъ въ общихъ собраніяхъ, получимъ, что на долю каждаго акціонера въ тифлисскомъ банкѣ приходится 11,623 р., въ волжско-камскомъ 208,333 р. и въ азовско-донскомъ 229,667 р. Позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ:

Изъ трехъ акціонерныхъ банковъ, дѣйствующихъ на Кавказѣ, одинъ—тифлисскій—не находится въ рукахъ капиталистовъ, и акціонеры этого банка люди достаточные и только. Такъ что, допуская даже невѣроятное предположеніе, что всѣ эти акціонеры—армяне, все-таки, среди нихъ нѣтъ капиталистовъ, если всѣ ихъ деньги въ банкѣ.

Изъ 97 лицъ служащихъ въ восьми отдѣленіяхъ государственнаго банка армянъ—шесть человѣкъ, изъ нихъ только одинъ, г. Кананов, занимаетъ мѣсто управляющаго, а остальные занимаютъ мѣста помощниковъ бухгалтера, счетчиковъ, чиновниковъ и кандидатовъ къ членамъ оцѣнщикамъ въ разныхъ отдѣленіяхъ [1]).

Въ обществахъ взаимнаго кредита изъ 15 членовъ правленія—5 армяне, а изъ бухгалтеровъ одинъ [2]).

Въ городскихъ банкахъ изъ 12 членовъ правленія одинъ армянинъ [3]).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ цифръ и соображеній мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ. Банковая дѣятельность учрежденій кратк срочнаго кредита на Кавказѣ вообще слабо развита и далеко не находитс въ соотвѣтствіи не только съ естественными богатствами страны, но дая

---

[1]) *Кавказскій календарь 1896 г. Адресный календарь*, стр. 46, 47.

[2]) См. указанные раньше №№ *Вѣстника Финансовъ*, годовые отчеты банковъ.

[3]) См. указанные раньше №№ *Вѣстника Финансовъ*, годовые отчеты банковъ

и съ тѣми успѣхами въ развитіи промышленности добывающей и обрабатывающей, какіе нынѣ достигнуты въ краѣ, такъ: весь оборотъ денежныхъ суммъ равенъ 27 милліонамъ, а одна добыча нефти даетъ матеріалъ стоимостью въ 40 милліоновъ [1]), культура промышленныхъ растеній около 32 милліоновъ [2]) и т. п. Главнѣйшія операціи по суммѣ сосредоточены въ трехъ городахъ: Баку, Тифлисѣ и Батумѣ, т.-е. по главной торговой артеріи Кавказа—закавказской желѣзной дорогѣ. По суммѣ оборотовъ первое мѣсто занимаетъ государственный банкъ, затѣмъ акціонерные банки, общества взаимнаго кредита и на послѣднемъ мѣстѣ городскіе общественные банки. Къ тому же выводу пришла и особенная канцелярія по кредитной части въ трудѣ своемъ по изслѣдованію распредѣленія фондовъ въ Россіи.

Выписываемъ буквально: «Государственный банкъ и его вспомогательныя учрежденія занимаютъ первенствующее мѣсто въ качествѣ учрежденія, въ которомъ сосредоточено движеніе капиталовъ въ Россіи; вторымъ мѣстомъ являются коммерческіе банки, далѣе слѣдуютъ учрежденія взаимнаго кредита и общественные банки» [3]).

II. Банки долгосрочнаго кредита.

Банковъ ипотечнаго кредита на Кавказѣ семь: государственный дворянскій, государственный крестьянскій, тифлисскій и михайловскій дворянскіе земельные банки, акціонерные земельные харьковскій и донской и тифлисское городское кредитное общество. Въ этихъ банкахъ заложено *земельныхъ* имуществъ на суммы, означенныя въ слѣдующей таблицѣ [4]):

Годъ основанія.	Наименованіе банковъ.	Число имѣній.	Количество земли въ десятинахъ.	Въ тыс. руб. суммы, выданныя въ ссуду.
1875	Тифлисскій двор.	550	534,387	3.058,0
1876	Михайловскій двор.	888	28,113	1.738,0
1885	Государствен. двор.	126	139,510	2.821,2
1866	Особ. отд. госуд. б.	140	129,263	1.410,166
1871	Харьковск. зем. б.	93	56,930	1.294,900
1883	Госуд. крестьян.	7	10,850	209,9
1873	Донск. зем. б.	584	1.107,072	6,520,1
	Итого . . .	2,390	1.217,535	17.662,3

[1]) *Русская Мысль*, сентябрь, стр. 73.

[2]) *Гулишамбаровъ*: „Обзоръ фабрикъ и заводовъ Закавказскаго края", стр. 24 и 25.

[3]) *№ 41 Вѣстника Финансовъ* за 1895 г., стр. 161.

[4]) *Статистика долгосрочнаго кредита, выпускъ III, долги по займамъ въ государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ*. Спб., 1896 г., стр. 44, 45, 46 и 52. Отдѣлъ X, Кавказъ и Закавказье. *Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1894 годъ*, стр. 76, и приложеніе II, стр. 4, 7, 10 и 29.

Въ тѣхъ же банкахъ заложено городскихъ имуществъ [1]):

Число имуществъ.		Въ тыс. рубл. суммы, выданныя въ ссуду.
Харьковск. земельн. . . .	176	987,5
Донск. земельн	694	3.996,0
Тифлисскій двор.	1,707	12.574,7
Михайловскій двор. . . .	691	1.939,0
Тифлисск. гор. кред. об.	1,213	10.132,8
	3,611	29.630,001

Капиталы банковъ [2]):

Складочный капиталъ.	Прибыль.
Донской 3.250,000.	580,614 р. 33 к. (42 р. 50 к. на акцію).
Харьковскій 7.247,000	1,219,649 р. 3 к. (на акцію 28 р.)
Тифлисскій двор. 402,231 р. 16 к.	211,109 » [3])
Тифлисское город. кред. общ. .	58,035 »

Примѣчаніе. Что касается государственныхъ дворянскаго, крестьянскаго и особаго отдѣленія, то выдѣлить прибыль падающую на кавказскія операціи оказалось для насъ невозможнымъ, точно также не удалось выяснить прибыль михайловскаго дворянскаго банка.

Въ обращеніи находится закладныхъ листовъ всѣхъ банковъ на слѣдующія суммы [4]):

	Въ тысяч. руб.
Государственнаго дворянскаго земел. банка . . .	222.182,6
Госуд. крестьянск. позем. банка	60.022,3
Особаго отд. госуд. двор. зем. банка.	8,5
Харьковскаго земельнаго.	84.590,3
Его же металлическихъ	641,3
Донской земельный банкъ	39.728,8
Тифлисскій дворянск. земельн. банкъ.	14.819,3
Михайловскій двор. зем. банкъ	2.957,1
Тифлисское городское кредит. общ.	9.067,8

Всей земли, принадлежащей частнымъ владѣльцамъ, числится на Кавказѣ 4.764,796 десятинъ, заложена, слѣдовательно, четвертая часть этой земли [5]).

---

[1]) *Статистика долгосрочнаго кредита*, тотъ же выпускъ, стр. 62, 64.

[2]) №№ 17, 18, 28, 13, 24 и 50 *Вѣстника Финансовъ за 1895 годъ.*

[3]) Это прибыль по всѣмъ оборотамъ банка. Тифлисскій дворянскій банкъ смѣшаннаго характера: онъ основанъ въ 1874 г. какъ акціонерный банкъ, а въ 1881 г. по новому уставу, перешелъ въ число обществъ взаимнаго кредита.

[4]) *Статистика долгосрочн. кредита*, *вып. III*, стр. 67.

[5]) Какъ поясняютъ составители статистики долгосрочнаго кредита, цифру эту они взяли изъ кавказскихъ календарей и свода статистическихъ данныхъ по отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ (объясненіе къ таблицамъ).

По отдѣльнымъ губерніямъ отношеніе количества заложенной земли къ общему количеству частно-владѣльческой земли, выраженное въ %, таково: Ставропольская губернія 49%, Кубанская область 45%, Тифлисская губернія 43%, Терская область 31%, Эриванская губернія 14%, Бакинская губернія 4%, Кутаисская 3%, Елизаветпольская 1%. Особенно выдѣляются своею задолженностью слѣдующіе уѣзды: Новобаязетскій, Эриванской губерніи 59%, Владикавказскій и Хасав-Юртовскій, Терской области 59 и 41% и Тифлисской губерніи уѣзды: Тіонетскій, Телавскій, Сигнахскій и Борчалинскій отъ 38 до 48%. Не имѣющихъ заложенныхъ земель только два уѣзда на всемъ Кавказѣ: Шарура-Даралогечскій, Эриванской губерніи, и Шушинскій, Елизаветпольской губерніи.

Къ 1 января 1895 года задолженность городовъ на Кавказѣ выражалась въ слѣдующихъ суммахъ [1]): Тифлисъ — 15.566,985 р., свыше одного милліона четыре города — Баку, Кутаисъ, Екатеринодаръ и Владикавказъ свыше 100 тысячъ 6 городовъ и затѣмъ двадцать два города отъ 3,781 руб. до 98,098 (Ахалцыхъ). Такимъ образомъ изъ всѣхъ 48 городовъ только 11 [2]) не имѣютъ еще долговъ [3]).

Для того, чтобы получить точный итогъ задолженности всѣхъ недвижимыхъ имуществъ на Кавказѣ, слѣдуетъ къ полученнымъ нами суммамъ прибавить ссуды, выданныя подъ этого рода имущества городскими общественными банками и тифлисскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія, банками выдано 346,100 да около этого приказомъ, тогда задолженность всѣхъ недвижимыхъ имуществъ городскихъ и сельскихъ опредѣлится въ суммѣ 47 милліоновъ.

Долгъ этотъ образовался за послѣднія двадцать пять лѣтъ, такъ какъ еще въ 1871 году [4]) (отчетъ за 1862—72 гг. помощника намѣстника барона Николаи) долгъ этотъ былъ: по сельскимъ имѣніямъ 1.009,774 руб., по городскимъ строеніямъ 3.081,524 руб. За 25 лѣтъ долгъ увеличился въ двѣнадцать разъ.

Большая задолженность городскихъ имуществъ сравнительно съ сельскими имѣніями объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что окончательное размежеваніе земель на Кавказѣ, благодаря существеннымъ особенностямъ этого межеванія, далеко не закончено, а земли, на которыя планы не составлены и не утверждены, къ залогу не принимаются.

Заемщики выплачиваютъ въ земельныхъ банкахъ, дѣйствующихъ на Кавказѣ, слѣдующіе годовые платежи: въ государственномъ отъ 5 до 12

---

1) Тоже, стр. 63 и 64.

2) Надо прибавить еще 4 города имущества коихъ заложены въ городскихъ банкахъ.

3) Для сравненія приводимъ данныя о задолженности главныхъ городовъ: Петербургъ 188 мил., Москва 143 мил., Одесса 56 мил., Варшава 41 мил., Рига 18 мил., Кіевъ 17 мил.

4) Приложеніе къ главѣ 8 отчета. Вѣдомость объ оборотахъ Закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія по части кредита за 1863—71 гг.

со 100 рублей ссуды (сроки отъ 11 лѣтъ до $66^{6}/_{12}$); въ акціонерныхъ отъ 6 руб. 25 коп. до 9 руб. (сроки отъ $19^{11}/_{12}$ до $61^{8}/_{12}$); въ сословныхъ банкахъ 6 руб. 25 коп. до 10 руб. (сроки $18^{7}/_{12}$—$61^{8}/_{12}$); въ Тифлисскомъ кредитномъ обществѣ ($25^{5}/_{12}$ срокъ) 7 руб. 75 коп. со 100 руб.; такъ какъ, очевидно, не заемщики получаютъ прибыли отъ занятыхъ капиталовъ, а тѣ лица, которыя вложили туда свои деньги на образованіе складочнаго капитала, то, въ видахъ достиженія намѣченной цѣли изысканія капиталовъ, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ: а) въ какихъ банкахъ сосредоточиваются заложенныя имущества и б) въ чьихъ рукахъ находятся эти банки:

По выданнымъ въ залогъ ссудамъ банки идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сословные дворянскіе банки	18.299,700	руб.
Акціонерные земельные банки	12.798,501	»
Городскія кредитныя общества.	10.132,800	»
Государствен. двор. банкъ съ особ. отдѣл. .	4.231,360	»
Государствен. крестьянск. банкъ	209,956	»
	45.672,323	руб.

Сословные дворянскіе банки находятся въ рукахъ грузинскаго и имеретинскаго дворянства [1]); акціонерные земельные банки, харьковскій и донской—въ рукахъ русскихъ капиталистовъ, и только тифлисское городское кредитное общество, по составу своего правленія—всѣ армяне—можетъ быть, конечно, съ тѣми же оговорками, которыя я дѣлалъ и ранѣе по отношенію къ коммерческому банку, названо армянскимъ; но городское кредитное общество, будучи учрежденіемъ, основаннымъ на взаимности, безъ складочнаго капитала, учреждено не съ спекулятивными цѣлями, а исключительно для нуждъ самихъ заемщиковъ-домовладѣльцевъ, которые, будучи одновременно и членами и заемщиками, едва ли могутъ быть почитаемы капиталистами, такъ какъ никакого дивиденда не получаютъ.

Намъ кажется возможнымъ сдѣлать слѣдующіе выводы: а) обороты банковъ долгосрочнаго кредита на Кавказѣ болѣе чѣмъ въ два раза превышаютъ таковыя же учрежденій краткосрочнаго кредита, б) первенствующая роль въ операціяхъ по земельнымъ ссудамъ принадлежитъ сословнымъ дворянскимъ банкамъ, находящимся въ рукахъ грузинъ [2]); слѣдующее за сословными банками мѣсто занимаютъ акціонерные банки, находящіеся въ рукахъ русскихъ капиталистовъ, затѣмъ слѣдуетъ городское кредитное общество, которое, судя по составу правленія, находится подъ вліяніемъ армянъ, но, какъ общество взаимное и не выдающее дивиденда, не даетъ возможности признать ея членовъ капиталистами, хотя бы всѣ они, члены-заемщики, были армяне, что, конечно, невозможно.

---

[1]) Въ правленіяхъ тифлисскаго и михайловскаго дворянскихъ банковъ, а равно харьковскаго и донского земельныхъ нѣтъ ни одного лица съ армянскою фамиліей.

[2]) Прибыли этихъ банковъ поступаютъ въ пользу дворянскихъ учрежденій.

Чтобы закончить нашъ очеркъ банковой дѣятельности на Кавказѣ, скажемъ нѣсколько словъ о сельско-хозяйственномъ меліораціонномъ кредитѣ.

На Кавказѣ одно учрежденіе, имѣющее цѣлью оказать содѣйствіе сельскимъ хозяевамъ введеніемъ меліораціонной системы кредита — Тифлисское общество взаимнаго сельско-хозяйственнаго кредита. Всѣхъ членовъ 395; складочный капиталъ 48,105 р. Балансъ 91,866 р. 36 к. Общество открыло свои дѣйствія 17 іюля 1895 года [1]).

Кромѣ этого общества, государственный банкъ выдавалъ ссуды сельскимъ хозяевамъ подъ соло-векселя; таковыхъ выдано въ 1894 году [2]):

Владикавказскимъ	отдѣленіемъ на	115,625 р.
Екатеринодарскимъ	» »	112,034 »
Тифлисскимъ	» »	3,800 »

Выдавалъ государственный банкъ ссуды и на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Выдано въ 1894 году:

Владикавказскимъ	отдѣленіемъ	506,388 р. 90 к.
Екатеринодарскимъ	»	177,981 » 75 »
и Ставропольскимъ	»	48,098 » — »

Вотъ и всѣ операціи, имѣющія цѣлью помочь сельскому хозяйству.

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести слова знатока Кавказа, бывшаго помощника намѣстника кавказскаго, барона Николаи. Слова эти сказаны двадцать пять лѣтъ тому назадъ, но и въ настоящее время они вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности:

«Матеріальное благосостояніе края, выражаясь въ развитіи различныхъ отраслей сельско-хозяйственной и фабричной промышленности, находится преимущественно въ зависимости отъ умственнаго уровня населенія и отъ достаточнаго количества оборотныхъ капиталовъ. Гдѣ нѣтъ знанія и яснаго пониманія условій правильнаго хозяйства, тамъ предпріимчивость возникнуть не можетъ, а прогрессъ развивается медленно; гдѣ существуетъ недостатокъ денежныхъ средствъ, тамъ обширныя и не подверженныя случайнымъ неудачамъ предпріятія не могутъ получить прочнаго основанія» [3]).

Что на Кавказѣ въ сельскомъ хозяйствѣ господствуетъ рутина, что заводское и фабричное дѣло, за исключеніемъ нефтянаго, весьма слабо развито, то, надѣюсь, достаточно подтверждается цифрами и фактами, приведенными мною въ предшествующей статьѣ [4]). Что же касается до недостатка денегъ, то въ дополненіе къ цифрамъ, приведеннымъ въ настоящемъ очеркѣ, сошлюсь на результаты изслѣдованія особой канцеляріи по кредитной ча-

---

Вѣстникъ Финансовъ, № 51, стр. 1138.

Приложенія къ отчету госуд. банка, №№ 28 и 31.

Отчетъ за 1862—72 гг., стр. VIII.

Превышеніе расходовъ надъ доходами по Кавказу въ 1894 году по всѣмъ гу-
бер ъ и областямъ равно 9.871,365 рублямъ (*Русскій Календарь* Суворина на
189 стр. 200).

сти о распредѣленіи фондовъ въ Россіи. Въ этомъ трудѣ говорится исключительно о государственныхъ кредитныхъ и гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ.

Таковыхъ бумагъ на Кавказѣ (включая Закавказье) на 332,683 руб. металлическихъ и на 23.434,927 руб. кредитныхъ во всѣхъ кредитныхъ учрежденіяхъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ, а въ одной наприм., Петербургской губерніи на 145.777,420 руб. металлическихъ и 1.115.999,219 руб. кредитныхъ, или въ Московской — 22.325,652 руб. металлическихъ и 391.498,732 кредитныхъ. Въ табличкѣ двадцати пяти губерній, въ которыхъ наличность процентныхъ бумагъ превышаетъ 10 милліоновъ, встрѣчается только одна кавказская губернія—Тифлисская, да и то на 23-мь мѣстѣ; въ губерніи этой обращается государственныхъ кредитныхъ и процентныхъ бумагъ на 11.506,945 рублей [1]).

Надѣемся, что приведенныя цифры убѣдятъ непредубѣжденныхъ и подкрѣпятъ уже ранѣе сдѣланные мною выводы, а меня избавятъ отъ упрека въ голословности.

Кстати, въ № 7424 *Новаго Времени* была помѣщена, въ замѣткѣ, касающейся моей статьи, слѣдующая фраза: «Армяне, говорятъ намъ, крестьянскій народъ по преимуществу, но свѣдѣнія тифлисской городской думы указываютъ, наприм., что 95% домовладѣльцевъ въ Тифлисѣ именно армяне».

Всѣхъ частныхъ строеній въ Тифлисѣ около 12 тысячъ, въ росписи доходовъ и расходовъ г. Тифлиса на 1896 годъ (Приложеніе № 6 къ 12 тому докладовъ), на стр. 20, § 83, значится: налоги прямые: оцѣночный съ сборъ недвижимыхъ имуществъ 283,360 руб.

Согласно вычисленію, произведенному окладнымъ департаментомъ министерства финансовъ (*Вѣстникъ Финансовъ* 1885 г., № 23), городскіе налоги съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ представляютъ собою около 3% съ предполагаемаго дохода. Вычисляя, согласно этому указанію, цѣнность имуществъ г. Тифлиса изъ 6%, получимъ, что всѣ частныя городскія имущества представляютъ собою сумму около 20 милліоновъ.

Всѣхъ заложенныхъ имуществъ въ г. Тифлисѣ 2,136, на сумму 15.566,988 рублей [2]), такимъ образомъ около 10,000 незаложенныхъ частныхъ строеній стоятъ всего около 5 милліоновъ, что составитъ въ среднемъ по 500 рублей на строеніе. Къ какому бы изъ этихъ разрядовъ домовладѣльцевъ ни принадлежали армяне-домовладѣльцы, мы не рѣшимся назвать ихъ капиталистами.

Не знаю, откуда взята цифра 95%? Если для опредѣленія ея [illegible] взять списокъ гласныхъ, то, дѣйствительно, въ этомъ спискѣ гласны[illegible] [3]), принадлежащихъ къ армянской національности, около 95%; но [illegible]ѣдь

---

[1]) № 41 *Вѣстника Финансовъ* за 1895 г., стр. 161.

[2]) На стр. 62, подъ № 63, выпуска III статистики долгосрочнаго креди

[3]) Кавказскій календарь на 1896 г., адресъ-календарь, стр. 111 и 11[illegible]

всѣхъ гласныхъ 78 человѣкъ, а домовладѣльцевъ около 12 тысячъ; если былъ взятъ списокъ лицъ и учрежденій, имѣющихъ право участія въ выборѣ гласныхъ, то тогда насчитали бы только около 40% армянъ; наконецъ, еслибы кто-либо пожелалъ узнать дѣйствительное число армянъ-домовладѣльцевъ, то могъ бы найти, сдѣлавъ выборку изъ окладныхъ книгъ городской управы, и убѣдился бы, что оно не превышаетъ 25%, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и цифрѣ населенія города Тифлиса, какъ то видно изъ свода статистическихъ свѣдѣній по Закавказскому краю, изданному по распоряженію главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ закавказскимъ статистическимъ комитетомъ таблица 1, стран. 1. По переписи 1876 года всѣхъ жителей 104,024, изъ нихъ армянъ 37,610; по полицейскимъ свѣдѣніямъ 1891 года всѣхъ жителей 145,731, армянъ 55,553.

А. Сазоновъ.

Анамская община.

Болѣе четверти вѣка тому назадъ (1869 — 70), въ бытность мою въ Китаѣ, я старался, насколько то позволяло время, остававшееся отъ служебныхъ занятій, ознакомиться съ общественнымъ строемъ китайцевъ, о которомъ тогдашніе наши синологи давали очень слабыя понятія, какъ оно было и естественно у кабинетныхъ ученыхъ, почти не оставлявшихъ пекинскую миссію-монастырь. Какъ бывшій предсѣдатель одной изъ коммиссій по устройству крестьянъ въ Польшѣ, знакомый притомъ съ основаніемъ земледѣльческихъ колоній на Амурѣ, въ Сибири и на Кавказѣ, я особенно старался разузнать, что было можно, о строѣ китайскаго земледѣльческаго міра. Но, живя по городамъ, мало успѣлъ въ этомъ, а ограничился знакомствомъ съ рабочими городскими, именно съ организаціей ихъ промысловыхъ артелей, о которыхъ, на основаніи, главнымъ образомъ, трудовъ французскаго консула въ Ниппо, Жюля Симона, написалъ статью, вошедшую въ мои *Очерки современнаго Китая* (1876). Потомъ личное знакомство съ бытомъ китайцевъ, естественно, прекратилось; ибо, собравъ что было можно, по военной части, я вернулся въ Европу; но, какъ старый любитель Востока, не оставлялъ я занятій имъ, что тѣмъ болѣе было легко, что въ послѣднюю четверть вѣка литература Англіи, Франціи, Германіи и Россіи широко развилась и даже доставила не мало монографій по изученію народовъ Восточной Азіи. Особенно полезными для не синологовъ являются тутъ отчеты европейскихъ консуловъ и миссіонеровъ въ Китаѣ, Манчжуріи, Кореѣ и Инду-Китаѣ, которые даютъ хорошее понятіе о явленіяхъ бытовыхъ, экономическихъ и пр. въ названныхъ странахъ, отпрыскахъ китайскаго «древа» гражданственности. Къ этимъ отчетамъ присоединяются труды ученыхъ спеціалистовъ, преслѣдующихъ практическія цѣли цивилизаціи, и я въ данномъ случаѣ воспользуюсь, въ частности, работами профес ора парижскаго юридическаго факультета Жоббе Дюваля, который Восток , и въ особенности Инду-Китай, знаетъ не по наслышкѣ, а по личному бозрѣнію, какъ бывшій французскій чиновникъ въ странѣ.

Анамская община—очень древнее учрежденіе, конечно, древнѣе имп рія, и была вначалѣ группою семействъ родственнаго происхожденія, гдѣ одни

чужіе принимались лишь съ общаго согласія родичей, но, разъ принятые, составляли уже постоянныхъ членовъ союза, управляемаго въ дѣлахъ частнаго характера старшинами, а въ наиболѣе важныхъ случаяхъ—общимъ собраніемъ, по нашему—*міромъ*. Община была сначала только союзомъ людей, не связанныхъ территоріальными границами; но мало-по-малу, съ увеличеніемъ населенія въ странѣ, во избѣжаніе распрей между сосѣдями, явилась надобность условиться о границахъ, такимъ образомъ, община стала территоріальною единицей. Когда же распри между общинами вызвали соплеменниковъ-сосѣдей на избраніе одного общаго всѣмъ судьи, государя, тогда общины стали административными единицами монархіи, сохранивъ, впрочемъ, республиканскую независимость въ дѣлахъ внутренняго гражданскаго устройства и управленія. Этотъ переходъ отъ общинно-родового быта къ монархическому, очевидно, обусловленный тою же коренною причиной, какъ и у насъ, въ Россіи («земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ: прійдите княжить и владѣть нами»),—привелъ въ землю анамитовъ ихъ сѣверныхъ сосѣдей, китайцевъ, которые и устроили Анамскую имперію, съ мандаринами, но и съ грамотностью и другими признаками цивилизаціи. Отсюда, такъ сказать, сыновнее почтеніе жителей Индо-Китая къ китайцамъ, отъ которыхъ они заимствовали и ихъ классическую ученость, конфуціанство, религіозное почитаніе предковъ и пр. Отсюда продолжавшееся до послѣднихъ годовъ поклоненіе «сыну неба», т.-е. пекинскому богдыхану, котораго анамиты привыкли почитать вотъ уже тридцать столѣтій, съ династіи Чжеу, и принести которому дары въ его резиденцію считалось почетнымъ долгомъ.

Члены анамской общины издавна были и остаются доселѣ тѣсно связанными между собою узами религіозными, политическими, административными и юридическими; общинная же территорія ихъ есть земля государственная. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ сказалось многовѣковое вліяніе монархической централизаціи; на немъ основаны и налоги въ пользу казны. Религіозное единеніе членовъ общинъ держится тѣмъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ своего духа-покровителя, которому всѣ общинники и поклоняются. Обыкновенно въ срединѣ деревни есть молитвенный домъ, пагода, наполненная досечками съ именами умершихъ предковъ: каждый можетъ приходить въ храмъ и молиться, когда ему угодно, около своихъ фамильныхъ досечекъ; но кромѣ того, въ воспоминаніе единства происхожденія всѣхъ членовъ общины, есть и общедеревенскіе праздники, сопровождаемые пирами. Таковъ «фонарный праздникъ», 15 числа перваго мѣсяца (луннаго), гда всѣ одновременно молятся объ урожаѣ земныхъ плодовъ и рожденіи ровыхъ дѣтей. Извѣстныя религіозныя церемоніи предшествуютъ пикѣ. Этотъ праздникъ имѣетъ вмѣстѣ и политическое значеніе, потому присутствіе на немъ обязательно для всѣхъ членовъ общины, точно на нной перекличкѣ или во время народной переписи. При этомъ замѣчается, старосты нерѣдко скрываютъ часть своихъ согражданъ отъ вниманія вительственныхъ чиновниковъ, ибо число душъ въ общинѣ, вмѣстѣ съ

обширностью общинной территоріи, служитъ основаніемъ для цифры податей и числа рекрутъ, взимаемыхъ съ общины. Скрываются, по возможности, и размѣры земель, все по той же причинѣ.

Разъ что рекруты сданы и подати уплачены, анамская община становится независимой въ своей внутренней жизни. У ней свои старшины, выборные народомъ, свое общее собраніе. Самоуправленіе ея ограничено только невозможностью ходить войною на сосѣдей и отчуждать свои земли. Судъ—дома, черезъ выборныхъ судей, съ правомъ аппелляціи мандаринамъ, которые, впрочемъ, занимаются лишь дѣлами уголовными, но не входятъ въ дѣла гражданскія. Мѣстные судьи имѣютъ довольно широкія рамки предметовъ вѣдомства и взысканій за нарушеніе установленныхъ правилъ. Они штрафуютъ, наприм., мужчину и женщину, вошедшихъ въ незаконную связь, 30—50 связками чоховъ (мелкая мѣдная монета) *); подвергаютъ подобной же карѣ содержателей игорныхъ домовъ и т. п. На расходы по благоустройству общины міръ можетъ дѣлать такіе расходы, какіе найдетъ возможнымъ, правительство тутъ ни во что не вмѣшивается. Школы, наприм., состоятъ въ полной зависимости отъ общинъ, и *всѣ* анамиты грамотны. Какъ въ Китаѣ, при отсутствіи наслѣдственныхъ сословій, званіе мандарина пріобрѣтается только по экзамену; и разъ это званіе получено, передъ самымъ бѣднымъ уроженцемъ анамской деревни открывается путь для широкой государственной дѣятельности. Только будь онъ хоть первымъ министромъ, имя его остается въ спискахъ родной общины, и обыкновенно туда удаляется онъ по окончаніи карьеры. Такіе-то отставные, разныхъ разрядовъ, составляютъ въ населеніи общины то, что французскіе ученые изслѣдователи называютъ нотаблями, по-просту—старѣйшинами, управляющими дѣлами общины, судьями, наставниками и пр. Они, становясь судьями, рѣшаютъ дѣла по *обычному* праву, а не по кодексу, что могло бы вести къ большому разнообразію приговоровъ, еслибъ не единство основныхъ началъ китайской цивилизаціи и морали.

Анамиты, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ знаетъ исторія, были и остаются земледѣльцами, и ихъ общины, въ главныхъ чертахъ, остаются тѣми же, какъ 3,000 лѣтъ назадъ. Но число ихъ естественно возросло и, наприм., не далѣе 150 лѣтъ назадъ онѣ распространились въ Кохинхинѣ. При этомъ возрастаніи населенія и расширеніи его территоріи естественно должна была играть и играла руководящую роль центральная правительственная власть, которая и приняла за правило: при водвореніи въ новыхъ мѣстахъ новыхъ общинъ создавать ихъ по образу и подобію старыхъ. Это почти то же, что у насъ дѣлалось и дѣлается съ великорусскими поселеніями въ Сибири. Г. Люро, авторъ одного извѣстнаго сочиненія объ Анамѣ, такъ описываетъ происхожденіе новыхъ общинъ. Просьба объ основаніи новой общины людьми предварительно на то согласившимися, подается въ двухъ экземплярахъ; одинъ остается въ управленіи провинціи, другой, съ извѣщеніемъ префек

*) Связка этихъ монетъ (на веревочкѣ) обыкновенно цѣнится въ 18—20 коп.

что онъ тогда-то пріѣдетъ для осмотра просимыхъ земель, возвращается просителямъ, послѣ чего префектъ приглашаетъ представителей сосѣднихъ общинъ участвовать въ осмотрѣ. Когда это сдѣлано и предѣлы новой общины, безобидно для сосѣдей, обозначены, начинается, въ присутствіи всѣхъ ея членовъ-просителей, разграниченіе ихъ участковъ и нанесеніе ихъ на планы, которые, вмѣстѣ съ протоколомъ всего сдѣланнаго, отправляются, въ одномъ экземплярѣ, въ архивъ областнаго правленія на сохраненіе, тогда какъ другой экземпляръ остается на мѣстѣ, для исполненія, подъ надзоромъ мѣстнаго мандарина. По введеніи проекта въ дѣйствіе, составляется о томъ протоколъ, который и служитъ въ будущемъ основнымъ актомъ при рѣшеніи спорныхъ пограничныхъ дѣлъ». Видно, что у анамитовъ дѣло о земляхъ поставлено отчетливѣе, чѣмъ, наприм., въ средней Россіи, и нужно перейти въ Польшу, чтобы найти документы обстоятельнѣе, наприм., уставныхъ грамотъ, такъ называемые ликвидаціонные табели, надъ составленіемъ которыхъ въ одной части Польши мнѣ приходилось работать въ 1864—67 годахъ. Припомнимъ въ данномъ случаѣ, что русскій законъ 19 февраля 1864 г., подобно анамскому, запретилъ продажу земель общины на-сторону, особенно не-крестьянамъ.

Если мы возьмемъ анамскую общину вполнѣ сформированную и посмотримъ на ея организацію и бытъ, то увидимъ безъ труда, что это есть ассоціація политическая, экономическая, религіозная, юридическая, но прежде всего—патріотическая, племенная. Никто не можетъ стать членомъ ея, не будучи анамитомъ отъ рожденія. Китайцы довольно многочисленны въ Анамѣ; отъ нихъ анамиты получили свою цивилизацію; но они не принимаются въ составъ анамскихъ общинъ, а имѣютъ свой общественный складъ, какъ у насъ въ Западномъ краѣ евреи. Даже дѣти смѣшаннаго происхожденія отъ китайцевъ и анамитокъ за анамитовъ не признаются. Но всѣ метисы одной провинціи бывшей Анамской имперіи могутъ составить особую общину. Французы въ Кохинхинѣ послѣдовали этому правилу, и у нихъ китайцы образуютъ города и мѣстечки, отдѣльныя отъ общинъ анамскихъ, хотя бы городскихъ. Примѣръ—всѣмъ извѣстный Шолонъ, подъ Сайгономъ, торговое предмѣстье этого города.

Любопытно, что анамская община не можетъ исключить изъ среды своей природныхъ гражданъ, можетъ быть, потому, что въ Анамѣ и Тонкинѣ нѣтъ мѣста для ссылочныхъ колоній, какъ у насъ въ Сибири. Для уголовныхъ преступниковъ есть другія наказанія, но не ссылка на поселеніе.

Изъ *какихъ* разрядовъ людей слагается анамская община? — вопросъ в[ажный] для изученія внутренней жизни всей націи анамитовъ, для «анам[итскаго] фольклора», какъ говорится нынѣ. Въ смыслѣ замкнутыхъ, потомственныхъ сословій или кастъ,—изъ *одного*, свободныхъ анамитовъ; ибо [крѣпо]ва и крѣпостного состоянія здѣсь, какъ и въ Китаѣ, нѣтъ. Но граждане анамской общины обыкновенно дѣлятся на три разряда: 1) почетные заслуженныхъ и зажиточныхъ, у французовъ «notables», 2) полноправныхъ плательщиковъ податей и 3) бѣдныхъ, не несущихъ налоговъ,

но за то и не пользующихся нѣкоторыми общественными правами. Переходъ изъ одного разряда въ другой есть дѣло успѣха въ борьбѣ за существованіе, дѣло способностей, протекцій да случая. И хотя европейцы иногда приравниваютъ «нотаблей» къ дворянству, къ разряду или «сословію правящему», но это невѣрно; скорѣе наслѣдственно-богатыхъ людей можно назвать олигархами; но они—не средневѣковые или даже современные дворяне. Для занятія высокаго и почетнаго общественнаго положенія имъ нужны заслуги и выборъ согражданъ. Разумѣется, на дѣлѣ они ворочаютъ большею частью общинныхъ дѣлъ.

Какъ однако же управляется анамская община, какіе органы служатъ для этого? Первымъ, конечно, стоитъ общій сходъ, *міръ*, и онъ собирается обыкновенно въ пагодѣ, подъ широкимъ ея навѣсомъ, открытымъ со всѣхъ сторонъ и напоминающимъ нѣсколько сарай съ тяжелою крышею въ китайскомъ стилѣ. Тутъ, между столбами, усаживаются граждане по извѣстному старшинству, причемъ наиболѣе почетные садятся вблизи алтаря. Иногда предсѣдательство на собраніи ввѣряется какому-нибудь заслуженному лицу самимъ императоромъ; обыкновенно же первое мѣсто дается самимъ собраніемъ наиболѣе уважаемому изъ гражданъ. Ближе къ нему помѣщаются другіе почетные члены, по іерархическому старшинству, въ которомъ есть 26 степеней. Народныя массы стоятъ внѣ пагоды, если она недостаточно велика,—молодежь тоже не участвуетъ въ собраніи, гдѣ мѣсто дается лишь главамъ семействъ, старикамъ. Но и они значатъ немного въ виду небольшой кучки старшинъ, нотаблей, по французской терминологіи. Эти всѣмъ ворочаютъ и только исполненіе своихъ рѣшеній ввѣряютъ болѣе молодымъ членамъ схода. Какъ у китайцевъ, у анамитовъ преклонный возрастъ даетъ особое право на уваженіе, почему шестидесятилѣтніе старики сидятъ всегда въ числѣ нотаблей, но дебатируютъ и рѣшаютъ вопросы, вмѣстѣ съ людьми почетными по службѣ и по богатству, лишь для виду,—общественная сила не на ихъ сторонѣ.

Постановленія анамскаго общиннаго схода уважаются народомъ такъ же, какъ у насъ рѣшеніе міра. При исполненіи ихъ, старосты не умничаютъ, а дѣлаютъ что приказано. За этимъ наблюдаютъ избранные для того «нотабли», то-есть старшины, образующіе нѣчто вродѣ высшаго правительственнаго совѣта; имъ приносятся жалобы людьми недовольными. Поэтому-то ученый Люро говоритъ: «Анамская община управляется олигархически, нотаблями, которые пополняютъ свой личный составъ, по мѣрѣ открывающихся вакансій, выборомъ изъ «своихъ» людей». Но это не совсѣмъ точно: по закону и обычаю, если нотабль «подаетъ въ отставку», то онъ тутъ же указываетъ *народному собранію*, міру, подходящаго преемника, и отъ міра зависитъ выбрать его или кого иного. Только на практикѣ всегда выбираются люди почетные, по заслугамъ или богатству которые жалованья не получаютъ.

Впрочемъ, жалованье не получаетъ даже *литруонъ*, т.-е. староста, глава исполнительной власти, по нашему староста въ деревнѣ или голо[illegible] въ

маленькомъ городѣ. Литруонъ даже платитъ за свой патентъ 100 — 200 связокъ чоховъ утверждающему его мандарину; ибо должность его открываетъ ему переходъ въ почетный разрядъ гражданъ, въ «нотабли». А утвержденіе старостъ императорскими чиновниками введено правительствомъ, конечно, для того, чтобъ имѣть подчиненныхъ «благонадежныхъ», т.-е. послушныхъ и дѣлящихся своими доходами съ высшимъ начальствомъ. Жалованья литруонъ, какъ сказано сейчасъ, не получаетъ, а живетъ доходами съ собственнаго имущества, съ общественныхъ работъ и съ приношеній просителей. Общественныя работы довольно многочисленны; и если нѣтъ мостовъ, оградъ и т. п., то всегда есть рядъ оросительныхъ каналъ, необходимыхъ для рисовыхъ полей. Тутъ за одно право пустить воду по тому или другому каналу хозяева полей платятъ распорядителямъ орошенія столько, что, наприм., въ Туркестанѣ создана особая должность *арыкъ-аксакала*, оросительнаго старосты, собственно для того, чтобы не имѣть дѣла съ низшими полицейскими властями, а съ выборнымъ, уважаемымъ за безпристрастіе, старшиною. У анамитовъ арыкъ-аксакаловъ нѣтъ, а распоряжается дѣломъ литруонъ.

Литруонъ непремѣнно долженъ быть парень ловкій, плутъ, потому что ему приходится обманывать даже то правительство, которое его утверждаетъ и снабжаетъ деревянною печатью, по рангу. Каждыя пять лѣтъ мандарины производятъ нѣчто вродѣ переписи населенія и кадастра земель, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ литруонъ даетъ цифры ниже дѣйствительныхъ, чтобъ уменьшить окладъ податей и число рекрутъ. Это уже такой обычай въ странѣ, разумѣется, небезвыгодный и для мандариновъ, а не для однѣхъ общинъ.

Французы въ тѣхъ анамитскихъ общинахъ, которыя прямо подвластны имъ, наприм., въ Кохинхинѣ, сначала приравнивали литруона мэру; но потомъ убѣдились, что это неточно. Мэръ, во Франціи, хоть и лицо выборное, все же—правительственный чиновникъ во всякую минуту; литруонъ отъ мандариновъ предписаній для дѣятельности не получаетъ: онъ самостоятельнѣе мэра. Но самостоятельнѣе лишь по отношенію къ внѣшнимъ властямъ, а дома, въ общинѣ, онъ слушается совѣта нотаблей и исполняетъ лишь то, что постановилъ послѣдній или общее собраніе гражданъ. Любопытенъ бы былъ сравнительный этюдъ надъ степенью и характеромъ власти оффиціальныхъ главъ сельскихъ и другихъ общинъ въ разныхъ странахъ: тема богатая для такихъ извѣстныхъ фольклористовъ, какъ М. Ковалевскій, котораго труды часто цитируются даже французскими учеными, вообще съ русскою литературой мало знакомыми.

Но оставимъ въ сторонѣ литруона, т.-е. старосту, и вернемся къ самой общинѣ. Выше было сказано, что, какъ часть Анамской имперіи, она несетъ извѣстныя общегосударственныя тягости, въ видѣ, наприм., подати: откуда беретъ она эти деньги да и тѣ, которыя идутъ на потребности самой общины? Казенныя подати, подушная и поземельная, собираются по росписи, изготовляемой литруономъ, причемъ какъ уже сказано, цифры

населенія и земли показываются ниже дѣйствительныхъ. Съ раскладкой общинныхъ сборовъ этого обмана не допускается, а поземельный и подушный налоги берутся со всѣхъ, въ размѣрѣ, пропорціональномъ казеннымъ налогамъ (добавочные сантимы, какъ говорятъ французы). Затѣмъ у общины почти всегда есть оброчныя статьи, которыя она отдаетъ въ наемъ согражданамъ или даже людямъ стороннимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинная казна отдаетъ принадлежащія ей деньги или хлѣбъ въ оборотъ изъ-за процентовъ своимъ согражданамъ-торговцамъ, т.-е. занимается небезвыгодными спекуляціями, повидимому, всегда надежными, ибо кредитоспособность должниковъ общинной администраціи хорошо извѣстна. Намъ это кажется страннымъ, мы думаемъ: зачѣмъ же собирать столько налоговъ, что въ нихъ чувствуется излишекъ и они отдаются въ кредитъ? Но анамиты, т.-е. ихъ нотабли, смотрятъ на вещи иначе. Впрочемъ, одни ли анамиты? Говорятъ, что и въ Европѣ есть нѣчто подобное.

Я боюсь зайти слишкомъ далеко въ анализѣ общинныхъ анамитскихъ финансовъ. Отсылаю поэтому читателей къ трудамъ Ори, Люро, Вильярда, Пота, Колера, Лабюльера, Ганото и другихъ спеціалистовъ по дѣлу.

М. Венюковъ.

Соціологія и право *).

I.

Многіе юристы смотрятъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на новую науку, получившую названіе *соціологіи*,— такъ начинаетъ Рене Вормсъ свой докладъ.—Они, вѣроятно, думаютъ,— замѣчаетъ онъ,— что эта наука стремится вытѣснить всѣ остальныя общественныя науки и, главнымъ образомъ, юридическія,— тогда становится понятнымъ, почему они слѣдятъ за ея успѣхами съ тайнымъ опасеніемъ. Но соціологія не имѣетъ ни той цѣли, ни тѣхъ претензій, какія ей навязываютъ. Ея задача болѣе скромна и болѣе цѣлесообразна.

Въ интересахъ обѣихъ наукъ необходимо устранить это недоразумѣніе и показать, что соціологія и право могутъ не только уживаться рядомъ, но даже помогать другъ другу. Въ виду подобной цѣли не безполезно прослѣдить въ общихъ чертахъ эволюцію самаго понятія права за два послѣднихъ столѣтія. Французскіе юристы начала XVIII вѣка смотрѣли на право лишь какъ на средство улаживать распри между частными лицами, сообразуясь съ буквой писанаго закона или завѣщаннаго обычая, и, въ большинствѣ случаевъ, не помышляли даже приписывать ему какую-либо другую миссію. Они сводили свою задачу къ разумному толкованію закона и примѣненію его общихъ предписаній къ тѣмъ частнымъ случаямъ, которые у нихъ были подъ руками. Дѣятельность юриста сосредоточивалась вся въ юридической *практикѣ*.

Болѣе широкое понятіе права образовалось вмѣстѣ съ развитіемъ науки государственнаго права. Въ обществѣ начиналось броженіе; въ наукѣ — движеніе впередъ. Гроцій положилъ начало международному праву. Монтескьё подвергъ замѣчательному анализу политическія конституціи иностранныхъ державъ, главнымъ образомъ англійскую. Гражданскій и государственный строй общества служилъ темой для доктринъ, развиваемыхъ Руссо и энциклопедистами. Въ то же время были созданы первыя теоріи

*) *La sociologie et le droit* par René Worms (Etude communiquée le 12 décembre [illegible], à la Société de Législation comparée).

политической экономіи. Всѣ эти попытки въ области спекулятивной мысли внушили юристамъ идею извѣстнаго порядка вещей, правоваго порядка, который не имѣлъ ничего общаго съ ихъ повседневною практикой. Эти попытки разоблачили передъ ними всѣ несовершенства закона, которому они слѣпо слѣдовали, и вдохнули въ лучшихъ изъ нихъ желаніе видоизмѣнить законъ.

Беккарія и Филанжіери явились новаторами въ области уголовнаго права, а великія республиканскія собранія много потрудились надъ преобразованіемъ гражданскаго права.

Новый вѣкъ, пришедшій на смѣну XVIII вѣку, открылся попыткой кодификаціи, правда, далеко несовершенной, но, тѣмъ не менѣе, грандіозной. Попытки государственныхъ дѣятелей въ связи со стремленіями философовъ предшествующаго вѣка наглядно показали юристамъ, что на-ряду съ дѣятельностью практика, ограничивающагося простымъ толкованіемъ закона, есть еще другая, болѣе почетная дѣятельность—дѣятельность мыслителя и законодателя. Мыслитель указываетъ слабые пункты закона и пути къ ихъ улучшенію, а законодатель осуществляетъ проекты реформъ, когда онѣ уже достаточно назрѣли и отвѣчаютъ дѣйствительнымъ потребностямъ общества.

Съ тѣхъ поръ въ понятіе права стали влагать не только одну юридическую *практику*, но и юридическое *искусство*, — искусство законодательства.

Къ этимъ двумъ видамъ права, соотвѣтствующимъ двумъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ функціямъ общественной жизни, практикѣ и искусству, XIX вѣкъ присоединилъ еще юридическую *науку*. Послѣдняя, какъ мнѣ кажется,—замѣчаетъ авторъ,—зародилась подъ вліяніемъ реакціи противъ наполеоновской кодификаціи,—реакціи, которая была особенно сильна въ Германіи.

Хотя право и облекается въ букву закона, — заявили Савиньи и его школа,—но оно еще раньше существовало въ сознаніи народа, для котораго былъ писанъ этотъ законъ.

Юриста должно интересовать прежде всего не примѣненіе стараго закона, даже не составленіе новаго, а знаніе тѣхъ глубокихъ причинъ, которыя вызвали къ жизни извѣстный обычай, давшій ему начало.

При изученіи закона не столько важно его настоящее или будущее, сколько прошедшее. Юристамъ представилась новая задача — изслѣдовать происхожденіе дѣйствующихъ нормъ, опредѣлить ихъ первоначальный видъ, прослѣдить ихъ эволюцію и указать ихъ послѣдовательную трансформацію,—словомъ, написать исторію національнаго законодательства.

Нечего и говорить о значеніи этого новаго направленія въ юридическ й наукѣ,—оно давно признано учеными всей Европы.

Когда же, наконецъ, поняли, что къ изученію законодательства к -дой страны въ отдѣльности нужно присоединить еще нѣкоторый синт , сравненіе различныхъ законодательствъ, явившихся продуктомъ различны ъ странъ и обществъ, что нужно разсматривать учрежденія не только о

времени, но и въ пространствѣ, и изучать ихъ измѣненія въ связи съ условіями мѣста, климата и національности, когда все это поняли, тогда юридическая наука достигла еще болѣе блестящаго расцвѣта. Дополненная историческими данными и сопоставленіемъ однѣхъ націй съ другими, наука права становилась истинною *наукой* въ томъ смыслѣ слова, какъ его употребляютъ логики со временъ Стюарта Милля.

Съ тѣхъ поръ въ семьѣ юристовъ образовалось три слоя: юристъ-ученый, творецъ права или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, законодатель, и, наконецъ, юристъ-практикъ. Первый изучаетъ смѣняющіяся формы юридическихъ учрежденій во времени и пространствѣ, второй реформируетъ эти учрежденія, считаясь въ то же время съ научными данными, а третій проводитъ въ жизнь законъ и подчасъ комментируетъ его.

II.

Вмѣстѣ съ этимъ прогрессомъ, расширившимъ понятіе права, совершался подобный же процессъ и въ сферѣ другихъ общественныхъ знаній. Здѣсь, какъ и тамъ, была выдвинута на сцену и поставлена рядомъ съ практикой и искусствомъ истинная наука.

Прежде, напримѣръ, въ области экономики, правители практически разрѣшали вопросъ, регламентируя производство, обращеніе и потребленіе богатствъ; они были практиками-эмпириками. Физіократы пошли дальше ихъ: они выдвинули впередъ общія правила, основывая ихъ на принципѣ разумной организаціи, создали постоянную формулу дѣйствій и преобразованій: это было искусство въ сферѣ экономики. Классическая школа продолжала идти тѣмъ же путемъ. Но ея догматизмъ оттолкнулъ отъ себя извѣстные умы, которые вскорѣ познали, что нѣтъ общихъ правилъ, одинаково примѣнимыхъ ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ временамъ; что каждое общество и каждая эпоха имѣютъ свой спеціальный способъ производства и распредѣленія богатствъ, который гораздо больше зависитъ отъ его личныхъ нуждъ, чѣмъ отъ общихъ потребностей человѣчества, что, въ силу этого, необходимо противопоставить теоріи, претендующей навязать человѣческому роду какія-то ненарушимыя догмы, науку, основанную на наблюденіи и индукціи, которая дастъ возможность познакомиться съ жизнью каждаго народа въ отдѣльности; что, словомъ, нужно искать не то, что должно быть, а то, что было и что есть. Таковъ принципъ экономической школы, процвѣтающей нынѣ въ Германіи, которая носитъ наименіе историко-реалистической школы. Аналогичныя явленія мы видимъ и другихъ областяхъ.

Тотъ же процессъ замѣчается и въ эстетикѣ. Сто лѣтъ тому назадъ плетристика и изящныя искусства вдохновлялись подражаніемъ классикъ. Было былъ для поэтовъ тѣмъ же, чѣмъ сводъ законовъ для юристовъ. Когда началось романтическое теченіе, были открыты новые за[illegible] прекраснаго и составлены новые рецепты для изящныхъ произведе-

ній, тогда поднялись безконечные споры о сущности поэзіи и искусства. Эти споры утратили теперь свою горячность,—наступаетъ царство историковъ литературы и искусствъ, которые уже не прилагаютъ одного общаго критерія къ изящнымъ произведеніямъ различныхъ эпохъ, а стремятся выяснить, въ чемъ состоялъ идеалъ каждой данной эпохи и какъ она пыталась осуществить его.

Нѣчто аналогичное совершилось и въ сферѣ политики. Политическій эмпиризмъ среднихъ вѣковъ потерпѣлъ пораженіе со стороны двухъ абстрактныхъ теорій: теоріи авторитета съ Макіавели и Гоббсомъ во главѣ, а затѣмъ теоріи либерализма въ лицѣ Бодена, Локка и Монтескьё. Восемнадцатый вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ для послѣдней доктрины, воплотившейся въ двѣ самостоятельныя формы: утилитарный либерализмъ англичанъ и раціоналистическій либерализмъ французскихъ писателей. Въ XIX вѣкѣ принципы авторитета опять воскресли въ Германіи, но уже опираясь на новый факторъ, который былъ введенъ въ политику, какъ въ экономику и право,—на исторію. Исторія здѣсь, какъ и всюду, устранила прежніе споры. Теперь, вмѣсто того, чтобы задаваться вопросомъ, какая политика наилучшая, и строить на основаніи гипотетическихъ данныхъ о природѣ индивидуума и общества общую формулу правленія, всюду одинаково примѣнимую, охотнѣе занимаются изслѣдованіемъ, кѣмъ и какъ въ дѣйствительности управлялись различные народы. Наука о политическихъ учрежденіяхъ становится на ряду съ наукой права и экономикой, съ наукой о религіяхъ и объ искусствѣ.

Не желая удлинять этотъ рядъ примѣровъ,—говоритъ авторъ,—я только ограничусь упоминаніемъ, что въ наше время образовалась наука демографія, наука о языкѣ, наука о нравственныхъ понятіяхъ и нравственномъ поведеніи. Всѣ эти науки имѣютъ одну общую черту: онѣ не пытаются, какъ искусства, предшествовавшія имъ, создать постоянную формулу дѣйствій, но стремятся изучить совершившіеся факты и открыть общіе законы, которые управляютъ эволюціей обществъ.

III.

Едва возникнувъ, эти различныя соціальныя науки стали сближаться другъ съ другомъ. Ихъ воодушевлялъ одинъ и тотъ же духъ, у нихъ былъ одинъ общій методъ,—историческій, методъ сравненія различныхъ формъ и учрежденій во времени и пространствѣ. Тогда-то и возникла мысль привести ихъ къ извѣстному синтезу, объединить ихъ въ одну общую науку, которая получила отъ Огюста Конта названіе, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрное въ филологическомъ отношеніи, но признанное всѣми, названіе *соціологіи*.

Соціологія въ самомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ Вормсъ,—представляетъ собою синтезъ всѣхъ другихъ соціальныхъ наукъ. Она отличается двумя чертами, на которыхъ не мѣшаетъ остановиться подольше: съ одной стороны—своимъ научнымъ, а съ другой—синтетическимъ характеромъ.

Попытаемся прежде всего,—говоритъ авторъ,—опредѣлить точнѣе, что мы понимаемъ подъ научнымъ характеромъ. Наука — это изслѣдованіе того, что было и что есть, а не готовая формула того, что могло бы или должно быть: вотъ въ чемъ ея различіе съ искусствомъ. Она оперируетъ при помощи наблюденія, классификаціи индукціи; а не ставитъ готовыхъ принциповъ, дѣлая изъ нихъ свои выводы: вотъ что отличаетъ ее въ одно и то же время и отъ искусства, и отъ практики.

Соціологія есть наука объ обществахъ. Она изучаетъ конструкцію соціальныхъ формъ и соціальныя функціи, но не занимается тѣмъ, какъ онѣ должны быть конструированы и отправляемы. Ей чуждо искусство и практика,—и практика всецѣло, искусство только временно. Несомнѣнно, то, что было и что есть, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что должно быть, и соціологъ льститъ себя надеждой познать въ одинъ прекрасный день, на основаніи научныхъ данныхъ о прогрессѣ человѣчества въ прошломъ, къ чему сведется этотъ прогрессъ въ будущемъ. Но это трудный и опасный путь, на который соціологъ нашего времени не рѣшается еще вступить. Поле научнаго изслѣдованія должно быть вполнѣ расчищено, прежде чѣмъ подобная попытка могла бы оказаться удачной. Это поле обширно,—говоритъ авторъ,—и мы далеки еще отъ окончательной разработки; весьма возможно, что мы даже не измѣрили какъ слѣдуетъ его объемовъ и не опредѣлили точно его границъ. Въ силу этого, задача каждаго соціолога должна сводиться въ данный моментъ къ чисто-научному изслѣдованію. Искусству въ сферѣ соціологіи придетъ свое время. Вотъ почему, двумъ, по крайней мѣрѣ, вѣтвямъ права, юридическому искусству и юридической практикѣ, нечего бояться развитія соціологіи. Она не можетъ имъ мѣшать, такъ какъ занимаетъ совершенно другую область,—область науки. Для нихъ безразличенъ споръ соціологіи съ другими соціальными науками, такъ какъ они тутъ не причемъ; про нихъ смѣло можно сказать: «res inter alios acta, quae non nocere potest».

Но остается вопросъ: имѣетъ ли въ виду соціологія устранить юридическую науку? Мы думаемъ, что нѣтъ,—замѣчаетъ Вормсъ.—Юриспруденція изучаетъ соціальныя явленія только съ одной стороны,—со стороны ихъ легальной формы, тогда какъ соціологія разсматриваетъ ихъ со всѣхъ сторонъ во всей совокупности ихъ формъ. Соціологія, какъ было сказано, синтетическая наука. Этотъ терминъ можетъ быть употребляемъ въ двухъ различныхъ смыслахъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ соціологовъ, Огюста Конта, наприм., соціологія есть наука объ интегральности соціальныхъ явленій. Она суммируетъ данныя всѣхъ наукъ — экономики, юриспруденціи, рали, политики и т. д. Самый фактъ ихъ сопоставленія ведетъ къ обра-анію между ними тѣсной связи и вынуждаетъ юриста считаться съ ономической, нравственной и политической стороной изучаемыхъ имъ ежденій, а экономистъ принимаетъ въ соображеніе юридическій смыслъ, авственное и политическое значеніе экономическихъ явленій. Словомъ, ная связь между этими науками явилась бы результатомъ простого ихъ диненія въ лонѣ одной болѣе общей науки.

Но большинство современныхъ соціологовъ не раздѣляетъ этого взгляда. По ихъ мнѣнію, соціологія вовсе не сумма другихъ соціальныхъ наукъ; она представляетъ собою ихъ синтезъ и заимствуетъ у нихъ только самые общіе выводы, т.-е. самыя широкія явленія и самые постоянные законы, для того, чтобы на основаніи ихъ дѣлать свои собственныя построенія. Всѣ же детали частныхъ явленій ускользаютъ отъ ея вниманія и остаются исключительнымъ предметомъ этихъ спеціальныхъ наукъ. На ихъ долю выпадаетъ кропотливое научное изслѣдованіе, детальный и техническій анализъ; на ея же долю—широкое обобщеніе разрозненныхъ группъ явленій, синтезъ общественной жизни и открытіе высшаго закона исторической эволюціи.

При такомъ взглядѣ на соціологію становится яснымъ до очевидности, что юридическая наука можетъ смѣло существовать бокъ о бокъ съ соціологіей. Юриспруденція, какъ филологія и экономика, и другія соціальныя науки, изучаетъ только одну сторону, одну форму общественной жизни, отражая ее наиболѣе полнымъ образомъ; тогда какъ соціологія воспроизводитъ различныя стороны, различныя формы этой жизни у различныхъ обществъ,—разумѣется, въ самыхъ общихъ чертахъ и останавливаясь только на самыхъ характерныхъ явленіяхъ. Она возводитъ верхушку зданія, а тѣ—его боковыя стѣны. Потому-то развитіе соціологіи ничѣмъ не можетъ повредить наукѣ права. Но если даже признать правильнымъ первый взглядъ, взглядъ Огюста Конта,—юридическая наука нисколько не пострадала бы отъ этого. По опредѣленію Конта, соціологія есть сопоставленіе, сумма различныхъ соціальныхъ наукъ; а разъ это такъ, то судьба науки права также обезпечена, какъ и судьба политической экономіи и другихъ спеціальныхъ наукъ. Конечно, при этихъ условіяхъ, каждая изъ вышепомянутыхъ наукъ не была бы такъ самостоятельна, какъ теперь, по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду: вмѣсто того, чтобы называться, наприм., юриспруденціей или экономикой, она получила бы названіе юридической или экономической соціологіи. Кромѣ того, каждый изъ отдѣловъ общей соціологіи долженъ былъ бы считаться съ результатами, добытыми въ другихъ отдѣлахъ. Но развѣ это не дѣлается и теперь? Развѣ юристъ, посвящающій себя наукѣ права или юридическому искусству и даже обыкновенной практикѣ, не стоитъ au courant тѣхъ новыхъ теченій, которыя обнаруживаются въ сосѣднихъ областяхъ знанія? Развѣ онъ не пользуется ими въ интересахъ своей же собственной науки? Въ этомъ отношеніи не совершилось бы ничего новаго: юристы продолжали бы существовать на-ряду съ экономистами, моралистами etc., принимая лишь по часъ названіе соціологовъ и собираясь для того, чтобъ обмѣняться съ ними мыслями и знаніями. Словомъ, будетъ ли соціологія суммой общественныхъ наукъ, или же ихъ синтезомъ, эти науки сохраняютъ свою raison d'être и свое значеніе.

Ни юристу-ученому, ни юристу-законодателю, ни юристу-практику чего опасаться, что соціологія сдѣлаетъ излишнимъ ихъ трудъ. Она не

не исключаетъ юридической науки,—это признано теперь всѣми. Но мы пойдемъ еще дальше, говоритъ Вормсъ, и попытаемся доказать, что первая больше всего нуждается во второй, а вторая находитъ въ ней неоцѣнимую для себя поддержку.

IV.

Путемъ чисто-логическихъ построеній можно было бы опредѣлить то мѣсто, которое занимаютъ данныя юридической науки въ изслѣдованіяхъ соціолога. Но намъ нечего забираться такъ далеко, замѣчаетъ авторъ, сами факты покажутъ намъ, какая тѣсная связь существуетъ между соціологіей и юриспруденціей. Извѣстно, что соціологія сдѣлала самые блестящіе успѣхи тамъ, гдѣ она опиралась на исторію права и сравнительное право. Эта юная наука пролила больше всего свѣта на древнія общества. Такой фактъ можетъ показаться парадоксальнымъ, а между тѣмъ, это фактъ и вполнѣ объяснимый. Древнія общества гораздо доступнѣе для изслѣдованія, чѣмъ новѣйшія и, въ особенности, современныя, въ силу двухъ условій, изъ которыхъ одно носитъ субъективный, а другое объективный характеръ. Во-первыхъ, историкъ, изучая ихъ, болѣе отрѣшенъ отъ интересовъ и страстей своей эпохи, чѣмъ при изслѣдованіи современной ему жизни. Во-вторыхъ, древнія общества являются сами по себѣ болѣе легкимъ предметомъ для изученія, такъ какъ они менѣе сложны. Увеличеніе числа государствъ, накопленіе массы открытій, изобрѣтеній и идей, развитіе народныхъ и международныхъ сношеній, все это создало такую спутанную сѣть соціальныхъ связей, какой не знали наши предки. Индивидуальная природа человѣка утратила свою первобытную простоту. Соціальная же природа, если можно такъ выразиться, — пріобрѣтала съ каждымъ днемъ новое сокровище, но, въ то же время, и новое осложненіе. Чѣмъ мы ближе къ современной эпохѣ, тѣмъ труднѣе изучаемый предметъ, тѣмъ больше пристрастія въ душѣ изслѣдователя. Вотъ почему древнія общества намъ лучше знакомы, чѣмъ современныя.

На что же опиралась соціологія, изучая ихъ? Прежде всего, на остатки юридическихъ учрежденій. Первая научная теорія, пытавшаяся объяснить явленія античной жизни, была теорія патріархата; она опиралась на римскую *patris potestas*. Существованіе отцовской власти было констатировано у всѣхъ арійскихъ народовъ на зарѣ ихъ исторіи. Фюстель-де-Куланжъ нашелъ ее въ Греціи, гдѣ она носила такой же характеръ, какъ въ Ита-и, а затѣмъ въ Индіи. Мэнъ, дополнивъ его въ послѣднемъ пунктѣ, от-ылъ ее на другомъ концѣ арійскаго міра, въ Ирландіи, и установилъ родство жду учрежденіями Зеленаго Острова, древней Кельтики и Германіи. Семей-ія и деревенскія общины были въ то же время описаны у южныхъ сла-нъ и въ Россіи. Труды М. Ковалевскаго указали на существованіе та-къ же семейныхъ формъ у народностей Кавказа. Аналогичныя явленія ли подмѣчены и за предѣлами арійской цивилизаціи: патріархальное племя

евреевъ и арабовъ, египетская и китайская семья свидѣтельствовали объ общности этой соціальной организаціи у первобытнаго человѣчества.

Къ свѣдѣніямъ о взаимныхъ отношеніяхъ между членами семьи, вылившихся въ форму патріархата, присоединились еще свѣдѣнія о правѣ собственности (совмѣстное владѣніе имуществомъ), объ уголовномъ правѣ (коллективная отвѣтственность родственниковъ), объ образованіи государства и національнаго правосудія. Возникла цѣлая масса идей и теорій, настолько живучихъ, что онѣ до сихъ поръ продолжаютъ толкать къ новымъ изслѣдованіямъ, совершенствуются въ деталяхъ и, по всей вѣроятности, многія изъ нихъ уцѣлѣютъ въ наукѣ. Но вскорѣ передъ учеными всталъ вопросъ: является ли патріархальная семья самой древней формой общественной организаціи? Бахофѣнъ нашелъ въ древнихъ источникахъ намёкъ на предшествовавшую ей форму. По его изслѣдованіямъ, главой семьи была вначалѣ мать, а не отецъ. Въ ту отдаленную эпоху, когда практиковалась одновременно полигамія и поліандрія, трудно было установить связь отца съ дѣтьми. Дѣти оставались при матери, она была въ одно и то же время и связующимъ звеномъ семьи, и представителемъ домашней власти. Бахофенъ нашелъ указанія на эту организацію въ различныхъ юридическихъ, литературныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ арійскихъ и семитическихъ народовъ. Въ pendant къ нимъ онъ приводилъ учрежденія такъ называемыхъ, можетъ быть, несовсѣмъ вѣрно, туранскихъ народовъ, а многіе путешественники встрѣтили нѣчто аналогичное у туземныхъ племенъ Африки и Океаніи. Отсюда возникла теорія матріархальной семьи. Шотландецъ Макъ Ленанъ присоединилъ къ ней свои взгляды на обязательное дѣтоубійство, экзогамію и кражу женщинъ. Американецъ Морганъ, тщательно изслѣдовавъ организацію матріархата у индѣйцевъ Сѣверной Америки, показалъ, какъ вытекла отсюда послѣдующая форма—патріархатъ. Правда, для того, чтобы быть принятой въ наукѣ, новая теорія должна была отказаться отъ того понятія, которое воплощалось въ словѣ матріархатъ. Хотя и продолжали признавать, что въ первоначальной семьѣ родство считалось по матери, но въ то же время установили, что даже и тогда власть принадлежала не женщинѣ, а мужчинѣ—ея брату. Въ этомъ, нѣсколько ограниченномъ, видѣ теорія матріархата могла быть принята въ наукѣ.

Позднѣйшіе изслѣдователи пошли еще дальше. Открытія, сдѣланныя Физономъ и Говиттомъ (Fison et Howitt) въ Африкѣ, Америкѣ и Океаніи, указали на существованіе болѣе широкихъ родовыхъ группъ, чѣмъ семья, которыя не столько опирались на дѣйствительное родство, сколько на ... гальную возможность или невозможность единенія между ихъ членами. ... группы получили названіе класса. Конечно, и этотъ типъ соціальной ор... низаціи не могъ быть первоначальнымъ типомъ общества, но самый фак... его существованія служитъ лишнимъ подтвержденіемъ въ пользу т... взгляда, что нельзя сводить къ одной единичной формѣ всѣ общественн... группировки первобытныхъ временъ. Съ самаго начала существовало

всей вѣроятности, крайнее разнообразіе соціальныхъ формъ. Постоянные и временные союзы практиковались на ряду другъ съ другомъ, и моногамія, быть можетъ, не менѣе древняя форма, чѣмъ полигамія и поліандрія. Родство по матери и по отцу имѣетъ, весьма возможно, одинаковую давность. Власть въ семьѣ могла принадлежать здѣсь самому сильному, тамъ самому старшему, а въ другихъ мѣстахъ — самому ловкому. Словомъ, съ самаго же начала существовало полное рзнообразіе въ соціальныхъ учрежденіяхъ. Было, конечно, и сходство между ними, благодаря сходству самой человѣческой природы, которое съ теченіемъ времени еще больше увеличилось въ силу подражанія. Вотъ въ общихъ чертахъ взгляды соціологіи на первобытное человѣчество. Излишне доказывать, что въ основѣ всѣхъ ея теорій лежатъ юридическія данныя.

Патріархатъ и матріархатъ прежде всего два вида правовыхъ отношеній, будемъ ли мы ихъ разсматривать съ точки зрѣнія семейной власти, или же цѣпи родства съ вытекающими отсюда наслѣдственными правами. Система родства въ классѣ опирается на чисто правовое понятіе, такъ какъ узы крови не играли тамъ почти никакой роли. Каждой изъ этихъ юридическихъ формъ соотвѣтствуетъ извѣстный религіозный строй (какъ это показали намъ Фюстель-де-Куланжъ въ своей *Cité Antique*), извѣстная сумма нравственныхъ понятій, извѣстный политическій режимъ и извѣстная экономическая структура. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: не были ли вызваны эти различныя формы семьи чисто-экономическою необходимостью? Не играло ли, напримѣръ, роли въ характерѣ семейной организаціи большее или меньшее богатство обитаемой мѣстности? Мы склонны отвѣчать на эти вопросы утвердительно,—говоритъ Вормсъ.—Но какова бы ни была зависимость юридическихъ формъ и другихъ соціальныхъ явленій, одно несомнѣнно, что только благодаря изученію юридическихъ учрежденій сдѣлалось возможнымъ изученіе явленій другого порядка, для которыхъ они послужили рамкой. Безъ исторіи сравнительнаго права соціологія не могла бы достигнуть тѣхъ блестящихъ результатовъ, къ какимъ она пришла теперь.

V.

Не трудно понять, какое преимущество имѣютъ юридическія учрежденія передъ другими въ глазахъ соціолога. Они отличаются своей точностью и опредѣленностью, благодаря тому, что скрѣплены буквой закона или, по крайней мѣрѣ, обычаемъ. Достаточно имѣть сводъ законовъ или обычаевъ какого-нибудь народа для того, чтобы познакомиться съ его правовыми институтами. Вотъ почему соціологъ прежде всего останавливаетъ на нихъ свое вниманіе. Итакъ, отличительною чертой юридическихъ учрежденій является то, что они скрѣплены закономъ или обычаемъ. Свободной дѣятельности гражданъ здѣсь поставлены предѣлы, и индивидуумъ подчиненъ закону или обычаю, признанному всѣмъ обществомъ. Это основная ихъ чер-

та, которая придаетъ имъ специфическій характеръ. Она состоитъ въ той принудительной формѣ, въ какую облекаются юридическія нормы. Онѣ могутъ простираться на всѣ сферы соціальной жизни, такъ какъ право не имѣетъ спеціальнаго предмета, спеціальной сферы дѣйствія или, вѣрнѣе, эта сфера весьма растяжима: всѣ проявленія духовной и физической жизни могутъ быть подчинены ему или изъяты изъ-подъ его власти. Интересно прослѣдить, какъ одни изъ нихъ вошли въ область законодательства, а другія вышли изъ нея. Здѣсь нѣтъ никакихъ общихъ правилъ. Такъ, напримѣръ, религія освободилась изъ-подъ власти закона, съ тѣхъ поръ, какъ была провозглашена свобода совѣсти; а искусство подчинилось ему, когда была признана закономъ литературная собственность.

Промышленность регламентировалась при старомъ режимѣ; послѣ революціи она освободилась отъ регламентаціи, а теперь снова подверглась ей. Трудно открыть здѣсь какой-нибудь общій законъ, какое-нибудь постоянное правило поведенія. Можно сказать только одно, — замѣчаетъ Вормсъ,—что не слѣдуетъ прибѣгать къ крайностямъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Все подчиняя закону, мы слишкомъ стѣсняемъ индивидуальную жизнь и подавляемъ личную иниціативу; ничего не подчиняя ему, мы предоставляемъ индивидуума на произволъ грубой силѣ и тѣмъ подрываемъ въ конецъ соціальную жизнь. Въ каждой странѣ и во всякое время одна часть общественной жизни должна быть подвергнута извѣстному однообразію въ формѣ закона или обычая; другая же представлена полному разнообразію и развитію свободной иниціативы гражданъ.

Отношеніе между этими двумя частями не можетъ быть установлено разъ навсегда: оно измѣняется вмѣстѣ съ обществами, ихъ потребностями и окружающими условіями. Такъ какъ отличительною чертой юридическихъ нормъ является главнымъ образомъ ихъ форма, это даетъ намъ возможность опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ право въ раціональной классификаціи соціальныхъ наукъ. Соціальныя науки должны быть классифицированы въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и явленія. Изучаемыя ими явленія соціальной жизни не что иное, какъ явленія индивидуальной жизни, разсматриваемыя съ нѣсколько иной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія дѣйствія и противодѣйствія индивидуумовъ, а не дѣйствія и противодѣйствія клѣточекъ въ каждомъ отдѣльномъ организмѣ.

Въ сферѣ индивидуальной жизни біологъ различаетъ три рода функцій: функцію питанія, воспроизведенія и отношенія къ внѣшнему міру. Мы находимъ ихъ въ сферѣ соціальной жизни. Функціямъ питанія соотвѣтствуютъ экономическія явленія; функціямъ воспроизведенія — явленія, к[а]
бракъ и семья; функціямъ отношенія къ внѣшнему міру—явленія нр[а]
ственнаго, религіознаго, эстетическаго, интеллектуальнаго и политическ[аго]
порядка. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о явленіяхъ спеціально юридическаго хар[ак]
тера, такъ какъ юридическія учрежденія есть лишь та форма, какую п[ри]
даетъ законъ или обычай различнымъ изъ вышеупомянутыхъ явленій э[ко]
номической или семейной, нравственной или религіозной, интеллектуал[ь]

или политической жизни. Въ силу этого, наука о юридическихъ учрежденіяхъ не можетъ фигурировать на одномъ планѣ съ наукой объ экономическихъ или религіозныхъ явленіяхъ. Это, конечно, не значитъ, что она ниже ихъ, и свидѣтельствуетъ лишь о различіи ея характера. Тѣ опредѣляются спеціальностью своего предмета; она же—той формой, въ какую право облекаетъ все, на что оно простирается. Кромѣ нея, есть еще другія науки, изучающія соціальныя явленія сквозь призму какой-нибудь спеціальной формы, которая имъ придана. Такъ, наприм., статистика изучаетъ эти явленія въ формѣ цифръ; филологія—въ формѣ словъ; археологія—въ формѣ памятниковъ. Вся эта сумма законовъ и обычаевъ, цифръ, словъ и памятниковъ является живымъ свидѣтелемъ старой или новой цивилизаціи и представляетъ цѣнный матеріалъ для соціолога. Благодаря имъ, можно будетъ возстановить картину той жизни, о которой они хранятъ воспоминаніе. Вотъ почему соціологъ долженъ подвергнуть ихъ тщательному изученію, такъ какъ только онъ, онъ одинъ можетъ воскресить передъ нами отжившее общество во всей совокупности его матеріальной и духовной жизни.

Соціальныя науки дѣлятся, такимъ образомъ, на двѣ группы: однѣ изъ нихъ изслѣдуютъ источники, какъ, наприм., право, статистика, филологія, археологія и т. д.; а другія—на основаніи данныхъ, доставленныхъ первыми, возводятъ соціальное зданіе, знакомятъ насъ съ исторіей экономической, нравственной, религіозной, эстетической, интеллектуальной и политической жизни.

Но заслуживаютъ ли тогда первыя названіе науки? Не нужно ли смотрѣть на нихъ, какъ на простые методы изслѣдованія? Въ сущности, это второстепенный вопросъ,—замѣчаетъ авторъ.—Важно отмѣтить лишь то, что безъ нихъ вторыя не могли бы существовать и что соціологія должна начать съ первыхъ, прежде чѣмъ обратится къ послѣднимъ. Да и почему бы не назвать наукой юридическаго изслѣдованія, разъ оно строго придерживается научныхъ методовъ и оперируетъ при помощи наблюденія, классификаціи и индукціи? Но будетъ ли это наука, или простой методъ изслѣдованія, несомнѣнно одно, что онъ имѣетъ неоспоримую цѣну въ глазахъ соціолога и ему отведено самое большое мѣсто въ его соціологическихъ изслѣдованіяхъ.

VI.

Хотя все вышесказанное говоритъ только о томъ, чѣмъ обязана соціологія юриспруденціи, но отсюда ясно въ то же время, какую услугу ожетъ оказать она въ свою очередь послѣдней. Такъ какъ наука права изучаетъ соціальныя явленія только со стороны ихъ принудительной формы, ей недостаточно однихъ своихъ знаній. Чтобы проникнуть въ смыслъ акого-нибудь юридическаго учрежденія, необходимо обратиться къ услоіямъ окружающей среды, вызвавшимъ его къ жизни, т.-е. къ явленіямъ кономическаго, семейнаго, нравственнаго и политическаго порядка, кото-

рыя составляютъ предметъ другихъ соціальныхъ наукъ. Для полнаго пониманія законовъ и обычаевъ извѣстнаго народа необходимо знаніе этихъ наукъ. Но юристъ вовсе не нуждается въ детальномъ изученіи каждой изъ нихъ и, въ этомъ отношеніи, соціологія оказываетъ ему незамѣнимую услугу, такъ какъ, являясь синтезомъ вышеупомянутыхъ наукъ, она знакомитъ его съ общими ихъ положеніями. Знаніе соціологіи необходимо юристу въ интересахъ его собственной профессіи, будетъ ли онъ ученымъ, законодателемъ или практикомъ. Юристъ-ученый, не пойметъ духа законодательства, если онъ не знакомъ съ духомъ самаго народа, который его примѣняетъ; юристъ-законодатель, проводя свои мѣры, не достигнетъ желанныхъ результатовъ, если не изучитъ окружающихъ условій; юристъ-практикъ не построитъ вѣрно своей защиты или обвиненія, если не будетъ знать соціальной среды. Юридическій строй народа зависитъ отъ его соціальнаго строя, и для полнаго знакомства съ правомъ нужно быть отчасти соціологомъ. Это говоритъ лишь о томъ, что между различными сторонами общественной жизни существуетъ тѣсная связь. Вотъ почему всѣ соціальныя науки должны объединить свои усилія, а не сторониться другъ отъ друга, какъ это бываетъ иногда. Прогрессъ въ научной сферѣ возможенъ лишь тогда, когда между ихъ представителями установится доброе согласіе. Къ этому согласію соціологія призываетъ всѣхъ, кто изучаетъ ту или другую сторону общественной жизни.

И. Г.

Изъ исторіи грузинской литературы.

Кн. Р. Д. Эристовъ.

---

22 октября 1895 г. въ Тифлисѣ праздновался 50-лѣтній юбилей одного изъ лучшихъ современныхъ грузинскихъ поэтовъ, князя Рафаэля Давидовича Эристова. Организовавшійся еще лѣтомъ юбилейный комитетъ изъ извѣстныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей привлекъ все грузинское населеніе къ участію въ небываломъ доселѣ національно-культурномъ торжествѣ и давно ожидаемомъ чествованіи любимѣйшаго писателя, прозваннаго «патріархомъ грузинскихъ поэтовъ».

Выступивъ на литературное поприще полвѣка тому назадъ, въ ту эпоху, когда въ грузинской поэзіи господствовало анакреонтическое направленіе князя А. Чавчавадзе, тестя Грибоѣдова,—кн. Р. Эристовъ, воздавъ должное духу времени, посвятилъ первую половину своей литературной дѣятельности исключительному воспѣванію вина, любви и женщинъ, — иными словами, его вдохновляли радости жизни, подобно «сладчайшему поэту» древняго міра. Однако, канунъ освободительныхъ реформъ Александра II, возбудившій сочувствіе къ подневольному классу въ грузинской молодежи, воспитывавшейся въ русскихъ университетахъ, вызвалъ въ Грузіи новое литературное вѣяніе, во главѣ котораго шелъ кн. Илья Чавчавадзе. Къ этому примкнулъ и чуткій ко всему благородному талантливый поэтъ кн. Р. Эристовъ.

Въ 1857 г. въ печати появилось стихотвореніе кн. Эристова *Просьба матери предъ участковымъ засѣдателемъ*, впервые затрогивающее печальныя послѣдствія крѣпостного права въ сферѣ семейнаго быта. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ окончательно перестраиваетъ «струны и ару», чтобы стать народнымъ пѣвцомъ, изливающимъ то скорбныя чувства, при видѣ крестьянъ, подавленныхъ въ сѣтяхъ ростовщика или помѣщика, то рисующимъ трогательныя буколическія идилліи. Таковы его стихотворенія: *Жалоба Беруа* и *Думы Сесіа*, *Тиніа* и *Пѣсня арабщика*. Достаточно прочесть отмѣченныя нами кантаты грузинскаго поэта для удостовѣренія, что муза его не является геніемъ мести и печали: кн. Эристовъ

неисправимый оптимистъ, умѣющій то находить среди суровой дѣйствительности проблески счастья и любви, то примирять крестьянина съ горькою участью въ религіозной надеждѣ на свѣтлое будущее.

Другою особенностью музы кн. Эристова слѣдуетъ признать его пламенную привязанность къ яркимъ образамъ изъ прошлой исторіи Грузіи и къ существеннымъ запросамъ ея современной жизни. Повинуясь своей творческой фантазіи и накипѣвшему чувству, онъ восходитъ до патріотическаго паѳоса въ поэмѣ *Аспиндская битва*, воспѣвающей беззавѣтную преданность грузинскаго царя-героя Ираклія II своей маленькой странѣ, и въ двухъ стихотвореніяхъ, составляющихъ перлы его лиры: *Родной языкъ* и *Родина Хевсура*. Но онъ не принадлежитъ къ той группѣ писателей, которые обращаютъ взоры лишь на былое величіе своего отечества,—онъ не менѣе озабоченъ назрѣвшимъ вопросомъ о воцареніи въ грядущемъ правды и достойномъ воспитаніи молодого поколѣнія, съ этою-то цѣлью, составляющей третью особенность его программы литературной дѣятельности,—онъ переводитъ Пушкина и Крылова, пишетъ чудныя оригинальныя стихотворенія, считающіяся красой грузинской дѣтской библіотеки.

Къ намѣченнымъ характеристическимъ признакамъ можетъ быть сведено все содержаніе лиры кн. Эристова; въ предѣлахъ трехъ вдохновляющихъ его сюжетовъ укладывается 50-лѣтнее поэтическое его творчество.

Время рожденія кн. Эристова (1824 г.) совпадаетъ приблизительно съ двадцатилѣтіемъ водворенія русскаго владычества въ предѣлахъ восточной Грузіи. Извѣстно, что до назначенія кн. Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ русское вліяніе слабо проникало въ вѣками установившійся порядокъ и въ сферу традиціонныхъ нравовъ грузинскаго народа. Ломка національной жизни Грузіи относится ко второй половинѣ текущаго столѣтія, и потому эпоха воспитанія будущаго грузинскаго поэта носитъ еще всѣ черты стариннаго строя утратившаго политическую самостоятельность Грузинскаго царства. Маленькій «Рафо», принадлежащій къ родовитой фамиліи князей Ксанскихъ, растетъ въ деревнѣ Кистаури, среди роскошной кахетинской природы, подъ непосредственнымъ надзоромъ матери, карталинской княжны Нины Амилахвари, напѣвающей ребенку съ раннихъ лѣтъ стихи изъ знаменитой поэмы XII вѣка *Барсовой кожи*, воспитательной книги грузинскаго общества на пространствѣ семисотъ лѣтъ. Съ любовью къ трогательной судьбѣ героевъ поэмы Руставели, семилѣтній Рафо всасываетъ народныя сказки и пылкія лирическія пѣсни, съ благоговѣніемъ сообщаемыя ему няней изъ крѣпостныхъ крестьянокъ. Ра усвоивъ грузинскую грамоту, ребенокъ поступаетъ *для изученія* русск языка къ пріѣзжему изъ Тифлиса въ сел. Греми какому-то Краснокуло оказавшемуся очень суровымъ, обожавшимъ розги педагогомъ, но непод товленнымъ преподавателемъ. Десяти лѣтъ, по старинному грузинскому о чаю, поэта отдаютъ въ Шуамтійскій монастырь въ цѣляхъ усовершенст ванія въ Священномъ Писаніи подъ руководствомъ просвѣщеннаго ин-

Кикнадзе. Помимо предметовъ общаго образованія, этотъ монахъ знакомилъ своихъ воспитанниковъ съ основами пінтики и риторики, а по воскресеньямъ водилъ дѣтей гулять по полямъ и лѣсамъ, пріучая здѣсь подъ обаяніемъ красотъ природы слагать стихи и пѣть духовные гимны. Дальнѣйшее воспитаніе кн. Эристовъ получаетъ въ гор. Гори, гдѣ его подготовляютъ для поступленія прямо въ III классъ тифлисской гимназіи. По окончаніи здѣсь полнаго курса, поэтъ по болѣзни вынужденъ былъ отказаться отъ университетскаго образованія и въ 1845 г. поступилъ на государственную службу, которую понынѣ несетъ, мѣняя лишь вѣдомства служебной карьеры.

Большую часть своей жизни кн. Р. Эристовъ провелъ не въ поэзіи, а въ самой горькой прозѣ, за служебнымъ столомъ, гдѣ отписывалъ бумаги, вершалъ дѣла отъ міра сего. Служба его была необыкновенно разнообразна, доставила писателю много пестрыхъ этнографическихъ фактовъ и обогатила его познанія непосредственными наблюденіями. Поступивъ переводчикомъ съ грузинскаго языка въ «Тушило-пшаво-хевсурское окружное управленіе» и пройдя здѣсь различныя ступени іерархической лѣстницы, онъ былъ назначенъ зугдидскимъ окружнымъ начальникомъ, потомъ членомъ совѣта управленія Мингреліи и чиновникомъ отъ правительства при разборѣ правъ мингрельскаго дворянства. Со введеніемъ на Кавказѣ судебныхъ уставовъ Александра II кн. Р. Эристовъ былъ назначенъ мировымъ судьею сначала въ Кутаисъ, затѣмъ въ Рачинскій уѣздъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и началъ заниматься адвокатурой. Къ 1889 г. онъ вновь поступилъ на государственную службу и съ тѣхъ поръ состоялъ до конца 1896 г. младшимъ цензоромъ туземныхъ языковъ при кавказскомъ цензурномъ комитетѣ.

Первые шаги его служебной карьеры обусловили и начальныя работы въ области литературы. Пребываніе его въ горахъ и знакомство съ бытомъ горцевъ дало ему возможность собрать весьма цѣнный этнографическій и юридическій матеріалъ, обработанный имъ въ до сихъ поръ остающемся образцовымъ очеркѣ «О Тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ». Назначеніемъ своимъ чиновникомъ въ западную Грузію кн. Эристовъ воспользовался для собиранія свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, а результатомъ этого изученія явились въ газетѣ *Кавказъ* статьи—*Письма изъ Имеретіи* и *Путешествіе по Мингреліи*. Сближеніе его съ различными общественными группами и разнообразными народностями грузинскаго племени сопровождалось усвоеніемъ характерныхъ особенностей быта и языка, которыми отличаются его многочисленные драматическія пьесы, разсказы и лирическія стихотворенія. Изученіе на мѣстѣ разныхъ говоровъ грузинаго языка и памятниковъ древней письменности послужило главнымъ точникомъ составленнаго имъ грузино-русско-латинскаго словаря изъ ехъ естественныхъ царствъ природы и редактированнаго имъ грузинаго словаря кн. Саввы-Сулхана-Орбеліани, писателя XVIII в. Кн. Р. Эристовъ единственный грузинскій писатель, соединяющій въ себѣ ученаго и та.

Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ имѣть въ виду не ученую дѣятельность кн. Р. Эристова, а характеристику мотивовъ, составляющихъ особенность его лирическаго творчества *).

Первое стихотвореніе разбираемаго грузинскаго поэта появилось въ 1845 г. въ дидактическомъ вкусѣ, подъ заглавіемъ: *Совѣтъ*. Послѣдовавшія за нимъ произведенія: *Глаза*, *Розы*, *Желаніе*, *Любовь*, *Семнадцатилѣтней дѣвушкѣ*,—преисполнены восторженными дифирамбами красотѣ, страстнымъ чувствамъ, пѣснямъ соловья и звукамъ поцѣлуя. Одно изъ стихотвореній, — въ которомъ изображена запоздалая любовь человѣка 50 лѣтъ къ молодой женщинѣ, поклонницѣ не ума и горькихъ житейскихъ думъ, а юнаго и статнаго красавца,—пріобрѣло обширную популярность, и вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ остается застольною пѣснью для обиженныхъ амуромъ, съ особою энергіей оттѣняющихъ слова поэта: «Ты за что меня полюбишь?» Напрасно, впрочемъ, будемъ мы искать даже въ его анакреонтическихъ произведеніяхъ излишняго сенсуализма или чрезмѣрнаго восхваленія радостей жизни. Небольшія его пьесы: *Звѣздѣ*, напоминающей въ своемъ небесномъ сіяніи образъ нежданно угасшаго друга, и *За что я тебя люблю*, —вопросъ и отвѣтъ *Божественной царицѣ*, плѣнившей пылкое его сердце своей духовной чистотой, свидѣтельствуютъ скорѣе объ идеалистическомъ вдохновеніи кн. Эристова, проникнутаго извѣстною долей тоски и недовольства. На-ряду съ четверостишіемъ, заключающимъ въ себѣ слабый оттѣнокъ чувственной любви, мы можемъ указать на слѣдующее стихотвореніе, согрѣтое глубокимъ лиризмомъ. Для сопоставленія ихъ приводимъ первое стихотвореніе въ прозаической передачѣ, а второе — во вполнѣ удачномъ переводѣ И. Ф. Тхоржевскаго: «О еслибъ грезы сбылися, и могъ я скрыться здѣсь въ стихахъ, то я лобзалъ бъ уста *ея*, когда она начнетъ читать». Пластичной граціей и теплой искренностью вѣетъ въ томъ стихотвореніи, которое мы противопоставляемъ приведенному четверостишію:

Зачѣмъ же зеркало тебѣ, моя шалунья?
Что ты прекрасна—знаешь ты.
Холодное жъ зеркало и отразить не въ силахъ
Всѣхъ чаръ волшебной красоты.
* * *
Но если точно ты себя желаешь видѣть—
Взгляни хоть разъ въ глубь сердца мнѣ,
И въ немъ увидишь ты во всей красѣ свой образъ,
Тамъ отразившійся вполнѣ.

Едва ли мы ошибемся, признавъ послѣднее стихотвореніе за показатель эротическаго содержанія поэзіи кн. Эристова, смѣняющаго свои тоническія чувства на земныя страсти въ одной только пѣснѣ *Люб* выразительницѣ южнаго настроенія тридцатилѣтняго поэта: «Если вс

*) Собраніе стихотвореній кн. Р. Эристова вышло въ 1893 г. Приготовле печатя его повѣсти и драматическія произведенія.

тишься съ красоткой, чьи глаза ты обожаешь, и любовь твоя не шутка,— какъ объ этомъ ты ей скажешь?... Обоймешь станъ гибкій страстно и прижмешь къ себѣ рукою, какъ зеленый плющь обниметъ тополь яркою весною... Искра въ сердцѣ разгорится въ яркій, страстный, жгучій пламень, задрожишь и затрепещешь, какъ листочекъ,—будь ты камень! Ты не скажешь ей ни слова, силъ не будетъ, что сказать! Счастливъ будешь безгранично, до мученія страдать. Ты смотрѣть ей будешь въ очи долго жадными глазами и сплетешь ты свои кудри съ шелковистыми кудрями. Въ поцѣлуѣ безконечномъ ты забудешь міръ несчастья и безъ словъ заплачешь сладко вмѣстѣ съ ней слезами счастья».

Но не этими общими лирическими мотивами знаменитъ поэтъ Эристовъ: слава его зиждется на тѣхъ оригинальныхъ по сюжету стихотвореніяхъ, которыя посвящены крестьянскому быту — живительному неизсякаемому роднику современной гражданской поэзіи. Любопытно, что поворотный моментъ въ поэтической дѣятельности кн. Р. Эристова начинается чрезъ 35 лѣтъ со времени появленія первой пробы его пера и открывается высокохудожественнымъ стихотвореніемъ *Родина Хевсура*, исполненнаго самодовольнаго чувства привязанности горца къ угрюмымъ, но величественнымъ скаламъ, простой, но ничѣмъ не стѣсненной свободной жизни среди могучихъ орловъ и горныхъ водопадовъ.

Гдѣ я родился и выросъ, стрѣлы металъ и рѣзвился,
Гдѣ надъ могилами предковъ думалъ о нихъ и молился,—
Тамъ моя родина; съ нею съ дѣтства душой я сроднился;
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Милы мнѣ черныя скалы: тамъ у вершины ихъ снѣжной
Горный гнѣздится орелъ; шумятъ водопады мятежно.
Тамъ я охочусь на туровъ; мясо ихъ вкусно и нѣжно.
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Еслибъ въ полномъ довольствѣ жить мнѣ пришлось на равнинѣ,
Все бы стремился я въ горы,—точно магнитъ въ ихъ вершинѣ.
Лучше въ горахъ умереть, чѣмъ жить и томиться въ долинѣ.
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Еслибъ меня на чужбинѣ встрѣтили съ царскимъ почетомъ,
Тронъ и дворецъ предложили, съ войскомъ несмѣтнымъ и флотомъ —
Жизнью клянусь я своею,—я-бъ не увлекся разсчетомъ...
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Матери грудь и отчизна, обѣ намъ незамѣнимы,
Обѣ очей намъ дороже! Вѣрь мнѣ, собратъ мой любимый,
Только одинъ Богъ Предвѣчный, только одинъ край родимый!
Нѣтъ, не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ, не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

-а «пѣснь Хевсура о родинѣ», переденная на русскій языкъ И. Ф.

Тхоржевскимъ весьма близко по содержанію къ оригиналу, быть можетъ не даетъ, въ виду непреодолимой трудности воспроизвести его причудливыя красоты, яснаго представленія о томъ гармоническомъ соотвѣтствіи внѣшней изящно отдѣланной формы съ внутреннимъ вполнѣ законченнымъ содержаніемъ, которое подкупаетъ грузинскаго читателя, поражаетъ колоритною пластичностью и граціозною музыкальною звучностью. Сочетаніе благородной идеи и подвижной ея формы, рѣдкая чуткость проникновенія въ глубь сердца гордаго, свободолюбиваго народа, святыя сокровенныя чувства котораго кн. Эристовъ раскрылъ съ художественною мѣрой, безъ приторнаго сантиментализма въ мѣткихъ выразительныхъ образахъ, обусловили ту необыкновенную популярность, которая обратила это стихотвореніе въ застольную пѣсню, вызывая въ душѣ грузина то слезы умиленія, то наполняя его высокимъ патріотическимъ чувствомъ. Пѣснь Хевсура о родинѣ одно изъ тѣхъ стихотвореній, въ которомъ явственно слышатся въ словесныхъ звукахъ шумный, свѣтлый потокъ, могучій вольный взмахъ горнаго орла, пугливый, быстрый прыжокъ красивой лани и непреклонный, сроднившійся съ суровою дѣйствительностью гордый духъ горца-царя этой чарующей грандіозной природы. Природа и человѣкъ—источникъ вдохновенія поэта—сливаются здѣсь въ единую нераздѣльную картину. Человѣкъ сообщаетъ природѣ свой нравственный отпечатокъ, природа же, въ свою очередь, сообщается его сердцу тысячами тайныхъ голосовъ, въ самыхъ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ—въ свѣтлыхъ и мрачныхъ, въ бурныхъ и тихихъ. Важность и величавость, оттѣняющія лирическій тонъ грузинскаго поэта, сближаетъ его съ англійскимъ писателемъ Борнсомъ, съ любовью воспроизводившимъ шотландскую природу и патріархальную свободу. Великолѣпная его пѣсня, служащая эпиграфомъ ко всей его поэзіи, служитъ прекрасною параллелью *Родинѣ Хевсура*. Во избѣжаніе обвиненія въ голословномъ сопоставленіи грузинскаго и англійскаго поэтовъ, мы приводимъ отрывокъ изъ названнаго стихотворенія Борнса:

Мое сердце въ горной Шотландіи, мое сердце не здѣсь;
Мое сердце въ горной Шотландіи на охотѣ за дичью,—
На охотѣ за красною дичью и въ погонѣ за ланью,—
Мое сердце въ горной Шотландіи, куда бы ни отправился я.
Гдѣ-бъ ни скитался я, гдѣ бы ни странствовалъ я,
Холмы горной Шотландіи будутъ вѣчно мнѣ милы.
Прощайте горы, высоко покрытыя снѣгомъ,
Прощайте овраги, зеленыя долины внизу.
Прощайте лѣса и дикія рощи,
Прощайте потоки и шумныя рѣки.
Мое сердце въ горной Шотландіи, мое сердце не здѣсь;
Мое сердце въ горной Шотландіи на охотѣ за дичью...

Слова Карлейля о Борнсѣ имѣютъ приложеніе къ грузинскому ... гу-
«въ дымѣ и грязи суровой дѣйствительности онъ все еще находи ...ю-
стойное любви и похвалы. Бѣдность—неразлучный его спутникъ, но ... тѣ
съ нею и любовь, и мужество; простыя чувства, достоинство, бла... ...д-

ство, живущія подъ соломенною крышей, любезны и достойны уваженія для его сердца».

Мы намѣренно остановились на «Пѣснѣ Хевсура о родинѣ», открывшей послѣдній фазисъ литературной дѣятельности кн. Р. Эристова. Стихотвореніе это, написанное въ духѣ народной поэзіи, увѣнчало поэта неувядаемою славой и создало въ грузинской литературѣ цѣлую школу, въ которой первыя мѣста принадлежатъ тремъ братьямъ Разикашвили, неподражаемымъ живописцамъ картинъ кавказскихъ горъ и своеобразнаго быта горцевъ съ непосредственнымъ отраженіемъ ихъ чувствъ во всей наивной простотѣ и искренности.

Кн: Р. Эристовъ является родоначальникомъ новой школы поэтовъ-народниковъ. Произведенія его, отличаясь изяществомъ стиха и красотой формы, проникнуты неподдѣльною искренностью и рѣдкою задушевностью чувства. Когда вдохновеніе увлекаетъ его въ родныя горы, къ близкимъ его сердцу хевсурамъ и пшавамъ, или снисходитъ къ мирнымъ долинамъ роскошной Грузіи съ ея обитателями, поэтъ—этотъ бывшій администраторъ, судья и свѣтскій человѣкъ—какъ будто сбрасываетъ съ себя все, что нанесено цивилизаціей, и, облекшись въ рыцарское платье полудикаго хевсура, начинаетъ говорить его своеобразною рѣчью, голосомъ и тономъ; тогда вполнѣ обрисовывается обликъ писателя самобытной литературы, созрѣвшей въ сторонѣ отъ вліянія литературы и жизни Европы. Выступая поборникомъ народныхъ интересовъ, кн. Эристовъ производитъ впечатлѣніе поэта такъ называемаго тенденціознаго направленія, въ художественной формѣ отстаивающаго соціально-экономическіе вопросы о равномѣрномъ распредѣленіи труда и благъ земныхъ. Такое содержаніе стихотвореній кн. Эристова не отзывается искусственностью и резонерствомъ. Сынъ своего вѣка, воспитанный подъ вліяніемъ христіанства и реформаторскихъ идей Западной Европы, поэтъ сумѣлъ проанализировать смыслъ новаго теченія мысли и желаній, сросся съ ними, пережилъ ихъ въ глубинѣ сердца, и въ видѣ зрѣлаго плода внутренней работы въ вполнѣ художественныхъ образахъ рисуетъ яркія картины городского и сельскаго быта. Грузинскій поэтъ оправдалъ слова Виктора Гюго, который говорилъ: «Что всякій поэтъ долженъ заключать въ себѣ сумму всѣхъ идей своего времени».

Обращаясь къ воспоминаніямъ изъ боевой жизни Грузіи, поэтъ останавливается на типѣ безстрашнаго воина, выработаннаго историческими условіями Кавказа, отстаивавшаго свою самобытность предъ непрерывными волнами разъ иноземныхъ завоевателей изъ Персіи, Турціи, Италіи. Интересы общіе лощали заботы о личномъ счастьѣ, предъ обороной страны заглушались човнія чувства, любовь къ молодой женѣ приносилась въ жертву предъ аремъ священной свободы. Эта идея воспроизведена грузинскимъ поэтомъ стихотвореніи *Будетъ плакать!* «Перестань же, будетъ плакать, ободрись ная, тяжелы ужъ больно слезы женщинъ, дорогая! Будетъ плакать! Слы-ъ, трубы насъ зовутъ ко славѣ... Дай мнѣ шашку, нашу землю защищать

мы вправѣ; обложили насъ татары, жгутъ страну родную, все до тла сожгутъ: избушку, ниву золотую... Будетъ плакать о сынишкѣ! только сердце гложешь, въ двухъ мѣстахъ пробили грудь мнѣ,—плачемъ не поможешь. Будетъ плакать! Пусть въ крови я и томлюсь отъ жажды, все-жъ побился я съ невѣрнымъ вволю хоть однажды!... Не могу пока, родная, къ милымъ возвратиться: стая вороновъ тутъ, близко, надо мной кружится; позаботься о домишкѣ, береги скотину, да люби внучка, родная, внучка-сиротину; да женѣ пока ни слова: очень молода ужъ, къ Рождеству меня забудетъ, къ Пасхѣ выйдетъ замужъ...»

Воспоминаніе о минувшемъ побуждаетъ поэта подойти къ размышленіямъ народа о современныхъ его запросахъ и насущныхъ нуждахъ. Онъ извлекаетъ изъ растерзаннаго сердца мужика горькія жалобы на недостатокъ его питательницы—черной земли, на превратную игру мачихи-судьбы, дождемъ, засухой и ненастьемъ уничтожающей плоды его упорныхъ годовыхъ трудовъ.

Не пойму уставъ нашъ сельскій, не возьму я въ толкъ его:
За наемъ земли плати ты,—что-жъ останется съ нея?
Дождь ли, засуха, ненастье—не родится ни зерна...
Но на все Господня воля—покориться долженъ я!...
Разъ посѣялъ, то за землю все-жъ я долженъ уплатить.
Гдѣ что взять мнѣ горемыкѣ, кто придетъ мнѣ пособить?...
Хоть бы землю-то родную не пришлось мнѣ покупать,
До могилы—самъ не знаю—сталъ о чемъ бы горевать?...

Національная черта грузинскаго народа—преданность волѣ Творца при всѣхъ житейскихъ невзгодахъ, упрямство и устойчивость въ складѣ нравственныхъ воззрѣній и слегка обветшаломъ способѣ сельскихъ занятій—проходитъ красною нитью во всѣхъ стихотвореніяхъ кн. Р. Эристова, въ особенности же въ тѣхъ, которыя именуются поэтомъ «думами», «размышленіями», «жалобами». Въ этомъ отношеніи характернымъ является стихотвореніе *Тедуа* (Ѳадей). «Упрямъ Тедо, упрямъ онъ, не склонится главой, примѣрный онъ работникъ, могучъ, великъ душой! Онъ предъ нуждой не труситъ, вѣдь, онъ силенъ рукой, хотя усталъ немного, борясь день въ день съ землей. Онъ брата не обидитъ, чужого не возьметъ, гнѣвъ Бога господина покорно онъ снесетъ. Въ селѣ сегодня праздникъ, прилегъ Тедо въ тѣни, не спитъ, а сладко грезитъ про лучшіе онъ дни». «А вотъ моя пшеница, въ ней колосъ наливной; ячмень и кукуруза двухдневной полосой *) на славу уродилась,—погодку Богъ послалъ, и садъ я обработалъ, и пашню я вспахалъ. А сколько винограду, плодами полонъ садъ, орѣховъ, лобьи много,—доволенъ я и радъ! Продамъ я вина вдоволь и денежки скоплю, татарскаго быка тогда себѣ куплю. Бычокъ мой, быкъ онъ славный, одинъ лишь у меня, куплю ему я друга, впрягу въ ярмо ихъ я».—«Ни облачка въ лазури, палъ полдневный жаръ; жужжитъ, кусаетъ больно назойливый комаръ. Вдругъ тучка набѣжала, вмигъ выросла она, и поплыла въ лазури, и

*) Двухдневная полоса равняется десятинѣ.

черная волна. Пронесся вихрь, и молнія сверкнула надъ землей, громъ грянулъ, градъ пошелъ, идетъ,—грозитъ бѣдой... Не стало вмигъ пшеницы, погибъ весь виноградъ, поля, сады и нивы—все уничтожилъ градъ. «Знать Бога прогнѣвилъ я!» подумалъ нашъ Ѳаддей, снявъ шапку, сталъ креститься среди пустыхъ полей!... Упрямъ Тедо, упрямъ онъ, не склонится главой, примѣрный онъ работникъ, могучъ, великъ душой».

Источникъ неизбѣжныхъ бѣдствій грузинскаго крестьянина скрывается не только въ пагубныхъ явленіяхъ кавказской природы, но въ тѣхъ вновь завязавшихся соціально-экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ очутился со времени водворенія въ селахъ русской администраціи и проникновенія въ патріархальный строй лавочника-кулака, весьма сомнительнаго носителя новой цивилизаторской силы. Крестьянинъ оказался безъисходно опутаннымъ въ хитро разставленныхъ сѣтяхъ купца-ростовщика и мѣстнаго блюстителя порядка изъ своихъ же собратьевъ.

Нѣтъ житья отъ старшины, да и сотскій донимаетъ,
Какъ мнѣ быть и какъ молчать,—все ужъ больно докучаетъ!...
Задолжалъ купцу я деньги, ихъ я бралъ лишь на поминки,
Долгъ отдалъ я виномъ и хлѣбомъ, заплатилъ и недоимки.
Обошелъ меня купчина,—деньги сталъ просить вторично;
Старшина—кумъ—меня продалъ,—взялъ съ купца онъ тунгу *) водки,
И меня же онъ ругаетъ, и оретъ-то съ пьяной глотки.
Я хранилъ вино для церкви и его они достали,
Поросятъ, и куръ, и яйца—все проклятые забрали!...
Торговецъ Гео, какъ ястребъ, бѣдный кровь мой расхищаетъ,
Какъ свинья напился сотскій, тутъ же по-дому гуляетъ!...
Какъ мнѣ быть и самъ не знаю, утопиться развѣ съ горя?...
Доконалъ судья и сотскій,—живу такъ я, вѣчно споря!...

Новыя вѣянія, вносимыя въ село единичными представителями торговыхъ предпріятій и административной дѣятельности, поколебавъ прежніе устои жизни, легли наноснымъ слоемъ на вѣковыя основы издревле сложившагося родового быта. Остатки патріархальнаго строя ярче всего выражаются во взаимной поддержкѣ при сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ и обычаяхъ при пахати, несомнѣнно восходящихъ къ прежней строго опредѣленной общинной формѣ землевладѣнія. Одно стихотвореніе кн. Р. Эристова *Жатва у Тиніи* (Татьяны) служитъ иллюстраціей къ переживаніямъ и отголоскамъ минувшей старины. «Сегодня у Тиніи жатва,—веселый ей выпалъ денекъ, и мечется Тинья, хлопочетъ, и рада, что міръ ей помогъ!... Безъ мужа осталася Тинья несчастной и бѣдной вдовой, ростила единаго на и вѣчно боролась съ нуждой! Сынъ Тиньи работалъ на плугѣ—ей пахана міромъ земля, но гдѣ взять сѣмянъ для посѣва,—зерна нѣтъ въ ромахъ ея!... Собрали по міру горстями, засѣяла поле она. Какъ море нуется нива,—ей милость Творцомъ послана; и гнется отъ тяжести ко-съ, и серпъ ужъ наточенъ, готовъ, но Тинья горюетъ—жнеца нѣтъ,—

*) Тунга—пять бутылокъ.

онъ умеръ, покинулъ свой кровъ!... Рабочимъ отдать съ половины?... Да больно полоска мала! Въ бѣдѣ лишь деревня поможетъ... и Тинія съ просьбой пошла». «О, сжальтесь!» она всѣхъ молила. И утромъ со свѣтлой зарёй пришли къ ней ребята, охотно собрались у нивы гурьбой; и грянула «опума» *) дружно надъ нивой убогой вдовы. Не видѣлъ я жатвы подобной, такого порыва любви! А Тинья жнецовъ угощаетъ,—имъ хлѣбъ кукурузный спекла, и къ жатвѣ желанной готовясь—двухъ куръ, молока принесла. Не много лишь стыдно—вина нѣтъ, да нѣтъ тутъ особой бѣды, вѣдь. Тинія часто приноситъ рабочимъ студеной воды. Вновь «опума», хохотъ, веселье, и сжата полоска вдовы. Не видѣлъ я жатвы подобной, такого порыва любви!»

Стихотвореніе это проникнуто наивной простотой, согрѣто идиллическою нѣжностью и исполнено свѣтлой любовью къ неимущему собрату. Для полнаго уразумѣнія его смысла нужно вспомнить, что грузинскій плугъ требуетъ отъ земледѣльца большихъ хлопотъ и большихъ расходовъ. Для него необходимы шесть работниковъ, 8 — 10 паръ воловъ и много сложной упряжи. Малая семья не можетъ сложить плуга («гутани») на свои средства, и поэтому для его составленія приходится прибѣгать къ артели, въ которой участвуетъ нѣсколько малыхъ семей. Такое товарищество, распредѣливъ доли паханья между участниками, одинъ день работаетъ для вдовы, сироты и бѣдняка «самвхтотъ», т.-е. во имя Бога, изъ состраданія и сочувствія къ маломочному собрату.

Стихотворенія кн. Р. Эристова, воспроизводящія многообразныя стороны сельской жизни, обрисовываютъ поэта проницательнымъ истолкователемъ народныхъ думъ и тревогъ, непонятныхъ счастливымъ баловнямъ судьбы, и по справедливости облекаютъ его прозвищемъ *народнаго пѣвца*. Мы прекрасно сознаемъ, что для русской публики чарующій обликъ поэта мерцаетъ въ блѣдномъ сіяніи вслѣдствіе неизбѣжной трудности передать ту прелесть и энергію оригинала, которыя такъ неотразимо дѣйствуютъ на грузинскаго читателя. Въ переводѣ на русскій языкъ грузинскія стихотворенія кн. Р. Эристова утрачиваютъ художественныя красоты, являясь неодухотвореннымъ скелетомъ, сухимъ дидактическимъ повѣствованіемъ. Прося снисходительности у читателей въ недостаточно характерномъ воспроизведеніи колорита лиры грузинскаго поэта, мы считаемъ себя обязанными познакомить еще съ однимъ его стихотвореніемъ *Родной языкъ*, составляющимъ одну изъ крупныхъ звѣздъ въ его поэтической коронѣ.

Богъ свои творенья щедро одарилъ—
Слабыхъ и могучихъ ровно одѣлилъ:
Всюду, гдѣ лишь только жизни лучъ проникъ,
Всѣмъ Господь созданьямъ далъ родной языкъ.

Кто и какъ владѣетъ рѣчію родной, радуется, плачетъ и скорбитъ ; шой, и какъ можетъ чувства въ звукахъ выражать—все Тому понят

*) Веселый возгласъ во время работы, сопровождаемый пѣніемъ жнецовъ.

Кто могъ ихъ создать. Онъ Единъ всевѣдущъ и могучъ, великъ, Онъ своимъ твореньямъ далъ родной языкъ. Намъ одно извѣстно—должно даръ хранить, кто-жъ ему измѣнитъ—будетъ самъ тужить. И закономъ вѣчнымъ можно-ль пренебречь, чтобъ забыть языкъ свой и родную рѣчь? Омрачитъ измѣной кто Пресвѣтлый ликъ? святъ законъ великій, вѣченъ нашъ языкъ! Голубю-ль мяукать, соловью кричать, выть волкомъ ягненку, рыбѣ ли мычать, и ревѣть ли мухѣ, горлицѣ ли ржать? О, нѣтъ, невозможно міръ пересоздать! Съ первыхъ дней творенья кто себя постигъ, чтилъ законъ великій и зналъ свой языкъ.

Языку родному сладко такъ внимать,
На которомъ пѣсни намъ пѣвала мать;
И теперь я въ рѣчи родины святой
Вспоминаю ласки матери родной,
Слышу братьевъ милыхъ я веселый кликъ..
О, какъ не любить мнѣ свой родной языкъ!

Не стыдись, другъ милый, въ рѣчи ты родной выражать печали, скорбь души больной; колыбель, могилу не теряй, другъ мой, иль тебя проклянетъ твой языкъ родной. Рѣчь насъ оживляетъ, и веселья мигъ сладокъ, если слышишь свой родной языкъ».

Стихотвореніе это имѣетъ свое историческое объясненіе. Было время въ недалекомъ прошломъ, когда въ грузинскомъ обществѣ родной языкъ подвергся такому же гоненію, какое испыталъ русской языкъ подъ давленіемъ французской рѣчи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Грузинскіе писатели шестидесятыхъ годовъ, выступивъ стражемъ родного языка, объявили войну исключительному господству иноземнаго вліянія, принимавшаго угрожающіе размѣры. Кн. Р. Эристовъ въ названномъ стихотвореніи становится общественнымъ вождемъ. Чисто-художественное творчество *по выраженію*, вѣдь, не исключаетъ общественной *по содержанію* поэзіи, если «созерцаніе полнаго славы творенья» не переходитъ въ «безъидейное щебетанье», а служеніе идеямъ не придаетъ поэтическимъ произведеніямъ характера риѳмованныхъ трактатовъ или газетныхъ передовыхъ статей. Грузинскій поэтъ, принадлежа къ извѣстному лагерю, выражаетъ въ своей поэзіи то, что одушевляетъ его и его единомышленниковъ, не переходя границъ поэзіи, не обращая ея въ публицистику. Кн. Р. Эристовъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые соединяютъ въ себѣ чистаго художника и поэта-гражданина. Онъ является предъ нами то *современнымъ* пѣвцомъ, носящимъ въ своей груди скорби и недуги общества, то объективнымъ созерцателемъ красоты.

Чуткій пѣвецъ ловитъ у природы ея богатые мотивы и воплощаетъ ихъ въ поэтичныхъ мелодіяхъ. Онъ написалъ мощною художественною кистью картины «Весны», «Лѣта», «Зимы», представляющія поэтическій апотеозъ смерти и возрожденія природы, способной смягчать всѣ нѣсти человѣческаго сердца. Поэтъ сливается съ оживленною природой, ъ обширную гамму ею сообщаемыхъ ощущеній онъ перерабатываетъ

въ одинъ поэтическій аккордъ. Поэтъ-гражданинъ, взявшій лиру поэта-художника, говоритъ въ одномъ стихотвореніи языкомъ сладости и скорби: «Перестань, зачѣмъ играешь на бандурѣ сиротливой?... Нѣтъ пѣвца, замолкъ на вѣки, и бандура молчалива!... Какъ бывало заиграетъ—ему вторятъ лѣсъ и горы, и казалось мнѣ, что слышу свѣтлыхъ ангеловъ я хоры. Пѣлъ пѣвецъ о славной битвѣ, воспѣвалъ коня лихого, шашку острую героя, удаль сердца молодого! Воспѣвалъ красу-дѣвицу, ея очи голубыя, воспѣвалъ и щекъ румянецъ, косы длинныя, густыя»... Здѣсь невольно вспоминаются слова Языкова о пѣсняхъ, льющихся со струнъ поэта:

Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ.

Это побѣдное обаяніе пѣсни составляетъ сюжетъ «Алеши Поповича» Алексѣя Толстого: одна музыка безъ словъ производитъ такое ощущеніе, что «отъ звуковъ сердце млѣетъ и кружится голова». Поэтъ воспринимаетъ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра; но его духовная чуткость развита настолько, что ему ненужны внѣшніе органы чувствъ для воспринятія идей и воплощенія ихъ въ образы; онъ можетъ быть «слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ», но тѣмъ болѣе долженъ напрягать духовныя очи и уши, замѣняющія ему физическое зрѣніе и слухъ.

Подобно колебанію эѳира, зарождающему въ природѣ звуковыя явленія, душа поэта невольно отзывается на всѣ, такъ сказать, житейскія вибраціи, на людскія скорби и свѣтлые моменты, по временамъ ихъ смѣняющіе. Кн. Р. Эристовъ въ стихотвореніи *Капризный музыкантъ* намѣчаетъ тѣ пункты литературной дѣятельности, на которые должна откликаться, какъ звучное эхо, вдохновенная лира поэта. «Не ношу свой чіанури *), по пирушкамъ, по гуляньямъ, не хожу и сазандаромъ **) по веселымъ я собраньямъ. А беру смычокъ свой въ руки, когда въ сердцѣ буря, грозы, иль играю межъ друзей я, если жизнь мнѣ стелетъ розы. Иль Господь меня накажетъ, потеряю жену ль, друга, съ кѣмъ провелъ я годы дѣтства, съ кѣмъ дѣлилъ часы досуга,—о, тогда я, неутѣшный, возьму въ руки чіанури, изолью въ его я звукахъ скорбь души и сердца бури. А порою нужда-гостья ко мнѣ въ хижину заходитъ,—у моей семьи несчастной куска хлѣба не находитъ. Возьму въ руки чіанури, и въ напѣвахъ сладкозвучныхъ изолью я сердца бури. Иль веселый пиръ у близкихъ, или свадьба, обрученье... ихъ веселье въ моемъ сердцѣ такъ отрадно отзовется,—и ударяю я по струнамъ, пѣсня вольная польется.

Вотъ, поэтъ, тебѣ картина для святого вдохновенья...
Пусть польется пѣснь какъ слезы, слезы счастья обновленья!

Поэзія кн. Р. Эристова, такимъ образомъ, представляется не без ботно журчащимъ родникомъ романтическихъ грёзъ, а опредѣленной

*) Родъ балалайки, въ поэтическихъ произведеніяхъ означаетъ лиру.
**) Странствующій пѣвецъ и музыкантъ.

граммой общественныхъ идей; она обнимаетъ не одни возвышенные порывы и радостныя мечты, но также горькія думы и житейскіе вопросы. Его стихотворенія составляютъ какъ бы разрозненныя части цѣлой эпопеи, воспроизводящей всѣ стороны крестьянскаго быта и главные моменты народной жизни. Эпопея эта облагорожена свѣтлой идеей и согрѣта искреннимъ участіемъ гуманнаго аристократа, сумѣвшаго снизойти въ хижину бѣдняка, заглянуть въ тоскливое сердце народа, пережить вмѣстѣ съ нимъ неизбѣжный кругъ тяжелыхъ скорбей и періодическихъ невзгодъ. Стихійныя бѣдствія, административныя тревоги, государственныя повинности, религіозныя требы, семейныя заботы, рѣдкія минуты счастія, внушаемыя скорѣе чувствомъ вѣры въ будущее торжество честнаго труженика, чѣмъ житейскимъ опытомъ—составляютъ идейное содержаніе поэзіи кн. Р. Эристова. Русскій поэтъ В. Л. Величко, привѣтствовавъ его въ день 50-лѣтняго юбилейнаго торжества, справедливо указывалъ, что кн. Эристовъ, «потомокъ властелина, свой долгъ предъ родиной понявъ, смѣнилъ насилье древнихъ правъ работой любящаго сына; поэтъ, живой мечтой въ мірахъ заоблачныхъ парящій, склоняетъ взоръ къ землѣ скорбящій и льетъ ей пѣснь любви святой».

А. Хахановъ.

Организація труда какъ видъ благотворительности въ Парижѣ.

Изучая движеніе благотворительности въ концѣ XIX столѣтія, нельзя не отмѣтить того, что общество ищетъ все новыхъ и новыхъ формъ учрежденій для болѣе успѣшной борьбы съ бѣдностью.

Раздѣляя свои заботы между самыми разнообразными явленіями человѣческаго несчастья, благотворительность принуждена основывать учрежденія разнаго рода. Назначеніе однихъ, какъ, напримѣръ, богадѣленъ, пріютовъ для неизлѣчимо-больныхъ, — заботиться о нуждѣ хронической, которая кончается только съ жизнью призрѣваемыхъ. Но теперь, среди новыхъ попытокъ облегчить участь нуждающихся, наше вниманіе останавливается на другомъ родѣ учрежденій, которыя, призрѣвая не менѣе страдающихъ, заботятся о нихъ только временно, стараясь возвратить нуждающагося человѣка въ общество, откуда онъ ушелъ не въ силу хронической неспособности жить одной жизнью съ другими, а въ силу случайныхъ причинъ,—болѣзни, временной безработицы, семейныхъ несчастій и друг.

Такія учрежденія, столь же необходимыя какъ и первыя, даютъ возможность замучившемуся въ борьбѣ человѣку отдохнуть немного, прійти въ себя и найти вновь вѣру въ смыслъ дальнѣйшей борьбы за существованіе. Большіе города, какъ Парижъ и другія столицы, даютъ обыкновенно большой процентъ такихъ лицъ, хотя съ нуждой случайной, но тѣмъ не менѣе ужасной. Нужда эта тѣмъ болѣе страшна, что, благодаря городскому внѣшнему благоустройству, она прячется по угламъ, куда заглядываетъ по службѣ одна полиція.

Благотворительность, которая по задачамъ своимъ безстрашно открываетъ себѣ доступъ во всѣ притоны, задумалась: какъ найти потерянна человѣка, чтобы показать ему, что онъ не можетъ пропасть, пока въ л дяхъ живетъ милосердіе, и что онъ, оправившись, долженъ возвратитъ въ общество. Подумавши, нашли, что однимъ изъ главныхъ условій в вращенія въ общество, это—найти человѣку посильную работу. Слѣдо тельно Assistance par le travail — «помощь работою» — будетъ разнит отъ помощи другой тѣмъ, что она оказывается временно и подъ услов

труда. Но кромѣ той вышеупомянутой задачи,—поднять человѣка до самостоятельнаго заработка, учрежденіемъ «организаціи труда»,— благотворительность получаетъ возможность различать настоящую нужду человѣка отъ профессіональныхъ бѣдныхъ, существующихъ въ столицахъ въ разныхъ видахъ. Разсчитывая на сострадательныя сердца людей, которымъ въ голову не приходитъ провѣрять разсказы и письма такихъ мнимобѣдныхъ, эти послѣдніе эксплуатируютъ общество и, что иногда очень горько, заставляютъ своими обманами недовѣрчиво относиться и къ дѣйствительной нуждѣ. Въ учрежденіи, гдѣ вмѣсто денегъ такимъ лицамъ предлагаютъ трудъ, хорошо оплачиваемый, человѣкъ, желающій даромъ жить за счетъ благотворительности, выдаетъ себя сейчасъ же. Организація труда, какъ благотворительнаго учрежденія, возникала въ Парижѣ постепенно, при разныхъ условіяхъ и потому дѣятельность ея носитъ разный характеръ. Первое такое учрежденіе создалось 16 лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ предмѣстій Парижа. Оно было вызвано къ жизни не сразу въ полной формѣ своей, а явилось дополненіемъ ночного пріюта для женщинъ. Такъ какъ одного ночлега оказалось недостаточнымъ, чтобы поставить человѣка на ноги, нужно было продлить заботу о немъ и далѣе. Дали ночлегъ, надо было дать и работу. Тутъ мысль объ организаціи труда, какъ помощь, и нашла свое исполненіе въ устройствѣ мастерскихъ сперва для женщинъ, а потомъ и для мужчинъ.

Веденіе этого дѣла было поручено католическимъ монахинямъ ордена Notre Dame du Calvaire. Орденъ этотъ посвященъ исключительно практической дѣятельности—благотворительной по преимуществу.

Заручившись позволеніемъ осмотрѣть это учрежденіе, я отправилась на Quai de Versailles, 52. Когда я позвонила у воротъ небольшого дома, меня встрѣтила монахиня и попросила подождать сестру-завѣдующую. Въ ожиданіи ея я стала осматривать дворъ и постройки, которыя меня окружали. Я замѣтила, что кругомъ меня кипитъ дѣятельность. Въ одномъ углу двора, въ мастерской, работали столяры, въ другомъ зданіи, въ прачечной, раздавались женскіе голоса. Въ ворота входили и выходили женщины со свертками. Фургонъ съ бѣльемъ выѣзжалъ при мнѣ со двора. Было 11 ч. утра. Вскорѣ, запыхавшись, прибѣжала другая монахиня—сестра-завѣдующая. Несмотря на то, что я, повидимому, оторвала ее отъ дѣла, она съ большой готовностью согласилась показать мнѣ все свое учрежденіе.

Сперва мы прошли въ прачечную. Сестра-завѣдующая ею особенно гордится. Очень долго добивалась она устройства ея, а добивалась потому, что считала работу въ прачечной дѣломъ, къ которому легче всего приспособляется человѣкъ, ничего не умѣющій, а глаженіе для умѣлыхъ доставляетъ хорошій заработокъ. Стираютъ въ Парижѣ машинами и потому устройство прачечной стоитъ очень дорого. Разсчитано, что эта прачечная, удовлетворяя первой нуждѣ парижскаго народонаселенія, можетъ современемъ окупить расходы на нее. Было сдѣлано крупное пожертвованіе въ сто тысячъ франковъ, и теперь прачечная, занимая большое количество

рукъ, мужскихъ и женскихъ, работаетъ на-ряду съ частными заведеніями этого рода. Прачечная отлично обставлена машинами, но по устройству ничего особенно интереснаго не представляетъ. Потомъ мы прошли въ комнату, гдѣ заняты были женщины. Онѣ шили кухонное бѣлье, подрубали тряпки и полотенца. Эта мастерская не задается цѣлью производить какую-нибудь сложную или тонкую работу. Она назначена для тѣхъ несчастныхъ, которыя или ничего не умѣютъ дѣлать, или шьютъ крайне плохо. Вообразите себѣ женщину, доведенную судьбою до того, что она не имѣетъ ни заработка, ни пристанища. Домъ милосердія открываетъ ей двери свои. Безъ всякаго различія вѣроисповѣданія и происхожденія, ей тотчасъ по входѣ въ пріютъ предлагаютъ работу, обыкновенно шитье, если она не выражаетъ желанія быть при прачечной или кухнѣ. Большею частью первое время поступающіе находятся въ такомъ ужасномъ нравственномъ состояніи апатіи, что работать еле могутъ, но, невзирая на плохую работу, правило дома милосердія предписываетъ всѣмъ платить одинаковую заработную плату—1 фр. 50 сантимовъ въ день женщинамъ и 2 фр. мужчинамъ. Отъ всѣхъ требуютъ только готовности работать. На эти деньги они и обѣдъ себѣ купятъ, и рубашку достанутъ, потому что нерѣдко являлись женщины, на которыхъ не было ничего кромѣ платья. Проживъ нѣсколько дней въ пріютѣ, призрѣваемый обыкновенно поправляется отчасти отъ хорошей пищи, но больше, конечно, отъ сознанія обезпеченности, хотя бы временной. Женщины имѣютъ право оставаться въ пріютѣ 6 недѣль, мужчины до трехъ. Когда завѣдующая начнетъ замѣчать, что у него возвращаются силы и просыпается извѣстная энергія, она пользуется этимъ моментомъ и предлагаетъ привести въ исполненіе другое правило учрежденія—идти искать себѣ работу внѣ дома.

По уставу пріюта, женщины и мужчины должны одно утро въ недѣлю посвятить на поиски работы въ Парижѣ, не говоря уже о томъ, что сестра завѣдующая ведетъ дѣятельную переписку съ людьми, которые могли бы помочь ей достать подходящія занятія лицамъ, находящимся на ея попеченіи. Конечно, правило о продолжительности пребыванія въ пріютѣ не всегда точно исполняется. Все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія завѣдующей, которая очень зорко слѣдитъ за ввѣренными ей лицами.

Осмотрѣвъ несложную мастерскую, гдѣ учатся шитью и работаютъ, прежде чѣмъ перейти въ столярную мастерскую, мы зашли еще въ двѣ небольшія комнатки, гдѣ ежедневно раздаютъ работу для приходящихъ швей. Эта раздача шитья на домъ имѣетъ цѣлью поддерживать женщинъ, которымъ заработка мужей не хватаетъ на прокормленіе семьи. Это, собственно говоря, просто помощь матерямъ и женамъ, которымъ семейныя обязанности не позволяютъ покидать дома. Учрежденіе это такъ и называется помощью матерямъ семействъ: «Oeuvre de la mère de famille». Это дѣло при пріютѣ отлично поставлено и само окупаетъ себя. Завѣдующая пріобрѣтаетъ матеріалъ оптомъ и раздаетъ работу каждой работницѣ по ея спеціальности. Въ Парижѣ почти всѣ работницы спеціализируются

какой-нибудь одной работѣ. Я видѣла въ пріютѣ превосходно сдѣланную ажурную строчку и отличное вышиванье гладью. Заработная плата женщинамъ выше обыкновенной магазинной. Но это нисколько не обременяетъ бюджета, потому что завѣдующая покрываетъ расходъ по веденію дѣла исключительно выгодною покупкой матеріала. Готовыя же вещи она продаетъ по той цѣнѣ, какъ и въ любомъ магазинѣ. Такимъ образомъ, завѣдующая, являясь умѣлою посредницей между производителемъ и рынкомъ, тѣмъ избыткомъ, которые торговцы обыкновенно оставляютъ въ свою пользу, увеличиваетъ плату работницѣ. За послѣдній годъ 500 женщинъ пользовались работой отъ пріюта. Сбытъ бѣлья хотя и не вполнѣ обезпеченъ, но члены благотворительнаго общества хлопочутъ о сбытѣ изо всѣхъ силъ, и я думаю, что, покупая въ пріютѣ, купишь не хуже, чѣмъ въ хорошемъ магазинѣ.

Оттуда отправились мы въ столярную, по дорогѣ забѣжавъ въ бѣльевую. Тутъ я наткнулась еще на одинъ видъ призрѣнія несчастныхъ, который очень тронулъ меня.

Входя въ комнатку, гдѣ хранится бѣлье и разный матеріалъ для работъ, я была поражена выраженіемъ лица надзирательницы этого отдѣленія. Черные глаза страшно подозрительно смотрѣли на меня. Что-то болѣзненное и нервное сказывалось во всѣхъ движеніяхъ ея жалкой фигуры. Уходя изъ этого отдѣленія, я спросила о ней у завѣдующей. Она сообщила мнѣ, что женщина эта—психопатка, изъ числа тѣхъ, которымъ почти невозможно ужиться съ другими людьми. Заброшенная судьбою въ этотъ пріютъ, она и осталась въ немъ. Она оказалась вполнѣ пригодной къ завѣдыванію бѣльевымъ отдѣленіемъ, такъ какъ тамъ она имѣетъ дѣло съ одною только сестрой-завѣдующей и съ остальнымъ міромъ не соприкасается. Она въ высшей степени прилична и исполнительна, на нее иногда только находятъ необъяснимые припадки раздраженія и озлобленія. Тогда завѣдующая старается отвлечь ее какою-нибудь особенною работой, и женщина понемногу входитъ въ норму и ведетъ отвѣтственное дѣло. Такая забота о несчастномъ больномъ субъектѣ—одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и лучшихъ видовъ благотворительности.

Послѣднее отдѣленіе мастерскихъ, куда я вошла, была столярная. Тутъ подъ надзоромъ столяра работало нѣсколько человѣкъ мужчинъ разнаго возраста. Дѣлали самые простые шкафы, кухонные столы, табуреты и садовую мебель. Работали очень дружно. Долго мнѣ тамъ не пришлось пробыть, потому что за стукомъ молотковъ, визга пилъ я не могла разслышать объясненій завѣдующей. Я успѣла только замѣтить, что нѣкоторые изъ работающихъ были не простые рабочіе, а то, что мы привыкли называть людьми интеллигентными. Я тотчасъ же сообщила свое наблюденіе моей спутницѣ, и она мнѣ разсказала, что дѣйствительно это люди не рабочаго класса. При этомъ она сообщила мнѣ, почему изъ всѣхъ ремеслъ она выбрала столярное. «Съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь этимъ дѣломъ,—сказала она мнѣ,—на моихъ глазахъ не мало прошло тѣхъ людей, кото-

рыхъ вы сейчасъ отмѣтили среди другихъ рабочихъ. Это жалкіе люди, которые, поступая къ намъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о физическомъ трудѣ. Но представьте себѣ, что я замѣчаю среди этихъ лицъ особенное расположеніе къ столярничеству. Я даже нахожу, что этотъ родъ занятія благотворно вліяетъ на этихъ людей, которые почти всегда въ тяжеломъ нервномъ состояніи. Я замѣчаю, что они успокоиваются, полируя столы или учась управлять рубанкомъ. Насъ никогда не тяготитъ забота найти работу ремесленнику, но насъ затрудняютъ большею частью эти несчастные интеллигенты, выбитые изъ колеи общественной».

Я не имѣю возможности привести здѣсь всѣ разсказы по-истинѣ трагическіе, которые передавала мнѣ монахиня о лицахъ, попадавшихъ къ нимъ на попеченіе. Но фактъ тотъ, что никто почти не тяготится столярничествомъ. Для этого устроили работу сперва для домашняго обихода, но ремесло это такъ привилось, что приходится оптомъ закупать дерево и можно исполнять большіе заказы. Конечно, все дѣло во всѣхъ мастерскихъ не можетъ идти съ этими случайными работниками, временно живущими въ пріютѣ, и потому каждая мастерская имѣетъ постоянныхъ платныхъ рабочихъ, на которыхъ и лежитъ дѣло и которые учатъ этихъ временныхъ и случайныхъ работниковъ до тѣхъ поръ, пока они не получатъ заработка на сторонѣ.

Количество лицъ живущихъ въ пріютѣ въ годъ доходитъ до трехъ съ половиной тысячъ. Среднимъ числомъ срокъ ихъ пребыванія бываетъ отъ 12 до 17 дней.

Послѣ мастерскихъ мнѣ осталось посмотрѣть только спальное помѣщеніе и столовую. Спальни здѣсь только для женщинъ. Мужчины уходятъ ночевать въ меблированныя комнаты, которыя для нихъ невдалекѣ заарендованы. Спальни большія и чистыя. При большихъ общихъ комнатахъ я замѣтила и нѣсколько маленькихъ. Далѣе я скажу о назначеніи этихъ комнатъ. Внизу помѣщаются кухня и двѣ столовыхъ, мужская и женская. Время приближалось къ обѣду.

Къ 12 часамъ всѣ сходятся сюда, и здѣсь за плату получаютъ на выборъ, какъ въ ресторанѣ, обѣдъ изъ двухъ блюдъ съ зеленью, салатомъ и хлѣбомъ. Блюда готовятся разнообразныя. Стороною впослѣдствіи отъ родственника одной женщины, временно работавшей тамъ, я слышала, что столъ вкусный и сытный. Когда мы изъ столовой вернулись въ пріемную, сестра-завѣдующая еще долго бесѣдовала со мною, подробно объясняя мнѣ веденіе этого дѣла. Цѣль учрежденія стала мнѣ ясна. Такая организація труда при пріютѣ, давая работу нуждающимся, имѣетъ цѣлью ободрить забитаго неудачей и упавшаго духомъ человѣка. Оказывая ему временн помощь работой, имѣется въ виду вывести его изъ бѣдственнаго поло нія и дать ему возможность начать новую жизнь. Веденіе этого дѣла кр не трудно. Оно требуетъ большой вдумчивости со стороны завѣдующ Характеръ лицъ, ихъ происхожденіе, воспитаніе такъ различны, что об нивеллировка въ работныхъ домахъ только еще болѣе унизила бы ч

вѣческое достоинство бѣдняка. Давая же два франка человѣку впередъ, ему довѣряютъ и требуютъ взамѣнъ только готовность работать. Въ выборѣ пищи, въ самостоятельномъ распоряженіи деньгами ему сохраняютъ уваженіе къ его личности. Маленькія комнаты, о которыхъ я упомянула при описаніи спаленъ, служатъ той же цѣли—щадить самолюбіе и человѣческое достоинство людей, часто не по своей винѣ впавшихъ въ ужасное положеніе жить за счетъ благотворительности.

При мнѣ въ одной изъ комнатокъ помѣщалась вдова одного разорившагося купца. Только смерть мужа раскрыла ей ея разореніе. Ея полное незнаніе дѣла довело ее до конкурса, который окончательно пустилъ ее по-міру.

Благодаря такой завѣдующей, какъ сестра St.-Antoine, учрежденіе приноситъ много пользы. Руководящая мысль ея поступковъ до того жизненна, такъ умѣло проведена въ практическую дѣятельность, что трудное дѣло это крѣпнетъ и расширяется съ каждымъ годомъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя было достать денежнаго отчета по этому учрежденію. Изъ словъ завѣдующей я могла только догадаться, что учрежденіе пользуется симпатіями общества, и пожертвованія притекаютъ туда изобильно.

Въ одно и то же время съ этимъ пріютомъ въ 1880 году создалось въ Парижѣ и другое еще учрежденіе для вспомоществованія трудомъ протестантскаго пастора Robin. Оно называется «пріютомъ для мужчинъ безъ крова и работы».

Цѣль пріюта—подать руку помощи человѣку, который временно находится безъ заработка.

Двери пріюта открыты для всѣхъ нуждающихся лицъ безъ различія вѣроисповѣданія, но не безплатно. Чтобы быть принятымъ, надо заплатить за входный билетъ въ полтора франка. Лица, желающія помочь бѣдняку, раздаютъ карточки для входа въ домъ трудолюбія. Разъ принятый туда, онъ пользуется тамъ пріютомъ и заработкомъ. Работа состоитъ въ изготовленіи растопокъ для каминовъ и печей. Администрація пріюта скупаетъ въ дровяныхъ складахъ остатки бракованнаго дерева. Рабочіе разрубаютъ дерево на мелкія палочки, смолятъ ихъ и связываютъ ихъ въ пучки. За 50 пучковъ работникъ получаетъ плату въ полтора франка, которыми онъ и оплачиваетъ свой ночлегъ, столъ и остальной расходъ по мастерской. Если работникъ женатъ и имѣетъ семью, ему предоставляютъ жить съ ней на квартирѣ и получать свой заработокъ сполна деньгами. То, что онъ зарабатываетъ сверхъ полутора франковъ, идетъ въ пользу воскресного стола, на покупку бѣлья и одежды пансіонерамъ. Каждому работающему предоставляется часть свободнаго времени на поиски заработка внѣ пріюта.

Въ прошломъ году учрежденіе это получило домъ съ садомъ и можетъ расширить свою дѣятельность.

Изъ осмотра заведенія и изъ разговоровъ съ директоромъ я узнала, что цѣль пріюта въ томъ, чтобъ, опредѣливъ случайную нужду работающаго

человѣка, отдѣлить его отъ толпы нищихъ и тунеядцевъ, живущихъ на подаяніе близорукихъ благотворителей. Всякій можетъ разрубить маленькій кусокъ дерева и связать пучокъ растопокъ. Человѣкъ, дѣйствительно желающій выйти изъ праздности, возьмется за всякое дѣло. Имѣя этихъ лицъ передъ собою въ теченіе нѣкотораго времени, директоръ опредѣляетъ степень работящности человѣка, и какъ только онъ замѣчаетъ въ немъ стремленіе къ труду, онъ всѣми силами старается найти ему подходящее занятіе. Для этого директоръ находится въ постоянномъ сношеніи съ мастерскими, фабриками и заводами. Число лицъ, которыхъ пріютили въ прошломъ году, было 853 чел. Учрежденіе существуетъ только пожертвованіями, которыя доходили до 21,492 фр. Расходы по дому окупились и остался небольшой капиталъ—около 3,000 фр.—для начала новаго года.

Благотворительныя заведенія, которыя я сейчасъ описывала, представляютъ одинъ типъ организаціи труда. Ихъ задача — не только временно помочь человѣку, но и стараться какъ можно прочнѣе вывести его изъ бѣдственнаго положенія. Но четыре года тому назадъ въ Парижѣ появился другой типъ мастерскихъ, устраиваемыхъ «обществомъ вспомоществованія трудомъ». Мастерскія, открытыя имъ въ разныхъ кварталахъ города, вѣдаютъ нуждающихся въ заработкѣ лицъ только нѣсколько часовъ въ день.

Въ бюро этого общества всякій, кто желаетъ дать бѣдному работу, можетъ купить билетъ на право получить ее въ мастерской.

За трехчасовую работу плата 75 сант.— стоимость входнаго билета.

Для людей, лично извѣстныхъ администраціи за нуждающихся, есть и даровой доступъ, но весьма ограниченный. Женщины шьютъ или выбираютъ льняное сѣмя для аптекъ, клеятъ бумажныя обложки для растопокъ. Шитье предлагается самое обыкновенное: опять тѣ же кухонныя полотенца, тряпки, фартуки и пр. Есть и раздача на домъ шитья, но это по предварительной справкѣ о добросовѣстности женщины. Мужчины изготовляютъ тѣ же растопки. Зданіе, въ которомъ помѣщаются мастерскія, не велико, и само по устройству своему интереснаго ничего не представляетъ.

Осмотрѣвъ это учрежденіе, я вынесла оттуда впечатлѣніе дѣла новаго и плохо поставленнаго. Стоитъ оно очень дорого, а какой пользы достигаетъ—понять трудно. Директоръ хотя и указываетъ на значеніе труда въ помощи, какъ возвышающее человѣческую душу, но изъ постановки дѣла я увидѣла только замаскированную подачу милостыни. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вліяніи на человѣческую душу, должно быть больше вниманія къ индивидуальности человѣка. Да и сама работа, почти механическая, показалась мнѣ скорѣе деградирующею человѣческую личность. Когда я сд наблюденіе сообщила лицамъ, заинтересованнымъ въ разработкѣ вопрос организаціи труда, я нашла подтвержденіе моего взгляда на эту масте скую. Она оказалась, по мнѣнію людей компетентныхъ, еще дѣломъ да ко въ своихъ основаніяхъ неустойчивымъ. На содержаніе этихъ масте скихъ истрачено было въ прошломъ году около 71,000 фр. Работало 2' человѣкъ.

Въ такомъ же родѣ, но въ меньшихъ размѣрахъ и болѣе цѣлесообразно устроены въ трехъ бѣднѣйшихъ кварталахъ Парижа три женскія мастерскія.

Туда принимаютъ женщинъ работать по ихъ личной просьбѣ, но предварительно о нихъ наводятъ тщательныя справки. Доступъ туда имѣютъ тѣ, которыя по справкѣ окажутся: вдовыми или женами, брошенными мужемъ, женами при больномъ мужѣ и матерями большихъ семействъ. Работа въ этой мастерской начинается только съ 12 часовъ дня и продолжается до 6 часовъ вечера. Женщинѣ даютъ возможность убраться дома, приготовить обѣдъ и вернуться къ ужину. Если принять во вниманіе, что парижская благотворительность помогаетъ всѣмъ членамъ семьи, то понятно, что и женщина подвергается той же заботѣ. Утромъ она, проводивъ мужа въ мастерскую или на службу, дѣтей въ школу, въ денной пріютъ и отдавъ младшаго въ ясли, свободно можетъ уйти изъ дому. Плата за работу 1 фр. 20 сантимовъ—вдвое больше того, что она получила бы въ другомъ мѣстѣ, потому что она работница не спеціалистка. Въ Парижѣ дѣлаютъ большую разницу въ платѣ между настоящей швеей, портнихой, бѣлошвейкой и просто женщиной, умѣющей шить. Эти 1 франкъ 20 сантимовъ—большое подспорье въ парижской семьѣ рабочаго. Контингентъ работающихъ состоитъ изъ старыхъ женщинъ, торговокъ ягодами или овощами и просто поденщицъ, ходящихъ по квартирамъ справлять хозяйство одинокихъ людей. Во избѣжаніе того, чтобъ онѣ не полагались вполнѣ на заработокъ, а старались найти его въ самомъ Парижѣ, онѣ могутъ работать въ мастерской всего двѣ недѣли и возвращаться только по истеченіи шести мѣсяцевъ. Работа, которую онѣ дѣлаютъ, крайне не затѣйлива. Онѣ шьютъ тѣ вещи, которыя члены благотворительныхъ обществъ жертвуютъ въ ихъ же кварталъ на ясли, пріюты и школы, или перешиваютъ старыя вещи, также жертвованныя.

Разъ въ недѣлю онѣ имѣютъ право чинить свои вещи. Я думаю, что среди остальныхъ благотворительныхъ учрежденій въ кварталѣ мастерскія такія чрезвычайно полезны. Администрація, хорошо изучивъ условія быта рабочихъ и вообще населенія своего квартала, слѣдитъ очень зорко за семьями въ своемъ районѣ и разумною помощью *во-время* не допускаетъ семью дойти до полнаго разоренія, изъ котораго вывести ихъ было бы гораздо труднѣе.

Нечего и говорить, что этого рода мастерскія, какъ и всѣ мною описанныя, себя не окупаютъ, а существуютъ на пожертвованія. Но иначе) и не можетъ быть, потому что это учрежденія благотворительныя, которыя преслѣдуютъ иныя задачи, чѣмъ промышленныя предпріятія. Лица, торыхъ вѣдаетъ благотворительность, обыкновенно не возвращаютъ всѣхъ тратъ на нихъ.

Заканчивая обзоръ благотворительныхъ мастерскихъ, я считаю своимъ гомъ упомянуть еще объ одной, которая хотя и недавно стала извѣстно заслуживаетъ полнаго вниманія по симпатичной и крайне важной

основной мысли своей — временно пріютить дѣтей, находящихся въ нравственной опасности.

Учрежденіе г. Ролле Institut Rollet находится на Rue de l'ancienne Comédie и носитъ характеръ рабочаго дома для юношей—«maison de travail pour les adolescents». Въ это учрежденіе можетъ явиться всякій молодой человѣкъ отъ 13 до 18 лѣтъ, не имѣющій заработка. Ему въ обмѣнъ за довольно легкій денной трудъ даютъ ночлегъ и столъ. Если онъ выкажетъ готовность работать, присматриваются къ его способностямъ и пріискиваютъ ему мѣсто. Трудъ состоитъ въ приготовленіи этикетовъ и въ сортированіи сѣмянъ. Такъ какъ, не взирая на правило, приходится считаться съ жизнью, то въ пріютъ принимаютъ дѣтей и моложе 13 лѣтъ, и тогда они пользуются уроками. Для этой цѣли при мастерской устроена и маленькая школа. Для старшихъ по вечерамъ читаютъ лекціи ученики école normale. Иногда дѣти являются сюда по собственному желанію, иногда ихъ приводитъ полиція или ихъ посылаютъ люди, сочувствующіе основной идеѣ учрежденія—спасти дѣтей отъ улицы и отъ паденія. Я видѣла, напримѣръ, тамъ мальчика-мученика, котораго надо было спасти отъ психопатической матери. Она такъ ненавидѣла сына, что подвергала его всякимъ жестокостямъ, разсчитывая на то, что онъ умретъ. Есть еще дѣти, которыя убѣгаютъ отъ родителей просто изъ любви къ бродяжничеству. Полиція, подобравъ ихъ гдѣ-нибудь въ общественномъ саду, приводитъ въ пріютъ, гдѣ стараются ихъ отучить отъ бродяжничества и, подержавъ немного, находятъ имъ занятія по вкусу. Иногда бываютъ случаи, гдѣ мальчикъ убѣгаетъ отъ ненавистнаго ему ремесла, напримѣръ слесарнаго, и молитъ помѣстить его въ деревню на сельскія работы и, по пріисканіи такого мѣста, уживается тамъ. Нѣкоторыя стремятся къ выселенію въ колоніи или въ Америку. Трудно бываетъ иногда съ иностранцами. При мнѣ взяли двоихъ португальцевъ, которые ни слова не говорили по-французски. Иностранцевъ стараются выслать обратно на родину.

Я была свидѣтельницей еще такого случая. При мнѣ пришелъ молодой человѣкъ лѣтъ 16, страшно взволнованный, и сталъ разсказывать, что его ночью обокрали въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ онъ, пріѣзжій изъ дальней провинціи, остановился до пріисканія работы. Наканунѣ вечеромъ онъ познакомился съ какими-то господами, ужиналъ съ ними, легъ спать и на утро не нашелъ у себя въ комнатѣ своего чемодана, куда онъ вмѣстѣ съ пожитками убралъ и деньги. Такъ какъ оставаться ему въ этомъ помѣщеніи безъ денегъ нельзя было, онъ пошелъ бродить по Парижу, и вотъ ему указали на пріютъ, куда онъ и пришелъ въ очень подавленномъ настроеніи и крайне сконфуженный. Директоръ заведенія, чрезвычайно симпатичный человѣкъ, обошелся съ нимъ съ большимъ тактомъ. Разспросивъ его вкратцѣ о его горѣ, онъ не сталъ его долго томить рѣшеніемъ его участи. Пріемъ совершается очень просто. «Если ты правду говоришь, мой другъ,—сказалъ ему директоръ, очень серьезно посмотрѣвъ ему въ глаза — иди наверхъ, тамъ работа для тебя найдется, если захочешь работать.

Напиши своимъ родителямъ, можетъ быть, они тебѣ опять помогутъ справиться». Съ этими словами передалъ его своему помощнику, который и повелъ его работать.

Изъ отчета за прошлый годъ видно, что было принято 1,035. Изъ нихъ для 343 найдено занятіе. Изъ 1,035 человѣкъ 217 были круглыя сироты; дѣтей вдовъ, вдовцовъ, разведенныхъ родителей и незаконнорожденныхъ—492, а дѣтей при родителяхъ—296.

Дѣти не ночуютъ при мастерской. Спальни ихъ находятся за городомъ въ Plaisance. Средствъ денежныхъ при основаніи учрежденія было очень мало, но энергія основателей не остановилась передъ этимъ недостаткомъ. Какъ только имъ пожертвовали помѣщеніе подъ мастерскую въ центрѣ Парижа, они выпросили у военнаго министерства бараки въ Plaisance, и дѣти спали тамъ. Теперь, кажется, переведутъ въ лучшее помѣщеніе. Учрежденіе это нашло большое сочувствіе въ обществѣ Patronage de l'enfance et de l'adolescence, а въ лицѣ дочери нынѣшняго президента Фора видитъ себѣ большую покровительницу. Она основала въ Парижѣ Ligue fraternelle de l'enfance,— общество, которое имѣетъ цѣлью соединить братскимъ союзомъ обезпеченное юношество съ дѣтьми-сиротами. Institution Rollet является ближайшимъ средствомъ въ дѣятельности этого союза. По всему видно, что учрежденіе это должно развиться широко. Уже если взрослому человѣку, въ минуту превратности судьбы, протягиваютъ руку помощи, то, конечно, еще болѣе нуждается въ помощи несчастная юность, предоставленная круговороту городской жизни.

Описывая подобнаго рода учрежденія Западной Европы, я имѣю въ виду познакомить читателей не съ чужеземнымъ, а съ общимъ всему человѣчеству проявленіемъ милосердія, умѣло проведеннаго въ жизнь. Католическая ли монахиня, протестантскій ли пасторъ, или просто частное лицо, не все ли равно, кто сумѣлъ понять нужду, окружающую насъ, кто нашелъ въ себѣ силу и умѣнье состраданіемъ и милостью поднять человѣческую личность и сберечь намъ человѣка? Лишь бы они показали своимъ примѣромъ, что такая забота практически осуществима.

Маргарита Сабашникова.

Наша нефтяная промышленность.

Бѣлой нефти тысячу пудъ, или сколько возможно прислать, да поискать здѣсь мастера.
(Изъ письма Петра I къ генералу Матюшкину.)

Русское нефтяное дѣло являетъ собою едва ли не единственный у насъ примѣръ быстраго и самостоятельнаго развитія. Въ относительно короткое время, въ теченіе какихъ-нибудь 30—35 лѣтъ, оно достигло цвѣтущаго положенія и заняло одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей промышленности. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ пышный расцвѣтъ смѣнился медленнымъ увяданіемъ,—надъ юною промышленностью разразился тяжелый и продолжительный кризисъ, которому не видно было и конца. Но съ 1894 г. началось быстрое оживленіе нефтяныхъ дѣлъ: поднялись цѣны на нефть, остатки и керосинъ, и около кавказскихъ нефтяныхъ источниковъ снова закипѣла жизнь. Бросились бурить, искать фонтановъ, начались поиски на новыхъ мѣстахъ, капиталы опять потекли къ нефтянымъ предпріятіямъ.

Въ виду возросшаго интереса къ нефтянымъ дѣламъ и значительнаго оживленія предпріимчивости въ поискахъ нефти, можетъ быть, не лишнимъ будетъ очеркъ современнаго положенія нашей нефтяной промышленности, занимающей въ промышленной жизни Россіи столь видное мѣсто.

Подобно сказочному богатырю, богатырская сила, скрытая въ нефти, цѣлые вѣка таилась въ нѣдрахъ земныхъ, пока наконецъ человѣкъ сталъ пользоваться ею для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Жидкая нефть, какъ и родственныя ей твердыя вещества, образовавшіяся изъ нея путемъ испаренія и окисленія (горная смола, горный воскъ, асфальтъ) были извѣстны уже въ самой глубокой древности и о нихъ нерѣдко упоминается въ первыхъ произведеніяхъ письменности (наприм. въ Библіи). Многіе древніе писатели говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ о нефти и асфальтѣ, ихъ свойствахъ и примѣненіяхъ, а также о сопровождающихъ нефть горючихъ газахъ (вѣчные огни). По свидѣтельству Плинія, нѣкоторые источниковъ Агригента примѣняли для освѣщенія въ лампахъ подъ наз

ніемъ сициліанскаго масла, а также пользовались ею какъ лѣкарствомъ и для смазки.

Нефть и ея спутники (асфальтъ, горная смола и т. п.) въ своихъ поверхностныхъ выдѣленіяхъ не могли не обратить на себя вниманія древнихъ. Жидкая нефть нерѣдко выступала изъ своихъ подземныхъ скопленій на поверхность земли черезъ трещины горныхъ породъ и проницаемые почвенные слои, собиралась въ небольшія озерца, всплывала на поверхность близъ лежащихъ водъ и пропитывала рыхлыя породы. Здѣсь она испарялась, окислялась и такимъ образомъ мало-по-малу превращалась въ горный деготь, горную смолу, асфальтъ, киръ, горный воскъ и т. п. вещества.

Кавказскіе источники на Апшеронскомъ полуостровѣ также стали извѣстны уже съ древнѣйшихъ временъ, и здѣсь, у истоковъ горючаго газа, издавна пріютился культъ огнепоклонниковъ. Есть указанія, что здѣсь въ ихъ храмахъ горѣли священные неугасаемые огни еще въ VI вѣкѣ до Р. Х. Послѣ покоренія Персіи арабами, не пожелавшіе принять исламъ персы бѣжали въ Индію и образовали тамъ и понынѣ еще существующую секту гебровъ или парсовъ. Они построили въ Баку храмы и зажгли въ нихъ алтари вѣчнаго огня. Одинъ изъ этихъ храмовъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ у селенія Сураханы, рядомъ со старымъ заводомъ Бакинскаго нефтяного общества (индійскій монастырь Аатешъ-Га). Жрецы-огнепоклонники жили здѣсь еще въ началѣ 70-хъ годовъ *) для того, чтобы поддерживать въ уцѣлѣвшемъ храмѣ священный огонь. Теперь храмъ этотъ опустѣлъ навсегда, такъ какъ отправленіе службы и совершеніе религіозныхъ обрядовъ въ немъ воспрещено русскимъ правительствомъ.

Храмъ и до сихъ поръ хорошо сохранился. Это—массивное квадратное оштукатуренное каменное зданіе. Съ внутренней стороны рядъ входовъ, ведущихъ въ кельи. Посрединѣ храма четыреугольный низкій камень съ круглымъ отверстіемъ посрединѣ, въ которое вертикально пропущена желѣзная труба, выводящая газъ. Здѣсь сожигали умершихъ огнепоклонниковъ, и собранный въ кувшины пепелъ отправляли въ Индію. Днемъ огней было почти не видно. Ночью же храмъ гебровъ, по свидѣтельству путешественниковъ, представлялся настоящимъ волшебнымъ замкомъ. Вьющіеся огненные языки съ причудливыми эффектами освѣщали эту пустынную и мрачную мѣстность; по временамъ они совсѣмъ исчезали, унесенные порывомъ вѣтра, чтобы вновь появиться среди наступившей тьмы еще ярче и красивѣе.

Вотъ какъ описываетъ храмъ гебровъ петербургскій академикъ Гмелинъ въ своемъ *Путешествіи по Россіи* въ 1771 г.: «Въ три часа, ѣдучи верхомъ, можно доѣхать до неугасаемаго огня. Мѣсто сіе, если приложить къ нему уголь или другое горючее вещество, загарается и пламень безпрестанно сильно продолжается, если его нарочно не потушить, а сіе не

*) На московской политехнической выставкѣ 1872 г. была изображена группа бакинскихъ гебровъ въ моментъ совершенія ими религіознаго обряда.

иначе учинить можно, развѣ станешь заметывать землею или заливать довольнымъ количествомъ воды. Пламень бываетъ изъ синя-желтый, который при тихой погодѣ и способствующемъ вѣтрѣ поднимается въ вышину на нѣсколько футовъ и, само собою, какъ я уже сказывалъ, никогда не погасаетъ. Сей неугасимый огонь бакинскимъ жителямъ съ изрядною пользою служитъ для жженія извести. Жительство, которое нѣкоторые индійскіе странственники на семъ мѣстѣ избрали, дѣлаетъ его еще славнѣе. Они суть потомки древнихъ гебровъ. Они почитаютъ сей неугасимый огонь за нѣчто чрезвычайно святое и за знакъ божества, которое себя людямъ ни въ чемъ чище и ни въ чемъ совершеннѣе представить не можетъ, какъ въ огнѣ и свѣтѣ,—яко такомъ веществѣ, которое столь чисто, что болѣе къ тѣламъ причислено быть не можетъ. Сіи благоговѣйные люди изъ Индіи ходятъ для спасенія къ сему неугасаемому огню въ Баку и тамъ воздаютъ свое со страхомъ соединенное почтеніе вѣчному существу столь трогающимъ образомъ, что, разсуждая объ ономъ, о сихъ людяхъ совсѣмъ другое понятіе получимъ, нежели какое обыкновенно имѣемъ мы объ язычникахъ. Вокругъ того мѣста, гдѣ безпрестанно огонь горитъ, имѣютъ они сдѣланные храмы отъ 12—20 фут. вышиною, внутри со сводами. Теперь сихъ странственниковъ только трое... Они ходятъ совсѣмъ наги и головы у нихъ обриты. Питаются сырыми кореньями и плодами. Если представить скелетъ, на которомъ натянута черная кожа, то будешь имѣть понятіе объ образѣ спасающагося при Бакѣ индѣйца».

Марко Поло, извѣстный путешественникъ XIII в., говоритъ, что нефть вывозится изъ Баку на верблюдахъ и идетъ главнымъ образомъ для освѣщенія и для лѣченія чесотки у домашнихъ животныхъ. «Нефть здѣсь,—пишетъ онъ,—въ изобиліи, и мѣстами съ силою бьютъ масляные фонтаны».

Лерхе, посѣтившій Баку въ 1735 г., пишетъ, что въ Балаханахъ, было 52 нефтяныхъ кладезя, посредствомъ коихъ великій тогда отправлялся торгъ. Нефть изъ кладезя выливаютъ въ большія и глубокія каменныя ямы и возятъ въ Баку на арбахъ, въ большихъ кожаныхъ мѣшкахъ. Нефть во всѣхъ домахъ употребляется какъ топливо (отъ густого дыма всѣ дома имѣютъ черный цвѣтъ) и какъ средство противъ ревматизма и цынги. Въ качествѣ внутренняго средства вылѣчиваетъ отъ каменной болѣзни и, можетъ быть, нефти нужно приписать, что моровая язва миновала Баку. Главное же примѣненіе нефти и тогда было для освѣщенія въ глиняныхъ горшкахъ (чиракахъ). О свойствахъ нефти Лерхе пишетъ, что она темнобураго цвѣта, но при перегонкѣ дѣлается свѣтлою, какъ спиртъ.

Бакинскіе нефтяные источники прежде принадлежали Персіи и отошли къ Россіи при Петрѣ Великомъ въ 1723 г. послѣ того, какъ Баку бы взятъ приступомъ генераломъ Матюшкинымъ. Съ своею обычною прозо ливостью Петръ обратилъ особенное вниманіе на бакинскую нефть и н однократно дѣлалъ относительно ея разныя распоряженія. Въ 1735 г при Аннѣ Іоанновнѣ Баку было возвращено Персіи и только въ 181 окончательно присоединено къ Россіи.

Въ концѣ 20-хъ гг. бакинскіе нефтяные источники были отданы на откупъ, который продолжался почти до 1872 г. Во время откупной монополіи нефтяная промышленность находилась въ полнѣйшемъ застоѣ. Нефть добывалась первобытнымъ способомъ, колодцами, въ незначительномъ количествѣ и употреблялась исключительно почти въ необработанномъ видѣ, главнымъ образомъ въ домашнемъ хозяйствѣ: для освѣщенія въ чирагахъ, для смазки кожъ, колесъ, конской утвари, для предохраненія скота отъ накожныхъ болѣзней и т. п.

Еще въ 1872 г. въ окрестностяхъ Баку нефть повсемѣстно добывалась изъ неглубокихъ колодцевъ (10—21 саж.), суточный притокъ въ которыхъ колебался между 100—1,000 пуд. Начиная съ 1863 г., когда изъ 102 колодцевъ глубиною 5—13 саж. и суточнымъ притокомъ 2—6 пуд. (въ лучшихъ случаяхъ 20—90 пуд.) было добыто всего около 300,000 пуд., производительность колодцевъ, по мѣрѣ ихъ углубленія, все болѣе и болѣе возрастала, и уже въ 1872 году общая добыча нефти достигла 1.800,000 пуд.

Съ отмѣной откупа нефтяная промышленность начала быстро развиваться. Казенные источники сдавались въ аренду и мало-по-малу переходили въ собственность частныхъ лицъ. Поднялись цѣны на нефтяные участки, начали усиленно бурить, повсюду появились локомобили, механическія мастерскія. Первая здѣсь *) буровая скважина, составившая эпоху въ кавказской нефтяной промышленности, была заложена въ 1872 г. въ Балаханахъ на II группѣ Мирзоевымъ. Добыча нефти послѣ этого стала быстро возрастать, а цѣна на нее, достигавшая при откупѣ 45 к. за пудъ, начала быстро падать.

Перегонку нефти, или, какъ встарину говорили, очищеніе черной нефти въ бѣлую, впервые на Кавказѣ начали производить въ 1823 г. крестьяне графини Паниной (Владимірской губ., Гороховецкаго уѣзда) братья Дубинины. Они устроили въ г. Моздокѣ маленькій заводикъ для очищенія черной нефти въ бѣлую изобрѣтеннымъ ими способомъ и въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ занимались перегонкой грозненской нефти на примитивномъ, ими самими устроенномъ, аппаратѣ. Получаемую на своемъ заводѣ бѣлую нефть они продавали въ Москвѣ, въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ аптеки. Эти піонеры нефтяного дѣла на Кавказѣ, не имѣя достаточнаго оборотнаго капитала, неоднократно обращались съ просьбами къ администраціи о безвозмездномъ отпускѣ нефти изъ казенныхъ грозненскихъ источниковъ; но въ этой просьбѣ имъ было однако отказано, и дѣло, которое они завели и пытались развить съ невѣроятными трудами и настойчивостью, погибло въ зачаткѣ.

Собственно въ Баку первый заводъ былъ построенъ въ 1864 г. бакинскимъ жителемъ Меликовымъ. Не имѣя необходимыхъ денежныхъ средствъ, онъ

*) Первая буровая скважина для добычи нефти на Кавказѣ была заложена на Кубани, около Анапы.

долженъ былъ начать дѣло въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и, въ безплодныхъ поискахъ кредита и довѣрія къ своему дѣлу, скоро совсѣмъ разорился. Слѣдуя его примѣру, и другіе стали строить перегоночные заводы. Но во время откупной системы керосиновое производство развивалось столь медленно, что въ 60-хъ годахъ русскіе рынки были наводнены американскимъ керосиномъ, который, благодаря своимъ превосходнымъ качествамъ, быстро завоевалъ себѣ прочное положеніе.

Въ крупныхъ размѣрахъ обработка русской нефти началась въ 60-хъ гг. на Сураханскомъ заводѣ. Баронъ Торнау и Кокоревъ, стоявшій тогда во главѣ Закаспійскаго торговаго товарищества, задумавъ основать здѣсь заводъ, предложили постройку его знаменитому Либиху. Предполагалось готовить керосинъ изъ кира, въ изобиліи добываемаго при горѣ Кирмаку; но изъ кира получалось всего 15—20% плохого желтаго керосина. Тогда вмѣсто кира начали перегонять балаханскую нефть, причемъ керосинъ получался лучшаго качества и въ большемъ количествѣ.

Въ 1873 г. нефтяная промышленность была обложена акцизомъ, который хотя въ общемъ не превышалъ 300 тыс. руб. въ годъ, но, благодаря неудачному способу взиманія, сильно тормозилъ дальнѣйшее развитіе нефтяной промышленности. Обложеніе по емкости перегонныхъ кубовъ и скорости перегонки понуждало по возможности ускорять перегонку. Чѣмъ скорѣе гнали, тѣмъ хуже былъ керосинъ. Благодаря присутствію бензиновъ, онъ былъ огнеопасенъ, а содержа много тяжелыхъ частей, онъ дурно горѣлъ въ лампахъ. Производство смазочныхъ маслъ совсѣмъ не могло развиваться, такъ какъ оно требуетъ медленной перегонки. Въ изобиліи скоплявшіеся на заводахъ нефтяные остатки не имѣли въ то время никакихъ примѣненій и ихъ массами уничтожали; время отъ времени на поляхъ, окружающихъ Баку, устраивали импровизированную иллюминацію, истребляя непроизводительно сотни пудовъ весьма цѣннаго топлива.

Мы говорили уже, что до 1872 г. въ окрестностяхъ Баку повсюду можно было видѣть неглубокіе нефтяные колодцы. Нефть вычерпывали изъ нихъ бурдюками при помощи лошадиной силы, веревки и блока. Бурдюки съ нефтью подвѣшивали къ двухколеснымъ арбамъ на высокихъ (около 1 саж.) колесахъ, приспособленныхъ для ѣзды по песчаной мѣстности, и такъ везли на заводы въ Баку. Съ 1872 г. здѣсь начинается буреніе и уже въ іюнѣ 1873 г. на XIV группѣ компаніи Халафи ударилъ 1-й обильный фонтанъ (извѣстный подъ именемъ Вермишевскаго). Фонтанъ этотъ бушевалъ безостановочно цѣлыхъ 4 мѣсяца, залилъ всѣ окрестности и образовалъ нѣсколько большихъ озеръ. Кромѣ Балахановъ начали бурить на частныхъ земляхъ въ Сабунчи, Романы, Забраты, Биби-Эйбатъ. Когда въ Сабунчи была найдена отличнаго качества нефть, здѣсь скоро выросъ лѣсъ буровыхъ вышекъ и образовался знаменитый «Шайтанъ базаръ». Въ 1875 г. здѣсь на XIII группѣ ударилъ столь бурный фонтанъ, что онъ быстро образовалъ нѣсколько большихъ нефтяныхъ озеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ были сожжены, чтобъ освободить мѣсто для буренія.

страшное зарево чудовищнаго, искусственно воспроизведеннаго пожара, живымъ укоромъ невѣжеству, нѣсколько дней освѣщало бакинскій небосклонъ.

Съ 1877 г., когда акцизъ былъ наконецъ отмѣненъ, нефтяное дѣло начинаетъ быстро развиваться. Усиливается буреніе, увеличивается выработка керосина, цѣны на него падаютъ, перегонку начинаютъ вести болѣе раціонально, качества русскаго керосина улучшаются, а ввозъ американскаго постепенно уменьшается. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ выработка новыхъ товаровъ (смазочныхъ маслъ, астралина, пironафта) и начинается вывозъ русскихъ нефтяныхъ продуктовъ за границу. Фонтаны стали появляться все чаще и чаще, а такъ какъ не было никакихъ приспособленій для ихъ регулированія, а равно собиранія и храненія выбрасываемой ими нефти, то они являлись настоящимъ бременемъ для владѣльцевъ и почти несчастіемъ для всей промышленности. Цѣны падали послѣ каждаго фонтана. Владѣлецъ сплошь и рядомъ несъ большіе убытки (вознагражденіе сосѣдей, если фонтанъ причинилъ имъ убытки, расходы по регулированію и проч.). Наконецъ, нерѣдко случавшіеся пожары фонтановъ дѣлали несчастіе еще болѣе чувствительнымъ.

Если фонтанъ загорится, то огненная струя взвивается на высоту нѣсколькихъ десятковъ саженъ, обливая окрестности буровой скважины огненнымъ дождемъ и на далекое разстояніе освѣщая городъ и окрестности. Обычными средствами остановить такой пожаръ невозможно. Онъ продолжается иногда нѣсколько сутокъ и прекращается или самъ собою, или, благодаря какой-нибудь случайности (когда, наприм., порывомъ вѣтра оторветъ пламя).

Причину фонтановъ нужно искать въ тѣхъ горючихъ газахъ, которые сопровождаютъ нефть и, находясь въ сильно сжатомъ состояніи, выбрасываютъ ее на болѣе или менѣе значительную высоту, что всегда сопровождается особымъ гуломъ. Если пласты, проникнутые нефтью и газами, будутъ сообщены посредствомъ буровой скважины съ земною поверхностью, то газы устремляются въ буровую, давленіе ихъ быстро падаетъ, нефть сразу выдѣляетъ массу газовъ и паровъ и выбрасывается въ видѣ фонтана.

Въ такъ называемыхъ періодическихъ фонтанахъ извержения происходятъ съ перерывами. Фонтанъ на нѣсколько минутъ или часовъ какъ бы прекращается и затѣмъ начинаетъ бить съ прежнею силой, выдѣляя съ шумомъ и свистомъ газы, производя подземный гулъ, сопровождаемый слабымъ колебаніемъ почвы. Происходитъ это отъ засоренія. Образуется песчаная пробка, которую черезъ извѣстное время выбиваетъ напоромъ газовъ. Вмѣстѣ съ нефтью выбрасываются вода, илъ, песокъ, камни (до $1^1/_2$ пуд. ѣсомъ). Высота струи достигаетъ 50 и болѣе саженъ. Фонтаны дѣйствуютъ отъ нѣсколькимъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда 1—2 года, выкидывая въ сутки болѣе или менѣе значительныя количества, иногда сни тысячъ пудовъ. Если нѣтъ достаточнаго количества резервуаровъ, фть образуетъ вокругъ буровой скважины озера, а выбрасываемый изъ ажины песокъ насыпаетъ около нея высокіе песчаные валы.

Особенною силой отличался бившій въ 1887 г. фонтанъ Горнаго товарищества. Онъ выкидывалъ по 300 т. п. въ сутки, сокрушая всѣ препятствія, разбивая доски, перерѣзая рельсы и пр. Вѣтеръ уносилъ брызги нефти и песокъ до самаго Баку и бакинскіе дома, отстоящіе болѣе 12 в., покрывались нефтянымъ дождемъ.

Все-таки фонтаны сравнительно рѣдки и процентъ фонтанныхъ буровыхъ обыкновенно не великъ. Полученіе фонтана составляетъ завѣтную мечту всякаго нефтепромышленника. Обычный порядокъ добычи нефти, выкачиваніе ея изъ буровой насосомъ или обычное въ Баку вычерпываніе металлическимъ узкимъ и длиннымъ ведромъ (желонкой), такъ называемое тартаніе (по мѣстному выраженію), сопряжено съ извѣстными расходами, тогда какъ фонтанъ даетъ нефть даромъ и притомъ всегда въ огромныхъ количествахъ. Поэтому фонтанную нефть обыкновенно предлагаютъ по самой низкой цѣнѣ, чтобы только можно было своевременно убрать ее. При тѣхъ цѣнахъ, при которыхъ владѣлецъ тартанной нефти несетъ убытки, владѣлецъ фонтанной можетъ нажить капиталъ. Вотъ почему обиліе фонтановъ ставитъ въ критическое положеніе нефтяной рынокъ.

Хотя нефть принадлежитъ къ числу такихъ произведеній природы, которыя широко распространены на землѣ, но обильные источники встрѣчаются рѣдко и ихъ до сихъ поръ извѣстно немного. Важнѣйшіе изъ нихъ въ Соединенныхъ Штатахъ—главнымъ образомъ въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи, Огайо, Зап. Вирджиніи и у насъ на Кавказѣ. Хотя выходы нефти извѣстны по всему сѣверному и южному предгорьямъ Кавказскаго хребта, но мѣстомъ интенсивнаго проявленія на Кавказѣ горючихъ газовъ, нефтяныхъ и минеральныхъ источниковъ и усиленной дѣятельности грязевыхъ вулкановъ является Апшеронскій полуостровъ.

Верстахъ въ 12 отъ Баку на сѣверо-востокъ, на плоской возвышенности, у подошвы дѣйствующаго грязевого вулкана Богъ-бога, раскинулись татарскія деревеньки Балаханы и Сабунчи съ своими знаменитыми нефтяными источниками. Ровная, слегка волнистая мѣстность Балахано-сабунчинской площади почти сплошь покрыта невысокими холмами и оврагами, по которымъ повсюду разсыпаны нефтяные источники и залежи кира. Къ виноградным садамъ Сабунчинской дачи примыкаетъ Романинская (около деревни Романы) и далѣе Забратская (около деревни Забраты), образующія «Золотой базаръ», гдѣ въ послѣднее время бурятъ съ большимъ успѣхомъ и гдѣ теперь добываются значительныя количества нефти. Вся эта нефтеносная площадь занимаетъ около 10 кв. в. Важное промышленное значеніе имѣютъ также Биби-Эйбатскіе нефтяные источники близъ селенія Би Эйбатъ, въ 5 в. къ югу отъ Баку. Здѣсь имѣются всѣ условія, благопрі ныя для развитія нефтяного дѣла,—въ одномъ мѣстѣ сосредоточены быча, обработка и отправка. Рядомъ съ буровыми скважинами заводи морская пристань, тогда какъ отъ Балахано-сабунчинской площади Баку или собственно той его части, гдѣ находятся заводы (Черный и

лый городъ), 12—15 в., и нефть перекачивается съ промысловъ на заводы и съ заводовъ на пристань по трубопроводамъ.

По всему Апшеронскому полуострову разсѣяны невысокіе холмы съ коническими вершинами, такъ называемые грязевые вулканы, извергающіе солоноватую грязь, нефть, газы. Мѣстами полуостровъ пересѣченъ неглубокими, но широкими, иногда замкнутыми долинами, и покрытъ летучими песками, среди которыхъ то тамъ, то здѣсь проявляются солончаки (шоры), соляныя озера и грязевые вулканы. Озера лѣтомъ осаждаютъ соль, а часто и совсѣмъ пересыхаютъ.

На всемъ полуостровѣ крайне бѣдная растительность. Повсемѣстно солонцеватая почва или сыпучіе пески, вздымающіеся настоящими песчаными смерчами во время почти постоянно дующихъ здѣсь вѣтровъ. Къ этому нужно прибавить крайній недостатокъ прѣсной воды, даже для питья и приготовленія пищи. Прѣсноводные колодцы здѣсь большая рѣдкость.

Тотъ же унылый видъ имѣютъ и окрестности Баку, гдѣ кипитъ теперь ключомъ промышленная жизнь. Кажущаяся издали совершенно оголенною желтая почва покрыта солончаковыми растеніями и нѣкоторыми травами (верблюжья колючая и т. п.). Около селеній виднѣются, впрочемъ, посѣвы пшеницы, виноградные сады, фиговыя и оливковыя деревья, даже огурцы, арбузы, дыни. Но ихъ культура здѣсь требуетъ огромнаго труда. Апшеронскій полуостровъ—страна бездождія и сухого тропическаго зноя. Лѣтомъ обыкновенно не выпадаетъ ни капли дождя. Нѣкоторое освѣженіе приноситъ часто дующій здѣсь нордъ, но онъ обыкновенно налетаетъ съ такой ужасающею силой, что иногда опрокидываетъ даже экипажи и буквально засыпаетъ Баку и его окрестности пескомъ и пылью. Отсутствіе зелени и прѣсной воды придаетъ окрестностямъ видъ безжизненной песчаной пустыни. Непривычному человѣку становится жутко среди такихъ условій существованія.

Грязный захолустный городъ съ водвореніемъ здѣсь нефтяной промышленности быстро разросся и пріобрѣлъ значеніе крупнаго промышленнаго центра на Кавказѣ. Народонаселеніе и благоустройство Баку замѣтно растетъ. Мало-по-малу улучшаются и условія жизни. Строятся шоссейныя дороги, водопроводы, учреждены школы, больницы, пожарныя команды, введено электрическое освѣщеніе и пр. Многіе помнятъ, когда ничего этого не было въ Баку и когда вся бакинская промышленность находилась въ первобытномъ состояніи.

Еще въ 70-хъ годахъ доставка нефти съ балаханскихъ промысловъ къ водамъ производилась въ бурдюкахъ на арбахъ. Благодаря отсутствію стительности, содержаніе скота здѣсь затруднительно, а поэтому съ увеченіемъ добычи нефти стоимость перевозки стала быстро увеличиваться. товый керосинъ изъ Баку отправляли въ эмальированныхъ бочкахъ момъ, главнымъ образомъ на парусныхъ судахъ, къ устьямъ Волги; на 9 тахъ онъ перегружался въ рѣчныя суда и въ нихъ шелъ до Нижняговгорода. Это былъ въ то время главный и почти единственный складочный

пунктъ для нефтяныхъ товаровъ, откуда они развозились по всей Россіи. Существовавшій уже въ 1876 г. складъ въ Царицынѣ не имѣлъ еще тогда такого важнаго значенія, какое онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ не было правильнаго распредѣленія продукта пропорціонально существующей въ немъ потребности; южная и западная часть Россіи оставались еще открытыми для американскаго керосина. Фрахты по Каспійскому морю, при недостаткѣ парусныхъ судовъ, были довольно высоки. Особенно дорого обходились бочки (40—45 к. на 1 пудъ керосина). Дерево закупалось въ Россіи за годъ впередъ, привозилось въ Баку и тамъ въ спеціально устроенныхъ бондарняхъ превращалось въ бочки. Трудъ бондарей съ увеличеніемъ спроса на бочки сильно возросъ въ цѣнѣ.

При цѣнѣ американскаго керосина въ Нижнемъ-Новгородѣ 1 р. 50 к. пудъ, бакинскій керосинъ не могъ съ нимъ конкуррировать. Нужно было радикально измѣнить условія нефтяной промышленности въ Баку, чтобъ она могла правильно развиваться далѣе. Примѣръ Америки былъ передъ глазами. И тамъ ранѣе нефть возили въ повозкахъ, затѣмъ стали возить въ баркахъ по мелководнымъ рѣкамъ и наконецъ пришли къ способу передвиженія нефти по трубамъ, помощью насосовъ (нефтепроводы). По желѣзнымъ дорогамъ американскій керосинъ везли уже по всѣмъ направленіямъ въ вагонахъ-цистернахъ, во многихъ пунктахъ существовали уже обширные склады, гдѣ нефть и керосинъ сохранялись въ огромныхъ желѣзныхъ резервуарахъ.

Людвигъ Эммануиловичъ Нобель, посѣтивъ Баку, гдѣ имѣлъ небольшое нефтяное дѣло братъ его Робертъ Нобель, сразу оцѣнилъ истинное значеніе бакинскихъ источниковъ и рѣшилъ самъ взяться за реорганизацію нефтяной промышленности по образцу американской. Л. Нобель самостоятельно разработалъ идею перевозки готовыхъ продуктовъ по Каспійскому морю и по Волгѣ въ наливныхъ желѣзныхъ пароходахъ и баржахъ. Въ 1872 г. онъ заказалъ въ Швеціи первый наливной пароходъ «Зороастръ», вскорѣ послѣ этого проложилъ первый въ Баку нефтепроводъ и устроилъ складъ въ Царицынѣ.

Много ранѣе Артемьевы и общество «Дружина» вывозили изъ Баку нефтяные остатки наливомъ въ парусныхъ судахъ, а въ Америкѣ подобнымъ же образомъ везли нефть и керосинъ въ вагонахъ-цистернахъ. Но керосинъ почему-то не возили въ наливныхъ судахъ, вѣроятно въ виду его огнеопасности и возможности испортить цвѣтъ товара.

Непосредственнымъ опытомъ Нобель доказалъ, что при перевозкѣ и храненіи въ желѣзной посудѣ керосинъ не портится и что наливной кер синъ ничѣмъ не хуже бочечнаго.

Въ настоящее время наливной флотъ считается сотнями судовъ, н вающихъ почти по всѣмъ морямъ и океанамъ. Милліоны пудовъ кероси вывозятся теперь наливомъ изъ Америки и Россіи въ европейскія и азі скія страны. Американцы, англичане, нѣмцы, шведы, русскіе имѣютъ д этого свои спеціальные пароходы.

Въ началѣ наливной перевозки были разныя затрудненія и неудачи (пожары, взрывы и т. п.), постепенно устраненныя. Такъ, наприм., въ Царицынѣ взорвало наливную баржу «Елизавета». Несчастіе произошло отъ того, что машинистъ спустился въ трюмъ, въ которомъ еще оставалось около 4 тыс. пуд. керосина, съ зажженной свѣчей, для того, чтобы посмотрѣть, достигаетъ ли всасывающая труба до жидкости, Послѣдовалъ взрывъ. Машинистъ и нѣсколько человѣкъ погибли. О взрывчатыхъ свойствахъ смѣси воздуха съ керосиновыми парами тогда многіе еще не знали. Послѣ этого Нобелемъ была составлена для капитановъ наливныхъ судовъ подробная инструкція, съ указаніемъ необходимыхъ предосторожностей при осмотрѣ трюмовъ и вообще помѣщеній, гдѣ могутъ скопляться керосиновые и вообще нефтяные пары. Наливная перевозка, въ виду нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ и по разнымъ другимъ причинамъ, долго не встрѣчала сочувствія у бакинцевъ. Можетъ быть, этому способствовали также и волжскіе судовщики, возившіе керосинъ прямо въ обыкновенныхъ деревянныхъ баркахъ (волгари). Способъ дешевый, но крайне огнеопасный, который могъ только подрывать довѣріе къ наливной перевозкѣ вообще.

Чтобы судить о настоящемъ положеніи этого способа перевозки, приведемъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія.

Въ 1893 г. каспійскій наливной флотъ состоялъ изъ 66 паровыхъ судовъ и 249 парусныхъ, да въ 1894 году поступило новыхъ 24. Общая емкость этихъ 339 судовъ болѣе $6^1/_2$ мил. куб. футовъ. Этотъ громадный флотъ въ навигацію 1894 г. вывезъ наливомъ:

Освѣтительныхъ маслъ	22,9 м. п.
Нефтяныхъ остатковъ.	182,8 » »
Нефти	14,5 » »
	220,2 » »

Чтобъ имѣть правильное представленіе о нефтяной промышленности, нужно ознакомиться съ тѣми продуктами, которые получаются изъ нефти при обработкѣ ея на заводахъ.

Сущность заводской обработки заключается въ слѣдующемъ. Если будемъ нагрѣвать нефть въ закрытомъ сосудѣ съ отводящею пары трубкой, то, по мѣрѣ возвышенія температуры, изъ жидкости будутъ выдѣляться: сначала растворенные газы, затѣмъ пары жидкостей, все выше и выше кипящихъ, по охлажденіи которыхъ въ холодильникахъ получатся продукты разнаго удѣльнаго вѣса, съ разными температурами кипѣнія и вспышки, которые, смотря по степени летучести, носятъ названія: бензина, керосина, соляровыхъ и смазочныхъ маслъ. Процессъ этотъ на заводахъ называется перегонкой. Ее обыкновенно производятъ теперь въ желѣзныхъ цилиндрическихъ, горизонтально вмазанныхъ въ печь кубахъ большей или меньшей емкости (до 2,000 пуд. *) и болѣе), имѣющихъ видъ обыкновеннаго парового котла.

*) Въ Америкѣ до 12,000 пуд.

При отгонкѣ соларовыхъ и смазочныхъ маслъ температура жидкости достигаетъ 250—300° Ц. и выше, вслѣдствіе чего кубы перегараютъ, портятся, а часть перегоняемой жидкости разлагается при этомъ (и именно наиболѣе цѣнныя тяжелыя части нефти—смазочныя масла и параффинъ) съ обильнымъ образованіемъ газовъ и легкихъ, пригодныхъ для освѣщенія, маслъ. Чтобъ уменьшить это разложеніе, понизить температуру кипѣнія и ускорить самый процессъ, уже во время отгонки такъ называемыхъ соларовыхъ маслъ необходимо впускать въ перегоняемую жидкость непрерывную струю перегрѣтаго водяного пара съ давленіемъ немного большимъ атмосфернаго и съ температурою около 200° Ц. Впускъ пара полезенъ и при отгонкѣ керосина, но при смазочныхъ маслахъ онъ необходимъ. Съ увеличеніемъ количества впускаемаго пара и повышеніемъ его температуры отгоняются масла все выше и выше кипящія.

Въ пріемникахъ собираются надъ водой, образовавшіеся отъ сгущенія перегрѣтаго пара, мутноватые дестилляты, сначала соларовыя масла у. в. 0,850—0,875, потомъ смазочныя, собираемыя до у. в. 0,920. Ихъ раздѣляютъ на веретенныя (у. в. 0,890), машинныя (0,900—0,904) и цилиндровыя (свыше 0,910). Эти названія показываютъ, что самыя жидкія идутъ на смазку легкихъ механизмовъ, каковы, наприм., прядильныя веретена, а самыя тяжелыя—на смазку цилиндровъ въ паровыхъ машинахъ. Количество дестиллята быстро убываетъ и наконецъ перегонку останавливаютъ. Въ остаткѣ получается около 25—30% густой, темнобурой, липкой жидкости съ рѣзкимъ запахомъ. Это—минеральный деготь или гудронъ. Если этотъ остатокъ подвергать дальнѣйшей перегонкѣ съ перегрѣтымъ паромъ въ тѣхъ же кубахъ, то, вслѣдствіе чрезмѣрно высокой температуры, перегоняемая жидкость подвергается сильному разложенію, и кубы быстро прогараютъ. Образуется много газовъ и жидкій, застывающій при охлажденіи маслянистый продуктъ съ характернымъ запахомъ (себонафты, вазелины). Если довести такимъ образомъ перегонку до конца, то въ кубѣ останется только рыхлый уголь—коксъ.

Полученныя перегонкой жидкости (такъ называемые дестилляты) различнаго уд. вѣса имѣютъ обыкновенно желтоватый или буроватый цвѣтъ и рѣзкій, непріятный запахъ. Чтобы по возможности уничтожить окраску и запахъ, ихъ подвергаютъ химическому очищенію сначала крѣпкой сѣрною кислотой, потомъ ѣдкимъ натромъ и наконецъ промываютъ еще чистою водой. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отстаиванія продуктъ считается готовымъ для отпуска на продажу.

Обыкновенно нефтяные заводы ограничиваются полученіемъ изъ неф легкихъ маслъ и керосина. То, что остается послѣ отгонки ихъ, наз вается нефтяными остатками.

Остатки (или, какъ ихъ часто называютъ въ Баку, «мазутъ») пол чаются въ количествѣ 55—60% и составляютъ теперь важный предме торговли. Ихъ вывозятъ изъ Баку по Волгѣ и Каспійскому морю милл нами пудовъ во внутреннюю Россію и сожигаютъ здѣсь подъ топками

ровыхъ котловъ на фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и т. п. Область распространенія нефтянаго топлива съ каждымъ годомъ расширяется. Оно быстро проникло въ другія мѣста Закавказья, въ Закаспійскій край, на Волгу, достигло уже Москвы и отправляется далѣе на сѣверъ.

Какъ топливо, нефтяные остатки—матеріалъ незамѣнимый. Это въ самомъ дѣлѣ лучшее изъ всѣхъ видовъ топлива, какіе знаетъ современная техника. При сравнительно ничтожной цѣнѣ (6 — 7 коп. въ Баку, около 20 коп. въ Нижнемъ въ настоящее время), оно обладаетъ огромной теплотворною способностью *). Достаточно сказать, что 60 — 80 пудовъ остатковъ могутъ замѣнить 200—300 пуд. низшихъ сортовъ каменнаго угля и 100 пуд. лучшаго угля (20 пуд. остатковъ замѣняютъ 1 саж. сухихъ дровъ). Уходъ за топками простъ и легокъ, можно отлично регулировать жаръ и моментально остановить топку или пустить ее въ ходъ. Для этого достаточно повернуть болѣе или менѣе кранъ, запирающій трубу, по которой текутъ остатки. Кромѣ того, горѣніе полное, бездымное, при правильной установкѣ изъ трубъ выходятъ только безцвѣтные газы (углекислота, азотъ и пары воды).

Причины быстраго развитія потребленія нефтяныхъ остатковъ лежатъ также и въ ихъ сравнительной дешевизнѣ, дѣлающей невозможной конкуренцію другихъ видовъ топлива. Кромѣ того, накладные расходы по доставкѣ и храненію не велики, акциза нѣтъ и товаръ все время сохраняетъ по преимуществу оптовый характеръ. Съ удешевленіемъ фрахтовъ и изобрѣтеніемъ простого и дешеваго прибора для отопленія остатками жилыхъ помѣщеній потребленіе этого топлива должно еще болѣе возрасти. Такой приборъ существуетъ уже для паровыхъ котловъ и повсемѣстно теперь примѣняется на заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, гдѣ введено нефтяное отопленіе. Это такъ называемая форсунка. Въ сущности это обыкновенный пульверизаторъ, въ которомъ помощью струи пара нефтяные остатки разбиваются въ мельчайшіе брызги (пыль) и въ такомъ видѣ быстро сгараютъ безъ дыма и копоти. Форсунка состоитъ изъ двухъ сходящихся трубокъ: по одной идетъ паръ, по другой—остатки.

Въ Россіи ежегодно добывается болѣе 300 мил. пуд. нефти, и почти $^2/_3$ этого количества составляютъ нефтяные остатки. При переработкѣ на заводахъ изъ нихъ можно получить: 20% очищеннаго соларнаго масла, 30% смазочныхъ маслъ, 8% вазелина (очищеннаго себонафта), 10% легкихъ пригодныхъ для освѣщенія частей, 10% свѣтильнаго газа и 20% отброса и потери. Полученные отбросы сжигаются подъ перегонными кубами и такимъ образомъ составляютъ даровое топливо.

Всѣ расходы по переработкѣ остатковъ могъ бы погасить одинъ вазелинъ, такъ какъ цѣны на него около 8 р. пудъ (привозный 17—20 р.). Что же неочищенный продуктъ — себонафтъ, идущій для смазки паровыхъ

*) Такъ называется количество единицъ теплоты, выдѣляющихся при сожиганіи с. части топлива.

цилиндровъ вмѣсто сала, можетъ быть сбытъ по 3 руб. пудъ, и тѣмъ не менѣе производство всѣхъ этихъ продуктовъ до сихъ поръ весьма ограниченно по ограниченности спроса на нихъ. Мы знаемъ далѣе, что изъ нефтяныхъ остатковъ (нефти, соляровыхъ маслъ) можно получать свѣтильный газъ и, попутно, нефте-газовую смолу, содержащую ароматическіе углеводороды (бензолъ, толуолъ, антраценъ, нафталинъ), которые служатъ матеріаломъ для полученія такъ называемыхъ анилиновыхъ красокъ. Это производство давно процвѣтаетъ въ Германіи, гдѣ эти ароматическіе углеводороды получаются изъ каменно-угольнаго дегтя, являющагося побочнымъ продуктомъ при добываніи свѣтильнаго газа изъ каменнаго угля.

Много было сдѣлано попытокъ, чтобы начать это дѣло въ Россіи, получающей изъ-за границы огромное количество анилиновыхъ красокъ, но до сихъ поръ успѣха онѣ не имѣли.

Если существующіе рынки не могутъ принять всего количества цѣнныхъ продуктовъ, которые можно приготовить изъ нефтяныхъ остатковъ, то весь избытокъ послѣднихъ долженъ идти на топливо, частью въ качествѣ дешевой смазки.

Къ сожалѣнію, цѣны остатковъ подвержены сильнымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ состоянія крайне непрочнаго нефтянаго рынка, отъ количества добытой нефти, отъ обилія фонтановъ, отъ цѣнъ на керосинъ и смазочныя масла, отъ тарифовъ и проч. Цѣны другихъ видовъ топлива устойчивѣе.

Изъ бакинской нефти керосина получается сравнительно мало, около 33%, тогда какъ американская нефть даетъ 70—80% керосина. Русскій керосинъ отличается отъ американскаго бо́льшимъ удѣльнымъ вѣсомъ, высшею температурой вспышки и большей освѣтительною способностью. Въ Баку выдѣлываютъ собственно 2 сорта керосина: обыкновенный легкій удѣльнаго вѣса 0,825 съ темп. вспышки 28°Ц. и тяжелый удѣльн. вѣса 0,833—0,845 съ темп. вспышки отъ 38°—80°Ц. Легкій обложенъ акцизомъ 40 к. съ пуда, а тяжелый—30 к.

Въ виду такой разницы, мелкіе заводы начали выдѣлывать тяжелый керосинъ въ огромномъ количествѣ, и онъ скоро наводнилъ всѣ кавказскіе рынки. Обыкновенный керосинъ прямо смѣшивали съ тяжелыми маслами. Конечно, получался скверный продуктъ, который очень плохо горѣлъ въ лампахъ. Тогда акцизъ былъ уравненъ, причемъ выходъ легкаго керосина указанъ въ 32%, тяжелаго въ 7% съ температурою вспышки 98°.

Керосинъ въ продажѣ оцѣнивается по удѣльному вѣсу, температурѣ вспышки, опредѣляющей степень его огнеопасности, и по цвѣту. Температурой вспышки называется та температура, при которой керосинъ выдѣляетъ такое количество паровъ, что они вспыхиваютъ отъ зажженой спички, не воспламеняя однако самой жидкости. Температура вспышки повсемѣстно опредѣлена теперь закономъ. Особые контролеры испытываютъ каждую партію товара, и если она не удовлетворяетъ требованіямъ, бракуютъ т.-е. не допускаютъ въ продажу. Въ Баку для этого существуетъ особ

браковочный комитетъ, состоящій изъ контролеровъ-химиковъ. Для русскаго керосина закономъ установлена температура вспышки 28° по особому, принятому у насъ прибору для испытанія системы Абеля-Пенскаго.

Весьма важное значеніе имѣетъ также удѣльный вѣсъ. Чѣмъ онъ выше, тѣмъ труднѣе керосинъ поднимается по свѣтильнѣ, тѣмъ скорѣе спадаетъ пламя и образуется нагаръ и тѣмъ, слѣдовательно, хуже горитъ керосинъ. Обычныя ламповыя горѣлки болѣе приспособлены къ американскому керосину. Нашъ обыкновенный керосинъ горитъ въ нихъ также удовлетворительно, если онѣ вполнѣ исправны; въ противномъ случаѣ тотчасъ же появляется копоть. Для тяжелыхъ керосиновъ нужны уже спеціальныя лампы. Вотъ одна изъ причинъ, почему русскій керосинъ медленно распространяется за границей. Еслибъ онъ имѣлъ удѣльный вѣсъ, близкій къ американскому, то при своей высокой температурѣ вспышки онъ скоро бы побѣдилъ своего соперника на европейскихъ рынкахъ.

Изъ другихъ продуктовъ легкія масла, бензины, не имѣя опредѣленнаго сбыта, сожигаются тутъ же на заводѣ подъ перегонными кубами (а прежде прямо подъ открытымъ небомъ), или просто спускаются съ завода въ канавы.

Значительный ввозъ къ намъ американскаго бензина свидѣтельствуетъ, что это дѣло имѣетъ будущность и что на него надлежало бы обратить серьёзное вниманіе. Бензинъ—товаръ дорогой. Надо увеличить его выработку не только для удовлетворенія внутренняго спроса, но и для заграничнаго вывоза. Примѣненія бензиновъ обширны и разнообразны. Онъ идетъ для нагрѣванія бензиновыхъ кухонь, для освѣщенія въ бензиновыхъ лампахъ и свѣчахъ, какъ двигатель для бензиновыхъ моторовъ, механическихъ экипажей и велосипедовъ, какъ матеріалъ для чистки тканей, для экстрагированія жировъ и пр.

Что собственно выгодно добывать изъ нефти—это зависитъ отъ экономическихъ условій даннаго времени. Въ Баку теперь добываютъ главнымъ образомъ керосинъ и остатки. Прежде всегда керосинъ считался главнымъ продуктомъ, остатки—побочнымъ. Во время самаго низкаго стоянія цѣнъ на керосинъ, выработка его была въ прямой убытокъ, и барышъ давали только остатки, благодаря хорошему на нихъ спросу. Многіе заводчики смотрѣли тогда на остатки, какъ на главный продуктъ производства, а керосинъ считали побочнымъ. Прежде цѣнились только легкія, богатыя керосиномъ нефти. Теперь охотно эксплоатируютъ тяжелыя, которыя можно прямо употреблять въ качествѣ топлива.

Чтобы направить русскую нефтяную промышленность на болѣе раціональный путь, неоднократно рекомендовалось проложеніе между Баку и Батумомъ нефтепровода. Тогда, говорили, на берегахъ Чернаго моря возникнутъ перегонные заводы, добыча нефти увеличится, цѣны на нее сдѣлаются устойчивѣе, равномѣрнѣе и выгоднѣе для нефтедобывателей. На черноморскомъ берегу бакинская нефть стоила бы сравнительно дорого, и заводамъ пришлось бы вести полную переработку нефти, добывать изъ нея

кромѣ керосина все, что можно добыть (бензины, вазелины, смазочныя масла, газъ, ароматическіе углеводороды). Черноморскимъ заводамъ обработка обходилась бы дешевле, всѣ продукты скорѣе нашли бы себѣ обезпеченный сбытъ на заграничные рынки, фрахтъ и храненіе были бы дешевле, не нужны были бы обширные склады для зимняго времени, когда закрывается навигація по Волгѣ. Топливомъ здѣсь могъ бы служить каменный уголь, или кавказскій (тквибульскій) или донецкій, который будетъ достаточно дешевъ на берегахъ Чернаго моря съ устройствомъ Маріупольскаго порта и судоходства по р. Донцу. Вспоминалось, наконецъ, что въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ отъ нефтяныхъ источниковъ къ океану, гдѣ расположены перегонные заводы, существуетъ цѣлая сѣть нефтепроводовъ.

Всѣ эти соображенія въ общемъ болѣе или менѣе справедливы, но тѣмъ не менѣе осуществленіе нефтепровода на протяженіи 840 в. является мало вѣроятнымъ въ виду значительной его стоимости. Прокладка 5 дюймовой трубы между Баку и Батумомъ обошлась бы около 9 милл. руб. Одна эксплоатація нефтепровода стоила бы около 1 милл. рублей въ годъ. Съ другой стороны, нѣтъ гарантій, что бакинскіе источники надолго сохранятъ свою настоящую производительность. Наконецъ, нефть, дешево доставленная къ Черному морю, можетъ уйти за границу въ необработанномъ видѣ. Въ насто щее время рѣшено проложить керосинопроводъ отъ станціи Михайловской до Батума.

Въ связи съ нефтепроводами находится также вопросъ, гдѣ лучше имѣть перегоночные заводы, въ Баку — около источниковъ, или по близости къ рынкамъ сбыта и водянымъ путямъ. Въ Америкѣ всѣ заводы при океанѣ, и нефть посылается къ нимъ отъ источниковъ за сотни верстъ по нефтепроводамъ. У насъ заводы сосредоточены въ Баку, по близости источниковъ, и нефтяные продукты частью направляются отсюда по желѣзной дорогѣ, частью водой.

Такъ какъ во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе вести этими путями не готовые продукты, а нефть, то, въ виду этого, были основаны заводы для переработки нефти во внутренней Россіи: подъ Москвой (въ Кусковѣ), близъ Ярославля (въ Константиновѣ), въ Нижнемъ; но все же до сихъ поръ центромъ заводской обработки остается Баку.

Чтобы судить о ростѣ русскаго нефтяного дѣла, приведемъ сравнительныя статистическія данныя о бакинской нефтяной промышленности, по свѣдѣніямъ Совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ.

Въ 1880 г. добыто нефти 25 милл. пуд. Изъ нихъ получено 8 ми пуд. керосина. Въ 1893 г. добыто было 337 *) милл. пуд. Изъ нихъ пол чено 85,9 милл. пуд. керосина, 5,8 милл. пуд. смазочныхъ маслъ и 143 милл. пуд. нефтяныхъ остатковъ т.-е. за 13 лѣтъ добыча нефти возрос

*) По другимъ источникамъ 324,7 милл. пуд. и менѣе.

почти въ 13,5 разъ. Въ 1894 г. добыча уменьшилась до 297 милл. пуд., благодаря сокращенію буровыхъ работъ подъ вліяніемъ низкихъ цѣнъ на нефть и уменьшенію количества фонтанной нефти. Количество выброшенной фонтанами нефти было: въ 1889 г. 42,6 милл. пуд., въ 1893 г. — 109,2 мил. пуд., въ 1894 г. всего 62 милл. пуд.

Въ 1889 г. число производительныхъ буровыхъ скважинъ было 278, а въ 1893 г. уже—458, въ 1894 г.—532, въ 1895 г.—622. Число ежегодно бурящихся новыхъ скважинъ опредѣляется у насъ десятками, въ Соединенныхъ Штатахъ сотнями. Наибольшая глубина буренія достигаетъ уже 203 саж.

Производительность Балахано-сабунчинской площади замѣтно уменьшается, несмотря на большую глубину буровыхъ,—средняя добыча на 1 скважину становится меньше съ каждымъ годомъ. Фонтаны появляются рѣже и съ большей глубины. Наоборотъ, производительность Романинской и Биби-эйбатской площадей быстро увеличивалась до 1894 г., когда она вдругъ значительно упала. Для 1893 г., наприм., годовая производительность одной скважины на Балахано-сабунчинской площади было около 600,000 пуд., а на Романинской—$1^1/_2$ милл. пуд.

Сократившаяся въ 1894 г. добыча нефти въ 1895 г., подъ вліяніемъ повышенія на нее цѣнъ, вновь увеличилась до 377,4 милл. пуд.

Запасы нефти на промыслахъ и заводахъ въ 1894 г. составляли 34,5 милл. пуд., керосина 10,3 милл. пуд., нефтяныхъ остатковъ 37,8 милл. пуд., смазочныхъ маслъ 0,9 милл. пуд.

1892 и 1893 гг. были особенно богаты обильными фонтанами, благодаря начавшейся эксплоатаціи новой, почти дѣвственной Романинской площади и глубокому буренію. По массѣ фонтанной нефти эти годы напоминаютъ 1888 и 1889 гг., Балаханская и Сабунчинская площади даютъ уже мало фонтанной нефти, она получается теперь исключительно съ Романы и Биби-Эйбата.

Въ 1894 г. въ бакинскомъ заводскомъ районѣ считалось 102 керосиновыхъ завода, 6 бензиновыхъ, 20 масляныхъ и 2 асфальто-гудроновыхъ. Изъ 102 керосиновыхъ заводовъ работали только 63, остальные бездѣйствовали. Постоянныхъ рабочихъ было 2,085, служащихъ техниковъ, приказчиковъ и мастеровъ 428, всего 2,513,—меньше на 276, чѣмъ въ 1893 г. Уменьшеніе произошло вслѣдствіе постояннаго сокращенія производства за послѣднія 5 лѣтъ. Число работающихъ заводовъ убываетъ и между ними встрѣчаются такіе, которые работаютъ всего 20—30 дней въ теченіе года.

Разнаго рода нефтехранилищъ, принадлежащихъ заводамъ, нефтепродамъ и экспортерамъ считалось всего 1,191, емкостью 199.369,631 милл. уд.; изъ нихъ желѣзныхъ—933, каменныхъ—131, земляныхъ—127.

Съ 1889 г., когда было выработано бакинскими заводами 61.145,000 уд. керосина, до 1893 г. (89.452,000), производство этого продукта было росло, а въ 1894 г. сразу, вслѣдствіе пониженія цѣнъ на керосинъ, ало до 67.849,000 милл. пуд., т.-е. сократилось на 21.602,300 пуд. (болѣе

24%). Самый крупный керосиновый заводъ бр. Нобель въ 1893 г. приготовилъ 18.554,709 милл. пуд. керосина и 1.684,535 пуд. смазочныхъ маслъ. Изъ керосиновыхъ заводовъ 26 вырабатывали свыше 1 милл. пуд.—остальные ниже. Наименьшая годовая выработка завода была 1,800 пуд.

Масляные заводы приготовляли очищенныя и неочищенныя масла (дестилляты) главнымъ образомъ машинныя и цилиндровыя (4.576,823 очищенныхъ и 644,516 пуд. неочищенныхъ). Смазочныхъ маслъ въ 1894 г. было выработано болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, а именно 6.565,100 пуд.

Изъ остальныхъ продуктовъ очищеннаго бензина получено 310,000 и 400,000 пуд. гудрона. Нефтяныхъ остатковъ получено въ 1894 г. 188 милл. пуд. Осталось къ 1895 г. 26 милл. пуд.

Въ 1894 г. сильно увеличился вывозъ изъ Баку нефтяныхъ остатковъ и сырой нефти, нерѣдко къ нимъ примѣшиваемой при большомъ спросѣ на остатки и хорошихъ на нихъ цѣнахъ. По сравненію съ 1893 г. вывозъ остатковъ увеличился на 50 милл. пуд. (35,5%); въ смѣси съ ними вывезено изъ Баку не менѣе 25 милл. пуд. нефти.

Нефть съ промысловъ посылается на заводы Чернаго города по нефтепроводамъ (болѣе 20 съ діам. 3—6 д., длиною отъ 7—12 в.) съ общей длиною 262 вер. 219 саж.

На всѣхъ промыслахъ въ 1894 г. было постоянныхъ служащихъ и рабочихъ 5,074, да ежедневно работаетъ около 1,000 человѣкъ поденщиковъ (по устройству земляныхъ валовъ, очисткѣ буровой грязи, рытью канавъ и проч.). На 1 рабочаго приходится, слѣдовательно, около 50 т. п. въ годъ.

Въ 1894 г. на промыслахъ было 797 паровыхъ котловъ (около 21,000 лошад. силъ), такъ что на 1 рабочаго приходилось $3^1/_2$ лошадиныхъ паровыхъ силъ.

Рабочіе получаютъ 18—19 р. въ мѣсяцъ, поденщики 40 к.—1 р. въ день. Татары и персы всегда дешевле русскихъ на 20—10 к. Осенью и зимою плата ниже. Мастеровые зарабатываютъ около 50 р., машинисты 35—100 р., буровые мастера 80—200 р. Управляющіе промыслами получаютъ 1,200—10,000 руб. Вообще въ 1894 г. на каждый пудъ добытой нефти около 0,54 к. затратъ на рабочихъ и служащихъ.

Работы въ мастерскихъ продолжаются 10 ч.—съ 6 ч. у. до 6 ч. в., съ 2 час. промежуткомъ на обѣдъ и отдыхъ. Исключая праздники, въ году около 300 рабочихъ дней. По буренiи и добычѣ нефти работа идетъ непрерывно въ 2 смѣны, каждая по 12 час., съ 2-хъ час. перерывомъ на обѣдъ. Работы прекращаются только въ Пасху и Рождество, а для магометанъ—въ ихъ большіе праздники.

По отчету Горнаго департамента за 1894 г., положеніе рабочихъ н удовлетворительно. Они лишены отдыха не только въ будни, но и праздничные дни. Какъ они живутъ, чѣмъ питаются, въ какихъ ужасны условіяхъ работаютъ изо дня въ день безъ всякой передышки—объ эт лучше не говорить. При такой убогой обстановкѣ нечего и думать, коне

объ удовлетвореніи какихъ-нибудь умственныхъ вопросовъ. Страхованіе рабочихъ встрѣчается рѣдко, въ видѣ исключенія.

Какъ Россія догоняетъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки въ добычѣ нефти, видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ: въ 1884 г. въ Россіи было добыто 90,2 м. п., а въ Соединенныхъ Штатахъ—187,7, т.-е. болѣе чѣмъ вдвое. Въ 1891 г. добыча въ Америкѣ достигла своего максимума—420,8 м. п., но и въ Россіи за этотъ годъ было добыто 288,8 м. п. Наибольшая у насъ добыча нефти пала на 1895 г. (377 м. п.). Въ 1894 году въ Америкѣ (въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи, Огайо, Зап. Вирджиніи) добыто 382,4 м. п.

Вывозъ нефтяныхъ продуктовъ изъ Америки непрерывно росъ съ 1888 года, когда онъ достигалъ 567 м. галлоновъ, до 1894 г., въ теченіе котораго уже вывезено 894.862,159 гал. Вывозъ 1894 г. по отдѣльнымъ продуктамъ распредѣлялся такъ: освѣтительныхъ маслъ 726.726,687 гал., смазочныхъ маслъ—38.975,128 гал., бензина и газолина—14.831,967 гал., сырой нефти—114.268,611 гал., остатковъ—59,766 гал. Общая стоимость вывоза 40.463,088 долл. Вывозъ изъ Америки съ 1891 г. по 1897 г. возросъ съ 105,6 м. п. до 134,25 м. п.

Въ 1895 г. обнаружилось рѣзкое повышательное движеніе, охватившее какъ американскіе центры, такъ и европейскіе рынки. Цѣны на керосинъ въ Нью-Йоркѣ съ 5,8 центовъ *) за галлонъ въ январѣ поднялись до 11,5 ц. въ апрѣлѣ, русскій керосинъ въ Лондонѣ поднялся съ $3^{15}/_{16}$ пенсовъ за галлонъ въ январѣ до $8^1/_2$ пенсовъ въ апрѣлѣ.

Повышеніе цѣнъ на керосинъ за границей зависѣло отъ значительнаго сокращенія производительности американскихъ нефтяныхъ источниковъ. Усиленные поиски нефти, закладка новыхъ скважинъ, углубленіе старыхъ не даютъ ожидаемыхъ результатовъ. Американскій Стандартъ, развившій ежегодное потребленіе керосина до 100 тыс. бочекъ, желая овладѣть рынками всего свѣта, соорудилъ во всѣхъ центрахъ потребленія огромные резервуары, завелъ наливной флотъ въ 50 крупныхъ судовъ и т. о. спустилъ цѣны до minimum'а.

Сокращеніе добычи нефти повело къ израсходованію имѣвшихся ея запасовъ. Съ дальнѣйшимъ весьма вѣроятнымъ истощеніемъ американскихъ нефтяныхъ источниковъ они будутъ не въ состояніи покрыть европейскій спросъ, и тогда европейскіе рынки должны будутъ обратиться къ русскому керосину. Такимъ образомъ въ ближайшемъ будущемъ условія для сбыта нашихъ освѣтительныхъ маслъ должны значительно улучшиться.

Характерною чертой нашего нефтянаго дѣла является крайняя его нестойчивость—постоянныя и весьма значительныя колебанія цѣнъ, какъ а сырую нефть, такъ и на продукты, изъ нея добываемые. Главная прична этого явленія заключается въ совершенномъ несоотвѣтствіи количева добываемой нефти съ существующею на нефтяные продукты потреб-

*) Центъ=1,2956 коп. мет.

ностью. Избытокъ нефти, перепроизводство ея, давно уже составляетъ у насъ почти обычное явленіе. Цѣны на нефть сплошь и рядомъ падали ниже средней стоимости ея добычи и колебались отъ 9 к. до ½ к. за пудъ. Такихъ быстрыхъ и рѣзкихъ колебаній не существуетъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ нефтяномъ дѣлѣ все случайно, все непрочно, все основано на счастьѣ, на игрѣ.

Въ числѣ причинъ столь долго тянувшагося нефтянаго кризиса нужно отмѣтить неудовлетворительную организацію нашего нефтянаго дѣла и усиленную конкурренцію американскаго керосина, необычайно низкія цѣны на который совершенно обезцѣнили нашъ заграничный экспортъ. Раціональное веденіе промысловаго и заводскаго хозяйства, разныя техническія и экономическія усовершенствованія, въ виду крайней неустойвости цѣнъ на сырье и продукты, часто ведутъ солидныя фирмы къ убыткамъ въ то время, какъ примитивное веденіе дѣлъ даетъ прибыли.

Въ докладной запискѣ, поданной Совѣтомъ съѣзда нефтепромышленниковъ г. министру Земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ ноябрѣ 1893 г., приведено нѣсколько яркихъ примѣровъ того, что при настоящихъ условіяхъ нельзя вести дѣло на прочныхъ раціональныхъ основаніяхъ. При очень высокихъ цѣнахъ на нефть въ 1889 и 1890 гг. многія заводовладѣльцы обзавелись собственными буровыми, желая обезпечить себя сырымъ матеріаломъ. Вышло, однако, что они понесли убытки, потому что въ то время, какъ своя нефть обходилась имъ не дешевле 3 к., средняя цѣна покупной, наприм., въ 1892 г. была 1" к. за пудъ. На покупной нефти заводы могли еще работать съ выгодой и при крайне низкихъ цѣнахъ на керосинъ, своя же нефть давала прямой убытокъ.

О техническихъ усовершенствованіяхъ заботились мало. Самые благоустроенные бакинскіе заводы (съ непрерывною перегонкой, утилизаціей отходящаго тепла и проч.), при крайне низкихъ цѣнахъ на керосинъ, не могли конкурировать съ первобытными татарскими заводиками, благополучно и выгодно работавшими при цѣнѣ ½ к. за пудъ нефти. То же самое можно сказать и о раціонально устроенныхъ промыслахъ. Разнаго рода улучшенія въ буровой техникѣ, усовершенствованные буровые станки, отличныя обсадныя трубы, искусные буровые мастера и проч. могутъ дать огромные убытки рядомъ съ колоссальными барышами сосѣда, работающаго первобытными, но дешевыми способами. Убытки или барыши нефтедобывателя зависятъ главнымъ образомъ отъ существующихъ цѣнъ.

Знаменитый по своей грандіозности фонтанъ Асадулаева, ударившій въ 1895 г. на Романинской площади, при цѣнахъ 2—3 к., далъ владѣл цѣлое состояніе, а фонтанъ Арафелова, появившійся черезъ нѣсколько сяцевъ, принесъ огромные убытки, такъ какъ и цѣны были низки, и пр лось оплачивать убытки сосѣднихъ промысловъ.

Записка усматриваетъ причину рѣзкихъ колебаній цѣнъ на нефть недостаткѣ резервуаровъ для долгосрочнаго храненія запасовъ нефти. репроизводство ея на Апшеронскомъ полуостровѣ вовсе не было так

чительно, чтобы понизить цѣны въ 18 разъ; но дѣло въ томъ, что некуда было собрать полученные избытки, чтобы сохранить ихъ до того времени, когда будетъ ощущаться недостатокъ нефти.

Емкость промысловыхъ резервуаровъ на всемъ Апшеронскомъ полуостровѣ около 17 милл. пуд., что менѣе мѣсячной добычи.

Въ Америкѣ запасы нефти достигаютъ 300 м. п., и тамъ такія рѣзкія колебанія цѣнъ, какъ у насъ, совершенно неизвѣстны. Въ 1892 г. цѣна въ Америкѣ была 51—62 цент. за баррель (баррель=7,75 п.), съ 1888 г. по 1892 г. колебанія были съ 51 до 104 цент., въ 1897 г. средняя годовая цѣна 80 центовъ.

Въ виду этого нефтепромышленники ходатайствовали объ отпускѣ долгосрочной ссуды на содержаніе нефтехранилищъ въ размѣрѣ около $1^1/_2$ м. руб., предполагая размѣръ запасовъ 70 м. п. при стоимости храненія въ крытыхъ резервуарахъ около 2 к. за пудъ нефти.

Въ 1891 г. цѣна на нефть на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ колебалась между 4 к.—1,5 к. (средняя 2,7), въ 1892 г. между 1,5—0,7 коп. (средняя 1,1), въ 1893 г. 2,3—0,6 коп. (средняя 2,4 коп.) и въ 1894 г. 2—4,9 к. (средняя—3,1 к.) На заводахъ Чернаго города цѣны немного выше, въ среднемъ на $^1/_3$ к. иногда до $^1/_2$ к., Расходы по перекачкѣ составляютъ $^1/_4$ к. и утечка около $^1/_{10}$ к. Повышеніе цѣнъ на нефть, начавшееся съ ноября 1893 г., зависѣло отъ уменьшенія добычи нефти вообще, и въ особенности фонтанной, и отъ пониженія фрахта до 12 фут. рейда, вслѣдствіе увеличенія числа паровыхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ; но особенное вліяніе на ростъ цѣнъ имѣло сооруженіе нѣкоторыми крупными фирмами обширныхъ резервуаровъ для долгосрочнаго храненія нефти и закупки сразу большихъ количествъ нефти. Прежде при всякомъ новомъ появленіи фонтана, тотчасъ же наступало пониженіе цѣнъ на нефть, такъ какъ владѣльцы фонтановъ, не имѣя хранилищъ для того, чтобы своевременно убрать выброшенную фонтаномъ нефть, спѣшили продать ее по какой угодно цѣнѣ. Теперь же крупныя фирмы, имѣющія крытые амбары на милліоны пудовъ нефти, тотчасъ же скупаютъ всѣ излишки ея на рынкѣ, чтобы предупредить пониженіе цѣнъ, и такимъ образомъ держатъ цѣны сырой нефти въ своихъ рукахъ.

Близко къ цѣнамъ на сырую нефть стояли и цѣны на нефтяные остатки. Въ 1891 г. въ среднемъ цѣна ихъ была 3,3 к. за пудъ, въ 1892 году—1,5 к., въ 1893 г.—2,1 к., въ 1894 г.—3,9 к.

Цѣны на керосинъ за тѣ же годы въ среднемъ были 10,3; 7,7; 6,7; 5,6 ,9. Цѣны чрезвычайно низкія, если принять въ разсчетъ, что 1 пудъ осина бакинскому заводу въ 1894 г. въ среднемъ обходился 8,45 к. Для полученія 1 п. керосина нужно $3^1/_2$ п. нефти; стоимость ихъ при дней годовой цѣнѣ въ Черномъ городѣ 3,5 к. — 12,35 к. Расходы производства на 1 пудъ 4 к. Итого 16,25 к. Исключивъ отсюда стоимость ющихся 2 пуд. остатковъ по средней годовой цѣнѣ 3,9 к.—7,8 к., имъ, что 1 пудъ керосина обходится 8,45 к. Между тѣмъ цѣна керо-

сина въ Царицынѣ,—этомъ главномъ распредѣлительномъ рынкѣ Россіи,—стояла весь годъ 74 — 75 к. за пудъ. Накладные расходы по доставкѣ изъ Баку до Царицына 12—15 к. съ пуда да акцизъ 60 к., такъ что въ лучшемъ случаѣ заводчику оставалось около 2—3 к.; часто же керосинъ отдавался даромъ или даже прямо въ убытокъ.

Не лучше были дѣла съ керосиномъ и за границей. Союзъ бакинскихъ заводчиковъ (см. ниже), имѣя въ 1894 г. около 85% всего заграничнаго вывоза освѣтительныхъ маслъ, выручалъ въ среднемъ 6,5 к. на пудъ, при значительномъ пониженіи тарифа по Закавказской желѣзной дорогѣ, который въ первые 3 мѣсяца 1894 г. былъ 19 к., съ апрѣля 14 к., съ іюля 9 к.

Столь низкія цѣны на керосинъ за границей явились слѣдствіемъ: 1) громадныхъ тамъ запасовъ этого продукта, оставшихся отъ 1893 г., вслѣдствіе чрезмѣрнаго, превышающаго истинныя потребности, ввоза изъ Америки и Россіи; 2) конкурренціи Американскаго Стандарта съ независимыми американскими заводчиками, вызвавшей сильное паденіе цѣнъ на европейскихъ рынкахъ; 3) подобной же конкурренціи его съ союзомъ бакинскихъ керосино-заводчиковъ, особенно на дальнемъ Востокѣ и, наконецъ 4) конкурренціи съ этимъ союзомъ бакинскихъ независимыхъ фирмъ, главнымъ образомъ, въ Турціи и въ Египтѣ.

Низкій уровень цѣнъ въ Россіи обусловливался также громадными запасами оставшимися отъ 1893 г.; къ концу его въ однихъ подохранныхъ складахъ было около 15 милл. пуд., тогда какъ и все годовое потребленіе керосина въ Россіи около 30 милл. пуд. Кромѣ этой, дѣйствовали и другія причины, а именно: сильная конкурренція между собою бакинскихъ фирмъ, уменьшеніе заграничнаго отпуска по сухопутной границѣ, вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, и, наконецъ, медленный ростъ потребленія этого продукта въ Россіи, гдѣ цѣна его, благодаря огромному акцизу, чрезмѣрно высока. При цѣнѣ въ Баку 5 к. за пудъ керосинъ при нагрузкѣ на судно одновременно нагружается акцизомъ въ размѣрѣ 60 коп., такъ что цѣна его увеличивается въ 13 разъ. Затѣмъ еще остаются огромные сравнительно расходы по доставкѣ и храненію, приростъ цѣны при переходѣ товара изъ оптовыхъ складовъ къ мелочнымъ торговцамъ и т. п. Такъ что къ потребителю керосинъ приходитъ до 2 р. за пудъ (5 к. фунтъ), т.-е. цѣна его увеличивается въ 40 разъ. То, что производитель получаетъ за пудъ, потребитель уплачиваетъ за фунтъ. При этомъ на долю нефтедобывателя и производителя остаются гроши, а рубли уплачиваются за фрахтъ. Такъ неправильно и неравномѣрно дѣлятся въ нефтяномъ дѣлѣ прибыли. Перевозчики всегда работаютъ съ барышомъ, нефтедобыватели и заводчики часто работаютъ съ убыткомъ. Нужно замѣтить, что въ Баку есть фирмы, сосредоточившія въ своихъ рукахъ всѣ эти функціи нефтяного дѣла.

Сравнительно высокая цѣна керосина у рынковъ сбыта сильно тормозитъ ростъ потребленія керосина и потребность въ освѣщеніи у русскаго народа едва ли удовлетворена даже и на половину.

При продажѣ въ Лондонѣ 3½ пенса за галлонъ *) и фрахтѣ Батумъ—Лондонъ 15 шилл., за вычетомъ всѣхъ путевыхъ расходовъ (страхованіе, пріемка, храненіе, коммиссіонныя и проч.), на долю бакинскаго заводчика остается 16,75 к. съ пуда въ Батумѣ. Вычитая фрахтъ изъ Баку до Батума 9 к., накладные расходы въ Батумѣ 3 к. и стоимость въ Баку 8,45 к. пудъ, найдемъ, что бакинскіе заводчики продавали свой товаръ въ 1894 г. съ большимъ убыткомъ.

Въ то время, какъ размѣры вывоза керосина возрастали съ 61 милл. пуд. въ 1889 г. до 86 пуд. въ 1893 г., съ уменьшеніемъ для 1894 г. до 71 милл., цѣны за 1 пудъ падали съ 26 к. въ 1889 г. до 6,7 к. въ 1893 г. и 7,1 к. въ 1894 г. Послѣдняя средняя цифра касается, однако, ограниченнаго количества проданнаго въ Баку товара; большая же часть его сбывалась ниже этой цѣны. Валовая выручка пала съ 15,9 милл. р. въ 1889 г. до 5 милл. въ 1894 г.

Цѣны смазочныхъ маслъ, вырабатываемыхъ въ ограниченномъ количествѣ, въ 1894 г. были ниже цѣнъ 1893 г., а именно на цилиндровыя масла 60—70 к. пудъ, машинныя 20—30 к., веретенныя 13—18 к. Со второй половины 1894 г. цѣны на керосинъ за границей начали быстро повышаться, что благопріятно отразилось и на русскомъ керосиновомъ рынкѣ. Цѣны повысились не очень много, но стали устойчивѣе (въ Баку 8¾—9 к.). Въ этомъ повышательномъ движеніи видно вліяніе спекуляціи, а потому на устойчивость цѣнъ, а тѣмъ болѣе на дальнѣйшее продолжительное повышеніе ихъ трудно разчитывать, въ особенности, если имѣть въ виду быстрые успѣхи электрическаго и газоваго освѣщенія.

Въ 1894 г. изъ Батума вывезено за границу 49,2 милл. пуд. керосина и дестиллята. Изъ нихъ въ европейскія государства 24.923,840 милл. пуд., въ Африку (Портъ-Саидъ, Египетъ, Аденъ, Алжиръ) 5.949,949 милл. пуд., въ Азію (Константинополь, Азіатская Турція, Индія, Китай, Японія, Ява, Филиппинскіе о-ва) 9.312,336 милл. пуд. Въ Англію и ея владѣнія ввозили, главнымъ образомъ, керосинъ и немного смазочныхъ маслъ, дестиллята и остатковъ, въ Австрію и Голландію тѣ же продукты, за исключеніемъ остатковъ, въ Испанію только остатки и смазочныя масла, во Францію, Бельгію, Италію всѣ нефтяные продукты, въ Германію исключительно смазочныя масла, въ Турцію, Румынію, Сербію, Болгарію, главнымъ образомъ, керосинъ съ небольшимъ количествомъ остатковъ и смазочныхъ маслъ, въ Персію, Китай, Грецію—керосинъ. Почти весь заграничный вывозъ идетъ черезъ Баку и только незначительная часть его направляется черезъ заграничныя таможни.

Главнѣйшими путями вывоза служатъ: Закавказская желѣзная дорога, которой нефтяные продукты направляются за границу, въ Закавказскій

*) Пенсъ = 2,627 мет. коп., галлонъ англ. = 9,139 рус. фун., галлонъ американ. = 7,617 рус. ф.

край и въ порты Чернаго моря и, Каспійское море, по которому идетъ отпускъ на внутренніе рынки, въ Закаспійскую область и въ Персію.

Отпускъ по Каспійскому морю составляетъ около 70% общаго вывоза, а по Закавказской дорогѣ около 30%, при болѣе или менѣе значительныхъ колебаніяхъ въ ту и другую сторону.

Кромѣ того, для керосина, вывозимаго изъ Баку, есть теперь еще другой, кромѣ Каспія, путь на русскіе рынки,—путь болѣе удобный, такъ какъ онъ доступенъ круглый годъ: это—вновь построенная Петровская вѣтвь Владикавказской желѣзной дороги. Такимъ образомъ даже зимой, когда закрыта навигація по Волгѣ, цѣны на нефтяные продукты не могутъ значительно повышаться, такъ какъ вывозъ пойдетъ тогда по другому направленію.

Для лучшей организаціи торговли керосиномъ за границей въ 1894 г. образовался въ Баку союзъ керосино-заводчиковъ. Прежде непосредственно на заграничные рынки керосинъ отправляли всего 2—3 фирмы, остальныя же если и сбывали свой продуктъ за границу, то или черезъ эти же фирмы, или же черезъ батумскихъ экспортеровъ. Русскій керосинъ повсюду за границей встрѣчалъ сильную, отлично организованную конкурренцію могущественной американской фирмы «Standart Oil C°» и если, все-таки, продолжалъ распространяться за границей, то исключительно при содѣйствіи коммиссіонеровъ и посредниковъ, получавшихъ, конечно, львиную долю барышей. Угнетенное состояніе нефтянаго рынка заставило соединиться бакинскихъ заводчиковъ для совмѣстной дѣятельности по организаціи заграничной торговли и образовать синдикатъ, чтобы бороться съ Американскимъ Стандартомъ и занять на иностранныхъ рынкахъ болѣе прочное и независимое положеніе. Союзъ этотъ, организованный при сочувствіи и содѣйствіи правительства, имѣетъ своею цѣлью: 1) уменьшеніе накладныхъ расходовъ на товаръ путемъ совмѣстной и широкой дѣятельности; 2) устраненіе посредниковъ и коммиссіонеровъ, благодаря непосредственнымъ сношеніямъ; 3) сдѣлать заграничные рынки одинаково доступными для всѣхъ заводчиковъ, входящихъ въ составъ союза; 4) конкурренцію съ Американскимъ стандартомъ, которая можетъ привести къ полюбовному и выгодному для обѣихъ сторонъ распредѣленію иностранныхъ рынковъ. Образованіе такого синдиката не можетъ яко бы угрожать ничьимъ интересамъ. Союзъ образованъ только для заграничной торговли; въ Россіи же каждая фирма является, попрежнему, самостоятельной единицей.

Къ числу весьма полезныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію самой нефтяной промышленности, нужно отнести установленіе обязательнаго налога на нужды нефтепромышленности въ видѣ извѣстнаго попуд[ного] сбора (въ размѣрѣ $^1/_{22}$ к.). Налогъ этотъ имѣетъ цѣлью: сооруженіе [под]сейныхъ дорогъ на промыслахъ и съ промысловъ къ городу; уст[ройство] ство и содержаніе школъ и больницъ, содержаніе полиціи и пожа[рной] команды, расходы по организаціи съѣздовъ и статистики, приспособ[леній] для урегулированія фонтановъ, устройство общественныхъ резерву[аровъ] для храненія нефти и проч.

Заканчивая очеркъ современнаго состоянія нашей нефтяной промышленности, мы должны сказать нѣсколько словъ и о новыхъ поискахъ нефти и вновь открытыхъ источникахъ въ Грозномъ (Терской области), въ 101 в. отъ Владикавказа. Хотя источники эти извѣстны лѣтъ 70, они до 1893 г. не имѣли серьезнаго промышленнаго значенія. Нефть на нихъ добывалась колодцами и перерабатывалась на мѣстномъ примитивномъ заводѣ. Получаемый керосинъ шелъ для снабженія Сѣв. Кавказа. Лѣтомъ 1893 г. здѣсь была заложена первая буровая скважина фирмою Ахвердовъ и К°, и съ глубины 60 съ небольшимъ саженъ полученъ могучій нефтяной фонтанъ. Нефть легкая, очень богата бензиномъ, но даетъ всего около 20% легкаго керосина и болѣе 60% очень тяжелыхъ нефтяныхъ остатковъ.

Въ послѣднее время на Грозненскихъ и Алханъ-Юртовскихъ нефтяныхъ промыслахъ нѣсколькими компаніями заложены буровыя скважины, изъ которыхъ также получено нѣсколько фонтановъ. По всѣмъ даннымъ, Грозненской нефтяной площади предстоитъ играть видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи нашей нефтяной промышленности.

Слѣдовало бы обратить, наконецъ, вниманіе на нефтяные источники Кубанской области и восточнаго побережья Чернаго моря.

Давно существующая здѣсь французская акціонерная компанія «Русскій Стандартъ» эксплоатируетъ нефтяные источники у Ильской станицы. Но нефти здѣсь, повидимому, немного, хотя глубина нѣкоторыхъ скважинъ превышаетъ 1,200 ф. Здѣсь имѣется болѣе 100 буровыхъ и перегонный заводъ. Нефть добывается легкая и тяжелая. Выходы нефти извѣстны также во многихъ другихъ мѣстахъ Кубанской области, наприм. въ имѣніи Дурасова «Кудако», въ имѣніи князя Юсупова-Сумарокова-Эльстонъ Покровскомъ, въ имѣніяхъ Кеслеръ, Меликова и др. Въ Кудако есть буровыя скажины и маленькій заводъ, но все дѣло въ полнѣйшемъ застоѣ. Въ Закубанскомъ краѣ и по берегу Чернаго моря нужны дальнѣйшія развѣдки и поиски въ глубину, буреніемъ, а такъ какъ это сопряжено съ большими денежными затратами и рискомъ, то поэтому и мало охотниковъ на такого рода развѣдки.

Въ заключеніе два слова о печорской или ухтинской нефти. Источники эти лежатъ на противоположномъ Кавказу концѣ Россіи, въ пустынномъ Печорскомъ краѣ, по теченію р. Ухты и ея притоковъ Чуты и др. Печорская нефть была извѣстна Петру Великому. Въ 1840 г. здѣсь существовалъ даже заводъ для перегонки нефти. Много развѣдокъ дѣлалъ здѣсь Сибиряковъ, но заложенныя имъ буровыя не достигли нефтеносныхъ горизонтовъ, и дѣло было совершенно заброшено. Въ послѣднее время опять взоры предпріимчивства и предпріимчивыхъ людей обратились на Ухту. Екатеринбургскій куп. А. М. Галинъ сдѣлалъ здѣсь много заявокъ и въ компаніи съ разными лицами лѣтомъ 1895 и 1896 года началъ тамъ буреніе. Образовано общество, ассигновавшее деньги для развѣдокъ. На Ухту былъ отправленъ геологъ съ буровымъ мастеромъ. Заложено всего 3 скважины изъ нихъ по р. Чуту глубиною свыше 300 ф. Нефть получена пока

въ небольшомъ количествѣ, но легкая, дающая болѣе 40% керосина. Изъ буровыхъ вытекаетъ много горючихъ газовъ и соленой воды. Почти несомнѣнно, что на болѣе значительной глубинѣ нефть будетъ въ изобиліи. Болѣе чѣмъ вѣроятны и фонтаны.

Возникновеніе здѣсь нефтяной промышленности составитъ эру для пустыннаго Печорскаго края, оживитъ его, вдохнетъ въ него жизнь. Ухтинскіе нефтяные источники должны имѣть серьезное государственное значеніе. Правительство поэтому всѣми мѣрами поощряетъ предпринимателей и Галину, наприм., предоставлено право безакцизной выработки 5 мил. пуд. керосина. Если на Ухтѣ найдутъ много нефти, для печорскаго керосина не будетъ конкурентовъ, и онъ всецѣло завладѣетъ нашимъ сѣверомъ и Сибирью.

Серьезными препятствіями для возникновенія нефтяной промышленности на Ухтѣ является отдаленность нефтяныхъ источниковъ отъ центровъ, отсутствіе всякихъ дорогъ, невозможность пользоваться водными путями по отсутствію пароходства, а также по мелководью и порожистости печорскихъ рѣкъ. Достаточно сказать, что для того, чтобы проѣхать къ источникамъ нефти, нужно сотни верстъ ѣхать волокомъ въ крытыхъ лодкахъ. Американцы не остановились бы передъ такого рода препятствіями, но для насъ, русскихъ, нужны многіе годы и цѣлыя поколѣнія предпріимчивыхъ людей, чтобы только выяснить вопросъ, есть ли на Ухтѣ нефть...

Мы думаемъ, что она тамъ есть (по указаніямъ геологовъ Иванова, Чернышева, горнаго инженера Боклевскаго, Галина, Сибирякова и др.) и что пустынный Печорскій край, наконецъ, оживится и тамъ закипитъ промышленная жизнь, подобная той, какая нѣкогда возникла на необитаемыхъ пустыняхъ Апшеронскаго полуострова, гдѣ отсутствіе воды, палящій зной и солонцеватая почва убиваютъ всякую жизнь.

Многоводный, заросшій дѣвственными лѣсами Печорскій край съ суровымъ, но здоровымъ климатомъ, все-таки, представляетъ много благопріятныхъ условій для возникновенія тамъ промышленной жизни.

Судоходство и желѣзныя дороги устранятъ всѣ существующія затрудненія для процвѣтанія на Ухтѣ нефтянаго промысла, и онъ, безъ сомнѣнія, возникнетъ тамъ въ ближайшемъ будущемъ. Это хорошее, симпатичное дѣло и оно должно обратить на себя вниманіе предпріимчивыхъ людей.

Мѣсторожденіе это сходно съ пенсильванскимъ и требуетъ глубокаго буренія. Мы слышали, что уже составляется общество съ цѣлью затратить 35—40 тыс. руб. на достаточно глубокую скважину.

К. Тумскій

Король Ричардъ III.

(Бенефисъ г. Южина).

I.

Очень давно, почти сто лѣтъ назадъ, въ салонѣ перваго консула Французской республики, Бонапарта, произошло совершенно неожиданное событіе. Одна изъ дамъ произнесла имя *Шекспира* и заявила, что она читала нѣкоторыя произведенія англійскаго поэта.

Консулъ не могъ опомниться отъ изумленія.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ онъ,—да вы ученая женщина!

Остальная публика также смутилась до послѣдней степени, но ироническое восклицаніе господина ободрило ее, — и она принялась насмѣшливыми взглядами и ехидными рѣчами допекать несчастную читательницу Шекспира.

— Длинное англійское имя, сорвавшееся у меня съ языка,—разсказываетъ виновница событія,—вызвало сенсацію въ нашей галлереѣ эполетъ, внимательной и безмолвствующей... Какая эрудиція! Сколько дней мнѣ пришлось мученьемъ искупать эффектъ, произведенный мною совсѣмъ нечаянно!...

Длинное имя... но оно отнюдь не длиннѣе, чѣмъ имя самой разсказчицы—m-me *Ремюза*, даже короче цѣлымъ слогомъ! Очевидно, дѣло не въ длинотѣ слова, а въ самомъ словѣ. Для французскихъ ушей начала XIX вѣка оно звучало необыкновенно дико.

И замѣтьте послѣ того, какъ надъ этимъ самымъ обществомъ пронеслась эпоха всевозможной англоманіи, начиная съ англійскихъ парковъ и англійской кухни и кончая философіей и конституціей. Оказалось возможнымъ въ теченіе десятилѣтій переводить и компилировать Мора, Гоббза, ка, Ньютона, и все-таки не привыкнуть даже къ имени Шекспира!

Но, можетъ быть, бонапартовскій салонъ на рѣдкость былъ безнадеженъ по части эстетики и литературы. Вѣдь въ то самое время, когда дворная дама выговаривала длинное англійское имя, самъ консулъ объяснялся на самомъ варварскомъ французскомъ языкѣ; своихъ подручныхъ

приглашалъ на *section*, вмѣсто *session*, а войскамъ объявлялъ *amnistie*, вмѣсто *armistice*, т.-е. *амнистію* вмѣсто *перемирія*. Гдѣ же здѣсь послѣ этого толковать о литературѣ!

Оказывается,—нѣтъ. Нѣкоторымъ счастливцамъ-авторамъ удавалось попадать въ руки героя, даже въ его походный сундукъ, и именно *иностраннымъ* авторамъ.

Гётевскій *Вертеръ*, напримѣръ, не только читался, а даже переписывался будущимъ императоромъ, — цитировался въ его любовныхъ супружескихъ письмахъ. Правда, имя автора романа оставалось все-таки неодолимымъ для бонапартовскаго языка, и тайный совѣтникъ Гёте лично имѣлъ счастье слышать свою фамилію въ самой упрощенной формѣ М-г. *Гётъ*. Но какъ бы то ни было, фамилія произносилась, какъ нѣчто знакомое и даже любопытное.

Не чуждо было французскому слуху и имя другого «молодца» нѣмецкой словесности—г. *Жилля*, надо читать Шиллера. Автору *Разбойниковъ* даже преподнесено конвентомъ гражданство Французской республики, — фактъ совершенно экстраординарный въ международной литературной исторіи.

Не то съ Шекспиромъ.

Исчезнетъ консульская республика, возникнутъ и умрутъ всякія другія формы, французы успѣютъ дожить до *третьей* республики, но исторія съ «длиннымъ англійскимъ именемъ» не подвинется ни на шагъ впередъ, пожалуй хуже: сдѣлаетъ настоящій регрессъ.

Люди прежняго времени могли быть невѣжественны и легкомысленны, но имъ какъ будто чувствовалось не всегда ловко въ своемъ невѣжествѣ и легкомысліи. Много еще сохранялось наивности и нѣкоторой оторопи предъ мало понятными и невѣдомыми предметами! По части скептицизма и отваги наши дѣды—провинціалы и новички сравнительно съ нами.

Иной разъ они предпочитали молча и скромно обойти недоступный имъ вопросъ, чѣмъ всякаго вола хватать за рога. Это можно наблюдать и до сихъ поръ у немногихъ могиканъ даже нашего идейнаго прошлаго.

Nous avons changé tout cela!...

Вы помните, у Тургенева изображена француженка, гувернантка, барышня вполнѣ безпечная насчетъ какихъ бы то ни было вопросовъ и сомнѣній: «Все это глупости!»

Этой философіи ей совершенно достаточно на всю жизнь.

И слово *философія* вы не должны понимать иронически. Все дѣло въ откровенности. Экспансивная дѣвица сразу выпалитъ всѣ свои тайны, — болѣе осторожный и лукавый послѣдователь той же самой вѣры преп несетъ вамъ свои «принципы» въ чрезвычайно приличной и даже внуш тельной формѣ. Съ дѣвицей вы не станете и разговаривать, и у конечно, не вступите въ серьезный споръ, а съ лукавымъ господин вы легко можете увлечься въ настоящую полемику, вполнѣ искренне здать иллюзію «обмѣна мыслей». Отъ начала до конца вы будете нес пимо смѣшонъ и жалокъ въ глазахъ своего совопросника, сыграете до

совѣстнѣйшимъ образомъ роль «идіота» изъ романа Достоевскаго. Но замѣтите все это слишкомъ поздно, когда уже спектакль окончательно сыгранъ.

Подобныя зрѣлища происходятъ вовсе не такъ рѣдко, какъ можно думать. Напротивъ, они такъ сказать носятся въ современномъ воздухѣ. Нѣтъ области ни въ искусствѣ, ни въ общественной мысли, гдѣ бы нельзя было натолкнуться на нихъ. Безпрестанно припоминается одна изъ курьезнѣйшихъ, исторически безусловно достовѣрныхъ картинъ русскаго «философскаго» вѣка.

У «матушки Екатерины», одно время съ большимъ усердіемъ списывавшей французскія книжки, существовалъ достойный и высокопоставленный подданный—Чебышевъ. Однимъ изъ его достоинствъ были прогулки по гостиному двору и публичное отрицаніе бытія Божія. Именно—публичное, въ присутствіи сидѣльцевъ и, конечно, женскаго пола, здѣсь же подъ шумъ вольтерьянскаго разговора, торговавшаго французскіе духи и моды.

Вольтерьянство отжило свой вѣкъ и стало отчасти притчей во языцѣхъ, но духъ его бодръ и вездѣсущъ!

Теперь, конечно, въ галантерейныхъ лавкахъ не толкуютъ о существованіи Бога,—по очень простой причинѣ: сами французы довольно равнодушны по части этой темы и вмѣстѣ съ лентами уже не присылаютъ намъ ни *Философскаго словаря*, ни *Эмиля*. Но за то приходитъ другой товаръ, несравненно болѣе пріятный и приспособленный къ мелочной торговлѣ. И распространеніе его отнюдь не меньше, чѣмъ какой угодно вольтеровской брошюры. Оно только не такъ замѣтно, потому что господа Чебышевы научены кое-какимъ опытомъ и утратили первобытную кристальность своей воспріимчивой души.

Когда, напримѣръ, вы систематически, недѣля за недѣлей и мѣсяцъ за мѣсяцемъ, читаете во французскихъ газетахъ и журналахъ негодующія рѣчи на появленіе шекспировскихъ драмъ въ Парижѣ, когда критики солиднѣйшей республиканской газеты и популярнѣйшаго *Révue* въ наши дни принимаются разсуждать стилемъ Вольтера на счетъ *пьянаго, безнравственнаго, циничнаго дикаря* и требовать вмѣсто *Макбета* «національныхъ» водевилей и фарсовъ Мейльяка и Блюма,— какія чувства долженъ испытывать прирожденный слушатель парижскихъ лекцій?

Обладай вы какимъ угодно твердымъ характеромъ, вы непремѣнно призадумаетесь. Правы ли, въ самомъ дѣлѣ, эти педанты преимущественно нѣмецкаго происхожденія съ своими психопатическими восторгами предъ поэтомъ XVI вѣка?

Педанты вообще народъ ненадежный. Вѣдь способны же они до сихъ поръ смаковать какую-нибудь одну фразу древней надписи и пересчитывать *предлоги* въ комедіяхъ Аристофана и впадать въ жестокія «контроверсы» по поводу знаковъ препинанія? Не проявленіе ли такой же кабинетной чисто цеховой психопатіи и ограниченности шекспировскій культъ?

Данныхъ много за утвердительный отвѣтъ и, повидимому, вполнѣ убѣдительныхъ.

Вѣдь поэзія—сама жизнь, драма—исторія человѣческой души, а драматургъ—публицистъ и психологъ въ высшемъ смыслѣ этихъ словъ. Кому же судить объ его достоинствахъ, какъ не людямъ новой жизни, лично историкамъ и повседневнымъ наблюдателямъ общественной дѣйствительности?

Представьте, вамъ вздумалось совершить путешествіе по морю. Къ вашимъ услугамъ два путеводителя: одинъ—опытный морякъ, выдержавшій не мало штилей и штормовъ, научившійся «молиться Богу» въ глазахъ самой смерти; другой—перечиталъ множество путешествій, отлично изучилъ географію и метеорологію, знаетъ, какъ называются всѣ части корабля и какую службу онѣ выполняютъ на морѣ. Вы, конечно, оцѣните трудъ и познанія этого ученаго, но отправитесь плавать все-таки съ другимъ, можетъ быть, и менѣе основательнымъ ученымъ, за то, несомнѣнно, испытаннымъ практикомъ.

То же самое и въ литературѣ.

Наша исторія даже знаетъ изумительно краснорѣчивую иллюстрацію для двухъ разныхъ направленій критики—въ дѣятельности одного и того же писателя.

Бѣлинскій былъ сначала «философомъ» и книжникомъ, въ смыслѣ фанатической приверженности къ отвлеченностямъ и теоріямъ. Въ результатѣ и не пересчитать смертныхъ грѣховъ! Разбито *Горе отъ ума*, уничтоженъ Чацкій, воздвигнута Бородинская годовщина. И мало ли еще болѣе мелкихъ проступковъ.

Но вотъ настала власть жизни, практическихъ опытовъ,—и критикъ переродился! Изъ Донъ-Кихота силлогизмовъ и чужихъ истинъ быстро выросъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ руководителей отечественной общественной мысли и непогрѣшимый судья людей и талантовъ.

Не то же ли самое—профессора, производители многотомныхъ изслѣдованій, всю жизнь совершающіе вѣчное путешествіе отъ кабинета въ аудиторію и обратно? А рядомъ съ ними — настоящіе «дѣлатели исторіи», постоянно «захваченные» какими-нибудь насущными вопросами, ежеминутно обуреваемые фактами, идеями, страстями... Мыслима ли здѣсь какая-нибудь конкурренція со стороны обладателя даже самой образцовой библіотеки?

И, между тѣмъ, культъ Шекспира процвѣтаетъ именно въ этой средѣ не отъ міра сего. Всѣ эти Гервинусы, Эльце, Даудены работаютъ исключительно на бумагѣ и почти не знакомы съ человѣческою кожей. Подъ ихъ очками трудно и вообразить, какая мелочь выростаетъ въ слона! И можно ли простому смертному, въ культурномъ отношеніи самому благонамѣренному, проникнуться восторгомъ предъ этою работой? Невольно ему придетъ мысль: ужъ не открылъ ли современный педантизмъ въ драмахъ Шекспира новое благодарное поприще — для *комментарій*, *конъектъ* и иныхъ упражненій тунеядной учености?

И недостатковъ въ утвердительныхъ отвѣтахъ и не было и нѣтъ. Причемъ отвѣты даются самыми, повидимому, компетентными и для большой публики симпатичными критиками.

II.

Кому, напримѣръ, лучше и тоньше понимать, что такое *драматургъ*, *драматическій характеръ*, какъ не французскому писателю конца XIX-го вѣка? Вѣдь въ теченіе *трехъ столѣтій* музы французской трагедіи и комедіи питаютъ своими щедротами весь міръ. До сихъ поръ нельзя и въ воображеніи представить ни одной европейской сцены, гдѣ бы на французскую драматургію не смотрѣли какъ на своего рода ключъ живой воды. Къ такому взгляду привыкла и публика на всемъ пространствѣ Стараго Свѣта—отъ Мадрида до Москвы.

И вотъ сами всесвѣтные благодѣтели и учителя заявляютъ *теперь*,—не при классицизмѣ и не при Людовикѣ XV, а въ эпоху всяческой литературной и политической свободы,—что Шекспиръ, какъ драматургъ—*посредственность*. У него нѣтъ ни одного *выдержаннаго характера*, за исключеніемъ развѣ Макбета и Шейлока, да и то во французскихъ передѣлкахъ.

Потомъ еще, конечно, основательнѣе современные французы могутъ судить объ изяществѣ и приличіи литературнаго произведенія. *Bienséance étroite* классиковъ и откровенность Золя, кажется, достаточно воспитали Францію по части тона,—во всѣхъ направленіяхъ. И если послѣ *Терезы Рокэнъ* вамъ станутъ указывать, что есть множество пьесъ неизмѣримо болѣе *грубыхъ* и *грязныхъ*,—вы, разумѣется, поостережетесь держать ихъ открыто въ своей библіотекѣ.

Именно таковъ Шекспиръ.

Immondes grossièretés!... вотъ краткая и точная характеристика шекспировскихъ сценъ. Герой и героиня не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о тонѣ порядочнаго общества. Гамлетъ говоритъ Офеліи, благовоспитанной дѣвицѣ—невѣроятныя вещи, тѣнь своего отца обзываетъ *старымъ кротомъ!...* C'est horrible!... непочтительность превыше границъ,—и здѣсь же Гамлетъ изображается необыкновенно любящимъ сыномъ. Непослѣдовательность — явная! Только нужно вдуматься въ нее безъ профессорскихъ хитростей и нѣмецкихъ предразсудковъ.

Одинъ изъ такихъ предразсудковъ, напримѣръ, будто Миранда въ *Бурѣ* одно изъ самыхъ цѣломудренныхъ и дѣвственныхъ явленій во всей европейской поэзіи. Вовсе нѣтъ.

Читатели *Западни* и *Нана* находятъ, что діалоги между Мирандой, ея отцомъ и принцемъ Фердинандо—верхъ циничности. На такія вещи не рискнулъ бы даже Золя. Онѣ способны возмутить «самыхъ беззастѣнчивыхъ зрителей».

Въ результатѣ Шекспиръ, какъ поэтъ—*un médiocre ouvrier dramatique*—посредственный драмодѣлъ, а какъ моралистъ—прямо невозможенъ на современной культурной сценѣ. Надо брать непремѣнно «полу-Шекспира», чтобы сдѣлать спектакль сноснымъ. Но *ce Demi-Shakespeare!...* восклицаетъ французъ: какой въ немъ смыслъ? резоннѣе совсѣмъ удалить его изъ оборота просвѣщенной и нравственной публики.

Мы передали въ точности отзывы *первенствующей* театральной французской критики. Она пришла въ неистовство по поводу фантазіи директора *Одеона* составить шекспировскій репертуаръ. Фантазія не отличалась особенно смѣлымъ полетомъ: вопросъ шелъ о двухъ-трехъ драмахъ. И вотъ онѣ-то лишили сна и аппетита французовъ, какъ эстетиковъ и какъ патріотовъ. Одновременно съ воплями о *грязныхъ грубостяхъ* критики возопили противъ *британнизаціи* французской сцены.

Азартъ дошелъ до того, что газеты готовы были объявить крестовый походъ противъ шекспировской статуи на одной изъ парижскихъ площадей.

Правда, статую подарилъ Парижу иностранецъ, на нее не истрачено ни сантима изъ французскихъ «economies», но не въ этомъ дѣло. «Пьяному дикарю» воздвигнутъ памятникъ, а Корнель и Расинъ до сихъ поръ не дождались этой чести.

Можетъ показаться едва вѣроятнымъ подобный эпизодъ въ концѣ XIX вѣка, на республиканской почвѣ, въ очагѣ *свободнѣйшей* въ мірѣ литературы, выражаясь вѣжливо... А между тѣмъ любопытные могутъ найти всѣ подробности оригинальной войны на столбцахъ такихъ органовъ, какъ *Temps, Journal des Débats, Revue politique et litteraire*.

Вы видите,—соотечественники Вольтера по части шекспирофобіи нисколько не подвинулись по пути выздоровленія,—и врядъ ли даже есть надежда на будущее. Потому, что мораль и патріотизмъ, т.-е. *le très chic* и *la grande nation* такого сорта гидры во французской натурѣ, противъ какихъ еще не нарождался и, вѣрнѣе всего, не народится никакой Геркулесъ.

Можно, конечно, сколько угодно толковать о *предразсудкахъ* «великой націи», но вѣдь есть же какой-нибудь смыслъ хотя бы и въ предразсудкахъ, особенно, когда они неприкосновенно сохраняются среди всѣхъ политическихъ и идейныхъ переворотовъ. Не глупцы же въ самомъ дѣлѣ люди, на расхватъ читаемые одинаково и на парижскихъ бульварахъ и гдѣ-нибудь въ Тарасконѣ? Во всякомъ случаѣ, не намъ поднимать руку на европейскія установившіяся репутаціи. Не лучше ли прислушаться?

И мы прислушиваемся—и такъ усердно, что имя Шекспира для насъ «длиннѣе» ушей даже самой отчаянной публики,—вродѣ любителей и любительницъ *Графа Ризоора* или *Равенскаго бойца*. Вѣдь могли же мы встрѣтить въ русской печати вполнѣ серьезное мнѣніе, что поставить шекспировскую пьесу значитъ сшить новые костюмы и подновить декораціи.

И вы думаете, это взглядъ невѣжды и какого-нибудь уличнаго борзописца? Вовсе нѣтъ. Взглядъ могъ бы найти подтвержденіе не только у французскихъ эстетиковъ, а даже на родинѣ Шекспира.

Въ Лондонѣ больше театровъ, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ столицахъ вмѣстѣ. Но вы напрасно стали бы искать хотя бы шекспировской тѣни на всѣхъ этихъ сценахъ. Вотъ атлета, напримѣръ, вы могли бы видѣть даже въ Дрюриленскомъ театрѣ, старинѣйшемъ въ Лондонѣ. *Мертвое сердце* тоже къ вашимъ услугамъ со всѣми подробностями площади, алькова и застѣнка.

Правда, на газетныхъ столбцахъ промелькнетъ передъ вами *Какъ вамъ угодно*. Кажется, нѣчто шекспировское. Но прочтите статью и увидите,—все дѣло въ очень красивой актрисѣ, лансированной въ самыхъ высокихъ сферахъ high-life'a, и Шекспиръ не болѣе какъ предлогъ для афишированія граціи и костюмовъ.

Если такъ обстоитъ дѣло въ отечествѣ Шекспира, можно ли сѣтовать на иностранцевъ?

И мы еще даже малой доли не собрали тѣней на вѣковой славѣ поэта. Чтобы представить картину во всемъ ея эффектѣ, надо обратиться къ англійскимъ журналистамъ, глубоко оскорбленнымъ современною отечественною сценой.

III.

Въ англійской печати до сихъ поръ не прекратилась полемика о *возрожденіи* театра. Началась она года четыре тому назадъ, статьями одного изъ первостепенныхъ англійскихъ критиковъ, Арчера. Вопросъ до такой степени заинтересовалъ публику, что даже общіе журналы вродѣ *Fortnightly Review, Westminster Review, Nineteenth Century* дали мѣсто цѣлому ряду статей. *Times*—исключительно-политическій органъ—помѣстилъ множество «писемъ въ редакцію» отъ критиковъ, артистовъ и просто любителей.

Это—цѣлое движеніе. Оно отразилось и на сценѣ. Было возобновлено нѣсколько пьесъ,—правда, очень мало,—но за то тщательность постановки и игры граничили съ совершенствомъ. Сыграли *Гамлета, Генриха VIII, Генриха IV,* нѣсколько комедій и, наконецъ, въ декабрѣ прошлаго года *Ричарда III.*

Въ какомъ положеніи находились произведенія Шекспира, какъ репертуарный матеріалъ, показываетъ какъ разъ интересующая насъ драма.

Оказывается, она болѣе полутораста лѣтъ являлась на англійской сценѣ *въ передѣлкѣ*. Совершилъ ее актеръ *Cibber,* въ 1700 году, чисто-ремесленнически. Это одно изъ самыхъ дикихъ актерскихъ упражненій въ классической драмѣ,—къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма обычныхъ. Вышла вульгарная мелодрама, чуть не балаганное представленіе.

Но оно жило вплоть до 1877 года. Множество знаменитостей переиграло роль Ричарда, и ни одна не осмѣливалась измѣнить традиціи во имя таланта и достоинства Шекспира. Гаррикъ прямо приходилъ въ восторгъ отъ передѣлки, Кинъ шелъ дальше и публично заявлялъ, что *шекспировскій Ричардъ III* невозможенъ на сценѣ. Мало этого, онъ менѣе допустимъ, чѣмъ какое угодно произведеніе какого угодно великаго поэта. Однимъ словомъ — нѣчто вродѣ такого же эстетическаго уродца, какимъ герой пьесы является въ нравственномъ и физическомъ отношеніи.

Актеръ болѣе отважный, чѣмъ Кинъ, Макрэди, рѣшился *кое-гдѣ* возстановить шекспировскій текстъ, но не поднялъ руки на все издѣліе и,

по его мнѣнію, хорошо сдѣлалъ: даже его скромная попытка имѣла успѣхъ только отчасти... Имѣйте въ виду, что тотъ же Макреди превосходно понималъ нелѣпость передѣлки, но не дерзалъ посягать на традицію. Только, наконецъ, Ирвингъ, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, стряхнулъ вѣковую пыль съ шекспировской хроники — и такой подвигъ числится далеко не изъ малыхъ въ исторіи новаго англійскаго театра.

Мы бы не стали распространяться объ этомъ фактѣ, еслибы вопросъ шелъ о сокращеніяхъ или перестановкахъ отдѣльныхъ сценъ въ шекспировской драмѣ. Нѣтъ. Предъ нами *передѣлка* въ самой откровенной формѣ: Авторъ не только вычеркивалъ, но и самъ сочинялъ, бралъ стихи изъ другихъ пьесъ Шекспира, вставлялъ свои собственные,—вообще *творилъ*. И потомство его увѣнчало, и вѣнокъ не увядалъ даже въ эпоху самаго пышнаго расцвѣта шекспировскаго культа въ ученой литературѣ. Не явись на сценѣ не въ примѣръ смѣлый и прямолинейный почитатель Шекспира,— англичане и до сихъ поръ не видали бы шекспировской драмы въ своихъ театрахъ.

Не правда ли, вопіющій курьезъ, если принять во вниманіе невѣроятный ростъ шекспировской литературы въ XIX вѣкѣ, если припомнить сотни жизней и талантовъ, посвященныхъ на кропотливѣйшее изученіе произведеній поэта?

И курьезъ тѣмъ болѣе экстренный, что въ сущности ему не было никакого основанія существовать. Прочтите *Ричарда III* въ его неприкосновенномъ видѣ—и вы найдете, что это едва ли не самая удобная шекспировская пьеса именно для постановки на сценѣ. Рѣшительно нѣтъ ни одного *невозможнаго* монолога и ни одной *невыносимой* сцены. Даже по части декорацій, играющихъ, какъ извѣстно, рѣшительную роль въ преобразованіяхъ шекспировскихъ драмъ, все весьма благополучно...

Что же заставляло англичанъ какого-то темнаго актера предпочитать подлинному автору?

Не что иное, какъ *малый кредитъ* Шекспира въ публикѣ, среди самихъ артистовъ и даже у критиковъ.

Ученый могъ священнодѣйствовать надъ каждымъ стихомъ поэта, буквально считать его слова и писать трактаты даже по поводу Розенкранца,— и въ это же самое время актеръ вооружается карандашомъ и перекраиваетъ «священные свитки» со вкусомъ и усердіемъ истаго закройщика. Публика рукоплещетъ актеру, а критика или присоединяется къ общему голосу, или, самое большее, предлагаютъ собственную систему перекройки.

Въ результатѣ—чѣмъ крупнѣе сценическая знаменитость, тѣмъ меньше Шекспира въ ея роляхъ. Изъ московскихъ, напримѣръ, гастролеровъ всѣхъ національностей ни одинъ, ни единаго раза, не сыгралъ хотя бы даже *Гамлета* по подлиннику. Мы видѣли *Гамлета*—Поссарта, *Гамлета*—Росси, *Гамлета*—Мунэ-Сюлли,—не три разныхъ *роли*, а три разныхъ *пьесы*, у итальянца даже нѣчто вродѣ словесной варіаціи на тему, а у француза

уже прямо своего рода англо-французскій альянсъ изъ Шекспира и какихъ-то таинственныхъ незнакомцевъ.

Вотъ и говорите послѣ этого о славѣ Шекспира! Да онъ просто едва извѣстенъ! Иной разъ разговоръ объ этой славѣ столь же цѣлесообразенъ, какъ во времена Корнелей и Расиновъ было бы умѣстно говорить о славѣ Эврипида и Софокла. Конечно, классическихъ геніевъ не существовало бы, не будь правильнаго хищенія изъ античной трагедіи. Но разъ воръ украденное платье перекроилъ по своей таліи, оно уже чужое для собственника.

Такъ и съ Шекспиромъ, какъ видите, до нашихъ дней.

Все еще онъ очень длиненъ, и все еще въ публикѣ преобладаютъ Полоніи. Да и въ одной ли публикѣ?

Вѣдь изъ Парижа Шекспира изгоняла просвѣщенная и передовая критика, въ Лондонѣ въ теченіе ста семидесяти лѣтъ *Ричарда III* уродовали даровитѣйшіе артисты, во всѣхъ столицахъ — Поссарты и Сальвини конкурируютъ открыто съ авторомъ *Гамлета,* а къ французскимъ геніямъ датскій принцъ и теперь могъ бы направить ту самую рѣчь, какую онъ внушалъ актеру по поводу шутовъ XVI вѣка.

Послѣ этого мы можемъ оцѣнить смѣлость русскаго артиста, дерзающаго показать публикѣ по возможности настоящаго Шекспира и достаточно уважающаго литературу и искусство, чтобъ извлекать сценическіе красоты изъ драматическаго источника, а не измышлять ихъ ради собственнаго удобства или актерскаго самовольства.

Но сущность, конечно, не въ профессіональной благонамѣренности, какъ бы ни была она почтенна. Вопросъ: каковъ результатъ благихъ намѣреній, какія *дѣла* совершила *вѣра?*

Въ нашемъ случаѣ—вопросъ въ высшей степени рискованный. До сихъ поръ г. Южинъ на нашихъ глазахъ сыгралъ двѣ шекспировскихъ роли—Гамлета и Макбета. Обѣ онѣ, разумѣется, отличаются и техническими трудностями, и психологической сложностью: безъ этого нѣтъ шекспировской трагической роли. Но въ сравненіи съ королемъ Ричардомъ — *практическимъ* психологомъ и королемъ Ричардомъ — *стихійнымъ* злодѣемъ, Гамлетъ—словоохотливый мечтатель, а Макбетъ—«жертва преступной страсти», какъ говорили въ старое время о зарвавшихся хорошихъ людяхъ.

Представьте, Ричарда упрекаютъ въ избыткѣ *млека человѣчности,* Ричарда *женщина* толкаетъ на рѣшительный шагъ, Ричардъ философствуетъ насчетъ загробной жизни намѣченной жертвы... Вѣдь это—non-sens! Если ужъ нужны литературныя сравненія, то развѣ только мильтоновская поэма можетъ дать удовлетворительный матеріалъ, да и то не полный!

Сатана, несомнѣнно, грандіозенъ во злѣ и надменъ въ преступленіи, но его соблазнительная атака на прародительницу человѣческаго рода—дѣтская игра сравнительно съ подвигами Ричарда въ томъ же направленіи.

Нѣтъ, это — *unicum* въ полномъ смыслѣ, цѣлая гамма темныхъ стихій—ума и сердца, и, что удивительнѣе всего, совершенно реальная гамма. Поэтъ не прибавилъ ни психологіи Ричарда, ни единаго фантастиче-

ского каприза, — отчасти даже нѣсколько *сократилъ* его нравственную мощь.

Въ драмѣ мы не видимъ Ричарда правителя и законодателя. Въ исторіи онъ былъ, и не менѣе талантливый и мужественный, чѣмъ въ своихъ злодѣйствахъ. И отъ этой фигуры насъ отдѣляетъ всего какихъ-нибудь четыреста лѣтъ, а между тѣмъ какою-то легендой вродѣ германскаго *Götterdämmerung*'а вѣетъ и отъ короля, и отъ сцены его дѣлъ.

IV.

Мы во второй половинѣ XV вѣка. Это уже новое время. Возрожденіе въ полномъ расцвѣтѣ, даже Германія кишитъ поэтами, гуманистами и реформаторами, а Италія уже давно вкусила всѣхъ сладостей античной мудрости и поэзіи.

Не минули «чары Цирцеи» и Англіи. Здѣсь изучается греческій языкъ, распространяется философія Платона, возникаютъ глубокомысленные политическіе трактаты, вродѣ знаменитой книги Фортескьё, перваго замѣчательнаго теоретика англійской политической свободы.

Все предвѣщаетъ близкое разложеніе и старыхъ порядковъ, и особенно стараго міросозерцанія. Вскорѣ въ лицѣ Томаса Мура явится даже законодатель общественныхъ идеаловъ, весь проникнутый благоговѣніемъ предъ мыслью и наукой, даже предъ правами женщины.

И въ эту-то именно эпоху, всего лѣтъ за двадцать до рожденія автора *Утопіи*, въ англійской дѣйствительности разражается рядъ безпримѣрно-жестокихъ событій.

Даже англійскіе историки не могутъ разобраться въ этомъ хаосѣ. Англія на тридцать лѣтъ будто впадаетъ въ первобытное варварство. Генеральныя сраженія, мелкія бойни, казни, тайныя убійства слѣдуютъ непрерывною кровавою полосой, истребляютъ восемьдесятъ принцевъ крови, почти всю старую феодальную аристократію и завѣщаютъ потомству нѣсколько фигуръ, по-истинѣ безсмертныхъ, возможныхъ только на исключительной сценѣ.

Цѣлое поколѣніе выросло на крови, и притомъ—междоусобной войны, т.-е. заранѣе порывало всякія связи, узаконяло измѣны, до послѣдней степени поощряло инстинкты эгоизма и самозащиты. Кажется, никогда въ теченіе всей европейской исторіи не было болѣе совершенной школы преступленія.

И ученики выходили поразительно талантливые!

Дѣти могучей націи, съ здоровыми организмами средневѣковыхъ людей, съ исторически-развитыми желѣзными индивидуальностями и неукротимыми темпераментами, они блистательно разыграли трагедію, гдѣ каждая вполнѣ достовѣрная сцена стоитъ всего литературнаго классицизма и романтизма.

До Шекспира долетѣли еще довольно ясные отголоски великой эпопеи, онъ могъ слышать не мало устныхъ разсказовъ о страшномъ королѣ, и,

вѣроятно, въ дѣтствѣ они не разъ разжигали воображеніе будущаго поэта. А потомъ, когда ему пришлось прочесть подробный разсказъ о борьбѣ Розъ, у него глаза должны были разбѣжаться. Сама лѣтопись представляла рядъ готовыхъ драмъ, и—какихъ героевъ и даже героинь!

Событія и дѣйствующія лица такого сорта, что простой переписчикъ могъ бы незамѣтно для себя самого превратиться въ поэта и психолога.

Какая смѣсь совершенно, повидимому, непримиримыхъ чувствъ и идей!

Всѣ эти люди давно утратили всякое представленіе о религіи, какъ нравственной силѣ. Для нихъ не существуетъ даже Бога карающаго, и совѣсть не болѣе, какъ «подлый трусъ».

Но посмотрите, какая цѣпкая сѣть опутываетъ сердца и воображеніе этихъ гигантовъ органическаго зла!

Небо и адъ — понятія для нихъ безразличныя, измѣна и вѣрность — нѣчто смутное, безпрестанно мѣняющее цвѣтъ и форму по обстоятельствамъ, но все это не мѣшаетъ самому варварскому суевѣрію. И бываютъ минуты, человѣкъ, нарушившій всѣ законы человѣческой природы, дрожитъ и мечется безпомощно предъ мечтой, ночнымъ кошмаромъ, предъ вздорнымъ предсказаніемъ.

Король Эдуардъ губитъ брата, потому что его имя начинается съ буквы *Г*, а эта буква должна воцариться въ Англіи послѣ него, короля Эдуарда!

Лордъ, видѣвшій на своемъ вѣку бездну вопіющихъ злодѣйствъ, дожившій до сѣдинъ подъ громъ битвъ и стоны измѣнически убиваемыхъ королей и принцевъ, теряетъ всякое самообладаніе отъ ночного мечтанія. На-яву его, навѣрное, не испугало бы никакое чудовище, но приснившійся драконъ сулитъ ему невѣроятныя бѣдствія... Какая-то отдаленная неуловимая тѣнь способна заслонить солнце отъ этихъ по-истинѣ орлиныхъ, хищническихъ взоровъ!

Другой герой, отягчившій свою совѣсть убійствомъ наслѣдника престола, цѣлой массы опасныхъ и просто непріятныхъ лицъ, достойный сподвижникъ Ричарда. Кажется, ничего больше не остается на землѣ, способнаго разстроить его нервы. Однако есть, и это — случайно споткнувшаяся лошадь!

И какія зрѣлища происходятъ иной разъ въ этомъ логовищѣ! Нѣчто вродѣ фарса, но съ самымъ зловѣщимъ смысломъ и содержаніемъ. Какое, напримѣръ, ваше впечатлѣніе отъ слѣдующей сцены?

Всѣмъ извѣстно,— Ричардъ Глостеръ явился на свѣтъ уродомъ, лѣвая рука у него совершенно сухая, будто вѣтвь умершаго дерева... Страшный недостатокъ тамъ, гдѣ физическая сила — первая добродѣтель, а внѣшняя красота и внушительность—признакъ царственной породы!

И, несомнѣнно, рука Ричарда играетъ въ его жизни несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ какія угодно нравственныя качества! Это — *клеймо*, необыкновенно краснорѣчивое для англичанина XV вѣка, даже слабы Ричардъ Глостеръ родился агнцемъ и святымъ.

Но онъ родился истиннымъ сыномъ своего времени, однимъ изъ ядовитѣйшихъ шиповъ своей наслѣдственной розы. И посмотрите, какъ онъ пользуется даже своимъ физическимъ позоромъ!

Сцена въ государственномъ совѣтѣ. Ричардъ — протекторъ, но ему надо быть королемъ, а для этого долженъ погибнуть лордъ Гастингсъ. Это — одинъ изъ многихъ, но странный «глупецъ»: до сихъ поръ онъ убивалъ и измѣнялъ, будто опытный актеръ классической пьесы, а теперь вдругъ заупрямился. Трудно найти подкопъ подъ такого звѣря, изобрѣсти достойную его ловушку. Приходится брать съ одного прыжка,— все равно, гдѣ и когда.

И вотъ кандидатъ въ короли предъ собраніемъ лордовъ, епископовъ и законниковъ выхватываетъ изъ рукава свою изсохшую руку другою рукой и, потрясая ею предъ ошеломленною публикой, кричитъ:

— Смотрите, что сдѣлала колдунья съ помощью моихъ враговъ! Она изсушила мое тѣло!...

Всѣ знаютъ, — колдунья здѣсь совершенно не причемъ, не виноватъ и лордъ Гастингсъ, но фарса вполнѣ достаточно, чтобы немедленно отрубить голову одному изъ знатнѣйшихъ лордовъ.

— Да, поскорѣе! — кричитъ протекторъ.— Клянусь св. Павломъ, я не стану обѣдать, пока не увижу его отрубленной головы!

Разумѣется, никто не рѣшается томить голодомъ властителя, и послѣ самой краткой исповѣди Гастингсъ переселяется въ лучшій міръ...

Simple comme bonjour!

Иногда эпизоды нѣсколько сложнѣе. Палачи, въ хорошемъ настроеніи отъ богатаго приза, пускаются въ юмористику. И что это за юморъ! Знаменитая «романтическая иронія», изобрѣтенная нѣмецкими бурными геніями,—просто филистерская банальность сравнительно съ хохотомъ нашихъ человѣкоубійцъ.

Къ тому же Гастингсу является его хорошій пріятель и прежній сообщникъ звать въ государственный совѣтъ, т.-е. на только что разсказанный фарсъ. И это извѣстно посланцу.

Гастингсъ по пути встрѣчается со священникомъ и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. Спутникъ прерываетъ ее:

— Пойдемъ, милордъ! Что вамъ болтать съ попомъ? *Пока еще* онъ вамъ не нуженъ...

И слова сопровождаются самымъ краснорѣчивымъ смѣхомъ. Его позже припомнятъ слишкомъ хорошо свидѣтели сцены.

Все это—вполнѣ достовѣрныя картины. Шекспиръ воспользовался д леко не всѣми, и еслибы даже въ настоящее время явился драматур равной силы, онъ могъ бы написать не одну совершенно новую хрони на тему тѣхъ же событій.

И дѣло, конечно, не въ обиліи кровавыхъ эпизодовъ и не въ искл чительной жестокости дѣйствующихъ лицъ, а въ *оригинальности* и т. *бинъ* психологіи.

Одноцвѣтный и неуклонный злодѣй, нравственный идіотъ и вырожденецъ—совершенно не подходящій матеріалъ для драмы. Его можно описать съ чисто-научнымъ интересомъ, внести въ исторію психіатріи, но вывести на сцену было бы преступленіемъ предъ искусствомъ и предъ здравымъ смысломъ.

Предъ нами нѣчто другое.

Люди, повидимому, вполнѣ равнодушно рѣжутъ, колютъ, отравляютъ, вѣшаютъ, уничтожаютъ плѣнныхъ, издѣваются надъ побѣжденными и безоружными... Но это не мелодраматическіе персонажи, а *реальные* люди. Природа ихъ вовсе не представляетъ какой-то сплошной кляксы,—она, какъ все живое и органически-здоровое,—весьма разнообразна и сложна.

Мы можемъ съ какимъ угодно чувствомъ относиться къ буквѣ *Г* и къ снамъ, но они—въ высшей степени важные симптомы. Все это будто окна въ безпросвѣтно-темную комнату. По временамъ полоса свѣта попадаетъ и въ самый кромѣшный мракъ, и намъ тогда подъ окровавленнымъ панцыремъ убійцы чуется трепетъ человѣческаго нерва... Минута безпокойства пролетитъ, нервъ замретъ,—но въ рѣшительный моментъ трепетъ можетъ превратиться въ настоящую бурю, и тогда даже король Ричардъ—не литературный, а историческій, будетъ потрясенъ. Безъ сомнѣнія, онъ не разыграетъ Годунова, въ конецъ подавленнаго душевными и внѣшними невзгодами, но и ему потребуется не мало усилій, опять-таки послѣ ночныхъ грёзъ, скрыть смуту и малодушіе.

Для этихъ дикарей, очевидно, совѣсть доступна только въ самой осязательной формѣ, не принципіальнаго сознанія, не тонкаго сердечнаго ощущенія, а въ формѣ—привидѣнія и нервнаго ужаса. Но совѣсть все-таки доступна,— и этого достаточно, чтобы жизнь тиранна превратилась въ психологическую драму.

Представьте сцену, засвидѣтельствованную исторіей. Въ день рѣшительной битвы Ричардъ выходитъ изъ палатки блѣдный, разбитый, съ тусклыми глазами... Всѣ привыкли его встрѣчать грознымъ и самоувѣреннымъ,—что же случилось? На короля устремлены недоумѣвающіе, а можетъ быть, и злобноторжествующіе взгляды. Онъ видитъ это, и мучительная мысль, что въ немъ заподозрятъ труса, заставляетъ его пойти на странную женскую откровенность.

Онъ разсказываетъ лордамъ свой сонъ,—онъ, всю жизнь бросавшій вызовы силамъ природы и людей!

Ночью, въ виду послѣдняго разсчета съ судьбой, король невольно сталъ вспоминать пройденный путь, и совершенно естественно его сонъ смутили воспоминанія. Но смутили *противъ его воли*: онъ не звалъ призраковъ, и пришли будто неотразимые фатальные отголоски прошлаго. Человѣческая природа мстила за себя независимо отъ личности, и нравственный конъ велъ *свой* счетъ,—все равно, принимали въ этомъ счетѣ участіе люди или нѣтъ.

И поэтъ вѣритъ въ стихійную силу закона. Для него человѣческая

жизнь таинственный и сложный силлогизмъ: мы можемъ отъ себя составить какія угодно посылки, но заключеніе будетъ выведено не только изъ нихъ, а еще изъ чего-то другого, лежащаго за предѣлами нашей воли и нашего разума. Можно называть это другое разными именами, опредѣлять такъ или иначе, или совсѣмъ не опредѣлять и даже не допускать возможности опредѣленія,—но оно и не нуждается въ нашихъ положеніяхъ и отрицаніяхъ. Оно идетъ своимъ путемъ, часто будто потокъ, пропавшій въ пескѣ,—наступаетъ моментъ, и человѣческія комбинаціи оказываются лицомъ къ лицу съ непредусмотрѣннымъ и неустранимымъ. И горе тому, кто не велъ въ своей дѣятельности мудрой двойной бухгалтеріи личныхъ страстей и желаній, и общаго блага, и нравственныхъ принциповъ! Расплата неотвратима...

Такова идея, проходящая черезъ всѣ драмы Шекспира, и почерпнута она поэтомъ не въ отвлеченной морали, а въ простодушныхъ повѣстяхъ родной исторіи. Судьба Ричарда будто нарочно пронеслась надъ Англіей губительною бурей, чтобы еще въ лѣтописяхъ запечатлѣть великій принципъ логическаго міропорядка.

И припомните сцену, одну изъ немногихъ, сочиненныхъ поэтомъ,—сцену потрясающаго эффекта, когда королева Маргарита проклинаетъ своихъ враговъ.

Сама королева—изумительная историческая фигура. Опять всѣ романтическія героини, даже у Виктора Гюго, блѣднѣютъ предъ этой правдой. У героинь, созданныхъ поэзіей, вѣчная наклонность пристроиться къ какому-нибудь герою, все равно на какихъ основаніяхъ—политики или сердца. И это естественно. Безъ женско-мужского союза нѣтъ трагедіи, какъ она понимается до сихъ поръ.

Маргарита—героиня сама по себѣ. Она и министръ, и полководецъ, и дипломатъ. Она ничѣмъ не уступаетъ Ричарду и, кажется, во всей исторіи нельзя найти болѣе благодарной темы для романтической фантазіи, чѣмъ столкновеніе этихъ людей на одной сценѣ. Въ дѣйствительности этого не было. Ричарду шелъ всего девятнадцатый годъ, когда Маргарита проиграла свое дѣло въ Англіи. Шекспиръ допустилъ анахронизмъ—и съ самой очевидной цѣлью.

Королева изображена у поэта безъ всякихъ смягченій и недомолвокъ. Она убиваетъ и отрѣзываетъ головы не хуже любого современнаго головорѣза. У нея еще есть особая черта, болѣе отвратительная, чѣмъ самыя ея злодѣйства. Она способна издѣваться надъ своими жертвами, устраиваетъ маскарадъ даже съ трупомъ врага, наряжаетъ голову герцога Іо[illegible]скаго въ бумажную корону и осыпаетъ ударами... Это, дѣйствительно, [illegible]щество, для котораго лучшей характеристики, чѣмъ одно ея имя—не [illegible]брѣсти: такъ оно внушительно само по себѣ!...

Но есть нѣчто способное прервать нашу негодующую рѣчь. Маргарит[illegible] чудовище, но она мать. Правда, ея любовь какая-то волчья, но тѣмъ [illegible] любовь страстнѣй и самоотверженнѣй. Всѣ злодѣянія королева совер[illegible]ь

во имя своего сына, она единственный щитъ и мечъ принца вельскаго, въ немъ вся ея жизнь, отъ него идутъ и къ нему возвращаются всѣ ея планы и предпріятія..

Изъ длинной исторіи ея приключеній разсказываютъ, между прочимъ, такой фактъ.

Однажды послѣ неудачной битвы королева съ сыномъ пробиралась въ лѣсу. Встрѣтился разбойникъ и обнажилъ было мечъ. Маргарита не смутилась и обратилась къ нему съ такой рѣчью:

— Вотъ, мой другъ, возьми, я тебѣ ввѣряю сына твоего короля!

Эти простыя слова поразили разбойника, и онъ почтительно, будто благоговѣя предъ матерью, вывелъ бѣглецовъ изъ лѣса.

И иного впечатлѣнія не могла произвести подобная женщина,—преступница и героиня во имя материнскаго чувства. Оно, конечно, не оправданіе преступленій, но какъ же оно могло выразиться у сильной личности среди повальной бойни, рядомъ съ безпощадными палачами и измѣнниками! Маргарита защищала права сына тѣми же средствами, какими отнимали эти права.

И поэтъ именно ее выбралъ вѣщательницей судьбы. Историческая Маргарита умерла вдали отъ Англіи, въ жестокомъ недугѣ, обезображенная старостью и проказой. До послѣдней минуты она не переставала оплакивать своего сына.

Шекспиръ заставилъ королеву жить при дворѣ Ричарда, быть свидѣтельницей его кроваваго движенія къ трону и произнести пророческій судъ надъ стадомъ хищниковъ.

Это точная программа катастрофы, и поэтъ явно каждую угрозу королевы проводитъ въ соотвѣтствіе съ дѣлами того или другого преступника.

Подобный пріемъ могъ бы произвести впечатлѣніе преднамѣренной морализаціи, но до проклятія событія шли такимъ путемъ и личности героевъ обнаруживались въ такомъ свѣтѣ, что рѣчь королевы только—исторія прошлаго, проникнутая сильнымъ чувствомъ.

Маргарита—*зритель* событій, въ высшей степени заинтересованный, слѣдовательно, напряженно-чуткій, инстинктивно-угадывающій. Этого вполнѣ достаточно, чтобы не сознать, а просто почуять смыслъ фактовъ, и чувствомъ замѣнить самую строгую и проницательную логику.

Но подобное чутье могло развиться прежде всего именно у обездоленной матери, и недаромъ Маргарита производитъ такое впечатлѣніе даже на самого Ричарда. Заурядная злодѣйка не внушила бы и малой доли невольнаго вниманія, съ какимъ враги слушаютъ ея безумно-страстныя рѣчи.

Такіе люди и такія идеи занимаютъ сцену *Ричарда III*. Можно спо
ть противъ *идей*—и даже съ немалой убѣдительностью фактовъ и логи
, но нельзя отрицать силы и правды въ *людяхъ*.

Такихъ драматическихъ характеровъ — мощныхъ и яркихъ не создава
ничья исторія и нигдѣ не являлось поэта, до такой степени одарен
го талантомъ возсоздать подобную дѣйствительность въ творческихъ
разахъ.

Для идеальной гармоніи требовались и артисты, стоящіе въ плечо съ стихійнымъ величіемъ жизни и геніальнымъ вдохновеніемъ художника. Но уже знакомая намъ судьба Ричарда даже на англійской сценѣ доказываетъ, что міръ нашъ отнюдь не царство гармоній...

V.

Если вамъ приходилось читать романтическія трагедіи Гюго,—вы должны помнить одну курьезную особенность—необычайное изобиліе психологическихъ ремарокъ. Всѣ они сводятся къ двумъ типамъ—бурной страсти и идиллически-проникновеннаго чувства. Напримѣръ, у героя при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ—*les yeux s'allument*, глаза зажигаются пламенемъ, при другихъ онъ—*absorbé dans une contemplation angélique* погруженъ въ ангельское созерцаніе.

Для насъ это нѣсколько комично, какъ и вообще пресловутые романтическіе ,*контрасты*, но сущность явленія вполнѣ серьезна. Перваго героя всякой высокой трагедіи, не только романтической, можно разложить на двѣ нравственныя стихіи. Пріемъ, конечно, очень схематиченъ, но и въ самомъ сложномъ и замысловатомъ зданіи всегда есть элементарный остовъ.

Трагическій интересъ движется между двумя полюсами—высшимъ подъемомъ натуры, темперамента дѣйствующаго лица и—минутами относительнаго покоя, когда возмущенный духъ собираетъ силы на новую бурю.

Тамъ, гдѣ трагедія разыгрывается на мотивъ любви,—эти контрасты совершенно ясны съ самаго начала и общее содержаніе тѣхъ и другихъ моментовъ можно предсказать заранѣе. Въ такихъ случаяхъ и задача артиста проста и отчасти даже банальна.

Самый обыкновенный смертный можетъ по-своему пережить идиллію и «хаосъ» Отелло. Но совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ, когда предметъ драматурга—не муки страсти нѣжной, а иныя—болѣе прозаическія, менѣе трогательныя, но неизмѣримо болѣе зрѣлыя и сложныя вожделѣнія человѣческой природы.

Шекспиръ именно и поставилъ себѣ одну изъ такихъ задачъ.

Его герой въ первомъ же своемъ монологѣ издѣвается надъ «нѣжными шутками» и «безпутными нимфами». Такъ на его языкѣ именуются любовь и женщины! Для него есть нѣчто болѣе осмысленное и достойное мужчины: *власть*... Но, вѣдь, и ее романтическіе герои стяжаютъ преимущественно ради и во имя дамъ, потому что даже и въ высокихъ трагедіяхъ успѣхъ и привилегированное положеніе влюбленнаго—надежнѣйш[ій] путь къ сердцу красавицы.

У Ричарда не можетъ быть и этой цѣли. Онъ хочетъ власти во [и] себя. Онъ стремится подняться на исключительную высоту не затѣ[м], чтобы раздѣлить сладость ощущеній съ кѣмъ бы то ни было, а затѣ[м], чтобы отдѣлить себя осязательною непроходимою пропастью отъ оста[л]ного міра.

Зачѣмъ это ему?

Вопросъ цѣлой трагедіи, а между тѣмъ нѣтъ ничего яснѣе отвѣта. Да просто затѣмъ, чтобы *логически* продолжить и развить мотивъ, созданный не самимъ Ричардомъ, а силой для него внѣшней и ничѣмъ неустранимой—*природой*.

Одарите человѣка *великими способностями* и дайте ему въ мірѣ *малое мѣсто*,—вы изъ самой простой, математически-строгой комбинаціи вызовете глубочайшую и запутаннѣйшую драму.

Она повсюду у Шекспира, гдѣ предъ нами самые, повидимому, мрачные злодѣи. Въ жизни, конечно, Ричарды и Яго—особенно въ концѣ XIX вѣка — встрѣчаются не на каждомъ шагу, но матеріалъ для нихъ и даже его осуществленіе на практикѣ переполняютъ общественную атмосферу. Только размаха стало меньше всякимъ стихіямъ и сцена сильно стѣснена культурой и просто условіями общежитія. А драмы совершаются по-прежнему, хотя катастрофы устраиваются не на мечахъ и не заканчиваются непремѣнно трупами.

Отсюда—не преходящій интересъ шекспировской пьесы. Ричардъ—общечеловѣческій и безсмертный типъ.

Исторія засвидѣтельствовала громадныя дарованія будущаго короля. Это—образцовый воинъ, блестящій умъ, неукротимая энергія. Предъ нимъ его братья и прочіе принцы—существа низшей породы. Онъ кромѣ того рыцарственно щедръ,—вообще *царственный духъ*, какъ сказалъ бы о немъ Гамлетъ.

Но онъ уродъ. За что? Какой смыслъ въ этой страшной дисгармоніи? За какія преступленія Ричардъ явился въ свѣтъ—горбатымъ, съ изсохшею рукой, съ грубымъ лицомъ,—и явился какъ разъ тамъ, гдѣ внѣшность такая же добродѣтель, какъ и мужество? За что именно онъ—сильнѣйшій и талантливѣйшій—долженъ выносить изумленные или ироническіе взгляды, а то и открытыя шутки и глумленія?

Природа неизвѣстно по какому праву заклеймила человѣка и отдала его на посмѣшище людямъ.

Остается одинъ путь—оберечь себя отъ шутокъ и обидъ—явиться *страшнымъ* для охотниковъ до смѣха, подавить ихъ внѣшнимъ величіемъ, соотвѣтствующимъ непонятной для нихъ нравственной силѣ, подняться надъ всѣми, чтобы стать внѣ всѣхъ. Это просто вопросъ личнаго удобства, личнаго покоя и чисто-человѣческаго удовлетворенія.

И Ричардъ, стремясь къ коронѣ, въ сущности борется только за свое существованіе. Это не преднамѣренный путь больного честолюбія, а естественное развитіе *натуры*,—не внѣшнее внушеніе со стороны людей или обстоятельствъ, а инстинктивная жажда одинокой униженной души.

И посмотрите, насколько поднимается психологическій смыслъ явленія! Ричардъ съ первой же сцены *для себя самого*—король, въ своемъ сознаніи—властитель окружающаго міра. Онъ—воплощенная сила и вѣра въ себя.

Шекспиръ даже отступилъ отъ исторіи, чтобы ярче подчеркнуть это впечатлѣніе.

Поэтъ сдѣлалъ Ричарда гораздо старше. Онъ заставилъ герцога принимать участіе въ битвахъ, гдѣ этого не могло быть. Напримѣръ, во время сентальбанскаго сраженія Ричарду было всего три года,—у Шекспира онъ убиваетъ здѣсь вождя ланкастерскаго войска,—и дальше совершаетъ подвиги, неизвѣстные въ исторіи—вродѣ мести за Рютлэнда.

Очевидно, поэту требовалось создать *фактическое* освѣщеніе исключительной роли Ричарда, для театральныхъ зрителей оттѣнить не совсѣмъ, можетъ быть, ясные для нихъ нравственные мотивы послѣдующей дѣятельности героя. Ричардъ стоитъ *въ центрѣ событій*, онъ ихъ творецъ—въ дѣйствительности задолго еще до вступленія его брата на престолъ. Факты—новые, но психологія—старая, безусловно историческая: поэтъ только реализировалъ ее въ дѣйствіи.

На московской сценѣ къ основной драмѣ присоединено нѣсколько явленій изъ третьей части *Генриха VI*—именно ради сценическаго освѣщенія роли Ричарда. Такъ дѣлалось еще въ XVIII вѣкѣ,—и самъ поэтъ, будто, подсказалъ этотъ пріемъ. Монологъ, какимъ Глостеръ открываетъ *Ричарда III*, даже по формѣ—продолженіе ранней хроники.

Уже здѣсь Ричардъ является въ полномъ обладаніи обычными контрастами трагическихъ героевъ. Лирическій паѳосъ любви у него замѣняется страстнымъ воинственнымъ азартомъ во имя правъ своей семьи, «ангельское созерцаніе»—тончайшимъ уловленіемъ простыхъ человѣческихъ сердецъ. Это — по-истинѣ двулицый Янусъ: на одной сторонѣ вся буря англо-саксонской натуры—неудержимая, безпощадно-стремительная, грандіозная въ самомъ разрушеніи, на другой — проникновеннѣйшая аналитическая мысль, геніальное познаніе человѣка и вѣчно-артистическая игра на сокровеннѣйшихъ нервахъ его крупныхъ и мелкихъ страстей, иллюзій и желаній. И каждая изъ этихъ стихій корнями связана съ самой сущностью личности Ричарда.

Буря—это проявленіе его мощной, щедро-одаренной *природы*, игра—результатъ внѣшняго *положенія* въ окружающемъ мірѣ,—отнюдь не тенденціозное самоусладительное плутовство какого-нибудь романтическаго Мефистофеля, а психологическая необходимость. И артистъ допуститъ громадную ошибку, если сообщитъ *лукавымъ* сценамъ Ричарда искусственность и напряженность. Ричардъ не играетъ змѣя-искусителя, или тигра-гипнотизатора, онъ—тотъ и другой въ дѣйствительности и столь же искренъ въ своемъ лиризмѣ съ лэди Анной, какъ и въ убійственной бесѣдѣ съ Генрихомъ VI.

Гоголь возмущался, когда его Хлестакова принимали за обыкновеннаго мистификатора, лжеца по разсчету. Столь же ошибочно было бы видѣть въ Ричардѣ только актера, когда онъ говоритъ о своихъ чувствахъ. О самъ увлекается своимъ краснорѣчіемъ, и только этотъ фактъ можетъ объяснить неотразимую власть рѣчей Ричарда на лэди Анну,—и не

одну ее. Овладѣть чужою душой, да еще женской—съ помощью слова можно только при единственномъ условіи, лично поддавшись обаянію слова, хотя бы на моментъ, вызвавъ хотя бы мимолетный электрическій токъ взаимнаго одушевленія.

Въ этомъ неизмѣримая разница между Ричардомъ и обыкновенными Тартюфами. Онъ до такой степени даровитъ и богатъ нравственными стихіями, что можетъ являться одинаково органически-великимъ въ противоположныхъ роляхъ. И естественно, когда минута душевнаго захвата проходитъ, ему самому кажется страннымъ результатъ, и послѣ сцены съ Анной онъ будетъ вполнѣ искренне изумляться чрезвычайному ходу событій.

Намъ теперь ясна задача исполнителя.

Первое и неизбѣжное условіе — съ самаго начала явить въ лицѣ Ричарда *исключительную силу*, будто парящую надъ всею драмой, даже если Ричардъ не принимаетъ прямого участія въ сценахъ. Достигнуть этого необыкновенно трудно. Здѣсь не поможетъ никакой самый искусный сценическій пріемъ, ни энергическіе жесты, ни громкій голосъ, ни усиленная мимика. Здѣсь вопросъ того неразгаданнаго, что зовется *творческою силой, артистическою натурой*, что, *не дѣйствуя сценически*, производитъ на зрителя неотразимое впечатлѣніе, не проявляясь *актерски*, захватываетъ *человѣчески*. Удивительный примѣръ подобной игры можно было видѣть у Росси въ роли короля Лира, о которой мы подробно говорили на страницахъ *Русской Мысли*.

Г-ну Южину предстоялъ почти такой же подвигъ.

Мы помнимъ не мало ролей артиста, гдѣ онъ успѣшно справлялся съ подобною задачей. Рюи-Блазъ, напримѣръ, у него эффектенъ. Самые рискованные монологи г. Южинъ умѣетъ произнести сильно и драматично,—отъ героя впечатлѣніе остается очень выгодное и даже интригующее. Не менѣе искусно декламируются и благородныя рѣчи маркиза Позы, и иной зритель и особенно зрительница могутъ впасть въ усладительную иллюзію,—за хорошими словами просмотрѣть отсутствіе цѣльнаго живого лица не на сценѣ, а въ самой пьесѣ. Наконецъ, въ *Макбетѣ*, гдѣ гораздо больше *человѣка* и совсѣмъ нѣтъ словеснаго реквизита и балласта,— героическіе моменты у г. Южина также могли удовлетворить публику.

Все это—ободрительные прецеденты, и у насъ не было основанія опасаться за новую роль артиста.

Но оказалось, именно она *новая*, новая даже послѣ Макбета.

Въ Ричардѣ нѣтъ никакихъ средствъ къ *внѣшней* иллюзіи: на сцену надо явиться хромымъ и, по меньшей мѣрѣ, некрасивымъ, о благородныхъ идеяхъ и лирическихъ чувствахъ нѣтъ и помину, за исключеніемъ одной, и то *для публики* завѣдомо фальшивой сцены. Остается завоевать воображеніе зрителей именно тѣмъ неразгаданнымъ, внутреннимъ, таинственно-творческимъ, о чемъ мы сейчасъ говорили. Тогда только предъ нами явится Ричардъ *всей* драмы, а не отдѣльныхъ моментовъ.

Г. Южинъ *вступилъ* на совершенно вѣрный путь и *понялъ* секретъ своей роли.

Прежде всего, гримъ превосходенъ. Артистъ вполнѣ правильно не налегаетъ на уродство Ричарда: вѣдь въ XVI вѣкѣ могъ считаться уродомъ вообще физически слабый человѣкъ. Съ точки зрѣнія спартанца навѣрное три четверти современнаго культурнаго человѣчества пришлось бы уничтожить. Не далеко отъ этой точки могли уйти и виновники величайшей исторической междоусобной бойни.

Итакъ, Ричардъ не уродъ въ нашемъ смыслѣ. Напротивъ, тонкія губы, блѣдный цвѣтъ лица, глаза, способные мѣнять разнообразнѣйшіе оттѣнки во мгновеніе ока — все это *интересно* и насъ даже можетъ не шокировать особенно паденіе лэди Анны. *Интересъ* и *сила* — врядъ ли менѣе страшныя орудія для женскаго сердца, чѣмъ красота и грація. Пожалуй, напротивъ.

Мы говоримъ: интересъ и *сила*,—и сила здѣсь первенствующее понятіе. Ричардъ г. Южина *интересенъ* въ лучшемъ смыслѣ слова,—не въ смыслѣ какой-нибудь развинченной, мало сознательной психопатки, а какого угодно психолога. Но тотъ же Ричардъ *не силенъ*. Его голосъ очень энергиченъ и твердъ, король можетъ впослѣдствіи говорить рѣчь предъ самымъ многочисленнымъ боевымъ строемъ, но мы какъ-то безучастны къ этой энергіи, она не владѣетъ нами, а только доставляетъ намъ зрѣлище, сценическую картину.

Почему?

Отвѣта можетъ быть два: или *сила* Ричарда другая, чѣмъ героевъ Гюго,— сила несравненно болѣе глубокая и естественная и артистъ *по природѣ* не въ состояніи воплотить ея,—или просто эта разница еще не вошла въ душу артиста. Вѣдь каждая роль, особенно шекспировская, для артиста то же самое, что для ученаго новое открытіе. Она органически воздѣйствуетъ на самый талантъ артиста, все равно, какъ открытіе можетъ преобразовать все міросозерцаніе ученаго. Она — капиталъ не только въ репертуарѣ исполнителя, но и въ его психологіи. И мы слишкомъ хорошо знаемъ отношеніе г. Южина къ своимъ артистическимъ задачамъ и помнимъ результаты этого отношенія, чтобы торопиться давать первый отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Ричардомъ артистъ началъ новую полосу въ своей дѣятельности, несравненно болѣе отвѣтственную, чѣмъ всѣ успѣхи въ драмахъ Шиллера и Гюго. По трудности, иная сцена *Ричарда III* равняется десятку такихъ ролей, какъ маркизъ Поза, особенно если принять въ разсчетъ нашу публику.

Она до сихъ поръ еще до такой степени первобытна, что даже всегда способна отличить *роль* отъ *актера*, и разъ герой, хотя бы тотъ же маркизъ Поза, *симпатиченъ*,—слава и исполнителю. Онъ будетъ удачанъ за то, что шиллеровскій идеалистъ благородно говоритъ и трогательно умираетъ!

То же самое *Рюи Блазъ,* и въ современныхъ пьесахъ, вродѣ зудермановскаго рыцаря *Чести.* На серьезной драматической сценѣ нѣтъ ничего дешевле подобныхъ лавровъ и для артиста соблазнительнѣе. Г. Южинъ, конечно, знаетъ это лучше кого бы то ни было, и тѣмъ почтеннѣе его неуклонное стремленіе къ совершенно другимъ искусамъ своего таланта. Особенно становится яркою заслуга популярнаго артиста послѣ того, какъ на той же сценѣ не менѣе популярные артисты находятъ возможнымъ собирать публику въ свои бенефисы на *Равеннскаго бойца* и *Графа Ризоора*...

Но, снова повторяемъ, стремленіе—не всегда *немедленно* вѣнецъ всего дѣла.

Пока у г. Южина нѣтъ основного принципа для новой роли, — нѣтъ *ричардовской стихіи.* Онъ именно играетъ своего героя, а не воспроизводитъ его изъ своей артистической натуры. Онъ пока не успѣлъ *нравственно обнять* драматическаго образа, какъ нѣчто цѣлое, заключить его въ свою душу, проникнуться имъ не столько путемъ анализа, сколько порывомъ воображенія.

И не думайте, чтобы Ричардъ не былъ способенъ на такое *нравственное* воздѣйствіе. Напротивъ. Врядъ ли какой еще драматическій моментъ можетъ до такой степени заинтриговать фантазію истиннаго артиста. Это вѣдь цѣлый калейдоскопъ психологическихъ мотивовъ!

И мы увѣрены, у г. Южина именно такова была исходная точка его интереса къ Ричарду.

Мы это могли видѣть по отдѣльнымъ сценамъ, отдѣланнымъ съ изумительной тщательностью.

Центральная изъ этихъ сценъ—Ричарда съ лэди Анной — заслужила живое одобреніе публики. Мы присоединяемся къ общему голосу, но только снова должны напомнить артисту: знаменитая сцена—единственная въ драмѣ, подходящая къ жанру романтически-эффектныхъ сценъ. Она приблизительно такого же типа, какъ сцена маркиза Позы съ Филиппомъ, Рюи-Блаза съ государственнымъ совѣтомъ. Она построена на подавляющихъ контрастахъ, и не только въ общемъ составѣ, а даже въ монологахъ.

Что можетъ быть, напримѣръ, живописнѣе и драматичнѣе разсказа Ричарда? Да вы вырвете этотъ монологъ изъ драмы, предпошлите нѣсколько словъ насчетъ того, кто и кому говоритъ, и вы простою декламаціей вызовете глубокое впечатлѣніе. Естественно, г. Южинъ обработалъ его такъ, что какой-нибудь признанный нѣмецкій мастеръ декламаціи, вродѣ Поссарта, ог бы въ отчаяніи сорвать съ себя всѣ московскіе лавры.

Не менѣе эффектно и заключеніе сцены,— несказанно-презрительный охотъ Ричарда надъ своей жертвой. И вотъ этотъ-то моментъ особенно аетъ намъ право разсчитывать на дальнѣйшее совершенствованіе роли. дѣсь,—правда, за весь спектакль единственный разъ,—мы почувствовали яніе ричардовскаго духа. Ощущеніе не могло насъ обмануть: слова произ-

носились самыя обыкновенныя, они непосредственно подсказывались только что происшедшей сценой. Было нѣчто сильнѣйшее и высшее всякихъ словъ, самъ человѣкъ во всей полнотѣ и мощи своего исключительнаго духовнаго міра.

И еслибъ это было не проблескомъ одной сцены, а фактомъ всей роли, мы бы не могли и назвать болѣе внушительнаго сценическаго зрѣлища.

Мы думаемъ, артистъ идетъ къ нему. Одно только, въ сущности внѣшнее, обстоятельство можетъ помѣшать движенію. Пьеса и особенно роль Ричарда сами по себѣ страшно утомительны чисто-физически и врядъ ли частое повтореніе спектаклей возможно.

А г. Южинъ, кромѣ того, всю роль ведетъ съ крайнимъ напряженіемъ. Артистъ будто каждую минуту опасается не остаться на уровнѣ своего героя. Между тѣмъ, есть не мало сценъ, гдѣ напряженіе даже вредитъ роли.

По раннимъ опытамъ мы могли видѣть, что изъ двухъ трагическихъ мотивовъ артисту гораздо болѣе удается громкая *открытая* страсть, чѣмъ сдержанный лиризмъ.

У того же Рюи-Блаза, напримѣръ, г. Южинъ прекрасно воспроизвелъ трибуна и сравнительно блѣдно рыцаря, энтузіаста несчастной королевы. Въ роли Позы артисту не доставало трогательности, сердечности мечтательно-настроеннаго юнаго идеалиста, *идеямъ* не хватало *поэзіи*. И въ роли Макбета артистъ былъ гораздо драматичнѣе въ сценахъ стремительнаго героизма, чѣмъ въ минуты колебаній и горькаго раздумья. Вообще, въ рисункахъ г. Южина мало полутоновъ и штриховъ: слишкомъ полны и рѣзки драматическія краски и часто односторонне,—сверхъ мѣры рѣшительно психологическое освѣщеніе.

Такъ и въ Ричардѣ.

Сцены лукавства, т.-е. сцены сравнительнаго покоя бурной натуры героя, выходили не столь правдоподобными и по существу простыми, какими ихъ долженъ разыгрывать такой высокодаровитый артистъ, какъ Ричардъ. Это вполнѣ согласно съ романтической основой трагическаго таланта г. Южина,—и здѣсь также артисту предстоитъ новая школа, какъ и въ воплощеніи *героической силы*.

Можно бы еще требовать больше тонкихъ красокъ въ послѣдней сценѣ. Г. Южинъ вполнѣ удачно оттѣнилъ едва замѣтное извнѣ *безпокойство* послѣ проклятій матери,— *не переворотъ*, какъ у Макбета послѣ явленій тѣни Банко. Артистъ ведетъ всѣ сцены дурныхъ извѣстій и разочарованій Ричарда въ приподнятомъ тонѣ,— ведетъ увлекательно, ни на минуту не утомляя нашего вниманія. Напротивъ, насъ невольно начинаетъ охватывать предчувствіе грядущей, уже близкой катастрофы.

Послѣ столь удачнаго предисловія самый разсказъ слѣдовало изобразить со всѣмъ драматизмомъ и подробнѣйшей отдѣлкой каждой черты. Тѣмъ болѣе, что предисловіе заканчивается такимъ эффектомъ, какъ мучительный сонъ и будто съ кровью сердца вырвавшаяся молитва Ричарда!

Даже историки отмѣтили и очень тщательно разсказали впечатлѣ

какое Ричардъ произвелъ на своихъ приближенныхъ утромъ въ день рѣшительнаго сраженія. И г. Южинъ, по нашему мнѣнію, могъ воспроизвести это впечатлѣніе.

Съ какой, напримѣръ, находчивостью онъ провелъ сцену Ричарда съ братомъ Эдуардомъ предъ битвой у Тьюксбери. На небѣ явилось три солнца, Эдуардъ страшно пораженъ и обращается съ взволнованной рѣчью къ Ричарду.

Тотъ равнодушно приподнимаетъ голову, смотритъ на странное видѣніе и, не повышая тона, отвѣчаетъ:

Да, три солнца!...

Это очень тонко! Именно Ричардъ такъ долженъ отнестись къ чуду,—онъ, давно закалившій свою душу противъ всякихъ чудесъ, кромѣ тѣхъ, какія совершаютъ *его* мысль и его рука.

Снова повторяемъ, всѣ подобныя частности заставляютъ насъ разсчитывать на успѣхъ артиста и въ его новой роли, точнѣе—въ новой стадіи его артистическаго развитія.

Изъ остальныхъ ролей важнѣе другихъ—королева Маргарита. Роль исполняла г-жа Ермолова. Роль—въ драматическомъ отношеніи—крайне тяжелая, одноцвѣтная, вся основанная на сильномъ порывѣ злобы. Немного можетъ извлечь артистка изъ такого матеріала, тѣмъ болѣе, что предъ г-жей Ермоловой только отрывки роли, и историческая Маргарита почти отсутствуетъ. Артистка не нарушила общаго тона трагедіи и не понизила сценическаго эффекта роли Маргариты. Этого вполнѣ достаточно.

Нельзя того же сказать про другихъ исполнителей. Большинство вело свои роли въ какомъ-то ложно-классическомъ жанрѣ, декламировало, ритмически жестикулировало, «по правиламъ» шумѣло и возмущалось, вообще держало себя avec *bienséance étroite* расиновскаго стиля.

Это, конечно, недоразумѣніе. Шекспиръ не имѣетъ ничего общаго съ французскими талантами. На его сценѣ не надо терзать воздуха и ушей, но необходимо говорить и ходить, а. не декламировать и танцовать.

Еще у Гюго можно практиковать *тонъ* и *грацію,* потому что французскій романтикъ тотъ же классикъ, только въ юношескомъ возрастѣ и въ простонародномъ обществѣ. Но у Шекспира всѣ *nuages difficiles*—напрасная затрата усердія.

Англійскій *народъ* тоже велъ себя на манеръ расиновской «стражи», представлявшейся, какъ извѣстно, во образѣ скромнаго *un soldat.* А, между мъ, именно народныя сцены—основной фонъ всей картины. Вѣдь и Ричарды мыслимы только на извѣстной почвѣ, и ужъ, конечно, не среди такихъ чинныхъ маскарадныхъ кавалеровъ, какими являются лондонцы изъ кулисъ Малаго театра.

Вообще на первомъ спектаклѣ подобныхъ недосмотровъ было не мало. ивительнѣе всего, напримѣръ, слѣдующее прямо забавное недоразумѣніе.

Въ аранжировкѣ г. Южина за первой сценой перваго дѣйствія *Ген-*

риха VI идетъ сцена между герцогомъ Іоркскимъ и его сыновьями. По пьесѣ первая сцена въ парламентѣ, вторая—въ замкѣ Іорковъ. Въ аранжировкѣ онѣ соединены вмѣстѣ, т.-е. обѣ происходятъ въ парламентѣ. Это вполнѣ допустимо. Но дальше происходитъ слѣдующее.

Является гонецъ и говоритъ Іоркамъ:

Всѣ сѣверные лорды съ королевой
Собрались осадить васъ *въ этомъ замкѣ*...

Этотъ замокъ на сценѣ Малаго театра—*зала парламента,* но Московскій театръ на этотъ разъ фанатически вѣренъ Шекспиру, и гонецъ, будто сейчасъ только прочитавшій свою «роль» и не знающій ничего прочаго, стремительно докладываетъ объ *этомъ* замкѣ...

Подобныя вещи не всегда возможны даже и въ любительскихъ спектакляхъ.

Но будемъ утѣшать себя мыслью,—во-первыхъ, предъ нами начало, а потомъ ἀρχὴ—ἥμισυ παντός, говорили древніе эллины, т.-е. начало—половина всего дѣла... Пожелаемъ же публикѣ Малаго театра увидѣть, наконецъ, *все* въ *Ричардѣ III.* Желаніе не можетъ считаться *pium desiderium:* его судьба—въ рукахъ артиста, умѣющаго цѣнить и литературу, и свое искусство.

Ив. Ивановъ.

Очерки провинціальной жизни.

Ростъ общественнаго самосознанія въ провинціи, представляющій, какъ мы уже не разъ говорили, самое крупное явленіе въ культурномъ движеніи нашей родины за послѣднее время, начинаетъ обращать на себя болѣе и болѣе вниманіе. Общественное мнѣніе въ провинціи проявляетъ все большее стремленіе къ воплощенію себя въ жизни путемъ созиданія различныхъ гуманистическихъ учрежденій. Въ этомъ движеніи наибольшее количество силъ идетъ на распространеніе народнаго просвѣщенія. Но и здѣсь оно не рѣдко наталкивается на многообразныя затрудненія. Едва ли не въ каждомъ очеркѣ провинціальной жизни намъ приходилось отмѣчать эти затрудненія. Приходится указать на эти затрудненія и въ настоящемъ обозрѣніи. Говоря о дѣятельности «Орловскаго комитета народныхъ чтеній», *Русск. Вѣд.* сообщаютъ, что народныя чтенія въ городѣ Орлѣ, начавшіяся осенью 1887 г., встрѣтили сочувственное отношеніе среди представителей городского самоуправленія и мѣстнаго населенія, въ которомъ давно сознавалась потребность въ народныхъ чтеніяхъ. Несмотря на энергичную дѣятельность членовъ комитета, послѣдній не могъ, однако, поставить свою дѣятельность вполнѣ нормально, встрѣтивъ цѣлый рядъ препятствій, порою неожиданныхъ. Послѣдній *Отчетъ* комитета, очень сжатый и скупой на подробности, сообщаетъ нѣкоторые факты, весьма характерные. На 25—26 страницахъ читаемъ разсказъ о томъ, какъ инспекторъ народныхъ училищъ А. П. Еловскій не разрѣшилъ комитету читать брошюру, разрѣшенную для чтенія на основаніи Высочайшаго повелѣнія, распубликованнаго въ № 128 *Правительственнаго Вѣстника* за 1894 годъ. Брошюра эта: *О жизни и дѣятельности императора Александра II*, издана «постоянной комиссіей» въ С.-Петербургѣ, учрежденной также по Высочайшему повелѣнію. Оказалось, что инспекторъ народныхъ училищъ въ Орлѣ не знаетъ ни того, ни другого,—и чтеніе этой брошюры не состоялось. Въ виду того, что запрещеніе читать эту брошюру противорѣчитъ Высочайшему повелѣнію, комитетъ народныхъ чтеній постановилъ «обжаловать въ установленномъ порядкѣ дѣйствія гг. наблюдающихъ за народными чтеніями». Подобнаго рода запрещенія читать разрѣшенныя брошюры встрѣчались и въ другихъ

городахъ, напримѣръ, въ Иркутскѣ и въ Одессѣ. Списокъ разрѣшенныхъ для прочтенія въ народныхъ аудиторіяхъ брошюръ и безъ того не великъ; при случаяхъ же запрещенія мѣстной учебной администраціей того, что разрѣшено высшею властью, онъ суживается еще болѣе, и комитеты народныхъ чтеній находятся въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ ходатайства ихъ о разрѣшеніи читать новыя брошюры не всегда и не скоро удовлетворяются. Но орловская дирекція народныхъ училищъ сдѣлала попытку не допускать такихъ ходатайствъ, заявивъ комитету, что онъ можетъ ходатайствовать лишь о тѣхъ брошюрахъ, которыя вошли въ III отдѣлъ министерскаго каталога 1891 года, въ значительной своей части недоступной для народной аудиторіи. Не говоря уже о сомнительности права дирекціи народныхъ училищъ создавать нормы общаго характера, приходится замѣтить, что ея указаніе на III отдѣлъ каталога 1891 г. особенно неудачно, ибо онъ имѣетъ въ виду учительскія библіотеки и руководства для учителей и какъ разъ расходится съ недавнимъ распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, которымъ во всѣхъ народныхъ аудиторіяхъ Имперіи разрѣшается читать всѣ брошюры II отдѣла министерскаго каталога 1891 г. со всѣми его продолженіями, уже напечатанными или имѣющими быть напечатанными въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Этотъ II отдѣлъ составляетъ книги для ученическихъ библіотекъ, которыя скорѣе подходятъ къ народной аудиторіи, чѣмъ устарѣлыя руководства по ариѳметикѣ и дидактикѣ, вошедшія въ III отдѣлъ. Не болѣе удачны были заботы комитета о пріисканіи средствъ на постройку зданія народной аудиторіи. Комитетъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по примѣру своихъ коллегъ въ другихъ городахъ, успѣвшихъ обзавестись зданіями народныхъ аудиторій, какъ, напримѣръ, въ Одессѣ, Кіевѣ, Костромѣ, Новочеркасскѣ, Тамбовѣ. Комитетъ началъ сборъ пожертвованій на постройку аудиторіи, но оказалось, какъ гласитъ одна бумага, напечатанная въ извлеченіи на стр. 34 Отчета, что ни откуда не видно, чтобы «комитетъ составлялъ юридическое лицо, имѣющее право на владѣніе недвижимымъ имуществомъ». При помощи такихъ утвержденій можно дойти, конечно, до всего, но только не до постройки въ Орлѣ народной аудиторіи. Въ 1894 г. комитетомъ открыто въ Брянскѣ самостоятельное отдѣленіе для устройства народныхъ чтеній; на открытіе чтеній въ Брянскѣ послѣдовало Высочайшее соизволеніе отъ 17 іюня 1894 г. по докладу г. министра народнаго просвѣщенія. При такихъ-то условіяхъ приходится дѣйствовать орловскому комитету народныхъ чтеній, число членовъ котораго доходитъ теперь до 350».

Важное культурное значеніе учрежденій самоуправленія заключае еще въ томъ, что они вызываютъ развитіе общественныхъ интересовъ. различіе въ этомъ отношеніи земскихъ и не-земскихъ губерній указыва всѣ знатоки русской жизни. Описывая, напримѣръ, административное устр ство Оренбургскаго края, корреспондентъ *Саратовскаго Листка* естест но вспоминаетъ о томъ, что всякій, кто жилъ въ земскихъ губерніяхъ

свыкся съ обстановкой ихъ, не можетъ не сознавать разницы между складомъ народной жизни тѣхъ и другихъ губерній. Разница эта заключается не только въ лучшей организаціи школьнаго и медицинскаго дѣла, но и въ общемъ строѣ общественной жизни. Къ сожалѣнію, говоритъ корреспондентъ, наша мѣстность лишь въ послѣднее время начинаетъ обращать на себя вниманіе. Первымъ шагомъ къ порядкамъ центральныхъ губерній было учрежденіе суда по уставамъ 1864 г. Но судебная реформа введена у насъ безъ лучшаго украшенія ея—суда присяжныхъ, и это удаленіе общественнаго элемента — не къ выгодѣ самого суда. Въ послѣднее время, однако, держится настойчивый слухъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ введенъ и у насъ судъ присяжныхъ. Вѣроятно, и земскія учрежденія не минуютъ насъ. Предстоящія задачи самоуправленія въ здѣшнемъ краю велики: медицина, школы лишь въ зародышѣ, по типу своему крайне несовершенны, много уступаютъ въ организаціи земскимъ. Дорожная повинность удовлетворяется натуральнымъ способомъ и сопряжена для пользованія съ огромными затрудненіями и непріятностями, съ большой тратой времени. Въ лѣтнюю рабочую пору можно потратить на смѣну лошадей цѣлыя сутки. Трудно повѣрить, но это дѣйствительность, что на проѣздъ 60 верстъ требуется иногда времени 3 сутокъ.

Въ городахъ нашихъ начало самоуправленія примѣнено слишкомъ неудовлетворительно, и мы платимся за это плохимъ ходомъ дѣлъ въ городскихъ управленіяхъ. Городское хозяйство отдано въ руки небольшой группы людей, по преимуществу изъ торговаго класса,—класса, въ большинствѣ случаевъ, мало образованнаго и преслѣдующаго въ городскихъ дѣлахъ слишкомъ часто личные интересы. О необходимости реформы городского самоуправленія говорятъ уже давно и, повидимому, дѣло это близится къ осуществленію. За необходимость такой реформы высказались недавно оба органа министерства финансовъ: *Торгово-Промышленная Газета* и *Вѣстникъ Финансовъ*. Происходившіе въ послѣднее время въ нашихъ крупныхъ городахъ выборы,—говоритъ упомянутая газета,—въ общемъ мало повліяли на видоизмѣненіе состава тѣхъ общественныхъ группъ, которымъ избиратели вручаютъ завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Въ большинствѣ случаевъ, какъ сообщаютъ провинціальныя газеты, въ новыя думы попрежнему попадаетъ мало лицъ съ образовательнымъ цензомъ. Несомнѣнно, вопросъ объ обновленіи состава городскихъ управленій новымъ элементомъ пріобрѣтаетъ все болѣе значенія, въ виду того, что результаты городского хозяйства во многихъ случаяхъ мало удовлетворяютъ интересамъ и нуждамъ всего городского населенія. Съ этой стороны заслуживаетъ вниманія постановка городского самоуправленія въ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ наилучшіе примѣры веденія городскихъ дѣлъ можно найти именно въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ муниципалитетовъ включаетъ въ себѣ представителей мѣстной интеллигенціи. Министерскій органъ отмѣчаетъ далѣе, что еще сравнительно недавно, въ той же Англіи «дѣятельность муниципальныхъ органовъ была

сплошнымъ злоупотребленіемъ». Но стоило взять муниципальныя должности изъ рукъ замкнутыхъ корпорацій—торговыхъ гильдій и, расширивъ основанія избирательнаго права, привлечь къ завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ просвѣщенную часть общества, и англійская муниципальная жизнь быстро возродилась.

Вотъ замѣчательная картинка съ натуры, написанная въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*, ярко характеризующая крайне печальный составъ нашихъ думъ. Въ недавно сошедшей со сцены думѣ Нижняго-Новгорода обсуждался докладъ ревизіонной комиссіи, и вслѣдствіе этого городской голова баронъ Дельвигъ уступилъ свое предсѣдательское мѣсто старшему гласному Я. Е. Башкирову. Г. Башкировъ—богатый хлѣботорговецъ и владѣлецъ большой мельницы. У него пропасть родни, занимающей видныя положенія и въ мѣстныхъ банкахъ, и въ учетныхъ комитетахъ, и въ сиротскомъ судѣ, и въ биржевомъ комитетѣ, и въ рядахъ гласныхъ думы. Всѣ эти господа образуютъ тѣсный и вліятельный союзъ, извѣстный въ Нижнемъ подъ названіемъ «башкировщины».

Гласные чинно сидятъ за столомъ, образующимъ букву П, на предсѣдательскомъ креслѣ—г. Башкировъ, а влѣво отъ него среди гласныхъ занимаетъ мѣсто И. Ѳ. Ремлеръ—предсѣдатель ревизіонной комиссіи. Докладъ комиссіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ констатируетъ безпорядки, замѣченные въ городскомъ хозяйствѣ. Для самооправданія управа составила возраженіе весьма полемическое и рѣзкое по тону, совершенно бездоказательное по существу. Чтеніе происходитъ по пунктамъ. Какъ только умолкаетъ голосъ докладчика, вскакиваетъ предсѣдатель:

— Ну, что же?... Принять объясненіе управы, конечно?

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ,—говоритъ г. Ремлеръ,—управа нисколько не опровергла заключеніе ревизіи.

— Говорите, пожалуйста, по существу,—перебиваетъ предсѣдатель рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ:—эдакъ, господа, невозможно... не придираться, а благоговѣть предъ управой мы должны,—надо помнить, что въ Нижнемъ была выставка и работать было трудно.

— Выставка была въ 1896 г., а комиссія ревизовала отчетъ 1895 года...—успѣваетъ заявить г. Ремлеръ.

— Хоша выставка была и въ 1896 г.,—перебиваетъ г. Башкировъ,—но и въ 1895 году приходилось готовиться! Такъ принять, господа, объясненіе управы?

— Да позвольте мнѣ сказать,—протестуетъ г. Ремлеръ:—управа прямо нарушила статью городового положенія...

— Господа,—опять вскакиваетъ предсѣдатель,—да поймите же... у меня въ одномъ карманѣ положимъ денегъ нѣтъ, отлично; а въ другомъ—три гривенника, прекрасно; ну, я и расходую изъ этого кармана... это вотъ хоша и не нравится Ивану Ѳедоровичу, но, вѣдь, дѣло большое и надо цѣнить труды управы. Секретарь! записывайте: — объясненіе управы... принять.

— Вы все перебиваете, Яковъ Емельянычъ,—говоритъ гласный, врачъ Михалкинъ:—вы не даете намъ возможности понять, въ чемъ дѣло... это пристрастіе...

— Коли хотите, будемъ всю ночь толковать объ одномъ и томъ же,—недовольно дѣлаетъ уступку предсѣдатель. Говорите, Иванъ Ѳедоровичъ, только смотрите, чтобы гласные не разошлись.

Г. Ремлеръ съ необыкновенною точностью доказываетъ, что объясненіе управы ровно ничего не опровергло.

— Вы теперь кончили?—спрашиваетъ г. Башкировъ:—вѣдь, у насъ еще сорокъ пунктовъ осталось! Читаемъ далѣе.

— Какъ же записано постановленіе думы?—рѣшается сказать кто-то изъ гласныхъ.

— «Принять объясненіе управы»,—читаетъ секретарь.

— Да прибавьте хоть «и указаніе коммиссіи»,— протестуетъ робкій голосъ.

— Секретарь, пишите,—кричитъ предсѣдатель, для меня все равно, хоша и надо помнить, что управу надо благодарить.

Читаютъ слѣдующій пунктъ. Встаетъ г. Ремлеръ.

— По этому пункту, какъ и по предыдущему...

— Иванъ Ѳедоровичъ, покорнѣйше прошу васъ говорить только по существу и не касаться предыдущаго пункта, о которомъ кончено. Такъ принять, господа, объясненіе управы?... Секретарь, пишите.

— Да позвольте, Яковъ Емельянычъ, я не касаюсь прежнихъ пунктовъ, а хочу сказать...

Г. Башировъ звонитъ и вскакиваетъ.

— Господа! Бюджетъ города въ 600—700 тысячъ. Дѣло большое. Вотъ Иванъ Ѳедоровичъ говоритъ, что гдѣ-то неясно записано 6 р. 27 к., да еще обои какіе-то слишкомъ дороги... Дѣло большое, господа... мы хоша и частные люди, но вмѣсто рубля и то тратили по случаю выставки 1 руб. 25 коп. Такъ принять объясненіе управы? Секретарь, пишите!

— Яковъ Емельянычъ, да позвольте мнѣ сказать, какъ гласному...

Предсѣдатель опять вскакиваетъ и звонитъ.

— Ну, говорите, какъ гласный, а не отъ лица ревизіонной коммиссіи.

Г. Ремлеръ пытается говорить.

— Я и хочу сказать, какъ гласный.,.

— Нѣтъ, вы говорите, какъ аптекарь,—перебиваетъ г. Башкировъ, намекая, что г. Ремлеръ—владѣлецъ аптеки.

— Въ такомъ случаѣ я ухожу,—заявляетъ г. Ремлеръ и направляется къ выходу.

— Не уходите, не уходите,— проситъ гласный Михалкинъ и еще другіе.

Г. Ремлеръ остается.

И вотъ такъ-то прошли два вечера. Докладъ скомкали, самые важные

пункты—о «низведеніи» фонда макарьевскаго водопровода съ 40,000 на 1,300 рублей и другіе провалили безъ преній и въ итогѣ утвердили отчетъ управы. Засѣданія думы производили крайне удручающее впечатлѣніе. Только одинъ гласный г. Михалкинъ давалъ отпоръ г. Башкирову, остальные молчали. Въ Нижнемъ около 70 тысячъ жителей. Изъ нихъ 50 тысячъ, какъ квартиронаниматели, не имѣютъ вліянія на ходъ городского хозяйства. Изъ остальныхъ 25 тысячъ правами избирателей пользуются по закону приблизительно полторы тысячи, но въ дѣйствительности на выборы гласныхъ является лишь 500 — 600 человѣкъ, и составъ думы почти не обновляется. Понятно поэтому, что городъ былъ въ рукахъ людей, которые допустили А. М. Губина сдѣлать многотысячныя хищенія и простили ему это «позаимствованіе».

Въ числѣ многихъ насущныхъ потребностей городовъ, удовлетворяемыхъ городскими управленіями далеко недостаточно, имѣется такая потребность, чрезвычайно важная, для которой городскія управленія ничего не дѣлаютъ. Мы говоримъ о безпризорныхъ, заброшенныхъ дѣтяхъ, растущихъ при условіяхъ, крайне благопріятствующихъ развитію всякихъ преступныхъ наклонностей. На это большое зло, притомъ увеличивающееся по своимъ размѣрамъ, городскія управленія не обращаютъ никакого вниманія, между тѣмъ забота о призрѣніи безпріютныхъ дѣтей составляетъ ихъ прямое дѣло. Не успѣя, путемъ призрѣнія заброшенныхъ дѣтей, предупредить совершеніе ими преступленія, общество тратитъ средства и силы на спасеніе ихъ, когда они уже совершили преступленіе и попали подъ судъ. Грустная необходимость вызываетъ учрежденія «исправительныхъ колоній». Тяжело читать отчеты о прошломъ дѣтей, попавшихъ въ эти колоніи. Г. Тетеревъ напечаталъ недавно въ *Орловскомъ Вѣстникѣ* обстоятельное сообщеніе о посѣщеній имъ земледѣльческой исправительной колоніи близъ города Ельца, — кстати сказать одной изъ лучшихъ въ Россіи,—о составѣ воспитанниковъ, біографіи ихъ и о порядкахъ въ колоніи. Вотъ, на выдержку, одна изъ такихъ біографій: «16-ти лѣтній мальчикъ Х. нѣсколько разъ судился за мелкія кражи: то стащилъ гдѣ-то въ кухнѣ чулки, то калоши взялъ въ передней, то укралъ что-то съѣстное на базарѣ. Это—типъ несчастнаго «трущобнаго» мальчика, съ раннихъ лѣтъ выброшеннаго на улицу. Ни отца у него, ни матери нѣтъ, и онъ рано познакомился съ нищетою, привыкъ скитаться по разнымъ темнымъ мѣстамъ Ельца, ночевалъ подъ мостами, подъ заборами, въ пустыхъ вагонахъ. Товарищи у него были такіе же мелкіе воришки, несчастные мальчуганы, обездоленные судьбою такъ же, какъ и онъ самъ. Его часто били. Теперь онъ еще не освоился съ пріютомъ, такъ какъ поступилъ въ колонію недавно, но почтенный директоръ говоритъ, что Х. охотно работаетъ и съ удовольствіемъ учится грамотѣ. Нечего и говорить что обстановка колоніи, занятія въ школѣ и работа въ мастерской пр учатъ этого жалкаго юношу къ болѣе лучшей, человѣческой жизни.

Сообщивъ біографіи воспитанниковъ елецкой исправительной колоні

авторъ продолжаетъ: «Вездѣ одно и то же: отсутствіе родительскаго надзора, бѣдность, дурной примѣръ... О, какъ горько сжимается сердце передъ этими злосчастными, обиженными судьбой дѣтьми. Вѣдь все это дѣти нищихъ, все сироты, лишенныя всякаго воспитанія, безъ понятія о трудѣ и честной жизни, все жертвы безсердечія, безжалостно брошенныя на произволъ судьбы. Они — «безъ вины виноватые». Страшно подумать, что съ каждымъ годомъ число малолѣтнихъ преступниковъ все болѣе и болѣе увеличивается. Полуголодные и оборванные наполняютъ они камеры мировыхъ судей, залы окружныхъ судовъ, полицейскіе участки и тюрьмы. И это въ самой свѣтлой, въ самой лучшей порѣ жизни... Вотъ онъ стоитъ на улицѣ, этотъ бѣдный мальчуганъ, и протягиваетъ вамъ руку за подаяніемъ. Завтра онъ пойдетъ и украдетъ булку, а послѣ завтра онъ будетъ сидѣть вмѣстѣ съ закоренѣлыми злодѣями на скамьѣ подсудимыхъ. Его судятъ и по закону приговариваютъ въ тюрьму, потому что не вездѣ для малолѣтнихъ есть колоніи и не во всѣхъ колоніяхъ и пріютахъ есть свободное мѣсто. А въ тюрьмѣ — извѣстное дѣло. Тамъ ужъ старые воры, опытные и смѣлые, постараются выучить и приспособить его къ воровству и мошенничеству. И выйдетъ бѣдный юноша изъ тюрьмы злодѣемъ, готовымъ на всякій грабежъ и преступленіе, лѣнтяемъ и циникомъ.

Въ елецкой исправительной колоніи, по свидѣтельству автора сообщенія, съ дѣтьми обращаются такъ, что благотворное вліяніе колоніи сказывается на нихъ въ самое непродолжительное время. Они скоро пріучаются къ работѣ, охотно учатся грамотѣ и начинаютъ вести себя мирно и скромно съ товарищами. Никакимъ наказаніямъ дѣтей не подвергаютъ, «да они,— по словамъ директора, — и не заслуживаютъ его». По отзыву директора, до сихъ поръ не было еще ни одного случая рѣзкаго и крупнаго проступка со стороны воспитанниковъ. Весьма важнымъ подспорьемъ нравственному вліянію служатъ школа для питомцевъ и книги. Въ елецкой колоніи преподается директоромъ курсъ начальныхъ народныхъ училищъ: Законъ Божій, выразительное и объяснительное чтеніе, славянскій языкъ, чистописаніе, диктантъ и ариѳметика. Вечерами директоръ или читаетъ книги вслухъ для воспитанниковъ, или преподаетъ имъ краткія свѣдѣнія по исторіи и географіи.

День въ колоніи распредѣляется такимъ образомъ: встаютъ воспитанники въ 6 час., убираютъ постели и затѣмъ становятся на молитву. Въ 7 часовъ отправляются работать на дворѣ, даютъ кормъ скотинѣ, убираютъ навозъ, снѣгъ и вообще занимаются по хозяйству; въ 8 час. пьютъ чай съ хлѣбомъ. Школьныя занятія начинаются въ 9 час., а въ 11 час. дѣти уже работаютъ въ мастерской, гдѣ въ настоящее время пока выдѣлываются, подъ руководствомъ плотника, ящики для елецкихъ табачныхъ фабрикъ (воспитанники въ день приготовляютъ около 40 деревянныхъ ящиковъ). Въ 12 час. дѣти обѣдаютъ. Послѣ обѣда они отдыхаютъ и на отдыхъ полагается часъ, а затѣмъ опять работаютъ въ мастерской до вечерняго чая (въ 5 час.). Вечеромъ производится дѣтьми починка бѣлья,

а затѣмъ или сами дѣти читаютъ книги, или читаетъ имъ директоръ. Лѣтомъ всѣ воспитанники работаютъ на огородѣ (подъ огородъ отведены 2 десятины). По уставу, въ колонію принимаются несовершеннолѣтніе только по судебнымъ приговорамъ, но впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія средствъ общества, въ колонію могутъ быть принимаемы и безпріютныя, нищенствующія дѣти и дѣти находящіяся въ тюрьмахъ при родителяхъ, но при условіи помѣщенія воспитанниковъ этой категоріи отдѣльно отъ поступающихъ по судебнымъ приговорамъ. Обстановка пріюта носитъ вполнѣ семейный характеръ. Непріятное впечатлѣніе,—говоритъ авторъ сообщенія,—производятъ только костюмы на дѣтяхъ — куртки арестантскаго сукна. Ихъ слѣдовало бы замѣнить другою какою-либо одеждой, наприм. черными курточками или блузами. Пусть ничто не напоминаетъ дѣтямъ тюрьму.

Полное невниманіе городскихъ управленій къ судьбѣ безпріютныхъ дѣтей есть лишь только одно изъ проявленій безучастія ихъ вообще къ положенію бѣднѣйшей части городовъ. Саратовъ, напримѣръ, претендуетъ быть «столицею Поволжья». Между тѣмъ, посмотрите, что такое представляютъ собою саратовскіе «пріюты бѣдноты». Отвѣтъ на это, — говоритъ *Самарскій Вѣстникъ*,—мы находимъ въ подробномъ отчетѣ санитарнаго врача гор. Саратова, г. Матвѣева. На первое требованіе гигіены, а именно относительно нормальнаго объема воздуха, полагающагося на 1 челов. и равняющагося 111,2 куб. арш., изслѣдованіе г. Матвѣева отвѣчаетъ, что въ саратовскихъ ночлежныхъ домахъ средній кубическій объемъ воздуха, приходящійся на каждаго человѣка, равенъ 14,5 куб. арш. Слѣдовательно, скученность въ этихъ домахъ, по словамъ отчета, «чрезвычайная», «такъ какъ она въ 8 разъ больше, чѣмъ это возможно по требованіямъ гигіены». Такъ какъ, къ тому же, о провѣтриваніи ночлежныхъ домовъ, по словамъ г. Матвѣева, нечего и говорить, то понятно, почему воздухъ въ ночлежныхъ домахъ не только спертый и удушливый, но прямотаки гнилой, зловонный, вызывающій дурноту у непривычнаго къ такой атмосферѣ человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, недостатокъ свѣта, вездѣ ужасная грязь, сырость, затхлость и миріады всякихъ насѣкомыхъ. Самыя зданія по своей ветхости «угрожаютъ разрушеніемъ и, слѣдовательно, опасны для жизни ихъ обитателей».

Совершенную противоположность вялой, а иногда и недобросовѣстной дѣятельности городскихъ управленій представляетъ, взятая въ цѣломъ, дѣятельность земскихъ собраній и земскихъ управъ. Земство не только относится съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ населенія, старается, по мѣрѣ средствъ своихъ, удовлетворять ихъ, является непрестанно ходатаемъ за нихъ предъ высшимъ правительствомъ, но и стремится расширить свою дѣятельность, ставъ, гдѣ возможно, посредникомъ между правительствомъ и населеніемъ. Такъ, напримѣръ, не имѣя средствъ организовать въ достаточной мѣрѣ на свои скудные бюджеты мелкій кредитъ, оно неоднократно уже предлагало взять на себя посредничество между государственнымъ банкомъ и нуждающимся въ кредитѣ крестьянствомъ. Средства для ор

низаціи сельскаго кредита земство получило бы отъ государственнаго банка и явилось бы отвѣтственнымъ распорядителемъ всѣхъ операцій, внося ежегодно въ смѣту сумму, необходимую для уплаты процентовъ государственному банку. Что организація мелкаго кредита представляетъ всѣ данныя своей устойчивости, для этого намъ нѣтъ надобности ссылаться на правильно функціонирующій мелкій кредитъ въ Западной Европѣ; мы можемъ указать хорошій примѣръ въ нашемъ отечествѣ, а именно операціи пермскаго кустарнаго банка. Что особенно обращаетъ вниманіе въ дѣлахъ этого банка, это—такое аккуратное возвращеніе ссудъ кустарями, какого не находимъ въ другихъ банкахъ: промышленныхъ и поземельныхъ. Не поразительно ли, что за весь двухлѣтній періодъ дѣятельности банка былъ лишь одинъ случай принудительнаго взысканія долга. При этомъ важно отмѣтить, что кліенты пермскаго банка умышленно имъ выбираются не изъ состоятельной среды сельскаго населенія, а, наоборотъ, преимущественно изъ лицъ недостаточныхъ. Исходя изъ того соображенія, что кустарю зажиточному, ведущему промыселъ главнымъ образомъ при помощи наемныхъ рабочихъ, живется хорошо и безъ поддержки со стороны, и что въ неравной борьбѣ разныхъ разрядовъ кустарнаго населенія гибнутъ по преимуществу трудовыя, семейныя кустарныя хозяйства, банкъ почти всѣ свои рессурсы удѣляетъ именно кліентамъ послѣдняго рода.

Нужда крестьянъ въ кредитѣ велика; между тѣмъ для удовлетворенія этой нужды сдѣлано такъ мало, что можно сказать—ничего не сдѣлано. Поэтому крестьяне вынуждены обращаться къ частному кредиту, который почти всегда бываетъ для нихъ кредитомъ ростовщическимъ. Съ этимъ зломъ пробовало бороться законодательство. Немного лѣтъ назадъ былъ изданъ законъ противъ ростовщичества. Но законъ этотъ не достигъ своей цѣли. Провинціальныя газеты полны сообщеніями о процвѣтаніи ростовщичества. Можно было бы безъ конца приводить факты, показывающіе, на какія невѣроятныя, повидимому, условія бываютъ вынуждены соглашаться крестьяне, особенно во время недорода хлѣба, и какъ беззастѣнчиво и открыто эксплуатируются они мѣстными кулаками. Изрѣдка лишь ростовщическій грабежъ доходитъ до суда, и тутъ раскрываются тѣ по-истинѣ ужасныя условія, на которыхъ кредитуется народъ. Мы сообщали, напримѣръ, разбиравшееся въ самарскомъ окружномъ судѣ дѣло, по которому мѣстный банкиръ взыскивалъ съ сельскаго общества 6,540 рублей за проданную имъ обществу въ кредитъ рожь количествомъ 87 мѣшковъ, цѣною въ 587 рублей.

Скудость бюджетовъ, не позволяющая земскимъ собраніямъ и управамъ удовлетворять въ надлежащей мѣрѣ насущнѣйшія потребности населенія, заставляетъ ихъ ходатайствовать объ измѣненіи такого положенія дѣла. Давно и неустанно ходатайствуютъ они, чтобы къ земскому обложенію была привлечена, наравнѣ съ земледѣліемъ, торговая и обрабатывающая промышленность. Ходатайствуютъ они также объ улучшеніи въ порядкѣ взиманія существующихъ земскихъ сборовъ. Земства указываютъ, что при

существующей системѣ сбора податей взысканіе земскихъ налоговъ отодвигается на задній планъ, и вся дѣятельность агентовъ фиска направляется по преимуществу на собираніе казенныхъ повинностей. Въ подтвержденіе ненормальности существующаго порядка взысканія земскихъ сборовъ нижегородская управа привела небезынтересныя данныя, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ источниковъ. По этимъ даннымъ оказывается, что правительство въ самые тяжелые годы не добираетъ прямыхъ налоговъ по отношенію къ общей суммѣ ожидаемыхъ къ поступленію доходовъ несравненно менѣе, чѣмъ земство въ самые лучшіе урожайные годы; въ процентномъ отношеніи величина казенныхъ недоборовъ опредѣляется въ первомъ случаѣ 9,3%, а для земскихъ налоговъ—36,7%. Помимо болѣе энергичнаго взысканія казенныхъ сборовъ, такое положеніе дѣла объясняется еще тѣмъ, что весь государственный бюджетъ держится по преимуществу на косвенныхъ налогахъ, тогда какъ земство черпаетъ свои средства исключительно путемъ прямого обложенія и въ частности изъ земельныхъ сборовъ съ крестьянъ. Отсюда нижегородская управа сдѣлала совершенно правильное заключеніе, что государственное казначейство очень мало зависитъ отъ земельныхъ сборовъ съ крестьянъ, и болѣе слабое ихъ поступленіе не можетъ грозить какимъ-либо серьезнымъ осложненіемъ въ государственномъ хозяйствѣ. Совершенно иная картина рисуется данными о земскихъ доходахъ. Здѣсь проявляется самая полная зависимость земскаго бюджета отъ земельныхъ сборовъ вообще и въ частности отъ земельныхъ повинностей съ крестьянъ. Въ виду этого слѣдуетъ признать, что основнымъ принципомъ въ системѣ взысканія поземельныхъ налоговъ долженъ быть тотъ порядокъ, при которомъ сборы для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, имѣющихъ общегосударственное значеніе, не отодвигались бы на задній планъ, т.-е. земскіе сборы должны идти впереди сборовъ казенныхъ и зачисляться первыми, какъ это и было прежде установлено ст. 90 Уст. о зем. повинностяхъ.

Тамбовское губернское земское собраніе послѣдней сессіи выдвинуло, по предложенію гласнаго Петрово-Соловово, еще одну мѣру, могущую улучшить земскіе финансы, а именно оно рѣшило ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ объ уступкѣ въ пользу земства одного изъ государственныхъ налоговъ. Собраніемъ избрана коммиссія для детальной разработки и мотивировки такого ходатайства. По поводу такого постановленія *Новости* указываютъ, что такимъ же путемъ уступки нѣкоторыхъ государственныхъ налоговъ или извѣстной части ихъ въ пользу мѣстныхъ учрежденій создавался ростъ ихъ бюджетовъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Такъ, въ Германіи значительную долю этихъ бюджетовъ составляютъ отчисленія отъ общеимперскаго таможеннаго дохода. Кромѣ того, по закону 1889 г., правительство обязательно участвуетъ въ мѣстныхъ расходахъ на содержаніе элементарныхъ школъ. Въ одной Пруссіи этотъ расходъ правительства (около 60 милліоновъ марокъ) превышаетъ весь бюджетъ нашего министерства народнаго просвѣщенія. Во Фран-

бюджеты мѣстныхъ учрежденій составляются, главнымъ образомъ, изъ такъ называемыхъ добавочныхъ сантимовъ къ правительственнымъ налогамъ. Нигдѣ бюджеты мѣстныхъ учрежденій не отличаются такими ничтожными размѣрами, какъ въ нашемъ отечествѣ. Въ Пруссіи мѣстныя учрежденія располагаютъ бюджетомъ въ 240 мил. руб. (482 мил. марокъ), во Франціи около 500 мил. р. (1,254 тыс. фр.), въ Великобританіи около 600 мил. руб. (69,317 тыс. ф. ст.), въ Россіи же общая сумма бюджетовъ земствъ (около 45 мил. руб.), городовъ и крестьянскихъ волостей не превыситъ 100 мил. руб. Столь же велико различіе въ отношеніяхъ бюджетовъ мѣстныхъ учрежденій къ бюджету государственному у насъ и на Западѣ. Во Франціи бюджетъ мѣстныхъ учрежденій составляетъ около 40 проц. государственнаго, въ Великобританіи почти 66 проц. Въ Россіи же общія средства мѣстныхъ учрежденій достигаютъ лишь 10 проц. государственнаго бюджета. Въ послѣднее время,—заключаетъ газета,—у насъ очень много говорятъ о желательности значительнаго увеличенія тѣхъ расходовъ государственнаго бюджета, которые предназначены для подъема силъ населенія и улучшенія условій всѣхъ отраслей ея экономической дѣятельности. Между тѣмъ лучшими помощниками государственной власти въ данной области могутъ явиться, конечно, мѣстныя учрежденія, располагающія необходимыми на то матеріальными средствами.

Недавно газеты сообщили очень важное извѣстіе, что министерство народнаго просвѣщенія уважило ходатайство олонецкаго губернскаго земскаго собранія и согласилось принять на себя часть расходовъ въ содержаніи предложенныхъ собраніемъ 90 новыхъ земскихъ школъ. Такъ какъ это первый случай помощи правительства земству въ распространеніи народнаго образованія, то, понятно, онъ обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ надежды, что фактъ этотъ не останется единичнымъ. Извѣстный земскій дѣятель, М. П. Щепкинъ, по поводу указаннаго сообщенія прислалъ въ *Русскія Вѣдомости* весьма интересное письмо, озаглавленное «Въ добрый часъ». Сообщивъ о фактѣ министерской помощи олонецкому земству, г. Щепкинъ продолжаетъ: «И слава Богу! Какое, въ самомъ дѣлѣ, высокой важности извѣстіе, могущее ободрить многія земства, такъ сильно озабоченныя теперь скорѣйшимъ рѣшеніемъ вполнѣ назрѣвшаго вопроса *о введеніи всеобщаго обученія*! Недостатокъ у земства наличныхъ средствъ служитъ, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ сильныхъ препятствій къ скорѣйшему осуществленію этого благого предпріятія. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ такого тяжелаго положенія. Московское земство, которое пріобрѣло добрую славу своими неустанными заботами о распространеніи народнаго образованія и чуть ли не первое приступило къ осуществленію плана всеобщаго обученія, составило въ прошломъ году общую сѣть земскихъ училищъ въ губерніи «для осуществленія общедоступности начальнаго обученія». Въ настоящее время дѣйствуютъ въ губерніи 568 земскихъ училищъ, изъ которыхъ только 204 могли устроиться безъ помощи губернскаго земства, а на остальныя 346 училищъ потребо-

валось (собственно на постройку школьныхъ зданій) въ теченіе 23 лѣтъ болѣе 330,000 руб. пособій изъ губернской кассы. Для осуществленія новой сѣти училищъ во всѣхъ 13 уѣздахъ предполагается открыть еще 278 училищъ. И что же? Въ наступившемъ году всѣми 13 уѣздными земствами положено открыть только 77 училищъ; изъ нихъ 64 «въ развитіе новой» и 13 «старой сѣти», а 214 училищъ останутся, такъ сказать, въ недоимкѣ. Затѣмъ изъ 13 уѣздныхъ земствъ только одно московское нашло возможнымъ сразу открыть всѣ намѣченныя 26 училищъ, дабы въ одинъ нынѣшній годъ осуществить дѣло всеобщаго обученія въ уѣздѣ, да и то не иначе, какъ съ помощью средствъ губернскаго земства. Такимъ образомъ, на всѣ остальные 12 уѣздовъ придется только 51 школа, или на кругъ только по 4 училища на каждый уѣздъ. Какъ видите, цифра весьма незначительная. Если уѣздныя земства будутъ идти по намѣченному пути такимъ медленнымъ шагомъ, т.-е. открывать не болѣе какъ по 50 училищъ въ годъ, то благое намѣреніе московскаго земства относительно введенія всеобщаго обученія можетъ осуществиться не ранѣе, какъ черезъ пять лѣтъ. Надо думать, что не въ лучшемъ положеніи находится большинство и другихъ русскихъ земствъ.

«Такова печальная альтернатива, предстоящая теперь земству: или слѣдовать русской поговоркѣ: «по одежкѣ протягивай ножки», т.-е., за неимѣніемъ денегъ, отсрочивать исполненіе такъ ясно и твердо сознанной потребности въ распространеніи народнаго образованія,—или же обратиться къ широкой помощи правительства, въ какомъ бы видѣ эта помощь ни выразилась, въ видѣ ли просто субсидій, выдаваемыхъ изъ государственной казны, или въ видѣ льготныхъ и доступныхъ по средствамъ нашего земства займовъ, главнымъ образомъ на постройку училищныхъ зданій, составляющихъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ земскаго училищнаго дѣла. Послѣдній изъ этихъ способовъ представляется единственно правильнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что земству рано или поздно придется прибѣгнуть къ нему.

«Сдѣлаю при этомъ случаѣ слѣдующую не лишенную важности справку. Когда въ 10-хъ годахъ возникла потребность въ правильной дислокаціи войскъ, потребовавшей отъ городовъ непосильныхъ расходовъ для постройки воинскихъ помѣщеній, то правительство пришло на помощь общественнымъ управленіямъ тѣмъ, что открыло для этой цѣли «ссуды изъ капитала для устройства воинскихъ казармъ». Высоч. утвержд. 29 января 1880 года правила). Москва, выстроившая въ то время огромныя Александровскія казармы, стоившія городу 1.700,000 р., поспѣшила воспользоваться новыми правилами, по которымъ размѣръ ежегоднаго интереса опредѣлился въ 4 $4^1/_2$%, а погашеніе отъ $^1/_2$% для каменныхъ и не менѣе 2% для деревянныхъ построекъ. Смѣю думать, что размѣщеніе учащихся дѣтей въ хорошо построенныхъ училищныхъ зданіяхъ представляетъ собою какъ для общества, такъ и для правительства не меньшую заботу, чѣмъ размѣщеніе воинскихъ командъ. Оказанное нынѣ олонецкому земству содѣйствіе мини-

стерства народнаго просвѣщенія въ достиженіи великой цѣли введенія въ Россіи всеобщаго обученія подаютъ полную надежду на то, что правительствомъ не будутъ отвергнуты ходатайства, могущія быть представленными въ этомъ смыслѣ и направленіи.

«Въ добрый часъ!»

Въ области народнаго просвѣщенія, рядомъ съ земствомъ, дѣйствуютъ также различные общественные союзы и отдѣльныя лица. Ими устраиваются школы, библіотеки, народныя чтенія, книжные склады для народа. Какіе преданные дѣлу, какіе, по-истинѣ, самоотверженные люди работаютъ на нивѣ просвѣщенія народа! Примѣромъ можетъ служить дѣятельность народнаго учителя Вячеслава Яковлевича Аврамова, 25-лѣтній юбилей котораго недавно праздновался. По сообщенію *Руси* В. Я. Аврамовъ, прослушавъ университетскій курсъ по математическому факультету Московскаго университета и поступивъ затѣмъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, подъ вліяніемъ знакомства съ книгами Ушинскаго, бросилъ ожидавшую его карьеру и пошелъ въ народные учителя. Онъ поселился въ деревнѣ Волково, находящейся близъ Петербурга, и открылъ здѣсь частную школу. Его намѣреніемъ было поработать въ Волковѣ два-три года, а затѣмъ уйти куда-нибудь въ глубь Россіи, въ «настоящую деревню». Однако, въ дѣйствительности, онъ пробылъ всѣ 25 лѣтъ въ своей волковской школѣ,—такъ затянуло его школьное дѣло,—и имѣлъ рѣдкое удовольствіе видѣть въ концѣ своей дѣятельности полное отсутствіе неграмотныхъ въ своемъ районѣ. Первоначально волковская школа помѣщалась въ частной избѣ и содержалась на средства ея попечителя, мѣстнаго крестьянина, платившаго Аврамову 10 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Но затѣмъ Аврамовъ собралъ среди своихъ знакомыхъ сумму, составлявшую треть той суммы, которая была необходима для постройки школьнаго зданія, и тогда мѣстное земство приняло остальныя двѣ трети на свой счетъ, и такимъ образомъ волковская школа превратилась въ земскую. Образцовое веденіе дѣла въ школѣ Аврамова привлекало въ нее множество лицъ, желавшихъ познакомиться съ его пріемами и поучиться у него. За 25 лѣтъ такихъ посѣтителей волковская школа видѣла тысячи. За послѣднія 15 лѣтъ не было дня, чтобы въ школѣ не побывалъ кто-нибудь. Къ концу концовъ и учитель и ученики такъ привыкли къ посѣтителямъ, что не обращали на нихъ никакого вниманія. Особенно много было посѣтительницъ изъ числа дѣвушекъ, учившихся на педагогическихъ и высшихъ женскихъ курсахъ, изъ которыхъ многія здѣсь, въ волковской школѣ, ознакомились съ надлежащимъ веденіемъ школьнаго дѣла и затѣмъ, сдѣлавшись школьными учительницами въ разныхъ концахъ Россіи, съ благодарностью вспоминали уроки Аврамова. Эту сторону дѣятельности Аврамова пока еще нельзя и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ. Но еще гораздо важнѣе то, что сдѣлалъ Аврамовъ изъ своей школы. Онъ всегда былъ горячимъ противникомъ взгляда, по которому начальная школа должна ограничиваться только наученіемъ нѣкоторымъ навыкамъ—читать, писать и считать. Онъ ставилъ выше всего вос-

питательное вліяніе школы и своимъ примѣромъ ясно показалъ, какъ много можетъ сдѣлать школа въ данномъ направленіи. Человѣкъ совсѣмъ «не отъ міра сего» въ отношеніи матеріальныхъ благъ, онъ отдалъ всего себя своей школѣ. То небольшое помѣщеніе, которое было отведено ему подъ квартиру, онъ утилизировалъ, сначала отдавая его крестьянскимъ мальчикамъ, земскимъ стипендіатамъ, а потомъ подъ ремесленный классъ. Весь день его былъ посвященъ школѣ. Учащихся въ школѣ всегда было до ста и болѣе, и онъ успѣвалъ заниматься съ этой массой одинъ. Въ послѣобѣденное время онъ снова открывалъ школу для своихъ учениковъ, которые проводили здѣсь время или въ занятіяхъ, или въ играхъ, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе и Аврамовъ, или въ совмѣстномъ чтеніи. Благодаря такой постановкѣ дѣла, у Аврамова завязывались самыя тѣсныя отношенія съ учениками, и послѣдніе дѣлались его друзьями, которыми оставались и по выходѣ изъ школы, и теперь, когда почти все взрослое населеніе Волкова — ученики Аврамова, школа сдѣлалась предметомъ гордости и особаго уваженія для населенія.

Но, несмотря на то, что волковская школа отнимала у Аврамова массу времени и силъ, онъ не удовлетворился одною ею и искалъ новаго примѣненія для своей огромной энергіи. Въ значительной мѣрѣ, благодаря его иниціативѣ, фарфоровскимъ приходскимъ попечительствомъ созданы тѣ образовательныя учрежденія для взрослыхъ на шлиссельбургскомъ трактѣ, которыя въ настоящее время пользуются заслуженною извѣстностью по всей Россіи. Здѣсь Аврамовъ принялъ дѣятельное участіе въ работѣ въ воскресныхъ школахъ, являясь и здѣсь однимъ изъ самыхъ выдающихся работниковъ. Когда затѣмъ позднѣе на томъ же трактѣ были открыты вечерніе классы для взрослыхъ техническимъ обществомъ, Аврамовъ немедленно примкнулъ и къ этому дѣлу и сталъ отдавать ему всѣ вечера. Такимъ образомъ, у этого человѣка не оставалось рѣшительно времени для себя, а все оно шло на работу на пользу меньшой братіи.

О дѣятельности людей, подобныхъ г. Аврамову, нерѣдко мы узнаемъ лишь послѣ ихъ смерти; узнаемъ изъ некрологовъ, появляющихся въ провинціальной печати тѣхъ райновъ, гдѣ дѣйствовалъ покойный. Въ некрологѣ, озаглавленномъ *Одинъ изъ друзей народа*, *Волжскій Вѣстникъ* сообщаетъ о смерти Сергѣя Яковлевича Теплова, который былъ «самымъ преданнымъ другомъ народа, его постояннымъ заступникомъ, совѣтникомъ и печальникомъ». Тепловъ, будучи управляющимъ имѣнія г. Пашкова, въ селѣ Талызинѣ, Симбирской губерніи, и имѣя непосредственное общеніе съ народомъ, проявилъ здѣсь свою безграничную любовь къ простому народу, которому помогалъ и добрымъ ласковымъ словомъ, и совѣтомъ, и вещами, и деньгами, употребляя на это половину своего жалованья, другую же половину онъ сберегалъ, тратя на себя только на самое необходимое. Онъ и лѣчилъ крестьянъ, и одѣвалъ въ случаѣ надобности, и кормилъ, покупалъ имъ скотину и хозяйственныя принадлежности, утѣшалъ въ горѣ и отстаивалъ, когда надо было, ихъ интересы. Крестьяне со всѣмъ и

къ нему—и съ горемъ, и съ радостью—и въ поддержкѣ отказа никогда не встрѣчали. Въ неурожайные годы (1891 и 92 гг.) онъ выдалъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 18 тысячъ рублей. Сознавая, какъ много значитъ образованіе и насколько оно можетъ поднять умственный и нравственный уровень крестьянства, онъ на собственныя средства выстроилъ школу въ Яранскомъ уѣздѣ, въ д. Сарьяли, Болдаевской волости. Крестьяне платили ему горячею привязанностью за его постоянную заботливость о нихъ и отзывчивость къ ихъ нуждамъ, такъ что когда распространилась вѣсть о безвременной кончинѣ Теплова (ему было 49 лѣтъ), они толпами сходились къ его дому, не вѣря, не желая вѣрить постигшей ихъ утратѣ. На похороны его съѣхались крестьяне за многіе десятки верстъ, и надо было видѣть, какъ искренно оплакивали они своего друга и какъ горячо молились за упокой его души. Покойный Тепловъ, будучи человѣкомъ холостымъ, почти все свое состояніе, составившееся изъ сбереженій половины жалованья, завѣщалъ на добрыя дѣла. Любовь его къ крестьянамъ сказывается и въ оставленномъ завѣщаніи. Такъ, онъ отказалъ 3 тыс. руб. своей дальней родственницѣ, сельской учительницѣ, «за ея особые труды и заботы по образованію и воспитанію крестьянскихъ дѣтей». Завѣщалъ также капиталъ на образованіе стипендіи для воспитанниковъ изъ крестьянскаго сословія слѣдующимъ тремъ учебнымъ заведеніямъ: 1) Казанскому земледѣльческому училищу—четыре тысячи руб., 2) Казанскому университету (медицинскій факультетъ)—шесть тыс. руб., 3) Московскому техническому училищу—шесть тыс. руб. Такъ какъ покойный самъ всю свою жизнь посвятилъ для блага крестьянъ, то проситъ и тѣхъ лицъ, которыя будутъ пользоваться его стипендіями, помогать крестьянамъ во всѣхъ ихъ нуждахъ.

Въ движеніи къ просвѣщенію массы болѣе и болѣе выступаютъ за послѣднее время усилія друзей народа, направленныя на учрежденіе въ городахъ и селахъ народныхъ театровъ. Обыкновенно театры эти возникаютъ по иниціативѣ небольшого кружка мѣстной интеллигенціи, могущей употребить на дѣло лишь небольшія денежныя средства. Но проходитъ не много времени—и средства народныхъ театровъ начинаютъ возрастать, репертуаръ расширяется, вся обстановка становится внушительнѣе. И интересную исторію возникновенія и развитія народнаго театра въ селѣ Рождественѣ, Петербургской губерніи, прочли мы въ журналѣ *Міръ Божій*. Правильно организованный народный театръ, въ которомъ играетъ труппа, составленная изъ мѣстныхъ крестьянъ, существуетъ въ упомянутомъ селѣ уже нѣсколько лѣтъ. Своимъ происхожденіемъ этотъ театръ обязанъ интеллигентному кружку, въ составъ котораго входили женщина-врачъ, фельдшерица и учительница. Въ качествѣ членовъ общества трезвости, онѣ обратились къ комитету послѣдняго за разрѣшеніемъ открыть отъ имени общества подписку на театръ для народа. Подписка дала сто пятьдесятъ рублей, не считая пожертвованій строительными матеріалами, сдѣланныхъ мѣстными землевладѣльцами. На собранныя средства было нанято за 60

руб. въ годъ зданіе, служившее обыкновенно дачей, въ которомъ и сдѣланы были приспособленія и передѣлки, необходимыя для устройства сцены, зрительной залы, двухъ небольшихъ уборныхъ и маленькой передней, гдѣ можно бы было оставлять (зимою) верхнее платье. Занавѣсъ и декораціи соорудили мѣстными силами. За вычетомъ всѣхъ этихъ расходовъ, въ кассѣ осталось 50 руб., на которые и былъ (въ декабрѣ 1889 г.) поставленъ первый спектакль, давшій (при вмѣстимости театра до 100 чел.) около 40 руб. сбора. Шла пьеса *Не такъ живи, какъ хочется*, Островскаго, при исключительномъ участіи любителей. Сборъ пошелъ на устройство двукратнаго повторенія той же пьесы. Настроеніе публики, несмотря на страшную жару и духоту, было восторженное. Возгласы и замѣчанія во время дѣйствія, а равно и оживленные разговоры въ антрактахъ свидѣтельствовали о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвела на публику «игра», какъ выражаются крестьяне о спектаклѣ вообще. По селу долго ходили «словечки» изъ роли Еремы, а нѣкоторыя сцены прямо-таки запоминались наизусть. Слѣдующій спектакль былъ на масляницѣ 1890 г. (*Въ чужомъ пиру похмѣлье*), затѣмъ на Пасхѣ (*Не въ свои сани не садись*), лѣтомъ было три спектакля. Всѣ спектакли повторялись до трехъ разъ, въ виду того, что театръ не могъ вмѣстить заразъ всѣхъ желающихъ. На Рождествѣ 1891 г. впервые былъ поставленъ спектакль (*Ермакъ Тимоѳеевичъ*, въ передѣлкѣ одного изъ крестьянъ), въ которомъ участвовали исключительно крестьяне, руководимые крестьяниномъ же. Эта первоначальная труппа состояла изъ 10 человѣкъ, почти исключительно мужчинъ. Годомъ основанія настоящаго театра надо считать 1894 г., когда онъ перешелъ въ новое, большое помѣщеніе, вмѣщающее до 285 человѣкъ. Въ расширеніи театра, обзаведеніи новыми декораціями, главнымъ образомъ, играли средства извѣстнаго крупнаго благотворителя и мѣстнаго землевладѣльца И. В. Рукавишникова, откликнувшагося на призывъ лицъ, ставшихъ во главѣ дѣла. Передѣланный заново домъ, гдѣ помѣщается театръ, заарендованъ на 5 лѣтъ (по 100 руб. въ годъ). Обстановка, занавѣсъ (работа с.-петербургскаго декоратора), всѣ декораціи сдѣланы заново. Все это обновленіе обошлось около 4,000 руб. Аренду рѣшено выплачивать изъ сборовъ, такъ что въ новомъ своемъ видѣ театръ сталъ въ независимое положеніе. Съ августа 1894 г. по августъ 1895 г., т.-е. въ первый годъ существованія постояннаго театра въ Рождественѣ, въ немъ было: 15 спектаклей, 17 чтеній съ туманными картинами, 3 музыкально-литературно-танцовальныхъ вечера. Доходъ (валовой) за годъ равнялся 1,205 р. 51 к., расходъ—1,029 р. 81 к. Зрителей и слушателей, въ среднемъ, по 200 чел. въ вечеръ.

Изъ вновь возникшихъ народныхъ театровъ, газета *Жизнь Юга* сообщаетъ о театрѣ въ Елисаветградѣ, устроенномъ мѣстнымъ обществомъ распространенія грамоты. Избранная обществомъ коммиссія вошла въ соглашеніе съ кружкомъ любителей драматическаго искусства, охотно отозвавшимся на приглашеніе. Первый спектакль по очень уменьшеннымъ цѣна

на мѣста назначенъ былъ въ прошломъ декабрѣ, въ воскресный день. Постановлены были *Бѣдность не порокъ* Островскаго и водевиль. Такъ какъ первая попытка должна была до нѣкоторой степени рѣшить участь всего предпріятія, то естественно, что устроители порядочно волновались, тѣмъ болѣе, что затраты на наемъ единственнаго въ Елисаветградѣ театра, Кузмицкаго, и на постановку были не малыя. Однако, опасенія оказались совершенно напрасными. Въ первый же день открытія кассы, гораздо раньше назначеннаго часа, у театра собралась толпа народа. Билеты положительно расхватали. Удовлетворить не было возможности и половины желающихъ. Пришлось назначить на 6-е января повтореніе спектакля, и опять полный сборъ и вынужденный отказъ сотнямъ лицъ, искавшимъ дешевыхъ мѣстъ. Говорили, что въ театрѣ преобладала не простонародная публика, и это вѣрно, только съ большими оговорками. Громадное большинство посѣтителей вѣрнѣе всего будетъ назвать «галерочной» публикой, т.-е. театръ заполненъ былъ той публикой, какая обыкновенно бываетъ на галеркѣ, гдѣ есть немножко и бѣдной интеллигенціи, и приказчиковъ, и прислуги, и мастеровыхъ и т. д. Это не въ прямомъ смыслѣ народъ, не фабричные (хотя часть и ихъ, конечно, присутствовала), не крестьяне, но это, все-таки, трудовой и небогатый классъ или классы. Состоятельные люди занимали только болѣе дорогія мѣста, оставленныя въ цѣляхъ выручки необходимой суммы, такъ какъ спектакли должны окупать себя.

16 января въ Ростовѣ-на-Дону скончался извѣстный общественный дѣятель, докторъ Георгій Ивановичъ Ткачевъ. Три года назадъ городъ этотъ праздновалъ 50-ти лѣтній юбилей разнообразной и энергичной дѣятельности Ткачева. Онъ былъ и любимый народомъ докторъ, и распространитель сельскохозяйственныхъ знаній въ массу, и выдающійся земскій дѣятель, и борецъ за общественные интересы въ мѣстной думѣ. Въ думѣ ему пришлось раскрыть цѣлый рядъ городскихъ злоупотребленій; какъ живая совѣсть, онъ не умолкалъ, не пропуская ни единаго засѣданія, кромѣ развѣ случаевъ тяжкой болѣзни. Мѣстныя газеты сообщаютъ, что далеко не легко доставалась ему побѣда. Однажды, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ добился пріема у Императора Александра II. По высочайшему повелѣнію была назначена слѣдственная коммиссія. По докладу коммиссіи, властвовавшій и совершавшій неправды городской голова Байковъ былъ удаленъ отъ занимаемой имъ должности. Ведя аскетическій образъ жизни, отказывая себѣ во всемъ, Ткачевъ значительную часть своихъ средствъ отдавалъ на нужды бѣднѣйшей части городского населенія, всего же болѣе жертвовалъ на народное просвѣщеніе. На стипендіи въ Харьковскомъ университетѣ имъ было пожертвовано 75,000 руб. и нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на школы въ Ростовѣ. На его средства выстроенъ отдѣльный баракъ и родильный пріютъ при городской больницѣ, зданіе для народной аудиторіи и читальни. Въ завѣщаніи своемъ онъ оставилъ почти все свое состояніе на общественныя нужды.

И. Иванюковъ.

Письмо къ редактору.

Позволяю себѣ просить васъ помѣстить въ вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее сообщеніе.

Въ своей статьѣ *Всеобщее обученіе въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ* (*Русская Мысль* за январь 1897 г.) я, между прочимъ, со словъ *Смоленскаго Вѣстника,* сообщалъ о преобразованіи школъ, содержимыхъ С. А. Рачинскимъ, изъ начальныхъ народныхъ въ церковно-приходскія, а затѣмъ о переходѣ ихъ изъ духовнаго вѣдомства снова въ вѣдѣніе свѣтскаго училищнаго совѣта. Это сообщеніе, перепечатанное *Русскими Вѣдомостями,* вызвало со стороны С. А. Рачинскаго, помѣщенное въ № 38 той же газеты, возраженіе, въ которомъ С. А. Рачинскій устанавливаетъ слѣдующій фактъ: «*Пять* изъ школъ, содержимыхъ мною, основаны задолго до изданія «Положенія о церковно-приходскихъ школахъ» и поэтому подчинены на общихъ тогда основаніяхъ вѣдѣнію мѣстной инспекціи и мѣстнаго училищнаго совѣта. *Никакимъ преобразованіямъ, никакимъ переходамъ изъ вѣдомства въ вѣдомство онѣ не подвергались*» (курсивъ мой).

Чтобы не основываться на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ мнѣ по этому поводу частнымъ образомъ, я для разъясненія возбуждаемаго такимъ заявленіемъ недоумѣнія обратился къ оффиціальнымъ источникамъ. Въ *Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* отъ 15 іюля 1884 г., № 13, въ оффиціальномъ отдѣлѣ, на страницѣ 554-й, я нашелъ «Вѣдомость о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты по Смоленской епархіи», гдѣ въ числѣ *церковно-приходскихъ школъ* Бѣльскаго уѣзда значатся, между прочимъ, слѣдующія пять: Ивановская *(Татевская тожъ), Глуховская, Травинская, Меженская* и *Кострицкая.* Въ печатномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. оберъ-прокурора св. синода за 1884 годъ не бы переименованы церковно-приходскія школы, а сообщено только общее чи существовавшихъ въ Смоленской епархіи церковно-приходскихъ школ школъ грамоты. Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ значилось въ отчетѣ 163. Но же самое число школъ, считая и пять вышепоименованныхъ, зарегист вано и въ названной выше вѣдомости, напечатанной въ *Епархіальн Вѣдомостяхъ.* Обращаясь къ вѣдомости Бѣльскаго уѣзднаго училищ

совѣта за ближайшее къ намъ время, мы видимъ, что пять слѣдующихъ школъ: *Татевская, Глуховская, Травинская, Меженская* и *Кострицкая* состоятъ нынѣ въ вѣдѣніи мѣстной инспекціи и свѣтскаго училищнаго совѣта, что однѣ изъ этихъ пяти школъ открыты С. А. Рачинскимъ безъ всякой посторонней помощи, другія открыты имъ же, но при содѣйствіи трехъ поименованныхъ въ вѣдомости лицъ, и что четыре изъ этихъ школъ и теперь содержатся на средства С. А. Рачинскаго, при участіи земства, сельскихъ обществъ и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Тѣ же самыя пять школъ переименованы, какъ начальныя народныя училища, состоящія въ вѣдѣніи совѣта мин. нар. просв., и въ печатныхъ журналахъ Бѣльскаго уѣзднаго земскаго собранія—за 1891, 1892 и 1893 гг., въ докладахъ по народному образованію. Такимъ образомъ возникаетъ новое недоумѣніе, какъ объяснить противорѣчіе между оффиціальными данными съ одной стороны и сообщеніемъ С. А. Рачинскаго съ другой.

Примите и пр.

В. Вахтеровъ.

и позволяютъ ему забраться въ чащу и уничтожать огромныя пространства. Проведеніе сибирской дороги создало для населенія еще новый соблазнъ. Цѣна дровъ поднялась, и съ казачьихъ станицъ и офицерскихъ участковъ по Горькой линіи на желѣзнодорожныя станціи стали привозить массу березовыхъ дровъ. А, между тѣмъ, эта мѣстность, занимая берега Иртыша, и безъ того имѣетъ наклонность къ высыханію; она можетъ быстро обратиться въ пустыню.

Другой крупный недочетъ—очень малое число школъ. Въ волостяхъ съ десятками селеній, разбросанныхъ по очень обширному пространству, всего чаще только по одной школѣ. Есть волости вовсе безъ школъ, и если крестьянинъ хочетъ обучить дѣтей грамотѣ, то долженъ надѣяться развѣ только на грамотнаго ссыльнаго, который найдется гдѣ-нибудь по сосѣдству. Мѣстная грамотность стоитъ такъ низко, что вовсе не служитъ орудіемъ умственнаго развитія. Нерѣдко крестьянскій мальчикъ учится нѣсколько лѣтъ и едва доходитъ до умѣнья писать свое имя. Книги распространены очень мало. Даже лубочныя изданія, хорошо извѣстныя въ Европейской Россіи, встрѣчаются въ Сибири рѣдко. А существующія школы требуютъ серьезныхъ улучшеній какъ въ отношеніи учебномъ, такъ и относительно хозяйственнаго благоустройства. Въ школахъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ пособій,—глобусовъ, картъ, картинъ; иной разъ недостаетъ учебниковъ, бумаги и чернилъ. Библіотеки крайне бѣдны, а учителя не имѣютъ матеріала для чтенія. Многія зданія школъ пришли въ полную негодность. Все это очень тягостно для многихъ переселенцевъ: на родинѣ они свыклись съ мыслью, что ихъ дѣти обучатся въ земской или церковно-приходской школѣ. А въ Сибири приходится отказаться отъ этой надежды. Эти факты заставляютъ высказать опасеніе, какъ бы въ Сибири переселенцы не пошли назадъ въ своемъ развитіи.

Таковы условія жизни переселенцевъ. Они тяжелы, а переселенцы представляютъ въ жизни Сибири настолько прогрессивное начало, что необходимо облегчить ихъ водвореніе. Ихъ прогрессивное значеніе особенно обнаруживается въ области сельскаго хозяйства. Тотчасъ по водвореніи новоселы усвоиваютъ веденіе хозяйства тѣми способами, которые господствуютъ въ Сибири. Но чрезъ 2—3 года пришельцы начинаютъ заводить порядки, которые были обычны имъ на родинѣ. Они, особенно малороссы, начинаютъ пахать плугами и старожилы постепенно слѣдуютъ этому примѣру. Нѣкоторыя партіи переселенцевъ имѣютъ хорошихъ мастеровъ-кузнецовъ, плотниковъ, мельниковъ. Эти люди начинаютъ производить вѣялки и молотилки, устраивать водяныя и вѣтряныя мельницы. Переселенцы мало способствуютъ искорененію предразсудка, что сибирскія земли не любятъ навоза—«не примаютъ назему». Они сѣютъ на удобренныхъ земляхъ получаютъ хорошіе урожаи и увлекаютъ своимъ примѣромъ коренныхъ крестьянъ, иногда и киргизовъ. Это вліяніе замѣтно и въ томъ, что, почину новоселовъ, въ Сибири постепенно вводятся спеціальныя ку

туры—воздѣлываніе табаку около Ишима, подсолнечника и арбузовъ въ Акмолинской области, мѣстами разводятся яблони, груши и проч.

Задаваясь вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ сибирская тайга пригодна для заселенія, матеріалы отвѣчаютъ на это очень осторожно. Указывается на сѣверныя части Тарской и Тюкалинской окру́гъ, какъ на мѣстности, въ которыхъ еще найдется довольно простора для переселенцевъ. Затѣмъ подобныя мѣста указываются въ сѣверныхъ частяхъ—окру́гъ Ишимской, Тобольской и Тюменской. Не мало такихъ мѣстъ намѣчается и въ Томской губерніи: большіе участки въ Каинской окру́гѣ, Маріинско-Гулымская тайга, гдѣ считается пустопорожней земли до 2.100,000 десятинъ, много полосъ въ Барабинской степи. За послѣдніе годы въ правительственныхъ кругахъ и частью въ литературѣ стало слагаться мнѣніе, что тайга не можетъ служить полемъ для развитія правильнаго и выгоднаго сельскаго хозяйства. Однако матеріалы, собранные при комитетѣ сибирской желѣзной дороги, содержатъ указанія на то, что и въ тайгѣ земледѣліе можетъ быть ведено съ полнымъ успѣхомъ. Въ Туринской окру́гѣ среди лѣсовъ разбросаны заимки сибирскихъ крестьянъ; многія пашни разработаны изъ-подъ моховыхъ болотъ; и гдѣ прежде собиралась только клюква, тамъ получаются обильные урожаи ржи, овса и ячменя, въ среднемъ 70—100 пудовъ съ десятины. Въ Томско-Гулымской тайгѣ, которая относительно пригодности для земледѣлія пользовалась также очень дурною славой, живетъ до 250 казенныхъ арендаторовъ; они имѣютъ запашку и хорошія пасѣки; условія пчеловодства оказываются чрезвычайно благопріятными. Относительно Восточной Сибири мы находимъ указанія болѣе общія, однако не встрѣчаемъ отрицательнаго отношенія, которое теперь слышится такъ часто. Мы читаемъ даже такія слова: «отказаться отъ заселенія сѣверныхъ частей Сибири путемъ образованія въ удобныхъ къ тому мѣстахъ переселенческихъ участковъ надо будетъ только тогда, когда твердо будетъ установлено, что въ томъ или другомъ районѣ земледѣльцу жить нельзя».

Согласно съ такими воззрѣніями, въ комитетѣ сибирской дороги намѣчаются и условія, которыя облегчили бы водвореніе во многихъ мѣстахъ, теперь считающихся наименѣе удобными. Ставится на видъ необходимость проводить на участкѣ, по крайней мѣрѣ, временныя проѣздныя дороги; указывается на то, что было бы полезно, при занятіи таежнаго участка переселенцами, присоединять къ нимъ и небольшія партіи старожиловъ, которые вообще стремятся въ тайгу. Старожилы опытны въ пользованіи тайгой. Поселяясь въ ней совмѣстно съ переселенцами, они будутъ какъ бы руководителями ихъ въ примѣненіи сельско-хозяйственныхъ пріемовъ къ условіямъ таежныхъ мѣстностей. Оцѣнивая возможное значеніе Барабинской степи, указывается на необходимость произвести въ ней осушительныя работы, которыя дадутъ культурѣ 4 милліона десятинъ. Въ настоящее время эта площадь служитъ разсадникомъ болотныхъ лихорадокъ и сибирской язвы.

Можно вполнѣ присоединиться ко многимъ изъ этихъ замѣчаній и по-

жалѣть, что мѣры, весьма полезныя для переселенцевъ, принимаются въ крайне ограниченномъ объемѣ, а также и о томъ, что, повидимому, не вездѣ въ правительственныхъ сферахъ держатся мнѣнія, которое составилъ себѣ комитетъ сибирской дороги.

Въ самомъ дѣлѣ, устройство въ Сибири складовъ, откуда переселенцы могли бы закупить необходимые для нихъ товары, представляется особенно цѣлесообразнымъ, а средства, которыми располагаютъ эти склады, и ихъ дѣятельность находятся въ очень тѣсныхъ рамкахъ. У одного крестьянскаго чиновника было на открытіе склада до 300 рублей, у другого даже почти ничего. Будемъ смотрѣть на все, сдѣланное до сихъ поръ, какъ на рядъ опытовъ, и выразимъ надежду, что эти опыты послужатъ урокомъ, что склады, уже открытые, и лица, которыя впредь поставятъ себѣ подобную задачу, легко найдутъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ (и прежде всего въ отдѣленіяхъ государственнаго банка) кредитъ на это дѣло. Нельзя требовать отъ крестьянскихъ чиновниковъ, чтобъ они развивали обороты складовъ и вообще удѣляли имъ много времени: у нихъ слишкомъ много ближайшихъ служебныхъ обязанностей. Но есть уже готовыя организаціи, могущія взять на себя такую обязанность: общества вспоможенія переселенцамъ. Кромѣ общерусскаго общества, правленіе котораго находится въ Петербургѣ, мѣстныя общества дѣйствуютъ въ Тюмени, Томскѣ, Омскѣ, Красноярскѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Помощь, которую они оказываютъ переселенцамъ, нерѣдко бываетъ случайной и неупорядоченной. Еслибъ извѣстная часть ихъ средствъ, усиленная кредитомъ изъ государственнаго банка, была затрачиваема на организаціи товарныхъ складовъ для продажи переселенцамъ всего, что нужно для ихъ хозяйства, причемъ бѣднѣйшіе могли бы покупать товары по цѣнѣ даже значительно низшей стоимости товара для самого склада, то благотворительная дѣятельность обществъ приносила бы больше пользы. Все это могло бы быть облегчено освобожденіемъ подобныхъ складовъ отъ торговыхъ сборовъ, которые составляютъ чувствительное бремя, а также пониженіемъ тарифа на самые громоздкіе товары (плуги, молотилки), пріобрѣтаемые этими складами. Пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа для этихъ товаровъ является логическимъ выводомъ изъ льготъ, которыя оказываются переселенцамъ. Если для передвиженія переселенцевъ и ихъ багажа примѣняется особый тарифъ, весьма низкій, то правильно понизить тарифъ на перевозку плуговъ, сѣялокъ, молотилокъ, посылаемыхъ въ склады, главными покупателями которыхъ являются переселенцы.

Сочувствуя оцѣнкѣ переселенческаго дѣла, какъ она высказана при комитетѣ сибирской дороги, мы попытаемся сравнить съ нею циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20 января 1897 г.

Въ циркулярѣ ставится на видъ, что за 1896 годъ число переселенцевъ въ Сибирь превысило 200,000 душъ и число обратныхъ достигло 12%. «Если въ прежніе годы,— читаемъ мы, — при достаточномъ запасѣ удобныхъ земель, правительство безъ особыхъ затрудненій могло не то

ко разрѣшать переселеніе немалому числу сельскихъ обывателей, но и устраивать въ Сибири крестьянъ, прибывшихъ туда самовольно, то въ настоящее время обстоятельства обязываютъ принять всѣ мѣры къ сокращенію движенія, въ соотвѣтствіи съ уменьшеніемъ количества заготовленныхъ участковъ и, кромѣ того, озаботиться надлежащимъ подборомъ переселенцевъ изъ лицъ и семей, приспособленныхъ къ естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ новыхъ мѣстъ водворенія». Усиленное движеніе бываетъ часто слѣдствіемъ преувеличенно-заманчивыхъ слуховъ, которые проистекаютъ изъ сомнительныхъ источниковъ, распространяются среди крестьянъ и побуждаютъ ихъ легкомысленно покидать родину. Министерство напоминаетъ поэтому земскимъ начальникамъ, мировымъ посредникамъ и другимъ лицамъ, стоящимъ у крестьянскаго дѣла, что всѣ ихъ усилія должны быть направлены «къ опроверженію этихъ слуховъ и къ сообщенію достовѣрныхъ свѣдѣній о переселеніи». Съ тѣмъ вмѣстѣ министерство внутреннихъ дѣлъ хочетъ облегчить крестьянамъ ознакомленіе съ Сибирью чрезъ посылку ходоковъ. Ходоки идутъ большею частью отъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ, по крайней мѣрѣ, отъ значительныхъ группъ крестьянъ; министерство считаетъ особенно цѣлесообразнымъ ходачество отъ отдѣльныхъ семей. Ходоки будутъ передвигаться безпрепятственно со всѣми тѣми льготами, которыя даются переселенцамъ. Такъ какъ однѣ мѣры увѣщанія могутъ оказаться недостаточными, то министерство ставитъ высшимъ мѣстнымъ властямъ на видъ, что самовольнымъ переселенцамъ не будутъ отводить казенныхъ земель и что они не будутъ получать путевыхъ ссудъ. Кромѣ того, мѣстнымъ властямъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы должностныя лица сельскаго и волостного общественнаго управленія, при распродажѣ самовольными переселенцами ихъ имущества, не допускали незаконныхъ поборовъ, не выдавали, вмѣсто паспортовъ, документовъ, которые не установлены закономъ, чтобы не выдавались удостовѣренія ходокамъ, самовольно избраннымъ сельскими обществами или отдѣльными группами, которыя не получили разрѣшенія переселиться. Злоупотребленія должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія должны быть строго преслѣдуемы дисциплинарными взысканіями и даже удаляемы отъ занимаемыхъ должностей. Дабы привить крестьянамъ привычку относиться къ переселеніямъ болѣе сознательно, министерство внутреннихъ дѣлъ рекомендуетъ крестьянамъ брошюру *Сибирское переселеніе*. Эта брошюра содержитъ нѣкоторыя указанія относительно Сибири и рисуетъ картины будущаго, которыя часто ожидаютъ переселенцевъ.

Мы вполнѣ сочувствуемъ желаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ создать такой порядокъ вещей, при которомъ были бы вовсе неизвѣстны обратныя переселенія. Мы всецѣло присоединяемся къ той мысли, что желательно облегчить ознакомленіе крестьянъ съ условіями жизни, которыя они встрѣтятъ на мѣстѣ водворенія. Мы только не можемъ окончательно уяснить, насколько дѣйствительны мѣры, которыми предполагается держать переселенческое движеніе въ тѣсныхъ границахъ.

Напоминаніе крестьянамъ о томъ, что они не будутъ, въ случаѣ самовольнаго ухода, получать въ Сибири не только ссудъ, но и казенной земли, можетъ и не производить того впечатлѣнія, котораго отъ него ожидаютъ. Повсюду, откуда были переселенцы въ Сибирь, память крестьянъ хранитъ факты, которые не вполнѣ согласуются съ этимъ напоминаніемъ: у каждаго есть на виду земляки, которые выѣхали въ Сибирь безъ разрѣшенія переселиться и, однако, заняли землю. Въ однихъ случаяхъ переселенцы получили казенную землю отъ сибирской администраціи, которая не знала иного выхода изъ своего положенія, какъ дать землю семьямъ, поставленнымъ за Ураломъ въ самыя тяжелыя условія. Въ другихъ случаяхъ самовольнымъ переселенцамъ удалось устроиться посредствомъ приписки къ старожильскимъ обществамъ. Не взирая на новое напоминаніе правительственной власти, многіе крестьяне рискнутъ на самовольный уходъ, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, имъ терять почти нечего. Бѣднѣйшія группы населенія въ малоземельныхъ деревняхъ имѣютъ столь ничтожное имущество, что не будетъ казаться страшнымъ рискъ потерять его, особенно при разсчетѣ, что, авось, переселеніе доставитъ рискнувшему крупную удачу.

Могутъ ли быть дѣйствительны мѣры, которыми разсчитываютъ противодѣйствовать самовольному уходу? Стѣсненія по выдачѣ паспортовъ, какъ убѣждаетъ опытъ предыдущихъ лѣтъ, не могутъ имѣть большого значенія: не имѣя проходного свидѣтельства, желающіе переселиться будутъ трогаться изъ своихъ деревень съ краткосрочными паспортами, которые они будутъ брать изъ волостныхъ правленій подъ предлогомъ движенія на заработки. Ограничить же выдачу этихъ паспортовъ рѣшительно невозможно. Допустимъ, что установится очень строгій надзоръ надъ должностными лицами сельскаго и волостного общественнаго управленія; допустимъ, что отличный подборъ этихъ людей устранитъ всякія злоупотребленія при выдачѣ крестьянамъ письменныхъ видовъ: и тогда нельзя будетъ отказывать крестьянамъ въ трех- или шестимѣсячныхъ паспортахъ. Нельзя также очень надѣяться на то, что земскіе начальники или мировые посредники, убѣждая крестьянъ въ невыгодности самовольнаго ухода, будутъ удерживать многихъ на мѣстѣ. Безъ сомнѣнія, среди лицъ мѣстнаго управленія есть люди вполнѣ достойные довѣрія, но ихъ часто соединяютъ съ населеніемъ такія связи, которыя способны ослаблять это довѣріе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда должностное лицо своей предыдущей дѣятельностью не дало повода думать, что оно относится безучастно къ интересамъ крестьянъ. Земскій начальникъ обыкновенно и помѣщикъ, которому для хозяйства нужно столько-то рабочихъ рукъ. Соприкасаясь съ населеніемъ [illegible] разныхъ точкахъ, онъ можетъ внушить окружающимъ полное довѣріе. [illegible] говаривая же крестьянъ отъ намѣренія переселиться, онъ легко мож[illegible] вызвать замѣчанія, что онъ не безпристрастенъ, что выселеніе изъ сос[illegible] нихъ деревень можетъ уменьшить предложеніе рабочихъ рукъ, поднять [illegible] работную плату, можетъ уменьшить число съемщиковъ его земли и [illegible]

зить арендныя цѣны. Иной разъ будетъ дѣйствовать, быть можетъ, съ полнымъ безпристрастіемъ, руководствоваться соображеніями государственной пользы, а не личными разсчетами. Однако, весьма легко будутъ возникать подобныя сомнѣнія. Мы полагаемъ даже, что, при увѣщаніяхъ относительно этого пункта, могутъ имѣть большое вліяніе лица, которыя далеко стоятъ отъ мѣстнаго хозяйства и вовсе не заинтересованы въ размѣрахъ заработной платы или арендныхъ цѣнъ.

Мы сомнѣваемся также, чтобы названная брошюра могла доставить выгоды, которыхъ отъ нея ожидаютъ. Литературное произведеніе, въ какую бы среду оно ни было направлено, дѣйствуетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе оно производитъ впечатлѣніе внѣпартійности. Его вліяніе обыкновенно тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе подмѣчается односторонности, противоположной образу мыслей и чувствъ среды, которая должна быть подчинена данному вліянію. Относительно переселеній дѣло стоитъ такъ. Большая часть крестьянъ представляетъ себѣ Сибирь въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ она того заслуживаетъ. Литературное произведеніе, которое давало бы объ этой обширной странѣ стройное сочетаніе свѣта и тѣни, могло бы постепенно пріучить крестьянскую массу относиться къ дѣлу болѣе сознательно. Все то, что выдвигаетъ на первое мѣсто темныя стороны сибирской жизни, можетъ нерѣдко вызывать предположеніе, что нѣтъ достаточнаго безпристрастія въ описаніи Азіатской Россіи. Въ брошюрѣ *Сибирское переселеніе* мы находимъ довольно часто такую характеристику, которая, будучи правильна относительно многихъ мѣстностей, должна быть сопровождаема значительными оговорками, какъ скоро идетъ рѣчь о цѣлой странѣ. «Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, читаемъ мы, что въ Сибири мѣстъ пригодныхъ, чтобъ тотчасъ на нихъ селиться, совсѣмъ уже не такъ много. Впрочемъ, громадныя пространства совсѣмъ не изслѣдованы, туда и воронъ костей не заносилъ. Огромныя площади земли покрыты дремучими лѣсами, заняты топкими болотами, солончаками и каменистыми горами, неудобными для земледѣлія. Нынѣ уже очень многіе участки находятся не на проточныхъ водахъ, а на колодцахъ, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири не рѣдкость встрѣтить селенія, гдѣ на 30 дворовъ приходится всего одинъ колодецъ» (стр. 4). Прочитавшій такія строки выведетъ заключеніе, что огромныя пространства въ Сибири вовсе не извѣстны. А если такъ, спрашиваетъ читатель, то какое право имѣетъ авторъ говорить, что очень большія площади неудобны для земледѣлія? Относительно земель, которыя не изслѣдованы, нельзя рѣшить, для чего онѣ пригодны и для чего непригодны. То замѣчаніе, что многія селенія не имѣютъ водоемовъ, кромѣ колодцевъ, легко ведетъ къ соображенію, что среди земель, которыя еще не извѣстны, навѣрное, найдутся проточныя воды и пр. Затѣмъ говорится объ убыткахъ, которые причиняютъ сибирякамъ конокрады, медвѣди и волки (стр. 6) и дѣлается ссылка на одинъ поселокъ, гдѣ звѣри въ теченіе одного лѣта задрали много скота. Но желающій переселиться, читая эти строки, припомнитъ письма земляковъ, которые, поселившись въ разныхъ

мѣстахъ, быть можетъ, не испытывали такихъ бѣдъ. И вспомнивъ это, онъ скажетъ, что ему угрожаютъ на основаніи отдѣльныхъ случаевъ. Словомъ, на пространствѣ 14 страницъ онъ найдетъ матеріалъ для критики.

Но всѣ эти напоминанія и совѣты могутъ легко привести къ цѣли, если одновременно будутъ приняты мѣры по изслѣдованію земли въ Сибири и будутъ возможно чаще опубликовываться результаты, достигнутыя межевыми отрядами. Было бы полезно помѣщать всѣ такія свѣдѣнія въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*, который читается крестьянами довольно часто и проникаетъ уже въ отдаленную глушь. Удерживаемые отъ слишкомъ торопливаго переселенія, крестьяне, которые не покидаютъ мечты о дальнемъ Востокѣ, легко уступили бы голосу благоразумія, такъ какъ часто получали бы свѣжія извѣстія объ успѣхахъ, достигнутыхъ изслѣдованіями Сибири о новыхъ площадяхъ земли, которыя вскорѣ будутъ открыты для колонизаціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ было бы полезно пустить въ народъ брошюрки съ полнымъ и всестороннимъ изображеніемъ быта переселенцевъ за послѣдніе годы, подробнымъ выясненіемъ условій, которыя послужили имъ на пользу или же помѣшали ихъ устроенію. Такія мѣры воздѣйствія дадутъ за короткое время желанные плоды.

Изданіе министерства финансовъ «о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» вызываетъ столько недоразумѣній и, особенно, своимъ введеніемъ, что мы считаемъ не лишнимъ побесѣдовать объ этомъ съ читателями.

Одна группа сельскихъ хозяевъ безспорно страдаетъ отъ низкихъ цѣнъ: это—владѣльцы имѣній больше 200 десятинъ; уже меньше убытковъ несутъ тѣ, владѣнія которыхъ составляютъ отъ 50 до 200 десятинъ. Площадь подъ зерновыми хлѣбами, находящаяся въ собственной обработкѣ владѣльцевъ, не превышаетъ ежегодно 6.910,000 десятинъ. Поэтому, низкія цѣны хлѣба прямо причиняютъ убытки только въ предѣлахъ этой площади. По цѣнамъ хлѣбовъ 1894 года, владѣльцы или съ трудомъ покрывали свои издержки, или даже не покрывали ихъ на значительную сумму. Совсѣмъ иначе представляется вліяніе низкихъ цѣнъ на частновладѣльческія земли, которыя сдаются въ аренду: эта площадь достигаетъ почти 6 милліоновъ десятинъ. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что сдача этихъ земель въ аренду за деньги или за часть урожая, каковы бы ни были цѣны, оставляетъ владѣльцу извѣстный чистый доходъ. Но авторы вовсе не выяснили вліянія, которое низкія цѣны оказываютъ на арендаторовъ. Въ общемъ совершается, по ихъ мнѣнію, перемѣна, которая бла
пріятна для арендаторовъ: сокращаются аренды болѣе состоятельны
крестьянъ, производящихъ хлѣбъ для рынка, и расширяются аренды тѣ
которые производятъ хлѣбъ только для собственнаго потребленія. Это у
шеніе не велико, такъ какъ—и это мы покажемъ ниже—на рынокъ
ставляютъ хлѣбъ даже тѣ арендаторы, которые производятъ меньшее
личество, нежели нужно для домашняго потребленія.

Авторы введенія бѣгло обходятъ вопросъ о вліяніи цѣны хлѣба на мелкихъ землевладѣльцевъ—до 50 десятинъ. Средній размѣръ такихъ владѣній составляетъ 23,6 десятинъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ такое имѣніе заключаетъ въ себѣ 16 десятинъ пашни, т.-е. при трехпольѣ, $10^1/_2$ десятинъ посѣва въ озимомъ и яровомъ поляхъ, а въ нечерноземныхъ $6^1/_2$ десятинъ пашни, т.-е. 4 десятины подъ озимымъ и яровымъ. Поэтому, многіе изъ этихъ владѣльцевъ не выступаютъ продавцами хлѣба. Однако, и изъ этихъ очень многіе вынуждены везти хлѣбъ на продажу.

На землевладѣніи крестьянскомъ въ тѣсномъ смыслѣ низкія цѣны хлѣба не отражаются неблагопріятно именно потому, что только небольшое число крестьянъ имѣетъ избытки для продажи: въ черноземной полосѣ таковые составляютъ 11,2% всѣхъ крестьянъ, а въ нечерноземной—только 5%. Дабы еще рѣзче отмѣтить фактъ, что денежная выручка отъ продажи хлѣба не имѣетъ существеннаго значенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, гг. Чупровъ и Посниковъ говорятъ: «Не на хлѣбѣ развиваются его (крестьянскаго хозяйства) денежныя отношенія. Различныя промысловыя занятія, выручки отъ продуктовъ скотоводства и огородничества и другихъ статей даютъ ему несравненно большую долю его денежнаго дохода, нежели продажа хлѣба. Среднее крестьянское хозяйство составляется какъ бы изъ двухъ частей: одна натурально-земледѣльческая—производство и потребленіе хлѣба, стоитъ очень далеко отъ рынка и цѣнъ; другая же, промысловая, погашающая платежныя и вообще денежныя нужды хозяйства, непосредственно связана съ рынкомъ, но по преимуществу не хлѣбнымъ». (Введеніе, стр. XII).

Приведенныя слова заставляютъ сдѣлать заключеніе, что крестьянское хозяйство изъ главныхъ предметовъ потребленія, въ немъ производимыхъ, продаетъ только избытки, ненужные для домашняго обихода. А между тѣмъ продажа хлѣба, соломы осенью и покупка ихъ же въ концѣ зимы и весною составляютъ повсемѣстный фактъ, давно изученный нашей экономической литературой. На бумагѣ денежный доходъ и расходъ большей части крестьянскихъ дворовъ выражаются въ суммахъ, которыя поступаютъ отъ сторонникъ занятій и возвращаются на рынокъ для покупки необходимыхъ крестьянамъ предметовъ, которые или вовсе не производятся дома, или не производятся въ достаточномъ количествѣ. Въ дѣйствительности же доходъ слагается изъ поступленій отъ сторонникъ заработковъ и выручки отъ продажи части своихъ продуктовъ, хотя они необходимы для дома, а расходъ—въ денежной затратѣ на то, чего дома не производится, что производится въ маломъ количествѣ и часть чего, однако, была выкинута на рынокъ. Обобщая цифры крестьянскихъ бюджетовъ по Россіи, г. Щербина вычислилъ душевой денежный доходъ отъ скотоводства, промысловъ и разныхъ статей въ 26 р. 72 коп. Къ этому слѣдуетъ прибавить доходъ отъ продажи хлѣба въ X рублей, а денежные расходы, кромѣ тѣхъ, которые совершаются на предметы, не производимые дома, въ X рублей на хлѣбъ.

Московскіе экономисты (стр. XVIII — XIX Введенія) указываютъ на

продажу хлѣба осенью, но, упомянувъ о ней, не дѣлаютъ выводовъ, которые въ достаточной мѣрѣ опирались бы на этотъ фактъ и вели бы къ заключенію, что низкія цѣны хлѣба тягостны не только для крестьянъ, имѣющихъ хлѣбные избытки, но и для всей ихъ массы. Отмѣчая это явленіе, гг. Чупровъ и Посниковъ добавляютъ, что въ урожайные годы (для примѣра взятъ 1887 — 1888) крестьяне переплачиваютъ весною по сравненію съ осенью 4—16%, а въ неурожайные—гораздо больше.

На самомъ дѣлѣ, оцѣнивать этотъ фактъ лишь въ такихъ размѣрахъ и упускать его изъ вида при дальнѣйшихъ выводахъ, значитъ прикрашивать русскую дѣйствительность. Въ статьѣ г. Маресса мы находимъ данныя относительно отчужденія хлѣба крестьянами, которые не производятъ избытковъ. Какъ велика масса этого хлѣба, это рѣшительно не поддается учету. Но такъ какъ эти факты отмѣчаются для промышленныхъ губерній, Московской и сосѣднихъ съ нею, гдѣ не земледѣльческія занятія крестьянъ особенно разнообразны и многочисленны, то фактъ получаетъ всеобщее значеніе: онъ типиченъ для крестьянскаго двора.

Сколько же теряетъ крестьянинъ на цѣнѣ, вслѣдствіе такой купли-продажи? Потери въ 15—20%, которыя отмѣчены въ сборникѣ министерства финансовъ, вовсе не исчерпываютъ существа дѣла. Отмѣтки о цѣнахъ осенью и весною имѣютъ своимъ источникомъ оптовыя цѣны хлѣботорговцевъ въ главныхъ средоточіяхъ торговли хлѣбомъ. Но крестьянинъ обыкновенно продаетъ и покупаетъ хлѣбъ подъ давленіемъ нужды. Если такимъ образомъ рыночная цѣна осенью въ урожайный годъ стоитъ на 30 коп., а ближайшею весною на 40, то крестьянинъ, совершающій эту операцію, продаетъ его не дороже 25, а покупаетъ не дешевле 45, т.-е. теряетъ не 15—20%, а 50—70% и больше. Вотъ слова въ очеркѣ г. Маресса, выражающія наиболѣе типичную сдѣлку по продажѣ и покупкѣ хлѣба крестьянскими хозяйствами. «Въ Самарской губ. съ глубокимъ черноземомъ, производящимъ на продажу бѣлотурку и др. красные хлѣба, крестьянамъ изъ года въ годъ не достаетъ собственнаго хлѣба на обсѣмененіе полей и на собственное продовольствіе, и потому къ веснѣ или даже съ осени, вскорѣ послѣ уборки хлѣба, покупаютъ его въ кредитъ у посѣвщиковъ-крестьянъ и купцовъ по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ, у тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ въ августѣ и сентябрѣ они за безцѣнокъ отдаютъ свой хлѣбъ въ уплату долга» (т. I, 65).

Нѣтъ данныхъ, чтобы вычислить убытки, которые, вслѣдствіе этого несетъ крестьянское хозяйство вообще. Конечно, эти убытки очень велики при всякомъ урожаѣ и при всякихъ цѣнахъ. Но попытаемся вычислить размѣры этихъ убытковъ вслѣдствіе низкихъ цѣнъ. Представимъ себѣ что крестьянская семья, производя въ годъ 100 пуд., которые приблизительно покрываютъ домашнія потребности, должна выручить изъ него осенью 25 руб. При цѣнѣ въ 50 коп. она продаетъ 50 пуд., а при цѣнѣ въ 30 коп.—80 пуд. Въ первомъ случаѣ, купивъ весною хлѣбъ по 65 коп., она потеряетъ 7 р. 50 коп., а во второмъ, купивъ весною по 45 коп.

потеряетъ 12 р. Нечего и говорить, насколько чувствительна для крестьянской семьи потеря въ 4—5 руб. Но это—наименьшая потеря, возможная только въ томъ случаѣ, если крестьянскій дворъ не опутанъ кредитными отношеніями. Разъ онъ опутанъ,—а таковъ удѣлъ огромнаго большинства крестьянскихъ дворовъ, то разница между цѣнами осенней и весенней гораздо болѣе велика и потеря отъ низкой цѣны выразится въ гораздо болѣе крупныхъ цифрахъ.

Гг. Чупровъ и Посниковъ, чтобы еще болѣе смягчить свой приговоръ о вліяніи на хозяйство низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, напоминаютъ (Введеніе, стр. XXIV), что во многихъ хозяйствахъ главный доходъ поступаетъ отъ овцеводства, скотоводства, табаку, картофеля, свекловицы. Безспорно, низкія цѣны хлѣба не затрогиваютъ такихъ хозяйствъ какъ продавцовъ. Но почему московскіе экономисты не поставили вопросъ о томъ, насколько выгодны и эти культуры? Читатель, встрѣтивъ это замѣчаніе, въ правѣ предположить, что хозяева, усвоившіе такія культуры, благоденствуютъ. Однако, мы видимъ паденіе цѣнъ и на эти продукты. Въ изданіи министерства финансовъ *Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи за 1890—1895 годъ*, мы встрѣчаемъ указанія, что принимая цѣны 1890 г. за 100, получаемъ въ 1895 году пониженіе до 99,8% для шерсти, 98,3 для крупнаго рогатаго скота, 98,4 для сыра, 95,4 для мяса, 87,3 для льняного сѣмени, 91,9 для льняного масла и пр. Дабы изслѣдованіе было возможно болѣе объективно, нужно было отмѣтить и эти факты, уменьшеніе доходности хозяйствъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, на овцеводство, скотоводство, воздѣлываніе нѣкоторыхъ промышленныхъ и торговыхъ растеній.

Авторы «Введенія» стараются яркими красками изобразить благосостояніе крестьянъ, послѣдовавшее за урожаями 1893 и 1894 гг. Они приводятъ выдержки изъ отзывовъ мѣстныхъ корреспондентовъ разныхъ губерній (стр. XXI), что крестьяне замѣтно поправились, сдѣлали новыя соломенныя крыши, ѣдятъ чистый хлѣбъ, не распродаютъ молодого скота и проч. Можно повѣрить всѣмъ этимъ заявленіямъ, но нельзя не отмѣтить, что они очень мало убѣдительны, такъ какъ относятся ко времени непосредственно слѣдующему за тяжелыми 1891—1892 годами. Упадокъ благосостоянія былъ за два голодные года такъ разителенъ, потрясеніе милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ такъ глубоко, что корреспонденты видѣли серьезное улучшеніе въ каждой лишней телкѣ, которой крестьянинъ не продалъ за безцѣнокъ, и въ каждой новой соломенной крышѣ, которою онъ замѣнилъ черную и наполовину съѣденную скотомъ въ весну неурожайныхъ годовъ. Не ограничиваясь ссылками на общія характеристики возрастающаго благосостоянія, московскіе профессора приводятъ и цифры: потребленіе сахара и поступленіе сахарнаго акциза были къ застоѣ въ періодъ 1890—1892 г., равняясь въ это время 7,9 и 8,3 фунта на человѣка, и, напротивъ, поднялись въ высокоурожайные 1893—1894 годы до 9,4 фунта на человѣка» (LIII). Присмотримся поближе къ цифрамъ, которыя сопоставлены въ

статьѣ г. Осипова (II томъ сборника, стр. 377), и мы получимъ такія данныя: душевое потребленіе сахара было равно въ 1887—1888 г.—7,6 фунта, въ 1888—1889 г.—7,7, въ 1889—1890 г.—7,8, въ 1890—1891 г.—7,9, 1891—1892 г.—8,3, 1892—1893 г.—8,3, 1893—1894 г.—9,4. Эти цифры показываютъ намъ, что возрастаніе потребленія сахара вовсе не должно быть разсматриваемо какъ серьезный признакъ увеличившагося благосостоянія: въ 1888 — 1889 г., послѣ двухъ обильныхъ урожаевъ кряду, душевое потребленіе увеличилось только на 0,1 фунта, въ 1891 — 1892, послѣ неурожая, оно увеличилось на 0,4 фунта, а послѣ второго неурожая, въ 1892—1893 годахъ, оно не уменьшилось. Въ 1893—1894 годахъ, послѣ хорошаго урожая, оно, правда, увеличилось на 1,1 фунта, но цѣна сахара понизилась въ большей пропорціи: въ 1893 — 1894 году душевое потребленіе причиняло расходъ въ 75 коп. безъ акциза, а въ голодный 1892—1893 годъ—83 коп. (сахаръ безъ акциза стоилъ 4 р. 05 коп. и 3 р. 25 коп. за пудъ).

А потому, скажемъ мы, сахаръ, какъ принадлежность къ чаю, сталъ настолько общераспространеннымъ предметомъ потребленія, что голодающее населеніе скорѣе сократитъ на любой статьѣ расхода, нежели сбережетъ цѣлковый на потребленіе сахара. То же скажемъ мы и о потребленіи спирта. Московскіе экономисты смѣло выдвигаютъ возросшее потребленіе спирта съ 22 градусовъ въ 1892 году до 23 въ 1893 и 24 въ 1894 г., а совершенно упускаютъ изъ вида, что цѣна спирта опустилась отъ 1892 г. въ большей пропорціи, нежели увеличилось потребленіе: послѣднее возросло къ 1894 году на 9%, тогда какъ цѣна спирта въ 40°, по сравненію съ 1892 годомъ, понизилась въ 1893 году на 25%, а въ 1894—на 35% (см. *Сводъ товарныхъ цѣнъ*, стр. III). Слѣдовательно, въ 1893 году населеніе тратило на вино меньше, нежели въ 1894 году. Въ довершеніе всего авторы «Введенія» ссылаются на смертность послѣднихъ лѣтъ, изъ которыхъ явствуютъ, что она была особенно низкой въ 1893—1894 годахъ, при цѣнахъ очень низкихъ: на 100 жителей умирало только 3,28. Эта цифра представляется гораздо болѣе благопріятной, нежели смертность въ 1891—1892 годахъ, когда на 100 живущихъ было 3,68 смертныхъ случаевъ. Однако, низкая смертность послѣднихъ лѣтъ не представитъ ничего выдающагося, если мы сравнимъ ее со смертностью въ 7-лѣтіе 1884—1890 годовъ: она составляла на 100 жителей только 3,34, тогда какъ средняя цѣна хлѣба была на 30% выше, чѣмъ въ 1893—1894 годахъ. А если столь большое паденіе цѣны повело только къ столь малому пониженію смертности, то нѣтъ основанія приписывать эту разницу именно очень низкой цѣнѣ.

Все сказанное заставляетъ насъ сдѣлать выводъ, что гг. Чупровъ и Посниковъ чрезвычайно уменьшили площадь, на которой обнаруживается неблагопріятное вліяніе низкихъ цѣнъ.

Однако, противъ этого можетъ быть сдѣлано возраженіе, что за послѣдніе годы почти всѣ товары подешевѣли, и что если продавцы хлѣ

кто бы они ни были, теряли при продажѣ хлѣба, то они столько же выигрывали, какъ покупатели разныхъ продуктовъ горнаго дѣла и обрабатывающей промышленности.

Просматривая цѣны за 6 лѣтъ, сопоставленныя въ оффиціальномъ *Сводѣ товарныхъ цѣнъ*, мы видимъ, что потери продавцовъ хлѣба, если даже продажа не была вынуждена, далеко не уравновѣшиваются тѣми, что они выиграли, какъ покупатели. Возьмемъ цѣны главныхъ товаровъ въ 1895 г. по сравненію съ 1890 г. Если цѣны этого послѣдняго года приравнять ко 100, то въ 1895 году цѣны продуктовъ будутъ равны: спирта 87,3, льняного масла—91,9, сахарнаго песка—92,2, миткаля—93,6, желѣза—94,9, мяса—95,4, керосина—107,4, рыбы—132,4. Цѣны же главныхъ земледѣльческихъ произведеній понизились въ такой пропорціи: пшена до 74,1, пшеницы до 73,1, овса—до 73, ржи—до 70,4, ячменя—до 67,3. Словомъ, кто бы ни являлся продавцомъ зерновыхъ хлѣбовъ и какими условіями ни была бы обставлена продажа, онъ терялъ больше, нежели выигрывалъ, какъ покупатель главныхъ предметовъ потребленія.

Припомнимъ, наконецъ (и это совершенно упускается изъ вида московскими экономистами), что за послѣдніе годы увеличились налоги государственные и мѣстные: со спирта, табаку, нефтяныхъ освѣтительныхъ маслъ, сахару, таможенные,—что страховые платежи не уменьшились—и мы поймемъ, насколько низкія цѣны хлѣба убыточны для многочисленныхъ слоевъ русскаго народа.

Упомянемъ въ немногихъ словахъ также и объ убыткахъ для всего русскаго хозяйства, причиняемыхъ низкими цѣнами хлѣба чрезъ посредство внѣшней торговли, независимо отъ того, кто именно изъ русскихъ людей наиболѣе чувствуетъ эти невыгоды. За 1895 годъ отпускъ нашихъ хлѣбовъ опредѣлился суммою до 335½ милліоновъ рублей, т.-е. по цѣнности около половины всего вывоза. Если опредѣлить потерю на цѣнности по всѣмъ хлѣбамъ круглою цифрой въ 30%, то общій итогъ потери достигнетъ 140 милліоновъ. Если даже допустить, что всѣ привезенные изъ-за границы товары были куплены русскими людьми дешевле на 10% *) по сравненію съ 1890 г., то чистый убытокъ, понесенный вслѣдствіе низкихъ цѣнъ во внѣшней торговлѣ, составитъ до 100 милліоновъ рублей,—сумма очень большая при низкомъ уровнѣ благосостоянія въ нашемъ отечествѣ.

Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать гг. Чупрову и Посникову и еще одинъ упрекъ: говоря о потребленіи вина, они начинаютъ съ 1888 и 89 гг., которые отличались «огромнымъ потребленіемъ спирта (27 и 25 градусовъ на душу)», указываютъ на упадокъ потребленія въ 1891—92 гг. и отличаютъ увеличеніе въ 1893 и 94 гг. («Введеніе», стр. LIII). Или, наприм., говоря о пониженіи смертности подъ вліяніемъ урожаевъ («Введеніе», LIV—LV), они

*) Въ дѣйствительности паденіе цѣнъ не достигало такой цифры: цѣна за 5 лѣтъ упала на 26% для олова, 14,9 для свинца, 7,9 для каменнаго угля, 8,8 для шерстяной пряжи, 5,3 для хлопка сырца, 5 и для шерсти. Олова же и свинца было привезено въ 1895 году всего на 9.618,000 рублей.

сопоставляютъ цифры смертности, начиная только отъ 1870 года, причемъ уже прямо приводятъ низкую смертность въ связь съ низкими цѣнами. Еслибъ авторы «Введенія» оглянулись назадъ, то получили бы совершенно иную картину. Въ 1885 году потребленіе вина въ Европейской Россіи составляло 28 градусовъ на душу. Эта цифра не была достигнута не только въ послѣдніе урожайные годы, но и въ 1887—88 г. Есть полное основаніе поэтому говорить о пониженіи благосостоянія. То же скажемъ мы и о добычѣ табаку: площадь подъ табакомъ въ 1893 и 94 годахъ (54,310 и 48,158 десятинъ) было значительно меньше пространства табачныхъ плантацій въ 1886 и 87 гг. (59,090 и 58,707 десятинъ). Такое же замѣчаніе сдѣлаемъ и о смертности. Въ первыя 3-десятилѣтія нашего вѣка смертность составляла отъ 26,5 до 27,5 на 1,000 жителей, а средняя цѣна 1 пуда ржаной муки на серебро была въ Москвѣ отъ 29 до 46 копеекъ, Не забудемъ, что на эти 30 лѣтъ приходятся нѣсколько большихъ неурожаевъ и великія войны. Столь низкой смертности соотвѣтствовалъ и болѣе быстрый приростъ населенія. Такъ, говоря о благотворномъ вліяніи на Россію урожаевъ 1893 и 94 годовъ, намъ ставятъ на видъ, что на 100 смертныхъ случаевъ приходились 142 и 143 рожденія, а мы обращаемся къ первымъ 3 десятилѣтіямъ, намѣренно беремъ 2 неурожайныхъ года—1820 и 21 и получаемъ для 1821 и 22 годовъ на 100 смертныхъ случаевъ 163 и 158 рожденій. Авторы «Введенія» не могутъ возражать, что вопросъ, предложенный имъ для изслѣдованія, исключалъ обращеніе къ фактамъ, которые отдалены отъ насъ нѣсколькими десятками лѣтъ: мы взяли цифры изъ статьи г. Покровскаго *Вліяніе колебаній урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на естественное движеніе населенія*. Этотъ очеркъ, помѣщенный во 2 томѣ сборника министерства финансовъ, подводитъ итоги матеріаламъ, начиная отъ 1801 года, а по нѣкоторымъ пунктамъ восходитъ и ко временамъ Петра Перваго. И если г. Покровскій счелъ не лишнимъ заглянуть въ прошлое, то и авторы «Введенія», послѣдовавъ его примѣру, не нарушили бы плана работы, а только дали бы предмету болѣе правильное освѣщеніе.

Отмѣтимъ въ хроникѣ народнаго образованія циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, опубликованный 15 февраля. Циркуляръ выражаетъ отношеніе министерства народнаго просвѣщенія по ходатайству земствъ о томъ, чтобъ имъ предоставлено было право открывать, независимо отъ епархіальнаго начальства и внѣ его вѣдѣнія, школы первоначальнаго обученія въ формѣ параллельныхъ и филіальныхъ отдѣленій сельскихъ училищъ существующаго типа или же особыхъ училищъ съ программою и организаціей, свойственными первой ступени начальнаго обученія, и съ предоставленіемъ права обученія въ нихъ лицамъ, которыя не имѣютъ свидѣтельствъ на учительское званіе. Министерство народнаго просвѣщенія всегда отрицательно отвѣчало на этотъ вопросъ, имѣя въ виду правила о школахъ грамоты: по этимъ правиламъ всѣ школы грамоты должны подлежать вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства. Министерст

внутреннихъ дѣлъ усвоило такой же взглядъ на этотъ вопросъ. А потому оба названныя министерства представили комитету министровъ объ отклоненіи ходатайствъ слѣдующихъ земствъ: смоленскаго—о разрѣшеніи земству открывать параллельныя отдѣленія при земскихъ школахъ для обученія въ нихъ первымъ началамъ грамоты; тверского—о разрѣшеніи земству открывать при начальныхъ училищахъ младшіе параллельные классы, съ назначеніемъ учителями въ эти классы бывшихъ учениковъ начальныхъ училищъ; пермскаго—о разрѣшеніи открывать школы грамоты, какъ филіальныя отдѣленія народныхъ училищъ; калужскаго—о разрѣшеніи земству самостоятельно открывать школы грамоты; самарскаго—о предоставленіи земству наравнѣ съ епархіальнымъ начальствомъ права учреждать по всей губерніи школы грамоты. Комитетъ министровъ отклонилъ всѣ эти ходатайства.

Мы полагаемъ, что всѣ эти ходатайства не заслуживали бы уваженія, еслибъ было основаніе думать, что, вступая въ эту область, земство нарушаетъ интересы епархіальнаго вѣдомства. Тогда отклоненіе земскихъ ходатайствъ было бы логическимъ выводомъ изъ сознанія, что интересы духовенства нуждаются въ огражденіи. Однако, нѣтъ данныхъ для подобнаго предположенія. Однородныя ходатайства поступили изъ 5 губерній, раскинутыхъ на весьма обширномъ пространствѣ, и поступили потому, что сама жизнь требуетъ такого порядка, при которомъ возникновеніе многихъ школъ грамоты или же назначеніе учителей, не имѣющихъ учительскаго званія, должны быть иногда свободны отъ усмотрѣнія епархіальнаго вѣдомства. При рѣдкости населенія Россіи, при разбросанности деревень, духовенство такъ обременено исполненіемъ требъ, что часто не имѣетъ даже малаго досуга, который могъ быть удѣленъ школѣ грамоты. Если духовенство, находясь въ такихъ условіяхъ, и открываетъ школу или принимаетъ на себя наблюденіе за учебнымъ дѣломъ, то исполняетъ одну формальность. Несомнѣнно, всѣ 5 земствъ, ходатайства которыхъ отклонены, и имѣли въ виду не упраздненіе въ предѣлахъ губерніи правилъ относительно школъ грамоты, а всѣ тѣ мѣстныя условія, при которыхъ епархіальное начальство затруднено въ учрежденіи школъ. Если бы духовное вѣдомство могло заполнить всѣ пробѣлы, которые обнаруживаетъ начальное образованіе въ Россіи, еслибъ оно могло дать школу каждому селенію, которое нуждается въ таковой, то обученіе грамотѣ солдатами, черничками и разными другими людьми, не рѣдко малограмотными, отошло бы въ область преданій. Разъ же мы наблюдаемъ это повсюду, то мы получаемъ живое доказательство, что епархіальное вѣдомство одно не въ силахъ удовлетворить эту потребность. Отклоненіе земскихъ ходатайствъ нисколько не помѣшаетъ тому, что и впредь повсюду будутъ примѣняться эти несовершенные способы обученія грамотѣ; какъ они до сихъ поръ не были искоренены при желаніи начальства устранить ихъ, такъ не будутъ устранены они и впредь. И не лучше ли, если земства, открывая школы грамоты и назначая учителей, которые не имѣютъ свидѣтельства на это

званіе, сдѣлаютъ для многихъ селеній излишнимъ обращеніе къ менѣе совершеннымъ способамъ обученія? Разъ земство, подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія, вѣдаетъ учебное дѣло, то какое основаніе для него быть отстраненнымъ отъ учрежденія школъ грамоты? Поскольку такимъ основаніемъ служитъ только буква закона правилъ о школахъ грамоты, постольку мы высказываемъ пожеланіе, чтобы министерство народнаго просвѣщенія ходатайствовало объ измѣненіи закона въ смыслѣ допущенія и земствъ къ основанію и веденію этихъ школъ.

Свѣдѣнія о грамотности въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, недавно отпечатанныя, хотя и устарѣли, однако, представляютъ интересъ вслѣдствіе полноты, съ которой они разработаны.

По переписи 1886 г., въ Аткарскомъ уѣздѣ грамотныхъ и учащихся обоего пола числилось 20,859 чел., что составляетъ 8,9% всего населенія. По грамотности крестьянъ, Аткарскій уѣздъ занималъ среднее мѣсто среди другихъ уѣздовъ губерніи, но нельзя сказать то же самое относительно новобранцевъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи Аткарскій уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Въ 1892 г. процентъ грамотныхъ къ общему числу принятыхъ на службу въ Аткарскомъ уѣздѣ былъ 17,3, тогда какъ въ другихъ 38,44, а въ Царицынскомъ—52%. Грамотность женщинъ въ Аркарскомъ уѣздѣ значительно ниже мужчинъ. По переписи 86 г., общее число жителей обоего пола было 235,110, процентъ учащихся мальчиковъ къ общему числу дѣтей школьнаго возраста былъ 47,2, а дѣвочекъ—5%. Признавая, что дѣти въ школьномъ возрастѣ при 3-хъ годичномъ курсѣ составляютъ не болѣе 7% всего населенія, мы находимъ, что изъ всего числа мальчиковъ обучалось почти $^1/_2$, а изъ дѣвочекъ менѣе $^1/_{20}$. Выше всѣхъ по грамотности стоитъ волость Баландинская, съ 20% грамотныхъ и учащихся, и ниже всѣхъ Софьинская—0,6%. Замѣтное вліяніе на увеличеніе грамотности оказываютъ правильно организованныя школы, а послѣднія находятся въ прямой связи съ густотою населенія. Въ густо-населенныхъ волостяхъ съ большими селами есть по нѣсколько земскихъ школъ. Таково село Баланда, имѣющее три школы; здѣсь не малое вліяніе оказываетъ промысловый характеръ селеній, усиливающій потребность въ грамотности. Мы имѣемъ статистическія данныя по движенію грамотности въ Аткарскомъ уѣздѣ относительно двухъ группъ селеній: 1-я группа (7 селеній) съ правильно-устроенными школами и 2-я группа (16 селеній), гдѣ школъ нѣтъ. Наибольшій процентъ грамотныхъ—36—въ селеніяхъ первой группы приходится на возрастъ отъ 10—15 лѣтъ; а въ селеніяхъ 2-й группы 10% на возрастъ 25—30. Эти цифры наглядно показываютъ, что въ первомъ случаѣ съ увеличеніемъ школъ молодое поколѣніе имѣетъ болѣе шансовъ на обученіе грамотѣ. Наибольшій процентъ грамотныхъ, дающій на возрастъ отъ 25—35 лѣтъ во 2-й группѣ, прямо доказыва вліяніе военной службы. Преобладающее вліяніе правильной школы мѣтно вездѣ. Въ 10 верстахъ Аткарскаго уѣзда школьники состав

75%, а учащіеся внѣ школъ 24%. Тамъ, гдѣ нѣтъ правильно организованной школы, разсадниками грамотности бываютъ солдаты или грамотные прохожіе, запасные фельдшеры, иногда священники или чернички. Такимъ учителямъ платятъ отъ 50 к. до полутора рубля съ ученика за весь учебный годъ, т.-е. отъ 1 ноября по 1 марта, или же за выучку отъ 25 до 40 руб.; нѣкоторыя селенія кромѣ денегъ даютъ учителю извѣстное количество хлѣба. Школа располагается иногда въ волостномъ правленіи или же крестьяне нанимаютъ избу; иногда помѣщеніемъ служитъ церковная сторожка. Нерѣдко учитель перекочевываетъ отъ одного домохозяина къ другому, оставаясь по недѣлѣ въ каждой избѣ. Относительно многихъ деревень имѣются такія данныя: «школы своей нѣтъ, посылать далеко, своихъ средствъ нѣтъ», или «ребятъ не учатъ, достатковъ нѣтъ», или же у «отцовъ нѣтъ усердія» и если есть грамотные, то научились въ солдатахъ. Въ одномъ селеніи: «прежде нанимали учителя, но по бѣдности перестали»; въ другомъ: «дѣти учатся другъ у друга. Желали бы имѣть школу и помѣщеніе готово (прежде въ немъ былъ кабакъ), да что-то не открываютъ». Да и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся импровизированные учителя, успѣхи обученія незначительны: въ 2 зимы едва научаются читать и писать. Иногда же, поучивъ одну зиму, учитель совсѣмъ уходитъ изъ деревни, и недоучившіеся ребята, въ ожиданіи новаго педагога, забываютъ и то немногое, чему научилъ ихъ прежній учитель. За немногими исключеніями, дѣтей обучаютъ по старому методу и предметы обученія весьма несложны: чтеніе по псалтири, письмо и четыре правила ариѳметики, это въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ ученье продолжается 3 зимы. Свѣдѣнія, собранныя о школахъ, доказываютъ, что онѣ, большею частію, не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ гигіены. Площадь пола составляетъ отъ 40 до 400 кв. арш. Количество воздуха на одного ученика было на $^1/_3$ меньше противъ установленной гигіеной нормы. Изъ 52 школъ только 12 имѣютъ комнатки для верхней одежды дѣтей, въ 40 дѣтскія шубенки и зипуны разбросаны по полу или ученики кладутъ ихъ «подъ себя», и если промерзшіе зипуны начинаютъ издавать противный запахъ, то ихъ складываютъ въ холодныхъ сѣняхъ, и послѣ класса дѣти такъ и надѣваютъ холодную, иногда промерзшую одежду. Чистота въ школахъ сведена до минимальныхъ размѣровъ: полы моются разъ въ годъ и въ большинствѣ школъ они настолько грязны, что безъ галошъ пройти по нимъ затруднительно. Квартира учителя обыкновенно состояла изъ одной комнаты. Классная мебель оставляла многаго желать: изъ 42 школъ въ 2—3 столы могли считаться хорошими; въ остальныхъ они длиною во весь классъ, въ иныхъ—едва держались отъ ветхости. Скамьи были придѣланы къ столамъ такъ далеко, что даже взрослые при чтеніи и письмѣ должны наклоняться всѣмъ корпусомъ. Немногимъ лучше поставлены школы въ отношеніи научныхъ и наглядныхъ пособій. Лучше всѣхъ снабжена мужская Баландинская школа. При школѣ есть библіотека, которая пополняется ежегодно. Есть географическія карты, атласы, картины по священ-

ной исторіи, географіи, естественной исторіи, коллекція минераловъ, физическій приборъ и проч. Но такъ хорошо обставлена только одна школа во всемъ уѣздѣ. Въ огромномъ большинствѣ школъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: учебники доставляются земствомъ, но въ нихъ ощущается большой недостатокъ; письменныя принадлежности пріобрѣтаются обществомъ, покупаются учениками или жертвуются частными лицами. Наглядныхъ пособій нѣтъ никакихъ. Библіотекъ при школахъ не существуетъ, а между тѣмъ потребность въ чтеніи, по свидѣтельству учителей, большая. Не только окончившіе школу, но и взрослое населеніе берутъ книги нарасхватъ, но новыхъ достать не откуда, а старыя перечитаны. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для обученія и успѣхи незначительны. Главною причиной малоуспѣшности служатъ манкировки. Дѣти, являясь рабочей силою въ семьѣ, отрываются отъ школы на полевыя домашнія работы; неимѣніе теплой одежды, обуви, дальность разстоянія, весеннее и осеннее половодье также мѣшаютъ правильному посѣщенію школы. Вліяніе полевыхъ и домашнихъ работъ на исправность посѣщенія школы видно изъ распредѣленія учащихся по мѣсяцамъ года: въ январѣ число учащихся было 371, въ апрѣлѣ—175, въ октябрѣ—133, въ декабрѣ—264. Очевидно, что съ началомъ полевыхъ работъ большая часть учениковъ перестаетъ ходить въ училище и начинаетъ исправнѣе посѣщать только съ ноября, когда главныя работы уже окончены. Средствами къ устраненію манкировокъ или, по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію ихъ, могли бы служить, по мнѣнію учителей, обязательное обученіе, штрафы за пропущенные уроки, устройство общежитій, снабженіе учениковъ теплою одеждой и обувью, а также улучшеніе преподаванія, которое бы возбудило интересъ къ школѣ въ учащихся. Большинство выходитъ изъ школы, не окончивъ полнаго курса. И здѣсь причина одна и та же: необходимо помогать семьѣ въ работахъ по хозяйству. Недоучки, да и окончившіе курсъ, которыхъ въ среднемъ приходится не болѣе 5 человѣкъ на школу, не могутъ служить вѣрнымъ показателемъ состоянія грамотности въ данномъ селеніи. Не имѣя возможности примѣнять свои знанія къ дѣлу, они разучиваются не только писать, но и читать. Иначе и быть не можетъ: читаленъ нѣтъ, книгъ достать не откуда, какія были въ школѣ, тѣ давно прочитаны, теряется всякая связь со школой. А между тѣмъ есть доступныя средства, которыя и примѣняются въ иныхъ уѣздахъ: читальни, вечернія занятія съ окончившими учениками, воскресныя чтенія не только для малолѣтнихъ, но и для взрослаго населенія, сопровождаемыя туманными картинами. Такія чтенія охотно посѣщаются и старыми, и малыми, и не только зимой, когда населеніе нѣсколько свобо-нѣе, но даже и лѣтомъ, въ рабочую пору. Пробужденная любознательно предъявляетъ запросъ, нужно идти навстрѣчу потребностямъ населенія сдѣлать чтенія обязательными для каждой деревни, гдѣ есть школа.

Если такъ обстоитъ дѣло въ уѣздѣ, который не хуже многихъ д гихъ, то какъ безгранично поле, на которомъ и отдѣльныя лица, и г дарство могутъ и должны служить просвѣщенію народа!

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вниманіе европейскихъ правительствъ и всего образованнаго міра прковано теперь къ Криту. Его «умиротвореніе» и введеніе на немъ «автономіи» совершается при заревѣ пожаровъ, подъ перестрѣлку инсургентовъ и отряда греческихъ войскъ съ турками, подъ пушечными выстрѣлами броненосцевъ великихъ державъ. «Концертъ» этихъ державъ держится, и въ то время, когда пишутся эти строки, въ *Journal de St.-Pétersbourg* появилось сообщеніе о той точкѣ зрѣнія, которая усвоена въ данномъ случаѣ нашимъ правительствомъ. Петербургская газета сожалѣетъ о томъ, что въ Аѳинахъ недостаточно оцѣнили гуманные мотивы вмѣшательства державъ, равно какъ ихъ старанія щадить эллинское правительство. «Въ своей отвѣтной нотѣ это правительство,—продолжаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*,—силится оспаривать практическую пользу автономнаго правленія на Критѣ и пытается доказать, что одно только присоединеніе (къ Греціи) въ состояніи прекратить господствующую тамъ анархію. Соглашаясь отозвать свои суда, которыя признаетъ теперь безполезными, благодаря присутствію европейскихъ эскадръ, Грецiя упорно считаетъ, что содѣйствіе ея войскъ можетъ оказать благотворное вліяніе на дѣло умиротворенія, послѣ чего, по ея мнѣнію, плебисцитъ долженъ рѣшить судьбу Крита. Таковъ въ главныхъ чертахъ отвѣтъ Греціи, который, разумѣется, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Въ этомъ случаѣ державамъ не было надобности справляться о мнѣніи греческаго правительства: онѣ по-просту высказали Аѳинамъ свою ясно формулированную волю, которая вызвана была обстоятельствами и съ которой слѣдовало сообразоваться, отозвавъ по ихъ требованію свои войска и суда. Не принявъ въ соображеніе эту волю, не доказываетъ ли Грецiя съ полною очевидностью, что подъ предлогомъ обезпеченія участи Крита преслѣдовала гораздо менѣе безкорыстную цѣль—неожиданное присоединеніе? Великія державы слишкомъ единодушно намѣрены поддержать миръ на Востокѣ, чтобъ одобрить такія цѣли. Въ виду отказа эллинскаго правительства, онѣ вынуждены будутъ противъ воли прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, которыя имъ непріятно принимать противъ Греціи. Въ то же время у нихъ най-

дется достаточно средствъ для умиротворенія Крита безъ помощи эллинскихъ войскъ».

Сохраненіе европейскаго мира является, безъ сомнѣнія, такимъ благомъ, для котораго можно и должно многимъ пожертвовать. Но мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ непротивленія злу и признаемъ, что на защиту поруганной справедливости слѣдуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ выступать не съ дипломатическими только нотами. Привѣтствуя рѣшеніе европейскихъ великихъ державъ поддержать миръ и щадить греческое правительство, мы можемъ только пожелать, чтобъ эта *пощада* шла возможно дальше... На Западѣ, въ особенности въ Англіи, въ Италіи и въ послѣднее время во Франціи, общественное мнѣніе все болѣе и болѣе склоняется въ пользу Греціи. Внушительные митинги и печать даютъ чувствовать кабинету Салисбюри-Бальфура, что даже косвенная защита Турціи встрѣчаетъ рѣшительное осужденіе. Во Франціи пробуждаются эллинскія симпатіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ и запросы въ парламентѣ, и сильныя статьи въ немногихъ, правда, но весьма вліятельныхъ органахъ печати. Въ Парижѣ образовался комитетъ для помощи жертвамъ происходящихъ въ Турецкой имперіи событій (*Comité des secours aux victimes des évenements d' Orient*). Предсѣдателемъ комитета состоитъ извѣстный публицистъ Антонъ Леруа-Больё. Въ составъ комитета входятъ Мельхіоръ де-Вогюэ, Франсуа Коппе и не мало другихъ знаменитыхъ людей. Онъ обнародовалъ слѣдующее воззваніе: «Происходящія теперь на Востокѣ (въ Турціи) событія создали ужасныя бѣдствія. Христіанскія населенія подверглись истребленію, грабежамъ, поджогамъ, изгнанію, обречены бѣжать съ женщинами и дѣтьми въ самомъ плачевномъ положеніи. Безпорядки на Критѣ, рѣзня въ Константинополѣ и Малой Азіи оставили тысячи семействъ безъ всякихъ средствъ къ существованію. Такія несчастія возлагаютъ на насъ неотложныя обязанности. Нѣкоторыя лица полагаютъ, что, помимо всякихъ политическихъ заботъ, безусловный долгъ повелѣваетъ имъ немедленно облегчить эти страданія. Они учредили комитетъ для вспомоществованія жертвамъ происходящихъ на Востокѣ событій. Они будутъ признательны за всякое посильное пожертвованіе на это человѣколюбивое дѣло. Докажемъ тѣмъ народностямъ, съ которыми мы связаны узами давняго и глубокаго сочувствія, что мы скорбимъ о постигшихъ ихъ испытаніяхъ и, по мѣрѣ силъ, заботимся о смягченія ихъ участи».

Анри Гуссе напечаталъ въ *Figaro* рѣзкую статью *о девятомъ крестовомъ походѣ, предпринятомъ въ пользу... Турціи*. Мы не имѣли ея въ рукахъ въ подлинникѣ, но она почти цѣликомъ переведена въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Авторъ говоритъ, что «много разговоровъ будетъ недѣлимости Оттоманской имперіи, раздадутся протесты относительно на ренія ея честно сдержать свои обѣщанія... и все-таки Критъ будетъ ос божденъ» *).

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 44.

Русскія Вѣдомости находятъ, что практическія затрудненія для умиротворенія Крита «вытекаютъ изъ той постановки вопроса о турецкихъ и греческихъ войскахъ, находящихся въ настоящее время на Критѣ, которая была дана нотами державъ. Въ нотѣ, представленной константинопольскому правительству 18 февраля, совершенно не упоминается о турецкихъ войскахъ; но затѣмъ черезъ три дня была представлена дополнительная нота, касающаяся этого предмета. «Въ ней говорится «о прогрессивномъ сокращеніи оттоманскихъ силъ», какъ необходимомъ условіи автономіи, и затѣмъ прибавляется, что немедленно послѣ удаленія съ Крита греческихъ войскъ необходимо будетъ принять мѣры для концентраціи турецкихъ военныхъ силъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, занятыхъ въ настоящее время европейскими отрядами. Съ другой стороны, въ нотѣ къ аѳинскому правительству поставлено категорическое требованіе объ удаленіи греческихъ судовъ и войскъ.

«Постановка вопроса о турецкихъ войскахъ въ приведенной выше формулировкѣ едва ли можетъ быть признана удовлетворительной. Для того, чтобъ автономія не превратилась въ пустой звукъ, безусловно необходимо удаленіе съ Крита всѣхъ турецкихъ войскъ, и единственное ограниченіе этого условія, допустимое въ виду формальныхъ требованій, заключается въ удержаніи чисто-номинальнаго гарнизона изъ нѣсколькихъ солдатъ въ одномъ изъ портовъ въ знакъ сюзеренныхъ правъ султана» *).

Нельзя не признать серьезности положенія на Востокѣ. Но при много разъ и столь торжественно подтвержденномъ миролюбіи Императорского Россійскаго правительства, при доброжелательныхъ отношеніяхъ между великими европейскими державами, довольно острый кризисъ можетъ быть благополучно пережитъ. Вооруженное столкновеніе Турціи съ Греціей могло бы повести съ опаснымъ осложненіемъ въ Македоніи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ,—и предотвратить его является дѣломъ государственной мудрости. Отмѣтимъ при этомъ и нѣкоторое оживленіе младо-турецкой пропаганды, о которой намъ уже нѣсколько разъ приходилось упоминать на страницахъ *Русской Мысли*. Одинъ изъ органовъ этой партіи, на французскомъ языкѣ (*L'Avenir*) выходитъ въ Аѳинахъ.

Любопытно отмѣтить политическую прозорливость и принципіальную стойкость *Моск. Вѣдом.* Газета рѣшительно стоитъ за неприкосновенность Турецкой имперіи и порицаетъ вооруженное вмѣшательство Греціи. Но она въ то же время очень чувствительна къ добычѣ и ее соблазнилъ... Ломброзо. Въ № 53 *Моск. Вѣдом.* напечатана широковѣщательная статья, озаглавленная: *Можно ли отдать Россіи Дарданеллы? Мнѣніе профессора Ломброзо*. Этотъ психіатръ соглашается на то, чтобы мы получили проливы, и *Московск. Вѣдом.* называютъ мнѣніе автора *Преступнаго человѣка* голосомъ разума. Газета глубокомысленно замѣчаетъ, что «самый

*) *Русскія Вѣдомости*, № 59.

**) Кстати: газета г. Грингмута говоритъ, что по отношенію къ Греціи и Турціи дѣйствуетъ теперь *Septuor*. Кто же седьмой?

фактъ появленія во враждебной намъ печати подобныхъ взглядовъ доказываетъ уже, что *наиболѣе думающіе элементы западной публицистики* начинаютъ приходить къ сознанію, что никакими призраками, никакими пугалами нельзя запугать исторію, которая идетъ неуклонно своимъ путемъ, предначертаннымъ рукою Царя Царей, и что, вмѣсто безполезныхъ криковъ и безсильныхъ протестовъ, лучше приготовиться и приготовить массы къ событіямъ, которыя рано или поздно должны наступить неизбѣжно».

Мы не будемъ, конечно, говорить о смѣшной, чтобы не сказать болѣе, увѣренности *Моск. Вѣд.* въ томъ, что имъ извѣстенъ путь, предначертанный рукою Царя Царей; не коснемся и того, какъ твердо стоитъ газета за неприкосновенность Турціи, желая присоединенія къ нашему отечеству ея столицы. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ лишь та неразборчивость въ средствахъ, которую обнаруживаютъ *Моск. Вѣд.* для доказательства своихъ мнѣній и вожделѣній. Назвавши статью Ломброзо *голосомъ разума,* объявивши, что онъ одинъ изъ наиболѣе думающихъ элементовъ (sic!) западной публицистики тогда, когда взгляды Ломброзо понравились газетѣ, она, не стѣсняясь, въ № 58, говоритъ объ этомъ *голосѣ разума,* по поводу третьяго тома его *Uomo delinquente,* слѣдующее: «Очевидно, Ломброзо окончательно заговорился. Съ данной точки зрѣнія третій томъ его изслѣдованія способенъ сослужить добрую службу. Онъ предостережетъ тѣхъ, кто еще не вполнѣ увлекся идеями туринской психіатріи и не утратилъ въ концѣ здраваго смысла. Ломброзо дошелъ до явныхъ нелѣпостей—и спасибо ему! По крайней мѣрѣ мы теперь воочію видимъ, къ какимъ сумбурнымъ выводамъ приводитъ провозглашенная имъ теорія».

Вотъ каковъ *наиболѣе мыслящій элементъ западной публицистики!* Зачѣмъ же было ссылаться на его авторитетъ? Не высокаго мнѣнія *Моск. Вѣд.* о своихъ читателяхъ.

Мы должны прибавить, что въ тѣхъ же *Москов. Вѣдом.* напечатана статья, которая, если вѣрны всѣ сообщаемые въ ней факты,—а они подкрѣпляются, къ сожалѣнію, и изъ другихъ источниковъ,—способна опечалить русскихъ друзей польскаго народа. Статья носитъ кричащее заглавіе: *Критъ и Галиція. Вопль наболѣвшаго сердца.* Но говоритъ она о дѣйствительно вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Корреспондентъ *Моск. Вѣдом.* изъ Станислава сообщаетъ, что во время галиційскихъ выборовъ въ парламентъ мѣстная администрація и шляхта пускали въ ходъ не только угрозы и насилія, но и прямо оружіе. Дѣло не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ. Въ галицкихъ тюрьмахъ, за политическую агитацію, какъ пер даютъ *Моск. Вѣд.*, томятся около пятисотъ русскихъ крестьянъ, мѣщан и одинъ священникъ,—за то, что они мирно отстаивали свои права *). Са собою разумѣется, что мы можемъ только горько осудить такой обра дѣйствія.

*) *Моск. Вѣдом.*, № 60.

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, изъ пятнадцати кандидатовъ, всѣми мѣрами поддерживавшихся администраціею и шляхтою, шесть все-таки потерпѣли пораженіе и кромѣ того предстоитъ нѣсколько перебаллотировокъ. Избрано два соціалиста и одинъ крестьянскій депутатъ, склоняющійся къ соціализму. Нужно надѣяться, что злоупотребленія при выборахъ въ Галиціи будутъ предметомъ запроса въ новомъ парламентѣ.

Въ *Revue Politique et Parlementaire* Франческо Нитти, профессоръ Неаполитанскаго университета, напечаталъ интересную статью о политическомъ положеніи Италіи, которая находится теперь передъ новыми выборами въ парламентъ. На сторонѣ кабинета Рудини стоятъ Джіолитти, Цанарделли (вожди прежней лѣвой) и значительная часть правой. Криспи и Соннино противъ министерства, но Нитти замѣчаетъ, что этихъ людей сблизилъ случай. Бывшій министръ-президентъ сильно потерялъ въ популярности, чего нельзя сказать про Соннино. Крайняя лѣвая, которая поддерживала Рудини, чтобъ освободиться отъ Криспи, теперь разорвала съ правительствомъ. Послѣднее вынуждено было наконецъ распустить криспіанскую палату. Какъ читатели знаютъ, вождь крайней лѣвой, Кавалотти, обвинялъ Криспи въ рядѣ безчестныхъ поступковъ и приглашалъ его привлечь обвинителя къ судебной отвѣтственности. Большинство палаты не допустило дѣло ни до суда, ни до объясненій въ парламентѣ, мотивируя это нежеланіемъ произвести неблагопріятный для Италіи скандалъ. Съ такою палатой, увлеченною кромѣ того въ несчастную абиссинскую экспедицію, Рудини не могъ достойнымъ образомъ управлять государствомъ.

Нитти предполагаетъ, что новые выборы дадутъ большинство Рудини, но что это правительственное большинство, какъ обыкновенно бывало въ Италіи, не окажется устойчивымъ. Неаполитанскій профессоръ полагаетъ, что относительно много депутатскихъ мѣстъ пріобрѣтутъ Кавалотти и его друзья.

Но министерство Рудини и при вѣроятной побѣдѣ очутится передъ серьезными затрудненіями. Нитти начинаетъ съ африканскаго вопроса. Онъ перечелъ всѣ желтыя книги, всѣ документы, относящіеся къ несчастной экспедиціи въ Абиссинію, и не можетъ понять, для чего все это дѣлалось, какая политическая идея руководила образомъ дѣйствій Криспи и короля Гумберта. Теперь, когда съ Менеликомъ заключенъ миръ *), Нитти спрашиваетъ: зачѣмъ итальянцы занимаютъ Кассалу? Говорятъ, что Италію связываютъ какія-то обязательства съ Великобританіей; но въ чемъ они заключаются и почему вся ихъ тягость падаетъ на одну Италію?

Эритрія стоила до сихъ поръ пятьсотъ милліоновъ франковъ, не считая человѣческихъ жизней. По всей вѣроятности, она и впредь принесетъ только убытки. Одинъ бывшій (въ кабинетѣ Рудини) министръ иностранныхъ

*) Италія отказалась отъ утчальскаго договора (2 мая 1883 г.) и признала полную независимость Эѳіопіи.

дѣлъ, герцогъ Сермонета, высказывается за то, чтобы совсѣмъ покинуть африканскія колоніальныя затѣи; но сомнительно, чтобы за это мнѣніе высказалось большинство депутатовъ будущаго итальянскаго парламента. Экономическое положеніе Италіи сильно потерпѣло отъ милитаризма вообще и отъ абиссинской экспедиціи въ частности *).

На недавнихъ дополнительныхъ выборахъ во французскую палату депутатовъ въ Брестѣ побѣдилъ клерикальный кандидатъ аббатъ Геро. Избраніе это вызвало пренія въ парламентѣ. Не отрицая того, что духовенство вело агитацію въ его пользу, Геро заявляетъ, что духовныя лица имѣютъ на это право, какъ граждане вообще. Кромѣ того, аббатъ поставилъ свою кандидатуру не какъ священникъ, а какъ республиканецъ и демократъ.

Противъ Геро выступилъ демократъ Луи Гемонъ, имя котораго рѣдко встрѣчается въ отчетахъ о засѣданіяхъ французскаго парламента, хотя онъ давно уже состоитъ его членомъ. Гемонъ произнесъ сильную рѣчь, произведшую глубокое впечатлѣніе на палату. Онъ указывалъ, какъ злоупотребляетъ католическое духовенство своимъ вліяніемъ, требуя отказа отъ политическихъ убѣжденій во имя убѣжденій религіозныхъ, угрожая адомъ за политическія разногласія, отказывая за нихъ въ религіозныхъ таинствахъ. Гемонъ рѣшительно высказывается противъ стремленія католической церкви домогаться свѣтской власти и осуждаетъ правительство за его черезчуръ снисходительное отношеніе къ клерикализму. Рѣчь его, конечно, вовсе не направлена къ тому, чтобы лишить духовенство избирательныхъ правъ: она требуетъ только охраны свободы совѣсти и свободы голосованія. Гемонъ не допускаетъ мысли, чтобы иностранное вліяніе (римскаго престола) отзывалось на внутреннихъ дѣлахъ Франціи. Рѣчь Гемона пріобрѣтаетъ особенный интересъ потому, что онъ признаетъ себя убѣжденнымъ католикомъ, который защищаетъ права также вѣрующаго католическаго населенія. Республиканское большинство сильно рукоплескало Гемону и постановило напечатать его рѣчь и выставить ее по всей Франціи. Нельзя не вспомнить словъ Гамбетты, что клерикализмъ—врагъ Франціи, и врагъ до сихъ поръ очень опасный.

В. Г.

---

*) Укажемъ здѣсь, какъ велика итальянская эмиграція въ Бразилію. Туда выселилось въ 1888 г.—104,353; въ 1889 г.—36,124; въ 1890 г.—31,275; въ 1891 г.—123,3[illegible] въ слѣдующіе четыре года вмѣстѣ—245,817. Эмиграція въ Аргентину еще сильнѣе, но у насъ нѣтъ подъ рукою точныхъ свѣдѣній.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Музыкальная хроника.

Въ третьемъ квартетномъ собраніи исключительно исполнялись тріо, такъ что оно смѣло можетъ быть названо собраніемъ «трехъ». Исполнителями были приглашенные гастролеры: Максъ Пауэръ (ф.-п.), Флоріанъ Зайцъ (скрипка), Генрихъ Грюнфельдъ (віолончель). Исполнены были: тріо B-moll, соч. 5, — Фолькмана; тріо G-dur,—Гайдна; тріо B-dur, соч. 97,— Бетховена. Послѣднія два произведенія достаточно извѣстны; нѣкоторою новинкою было тріо Фолькмана, исполняемое рѣдко. Изъ произведеній Роберта Фолькмана (1815) извѣстна, кажется, только его серенада для струнныхъ инструментовъ, хотя онъ написалъ много различныхъ произведеній: симфоніи, оперы, квартеты и т. д. По духу они напоминаютъ классическія произведенія: мелодичны и ясны по формѣ. Тріо по конструкціи изобличаетъ большого мастера своего дѣла, хотя и не глубоко по содержанію, но красиво по общей звучности. Почтенные гастролеры очень хорошо исполнили всѣ выше названныя произведенія, хотя удивляться приходилось главнымъ образомъ піанисту, который не только превосходно исполнялъ свою партію, но и руководствовалъ исполненіемъ своихъ товарищей, задавая имъ тонъ исполненія и вкладывая свой смыслъ, внутренно заставляя ихъ подчиняться себѣ. Общая же окраска ансамбля далеко не представляла чего-нибудь выдающагося,—у насъ и дома можно найти такой ансамбль.

Седьмое симфоническое собраніе филармоническаго общества находилось подъ управленіемъ Рафаэля Мошковскаго. Седьмая симфонія Бетховена прошла довольно выпукло въ деталяхъ; въ общемъ же исполненіе требовало болѣе классическаго спокойствія, что отчасти объясняется слишкомъ большою подвижностью самого дирижера, заставлявшаго подчиняться оркестръ своимъ минутнымъ увлеченіямъ. Болѣе подходила къ темпераменту дирижера—прелюдія, симфоническая поэма Ф. Листа; здѣсь была полная свобода для проявленія индивидуальныхъ качествъ дирижера, и онъ показалъ себя въ исполненіи обладающимъ большимъ вкусомъ и съ недюжинною характерностью для драматическихъ моментовъ произведенія. Ме-

вѣе понравилось намъ по исполненію введеніе къ оп. Мейстерзингеры— Вагнера: мелодическая сторона произведенія весьма часто скрывалась за шумомъ этого очень тяжелаго въ смыслѣ инструментовки произведенія. Въ этотъ вечеръ участвовалъ піанистъ Викторъ Штаубе, сыгравшій концертъ Сенъ-Санса № 5, — произведеніе интересное только въ смыслѣ фактуры, но вовсе не интересное по внутреннему содержанію; съ технической стороны оно сыграно было хорошо, ну, а большаго требовать нечего было. Отъ исполненія произведеній Шопена и Листа можно было бы требовать большаго пониманія.

Постановка на сценѣ Большого театра оперы Сенъ-Санса, «Генрихъ VIII», еще разъ указываетъ намъ, что распоряженіе репертуаромъ этого театра находится въ рукахъ людей или мало компетентныхъ въ оперной музыкѣ, или репертуаръ находится въ зависимости отъ усмотрѣнія отдѣльнаго лица, въ данномъ случаѣ желающаго почтить юбилей своего товарища-сослуживца г. Корсова. Иначе объяснить появленіе новой оперы, не имѣвшей успѣха даже за границею, гдѣ она имѣетъ большій raison d'etre мы не можемъ. Сама опера, какъ музыкально-драматическое произведеніе, ничего выдающагося не представляетъ. Сдѣлана она гладко, хорошо инструментована, но мелодическая изобрѣтательность автора бѣдна, фантазія отличается сухостью, а драматическія положенія слабо развиты. Такія оперы обыкновенно пишутся начинающими авторами, получившими только техническую подготовку, или талантливыми учениками для преміи, на отправку за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. Ставить такую оперу въ Большомъ театрѣ, когда имѣется достаточное количество не поставленныхъ оперъ русскихъ композиторовъ, уже извѣстныхъ по своему художественному достоинству,—прямо-таки неосновательно.

Исполнена опера—въ декоративномъ и аксессуарномъ отношеніяхъ — прекрасно. Изъ дѣйствующихъ лицъ, пѣвцовъ, болѣе выдающимся образомъ исполнила свою партію г-жа Дейша-Сіоницкая, въ роли Катарины Аррагонской; остальные только старались пѣть, каждый по-своему хорошо. Мы были на второмъ представленіи оперы; публики было много и ей очень понравился балетъ во 2-мъ дѣйствіи, который она и требовала повторить. Видимое дѣло, что московская публика и въ новой оперѣ можетъ оцѣнить по достоинству лучшія мѣста, заключающіяся въ ней.

Александръ Барсовъ.

Картинки современныхъ нравовъ.

Письма Знатнаго Иностранца*).

Переводъ съ рукописи.

Письмо тринадцатое.

Дорогая Дженни!

Здоровье мое, благодаря Бога, поправилось, и мнѣ нѣтъ надобности во врачебной помощи. Всѣ эти дни я знакомился съ газетами и, прочитывая какъ новыя, такъ и старыя, знакомлюсь съ литературными нравами русскихъ журналистовъ новѣйшаго времени. Особенно характерно — въ извѣстномъ смыслѣ — выразились эти нравы въ полемикѣ, если только прилично назвать полемикой тѣ издѣвательства и, притомъ, самаго бульварнаго тона (напоминающаго швейцарскія и кухни), которыя появились на страницахъ газетъ по новоду выборовъ въ недавно народившійся «союзъ взаимопомощи русскихъ писателей».

Изъ писемъ во время перваго моего посѣщенія Россіи и отчасти изъ недавнихъ моихъ писемъ вы, Дженни, нѣсколько знакомы съ характеромъ здѣшнихъ газетъ и съ литературными нравами, господствующими среди господъ газетчиковъ. Съ нашей точки зрѣнія, уровень русской прессы оставляетъ желать многаго. О причинахъ такого положенія я тоже не разъ вамъ писалъ, а потому повторяться не стану. Замѣчу только, что, на мой взглядъ, за исключеніемъ одной-двухъ газетъ, отличающихся привычною для насъ, англичанъ, порядочностью и умѣніемъ съ достоинствомъ молчать, если по какимъ-либо вопросамъ не представляется возможности, по тѣмъ или другимъ причинамъ, высказаться опредѣленно,—остальныя представляютъ собою болѣе или менѣе увеселительныя заведенія, въ которыхъ, разумѣется, нельзя искать ни направленія (хотя бы въ предѣлахъ возможнаго), ни продуманныхъ взглядовъ, ни даже, къ сожалѣнію, самой обыкновенной чистоплотности. Такія газеты даютъ матеріалъ для чтенія, гоняясь преимущественно за сенсаціонными извѣстіями, и главнѣйшая задача ихъ издателей, разумѣется,—матеріальный успѣхъ. Другихъ задачъ они не преслѣдуютъ, хотя и называютъ свои газеты «истинно-русскими», на томъ основаніи, что при

*) *Русская Мысль*, кн. XII, 96 г.

всякомъ случаѣ заявляютъ, что Россія—первая страна въ мірѣ и что потому остальныя націи не стоятъ ни малѣйшаго вниманія и скоро исчезнутъ съ лица земли.

Въ виду всего этого не удивительно,—по крайней мѣрѣ для меня, хорошо знакомаго съ русскою печатью,—что русскіе газетчики съ похвальнымъ усердіемъ поносятъ иностранныхъ министровъ, обязательно бранятъ «жидовъ», финляндцевъ, поляковъ, армянъ и вообще всѣхъ инородцевъ, обнаруживающихъ какую-нибудь культурность, и, какъ я упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ, съ необыкновенною легкостью забываютъ сегодня то, что говорили вчера, что, впрочемъ, для журналистовъ «увеселительныхъ заведеній» и весьма естественно. Если къ этому прибавить нерѣдко полнѣйшее невѣжество, способность писать по какому угодно вопросу, пользуясь вдохновеніемъ и, въ крайнемъ случаѣ, энциклопедическимъ словаремъ, врать, по русскому выраженію, какъ иностранные министры и сивые мерины, и не обнаруживать ни малѣйшей стыдливости даже и въ такихъ случаяхъ, когда краснѣютъ даже камни,—то силуэтъ «бойкаго» современнаго газетчика будетъ до нѣкоторой степени законченъ.

Я не упоминаю о тѣхъ джентльменахъ пера,—какъ говорятъ, ихъ пока еще очень немного,—которые не прочь служить своимъ перомъ за болѣе или менѣе приличное вознагражденіе тѣмъ, кто въ такомъ перѣ нуждается. Какъ я вамъ писалъ раньше, были такіе джентльмены, высланные изъ Петербурга десятокъ лѣтъ тому назадъ за то, что требовали слишкомъ большое вознагражденіе съ содержателей загородныхъ театровъ и кафе-шантановъ. Есть подобные, разумѣется, и теперь, какъ о томъ свидѣтельствовали нелестные слухи, проникшіе въ печать, о нѣкоторыхъ корреспондентахъ во время нижегородской выставки,—слухи, распространившіеся послѣ появившагося въ нижегородскихъ газетахъ заявленія оффиціальнаго лица, директора департамента мануфактуръ и торговли, В. И. Ковалевскаго «о темныхъ личностяхъ», выдающихъ себя за корреспондентовъ и занимающихся вымогательствомъ. Вся эта исторія въ свое время не достаточно была выяснена, хотя ни для кого не было секретомъ (какъ писалось въ *Нижегородскомъ Листкѣ*), что вымогатели корреспонденты столичныхъ газетъ были.

Но, разумѣется, есть и вполнѣ независимые корреспонденты, есть и вполнѣ благонадежные, о чемъ уже свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что корреспондентъ одной петербургской газеты, особенно отдававшій справедливость энергіи и способностямъ дѣятелей выставки, былъ почтенъ, какъ я вамъ своевременно сообщалъ, назначеніемъ въ должность коммиссара и, конечно, съ соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Былъ, впрочемъ, и еще примѣръ назначенія на приличную должность (коммерческаго агента въ Константинополѣ) еще одного корреспондента и опять той же петербургской газеты и автора книги о *Мурманѣ*, въ которой онъ съ безпристрастною полнотою описывалъ не столько Мурманъ сколько доблести своихъ спутниковъ.

Возвращаясь, къ «союзу писателей», оживленные толки о которомъ за

нимали Петербургъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца (изъ этого вы можете заключить, какъ мало въ Петербургѣ предметовъ для толковъ), я не могу не согласиться на этотъ разъ съ моимъ почтеннымъ московскимъ знакомымъ въ томъ, что это учрежденіе можетъ быть причислено къ разряду «отрадныхъ» явленій съ меньшею натяжкой, чѣмъ многія другія явленія, о которыхъ упоминалъ милѣйшій археологъ.

Въ самомъ дѣлѣ господа писатели, охотно въ своихъ произведеніяхъ устраивающіе чужія дѣла, рѣшительно не умѣли устраивать своихъ собственныхъ, являясь какимъ-то безпомощнымъ, разрозненнымъ и пугливымъ сословіемъ, имѣвшимъ множество обязанностей и только лишь одно право—и то если смотрѣть на понятіе о правѣ съ исключительно мѣстной точки зрѣнія—право писать съ такою осторожностью въ выборѣ сюжетовъ и въ отдѣлкѣ языка, какими вообще отличаются русскіе писатели. Кромѣ вышеупомянутаго права, русскій писатель, какъ таковой, не имѣлъ рѣшительно никакихъ, если не считать правомъ подвергаться побоямъ, въ провинціи по преимуществу, гдѣ до сихъ поръ на каждое пишущее лицо (и особенно на «корреспондента») смотрятъ какъ на человѣка, которому обязательно слѣдуетъ переломать ребра для того, чтобы онъ не сообщалъ о томъ, о чемъ мѣстнымъ набобамъ не нравится. Я не говорю уже о томъ, что корреспондентовъ не всегда пускаютъ даже въ тѣ собранія, которыя считаются публичными. Такъ, еще на-дняхъ телеграмма изъ Харькова извѣщала, что предсѣдатель харьковскаго земельнаго банка, г. Алчевскій, рѣшилъ не допустить на собраніе акціонеровъ корреспондента *Новаго Времени*. И, разумѣется, г. Алчевскій не единственный въ числѣ плутократовъ, боящихся печати, да и такихъ предсѣдателей, какъ упомянутый джентльменъ, не мало и не въ однихъ только банкахъ.

Цѣль «союза», какъ видно изъ устава, весьма непретенціозна. «Союзъ», между прочимъ, имѣетъ въ виду «объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати».

Изъ этого пункта вы видите, Дженни, что добрые нравы не всегда соблюдаются, такъ какъ въ числѣ цѣлей «союза» есть и весьма существенная: «охраненіе добрыхъ нравовъ». Что же касается постояннаго между писателями общенія, упомянутаго въ томъ же пунктѣ, то мнѣ, при всей моей терпимости, кажется, что быть не только въ постоянномъ, но даже и въ рѣдкомъ общеніи съ нѣкоторыми русскими джентльменами пера представляется дѣломъ почти невозможнымъ, по крайней мѣрѣ для лицъ, имѣющихъ самыя примитивныя понятія объ этикѣ и съ болѣе или менѣе развитымъ чувствомъ чистоплотности.

Впрочемъ, не стану отвлекаться коментаріями и лучше сообщу вамъ нѣкоторые, болѣе уясняющіе цѣли «союза», пункты. Изъ нихъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе: 1) «посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами, съ другой, какъ въ отношеніи спроса и пред-

ложенія труда, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ; 2) посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и посторонними лицами; 3) представительство на русскихъ и иностранныхъ съѣздахъ, и въ другихъ случаяхъ, когда союзъ признаетъ это нужнымъ; 4) ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей».

Въ числѣ предоставленныхъ «союзу» правъ для достиженія вышеизложенныхъ цѣлей, помимо разныхъ благотворительныхъ функцій, есть, между прочимъ, право «выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники, а также издавать періодическій органъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ, и право созывать съ подлежащаго разрѣшенія съѣзды дѣятелей печати».

Исполнительная власть сосредоточена въ комитетѣ изъ 12 членовъ и кромѣ того, при «союзѣ» установленъ «судъ чести», къ слову сказать, возбудившій, къ моему удивленію, большое число ругательствъ—и самыхъ страстныхъ—по адресу составителей устава. Но объ этомъ въ свое время, а пока замѣчу, что судъ чести, по моему мнѣнію, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно можетъ хотя нѣсколько (если и не совсѣмъ) «охранить добрые нравы» и страхомъ опубликованія своихъ постановленій до нѣкоторой степени обуздать ту наглость клеветы, тѣ продѣлки вымогательства и полученія подарковъ, которые, надо сознаться, практикуются въ нѣкоторой части современной газетной прессы и не всегда не только не получаютъ должнаго возмездія въ видѣ оглашенія, но проходятъ совсѣмъ незамѣченными, набрасывая тѣнь, оставляемую нѣсколькими безшабашными журналистами, на весь институтъ.

И раньше, много лѣтъ тому назадъ, когда въ газетахъ разыгрывалась настоящая оргія клеветы, я изумлялся, какъ изумляюсь, напримѣръ, и теперь, когда хоть и не такъ откровенно, какъ прежде, но, все-таки, довольно откровенно одинъ журналистъ копается въ душѣ другого, называя этого другого то измѣнникомъ, то принадлежащимъ къ партіи іезуитовъ, то подкупленнымъ евреями, и при этомъ обращаетъ вниманіе властей,—какъ, говорю, такихъ недобросовѣстныхъ служителей слова, позорящихъ журналистику, не только не караетъ общественное мнѣніе, но у нихъ еще есть читатели. Дѣйствительно, русскіе читатели—благодушный и забывчивый народъ, и даже недавнее напоминаніе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* о томъ, что каждому журналисту, какія бы мнѣнія онъ исповѣдывалъ, прежде всего обязательна примитивная порядочность, по видимому не произвело сильнаго впечатлѣнія ни на читателей, ни на нѣкоторыхъ журналистовъ, судя по тѣмъ выходкамъ, которыя они продолжаютъ практиковать.

Казалось бы, «союзъ писателей», преслѣдующій дѣйствительно симпатичныя цѣли, долженъ бы возбудить если не общее, то во всякомъ слу-

сочувствіе громаднаго большинства русскихъ писателей, тѣмъ болѣе, что, по уставу, членами союза могутъ быть всѣ причастныя литературѣ лица, безъ различія направленій.

И дѣйствительно, вначалѣ, вслѣдъ за разрѣшеніемъ устава, въ газетахъ появились болѣе или менѣе благосклонные отзывы о «союзѣ». Привѣтствовалось единеніе дѣятелей слова, одобрялись цѣли союза, не порицался и судъ чести. Но какъ только состоялось общее собраніе членовъ учредителей новаго союза (а ихъ собралось, если не ошибаюсь, семьдесятъ человѣкъ) и произведены были выборы въ комитетъ, какъ съ слѣдующаго же дня, словно бы по щучьему велѣнью, какъ говорятъ русскіе, когда не могутъ уяснить себѣ причинъ какого-нибудь факта, по адресу союза, комитета и суда чести полилась брань почти со всѣхъ петербургскихъ газетъ большой и малой прессы.

Первымъ піонеромъ выступилъ нѣкто г. Сементковскій, обвинявшій чуть ли не въ узурпаціи собраніе, выбравшее членовъ комитета, и удивлявшійся, что въ него былъ избранъ г. Пантелѣевъ, не имѣющій, по словамъ г. Сементковскаго, достаточно литературнаго ценза. Я, къ сожалѣнію, не имѣю чести знать, какими литературными трудами прославился самъ протестантъ (вѣроятно, чѣмъ-нибудь да особенно прославился, если такъ нескромно сомнѣвается въ правахъ другого), но знаю только, что г. Пантелѣевъ поспѣшилъ удовлетворить любопытство автора запроса и скромно, не претендуя на первенство передъ г. Сементковскимъ, заявилъ, что онъ давно работаетъ, хотя и не подписываетъ подъ своими работами своего имени.

Но это были только цвѣточки въ сравненіи съ тѣмъ, что появилось въ печати послѣ. Особенно обнаружило нервное состояніе *Новое Время* и со свойственной этой газетѣ игривостью принялось «отдѣлывать», какъ выражаются здѣсь журналисты, «союзъ» въ разныхъ отдѣлахъ газеты. Она назвала членовъ союза «калмыками» за то, что союзъ не выбралъ въ члены женщину г-жу Калмыкову (тутъ, какъ вы догадываетесь, каламбуръ) и въ ближайшее же воскресенье напечатала фельетонъ г. Old Gentleman'a (того самого, Дженни, джентльмена, о которомъ я сообщалъ вамъ съ Нижегородской выставки). Признаюсь вамъ, Дженни, давно уже я не читалъ такого развязнаго и, выражаясь деликатно, такого предосудительнаго произведенія пера даже и въ русской печати. Сообщая о «союзѣ» по слухамъ, полученнымъ имъ отъ «мертвецки пьянаго Ноздрева»—это, Дженни, персонажъ, выведенный Гоголемъ и, кстати замѣтить, болѣе приличный, чѣмъ нѣкоторые русскіе журналисты,—названный джентльменъ натурально прошелся по «жидамъ» на этотъ разъ, впрочемъ, по одному, а не по десяти, какъ раньше, когда онъ обвинялъ десять жидовъ въ распространеніи злостныхъ извѣстій о Нижегородской выставкѣ, и съ наивной смѣлостью высмѣивалъ, что членами союза состоятъ гг. Боргманъ и Анненскій, не зная, конечно, того, что знаю даже я, иностранецъ, а именно, что первый изъ нихъ извѣстный профессоръ, а второй извѣстный публицистъ и статистикъ,

литературныя заслуги котораго составили бы почтенный багажъ для десяти такихъ джентльменовъ, какъ г. Old Gentleman.

Подобнымъ вдохновеніемъ былъ полонъ фельетонъ, и буквы не краснѣли. За то, вѣроятно, краснѣлъ другой фельетонистъ, г. Фингалъ. Сужу потому, что онъ написалъ фельетонъ, въ которомъ говоритъ о союзѣ совсѣмъ противоположное тому, что говорилъ г. Old Gentleman, и оба эти фельетона напечатаны въ одной и той же газетѣ.

Не отставали и другія газеты. *Новости* пустили очень много философіи, додумавшись до предположенія, что «первоначальные учредители союза писателей положили въ основаніе своего проекта предвзятую идею о полной противоположности интересовъ писателей и издателей и задумали создать нѣчто, по задачамъ и цѣлямъ, однородное съ союзами рабочихъ (чувствуете ли вы, Дженни, какъ это ужасно?). Только съ этой точки зрѣнія и можно себѣ объяснить избраніе комитета изъ лицъ односторонняго направленія и почти полное исключеніе изъ него издателей газетъ и журналовъ».

А *Гласность* (это, Дженни, одна изъ новыхъ газетъ, появленіе которыхъ мой московскій другъ причислялъ къ «отраднымъ явленіямъ») по поводу «союза» даже поднесла такую «жемчужину»:

«А настоящее имя всему этому пассажу такъ и просится на уста; это ни болѣе, ни менѣе какъ организованный шантажъ юдофильской печати и систематическая фальсификація общественнаго мнѣнія и всѣхъ понятій о чести».

Прошу обратить вниманіе, Дженни, что въ числѣ членовъ комитета нѣтъ ни одного еврея и что редакторъ газеты, въ которой напечатаны эти строки, не находится въ сумасшедшемъ домѣ, какъ я узналъ, наведя объ этомъ справки по телеграфу, немедленно послѣ прочтенія этихъ строкъ.

Вы, разумѣется, удивлены, Дженни, и готовы спросить: отчего такое море брани, клеветъ и лганья низверглось на «союзъ» и именно тотчасъ же послѣ выборовъ?

И я сперва недоумѣвалъ. Но, просмотрѣвши внимательно списокъ членовъ комитета и собравши точныя справки, я узналъ, что въ число членовъ комитета (и далеко не односторонняго направленія, какъ напримѣръ: г. Михайловскій изъ *Русскаго Богатства* и г. Загуляевъ изъ *Новаго Времени*) не попалъ ни одинъ изъ тѣхъ писателей и журналистовъ, которые способны улавливать чужія мысли, и ни одинъ изъ издателей тѣхъ газетъ, которыя столь внезапно измѣнили свою благосклонность на яростныя нападки.

Не отъ этого ли такая перемѣна фронта?

Но зачѣмъ впутался въ эту компанію извѣстный профессоръ Серг
вичъ—вотъ вопросъ, который меня нѣсколько интригуетъ. Впрочемъ, пр
знаться, мнѣ надоѣло описывать вамъ всѣ эти «отрадныя явленія»
мнѣнію мистера Z. Пока закончу письмо дѣйствительно пріятными слу

ми объ одномъ предпріятіи, задуманномъ нѣсколькими добрыми людьми въ Москвѣ.

Я говорю о предположеніи построить въ Москвѣ для бѣднаго люда зданіе, въ которомъ была бы народная аудиторія для чтенія лекцій, театръ, читальня и чайная. По всей вѣроятности, въ Москвѣ, отличающейся крупными пожертвованіями, найдутся жертвователи и на это, безспорно, доброе дѣло.

Прощайте, Дженни. Будьте здоровы.

Вашъ Джонни.

Съ подлиннымъ вѣрно

К. Станюковичъ.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующа 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣ за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ **1897 года.**

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Дѣтскія книги.—Изданія для народа.—Справочныя книги, календари. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *январь*.—«Міръ Божій», *февраль*.—«Вѣстникъ Европы», *февраль*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *февраль*.—«Вѣстникъ Воспитанія», *январь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1897 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій П. А. Козлова“. — „Просвѣтъ“. *Вас. И. Немировича-Данченка*.—„Борцы“. *К. Баранцевича*.—„Степные волки“. Разсказы *Ал. Будищева*.—„Сказанія минувшаго“. *А. А. Навроцкаго*.—„Пѣснь о Роландѣ“.

Полное собраніе сочиненій П. А. Козлова, съ портретомъ автора, предисловіями и примѣчаніями В. П. Буренина, П. И. Вейнберга и В. А. Гольцева. Четвертое изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Москва, 1897 г. Цѣна за 4 тома 5 руб., каждый томъ отдѣльно 1 руб. 50 коп. Пересылка по разстоянію. Павелъ Алексѣевичъ Козловъ родился 23 марта 1841 года, получилъ превосходное образованіе, въ совершенствѣ владѣлъ англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ языками, по всѣмъ даннымъ ему предстояло сдѣлать блестящую служебную карьеру, но талантливому и независимому молодому человѣку не по душѣ была канцелярская служба. Ей мѣшали и прерывали ее увлеченія, а въ особенности неодолимая склонность къ литературной дѣятельности, къ проявленію поэтическаго таланта, которымъ такъ богато былъ одаренъ Козловъ, умершій слишкомъ рано, въ самый расцвѣтъ своихъ творческихъ силъ (въ 1891 году). Въ предисловіи къ четвертому изданія *Собранія сочиненій* П. А. Козлова г. Гольцевъ говоритъ, что Козлову „принадлежитъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ среди немногихъ выдающихся переводчиковъ на русскій языкъ величайшихъ художественныхъ произведеній Запада“. А между переводами Козлова первое мѣсто занимаетъ полный переводъ байроновскаго *Донъ-Жуана*, воспроизводящій подлинникъ тѣмъ же размѣромъ и тѣми же октавами, какими онъ написанъ на англійскомъ языкѣ. Г. Буренинъ въ предисловіи, напечатанномъ во второмъ томѣ, вѣрно называетъ *Донъ-Жуана* „совершеннѣйшимъ произведеніемъ“ Байрона. Мы же добавимъ къ этому, что считаемъ переводъ Козлова „совершеннѣйшимъ“ изъ переложеній этого чуднаго романа на чужой языкъ, поразительнымъ образцомъ того, какъ должны быть переводимы великія произведенія иноземныхъ поэтовъ. Какъ въ этомъ романѣ, такъ и въ неоконченномъ (за смертью Козлова) переводѣ *Чайльдъ-Гарольда*, и въ переводѣ *Манфреда*, по вѣрному опредѣленію г. Гольцева, „рус-

скій писатель превосходно овладѣлъ духомъ и формами „титанической“ поэзіи Байрона“. Кромѣ того, Козловымъ переведены драмы Шекспира: *Периклъ* и *Юлій Цезарь*, и драма Э. Л. Бульвера *Ришелье*. Половина перваго тома и конецъ третьяго заняты оригинальными произведеніями Козлова, другая половина перваго тома — переводами изъ Альфреда де-Мюссе и польскихъ поэтовъ: Юлія Словацкаго, Владислава Сырокомли, Богдана Залѣскаго и Теофиля Ленартовича. Оригинальныя стихотворенія Козлова, по большей части, лирическія, часто проникнуты элегическимъ настроеніемъ. Въ новомъ полномъ собраніи сочиненій Козлова его лучшія произведенія, переводы изъ Байрона, распредѣлены такъ: первыя десять пѣсенъ *Донъ-Жуана* напечатаны во второмъ томѣ, одиннадцатая и слѣдующія пѣсни до конца—въ третьемъ томѣ. Въ третій же томъ вошли: *Манфредъ*, драматическая поэма, *Беппо*, венеціанская повѣсть, три первыя пѣсни романа *Чайльдъ-Гарольдъ* и *Еврейскія мелодіи*. Всѣ эти произведенія весьма обстоятельно и тщательно комментированы примѣчаніями П. И. Вейнберга. Въ короткомъ обращеніи къ читателямъ, помѣщенномъ въ началѣ перевода *Чайльдъ-Гарольда*, П. А. Козловъ говоритъ между прочимъ: „Одинъ критикъ упрекнулъ меня за то, что при переводѣ *Донъ-Жуана* я не изложилъ своей profession de foi. Пополняю въ нѣсколькихъ словахъ этотъ пробѣлъ. Я считаю, что поэтъ-переводчикъ долженъ быть вѣренъ духу и тону подлинника; онъ обязанъ передавать вполнѣ всѣ поэтическіе образы и сравненія, всѣ остроты и особенности оригинала, но вправѣ передавать въ измѣненіи второстепенныя детали, чѣмъ усиливается впечатлѣніе, производимое на читателя. Я нахожу, что не слѣдуетъ передавать строки подлинника увеличеннымъ числомъ строкъ въ переводѣ: въ многословіи пропадаютъ прелесть и сила оригинала. Что касается риѳмъ, то я избѣгаю по возможности имѣть дѣло съ глагольными риѳмами, но нисколько не избѣгаю составныхъ риѳмъ, — онѣ не только не вредятъ благозвучію стиха, но, напротивъ, усугубляютъ его“. Изложеннымъ здѣсь основаніямъ П. А. Козловъ слѣдовалъ неуклонно во всѣхъ своихъ переводахъ. Если къ этому добавить, что въ октавахъ, коими написанъ *Донъ-Жуанъ* и какими сдѣланъ переводъ, неизмѣнно повторяются тройныя риѳмы, тогда понятно станетъ, какія громадныя трудности пришлось преодолѣть поэту-переводчику и какою силой дарованія долженъ обладать писатель для того, чтобы вѣрно передать смыслъ и духъ подлинника, сохраняя въ точности его литературныя формы. Вышеприведенныя правила, поставленныя Козловымъ въ его profession de foi, должны быть признаны обязательными для всякаго писателя, берущагося за переводъ стихами поэтическаго произведенія, написаннаго на иностранномъ языкѣ.

До Козлова было сдѣлано нѣсколько попытокъ перевести *Донъ-Жуана* на русскій языкъ. Вотъ что говоритъ о нихъ г. Буренинъ въ своемъ предисловіи: „Въ 1846 году г. Жандръ издалъ переводъ первой пѣсни *Донъ-Жуана*, въ которомъ блестящія остроуміемъ и гибкостью октавы Байрона передавались такими тяжелыми и неуклюжими стихами...“ — слѣдуетъ примѣръ бездарнаго стихотворства. — „Въ 1847 г вышелъ полный *Донъ-Жуанъ* въ передѣлкѣ Либича-Романовича, еще болѣе неудачный по формѣ, чѣмъ переводъ г. Жандра, и представляющій содержаніе геніальнаго произведенія въ такомъ искаженномъ и урѣзанномъ видѣ, что, конечно, эта передѣлка не могла дать даже отдаленнаго понятія о поэтическомъ совершенствѣ подлинника“... Въ шестидесятыхъ годахъ „появились переводы покойныхъ Мина и Минаев

но первый переводчикъ ограничился передачей только небольшой части романа, а второй хотя и передалъ всѣ шестнадцать пѣсенъ, но крайне небрежно и безъ соблюденія поэтической формы подлинника"... „Существуетъ еще переводъ прозой, сдѣланный г. Соколовскимъ"... О немъ мы упоминаемъ только полноты ради. Такимъ образомъ переводъ Козлова оказывается не только образцовымъ, но и единственнымъ на русскомъ языкѣ по своей полнотѣ и точности. Первыя изданія этого перевода были встрѣчены почти единодушнымъ одобреніемъ нашей критики. Сочувствіе и вниманіе публики къ этому произведенію доказаны тѣмъ, что его предшествовавшія изданія разошлись вполнѣ.

Просвѣтъ. Четыре разсказа Вас. Ив. Немировича-Данченка. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. Спб. Цѣна 1 рубль. Настоящій и ясный *Просвѣтъ* виденъ въ двухъ разсказахъ: *Богъ проститъ* и *Вся чужая*. *Просвѣтъ* едва мелькаетъ въ разсказѣ, озаглавленномъ *Въ дудкѣ*, и никакого „просвѣта" мы не видимъ въ повѣсти *Приговоренный*, представляющій собою записки молодого человѣка, умирающаго отъ чахотки одинокимъ на чужой сторонѣ въ какомъ-то небольшомъ итальянскомъ городкѣ. Что такое *дудка*, читатель, конечно, не знаетъ. Дудками крестьяне-рудокопы называютъ колодцы, черезъ которые рабочіе спускаются въ мелкія шахты для добычи желѣзной руды. Работа въ этихъ „дудкахъ" отличается отъ каторжной только тѣмъ, что она не подневольная и платная. Не-подневольная она, впрочемъ, довольно условно и лишь въ томъ смыслѣ, что рабочихъ гонитъ на нее не рабство, а мужицкая нужда и голодъ, такъ какъ иныхъ заработковъ въ округѣ „дудокъ" не имѣется. Крѣпкій мужикъ Ефремъ работалъ много и долго на желѣзо-дѣлательномъ заводѣ, доработался до полной немощности, за неспособностью съ завода уволенъ и умеръ, оставивши безъ куска хлѣба вдову Анисью съ двумя малолѣтними дѣтьми. Есть у Анисьи и взрослый сынъ, при которомъ семья могла бы жить не хуже, чѣмъ при старикѣ Ефремѣ. Но этого молодца взяли въ солдаты и сложилъ онъ голову героемъ на Балканахъ, освобождая „братушекъ". Чтобы не поморить съ голоду ребятишекъ, вдовой бабѣ пришлось самой лѣзть въ „дудку" и ковырять руду. Какъ ни плохо было, какъ ни голодно, все же кормились заработкомъ. Но „міръ" нашелъ нужнымъ сироту мальчонка опредѣлить въ подпаски, а „дудку" отнять у бабы и передать болѣе сильному и состоятельному мужику. „Поштенные старики" рѣшили, что баба съ дѣвчонкой можетъ прокормиться, ходя „въ кусочки". И Анисья отправилась съ дочерью побираться нищею. Въ видѣ „просвѣта" для несчастной семьи является молодой человѣкъ. Но онъ только мелькнулъ и исчезъ, по настоятельному приглашенію станового пристава, объяснившаго, что богатому человѣку не полагается ходить въ крестьянскомъ платьѣ около „дудокъ", до которыхъ ему, барчуку, не должно быть никакого дѣла... Просто, коротко и ясно. Въ разсказѣ *Богъ проститъ* мы имѣемъ дѣло съ конокрадами, которыхъ настигли мужики, избили „большимъ боемъ" и выпустили еле живыми, лишь по милости вступившагося за нихъ священника. Сынишка наиболѣе злобствовавшаго мужика, усерднѣе всѣхъ бившаго конокрадовъ, заблудился въ лѣсу, былъ спасенъ конокрадами отъ волковъ и стужи, былъ ворами доставленъ изъ жалости въ село, несмотря на основательное опасеніе, что мужики опять озвѣрѣютъ и на этотъ разъ совсѣмъ прикончатъ. Доброе дѣло смягчило, однако, мужиковъ и загрубѣлыя сердца самихъ конокрадовъ. Стали они „виниться", и всѣ сельчане отвѣтили имъ двумя великими словами:

„Богъ проститъ...“ Въ повѣсти *Вся чужая* изнываютъ и нравственно гибнутъ молодые люди, очутившіеся во мракѣ далекаго сѣвера не по собственному желанію. Спасительнымъ для нихъ просвѣтомъ является молодая дѣвушка, „вся чужая“, пожертвовавшая удобствами жизни, стремленіемъ къ наукѣ, своею семьей и личнымъ счастьемъ для того, чтобы своимъ участіемъ и нѣжнымъ вліяніемъ скрасить участь несчастныхъ „братьевъ“, именъ которыхъ она не знала, когда заѣхала случайно въ эту глушь, оторванную отъ всего цивилизованнаго міра. Въ разсказѣ *Въ дудку* „просвѣтъ“, а въ разсказѣ *Богъ проститъ* настоящее „просвѣтлѣніе“, вносятъ въ темную, забитую нуждою и невѣжествомъ, мужицкую среду образованные молодые люди, идущіе въ деревню подѣлиться съ народомъ нравственными идеями, которыя даетъ и укрѣпляетъ школа. Съ этимъ не согласны, конечно, наши „народники“, упорно полагающіе, что идеи могутъ родиться и идеалы могутъ складываться самобытно тамъ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ одни инстинкты, обусловливающіе собою борьбу за существованіе въ самой первобытной формѣ борьбы изъ-за куска хлѣба, вынуждающей старухъ и малолѣтковъ „ходить въ кусочки“, а здоровыхъ и сильныхъ—красть и грабить, либо отнимать у вдовы кормившую ея семью „дудку“. Въ этомъ разсказѣ самыя блестящія страницы посвящены описанію боя на Балканахъ нашихъ „Ефремовъ“ съ „махмудкиными дѣтьми“ изъ-за причинъ, невѣдомыхъ ни Ефремамъ, ни махмудкамъ.

Борцы. Романъ К. Баранцевича. Спб., 1897 г. Ц. 1 руб. Герой этого романа, Капитонъ Полоротовъ, былъ солдатомъ въ кавалерійскомъ полку, очень любилъ лошадей, выучился плохо портняжничать, отбылъ положенный срокъ и отправился „къ дворамъ“ въ Тверскую губернію. Въ деревнѣ онъ пожилъ не долго, соскучился, отъ мужицкаго дѣла отсталъ и порѣшилъ вернуться въ Петербургъ къ своему излюбленному дѣлу, уходу за лошадью. Его попытки попасть въ кучера или въ конюхи, послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ, кончились тѣмъ, что попалъ онъ возницей на конку. Но завѣдующій дѣломъ нѣмецъ нашелъ болѣе удобнымъ перевести Капитона въ швальню чистить порванную одежду служащихъ. Страстному любителю лошадей это занятіе пришлось не по вкусу, а нѣмцу не понравились требованія Капитона приставить его опять къ лошадямъ, и нѣмецъ разсчелъ Капитона. Начались новыя мытарства и привели къ тому, что Капитонъ попалъ въ „мужики“ при увеселительномъ садѣ, носившемъ названіе „Огненная Земля“, въ которомъ развлекалась публика самаго низшаго класса. Послѣ кратковременнаго успѣха, дѣла сада пошли плохо, несмотря на разныя приманки во вкусѣ публики, посѣщавшей это заведеніе. Хозяинъ сада, купецъ Поросенковъ изъ разжившихся кабатчиковъ, сталъ было приходить въ уныніе. Но его подбодрилъ благопріятель Ватрушкинъ, юркій репортеръ гаденькой газетки. Ватрушкинъ посовѣтовалъ пригласить „знаменитаго“ силача и устроить состязанія въ борьбѣ, на каковой конецъ и сочинилъ Поросенкову афишу-рекламу за извѣстную мзду. „Знаменитый“ силачъ былъ спѣшно выписанъ изъ Гамбурга, только маленькая остановка вышла изъ-за того, что не находилось противника для состязанія съ заграничнымъ силачомъ. Выручилъ садовый „мужикъ“ Капитонъ, оказавшійся человѣкомъ силищи непомѣрной. И превратился нашъ Капитонъ изъ „мужика“ въ знаменитаго силача, въ извѣстнаго борца, котораго на перебой начали приглашать всѣ увеселительныя заведенія одного сорта съ „Огненною Землей“. Капитонъ Полоротовъ скоро выучился всякимъ усовершенствованнымъ и моднымъ пріемамъ

борьбы и подъ именемъ силача Самсонова сдѣлался настоящею „знаменитостью“, любимцемъ публики, и сталъ привлекать въ такіе мерзкіе притоны, какъ „Огненная Земля“, великосвѣтскихъ шалопаевъ и дамъ, изнывающихъ отъ тоски - бездѣлья. Одна изъ такихъ любительницъ атлетическихъ упражненій, плѣненная богатырскими мускулами Капитона, уловила его въ свои нѣжныя сѣти, только не надолго. На одномъ изъ состязаній Капитонъ надорвался, пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ больницѣ и исхудалый, немощный, увезенъ отцомъ на родину. Какъ видитъ читатель, содержаніе книжки настолько просто и незамысловато, что никакого романа изъ него не соорудишь, такъ какъ приключеніе съ любительницей атлетическаго спорта занимаетъ въ повѣствованіи всего нѣсколько строкъ. Настоящая суть дѣла заключается тутъ въ изображеніи различныхъ эпизодовъ и личностей, имѣющихъ очень мало связи съ героемъ романа и его похожденіями, но весьма характерныхъ и отчасти типическихъ въ картинахъ, изображающихъ жизнь различныхъ слоевъ петербургскаго общества. Въ ряду такихъ личностей первыя мѣста принадлежатъ нѣкоему обнищавшему старикуграфу и одновременно съ нимъ захудавшему трактирному лакею Никитѣ Ивановичу. За ними слѣдуетъ интересная фигура репортера, литературнаго неудачника. Эти трое выбиты жизнью изъ коллеи, доведены до большихъ униженій, но первые двое не утратили сознанія своего человѣческаго достоинства и проявляютъ его въ весьма трогательныхъ поступкахъ. Бѣдняга репортеръ менѣе устойчивъ, онъ вынужденъ кормить больную жену и троихъ малолѣтнихъ дѣтей и, чтобы не заголодали эти дорогія ему существа, продѣлываетъ очень некрасивыя вещи, но „заслуживаетъ снисхожденія“ передъ судомъ читателя за свою нѣжную любовь къ семьѣ и за свое добродушіе—правда, довольно - таки неряшливое. Графъ, лакей и репортеръ—вполнѣ живые люди, прямо взятые авторомъ изъ дѣйствительности въ тѣхъ собирательныхъ чертахъ, которыя приближаютъ ихъ къ типамъ. Общая картина сада-кабака съ его мерзкими увеселеніями отлично написана и живо представляетъ картину страшной нравственной порчи, которую вносятъ въ народъ подобныя заведенія, развращающія безъ разбора и безъ пощады взрослыхъ, подростковъ и дѣтей. Романъ г. Баранцевича — сплошной и горькій укоръ интеллигенціи за непониманіе, нежеланіе понимать того, что народу нужны здоровыя развлеченія, а не дикія потѣхи съ пьяными хористками, съ грязными куплетами, съ единоборствами „силачей“, ведущими къ озвѣрѣнію толпы.

Степные волки. Разсказы Ал. Будищева. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. Изъ двадцати разсказовъ, вошедшихъ въ эту книжку, нѣкоторые довольно хороши и трогательны, иные—посредственны и незначительны, а есть и сортомъ того ниже. Но всѣ они написаны правдиво и живо, отъ добраго сердца и ради честной идеи. Большинство разсказовъ имѣетъ въ своей основѣ разнаго рода хищничества, преимущественно экономическія. Хозяйничанье „по-волчиному“, въ повѣствованіяхъ г. Будищева, ведутъ не одни „чумазые“, для которыхъ наименованія „Разуваевыхъ“ и „Колупаевыхъ“ превратились въ нарицательныя. Такъ въ разсказѣ *Мишенька Разуваевъ* являются въ степь съ волчьими инстинктами петербургскіе „интеллигенты“, чиновники, и Мишенька, съ своею характерною фамиліей, глубоко страдаетъ отъ ихъ алчныхъ аппетитовъ, а потомъ гибнетъ жертвою мести сосѣднихъ крестьянъ его отцу, одному изъ безпощаднѣйшихъ „степныхъ волковъ“. Хорошъ и типиченъ *Хамъ*, бывшій крѣпостной давно умер-

шаго отца молодого помѣщика, влюбленнаго въ дочь этого „хама". Дѣвушка тоже любитъ милаго сосѣда и упрашиваетъ отца дозволить ей выдти за него замужъ. Отецъ упорно не соглашается, хотя ничего не имѣетъ противъ молодого человѣка. На усиленныя настоянія дочери онъ отвѣчаетъ, осиливая свое глубоко возмущенное чувство, что „батюшка этого самаго Андрея Сергѣевича, ея жениха, выпоролъ его, хама, на конюшнѣ плетьми, какъ собаку!" Въ этомъ горячо написанномъ разсказѣ ярко выступаетъ полная невозможность примиренія и возстановленія человѣческихъ отношеній между тѣми, кто поретъ, и несчастными, которыхъ порятъ, хотя бы со времени порки прошло полстолѣтія. Старикъ заплакалъ, вздрагивая плечами и тряся сѣдою бородою: „Прости ты меня, старика, — обратился онъ къ дочери, — а я ихъ простить не могу!" И читатель чувствуетъ, что это такъ, что это совершенно вѣрно, хотя этотъ старикъ былъ рабомъ и подвергся позорному истязанію въ такое время, когда пороли чуть не поголовно всѣхъ, ему подобныхъ, и даже не однихъ только „хамовъ". Да, это такъ и будетъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не прекратятся порки, пока живы будутъ выпоронные, пока ихъ дѣти не забудутъ, какъ пороли отцовъ. Довольно сильное впечатлѣніе производитъ разсказъ судебнаго слѣдователя (*Въ непріятной компаніи*) о томъ, какъ онъ попался въ руки бѣглыхъ каторжниковъ, которыхъ онъ „упекъ" въ острогъ. Очень задушевенъ разсказъ *Копканщики* и мрачное повѣствованіе *Ефтишкино дѣло* о томъ, какъ старый „степной волкъ", бывшій чиновникъ полиціи, тяжко расплачивается за всѣ свои хищничества. Менѣе удачными мы считаемъ разсказы *Дикарь*, *Катастрофа*, *Лгунья* и *Вредъ*, въ которыхъ дѣло кончается убійствами. „Комическое" въ разсказахъ *Скверное положеніе* и *Западня* совсѣмъ не удается автору. При несомнѣнномъ талантѣ, наблюдательности и большой искренности, г. Будищевъ никакимъ юморомъ, по нашему мнѣнію, не обладаетъ.

Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ, А. А. Навроцкаго (Н. А. Вроцкаго). Спб., 1897 г. Ц. 1 р. Передъ нами 32 повѣствованія г. Навроцкаго о быломъ на Руси, отчасти удостовѣренномъ исторіей, отчасти сохраненномъ народными преданіями, перемѣшанными съ вымыслами. Ни въ историческихъ „былинахъ" г. Навроцкаго, ни въ его легендарныхъ сказаніяхъ читатель не найдетъ ничего новаго, такого, что не было бы извѣстно гимназисту старшаго класса. Въ этихъ *Сказаніяхъ минувшаго* есть и Батый, и Иванъ Грозный, и Козьма Мининъ, и патріархъ Гермогенъ, патріархъ Никонъ, царевна Софья, Ермакъ и Стенька Разинъ... и мало ли кто еще. Только всѣ они—трафаретные и какіе-то однотонные, какъ и тѣ стихи, въ которыхъ авторомъ разсказывается про ихъ дѣянія и подвиги. Намѣренія у г. Навроцкаго были очень хорошія:—передать въ поэтической формѣ—

„Сказанья былаго, минувшаго времени,..
Какъ ясно носилися вы предо мной
Герои великаго русскаго племени,
Все дѣти страны дорогой и родной".

Такъ авторъ говоритъ въ предисловіи. Мы же, прочитавши книг можемъ сказать только одно: Съ подлиннымъ вѣрно, а поэзіи не имѣетс Это сплошь—проза, изрубленная на короткія строчки, по правила стихосложенія, иногда съ риѳмами, далеко не всегда удачными,— примѣръ:

„Коварный мужъ, охолодѣвъ ко мнѣ
И къ монастырской осудивъ тюрьмѣ,
Онъ до конца скрывалъ свое рѣшенье;
Пришли гурьбой и повезли во храмъ,
Всѣ палачи ужъ были въ сборѣ тамъ,
И надо мной свершили постриженье".

Или—того лучше:

„Онъ здѣсь недалеко и, вспомнивъ былое,
Желая тебя отличить,
Послалъ онъ меня, чтобы благословенье
На путь отъ тебя получить".

Необходимо отмѣтить одно исключеніе, весьма солидное: это—извѣстная, положенная самимъ авторомъ на музыку, пѣсня *Утесъ Стеньки Разина*, полная смысла, поэтическая, написанная превосходными, звучными стихами. Интересно и задушевно стихотвореніе *Боярынъ*, послужившее темой для картины, бывшей не такъ давно на одной изъ московскихъ художественныхъ выставокъ. Въ стихотвореніи и въ картинѣ изображена мучительная дума старозавѣтнаго боярина, вернувшагося домой послѣ того, какъ царь Петръ I, увлеченный реформаторствомъ, приказалъ своему шуту остричь волосы и бороду боярина, упорно отказывавшагося подчиниться европейскимъ новшествамъ. Во всѣхъ *Сказаніяхъ* авторъ выражаетъ полное сочувствіе доброй старинѣ, вѣчевымъ вольностямъ Новгорода и Пскова, всякому протесту противъ безпощадныхъ захватовъ Москвы, жестоко расправлявшейся съ непокорными и съ дерзавшими обличать злодѣйства, подобно *Печальнику русской земли*, митрополиту Филиппу, архимандриту Порфирію и патріарху Гермогену.

Пѣснь о Роландѣ. Переводъ гр. де ла Бартъ. Съ предисловіемъ акад. А. Веселовскаго. Спб., 1897 г. Цѣна 1 руб. 75 коп. Интересъ общества къ старинной поэзіи, получившей особенно сильное развитіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря романтической школѣ, не прекращается до настоящаго времени. Чуть ли не каждый годъ появляются переводы тѣхъ или другихъ памятниковъ народнаго творчества на новые европейскіе языки. Русская литература не отстаетъ отъ другихъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился переводъ *Пѣсни Нибелунговъ* Кудряшова, который, несмотря на нѣкоторые недостатки, имѣетъ научное значеніе. *Пѣснь о Роландѣ* особенно посчастливилось какъ въ иностранной, такъ и въ нашей литературѣ. Она переведена на всѣ главные европейскіе языки и еще не особенно давно появился послѣдній (впрочемъ, неполный) переводъ ея на итальянскій языкъ Москетти. Мы, кромѣ двухъ переводовъ Алмазова и Чудинова, имѣемъ цѣлый рядъ подробныхъ и сокращенныхъ изложеній этой пѣсни. Одно изъ такихъ изложеній недавно явилось въ сборникѣ г-жъ Балабановой и Петерсонъ. Но всѣ эти переводы не имѣютъ научнаго значенія: переводчики не имѣли въ виду дать полное представленіе о поэмѣ, объ оригинальной манерѣ ея творца, объ особенностяхъ ея архаическаго стиля и т. д. Такъ, переводъ г. Алмазова обладаетъ несомнѣнными поэтическими достоинствами, но эти достоинства ничего общаго не имѣютъ съ своеобразными красотами оригинала.

Графъ де ла Бартъ приступилъ къ своей задачѣ съ глубоко-продуманною теоріей относительно переводовъ старинныхъ поэтическихъ памятниковъ на новые языки. Эта теорія изложена имъ во введеніи и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Прежде всего переводчикъ поста-

рался изучить элементы стиля *Пѣсни о Роландѣ*. Весьма тонко подмѣтилъ онъ значительное количество общихъ мѣстъ, такъ называемыхъ chevilles poétiques, т.-е. готовыхъ формулъ для выраженія однихъ и тѣхъ же душевныхъ проявленій, для описанія типичныхъ моментовъ битвы, наприм. рѣчи къ врагу, плача надъ убитымъ, похвальбы и пр. Далѣе переводчикъ изучилъ своеобразный характеръ повтореній, отличающій стиль пѣсни. Особенно характерны тѣ повторенія, въ которыхъ за описаніемъ извѣстнаго повторяющагося дѣйствія слѣдующія слова вносятъ какое-нибудь дополненіе. Наприм.:

Къ устамъ своимъ Роландъ свой рогъ приставилъ,
Напрягъ всѣ силы, зычно затрубилъ.

Карлъ услышалъ звуки рога, но, подъ вліяніемъ измѣнника Ганелона, продолжаетъ путь.

Съ усиліемъ отчаяннымъ и болью
Трубитъ Роландъ,—багряной, свѣжей кровью
Его уста покрыты. На челѣ
Всѣ крѣпкія перервалися жилы.

Карлъ снова слышитъ призывъ Роланда и начинаетъ сильно тревожиться.

Кровавой пѣной ротъ покрытъ Роланда
И жилы всѣ раскрыты на вискахъ.
Съ большимъ трудомъ, съ невыносимой болью
Трубитъ Роландъ.

Тревога Карла усиливается, и онъ спѣшитъ на помощь племяннику. Кромѣ того, переводчикъ вникнулъ въ значеніе эпитетовъ, а также выдѣлилъ элементы стиля, указывающіе на то, что окончательная редакція поэмы создалась не безъ участія одного художника. Но какъ было передать на русскій языкъ всѣ эти оттѣнки, образы, штрихи, благодаря которымъ стиль становится то патетическимъ, то эпически-спокойнымъ, то наивнымъ? По мнѣнію переводчика, это „возможно только при тщательномъ изслѣдованіи того психическаго процесса, который вызываетъ въ насъ тотъ или другой образъ, эпитетъ или выраженіе подлинника“. Но тогда переводъ строка въ строку, буква въ букву немыслимъ. Поэтому переводчикъ не стѣснялся переставлять стихи одной и той же строфы; иногда онъ вставлялъ лишнія слова, такъ какъ иной образъ въ творчествѣ французскаго поэта XI в. составляетъ одинъ моментъ, между тѣмъ какъ мы для передачи этого образа должны пережить нѣсколько моментовъ. Далѣе переводчикъ сохранилъ всѣ повторенія оригинала; слѣдуя ему, онъ внесъ въ свой стиль нѣкоторыя архаическія слова, вродѣ „градъ“, „глава“, а также пѣсенныя выраженія, какъ „заплакалъ-зарыдалъ“. Словомъ, онъ стремился создать особый лексиконъ, и только изъ этого лексикона старался брать слова даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отступалъ отъ буквы подлинника. Но, конечно, всего этого было бы недостаточно для успѣшнаго выполненія задачи, еслибы переводчикъ не обладалъ поэтическимъ чутьемъ, безъ котораго, по справедливому замѣчанію акад. Веселовскаго, немыслимъ и нежелателенъ переводъ поэтическаго произведенія. Это чутье въ связи съ добросовѣстнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу помогло автору достигнуть полнаго успѣха, и его трудъ слѣдуетъ признать первымъ истинно-научнымъ, поэтическимъ и полнымъ переводомъ древнѣйшаго памятника французскаго національнаго эпоса.

ПЕДАГОГИКА.

„Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе“. *Сенигова.*—Новочеркасская женская воскресная школа“.

Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Сенигова. Спб., 1896 г. Г. Сениговъ понадергалъ изъ нѣсколькихъ сборниковъ произведеній народной словесности рядъ цитатъ, сдобрилъ ихъ патріотическимъ духомъ и рѣшилъ выступить передъ читающею публикой во всеоружіи добродѣтели и учености. Все это хорошо, но худо то, что г. Сениговъ никакъ не можетъ разобраться въ вопросѣ, чѣмъ отличается образованіе отъ воспитанія, грамотности и усвоенія нѣкоторыхъ правилъ поведенія, — думаетъ, что „дока“ непремѣнно значитъ „ученый“ (отъ docere?). По словамъ нашего изслѣдователя, ученіе, по народному пониманію, не только развивало умъ и вырабатывало въ богатыряхъ умѣнье *держать себя прилично въ хорошемъ обществѣ*, но и освобождало ихъ отъ суевѣрія, боязни примѣтъ, предзнаменованій, сновъ и „чоха“ (стр. 7). Этотъ выводъ основанъ всего на двухъ фактахъ: былина о Васькѣ Буслаевѣ, которая относится къ своему герою съ очевиднымъ для всѣхъ осужденіемъ, говоритъ, что онъ не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленый вязъ; онъ не повѣрилъ въ предзнаменованіе, которое, однако, сбылось; Илья Муромецъ поѣхалъ по дорогѣ, хотя надпись грозила ему смертью, остался живъ и передѣлалъ надпись.

Таковы ученые пріемы г. Сенигова. Онъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что нельзя безъ критики пользоваться этнографическими сборниками, что народная поэзія—сложный продуктъ многовѣковыхъ, самыхъ разнообразныхъ наслоеній, искаженій и вліяній—можетъ дать матеріалъ для обоснованія любого взгляда, если подходить къ ней безъ знанія элементарныхъ методологическихъ требованій.

Новочеркасская женская воскресная школа. Отчеты за 1893—94, 1894—95 и 1895—96 гг. Чрезвычайно отрадное и согрѣвающее душу впечатлѣніе производитъ чтеніе этихъ скромныхъ, но содержательныхъ, отчетовъ. Группа лицъ женскаго пола (изъ которыхъ большинство учительницъ) добросовѣстно и безкорыстно посвящаетъ свой воскресный досугъ на пользу благого просвѣщенія, котораго такъ жаждетъ на Руси и старъ, и младъ. Такія явленія, на-ряду съ отрицательными, печать обязана отмѣчать, не для того только, чтобы вызвать чувства общественной благодарности и уваженія къ почтеннымъ дѣятельницамъ, но и въ надеждѣ пробудить въ читателѣ желаніе послѣдовать ихъ доброму примѣру. Новочеркасская женская воскресная школа открыта въ 1892 году мѣстнымъ Обществомъ „распространенія полезныхъ книгъ въ области Войска Донского“, содержится исключительно на частныя пожертвованія и состоитъ въ настоящее время при четырехкласномъ женскомъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія. За 4 года существованія школы, на нее истрачено 869 р. 74 к., причемъ на каждую ученицу приходится только 80 коп. Что дѣло въ этой школѣ ведется правильно, доказываетъ постепенное послѣдніе три года увеличеніе числа перебывавшихъ въ ней ученицъ: 247, 308 и 334, изъ которыхъ оставалось къ концу перваго года—207, второго—214 и третьяго—242; среднее число ученицъ на каждое воскресенье за тѣ же годы было: 135, 160 и 171, а число учебныхъ дней—40, 39 и 35. По возрасту учащихся, въ 1893—94 году преобладали малолѣтнія отъ 9 до 12 лѣтъ,

которыхъ было 158 (при 59 подросткахъ отъ 12 до 16 лѣтъ и 30 взрослыхъ отъ 16 лѣтъ), но въ слѣдующіе два года перевѣсъ остался на сторонѣ подростковъ, которыхъ было 100 и 166, при 72 и 115 малолѣтнихъ и 42 и 53 взрослыхъ. Изъ числа послѣднихъ встрѣчаемъ учениць въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ (три) и даже двѣ имѣли по 45 лѣтъ. По занятіямъ, преобладаютъ занимающіяся домашнимъ хозяйствомъ или помогающія имъ заниматься; затѣмъ ходятъ учиться: прислуга, прачки, швеи, торговки, модистки и различныя ремесленницы. Характерно также, что въ рубрикѣ вѣроисповѣданія постоянно отмѣчаются, кромѣ православныхъ, также и раскольницы (2, 2 и 1). Въ каждомъ отчетѣ указывается печальный фактъ отказовъ въ пріемѣ, за недостаткомъ сначала учащихъ, а затѣмъ—и учащихъ и мѣстъ. „Надо замѣтить, — говоритъ распорядительница школы, г-жа М. Золотарева (въ отчетѣ за 1893—94 годъ),—что большинство учительницъ имѣетъ довольно утомительныя занятія въ теченіе всей недѣли, и такой усиленный трудъ по воскресеньямъ, въ день ихъ отдыха, является уже самоотверженіемъ, которое *вызывалось слезами и усиленными просьбами учениць принять ихъ въ школу*". Стремленіе въ школу настолько сильно, что одна дѣвочка, которой было отказано за полнымъ отсутствіемъ мѣстъ въ группѣ, вошла туда самовольно и усѣлась въ уголкѣ, потѣснивъ другихъ. Тронутая ея желаніемъ учиться, учительница вынуждена была въ концѣ-концовъ *уступить ей свое мѣсто, т.-е. каѳедру*. Время для занятій установлено отъ $9^1/_2$ ч. утра до $2^1/_2$ ч. пополудни, съ продолжительностью каждаго урока по 50 мин. Во время 10 минутныхъ и получасовой посрединѣ дня перемѣнъ происходитъ выдача книгъ для чтенія изъ библіотеки, а также и учебныхъ руководствъ—на домъ и осмотръ больныхъ ученицъ докторомъ. Преподаются: Законъ Божій, объяснительное чтеніе (съ сообщеніемъ свѣдѣній по географіи, русской исторіи и гигіенѣ), письмо и ариѳметика. Система обученія въ школѣ предметная. Изъ числа неграмотныхъ, обучились читать и писать въ первый годъ (1893—94 гг.) 33 ученицы изъ 38, во второй годъ—60 изъ 83 (кромѣ того изъ полуграмотныхъ научились писать 53 ученицы) и въ третій—69 изъ 105 (и 15 изъ полуграмотныхъ научились писать). Причины выбытія ученицъ до конца года зависятъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ матеріальной необезпеченности. Требованія жизни вызвали безплатные уроки для обученія шитью и кройкѣ, по 2 вечернихъ 3-хъ часовыхъ урока, въ будни. Эти уроки открыты 11 марта 1896 г. и посѣщаются весьма аккуратно 50 ученицами. Кромѣ того, по воскресеньямъ, отъ 2 до 3 часовъ, преподаются уроки хорового пѣнія, являющіеся излишней роскошью въ воскресной школѣ. Ученицъ водятъ на чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и ежегодно устраиваютъ ёлки: то и другое является, по словамъ отчета, истиннымъ праздникомъ для учащихся. Въ отчетахъ, къ сожалѣнію, отсутствуютъ слѣдующія важныя свѣдѣнія: не указывается, гдѣ и сколько времени обучались поступающія въ школу полуграмотныя и грамотныя ученицы; по вопросу о внѣшкольномъ чтеніи говорится только, что учащіяся предпочитаю всѣмъ другимъ книги беллетристическаго содержанія и менѣе всего б рутъ книги по естественно-научному отдѣлу и гигіенѣ. Въ этомъ отн шеніи было бы желательно имѣть болѣе подробныя и точныя указані какъ равно и вообще свѣдѣнія о характерѣ библіотеки при шко Нѣтъ также и намека о существованіи школьнаго музея, столь обл чающаго, какъ извѣстно, достиженіе задачъ воскресной школы.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи". *Н. Н. Харузина.*— „Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе". *А. В. Васильева.* — „Псковская судная грамота". Сост. *Василевъ и Кирпичниковъ.* — „Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ 1696 — 1727 годовъ".— „Исторія норманновъ въ Сициліи". *Фонъ-Шакка.*— „Западно-европейскій эпосъ и средне-вѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ". *О. Петерсонъ и Ю. Балабановой.*

Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. Н. Н. Харузина. М., 1896 г. Ц. 1 р. Книжка г. Харузина представляетъ собой отдѣльный оттискъ статей изъ *Этнографическаго Обозрѣнія* за 1896 г. (изъ XXVIII—XXX книгъ) и посвящена исторіи жилища у тѣхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей, которыя или еще продолжаютъ вести кочевой образъ жизни, или находятся въ переходѣ къ осѣдлому быту, причемъ авторъ ограничиваетъ свои описанія предѣлами русской территоріи. Книжка состоитъ изъ двухъ главъ, изъ которыхъ одна (стр. 1—53) посвящена типамъ *переносныхъ*, а другая (стр. 54—122) *постоянныхъ* жилищъ *), и носитъ описательный характеръ: на основаніи литературныхъ данныхъ авторъ предлагаетъ систематизированную группировку относящагося къ его темѣ матеріала и не отрекается вполнѣ отъ попытки формулировать эволюцію жилища у названныхъ народностей. Помимо намековъ, разсѣянныхъ на этотъ счетъ въ текстѣ, авторъ сводитъ свои общія замѣчанія въ особомъ заключеніи, состоящемъ изъ шести положеній (стр. 122—124) и представляющемъ собою непосредственный результатъ всего описанія. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что разбираемая работа г. Харузина возникла подъ сильнымъ вліяніемъ книги *Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen,* авторъ которой, Axel Heikel, хорошо извѣстенъ русскимъ читателямъ благодаря Этнографическому Отдѣлу и тому же г. Харузину: въ XXIV и XXV книгахъ *Этнографическаго Обозрѣнія* былъ напечатанъ трудъ послѣдняго, вышедшій потомъ отдѣльнымъ оттискомъ, *Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ* (М., 1895 г. Съ 6 таблицами рисунковъ). Этотъ *Очеркъ* и написанъ, главнымъ образомъ, по книгѣ Гейкеля (съ дополненіями по русскимъ источникамъ). Выступая теперь со второй работой по исторіи жилища, г. Харузинъ дѣлаетъ (стр. 2) весьма заманчивое обѣщаніе представить опытъ исторіи развитія жилища у русскихъ крестьянъ. Даже элементарная систематизація матеріала по этому вопросу можетъ представить большой интересъ, не говоря уже о попыткѣ болѣе или менѣе научнаго изложенія. Въ нашей литературѣ г. Харузинъ извѣстенъ какъ профессіональный этнографъ; какъ представитель такой вспомогательной научной дисциплины, какъ этнографія, онъ пытается установить болѣе или менѣе прочно точку зрѣнія, съ которой обсуждаетъ поставленный въ книжкѣ вопросъ. „Культурный ростъ каждаго даннаго племени выражается вовнѣ между прочимъ и въ усовершенствованіи и развитіи жилища; вслѣдствіе этого исторія развитія послѣдняго можетъ представлять интересъ для этно-

*) Во вторую главу входитъ на стр. 119 описаніе *аллачуг* адербейджанскихъ татаръ, которое слѣдовало помѣстить въ первой главѣ. Это описаніе сдѣлано авторомъ по книгѣ *Н. Ѳ. Дубровина* „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ".

графіи съ точки зрѣнія изученія культурной исторіи извѣстнаго племени. Съ другой стороны, для этнографіи, занимающейся вообще законами развитія человѣчества, поскольку это касается матеріальнаго и духовнаго быта, необходимо систематизировать имѣющійся въ ея распоряженіи матеріалъ: систематизацію матеріала удобнѣе всего дѣлать по племеннымъ группамъ, такъ какъ, изучивши законы развитія въ извѣстной сферѣ въ предѣлахъ разныхъ племенъ въ отдѣльности, легче ріентироваться въ матеріалѣ и, отыскавши сходность законовъ развитія среди ряда племенъ, восходить къ установленію болѣе общихъ законовъ"—вотъ точка зрѣнія г. Харузина, выраженная очень широко и, въ то же время, опредѣляющая пріемы задуманной имъ работы. Мы далеко не во всѣхъ подробностяхъ склонны раздѣлять утвержденія этой длинной выдержки. Не имѣя возможности остановиться на взглядахъ г. Харузина подробно, отмѣтимъ, что съ его точки зрѣнія получается тождество культурной исторіи и этнографіи; у него историкъ и этнографъ сливаются въ одно цѣлое, границы дѣятельности того и другого остаются не очерченными, спутанными,—и очень недурная работа г. Харузина еще лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что этнографія у насъ никакъ не можетъ вырваться изъ путаницы логическихъ и методологическихъ противорѣчій и что она настойчиво требуетъ болѣе научной постановки, къ чему по мѣрѣ силъ и стремится разбираемый авторъ.

Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе. А. В. Васильева. Изданіе Тургайскаго Областного Статистическаго Комитета. Оренбургъ, 1896 г. Съ приложеніемъ карты и діаграммъ. Ц. 2 руб. Книга г. Васильева заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія вообще и на далекихъ окраинахъ русской территоріи въ частности. Изданная мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, а потому нѣсколько оффиціальная и сухая по изложенію, она тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ подробностей, которыя для опытнаго читателя не нуждаются въ истолкованіяхъ и говорятъ сами за себя яснѣе самыхъ задорныхъ фразъ. Авторъ въ своей книгѣ имѣлъ въ виду разсмотрѣть вопросъ о возникновеніи и развитіи русскаго образованія среди киргизовъ Оренбургскаго края и выдѣлившихся изъ нихъ впослѣдствіи—въ 1869 г. киргизовъ Тургайской области, отличающейся, какъ извѣстно, крайне своеобразнымъ положеніемъ среди административныхъ единицъ нашего отечества: главныя административныя учрежденія этой области фактически находятся въ Оренбургѣ, отстоящемъ отъ г. Тургая приблизительно въ 700 верстахъ; тамъ они помѣщены были временно въ 1868 г. при образованіи самой области изъ восточной и средней частей упраздненной области оренбургскихъ киргизовъ, да такъ съ тѣхъ поръ и остались неперемѣщенными, входя въ сферу вѣдѣнія оренбургскаго военнаго губернатора. Предварительно разработки поставленнаго вопроса г. Васильевъ даетъ, какъ онъ выражается: „краткій обзоръ историческихъ событій со времени присоединенія киргизовъ къ Россіи". Исторію развитія русскаго образованія въ Тургайской области авторъ дѣлитъ на три періода и согласно этому дѣленію и ведетъ свое изложеніе. *Первый* періодъ (съ 1824 г. по 1868 г.) характеризуется отдѣльными, случайными поступленіями киргизскихъ дѣтей въ русскія учебныя заведенія; *второй* періодъ охватываетъ время дѣйствія „Временнаго положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тург

ской, Акмолинской и Семипалатинской" 21 октября 1868 г. и отличается болѣе или менѣе прочною выработкой системы начальнаго образованія киргизовъ Тургайской области и устройствомъ школъ внутри области, съ предоставленіемъ нѣкоторымъ изъ киргизскихъ дѣтей возможности продолжать свое образованіе въ сельско-хозяйственной школѣ, гимназіяхъ и даже въ университетахъ; наконецъ, *третій* періодъ со времени утвержденія новаго Положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, т.-е. съ 25 марта 1891 г.—наиболѣе любопытный для современнаго читателя—характеризуется принятіемъ мѣръ къ повсемѣстному въ области распространенію начальнаго образованія и первымъ опытомъ открытія въ самой области школъ такого типа, какъ городское двухклассное училище и женская прогимназія. Для наблюдателя всего цѣннѣе изучить тотъ типъ дешевой начальной русско-киргизской школы, такъ называемой *аульной*, который появился за послѣднее время въ области и составляетъ, несомнѣнно, крупнѣйшій шагъ на пути ко всеобщему обученію и полной руссификаціи жителя киргизскихъ степей. Первая *аульная школа* въ области была открыта 15 іюня 1892 г., а къ 1 января 1896 г. ихъ было въ передвиженіи уже 30. Прототипомъ передвижныхъ аульныхъ школъ послужили начальныя туземныя школы—*мектебе*, которыя, „существуя въ области издавна, успѣли, по словамъ г. Васильева, вполнѣ примѣниться къ бытовымъ условіямъ киргизовъ-кочевниковъ и, при своей скромной и незатѣйливой обстановкѣ, прекрасно достигали цѣли распространенія татарской грамотности во всѣхъ уголкахъ степи" (стр. 152). Но роль этихъ мектебе въ сущности сложнѣе: они являлись не разсадниками только татарской грамотности, а мѣстами, гдѣ молодое киргизское поколѣніе отлично напитывалось „духомъ магометанской исключительности въ ущербъ развитію между кочевниками русской гражданственности". Легко понять все значеніе передвижныхъ аульныхъ школъ, вполнѣ приспособленныхъ ко всѣмъ мѣстнымъ условіямъ, если принять во вниманіе свидѣтельство ген. Барабаша (см. на стр. 162), что киргизское населеніе отличается „замѣчательной любознательностью и вообще любовью къ просвѣщенію", что оно къ тому же „весьма цѣнитъ и русское образованіе, охотно отдавая въ русскія школы своихъ дѣтей и даже дочерей". Итакъ, на ряду съ передвижной библіотекой у насъ дѣйствуетъ передвижная школа. Правда, эта передвижная школа—пока начальная и дѣйствуетъ пока не слишкомъ широко, но едва ли ей не предстоитъ блестящая будущность и развитіе не въ ширину только, но и въ глубину. Намъ придется создать типъ передвижной высшей школы, университетской, и не на далекой окраинѣ, а по всей Россіи. Микроскопическое начало этому дѣлу уже положено: общество уже слышитъ о предложеніяхъ отдѣльныхъ профессоровъ читать въ провинціи небольшіе курсы лѣтомъ или на рождественскихъ и пасхальныхъ вакаціяхъ; въ свою очередь отъ различныхъ провинціальныхъ общественныхъ благотворительныхъ организацій раздаются приглашенія придти въ этомъ отношеніи на помощь. Въ киргизскихъ степяхъ устроились начальныя передвижныя школы, въ Европейской Россіи могутъ функціонировать передвижныя высшія школы. Мы не будемъ болѣе останавливаться на подробностяхъ любопытной книги г. Васильева, отсылая къ ней читателей, а подчеркнемъ въ заключеніе высокій интересъ послѣдней главы разбираемаго труда, озаглавленной *Настоящее положеніе инспекціи школъ Тургайской области*: она даетъ матеріалъ для сужденія о томъ, какъ мѣстная адми-

нистрація относится къ образовательнымъ нуждамъ края и какъ къ нимъ же относится администрація центральная—министерство народнаго просвѣщенія, какая изъ этихъ двухъ администрацій смотритъ серьезнѣе на задачи руссификаціи въ киргизскихъ степяхъ. Факты, приводимые г. Васильевымъ въ своей книгѣ, столь рѣзки и поучительны, что у читателя не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ содержаніи отвѣтовъ на вопросы, заданные г. Васильевымъ. Намъ думается, что книга г. Васильева должна обратить на себя вниманіе, и было бы очень жаль, еслибъ отдаленность изданія отъ центровъ затормазила извѣстность о ней.

Псковская судная грамота (1397—1467 г.). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчаніями по установленію переводнаго текста. Составили И. И. Василевъ и Н. В. Кирпичниковъ. Изданіе Псковскаго археологическаго Общества. Псковъ, 1896 г. Въ Псковѣ нѣтъ губернской ученой архивной коммиссіи; тамъ дѣйствуетъ археологическое общество, которое всецѣло можетъ взять на себя функціи послѣдней и оказать большія услуги русской исторической наукѣ сохраненіемъ и описаніемъ мѣстныхъ архивныхъ документовъ. Общество, повидимому, смутно чувствуетъ эту лежащую на немъ волею судебъ обязанность, ибо приступаетъ къ изданію текстовъ памятниковъ. Предъ нами—опытъ изданія, перевода и комментарія цѣннѣйшаго и труднѣйшаго памятника нашего прошлаго—*Псковской* судной грамоты. Мысль безусловно дѣльная: въ такомъ изданіи есть несомнѣнная потребность и, конечно, пріятно отмѣтить, что за осуществленіе этой мысли взялось *Псковское* археологическое общество. Но одно дѣло—хорошая мысль и совсѣмъ другое—ея выполненіе. Можно было бы сдѣлать не мало существенныхъ замѣчаній относительно перевода и комментарія, указать на недопустимыя въ такомъ изданіи опечатки и посѣтовать на гг. Василева и Кирпичникова за смѣлость взяться за такое трудное и отвѣтственное дѣло съ очень легкимъ багажомъ не только филологическимъ, но и юридическимъ. Псковская правда, прежде всего—памятникъ древнѣйшаго права, для изученія котораго нужно владѣть и юридическою конструкціей, и способностью сравнительнаго анализа: ни того, ни другого нѣтъ въ разбираемомъ изданіи; оба эти требованія остались совершенно чуждыми издателямъ, и вообще научная обстановка изданія оставляетъ желать болѣе, чѣмъ многаго. Но за этотъ основной и существенный недостатокъ изданія, который дѣлаетъ послѣднее непригоднымъ ни для ученаго употребленія, ни для школьнаго, мы нападать не станемъ. Издатели, добросовѣстно продѣлавшіе кропотливую и тяжелую работу, сами сознаютъ свою безпомощность. Мы читаемъ въ предисловіи такія любопытныя строки: „Издатели считаютъ необходимымъ предупредить, что они при изданіи настоящаго труда если и не такъ далеки отъ преслѣдованія ученыхъ цѣлей, однако это не могло быть главною цѣлью. Подобныя научныя занятія не могутъ быть удѣломъ лицъ, живущихъ въ провинціи, которыя, какъ Псковъ, лишены ученыхъ пособій, гдѣ нѣтъ библіотекъ, ни ученыхъ кабинетовъ, музеевъ и пр., что такъ необходимо при какихъ-либо ученыхъ занятіяхъ. Издатели, конечно, не могли и думать объ изданіи труда, который составилъ бы хотя (sic) ничтожную ступень въ дальнѣйшемъ развитіи не только общей, а и мѣстной исторической науки. Цѣль нашего труда иная,—не болѣе, какъ сдѣлать доступнымъ къ пониманію современниковъ драгоцѣнный *родной намъ* памятникъ правды древняго псковича“. Остановимся здѣсь

и спросимъ издателей, какимъ образомъ они думаютъ „сдѣлать доступнымъ къ пониманію современниковъ“ памятникъ, который имъ самимъ доступенъ, если позволительно такъ утверждать, очень мало?

Разбираемое изданіе обращаетъ на себя большое вниманіе лишь какъ показатель того, какими интересами начинаетъ жить наша провинція и какъ сильно она нуждается въ образовательныхъ средствахъ всякаго рода и въ компетентномъ ученомъ руководствѣ. Разъ нѣтъ данныхъ для чисто-ученой работы, то нельзя не посовѣтовать провинціальнымъ работникамъ, интересующимся ученою работой, браться прежде всего за то, что имъ вполнѣ доступно и чѣмъ они могутъ оказать громадныя услуги русской исторической наукѣ, а именно: собирать, тщательно хранить и подробно описывать мѣстный *архивный* матеріалъ, а самыя описи немедленно издавать. Это будетъ и громадная, и чисто-ученая заслуга.

Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 руб. 50 коп. Подъ выписаннымъ сейчасъ неуклюжимъ и не совсѣмъ точнымъ заголовкомъ г. Шидловскій издалъ сборникъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ морского министерства и департамента герольдіи правительствующаго сената и касающихся дѣятельности Θед. Влад. Шилова (Шидловскаго) и двухъ его племянниковъ, Лавр. и Григ. Иван. Шидловскихъ. Документы изданы безъ всякой обработки и снабжены лишь указателями личныхъ и географическихъ именъ; подборъ ихъ для печати совершенно случаенъ, и они остались не пополненными документами семейнаго архива Шидловскихъ; издатель не навелъ должныхъ справокъ и въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ непремѣнно нашлись бы акты, связанные съ именемъ Θ. В. Шилова. Почему г. Шидловскій издалъ какую-то „часть“ списанныхъ имъ въ архивахъ документовъ, чѣмъ руководился при своемъ выборѣ — ничего неизвѣстно читателю, для котораго разбираемый сборникъ представляетъ несомнѣнный интересъ. Смущаетъ читателя и рѣшительное заявленіе г. Шидловскаго, что при изданіи онъ „счелъ необходимымъ ихъ *отредактировать*“: касалось ли это „отредактированіе“ только внѣшней стороны документовъ, или же издатель допускалъ какія-либо сокращенія и пропуски,— мы не знаемъ. Изданіе г. Шидловскаго страдаетъ, такимъ образомъ, недостатками, свойственными большинству нашихъ археографическихъ работъ: случайность въ подборѣ матеріала, неопредѣленность техническихъ пріемовъ изданія, отсутствіе элементарной обработки издаваемыхъ документовъ и приведенія ихъ въ связь съ имѣющимися уже въ печати. Если съ научно-технической стороны сборникъ г. Шидловскаго оставляетъ желать очень многаго, то по содержанію многихъ документовъ онъ представляетъ значеніе для спеціалиста по русской исторіи. Θ. В. Шиловъ принималъ участіе въ войнѣ со шведами и въ усмиреніи булавинскаго бунта, былъ лично извѣстенъ Петру I, который 9 іюня 1709 г. произвелъ его въ генералъ-майоры и назначилъ командиромъ всѣхъ слободскихъ полковъ, а 23 апрѣля 1711 г. указомъ на имя Θ. М. Апраксина приказалъ самого Шидловскаго (какъ онъ сталъ писаться приблизительно съ 1705 г.) арестовать и прислать ко двору за крѣпкимъ карауломъ, движимое же и недвижимое описавъ, конфисковать, „понеже,— какъ выражается указъ,— сей плутъ Шидловскій зѣло богатъ“. Это распоряженіе Петра подало поводъ къ составленію цѣлаго ряда документовъ—описей имущества и имѣній Шидловскаго,

которыя и напечатаны въ сборникѣ С. И. Шидловскаго. Арестъ Шидловскаго связанъ довольно тѣсно съ продѣлками А. Д. Меншикова, и весь вопросъ въ томъ, было ли темное дѣло, въ которое впутался Ѳ. Шидловскій, его личной операціей или по приказанію и въ угоду Меншикову (захватъ земель). Обстановка почепскаго дѣла и ея результаты—вотъ прекрасный матеріалъ для исторіи быта начала XVIII столѣтія, иллюстрируемаго реальными подробностями въ описяхъ, очень подробныхъ, секвестрованныхъ имѣній Шидловскаго; если только г. Шидловскій издалъ эти описи въ полномъ составѣ и безъ всякихъ перемѣнъ, то за это спеціалисты не могутъ не быть ему благодарны. Среди этихъ описей особенно любопытны посвященныя „экономіямъ“ Шидловскаго, перечисленіямъ его вотчинъ, зерна молоченаго и немолоченаго, скота и т. д. Такихъ экономическихъ описей у насъ издано вообще такъ мало, что каждая новая, какъ бы она ни была незначительна, составляетъ замѣтное нѣчто. Экономическая исторія Россіи почти совсѣмъ не разрабатывается, каждая кроха, появившаяся для нея въ печати, поневолѣ замѣчается,—и мы должны закончить пожеланіемъ, чтобы г. Шидловскій поспѣшилъ съ изданіемъ такого рода документовъ, которыхъ, навѣрное, не мало въ семейномъ архивѣ Шидловскихъ.

Исторія норманновъ въ Сициліи. Фонъ-Шаккъ. Перев. съ нѣм. Соколова. Изд. Пантелѣева. Спб., 1896 г. Какъ это ни странно сказать, лучшую часть книги составляетъ, на нашъ взглядъ, ея предисловіе, гдѣ авторъ съ большимъ одушевленіемъ даетъ общую характеристику исторіи королевства норманновъ въ Сициліи, останавливаясь главнымъ образомъ на вліяніи смѣшенія расъ и культуръ. Сама книга не оправдываетъ ожиданій, возбуждаемыхъ предисловіемъ. Для выполненія намѣченной задачи оказалось недостаточно одного интереса къ предмету, близкаго знакомства съ театромъ событій и памятниками страны, наконецъ, знанія языка главныхъ источниковъ (арабскаго). Авторъ сильно поплатился за то, что, по собственному его признанію, до приступа къ данной работѣ, „стоялъ далеко отъ исторіографіи въ собственномъ смыслѣ слова“ и особенно интересовался „искусствомъ историческаго изображенія“. Отъ этого онъ слишкомъ подчинился своему матеріалу, который главнымъ образомъ останавливается на „безпрерывныхъ и утомительныхъ по своему однообразію войнахъ норманнскихъ властителей съ мятежными баронами Апуліи“; „отъ этого онъ считалъ своею обязанностью представить непремѣнно эти войны, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ очертаніяхъ. Гораздо лучше, конечно, было бы, еслибы вмѣсто сокращеннаго описанія, при которомъ исчезаютъ характерныя частности, авторъ ограничился общей характеристикой. Слишкомъ много мѣста отвелъ онъ также, на нашъ взглядъ, и пересказу столкновеній норманновъ съ папами, императорами и Византіей. Едва ли, напримѣръ, изложенныя на стр. 295—300 приключенія извѣстнаго Андроника, притомъ же изложенныя далеко не въ общихъ чертахъ, имѣли, какъ въ томъ увѣряетъ насъ авторъ, близкое отношеніе къ исторіи Сициліи. Такъ же бѣгло, какъ эти внѣшнія событія, описываетъ авторъ внутренній строй и культуру, т.-е. тѣ именно сферы, къ которымъ, судя по предисловію, можно было бы ожидать съ его стороны большаго вниманія. Иногда эти культурные эпизоды вводятся въ разсказъ о внѣшнихъ событіяхъ довольно наивнымъ образомъ; такъ „поводомъ къ небольшому отступленію объ архитектурѣ въ норманнской Сициліи“ служитъ случайное упоминаніе о такъ-называемой капеллѣ Рожера (стр. 278).

Въ заключеніи отмѣтимъ нѣсколько частныхъ промаховъ автора и переводчика. Первому мы поставимъ въ счетъ крупный анахронизмъ: приписываніе Карлу Великому борьбы съ норманнами (стр. 15); норманны же оказываются побѣдителями франковъ при Фактенэ (ib.); византійцы, а не арабы, какъ говорятъ обыкновенно, разбили Оттона II въ южн. Италіи (47). Не совсѣмъ ясно, авторъ или переводчикъ сдѣлалъ Генриха Мореплавателя предшественникомъ Рожера II (стр. 124). Переводчику несомнѣнно мы обязаны сохраненіемъ безъ всякихъ поясненій неудобопонятныхъ для читателя терминовъ—одеи, пестумъ (? 45), гамагіумъ, гроссграфъ, миссалы, стратигаты (? 138), шифаты? (157). Но въ общемъ, несмотря на частные промахи, переводъ представляется удовлетворительнѣе другихъ теперешнихъ. Наконецъ, вопросъ, стоило ли переводить приложенія, правда, небольшія, гдѣ авторъ даетъ извлеченія изъ арабскихъ источниковъ, интересныя только для спеціалиста, который, конечно, минуя переводъ, обратится къ оригиналу.

Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводовъ съ подлинныхъ текстовъ. О. Петерсонъ и Ю. Балабановой. Т. I. Романскіе народы. Спб., 1896 г. Всю средневѣковую литературу, какъ извѣстно, пріурочиваютъ къ тремъ главнымъ культурнымъ моментамъ въ развитіи средневѣковой жизни. Этими моментами являются христіанство, феодализмъ съ его идеализаціей въ рыцарствѣ и возвышеніе буржуазіи, съ которымъ связано развитіе городской жизни. Кромѣ того, связь съ античнымъ міромъ никогда въ сущности не прерывалась на всемъ протяженіи средневѣковой исторіи. Г-жи Балабанова и Петерсонъ поставили себѣ цѣлью доставить публикѣ возможность хотя бы нѣкотораго знакомства съ средневѣковою литературой, — знакомства съ ея сюжетами, манерой, стилемъ, развитіемъ интриги и характеровъ, — знакомства съ ея духомъ, отразившемся въ ней идеалами и вообще всѣмъ міросозерцаніемъ средневѣковаго общества. Содержаніе средневѣковаго эпоса касается главнымъ образомъ двухъ изъ означенныхъ выше моментовъ, именно рыцарства, развитія городской жизни, а также античнаго вліянія. Подборъ, сдѣланный г-жами Балабановой и Петерсонъ, въ общемъ слѣдуетъ признать удачнымъ. Романъ объ Александрѣ Македонскомъ отлично показываетъ, въ какую сторону направились представленія средневѣковаго общества объ античномъ мірѣ. Рыцарство и посвященная ему поэзія представлены не такъ хорошо благодаря тому, что одна сторона ея, именно любовныя приключенія, освѣщена слабо: переводчицы не помѣстили ни одного романа этой группы. Нельзя назвать удачнымъ и полнымъ подборъ произведеній, возникшихъ на почвѣ буржуазіи. Отношеніе послѣдней къ рыцарству, отразившееся въ пародіяхъ на *Chansons des Gestes*, все разнообразіе типовъ, выводимыхъ во французскихъ fabliaux, наконецъ, средневѣковая женщина, для характеристики которой эти фабльо даютъ обильный матеріалъ,—все это почти исчезаетъ въ тѣхъ двухъ фабльо (*Англійскій король и жонглеръ изъ Эли*, *Крестьянинъ-лѣкарь*), которыя являются въ сборникѣ единственными представителями этой отрасли литературы. Желательно, чтобы въ III томѣ, который будетъ посвященъ Германіи, болѣе тщательнымъ и полнымъ подборомъ нѣмецкихъ Schwänke переводчицы пополнили этотъ, почти единственный существенный пробѣлъ въ своемъ трудѣ. Это тѣмъ болѣе желательно, что *Пѣснь о Роландѣ* и нѣкоторые средневѣковые романы до извѣстной степени знакомы все-таки русской публики, между тѣмъ какъ знакомство ея съ средневѣковою сатирическою литера-

турой, благодаря почти совершенному отсутствію переводовъ, крайне скудно.

Несмотря на указанные выше пробѣлы, трудъ г-жъ Балабановой и Петерсонъ въ высшей степени полезенъ, такъ какъ даетъ возможность широкому кругу читателей познакомиться съ средневѣковымъ эпосомъ и романомъ. Пересказы сдѣланы прекрасно, переводы сокращены очень умѣло, съ знаніемъ дѣла, а легкая, мѣстами картинная форма изложенія облегчаетъ чтеніе. Авторы не имѣли въ виду серьезной научной цѣли; ихъ книга предназначена для всѣхъ, интересующихся средневѣковою литературой, но не имѣющихъ возможности посвятить себя спеціально изученію ея. Такимъ читателямъ, особенно учителямъ исторіи и литературы, а также воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній, эта книга несомнѣнно окажетъ огромную услугу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Отчетъ по сберегательнымъ кассамъ государственнаго банка“.—„Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ и дѣятельности кустарно-промышленнаго банка пермскаго губ. земства за 1896 г.“.— „Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1895 г.“.—„Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи“.

Отчетъ по сберегательнымъ кассамъ государственнаго банка. Спб., 1896 г. Подробно составленный отчетъ даетъ возможность выяснить, какое значеніе получили дѣйствующія у насъ сберегательныя кассы, для какихъ классовъ населенія онѣ служатъ, какое назначеніе получаютъ стекающіеся въ кассы капиталы. Что касается послѣдняго вопроса, то законъ совершенно точно опредѣляетъ назначеніе, которое должны получать вклады. Они поступаютъ въ распоряженіе государственнаго банка и употребляются на покупку государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ процентныхъ бумагъ,—другими словами, служатъ для поддержанія государственнаго кредита. Въ этомъ отношеніи организація нашихъ кассъ рѣзко отличается отъ организаціи сберегательныхъ кассъ въ Германіи, Австріи, Италіи и большинствѣ западно-европейскихъ странъ; наши кассы приближаются по способу помѣщенія капиталовъ вкладчиковъ къ французскимъ кассамъ, гдѣ сбереженія поступаютъ почти исключительно на покупку государственной ренты. Изъ отчета видно, что къ 1 января 1895 г. сумма вкладовъ составляла 347,2 мил. р.; изъ нихъ около 300 мил. р. помѣщено въ государственныхъ бумагахъ. Получая въ свое распоряженіе вклады сберегательныхъ кассъ, министерство финансовъ легко можетъ размѣщать новые государственные займы, почти не прибѣгая къ посредничеству банковъ и биржи. Такъ, при выпускѣ нѣкоторыхъ государственныхъ и желѣзнодорожныхъ займовъ значительная часть облигацій прямо передавалась въ кассы и совершенно не поступала въ продажу. Такая поддержка ведетъ къ упроченію государственнаго кредита. Отчетъ вполнѣ убѣждаетъ въ этомъ, такъ какъ изъ движенія суммъ обнаруживается, какіе обороты съ государственными займами производятся безъ посторонняго содѣйствія. Въ статистическомъ обзорѣ дѣятельности кассъ помѣщены интересныя свѣдѣнія о ростѣ кассъ, о распредѣленіи вкладовъ по районамъ, о числѣ сберегательныхъ книжекъ, о суммѣ вкладовъ по разрядамъ, о распредѣленіи вкладчиковъ по роду занятій и проч. Признавая быстрый ростъ кассъ за послѣднія 15 лѣтъ, составители отчета, на основаніи сгруппиро-

ванныхъ въ отчетѣ статистическихъ данныхъ, приходятъ къ заключенію, что на 1,000 жителей у насъ имѣется въ Европейской Россіи только 16 книжекъ, на каждаго жителя приходится въ среднемъ только 2 р. 97 к. вклада. Предъ нашими сберегательными учрежденіями,— по мнѣнію составителей отчета,—лежитъ еще обширное поле для дѣятельности, такъ какъ имъ не удалось пока обнять наиболѣе мелкія сбереженія и распространить свои услуги на чисто-рабочее бѣднѣйшее населеніе. Кліентами кассы являются пока преимущественно лица, уже обладающія нѣкоторыми достатками, причемъ многіе пользуются ими не какъ пріемниками для достаточнаго накопленія мелкихъ сбереженій на черный день или впредь до пріисканія имъ какого-либо производительнаго помѣщенія, а скорѣе какъ кредитными учрежденіями, въ которыхъ они держатъ, не безъ дохода, временно остающіяся у нихъ отъ оборота деньги. Въ этомъ убѣждаетъ и тотъ поразительный на первый взглядъ фактъ, что голодные 1891 и 1892 годы отмѣчены наиболѣе крупнымъ возрастаніемъ вкладовъ. Въ усиленномъ приращеніи вкладовъ непосредственно пострадавшія отъ неурожая губерніи участвовали почти въ одинаковой степени съ губерніями благополучными, а въ общей массѣ вкладчиковъ земледѣльцы не отстали отъ другихъ категорій и профессій. Отсутствіе отлива сбереженій изъ кассъ въ такое время, когда множество людей затрачивали всѣ свои наличныя средства для продовольствія, объясняется составителями отчета тѣмъ, что эта пострадавшая часть населенія не имѣла въ кассахъ сколько-нибудь ощутительныхъ, накопленныхъ въ болѣе благопріятные годы, сбереженій.

Итакъ, отчетъ устанавливаетъ фактъ, что наши кассы не служатъ для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, что ими пользуются болѣе зажиточные классы, что на крупные вклады падаютъ весьма значительныя суммы. Съ другой стороны, изъ отчета видно, что кассы при современной организаціи выполняютъ одну только роль, а именно—служатъ для упроченія государственнаго кредита, такъ какъ стекающіеся въ кассы капиталы, увеличивающіеся въ годъ приблизительно на 50 мил. р., теряютъ всякое значеніе для торговли и промышленности страны, а поступаютъ исключительно на покупку государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ займовъ. Благодаря цѣлой сѣти кассъ, увеличивающейся съ каждымъ годомъ, государственный банкъ стягиваетъ къ себѣ всѣ свободные капиталы провинціи, проникаетъ въ деревню, собираетъ сбереженія въ таможняхъ, на фабрикахъ, пользуется услугами почтово-телеграфныхъ учрежденій, — и всѣ эти суммы употребляетъ исключительно на нужды государственнаго кредита. Составители отчета полагаютъ, что главнѣйшая цѣль въ политикѣ сберегательныхъ кассъ должна заключаться въ томъ, чтобы распространить дѣйствія кассъ по возможности вглубь; операція у насъ началась сверху, дѣло пріученія къ сбереженіямъ посредствомъ привлеченія сбереженій въ правительственныя или общественныя кассы—у насъ дѣло новое. Вотъ этотъ выводъ и представляется весьма сомнительнымъ. Если привлеченіе вкладовъ и можетъ быть признано желательнымъ, если распространеніе сберегательныхъ кассъ на бѣднѣйшіе слои населенія можетъ быть признано цѣлью, къ которой должно стремиться, то этимъ едва ли ограничивается задача кассъ. Вопросъ о болѣе производительномъ помѣщеніи капиталовъ, стекающихся въ кассы, заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ вопросъ объ абсолютномъ увеличеніи суммы вкладовъ. Сравненіе нашихъ кассъ хотя бы съ германскими, гдѣ ка-

питалы сберегательныхъ кассъ получаютъ самое разнородное помѣщеніе и служатъ для развитія ипотечнаго и сельскаго кредита, для покупки не только государственныхъ, но и провинціальныхъ, городскихъ и общественныхъ займовъ, а также для поддержанія общественныхъ и частныхъ предпріятій, гдѣ существованіе кассъ тѣсно связано съ мѣстною промышленностью и торговлею и часть является базисомъ для развитія мелкаго кредита, народныхъ банковъ, ссудныхъ кассъ и товариществъ, показываетъ, что покупка государственныхъ бумагъ, являющаяся единственною операціей нашихъ сберегательныхъ кассъ, едва ли можетъ быть признана наиболѣе цѣлесообразнымъ и производительнымъ, съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, способомъ употребленія народныхъ сбереженій. Уставъ сберегательныхъ кассъ 1895 г. въ этомъ отношеніи внесъ мало измѣненій, такъ какъ поддержаніе государственнаго кредита и въ новомъ уставѣ поставлено на первый планъ.

Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ и дѣятельности кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1895 г. Пермь, 1896 г. Интересующіеся дѣятельностью этого полезнаго учрежденія найдутъ въ обстоятельномъ отчетѣ за второй операціонный годъ обстоятельныя свѣдѣнія какъ относительно имущественнаго положенія кустарей, такъ и относительно того направленія въ дѣятельности банка, котораго придерживаются его руководители. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на тщательно разработанномъ цифровомъ матеріалѣ, касающемся операцій банка; укажемъ только, что банкъ выдалъ уже къ началу прошлаго года 134,339 р. и что почти вся эта сумма поступила въ распоряженіе бѣднѣйшей части кустарнаго населенія. Судя по отчету, банкъ отдаетъ предпочтеніе кустарямъ, работающимъ безъ наемнаго персонала, часто даже безъ учениковъ; средняя сумма ссуды настолько невелика, что доступна самымъ бѣднымъ кустарямъ, а бѣдность не служитъ для банка поводомъ для отказа въ кредитѣ, если не сопровождается нравственными недостатками просителя. Тѣмъ не менѣе, по заявленію составителей отчета, платежи по ссудамъ поступаютъ въ банкъ исправно. Успѣшной дѣятельности банка содѣйствуютъ мѣстные агенты, большею частью народные учителя, близко стоящіе къ кустарямъ. Съ этой стороны кустарный банкъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ ему удалось привлечь къ дѣлу народнаго кредита мѣстную интеллигенцію, безъ чего банку при его центральной организаціи нельзя было бы развить такъ скоро своихъ операцій. На основаніи свѣдѣній объ имущественномъ положеніи воспользовавшихся кредитомъ банка кустарей составители отчета констатируютъ фактъ, что „не только предпріятія съ капиталистическою организаціей, но даже приближающіяся къ нимъ по своей организаціи крупныя кустарныя можно считать совершенно исключенными изъ ссудныхъ операцій банка“.

Въ отчетѣ приведены весьма интересныя свѣдѣнія объ артеляхъ и товариществахъ кустарей, организованныхъ при содѣйствіи банка, а также о содѣйствіи, которое банкъ оказываетъ складамъ кустарныхъ издѣлій, организованнымъ уѣздными земствами. Если дѣятельность банка находитъ поддержку среди интеллигенціи, то, съ другой стороны, сельскія власти, въ угоду кулакамъ и скупщикамъ, тормозятъ развитіе банка и стараются дискредитировать его въ глазахъ сельскаго населенія. Слабую поддержку встрѣтилъ банкъ и со стороны пермскаго отдѣленія государственнаго банка, несмотря на то, что по новому уставу государственный банкъ задался между прочимъ и задачею про-

вести дешевый кредитъ въ „мельчайшіе каналы народной жизни". Для характеристики принятаго кустарнымъ банкомъ направленія дѣятельности достаточно привести нѣкоторыя выписки изъ отчета. „Благодаря кредиту банка,—читаемъ мы въ отчетѣ,—кустарныя предпріятія сдѣлались гораздо прибыльнѣе, такъ какъ не отягчаются чрезмѣрно обременительными процентами, достигавшими ранѣе 60, 80 и даже 100 и болѣе %% годовыхъ, и что предпріятія эти стали гораздо устойчивѣе, такъ какъ, опираясь на кредитъ банка, они гораздо менѣе зависимы отъ скупщиковъ кустарныхъ издѣлій и отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ на тѣ издѣлія. Къ тому же дешевый кредитъ банка заставляетъ мѣстныхъ міроѣдовъ значительно понижать проценты на свои капиталы, отдаваемые въ ростъ сельской бѣднотѣ, почему кустарный банкъ является, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ районахъ, регуляторомъ доходности этихъ капиталовъ и оказываетъ не только прямое, но и косвенное полезное для мелкой промышленности вліяніе. Способствуя увеличенію матеріальнаго благосостоянія массы мелкихъ кустарей, возникновенію новыхъ кустарныхъ предпріятій и группировкѣ экономически слабыхъ элементовъ въ артели, банкъ содѣйствуетъ болѣе правильному и болѣе справедливому распредѣленію тѣхъ выгодъ, которыя доставляетъ и можетъ доставить кустарничество". Какъ формулируютъ дѣятели банка основные принципы, на которыхъ построена организація банка, они заключаются „во внѣшнемъ воздѣйствіи на отношенія труда къ капиталу въ области кустарной промышленности и въ поддержаніи экономически слабыхъ, но дѣятельныхъ трудовыхъ элементовъ извѣстныхъ группъ сельскаго населенія".

Вполнѣ сочувствуя такому направленію дѣятельности банка, мы все же считали бы преждевременнымъ считать уже въ настоящее время банкъ учрежденіемъ окрѣпшимъ и достаточно устойчивымъ для болѣе широкаго и притомъ самостоятельнаго развитія своихъ кредитныхъ операцій. Для такого сложнаго дѣла, какъ насажденіе дешеваго организованнаго кредита среди кустарей, два года слишкомъ короткій срокъ для того, чтобы дѣлать выводы и обобщенія, къ которымъ дѣятели банка питаютъ большое пристрастіе. Можно во всякомъ случаѣ сказать, что успѣхъ кустарнаго банка не пройдетъ безслѣдно и окажетъ вліяніе на развитіе такихъ же общеполезныхъ учрежденій въ другихъ мѣстностяхъ.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1895 г. Выпускъ III. Долги по долгосрочнымъ займамъ въ государственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ къ 1895 г. Издано комитетомъ съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита подъ редакціей А. К. Голубева. Спб., 1896 г. Кто желаетъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ нашего землевладѣнія и оріентироваться въ тѣхъ разнообразныхъ причинахъ, которыя привели къ сельско-хозяйственному кризису, такъ тяжело отражающемуся на частномъ землевладѣніи, тому необходимо прежде всего обратить вниманіе на задолженность землевладѣнія. Низкія цѣны на сельско-хозяйственныя произведенія безспорно оказываютъ на частно-владѣльческое хозяйство сильное вліяніе и значительно сокращаютъ доходность хозяйствъ, но для правильнаго сужденія о переживаемомъ теперь кризисѣ нельзя игнорировать и того факта, что со времени освобожденія крестьянъ ипотечные долги возросли въ неслыханныхъ размѣрахъ, несмотря на то, что помѣщики получили отъ выкупной операціи огромныя суммы, значительно превышающія долги старымъ казеннымъ кредитнымъ уста-

новленіямъ. Изданный подъ редакціею г. Голубева комитетомъ съѣздовъ сборникъ какъ нельзя лучше знакомитъ съ данными, характеризующими движеніе задолженности нашего землевладѣнія. Прежде всего мы находимъ въ сборникѣ сводъ долговъ по губерніямъ и уѣздамъ. Свѣдѣнія о долгахъ по отдѣльнымъ банкамъ распредѣлены по районамъ; для каждой губерніи и каждаго уѣзда показаны общее количество земли, количество земли въ частной личной собственности, число заложенныхъ имѣній, количество земли, принятой въ залогъ каждымъ банкомъ по каждому уѣзду, оцѣнка ея, сумма выданныхъ ссудъ и остатокъ долга къ началу 1895 года, процентное отношеніе заложенной къ общему количеству частно-владѣльческой земли, наконецъ, среднія подесятинныя оцѣнки и ссуды по каждому банку въ каждомъ уѣздѣ и въ цѣлой губерніи. Изъ сводки поуѣздныхъ данныхъ видно, что въ 628 уѣздахъ, расположенныхъ въ 66 губерніяхъ, при общемъ количествѣ земли въ 362.320,138 дес. и частно-владѣльческой въ 116.317,643 дес. въ залогѣ въ различныхъ банкахъ состоитъ уже 113,480 имѣній площадью въ 48.438,383 д., что составляетъ 42% всего частновладѣнія. Обремененная долгами земля оцѣнена въ 2.402.065,629 руб.; сумма долговъ достигаетъ къ 1895 году 1.236.620,825 р., что на десятину составляетъ въ среднемъ 27 р. 44 к. долгу при оцѣнкѣ въ 49 р. 59 к. Далѣе, въ сборникѣ тѣ же данныя сгруппированы по губерніямъ и по отдѣльнымъ банкамъ. Этотъ сводъ даетъ возможность опредѣлить значеніе каждаго вида банковъ и каждаго банка въ отдѣльности въ системѣ ипотечнаго кредита. Данныя о числѣ заложенныхъ имѣній, количествѣ земли въ нихъ, оцѣнкѣ, суммѣ выданныхъ ссудъ и также подесятинныя оцѣнки и ссуды по каждому банку облегчаютъ оцѣнку дѣятельности какъ акціонерныхъ, такъ и дворянскаго и другихъ дѣйствующихъ у насъ земельныхъ банковъ. Прекрасною иллюстраціей быстраго роста нашей задолженности служитъ таблица, въ которой приведены долги бывшимъ кредитнымъ установленіямъ къ 1859 году. Изъ этой таблицы видно, что въ 55 губерніяхъ при общемъ числѣ крѣпостныхъ по IX ревизіи въ 10.844,902 души въ заложенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ числилось 7.107,184 души или 65%, а сумма долговъ къ 1859 г. составляла 425½ милл. рубл. Чрезъ 36 лѣтъ, къ 1895 г., въ тѣхъ же 55 губерніяхъ при общемъ количествѣ частно-владѣльческой земли около 100 милл. дес. заложено было свыше 39 милл. дес. или 39%, а сумма долговъ составляла 1.049.997,297 руб., т.-е. за 36 лѣтъ сумма долговъ увеличилась на 624.524,236 р. Въ дѣйствительности, однако, долги возросли въ гораздо большей пропорціи, потому что помѣщики получили отъ выкупной операціи сверхъ суммы, съ избыткомъ покрывшей долги бывшимъ казеннымъ кредитнымъ установленіемъ, еще не одну сотню милліоновъ. Такимъ образомъ въ теченіе сравнительно короткаго періода на землю легло новое бремя свыше милліарда рублей, за который землевладѣльцамъ приходится ежегодно нести платежи отъ 60 до 70 милл. руб. Не лишены также интереса таблицы, въ которыхъ приведены данныя о задолженности отдѣльныхъ губерній въ процентномъ отношеніи заложенной земли къ общему количеству частновладѣльческой и о суммѣ ссуды на десятину по губерніямъ. Изъ таблицъ этихъ видно, что въ восьми губерніяхъ на десятину заложенной земли падаетъ въ среднемъ долгъ отъ 50 до 70 р., въ 6 губерніяхъ отъ 40 до 50 р., въ 14 губерніяхъ отъ 30 до 40 р., въ 12 губерніяхъ отъ 20 до 30 руб., въ 19 губерніяхъ отъ 10 до 20 р. и въ 6 губерніяхъ менѣе 10 р. долга

на десятину. Что касается количества заложенной земли въ процентномъ отношеніи новой площади, находящейся въ частномъ владѣніи, то въ 3 губерніяхъ заложено свыше 70% частновладѣльческой земли, въ 19 губерніяхъ отъ 50 до 70%, въ 11 губерніяхъ отъ 40 до 50%, въ 13 губерніяхъ отъ 30 до 40%, въ 8 губерніяхъ отъ 20 до 30%, въ 7 губерніяхъ отъ 10 до 20%, и въ 5 губерніяхъ заложено менѣе 10% всей частновладѣльческой земли. Тѣ же свѣдѣнія расположены въ особой таблицѣ по 572 уѣздамъ. Въ сборникѣ имѣются также свѣдѣнія о задолженности городской недвижимости по губерніямъ и городамъ. Въ 287 городахъ Европейской Россіи имѣется 4),303 дома, заложенныхъ въ банкахъ и кредитныхъ обществахъ въ 603.700,028 р.; изъ нихъ на Имперію падаетъ 502,6 милл., на Прибалтійскія губерніи 26,8 милл., на Царство Польское 52 милл. и на Кавказъ съ Закавказьемъ 22,1 милл. Остается еще указать, что въ сборникѣ приведенъ обзоръ, въ которомъ сдѣлана сводка на основаніи помѣщенныхъ въ сборникѣ таблицъ. Изъ краткаго перечня содержанія сборника видно, что интересующіеся вопросами землевладѣнія найдутъ въ немъ богатый матеріалъ, пріобрѣтающій тѣмъ болѣе важное значеніе, что съ теченіемъ времени задолженность принимаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры и долги ложатся тяжелымъ бременемъ на нашемъ частномъ землевладѣніи.

Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Изданіе комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго поземельнаго кредита. Спб., 1896 г. Комитетъ съѣздовъ приступилъ къ изданію книгъ и брошюръ, касающихся поземельнаго кредита въ иностранныхъ государствахъ, и послѣдовательно публикуетъ каждый разъ свѣдѣнія организаціи учрежденій долгосрочнаго кредита въ странахъ, представляющихъ для насъ наибольшій интересъ. Какъ извѣстно, комитетъ съѣздовъ, организованный на средства акціонерныхъ земельныхъ банковъ, поставилъ себѣ болѣе широкія задачи, чѣмъ это предполагалось, такъ какъ помимо вопросовъ, имѣющихъ практическое, непосредственное значеніе для нашихъ земельныхъ банковъ, онъ занялся разработкою статистики задолженности, имѣющей, конечно, гораздо болѣе научное, чѣмъ практическое значеніе. Если изданіе устава съ разъясненіями и дополненіями встрѣчающихся на практикѣ вопросовъ имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для банковъ, то статистическіе сборники являются въ настоящее время почти единственнымъ матеріаломъ, доступнымъ при разработкѣ вопросовъ о положеніи частнаго землевладѣнія. Если не считать трехъ брошюръ, въ которыхъ приведены уставы и сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о поземельномъ кредитѣ въ Швеціи, Германіи и Франціи, изданная теперь книжка объ ипотечномъ кредитѣ въ Австро-Венгріи является первымъ трудомъ, составленнымъ по болѣе широкой программѣ; за нею предполагается цѣлый рядъ другихъ работъ о положеніи земельнаго кредита въ Германіи и въ другихъ государствахъ, въ которыхъ этотъ кредитъ уже получилъ организацію. Послѣ краткаго ознакомленія съ различными учрежденіями, организованными для другихъ цѣлей, но помѣщающими часть своихъ капиталовъ въ ипотечныхъ ссудахъ (какъ-то: сиротскія кассы, сберегательныя кассы, ссудосберегательныя товарищества, страховыя общества, государственный меліоративный фондъ), книжка даетъ весьма обстоятельныя и точныя свѣдѣнія объ ипотечномъ отдѣленіи австро-венгерскаго банка, объ акціонерныхъ банкахъ, потомъ останавливается на провинціальныхъ земскихъ ипотечныхъ банкахъ и на учрежде-

ніяхъ долгосрочнаго кредита въ Венгріи и Галиціи. Однимъ словомъ, мы находимъ въ новомъ трудѣ комитета изложеніе всего, что необходимо для ознакомленія съ дѣйствующею въ Австро-Венгріи системою долгосрочнаго кредита. Въ главѣ объ акціонерныхъ банкахъ значительный интересъ представляетъ петиція этихъ банковъ, закончившаяся извѣстнымъ вѣнскимъ финансовымъ крахомъ 1873 года, а въ главѣ о венгерскихъ банкахъ заслуживаютъ особеннаго вниманія данныя о земельномъ кредитѣ для мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, о кредитѣ общинамъ и корпораціямъ и меліоративнымъ товариществамъ и нѣкоторые другіе виды кредита, организованные не для спекулятивныхъ цѣлей, а для поддержанія крестьянскаго населенія. Въ приложеніяхъ помѣщены свѣдѣнія о находящихся въ обращеніи закладныхъ листахъ и облигаціяхъ австро-венгерскихъ ипотечныхъ банковъ, сводный балансъ этихъ же банковъ, а также балансы австро-венгерскаго и венгерскаго ипотечныхъ банковъ.

Хотя книжка составлена главнымъ образомъ на основаніи уставовъ и отчетовъ и составители ея не обнаруживаютъ широкаго знакомства съ литературою и съ новѣйшими общественными теченіями въ этой области, все же она представляетъ значительный интересъ и можетъ принести пользу, такъ какъ съ одной стороны знакомитъ съ спекулятивными и крайне опасными проявленіями дѣятельности акціонерныхъ земельныхъ банковъ, а съ другой стороны впервые сообщаетъ свѣдѣнія объ организаціи тѣхъ видовъ кредита, которые должны быть причислены къ наиболѣе желательнымъ съ точки зрѣнія общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Къ послѣднимъ относится кооперативный кредитъ для общественныхъ надобностей и предпріятій, извѣстный во Франціи и въ Германіи подъ названіемъ коммунальнаго кредита, и меліоративный кредитъ, т.-е. тѣ виды кредита, которые по своимъ цѣлямъ и по своему значенію рѣзко отличаются отъ долгосрочнаго земельнаго кредита.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Микроскопъ“. Руководство для научной микроскопіи д-ра *А. Циммермана*.

Микроскопъ. Руководство для научной микроскопіи. Д-ра А. Циммермана. Перев. съ дополн. по рукописи автора д-ра А. Р. Ильина. Спб., 1896 г. 8°. Стр. IV+338 съ 241 рис. Ц. 3 р. 50 к. Книга д-ра Циммермана въ небольшомъ объемѣ представляетъ собою краткій курсъ микроскопіи и микроскопической техники, причемъ послѣдняя разсматривается почти исключительно со стороны употребляемыхъ при изслѣдованіяхъ приборовъ и инструментовъ, а вопросы о реактивахъ, краскахъ и т. п. затрогиваются только вскользь, мимоходомъ. Авторъ начинаетъ свою книгу съ выясненія общихъ законовъ построенія, изображенія, причемъ послѣ ознакомленія съ полученіемъ изображеній въ чечевицахъ (въ предѣлахъ элементарнаго курса физики), останавливается довольно подробно на вопросахъ, имѣющихъ спеціальное отношеніе къ микроскопу, а именно—на вопросахъ объ „угловомъ отверстіи“ и такъ называемой „нумерической“ или, какъ другіе говорятъ, „численной“ „апертурѣ“. Затѣмъ вкратцѣ разсматриваются сферическія и хроматическія аберраціи и теорія вторичнаго изображенія. Второй отдѣлъ книги посвященъ собственно описанію микроскопа, какъ съ чисто технической стороны, такъ и съ точки зрѣнія теоріи полу-

чаемыхъ изображеній; тутъ же разсматривается довольно подробно теорія и примѣненіе приспособленій для освѣщенія. Третій отдѣлъ книги даетъ описаніе рисовальныхъ аппаратовъ, приборовъ и пріемовъ микрометрическаго измѣренія и счисленія и излагаетъ методы наблюденія въ поляризованномъ свѣтѣ. При этомъ, конечно, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, авторъ дѣлаетъ экскурсіи въ область теоретической физики, предполагая при этомъ у читателя основательное знаніе элементарнаго курса этой основной науки. Говоря о микрофотографической камерѣ, какъ одномъ изъ вспомогательныхъ при микроскопическихъ изслѣдованіяхъ аппаратѣ, авторъ дѣлаетъ указанія и относительно самой техники фотографированія, но указанія слишкомъ краткія для того, чтобы научить человѣка незнакомаго съ этимъ дѣломъ. Особый отдѣлъ книги посвященъ вопросамъ, касающимся наблюденія живыхъ организмовъ (влажныя камеры, подогрѣваніе, примѣненіе электрическихъ токовъ и т. п.) и приготовленію аппаратовъ. Надо замѣтить, что все, касающееся реактивовъ, красокъ и вообще обработки объектовъ, изложено авторомъ крайне схематично и не можетъ служить руководствомъ изслѣдователю, но описаніе нѣкоторыхъ приборовъ и пріемовъ, при обработкѣ объектовъ, представляетъ извѣстный интересъ, въ особенности въ виду того, что изложеніе снабжено рисунками. Микротомы описаны черезчуръ кратко и притомъ не только не упомянуты новѣйшія усовершенствованія, но даже обыкновенный юнговскій микротомъ изображенъ съ такимъ зажимомъ для объекта, котораго уже давно не дѣлаютъ. Заливка объектовъ и приготовленіе разрѣзовъ описаны довольно подробно. Послѣдній отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія относительно пониманія видимыхъ въ микроскопъ картинъ. Въ общемъ можно сказать, что въ виду того, что наблюдатели, начинающіе работать съ микроскопомъ, очень часто почти вовсе незнакомы съ теоріей этого прибора, появленіе на русскомъ языкѣ книги, излагающей главнымъ образомъ основы микроскопіи (микроскопическая техника остается на второмъ планѣ), можетъ считаться весьма полезнымъ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно и многочисленные чертежи и рисунки богато иллюстрируютъ текстъ. Напрасно только переводчикъ пишетъ „Sachs'омъ“ вмѣсто „Саксомъ“, „Albrecht'омъ“ вмѣсто „Альбрехтомъ“ и т. п. Цѣна книги могла бы быть дешевле.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Краткое руководство къ сельско-хозяйственному химическому анализу“. *И. Бевада.*— „Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству, читанныя въ Едимоновской школѣ В. П. Заваринымъ“.

Краткое руководство къ сельскохозяйственному химическому анализу. И. Бевада, профессора Ново-Александрійскаго института. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к. И. И. Бевадъ, недавно оставившій Новую Александрію и занявшій каѳедру химіи въ Варшавѣ, далъ подъ вышепоименованнымъ заглавіемъ аналитическое руководство, весьма полезное для русскихъ агрономовъ. Конечно, спросъ на такія книги пока у насъ не можетъ быть великъ: мы не можемъ присоединиться къ оптимистическому замѣчанію предисловія о томъ, что въ книгѣ собраны „главнѣйшіе способы химическаго анализа, съ которыми *сельскому хозяину* чаще всего приходится встрѣчаться“. Изъ числа хозяевъ непосредственную пользу отъ новой книги получатъ только лица, прошед-

шія химическую школу, а практическое примѣненіе этой пользы можетъ быть вполнѣ осуществлено только въ хорошо устроенныхъ лабораторіяхъ. Для высшихъ учебныхъ заведеній руководство проф. Бевада очень важное пособіе; довольно многими пріемами возможно, впрочемъ, пользоваться и при болѣе скромныхъ условіяхъ среднихъ школъ. Главные отдѣлы книги—анализъ почвы, растительныхъ кормовыхъ веществъ и удобреній. Аналитическіе пріемы изложены послѣдовательно, сжато и точно. Встрѣчаются и нѣкоторыя краткія теоретическія указанія, относящіяся къ химическимъ процессамъ въ почвѣ и удобреніяхъ (напримѣръ стр. 1—3, 160—168 и др.), но, конечно, они не могутъ замѣнить собою самостоятельнаго изложенія агрономической химіи. Кстати не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія объ изгнаніи „агрономической химіи", какъ отдѣльной дисциплины, изъ программы нашихъ реформированныхъ агрономическихъ школъ; жизнеспособность этой дисциплины была блестящимъ образомъ доказана преподавательскою дѣятельностью П. А. Ильенкова и Г. Г. Густавсона. Книга И. И. Бевада, конечно, будетъ оцѣнена и въ университетскомъ преподаваніи.

Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству, читанныя въ Едимоновской школѣ В. П. Заварининымъ. Москва, 1896 г. Устроенная Н. В. Верещагинымъ, Едимоновская школа молочнаго хозяйства имѣетъ своею задачею практическое техническое образованіе по молочному дѣлу; теоретическіе курсы въ этой школѣ не могутъ быть пространными, что видно и изъ книжки В. П. Заварина, излагающей на шести печатныхъ листахъ основанія молочнаго хозяйства. Въ небольшомъ объемѣ авторъ сумѣлъ дать понятіе о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ молочнаго скотоводства и переработки молока на масло и сыръ; указаны, между прочимъ, и нѣкоторые пріемы изслѣдованія молока и даже счетоводство скотнаго двора и молочной. Для лицъ, прошедшихъ среднюю школу, компентивный учебникъ г. Заварина почти не нуждается въ разъясненіяхъ преподавателя, но при недостаточномъ общемъ образованіи нѣкоторые термины могутъ затруднить учащихся. Въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ „лекціи" окажутся полезнымъ пособіемъ для учителей.

МЕДИЦИНА.

„Сѣрно-спичечное производство въ санитарномъ отношеніи". *М. И. Козинцева.*

Сѣрно-спичечное производство въ санитарномъ отношеніи. Санитарно-статистическое изслѣдованіе сѣрно-спичечныхъ фабрикъ Новозыбковскаго уѣзда, Черниговской губ., Дисс. М. И. Козинцова. Стародубъ, 1896 г. Литература санитарныхъ условій производства фосфорныхъ спичекъ весьма обширна, но, быть можетъ, названная диссертація на степень д-ра медицины послужитъ лишнимъ поводомъ для принятія общихъ законодательныхъ мѣръ въ этой отрасли промышленности. Живя въ мѣстности, составляющей второй по размѣрамъ районъ спичечнаго производства въ Россіи, авторъ не могъ не обратить вниманія на тѣ ужасныя картины человѣческихъ жертвъ, страданій, обезображеній, которыя особенно чудовищны при первобытныхъ техническихъ пріемахъ нашихъ отечественныхъ заводовъ. Сущность этой ученой работы сводится къ изученію санитарныхъ условій фабрикаціи фосфорныхъ спичекъ и вліянія этихъ условій на здоровье рабочихъ. Правда, объ этихъ условіяхъ много было писано въ общей и

медицинской печати, еще больше толковалось во множествѣ земскихъ, административныхъ и правительственныхъ коммиссій, хотя, какъ видно изъ новѣйшихъ наблюденій д-ра Козинцова въ періодъ 1871—1896 гг. послѣдовали весьма ничтожныя улучшенія. Кромѣ того, авторъ предпринялъ попытку выяснить нѣкоторые нерѣшенные другими изслѣдователями вопросы, какъ, напримѣръ, о количественномъ содержаніи въ воздухѣ различныхъ рабочихъ помѣщеній фосфора и сѣры, о зависимости порчи зубовъ рабочихъ отъ вреднаго вліянія на нихъ фосфора, о преимущественномъ пораженіи омертвѣніемъ челюстей и т. д.

Главнымъ образомъ, въ изслѣдованіи излагается вліяніе трехъ главнѣйшихъ факторовъ даннаго производства: 1) физическія и химическія свойства обрабатываемыхъ матеріаловъ; 2) санитарная обстановка работы (количество и качество воздуха, чрезмѣрно длинный рабочій день); 3) заработная плата. Помимо спеціальнаго интереса, съ точки зрѣнія профессіональной гигіены, указанная монографія вполнѣ заслуживаетъ самаго широкаго вниманія со стороны не врачей, тѣмъ болѣе, что уже въ 1887 г. въ Россіи по оффиціальнымъ даннымъ *числилось* около 200 спичечныхъ фабрикъ и свыше $9^1/_2$ тыс. рабочихъ. Всѣ цифры, собранныя авторомъ, вновь подтверждаютъ уже раньше высказанное замѣчаніе бывшаго фабричнаго инспектора д-ра В. Святловскаго, что „все спичечное дѣло въ Новозыбковскомъ уѣздѣ основано на самой безпощадной хищнической эксплуатаціи труда, здоровья и жизни прежде малолѣтнихъ рабочихъ, а нынѣ подростковъ и женщинъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже около 10 лѣтъ, но ужаснѣе всего то, что, несмотря на существованіе фабричной инспекціи и на законодательныя ограниченія, по-прежнему въ Черниговской губерніи все еще приходится кончать ученую работу пожеланіями, которыя уже давно осуществились въ другихъ мѣстахъ. Сюда относятся, напримѣръ, предложенія автора о совершенной изоляціи помѣщеній на спичечныхъ фабрикахъ для охраны рабочихъ, *не имѣющихъ дѣла* съ ядовитыми испареніями, объ ограниченіи рабочаго дня 8—10 часами, о нормировкѣ процентнаго содержанія фосфора въ массѣ, вполнѣ достаточной для приготовленія хорошихъ спичекъ, о медицинской помощи рабочимъ и осмотрахъ ихъ врачомъ, *о запрещеніи фабричныхъ лавокъ*, о гигіеническихъ требованіяхъ при устройствѣ мастерскихъ, о необходимости улучшенной вентиляціи, о введеніи усовершенствованныхъ пріемовъ техники производства и т. п. Казалось бы, въ 1896 году въ такихъ пожеланіяхъ нѣтъ надобности, какъ и въ производствѣ ученыхъ изслѣдованій, по вполнѣ раньше разработаннымъ вопросамъ, а между тѣмъ мы узнаемъ отъ автора поразительные факты: 1) на открытіе спичечныхъ заводовъ въ недалекомъ еще прошломъ не требовалось никакого разрѣшенія, фабрики работаютъ десятки лѣтъ, не состоя „ни подъ чьимъ надзоромъ и не подвергаясь никогда никакому осмотру со стороны полицейскихъ, медицинскихъ, строительныхъ и техническихъ чиновниковъ“; 2) чѣмъ крупнѣе заводы, тѣмъ хуже они устроены и построены въ санитарномъ отношеніи, тогда какъ одна изъ малыхъ фабричекъ болѣе удовлетворила изслѣдователя, нежели сосѣдняя съ сотнями рабочихъ; 3) законъ о фабричныхъ лавкахъ, требованіе о медицинской помощи, „какъ и многое другое, на спичечныхъ фабрикахъ не достаточно соблюдается“ и т. д. Крайне любопытна исторія объ изданіи земствомъ обязательныхъ постановленій для спичечныхъ фабрикъ, начавшееся съ весны 1879 г. и въ теченіе 15 лѣтъ все еще не закончившееся, благодаря давленію мѣстныхъ заводчиковъ. „Обязательныя постановленія, — замѣчаетъ по

этому поводу авторъ,—сдѣлались какимъ-то laun-tennis'омъ, которымъ собраніе съ одной стороны и управа съ коммиссіей съ другой постоянно перебрасываются другъ съ другомъ". Это сравненіе весьма остроумно, тѣмъ болѣе, что можетъ быть отнесено вообще къ развитію фабричной санитаріи въ Россіи, въ особенности въ виду тѣхъ фактическихъ успѣховъ, какіе достигнуты въ этомъ отношеніи хотя бы въ Германіи. Ни на одной фабрикѣ автору не приходилось встрѣчать новѣйшія усовершенствованныя заграничныя машины для предохраненія рабочихъ отъ вреднаго вліянія фосфора и потому „сказать что-либо объ ихъ практической примѣнимости" онъ не считаетъ себя вправѣ.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Аленушкины сказки". *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*

Аленушкины сказки. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". Со многими рисунками художниковъ: Аѳанасьева, Андреева, Гугунавы и Литвиненка. Москва, 1897 г. Цѣна 75 коп.

Г. Маминъ-Сибирякъ, въ качествѣ дѣтскаго писателя, положительно замѣчательный художникъ, въ сказкахъ и разсказахъ котораго повсюду разсыпано множество истинныхъ перловъ поэзіи. Повсюду сюжетъ удивительно несложенъ. Авторъ обладаетъ чуднымъ даромъ вложить обильное и разнообразное содержаніе въ разсказы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ замысловатыхъ и волшебныхъ героевъ, предметовъ и приключеній, а фигурируютъ предметы самые простые, но для дѣтскаго сердца всего болѣе милые и родные: обыкновеннѣйшія птицы, животныя, по преимуществу домашнія, всѣмъ извѣстныя насѣкомыя и цвѣты,—вотъ и все.

Чтобы дать хоть нѣкоторое представленіе о характерѣ пера г. Мамина въ его дѣтскихъ сочиненіяхъ, приведемъ примѣры. Возьмемъ *Сказку про храбраго зайца—длинныя уши, косые глаза и короткій хвостъ*. Родился зайчикъ въ лѣсу и все боялся. Треснетъ гдѣ-нибудь сучокъ, вспорхнетъ птица, упадетъ съ дерева комъ снѣгу—у зайчика душа въ пятки. Боялся зайчикъ день, боялся два, боялся недѣлю, боялся годъ; а потомъ выросъ онъ большой, и вдругъ надоѣло ему бояться. „Никого я не боюсь!—крикнулъ онъ на весь лѣсъ.—Вотъ не боюсь нисколько, и все тутъ!" Собрались старые зайцы, сбѣжались маленькіе зайчата, приплелись старыя зайчихи,—всѣ слушаютъ, какъ хвастается заяцъ, длинныя уши, косые глаза и короткій хвостъ,—слушаютъ и своимъ собственнымъ ушамъ не вѣрятъ. Не бывало еще, чтобы заяцъ не боялся никого. „Эй, ты, косой глазъ, ты и волка не боишься?" — „И волка не боюсь, и лисицы, и медвѣдя, — никого не боюсь!"

Это уже выходило совсѣмъ забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрывъ мордочки передними лапками, засмѣялись добрыя старушки-зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшіе въ лапкахъ у лисы и отвѣдавшіе волчьихъ зубовъ. Очень ужъ смѣшной заяцъ.. Ахъ, какой смѣшной! И всѣмъ вдругъ сдѣлалось весело. Начали ку выркаться, прыгать, скакать, перегонять другъ друга, точно всѣ съ ума сошли. Кончается сказка тѣмъ, что приходитъ волкъ, и заяцъ мо ментально забываетъ всю свою храбрость: совсѣмъ растерявшись, он „подпрыгнулъ кверху, точно мячикъ, и со страху упалъ прямо на ши рокій волчій лобъ, кубаремъ прокатился по волчьей спинѣ, перевер

нулся еще разъ въ воздухѣ и задалъ такого стрекача, что, кажется, готовъ былъ выскочить изъ собственной кожи...“

Вообще, юмора, но юмора добродушнаго, безъ злой язвительности и доступнаго для всякаго ребенка, много въ сказкахъ г. Мамина. Въ *Сказкѣ про Воробья Воробеича, Ерша Ершевича и веселаю трубочиста Яшу* разсказывается, какъ Ершъ подружился съ трубочистомъ Яшей и расхвастался: „Мы съ нимъ тоже дружно живемъ и даже вмѣстѣ закусываемъ иногда: онъ ѣстъ,—я крошки подбираю“. Въ другой сказочкѣ Ворона, выслушавъ пѣніе Канарейки, съ презрительнымъ удивленіемъ говоритъ: „Ты это называешь пѣніемъ? Ха-ха... Глупые же были твои хозяева, если кормили за такое пѣніе. Еслибъ ужъ кормить, такъ настоящую птицу, какъ, наприм., я... Давеча каркнула, такъ плутъ Васька чуть съ забора не свалился. Вотъ это пѣніе!...“

Только одну сказку мы не можемъ считать совсѣмъ безвредной въ педагогическомъ отношеніи. Это — *Ванькины именины*. Тамъ Козликъ „ухаживаетъ“ за Уточкой, Ванька „влюбляется“ въ двухъ куколокъ разомъ и даже собирается жениться, а Матрена Ивановна „ревнуетъ“ мужа къ куклямъ... Однако эта сказка написана замѣчательно талантливо, приводитъ дѣтей-читателей въ неописанный восторгъ, а потому ее слѣдуетъ удержать, но только надо было бы вычеркнуть оттуда нѣсколько выраженій въ томъ родѣ, какъ мы только что привели для примѣра.

Вообще же говоря, общій тонъ сказокъ—очень симпатиченъ, проникнутъ чувствомъ благодушія и мягкой, искренней любви ко всей вселенной и ко всякой въ ней живущей твари, такъ что очень естественнымъ представляется вамъ въ концѣ книги услышать отъ дѣвочки Аленушки, прослушавшей всѣ эти сказочки, душевное дѣтское признаніе отцу: „Папа, я всѣхъ люблю...“

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Читальня народной школы. Ежемѣсячный журналъ для грамотныхъ крестьянъ и для учениковъ народныхъ школъ. Цѣна съ перес. и достав. на годъ 3 р. Мы уже имѣли случай указывать нашимъ читателямъ на это симпатичное и оригинальное изданіе, которое является особенно цѣннымъ именно въ настоящее время, когда что ни день, то въ разныхъ градахъ и весяхъ Россійской имперіи открываются народныя библіотеки и читальни, когда спросъ на книгу въ этихъ читальняхъ растетъ, а хорошія книги въ эти послѣднія попадаютъ въ очень маломъ числѣ и съ большимъ трудомъ. *Читальня народной школы* не только допущена въ школьныя библіотеки и читальни, но, какъ напечатано на обложкѣ, „пріобрѣтеніе *Читальни народной школы* за всѣ годы ея существованія признано министерствомъ весьма желательнымъ“. Журналъ этотъ издается съ 1888 года; нельзя сказать, чтобы первые годы изданіе составлялось мало-мальски удовлетворительно; въ 1890—1891 году стали замѣчаться въ немъ нѣкоторыя довольно замѣтныя улучшенія; затѣмъ, когда издатель журнала, нѣкто Н. Моревъ (содержатель книжнаго и писчебумажнаго магазина въ Спб.), обратился за содѣйствіемъ въ своемъ дѣлѣ къ „постоянной коммиссіи“ тогда *Читальня народной школы* совсѣмъ было пропала. Но съ 1894 г. въ журналѣ стало замѣчаться несомнѣнное оживленіе,

редакція не только проявила энергію и умѣнье, но и даже весьма замѣтный издательскій талантъ; въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ она сумѣла издать нѣсколько десятковъ (около 60) книжекъ по различнымъ отраслямъ знанія, по различнымъ отдѣламъ библіотеки, и къ тому же такихъ книжекъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ настоятельному спросу, идущему crescendo со стороны нарастающаго читателя. Разобраться въ наличности этого богатаго матеріала довольно трудно въ краткой журнальной рецензіи, но все-таки мы попытаемся это сдѣлать.

Читальня народной школы выходитъ довольно опрятно изданными книжечками въ форматѣ обыкновенныхъ листовокъ, отъ 12 до 200 страницъ каждая. Ежемѣсячно издается по нѣсколько такихъ книжекъ, отдѣльно сброшюрованныхъ, но вложенныхъ въ одну общую обложку, что даетъ возможность пользоваться книжками *Читальни* многимъ лицамъ заразъ. Нѣкоторыя книжки украшены картинками и всѣ напечатаны четкимъ, крупнымъ шрифтомъ. Ежегодно выходитъ такимъ способомъ до 33 книжечекъ самаго разнообразнаго содержанія: по беллетристикѣ, по естествознанію, географіи, этнографіи, исторіи русской и всеобщей, исторіи литературы, зоологіи и ботаникѣ и т. д. Просматривая *Читальню народной школы* за 1895—1896 годъ, нельзя не отмѣтить, во-первыхъ, совершенно правильнаго отношенія редакціи къ своему читателю, котораго она отнюдь не третируетъ à l'enfant, отнюдь не угощаетъ претенціозно-квасными разсужденіями на поучительныя темы, не старается втереть ему очки того или иного цвѣта,—она относится къ нему какъ къ *равному* и, прежде всего, дѣлится своими знаніями, своимъ *пониманіемъ* окружающей дѣйствительности, не дѣлая никакихъ уступокъ такъ называемому „духу времени“, которому такъ жадно алчутъ служить нѣкоторыя полу-оффиціальныя фирмы. Очень печально, а все же нужно сознаться, что народной книжкѣ нельзя не ставить въ большую заслугу и достоинствъ такъ сказать отрицательныхъ. Новая редакція *Читальни народной школы* во всякомъ случаѣ стремится вести своего читателя впередъ, а не толкаетъ его назадъ и не вертитъ его на одномъ мѣстѣ, какъ, напримѣръ, это дѣлаютъ нѣкоторыя другія фирмы,—о нихъ мы уже неоднократно говорили. Намъ пришлось однажды слышать разговоръ нѣкоего инспектора народныхъ училищъ съ учительницей, устроившей у себя въ школѣ повторительныя занятія со взрослыми. Учительница спросила учениковъ, что собственно имъ хотѣлось бы узнать. Тѣ наставили ей цѣлый рядъ вопросовъ. Учительница была даже ошеломлена,—столько запросовъ ей было предъявлено. Она совершенно не знала, что ей говорить. Человѣкъ она была еще неопытный,—пошла свое затрудненіе разрѣшать къ начальству. Инспекторъ и сталъ тутъ ей совѣтовать: когда васъ, напримѣръ, о заграничной жизни спрашиваютъ,—вы имъ о Китай-городѣ разсказывайте; когда васъ просятъ разсказать о фабрикахъ,—вы имъ объ одномъ Уаттѣ и Стефенсонѣ; когда они о Линкольнѣ,—вы, книжку Пѣвцова *О гоненіяхъ на христіанъ*; вмѣсто всеобщей исторіи можно давать русскую первоначальную лѣтопись, вмѣсто общественныхъ наукъ—естествознаніе, и т. д. „Вы вотъ такъ своего читателя то,—поворачивайте, поворачивайте“. Вотъ и издательскія фирмы не рѣдко такъ же дѣлаютъ: поворачиваютъ, да отворачиваютъ. И этимъ недостаткомъ новая редакція *Читальня народной школы* не грѣшна. Она искренно стремится расширить кругозоръ своихъ читателей, и если не разрѣшаетъ многіе вопросы (что врядъ ли и возможно въ такомъ журнальчикѣ), то по крайней мѣрѣ все же ставитъ ихъ. Напримѣръ

Разсказы о Норвегіи г. М. С. и біографія В. Франклина, составленная г. Корсунскимъ, даютъ богатый матеріалъ для размышленія.

Изъ всѣхъ отдѣловъ *Читальни народной школы*, какъ и слѣдовало ожидать, самый богатый—отдѣлъ беллетристики (болѣе 20 книжекъ). Лучшія книжки этого отдѣла—прелестный разсказъ К. М. Станюковича *Куцый* (изъ серіи „морскихъ разсказовъ“) и *Аника воинъ* В. Савихина. *Куцый*—это бездомная, голодная собака, которую пріютила и полюбила команда одного русскаго корвета, совершающаго кругосвѣтное плаваніе. Старшій офицеръ корвета, нелюбимый командой баронъ фонъ-деръ Беринъ, онъ же „Чортова зуда“, одинъ изъ тѣхъ „старательныхъ“ и жесткихъ карьеристовъ, которые изъ своей „старательности“ карьеру дѣлаютъ,—отдаетъ приказаніе—бросить куцаго въ воду. На такой почвѣ—любви къ собакѣ и нелюбви къ Берингу чуть не разыгрывается настоящая трагедія,—матросскій бунтъ, который, къ счастію, капитанъ корвета прекращаетъ, предложивъ Берингу выйти въ отставку. И задуманъ, и написанъ разсказъ превосходно, да и читателя способенъ навести на многія мысли, клонящіяся не въ пользу господъ Беринговъ, а въ пользу Куцыхъ. Разсказъ Савихина *Аника воинъ* рисуетъ печальную судьбу отставного солдата, тридцать лѣтъ служившаго вѣрой и правдой царю и отечеству, а умирать пришедшаго въ свою давно забытую деревню,—пришедшаго чужимъ человѣкомъ, лишнимъ ртомъ, тягостной обузой. Разсказы К. Станюковича и В. Савихина—лучшія беллетристическія произведенія въ *Читальнѣ народной школы*. Они рисуютъ образы и заставляютъ задуматься. Другой разсказъ В. Савихина: *Прошумѣла слава* далеко не изъ удачныхъ: и образы тусклы, и идея не ясно выражена, и изложеніе сбивчивое; и впечатлѣніе остается послѣ чтенія разсказа, какъ будто бы прекрасное предпріятіе деревенское (пріютъ для престарѣлыхъ и сирыхъ) рухнуло потому, что при деревнѣ кабакъ проявился, и этотъ-то кабакъ и сгубилъ и лучшихъ людей деревни, да и всю деревню. Отъ такой разработки темы фальшью вѣетъ. Недуренъ разсказъ О. Бѣляевской *Катька* (содержаніе его—самоотверженная любовь 8-лѣтней дѣвочки къ маленькой Катькѣ), написанный незамысловато, но тепло. Сильное и прекрасное впечатлѣніе производитъ разсказъ *По совѣсти* (сост. по факту). Основная идея разсказа—значеніе совѣсти въ такомъ великомъ и общественномъ дѣлѣ, какъ судъ присяжныхъ *). Разсказъ *Въ зимній вечеръ* (сост. по Оржешко) служитъ какъ бы продолженіемъ предыдущаго и ставитъ вопросъ о человѣчномъ и справедливомъ отношеніи къ преступнику, даже какъ къ таковому. Разсказъ этотъ, прекрасно написанный, какъ бы призываетъ любовь и состраданіе къ падшему брату, рекомендуетъ прежде всего видѣть въ немъ несчастнаго человѣка. Къ числу лучшихъ книжекъ *Читальни народной школы* слѣдуетъ отнести и разсказъ того же автора *Ходатай по крестьянскимъ дѣламъ* (уже изданный года 2 тому назадъ М. Ледерле, подъ заглавіемъ *Деревенскій адвокатъ*). Герой этого разсказа—жуликъ Капровскій, строющій свое относительное благополучіе на темнотѣ и бѣднотѣ крестьянской. Разсказъ этотъ ярко рисуетъ тѣ печальныя послѣдствія, какія сопряжены въ крестьянскомъ быту съ незнаніемъ законовъ, незнаніемъ своихъ собственныхъ, хотя бы даже очень маленькихъ *правъ*. Намъ очень хотѣлось найти въ книжкахъ *Читальни* и другой разсказъ, который рисовалъ бы обратную сторону медали,—значеніе такого знанія, въ

*) Этотъ разсказъ уже изданъ И. Ситинымъ подъ названіемъ *Присяжный*.

смыслѣ какого ни на есть отстаиванья своей личности и интересовъ общественныхъ. Къ сожалѣнію, мы не нашли здѣсь такого разсказа, если не считать разсказа С. Т. Семенова *Супротивникъ*. Объ этомъ разсказѣ можно сказать, что въ немъ „великъ разбѣгъ, да малъ скачокъ". Герой разсказа—новый человѣкъ деревни, интеллигентъ изъ народа; содержаніе разсказа — устроеніе этимъ человѣкомъ своего собственнаго счастья, своего дома, своей семьи, главнымъ образомъ *своего* и очень мало — общественнаго. И вотъ такого-то человѣка сильно недолюбливаетъ мѣстный кулакъ (онъ же староста). На такой-то почвѣ, между такими людьми происходитъ столкновеніе, которое кончается благополучно, а кулакъ... проситъ прощенія и кается. Вотъ и все, — ни энергичнаго отстаиванія своихъ правъ, ни сознательной борьбы съ кулачествомъ во имя интереса общественнаго мы здѣсь не видимъ. Авторъ начинаетъ съ *личности*, ею же и кончаетъ. Весь разсказъ оставляетъ въ читателѣ неопредѣленно тусклое впечатлѣніе, оставляетъ вопросъ: неужели таковы лучшіе люди современной деревни? Къ счастью, они не таковы, какъ въ разсказахъ С. Семенова и В. Савихина. Выдвигаетъ деревня и активныхъ дѣятелей. На очень щекотливыя, тоже общественнаго характера, темы написаны разсказы *За моремъ* (по Сенкевичу), *Королева шведская* (по Іенсену) и *Услуга за услугу* (неизв. автора). Во всѣхъ этихъ разсказахъ рѣчь идетъ о любви къ родинѣ. Первый разсказъ рисуетъ бѣдствія польской семьи, эмигрировавшей въ Америку отъ худого житья въ Польшѣ и попавшей такимъ образомъ изъ огня да въ полымя. Въ этомъ разсказѣ мастерской рукой описана тихая, безысходная тоска по родинѣ, даже по такой родинѣ, которая является не матерью-кормилицей, а злою мачихой. Во второмъ разсказѣ (*Королева шведская*) разсказывается извѣстный эпизодъ изъ исторіи Швеціи—борьба Густава Вазы съ Христіаномъ Датскимъ и женитьба Вазы. Основная мысль разсказа состоитъ въ томъ, что любовь къ родинѣ выше любви къ женщинѣ. Основной фонъ разсказа—борьба шведскихъ крестьянъ съ Густавомъ Вазою во главѣ, за свою національную независимость съ жестокимъ датскимъ тираномъ. Впрочемъ, національный элементъ какъ-то отодвинутъ въ разсказѣ на второй планъ; на читателя прежде всего производятъ впечатлѣніе возмутительныя несправедливость и жестокость Христіана Датскаго. Разсказъ *Услуга за услугу* рисуетъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы испанскихъ гверильясовъ за свою независимость. Весь разсказъ состоитъ въ томъ, что гверильясъ спасаетъ врага—француза отъ смерти не потому, что французъ—человѣкъ, а потому, что французъ тоже спасъ когда-то его, гверильяса. „Услуга за услугу" — только и всего. Изъ другихъ разсказовъ, вошедшихъ въ *Читальню народной школы*, не дурны: *Славный парень* (по Бьёрнсону), *Барчукъ* (передѣлка извѣстной сказки Уйда *Молодой графъ*), *Жизнь за ласку* (по М. Лаффанъ),—эпизодъ изъ жизни уличныхъ дѣтей Дублина. Очень недурно составлены также 4 сборника юмористическихъ разсказовъ и стихотвореній *Добрый смѣхъ не грѣхъ* и сборникъ стиховъ *Пѣсни пѣвуньяхъ*. Къ числу совершенно неудачныхъ произведеній слѣдуетъ отнести передѣлку извѣстнаго романа П. Лоти *Исландскіе рыбаки* передѣлку *Ледянаго дома*, ром. И. Лажечникова, исполненную г-жей Е. Свѣшниковой. Изъ романа П. Лоти получился не разсказъ, а какая-то ерунда, въ которой нѣтъ ни складу, ни ладу, ни здраваго смысла.

Въ отдѣлѣ беллетристики слѣдуетъ отмѣтить еще одну шутку для народнаго театра: *Пройдоха, или кто кого?* (передѣлка извѣстной пье

Адвокатъ Покеленъ). Нельзя не отмѣтить одной общей черты во всѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, вошедшихъ въ *Читальню народной школы*,—именно то, что редакція даетъ эти произведенія въ передѣлкахъ и сокращеніяхъ, вслѣдствіе чего эти произведенія слишкомъ много теряютъ, обезцвѣчиваются, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (*Пройдоха*, *Рыбаки*) и совсѣмъ-таки приближаются къ лубочнымъ. Редакція должна бы стараться давать въ беллетристическій отдѣлъ лучше поменьше произведеній, да не искаженныхъ. Къ интереснымъ новинкамъ *Читальни народной школы* слѣдуетъ отнести книжки по *исторіи литературы*, можно сказать впервые издающіяся для народа. Такова, напримѣръ, книжка П. Д. *Поздній даръ* (исторія Фирдуси и разборъ его произведенія *Шахъ-Намэ*, съ характеристикой *Рустема и Зораба*). Эта книжка совсѣмъ была бы хороша, если бы въ нее не были введены г. П. Д. хотя и очень общія, но довольно таки подозрительнаго свойства разсужденія о самобытности. Повидимому, авторъ хотѣлъ вложить въ это слово не то содержаніе, какое ему обыкновенно дается ревнителями изъ охранителей. Но для цѣлаго понятія слѣдовало бы и слово взять иное. Въ книжкѣ *Отецъ и сынъ* изложена исторія Рустема и Зораба и приведены отрывки изъ *Шахъ-Намэ* въ переводѣ Жуковскаго. Во всякомъ случаѣ за исключеніемъ этого маленькаго замѣчанія, послѣднія три книжки,—пріятныя новинки въ области народной литературы, куда до сего дня исторія литературы не проникала. Въ отдѣлѣ исторіи слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ біографію В. Франклина (сост. Корсунскимъ) и 3 книжки П. Деполовича *Витязи Сѣвера* (норманы). Недуренъ сборникъ сказаній о вѣщемъ Олегѣ и біографія Дженнера. Хуже другихъ 2 книжки о „первыхъ князьяхъ русскихъ“ (по Нестору лѣтописцу). Пора бы отнестись къ сказаніямъ первоначальной русской лѣтописи поосторожнѣе, а усиленно рекомендовать *Исторію* Карамзина (стр. 61) и совсѣмъ бы не слѣдовало. Наиболѣе удачно составленъ въ *Читальнѣ народной школы* отдѣлъ географическій. Сюда вошли, во-первыхъ, 4 прекрасныя книжки М. С. *Разсказы о Норвегіи* (съ удачнымъ подборомъ отрывковъ изъ Бьёрнсона и изъ норвежскихъ писателей, рисующихъ бытовыя картинки изъ жизни норвежцевъ). Напрасно только г. М. С. слишкомъ мало вниманія удѣлилъ народному образованію въ Норвегіи, ни слова не сказалъ о крестьянскихъ университетахъ, почти не обмолвился объ организаціи судовъ. Прекрасно составлены также книжки, рисующія тяжелую, неприглядную жизнь бельгійскаго рудокопа,—„каторжника, живущаго на свободѣ, ни въ чемъ неповиннаго преступника“ (*Изо дня въ день*); жизнь маячныхъ сторожей (*Путеводные огни*), жизнь и работу водолазовъ (*Водолазы*); съ большимъ интересомъ прочтется и очеркъ М. Лаврова о киргизахъ и ихъ житьѣ-бытьѣ (*Киргизы*) и трогательная и возмутительная исторія гибели французскаго корабля „Медузы“ (*Гибель Медузы*). Менѣе интересны и болѣе сухи и даже обличаютъ въ авторѣ незнакомство съ своимъ читателемъ книжки *Широкая степь* и *Студеное море и его льды*, особенно первая книжка. Авторъ то вдается въ подробныя объясненія тамъ, гдѣ читателю все и безъ того понятно, то оставляетъ безъ объясненія довольно существенныя стороны предмета. Впрочемъ, и обѣ послѣднія книжечки заслуживаютъ вниманія читателей. Гораздо слабѣе ихъ книжка А. Александрова (*Бесѣды о землѣ и небѣ*, 2 книжки, и *Что за сила въ грозѣ*). Незнакомство съ читателемъ сквозитъ въ нихъ еще больше, а мѣстами видно и незнакомство съ предметомъ (стр. 24), стр. 18: „земля—небесное тѣло, звѣзда“ (!?), осо-

бенно въ этой послѣдней книжкѣ, (напримѣръ, опредѣленіе металловъ на стр. 9, опредѣленіе амальгамы тамъ же и т. д., и т. д.). Принимая же въ разсчетъ шаблонный характеръ изложенія предмета, получаешь впечатлѣніе отъ книжекъ г. Александрова еще менѣе благопріятное. Дополненіемъ къ книжкѣ о грозѣ служитъ удачная передѣлка разсказа Ауэрбаха: *Какъ у насъ громоотводъ ставили*, гдѣ описана борьба такого новшества, какъ громоотводъ, съ рутиннымъ общественнымъ мнѣніемъ. Отдѣлъ естествознанія въ *Читальнѣ народной школы*, вообще говоря, весьма богатъ. Въ него вошелъ цѣлый рядъ удачныхъ компиляцій г. М. С. по зоологіи и ботаникѣ (*Дерево здоровья* (*хинное*), *Пауки*, *И въ червѣ толкъ—отъ червя шелкъ*, *Изъ за перьевъ* (*о страусахъ*), *Жилище и нравы птицъ* (5 книжекъ), г-жи Е. Мичуриной о домашней кошкѣ. Всѣ эти зоологическіе и ботаническіе очерки составлены прекрасно. Они не представляютъ изъ себя какихъ-либо сухихъ описаній на темы изъ устарѣвшихъ учебниковъ естественной исторіи,—это живые, интересные очерки, гдѣ данныя зоологіи и ботаники пересыпаны съ фактами изъ исторіи, географіи, и т. д., гдѣ отвлеченныя описанія чередуются съ драматическими эпизодами, и все вмѣстѣ представляетъ прекрасное чтеніе для старыхъ и малыхъ. Языкъ въ этихъ очеркахъ—прекрасный; фразы короткія, иностранныя слова почти отсутствуютъ. Г. М. С. питаетъ лишь большую любовь къ восклицательнымъ знакамъ, но, ради хорошаго изложенія, и эту черточку можно простить автору. Гораздо серьезнѣе другая особенность автора,—онъ не любитъ или же боится вести читателя въ глубину предмета, въ его философію,—онъ рисуетъ предметъ только съ внѣшней стороны, какъ бы обходя тѣ великія, захватывающія перспективы, которыя открылись предъ наукой съ момента появленія и распространенія эволюціонизма. Описаніе тѣхъ же птичьихъ гнѣздъ, какъ оно сдѣлано въ „Естеств. подборѣ“ Уоллеса или въ соч. Дарвина, раскрываетъ передъ читателемъ великолѣпныя перспективы, послѣ которыхъ книжки г. М. С. кажутся какими-то душными и тѣсными конурами. Зачѣмъ же загонять въ нихъ читателей, когда и этимъ послѣднимъ можно бы и должно бы было разсказать и о перспективахъ?

Впрочемъ, г. М. С., насколько намъ извѣстно,—авторъ лишь начинающій. Будемъ ожидать, что и онъ научится раскрывать передъ читателемъ болѣе широкіе горизонты науки, чѣмъ это онъ дѣлаетъ теперь въ своихъ очеркахъ.

Въ сторонѣ отъ другихъ книжекъ *Читальни народной школы* стоитъ книжка И. Е. Головцова *Самодѣльный волшебный фонарь*. Въ ней идетъ рѣчь о фонарѣ отражательномъ, обходящемся *безъ* картинъ на стеклѣ. Какъ извѣстно, такого рода фонарей, болѣе или менѣе удачныхъ, не изобрѣтено до сего времени, и фонарь г. Головцова не болѣе какъ игрушка. Редакція лучше бы сдѣлала, если бы дала небольшое руководство, какъ управлять волшебными фонарями настоящими, какъ и откуда добывать къ нимъ картины, какъ устраивать народныя чтенія, библіотеки и т. п., какъ руководить читателями и слушателями. Такая книжка была бы прекраснымъ дополненіемъ къ серіи книжекъ изданныхъ.

Еще было бы желательно, чтобы въ *Читальню народной школ* вошло побольше книжекъ по всеобщей исторіи и по исторіи культуры. Не мѣшало бы обозначать на обложкѣ книжекъ, какія изъ нихъ предназначаются для дѣтей и какія для взрослыхъ. Еще не мѣшало бы

обложкахъ *Читальни* печатать списки книгъ, допускаемыхъ въ народной библіотекѣ М. Н. П.

Сводя все предыдущее къ одному, нельзя не видѣть, какую массу полезнаго и интереснаго матеріала дала своимъ читателямъ въ столь короткое время новая редакція *Читальни народной школы*. Она проявила и энергію, и любовь къ дѣлу, а главное, и широкій взглядъ на свое дѣло. *Читальня народной школы* перестала быть журналомъ дѣтскимъ; теперь это журналъ народный. Онъ даетъ не кое-что и не кое-какъ, а сознательно заполняетъ пробѣлы народной литературы, нами неоднократно указывавшіеся. Онъ черпаетъ матеріалъ изъ разнообразнѣйшихъ источниковъ и перерабатываетъ его, имѣя въ виду опредѣленнаго читателя, и даетъ ему здоровое, прекрасное чтеніе,—цѣлый рядъ книжекъ, написанныхъ легкимъ, живымъ, а подчасъ и очень выразительнымъ языкомъ. Нельзя не пожелать *Читальнѣ народной школы* широкаго распространенія. Этотъ журналъ, дающій болѣе 30 книжекъ въ годъ и въ народныя библіотеки допущенный, несомнѣнно дастъ этимъ послѣднимъ больше хорошихъ книгъ, чѣмъ всѣ отдѣльныя допущенія ученаго комитета, какъ извѣстно, работающаго медленно.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ, КАЛЕНДАРИ.

„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ". Сезонъ 1895 — 96 гг."—„Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 г.".

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1895—96 гг. Приложенія книга 2-я. Редакторъ А. Е. Молчановъ. Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб., 1896 г. Капитальная статья этого выпуска, *Театръ въ царствованіе императрицы Екатерины II* (1761—1796 г.),—историческій очеркъ Н. А. Селиванова,—знакомитъ читателя съ интересными и очень характерными подробностями управленія театрами, поступившими въ вѣдѣніе и распоряженіе казны. Изъ очерка г. Селиванова видно, какъ заботливо и внимательно относилась императрица къ упроченію театральнаго дѣла въ Россіи и какъ неумѣлость и неряшливость довѣренныхъ лицъ, коимъ въ теченіе 35 лѣтъ поручалось управленіе театрами, портили его во всѣхъ частяхъ,—наипаче же со стороны денежной. Статья г. Селиванова не окончена, и въ томъ, что напечатано, авторъ, главнымъ образомъ, знакомитъ насъ съ хозяйственною стороной дѣла, представляющей собою полную неурядицу, дошедшую до того, что на театральномъ управленіи накопилось долгу 600 тысячъ рублей и никакой возможности не было добраться въ точности, куда дѣвалась такая крупная сумма, при бюджетѣ по утвержденнымъ „статамъ" въ 150 тысячъ рублей. Къ очерку г. Селиванова мы еще возвратимся, когда онъ будетъ законченъ. По случаю исполнившагося столѣтія со дня кончины императрицы баронъ П. В. Дризенъ даетъ любопытный очеркъ, озаглавленный *Любительскій театръ при Екатеринѣ II*. Любительскіе спектакли, бывшіе вначалѣ придворною забавой, въ которой принимали участіе великіе князья, великая княгиня и лица высшаго общества, вошли скоро въ большую моду подъ покровительствомъ императрицы и въ угоду ей. Такіе спектакли устраивались въ кадетскихъ корпусахъ и въ недавно учрежденномъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ Смольномъ монастырѣ, въ Московскомъ университетѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ школахъ. Слѣдуя той же модѣ и увлекаясь новою забавой, богатые и знатные люди строили

при своихъ домахъ сцены, набирали актеровъ, актрисъ, пѣвицъ, танцовщицъ, музыкантовъ, хористовъ и даже собственныхъ сочинителей и переводчиковъ пьесъ изъ крѣпостныхъ людей. Такія крѣпостныя труппы, крѣпостные оркестры, балеты и оперы просуществовали очень долго, безъ малаго столѣтіе, до самой отмѣны крѣпостного права. Къ одной изъ такихъ труппъ принадлежалъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, о которомъ въ лежащей передъ нами книжкѣ *Ежегодника* помѣщена статья А. А. Ярцева и при ней „новая глава“ изъ записокъ Щепкина. Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ славный русскій артистъ разсказываетъ о томъ, какъ добрые люди, его покровители и „благодѣтели“, хлопотали о томъ, чтобы выкупить его у барина на волю, и что изъ этого вышло. А вышло изъ этого вотъ что: Щепкинъ былъ крѣпостнымъ графа Волконштейна. На выкупъ Щепкина требовалось 8,000 р. асс. и 500 р. на совершеніе акта. Стараніями директора Курской гимназіи Кологривова было подписано жертвователями 7,212 р., но, неизвѣстно почему, собранныхъ денего оказалось всего 5,500 р. Недостающія три тысячи далъ князь Рѣпнинъ, и деньги эти Щепкинъ потомъ ему выплатилъ. „Въ исходѣ 1818 г., кажется, въ декабрѣ,— пишетъ Щепкинъ,— Котляревскій (директоръ полтавскаго театра) извѣстилъ меня, что все кончено, и купчая крѣпость прислана князю...“ Оказалось, что князь не выкупилъ Щепкина, а „купилъ“ его и оставилъ своимъ крѣпостнымъ до уплаты внесенныхъ княземъ трехъ тысячъ... Этотъ „отрывокъ“ весьма существенъ для дополненія характеристики такого выдающагося человѣка, какимъ былъ Щепкинъ, и для яснаго разумѣнія мрачнаго времени крѣпостного права.

Въ началѣ 2-го *Приложенія* къ *Ежегоднику* напечатанъ біографическій очеркъ Ал. Ч., посвященный памяти очень талантливой артистки Варвары Николаевны Асенковой, слишкомъ рано умершей, 24 лѣтъ (въ 1841 г.) и теперь почти всѣми забытой. Очень интересна статья А. Н. Кремлева: *Томазо Сальвини, его искусство и критическія воззрѣнія*. Авторъ, знатокъ Шекспира и литературы о немъ, подробно и тщательно разбираетъ „критическія воззрѣнія“ Сальвини, высказанныя имъ въ брошюрѣ *Замѣтки о Шекспировскихъ типахъ*, и затѣмъ высказываетъ свои взгляды на исполненіе итальянскимъ трагикомъ трехъ произведеній великаго драматурга въ роляхъ Гамлета, Макбета и Отелло. Мы думаемъ, что каждому артисту, берущемуся за эти роли, необходимо внимательно ознакомиться со статьей Кремлева и вдуматься въ нее. Въ ней артистъ найдетъ много драгоцѣнныхъ указаній. Но ни одному артисту мы не посовѣтуемъ полагаться во всемъ на мнѣнія почтеннаго автора. Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ отмѣтить все то, въ чемъ мы не можемъ согласиться съ г. Кремлевымъ, и мы ограничимся лишь однимъ, очень существеннымъ положеніемъ автора, дающимъ ему серьезный мотивъ для критики и осужденія Сальвини. Г. Кремлевъ настаиваетъ на томъ, что „вѣдьмы въ *Макбетѣ*“, а затѣмъ и всѣ явленія призраковъ, „по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ — только галлюцинаціи“. И въ соотвѣтствіе съ такимъ взглядомъ онъ предъявляетъ извѣстныя требованія къ исполнителямъ. Относительно призраковъ и видѣній („тѣнь“ короля въ *Гамлетѣ*, „тѣнь“ Банко въ *Макбетѣ*) вопросъ можетъ оставаться спорнымъ и практическое рѣшеніе его на сценѣ надлежитъ предоставить разумѣнію и таланту исполнителя въ каждомъ данномъ случаѣ. Что же касается вѣдьмъ и призраковъ, ими вызванныхъ, то мнѣніе г. Кремлева представляется намъ недоказаннымъ. „Вѣдьмы“ являются четыре раза передъ зрителями

отсутствіе Макбета и, слѣдовательно, мы не можемъ принимать ихъ за отраженія его возбужденной фантазіи, за „галлюцинаціи", существующія только въ его воображеніи подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія. Въ 3-й сценѣ I акта, вмѣстѣ съ Макбетомъ, ихъ видитъ Банко и разговариваетъ съ ними. Шекспиръ былъ геніальный писатель и великій драматургъ, но жилъ онъ 300 лѣтъ назадъ, когда всѣ и самые умнѣйшіе, образованнѣйшіе люди вѣрили въ колдовство, въ вѣдьмъ и привидѣнія.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 г. Годъ четвертый. Томскъ. Изданіе Ф. И. Романова. Ц. 1 р. 50 к. Этотъ настольный календарь—обширный справочный сборникъ: 693 стр. текста и 384 стр. объявленій. Кромѣ обще-календарныхъ свѣдѣній, занимающихъ сравнительно небольшую часть (около $^1/_6$) календаря, календарь вмѣщаетъ въ себѣ обстоятельныя статьи—„*Европейцы и русскіе въ Китаѣ до начала XIX столѣтія*", „*Нѣсколько словъ о сибирской желѣзной дорогѣ*", „*Уссурійская жел. дор.*" Затѣмъ, экономическо-статистическій обзоръ всей Сибири распредѣленъ по губерніямъ и областямъ Сибири и составляетъ самую существенную, самую интересную часть изданія. Обзоръ *каждой области* (и губерніи) заключаетъ въ себѣ географическій очеркъ,—положеніе, флора, фауна, климатъ, населеніе,—затѣмъ экономическую дѣятельность населенія (промышленность, торговля), народное просвѣщеніе и благотворительность; наконецъ, во многихъ случаяхъ помѣщены описанія городовъ и ихъ жизни, причемъ описанія нѣкоторыхъ городовъ сдѣланы весьма обстоятельно. Описаніе *острова Сахалина* занимаетъ болѣе 20 страницъ убористой печати и довольно полно охватываетъ какъ природу острова, такъ и жизнь ссыльныхъ и вообще обывателей.

Въ статьѣ *Европейцы и русскіе въ Китаѣ до начала XIX стол.* отмѣчается то явленіе, что русскіе за все время—отъ 1330 г., когда при ханѣ Тутѣмурѣ небольшое число русскихъ составляли часть гвардіи богдыхана въ Пекинѣ, до конца XVIII вѣка, были съ Китаемъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и, несмотря на происки „Запада", держали себя до сего времени по отношенію къ Китаю—миролюбиво.

Дружескія отношенія Россіи съ Китаемъ еще болѣе упрочатся съ окончаніемъ постройки „великой" сибирской жел. дор., которая какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи *Нѣсколько словъ о сибирской жел. дор.*—„несокрушимый памятникъ культуры XIX вѣка" и „вступленіе на порогъ двадцатаго столѣтія, достойное великой русской націи!"... Сибирская жел. дор. протягивается отъ Челябинска до Владивостока на протяженіи *7,112* верстъ и является насущнѣйшею потребностью обширной Сибири.

Пока до устройства участка сибирской жел. дор. отъ Нерчинска до Хабаровска или черезъ Манджурію, участокъ *уссурійской* (отъ Хабаровска до Владивостока) является какъ бы отдѣльною линіей желѣзной дороги и носитъ названіе самостоятельной ж. д.—*Уссурійская ж. д.*, описанію которой и посвящена статья *Уссурійская жел. дор.*, занимающая 13 страницъ календаря (статья снабжена четырьмя рисунками—видами уссурійской жел. дор.). Вслѣдъ за этою статьей помѣщенъ біографическій очеркъ инженера *О. П. Вяземскаго*, строителя уссурійской жел. дор., которому выпала нелегкая доля—соорудить дорогу за тысячи верстъ отъ цивилизованнаго міра, въ полудикой странѣ.

Экономическо-политическій обзоръ охватываетъ губерніи и области:

степного генералъ-губернаторства, западно-сибирскія, иркутскаго и приамурскаго генералъ-губернаторствъ. Обзоръ по каждой губерніи (или области) составленъ весьма обстоятельно и пополненъ рисунками въ текстѣ и отдѣльными фототипіями. Обзоры, кромѣ статистико-географическаго описанія, пополняются историческими справками и статейками по разнымъ общественнымъ сторонамъ жизни.

Такъ: въ обзорѣ „Семирѣченской области" помѣщена историческая справка о колонизаціи края—*Краткій очеркъ колонизаціи края*; въ въ обзорѣ Якутской области—историческія подробности развитія *земледѣлія* въ этой почти полярной области, съ почвою, оттаивающею лишь на 1—1½арш. и съ вѣчно замерзшимъ слоемъ грунта въ *1,000* футъ; затѣмъ, въ обзорѣ острова Сахалина (отдѣльнаго военнаго губернаторства съ 1894 г.)—историческая справка объ открытіи острова и его заселеніи русскими. Наконецъ, многимъ обзорамъ, въ частности, предпосылается краткая историческая справка о развитіи той или другой промышленности, о заселеніи края, основаніи города (наприм., Аяна, Охотска) и т. п. Изъ этихъ краткихъ историческихъ справокъ можно создать себѣ нѣчто цѣльное объ исторіи Сибири и о развитіи ея общественнаго быта.

Останавливаться на обзорахъ каждой губерніи (или области) въ нашемъ сжатомъ библіографическомъ очеркѣ мы не имѣемъ возможности. Замѣтимъ только, что читатель всякой спеціальности—дѣлецъ или любитель—найдетъ въ обзорѣ много весьма полныхъ и достаточно точныхъ данныхъ для сужденія о положеніи той или другой отрасли общественнаго состоянія Сибири или о степени культурности той или другой мѣстности обширной Сибири, составляющей непочатый уголъ для развитія всякаго рода культуры и благихъ намѣреній. Весьма серьезнымъ препятствіемъ къ успѣшному развитію культуры въ Сибири служатъ—крайняя *недостаточность и неблагоустройство путей* (и вообще средствъ) *сообщеній* и малонаселенность страны. Первому на помощь идетъ „великая" сибирская жел. дор:, второму—все увеличивающееся годъ отъ году переселенческое движеніе. Эти два общественныхъ горя какъ недостатокъ путей сообщенія и малонаселенность — красною чертой проглядываютъ въ „обзорахъ" всѣхъ губерній и областей.

Въ Семирѣченской, между прочимъ, области „единственное колесное сообщеніе Семирѣчья съ Туркестанскимъ краемъ и Сибирью" лишь трактъ — сергіопольско-вѣрненско-карабалтинскій почтовый трактъ (стр. 132). „Новыхъ колесныхъ сообщеній въ 1894 г. не проложено. Главное препятствіе къ этому встрѣчается въ горахъ; благодаря имъ, и существующія колесныя дороги... очень далеки отъ названія прямыхъ сообщеній, что отражается на качествѣ и стоимости привозныхъ товаровъ" (стр. 133). Съ Китаемъ сообщеніе Семирѣчья тоже незавидное: такъ сообщеніе съ Китайскою Кульджей настолько плачевно, что почта совершаетъ путь въ 94 версты „лишь въ 48-часовой срокъ... Вообще „почтовымъ" положеніемъ Сибирь не можетъ похвалиться: в Семирѣчьи, наприм., *44 почтовыхъ ящика* (на 760 тыс. жителей 353,468 кв. вер.); въ любомъ заграничномъ городкѣ—больше ящиков Наиболѣе страдающею губерніей, относительно отсутствія путей сообщенія, является Якутская область, которая, несмотря на старан мѣстнаго купечества, добровольно откладывающаго по 1 р. 60 к. каждаго ящика чая на устройство путей сообщеній,—все еще, въ ч ченіе чуть ли не полстолѣтія, не можетъ дождаться удобнаго кол

наго сообщенія области съ побережьемъ Охотскаго моря, откуда она „прорубила себѣ окно“ въ зарождающуюся цивилизованную жизнь на побережьяхъ Тихаго океана.

Затѣмъ, читатель найдетъ много оригинальныхъ курьезныхъ свѣдѣній „въ обзорахъ“ губерній и областей. Особенно такими оригинальностями богата Якутская область и побережья Охотскаго моря и Камчатки.

„Борьба съ дороговизною жизненныхъ припасовъ самое больное мѣсто Якутской области“, а также сосѣдней Приморской области. Въ послѣдней, на помощь обывателямъ, пришла администрація, открывшая кредитъ инородцамъ на покупку жизненныхъ продуктовъ изъ первыхъ рукъ... Этимъ въ 1893 г. инородцы сберегли *34,000 р.* на товарѣ, обошедшемся имъ съ доставкою 8,409 р. 16 к. (стр. 320).

Якутская же область пока живетъ упованіями... Впрочемъ, мѣстная администрація Приморской области, по своимъ трудамъ на общественной нивѣ, представляетъ изъ себя что-то удивительное. Для примѣра возьмемъ и. д. полицеймейстера города Аяна—А. Ѳ. Попова:

Въ Аянѣ имѣется школа, и вотъ уже „скоро исполнится 10 лѣтъ, какъ въ этой школѣ безвозмездно учительствуетъ вышеозначенный... А. Ѳ. Поповъ, преподавая русскій языкъ, ариѳметику, географію, чистописаніе и рисованіе. Занятія въ школѣ идутъ круглый годъ 4 дня въ недѣлю. Благодаря этому, дѣти рабочихъ якутовъ говорятъ по-русски, читаютъ и пишутъ. Нѣкоторые изъ учениковъ этой школы поступили въ среднія учебныя заведенія Якутска. Тотъ же А. Ѳ. Поповъ состоитъ наблюдателемъ метеорологической станціи, открытой въ Аянѣ... въ 1889 г... Также безплатно г. Поповъ исполняетъ во время богослуженій въ церкви обязанности псаломщика, безъ чего нельзя было бы служить литургію. Онъ же лѣчитъ больныхъ и снабжаетъ ихъ лѣкарствами. Такимъ образомъ, совмѣщая въ своемъ лицѣ учителя, метеоролога, врача и псаломщика, этотъ безвѣстный труженикъ не получаетъ за свои труды ни копейки“ (стр. 498)!... Такого „полицеймейстера“ можно развѣ только сравнить съ исключительнымъ золотымъ самородкомъ.

Въ заключеніе прибавимъ, что лица, интересующіяся сооруженіемъ *манджурской жел. дор.*, найдутъ достаточно интересныхъ свѣдѣній о нашихъ окраинахъ, прилежащихъ къ Манджуріи, и о русскихъ торговыхъ сношеніяхъ (въ описаніяхъ Забайкальской, Амурской и Приморской областяхъ).

Календарь заканчивается перечнемъ *„сибирскихъ торговыхъ фирмъ“*, весьма полнымъ. Къ *Календарю* приложена карта Сибири въ масштабѣ 400 верстъ въ 1 дюймѣ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *январь*.—„Міръ Божій“, *февраль*.—„Вѣстникъ Европы“, *февраль*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *февраль*.—„Вѣстникъ Воспитанія“, *январь*.

Евгенія Андреевна Студенцова, героиня романа г. Боборыкина *По другому*, разыскивая новыхъ впечатлѣній и новыхъ людей, рѣшила прожить зимній сезонъ въ Петербургѣ. Живетъ она, знакомится съ разнообразною публикой — и все больше и больше охватываетъ ее томящая, зеленая скука. Такъ все шаблонно, такъ все выглажено, такое ездѣ плоскогорье, что просто отъ унынія очумѣть можно... Можно

себѣ представить, какая бы тоска одолѣла ее, еслибъ ей приходилось знакомиться не съ людьми, а съ нашей текущей журналистикой, — и не только знакомиться, а еще и говорить о ней. Можно съ увѣренностью сказать, что тогда она не только бы очумѣла съ тоски до того, что поѣхала бы въ маскарадъ съ дамой легкаго поведенія, какъ это она дѣлаетъ въ романѣ г. Боборыкина, а прямо-таки отъ тоски въ какой-нибудь омутъ съ головой бросилась. Наша журналистика, и въ особенности журнальная беллетристика, за послѣднее время все болѣе и болѣе превращается въ какую-то безводную и безплодную Сахару... Попала она на какую-то зарубку, на какую-то мертвую точку, и ни взадъ, ни впередъ тронуться съ этой мертвой точки не можетъ. Совсѣмъ не случайное явленіе, что именно теперь начинаютъ издавать сочиненія второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ беллетристовъ прошлаго времени, вродѣ, наприм., произведеній г. Наумова. Не случайное явленіе и то, что эти, такъ сказать, оторванныя брызги когда-то могучаго потока именно теперь имѣютъ успѣхъ, хотя они и раньше-то были интересны не столько сами по себѣ, сколько въ качествѣ частей единаго и значительнаго цѣлаго, частей и отблесковъ широкаго и глубокаго общественнаго и литературнаго движенія. Въ такомъ явленіи, въ возвратѣ къ литературнымъ движеніямъ и теченіямъ прошлаго есть, разумѣется, и очень хорошая сторона. Оно доказываетъ, что обществу, наконецъ, надоѣли разные самозванные пророки новыхъ словъ и новыхъ теченій и что оно съ жадностью припадаетъ своими изсохшими устами къ источникамъ прежнихъ жизненныхъ и животворныхъ теченій, даже не разбирая относительнаго значенія и силы этихъ источниковъ. Въ прошломъ, при всѣхъ его недочетахъ, хорошемъ и, главное, жизненномъ, оно ищетъ поученія и опоры.

Да, безспорно, въ возвратѣ къ старому, даже не въ видѣ перепѣвовъ, не въ видѣ повтореній, а просто въ видѣ перепечатокъ, есть нѣчто утѣшительное. Но вѣдь живое о живомъ и думаетъ. И вотъ это живое, по крайней мѣрѣ въ текущей журналистикѣ, является не живымъ, а вполнѣ мертвеннымъ,—до того мертвеннымъ, что критику приходится стать въ истинно-трагическое положеніе человѣка, которому не о чемъ разговаривать съ читателемъ... Поймите всю трагичность положенія такого человѣка: разговаривать онъ долженъ, потому что, какъ сказано, читатель, въ сущности, жаждетъ выслушать отъ него то, что таится въ глубинѣ души его самого, читателя, и сказать ему тоже есть что, но сказать *это* не о чемъ, нѣтъ повода. Онъ волей-неволей становится въ положеніе „Филиппа съ Конопли“, выскакивающаго съ своими разговорами въ такую минуту и по такимъ поводамъ, когда этого никто не ожидаетъ... Трагическое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-комичное положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ или, вѣрнѣе, по поводу чего прикажете разговаривать съ вами, читатель? Можетъ быть, по поводу дамской беллетристики г-жъ Смирновой (*Химера*, — *Съв. Вѣстн.*) и Гуревич (*Плоскогорье*, — тамъ же)? Но вѣдь если произведеніе г-жи Смирнов и написано живо и вполнѣ литературно, оно тѣмъ не менѣе принадл житъ къ разряду такихъ произведеній, съ которыми критикѣ дѣла нечего. Потому дѣлать нечего, что не только типовъ, но и живы лицъ въ немъ не имѣется; потому что ситуаціи и отношенія дѣйству щихъ лицъ или, лучше сказать, авторскихъ маріонетокъ представл ютъ нѣчто до крайности старое, заѣзженное и шаблонное; потому, к конецъ, что подобныя произведенія столь же легко читаются, как

легко забываются немедленно же по прочтеніи. Что касается до произведенія г-жи Гуревичъ, то оно длинно, сухо и даже безсмысленно. Это не „плоскогорье“, а просто ненаселенная, выжженная солнцемъ, лишенная всякихъ красокъ сѣрая пустыня, безотрадная плоскость, по которой катится немазаная телѣга г-жи Гуревичъ. Катится эта телѣга по безконечной плоскости, и безпощадно скрипятъ ея немазаныя колеса. Этотъ не прекращающійся ни на минуту скрипъ немазаной телѣги сначала терзаетъ измученные нервы читателя, а потомъ... Потомъ нервы утомляются, и усталый путникъ засыпаетъ тяжелымъ, свинцовымъ сномъ, и съ нимъ вмѣстѣ, кажется, засыпаетъ и самъ возница-авторъ. А телѣга знай себѣ скрипитъ да скрипитъ, уже просто по инерціи.

Можетъ быть, читатель желалъ бы поговорить о *Живой жизни* г. Потапенка (*Міръ Божій*)? Да, заглавіе романа г. Потапенка очень заманчивое. Помилуйте, „живая жизнь“,—да вѣдь именно этого-то намъ и нужно, этого-то мы и жаждемъ. Мы именно, какъ голодные дѣти по груди матери, истомились жаждой и голодомъ по живой жизни. Но — увы! — именно жизни-то, да еще живой жизни, мы и не находимъ въ романѣ г. Потапенка. Авторъ имѣетъ почетную и вполнѣ имъ заслуженную репутацію знатока и талантливаго изобразителя настоящей, подлинной жизни нашего духовенства, въ особенности деревенскаго. Такія его произведенія, какъ *На дѣйствительной службѣ*, *Шестеро* и многія другія описанія быта духовенства во всякомъ случаѣ нѣчто весьма цѣнное и значительное. Что онъ не исчерпалъ еще весь скопленный имъ раньше матеріалъ изъ жизни этихъ забытыхъ, это доказывается хотя бы его недавнимъ, очень красивымъ и жизненнымъ разсказомъ *Забытый пономарь* (*Новое Слово*). Но едва онъ задался честолюбивой мыслью написать большой романъ изъ жизни духовенства, оказалось, что жизни-то въ этомъ романѣ совсѣмъ не имѣется. Вмѣсто живой жизни авторъ преподнесъ читателю картину какой-то выдуманной скачки съ препятствіями. Герой романа, кончающій курсъ семинаристъ, на нѣсколькихъ страницахъ, въ теченіе одного дня, успѣваетъ выдержать экзаменъ, излить нѣсколько разъ въ теченіе того же дня свои стремленія къ чистой наукѣ, къ безкорыстному знанію, похоронить отца священника, умершаго чуть ли не въ тотъ же день, познакомиться съ интересною поповной и чуть ли даже не влюбиться въ нее. И все это въ одинъ день. При всемъ довѣріи къ свѣдѣніямъ автора относительно избранной имъ среды, читатель никоимъ образомъ не можетъ признать, что это именно и есть живая жизнь. Нѣтъ, это просто скачка съ препятствіями; это все, что вамъ угодно, только не жизнь. Жизнь совсѣмъ, совсѣмъ не такая бываетъ.

Въ той же книгѣ журнала *Міръ Божій* напечатаны летучія, импрессіонистскія замѣтки г. Гарина: *Картинки Волыни*. Замѣтки г. Гарина несомнѣнно талантливы. Вотъ, напримѣръ, одна изъ картинокъ г. Гарина: лежитъ старый пьяный хохолъ въ канавѣ у шинка; надъ нимъ останавливается старый николаевскій солдатъ, тоже пьяный. При видѣ пьянаго хохла эта „прѣль временъ“ вдохновляется и входитъ въ роль, такъ что ему позавидовалъ бы любой отецъ-командиръ. Ему, изволите видѣть, вспомнилось доброе старое время, и онъ начинаетъ кричать: „Палокъ. Бей... Разъ... Разъ!“ и отсчитываетъ удары по спинѣ пьяному. А старый хохолъ съ хохлацкой покорностью,—возвратилось доброе старое время, такъ возвратилось,—безпомощно вопитъ: помилуйте и т. д. Картинка хоть куда—и яркая и характерная.

Литературная физіономія г. Гарина опредѣлилась съ самаго начала

его литературной дѣятельности. Это импрессіонистъ чистѣйшей воды. Было бы напрасно искать у него какихъ-либо опредѣленныхъ общихъ принциповъ и принадлежности къ какому-нибудь идейному литературному направленію. Въ этомъ смыслѣ г. Гаринъ совершенно одинокъ въ нашей изящной литературѣ. Наша беллетристика почти безъ исключенія есть беллетристика идейная. И это независимо отъ талантовъ авторовъ, отъ художественности или нехудожественности ихъ произведеній, отъ тенденціозности или отсутствія тенденціи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, къ сожалѣнію довольно частыхъ, когда у авторовъ совсѣмъ не имѣется никакихъ идей, когда, въ сущности, они не принадлежатъ ни къ какой литературной группѣ, не примыкаютъ ни къ какому идейному литературному теченію, они, такъ сказать, вымучиваютъ изъ себя какую-нибудь идею и пытаются слить ее съ своими образами. Ничего подобнаго, собственно говоря, не имѣется у г. Гарина. Это писатель впечатлѣнія, по большей части минутнаго. Тѣ проблески идеи, которые встрѣчаются въ произведеніяхъ г. Гарина, всегда являются чѣмъ-то внѣшнимъ, отнюдь не вытекающимъ изъ непосредственной сущности авторской натуры, отнюдь не сливающимся съ его образами. Всѣ тѣ критики, которые въ началѣ литературной дѣятельности г. Гарина видѣли въ немъ восходящую звѣзду въ нашей идейной беллетристикѣ, по нашему мнѣнію, сильно ошибались. Уже въ первомъ его произведеніи: *Десять мѣтъ въ деревнѣ*,—произведеніи, по нашему мнѣнію, лучшемъ,—замѣчались признаки отсутствія у автора опредѣленныхъ общественныхъ взглядовъ и нѣкоторое колебаніе въ отношеніяхъ къ наиболѣе крупнымъ и основнымъ вопросамъ нашей дѣйствительности и главное,—къ вопросу объ отношеніяхъ между интеллигенціей и крестьянствомъ. Уже тогда попахивало чѣмъ-то вродѣ не то земскаго начальника, не то дилетанта-демократа. Все это, разумѣется, только казалось. На самомъ же дѣлѣ мы просто имѣли дѣло съ импрессіонистомъ. Идеи отсутствовали и отсутствовали онѣ, можетъ быть, именно потому, что впечатлѣнія, оставляемыя явленіями жизни въ душѣ автора, слишкомъ ярки и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ летучи и непереработаны, не прокипѣли въ ретортѣ сознательнаго художественнаго творчества. Если читатель не забылъ нашихъ обозрѣній за послѣдніе два года, онъ помнитъ, что именно съ такой точки зрѣнія мы и разсматривали всегда произведенія г. Гарина и его *Дѣтство Темы* и его *Студентовъ*.

Г. Гаринъ въ качествѣ импрессіониста, повторяемъ, одинокъ въ нашей беллетристикѣ. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ желать и надѣяться, что онъ и останется одинокимъ. Что бы тамъ ни говорили искатели новаго искусства, новой красоты, русское искусство было и останется искусствомъ идейнымъ по преимуществу. Этого, очевидно, требуетъ самый характеръ нашего народа, и еще болѣе этого требуетъ его исторія и въ прошломъ и въ настоящемъ, и навѣрное долго это не измѣнится; долго еще наше искусство не откажется отъ своей почетной роли проводника идей въ общественное сознаніе, еще довольно скудное идеями; долго еще оно будетъ трубачомъ и знаменосцемъ общественнаго мышленія и общественныхъ стремленій къ активности.

До какой степени ярки и не переработаны впечатлѣнія г. Гарина, какую путаницу они могутъ производить въ общихъ теоретическихъ положеніяхъ автора,—поскольку, разумѣется, можно говорить объ общихъ теоретическихъ положеніяхъ у импрессіониста,—это доказывается хо

бы его разсужденіями по поводу положенія крестьянъ полѣшуковъ (обитателей Полѣсья). „Аборигены страны, полѣшуки, нѣчто вродѣ зубровъ, тоже единственное въ своемъ родѣ явленіе и производятъ сильное, оригинальное впечатлѣніе—говоритъ г. Гаринъ.—Этотъ дикій народъ почти до послѣднихъ мгновеній сохранилъ въ цѣлости строй, который и до сихъ поръ еще для многихъ является идеаломъ народной жизни. Полѣшукъ гордится, а съ нимъ гордятся и его друзья, что онъ, вѣка вываривaясь въ своемъ тѣсномъ общинномъ соку, сохранилъ всю свою старину, весь свой бытъ и до сихъ поръ, какъ и при святомъ Владимірѣ, ничего не продаетъ, ничего и не покупаетъ. Шапка, сапоги, одежда, пышный головной уборъ—все, все свое. Донималъ было безхитростнаго полѣшука полякъ, еврей; но болѣе сильная рука взяла его подъ опеку, и полякъ и еврей сидятъ теперь на цѣпи и скалятъ голодные, но безвредные уже зубы на недосягаемаго полѣшука“... Но вотъ пришли въ болотистую Волынь нѣмцы и бросаетъ полѣшукъ землю.

Яркое это впечатлѣніе и у г. Гарина оно порождаетъ немедленно такія соображенія: „Какъ же быть? Какъ возвратить полѣшуку его утерянный рай? Нѣтъ времени полѣшуку думать объ этомъ: за лѣскомъ уже синѣетъ дымокъ,—пора идти на заводъ“. „Что же дѣлать?—мелькаетъ во взволнованной яркими впечатлѣніями головѣ нашего импрессіониста—отнять у нѣмцевъ землю, уничтожить фабрики, заводы, не строить желѣзной дороги? Не признавать всей этой новой жизни, или признавать, что жизнь идетъ не по тому или другому желанію, а по своимъ вѣчнымъ, неумолимымъ, какъ сама природа, законамъ? Проклятіе! Трижды проклятіе!“

Впечатлѣнія, какъ видите, такъ ярки, что они ослѣпляютъ самого автора и доводятъ его до трепета ужаса и, не перерабатываясь въ горнилѣ мышленія, выливаются въ крикахъ не то озлобленія, не то злораднаго торжества. Посмотрите, однако, что могло бы выйти при той же яркости впечатлѣній не у импрессіониста, которымъ впечатлѣнія овладѣваютъ до утраты имъ сознанія дѣйствительности, а у подлиннаго идейнаго художника, который умѣетъ перерабатывать такія впечатлѣнія въ ретортѣ сознательнаго творчества. Полѣшукъ варился вѣка въ тѣсномъ общинномъ соку, сказалъ бы себѣ этотъ предполагаемый художникъ. Но развѣ общинный сокъ непремѣнно долженъ быть *тѣснымъ?* Что воспрепятствовало ему быть не тѣснымъ, а широкимъ? Нѣтъ ли такихъ условій, которыя даже и теперь, при нѣмцѣ и его заводѣ, помогли бы этому общинному соку разлиться на широкое пространство и захватить собой все, живую жизнь народа? Отнять у нѣмца землю? Зачѣмъ же? Ее, пожалуй, хватитъ и для нѣмца и для полѣшука. Попадаетъ же она въ руки разныхъ проходимцевъ, да и вообще извѣстно вѣдь, что на югѣ при все болѣе развивающемся безземельи существуютъ латифундіи и просто пустыри. Уничтожить заводы, фабрики? Къ чему такіе ужасы? Возможно вѣдь, что при иныхъ условіяхъ они или сами уничтожились бы, какъ растеніе чужеядное и искусственно выращенное, или, что вѣроятнѣе, перешли бы къ другому типу производства, при которомъ дымокъ тоже синѣлъ бы, но бросать землю не требовалось бы. Сильная рука посадила на цѣпь поляка и еврея для спасенія полѣшука? А можетъ быть для его спасенія этого вовсе и не требовалось, а нужно было просто дать полѣшуку орудіе для борьбы, въ формѣ, напримѣръ, школы, знанія и т. д. Вотъ вѣдь какія соображенія могли бы появиться

въ головѣ у писателя не импрессіониста, а дѣйствительно идейнаго... И замѣтьте, что эти соображенія состоятъ именно изъ *желаній*, — такъ что вопросъ о яко бы вѣчныхъ, неумолимыхъ, какъ сама природа, законахъ жизни и исторіи получаетъ совсѣмъ иное рѣшеніе. На первый планъ выдвигается самъ человѣкъ и его желанія, какъ основной факторъ жизни и исторіи, а природа затѣмъ вѣдь только и существуетъ (для человѣка, конечно. Не для него и помимо его она существуетъ сама для себя, просто существуетъ—и все тутъ), чтобы быть храмомъ и мастерской, въ которой, работая, человѣкъ борется съ ней. При такомъ истинно-активномъ и потому истинно-художественномъ воззрѣніи на жизнь и на природу остается достаточно мѣста для какихъ-то тамъ яко бы вѣчныхъ и неумолимыхъ законовъ жизни. Не для человѣка, не для его воли такіе неумолимые законы писаны, хотя законы природы, дѣйствительно, остаются неумолимыми. Работать надо, мыслить надо и умирать надо. Но дальше этого неумолимость законовъ природы не простирается.

Въ январьской книгѣ *Русск. Богат.* помѣщены двѣ большія вещи: повѣсть г-жи Николаевой: *Молодые всходы старой полосы* и романъ г. Булыгина: *Расплата*. Повѣсть г-жи Николаевой представляетъ пока перепѣвъ съ хорошаго образца, съ *Морскихъ разсказовъ* г. Станюковича. Тѣ же типы, даже та же манера настолько, конечно, насколько манеры какого-нибудь русскаго птиметра похожи на манеры настоящаго маркиза временъ Людовиковъ. Представьте себѣ какого-нибудь *Грознаго адмирала*, растянутымъ на десятки, даже на сотни страницъ, и притомъ растянутымъ вяло, скучно, безвкусно—и вы получите повѣсть г-жи Николаевой. Это значитъ перемалывать цѣнное зерно въ малопитательную и безвкусную труху. *Морскіе разсказы* г. Станюковича создали автору, какъ справедливо замѣтилъ г. Южаковъ, репутацію европейскаго писателя; но можно съ увѣренностью сказать, что его подражательница не добьется своимъ разсказомъ такой репутаціи.

Романъ г. Булыгина безспорно интереснѣе, но... Сказать о немъ что-либо положительное пока нельзя. Это можетъ быть и хорошей и очень плохой вещью. Тема автора довольно любопытна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно заѣзжена. Она состоитъ, повидимому, въ томъ (романъ будетъ въ трехъ частяхъ и въ разбираемой книгѣ не кончена еще и первая часть. Потому мы и говоримъ: повидимому), чтобы прослѣдить результаты дегенераціи одной дворянской семьи. Семья стараго либеральнаго и просвѣщеннаго помѣщика вырождается и вымираетъ. Отъ нея остались только два человѣка, сынъ и племянникъ; остальныхъ членовъ семьи Вакуловъ похоронилъ. Эти два члена тоже дегенераты, каждый въ своемъ родѣ. Сынъ также, какъ его братья и сестры, унаслѣдовалъ отъ матери злую чахотку; онъ, повидимому, здоровъ, но, въ сущности, и физически и морально представляетъ ходячаго мертвеца, лишеннаго интереса къ чему бы то ни было, кромѣ развѣ своего здоровья; это человѣкъ глубоко эгоистичный и даже злой. Племянникъ, напротивъ, силачъ и здоровякъ, жизнерадостный, могучій богатырь; но и онъ дегенерантъ, потому что унаслѣдовалъ отъ предковъ безумную страстность, заставляющую его прожигать жизнь и совершать рядъ дѣяній, свойственныхъ только неуравновѣшенной, не вполнѣ здоровой психической натурѣ. Оба дегенеранта влюбляются, каждый опять-таки по-своему, въ одну дѣвушку, дочь скромнаго судьи, изображающаго въ семьѣ какой-то священный сосудъ, съ которымъ вся семья и носится... Типы какъ будто и есть, и довольно ориг

нальные; но очерчены они очень неопредѣленными контурами и совершенно лишены красокъ. У автора во всякомъ случаѣ нѣтъ того великаго искусства, которое нѣсколькими штрихами обрисовываетъ личность. Второстепенныя личности: Дуня, мѣщанская дѣвушка, которой Викторъ (племянникъ) завладѣлъ гдѣ-то въ Западномъ краѣ посредствомъ варварскаго насилія и вывезъ къ себѣ въ деревню, и ея родственникъ, жуликъ и золоторотецъ Никешка, обрисованы болѣе ярко. Но все же такому Никешкѣ куда далеко хоть бы до *Челкаша* г. Горькаго. Съ внѣшней стороны онъ, пожалуй, и не лишенъ яркой окраски, но внутренняя, духовная его физіономія остается закрытой для читателя также, какъ и внутренняя духовная жизнь Дуни. Вообще говоря, о романѣ г. Булыгина пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Онъ не возбуждаетъ сразу эстетической эмоціи въ читателѣ, не захватываетъ его вниманія и даже не заинтересовываетъ. Читатель остается холоднымъ и равнодушнымъ, а это вообще плохая прогностика для автора. А впрочемъ, увидимъ.

Намъ не одинъ разъ въ нашихъ обозрѣніяхъ приходилось указывать на мертвую точку, на какую попала русская беллетристика, и разъяснять вѣроятныя причины этого явленія. Эти причины, по нашему мнѣнію, состоятъ не въ отсутствіи талантовъ, болѣе или менѣе сильныхъ, болѣе или менѣе оригинальныхъ, и не въ однихъ только такъ называемыхъ внѣшнихъ условіяхъ, хотя несомнѣнно, что эти послѣднія играютъ немаловажную роль, по крайней мѣрѣ въ направленіи обостренія литературнаго кризиса, а въ болѣе общей причинѣ, въ настроеніи самого общества. Дѣло въ накопленіи въ общественномъ сознаніи, по крайней мѣрѣ въ сознаніи наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ слоевъ, выразительницей котораго, собственно говоря, и является подлинная, серьезная литература, цѣлой массы вполнѣ выработанныхъ и достаточно опредѣленныхъ общихъ идей, до сихъ поръ не находящихъ своего выраженія въ жизни, неосуществимыхъ.

Что бы ни говорили разные импрессіонисты, вродѣ г. Гарина и иныхъ „русскихъ учениковъ“, движеніе жизни опредѣляется отнюдь не вѣчными и неумолимыми, какъ прежде, законами, а человѣческими *желаніями*, какъ мотивами научныхъ и общественныхъ дѣйствій. Идея же, въ томъ случаѣ, когда оная наполняетъ собою сознаніе и при этомъ не находитъ реальнаго осуществленія въ жизни, не реализируется, получаетъ всѣ свойства *желанія*, т.-е. причиняетъ *страданіе*. И это страданіе жгучее. Столь жгучее, что оно препятствуетъ дальнѣйшей выработкѣ идей, отчасти и выработкѣ новыхъ формъ, въ которыхъ выливается идея... Литература же въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—тутъ мы исключаемъ изъ этого понятія литературу дѣловую, имѣющую свое особое право на существованіе,—есть не что иное какъ орудіе и средство выработки идей и формъ. Бываютъ моменты въ исторіи литературы, когда она *должна* попасть на такую „мертвую точку“, о которой мы говорили выше, должна какъ будто пріостановиться въ своемъ развитіи и ждать... Такіе моменты наступаютъ именно тогда, когда сама жизнь находится на такой же мертвой точкѣ, когда она, переполнившись до краевъ опредѣленными и вполнѣ выработанными идеями, останавливается въ нѣкоторомъ недоумѣніи предъ ихъ осуществленіемъ, когда общество томится и страдаетъ отъ жгучей боли, причиняемой ему нереализированными идеями-желаніями, идеями-силами, по выраженію Л. Уорда (первое выраженіе) и Фуллье (второе). Эти идеи-желанія, идеи-силы должны привести его

не къ выработкѣ новыхъ идей и новыхъ формъ идеи, а къ осуществленію уже выработанныхъ, къ общественному дѣйствію.

Вообще говоря, связь между литературой и жизнью, по нашему мнѣнію, недостаточно ясно формулирована, хотя она и сознается всѣми. Обычное опредѣленіе литературы, какъ отраженіе жизни, неудовлетворительно уже потому, что оно слишкомъ механическое и возбуждаетъ то возраженіе, что отраженіе въ зеркалѣ будетъ различно, смотря по свойствамъ самого зеркала. Мы думаемъ, что отношеніе литературы къ жизни болѣе прочное, менѣе механическое, болѣе, если можно такъ выразиться, органическое. Литература—это плодъ, которымъ вѣчно чревата ея великая мать—жизнь; первая только и питается соками второй, здоровыми или больными, живительными или убивающими. Въ очень любопытныхъ во многихъ отношеніяхъ *Замѣткахъ объ искусствѣ* г. Антокольскаго (*Вѣст. Евр.*) мы встрѣчаемъ такое замѣчаніе: „Французское искусство еще не нашло своихъ устоевъ, своего настоящаго идеала, но это вина не искусства, а силы обстоятельствъ... Напротивъ, въ то время, какъ искусство въ другихъ странахъ отдѣлялось отъ дѣйствительности, французы все болѣе и болѣе приближались къ ней; въ то время, когда художники всего міра засыпали надъ своими выдуманными идеями, французскіе художники бодрствовали, ища настоящаго. Найдутъ ли они его — это другой вопросъ. Я думаю, нѣтъ,—пока у самого общества не создастся этотъ идеалъ. И далѣе: „Истинное искусство не есть что-нибудь переходное, а то, что было, есть и будетъ. Имя этому—душа, но душа разумная, полная и прекрасная, какъ *по содержанію*, такъ и по формѣ... Гдѣ бы ни появилось такое искусство,—этимъ мы будемъ обязаны Франціи...“ Можно, разумѣется, не вполнѣ соглашаться съ г. Антокольскимъ, но основная его мысль по непосредственной и причинной связи между жизнью и искусствомъ (*mutatis mutandis*—и литературой) выражена имъ съ достаточною опредѣленностью. Общее впечатлѣніе, производимое его статьей, то, что во Франціи теперь сплошной праздникъ искусства и литературы. И это потому, что празднуетъ сама жизнь. Не всегда, разумѣется, тамъ жизнь и литература праздновали.

Кстати нѣсколько словъ о праздникѣ на нашей литературной улицѣ. Именно такое выраженіе появилось въ нѣкоторыхъ органахъ печати, разумѣется, ежедневныхъ и, разумѣется, близкихъ къ улицѣ и къ ея настроенію по поводу образованія „союза писателей“. Слѣдуетъ отдать справедливость серьезнымъ органамъ печати, что они не послѣдовали примѣру своихъ болѣе легковѣсныхъ собратій и праздновать не собираются. Г. Михайловскій, напримѣръ, говоря о „союзѣ“, выразился такъ: „союзъ взаимопомощи русскихъ писателей можетъ быть и очень большимъ дѣломъ и круглымъ нулемъ. Стать тѣмъ или другимъ зависитъ, конечно, не отъ него одного“.

По поводу мнимаго праздника на литературной улицѣ сказалъ свое слово и г. Волынскій. И, по обыкновенію, это слово есть „новое слово“. Идеалистическая мельница, о чемъ бы она ни молола, всегда в мелетъ нѣчто во славу идеалистической философіи и новаго искусств „Въ русской литературѣ,—утверждаетъ г. Волынскій,—за послѣдн годы не случилось ничего такого, что могло бы по справедливост считаться радостнымъ праздничнымъ событіемъ, потому что такія с бытія создаются только *литературными* дѣлами и явленіями. Если кто-нибудь написалъ романъ, повѣсть, даже маленькое стихотворе или статью съ признаками большого литературнаго таланта (вро

статей самого г. Волынскаго? Авторъ скроменъ и довольствуется даже *маленькимъ литературнымъ* событіемъ)—это было бы дѣйствительнымъ праздникомъ для литературы. „Союзъ“ будетъ дѣлать свое житейское дѣло, а литература будетъ терпѣливо ждать лучшихъ дней, своего новаго возрожденія, съ вѣрою въ свое особое, *не житейское* призваніе“.

Очевидно, что г. Волынскій считаетъ дѣломъ литературы подготовленіе общества и отдѣльнаго человѣка къ лучшей, неземной жизни. Ну, и пусть его. А литература и общество не къ лучшей жизни подготовляться хотятъ, а просто жить и отвѣчать запросамъ и требованіямъ жизни. Дѣло литературы настолько же дѣло *житейское*, какъ и дѣло самой жизни. Ихъ задачи одинаковы, какъ для человѣка одинаковы задачи явленія причиннаго и явленія, обусловленнаго этимъ причиннымъ явленіемъ. Не *литературныя* явленія, какъ бы велики они ни были сами по себѣ, создаютъ литературные праздники, а явленія жизни. Г. Волынскій вообще въ нашей литературѣ представляетъ нѣкотораго Ивана Непомнящаго. А мы помнимъ, что въ тяжелую, почти роковую для литературы эпоху 48—56 годовъ создавались величайшія произведенія нашей словесности—и, однако, говорить о праздникѣ на литературной улицѣ въ то время можно только по недоразумѣнію. Тогда дѣйствовали могучія внѣшнія причины и, какъ чисто-внѣшнія, онѣ не могли играть той рѣшающей роли, какую играютъ обыкновенно причины внутреннія. Соединеніе же внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ обыкновенно оказывается почти роковымъ—на время, разумѣется.

Для иллюстраціи изложенныхъ выше нами мнѣній приведемъ, въ противность нашему обыкновенію, одно стихотвореніе: „жжетъ морозъ, бушуетъ вьюга... а въ окнѣ, питомцы юга, улыбаются цвѣты... въ нашей жизни мракъ и холодъ, розамъ счастья не цвѣсти“. И поэтъ рекомендуетъ пріютить ихъ въ душѣ. „Сохрани съ заботой нѣжной ихъ въ тепличной тишинѣ,—совѣтуетъ онъ,—чтобъ дрожащихъ въ стужѣ снѣжной согрѣвать мечтой мятежной о чарующей веснѣ“.

Хорошая и изящная вещь цвѣты и не любить ихъ—признакъ не полной натуры. Но когда на дворѣ „жжетъ морозъ, бушуетъ вьюга“, когда дрожащіе въ „стужѣ снѣжной“ путники не могутъ найти дороги, такъ какъ всѣ пути-дороженьки сугробами завалены, нормально чувствующій и нормально мыслящій человѣкъ не о „питомцахъ юга“ заботиться будетъ, а пойдетъ отгребать дорогу и спасать замерзающихъ... Ему надо дѣлать житейское дѣло, а не „согрѣвать себя мечтой мятежной о чарующей веснѣ“, которая безъ его житейскаго дѣла и наступить-то не можетъ.

Итакъ, дѣло литературы и дѣло жизни, иначе говоря общества, есть одно и то-же дѣло, хотя и въ разныхъ его формахъ. И если литература попадаетъ на мертвую точку—это означаетъ, что на такой же мертвой точкѣ временно, повидимому, находится и жизнь, и общество. На самомъ-то дѣлѣ, конечно, и жизнь, и общество никогда не находятся на мертвой точкѣ, также какъ подготовленіе къ прыжку, въ сущности говоря, не есть пріостановка движенія, а только скрытое движеніе, какъ бываетъ скрытая теплота. Читатель, который предположилъ бы, что мы вину нахожденія литературы на мертвой точкѣ взваливаемъ на плечи нашего бѣднаго Макара-общества, не проявилъ бы этимъ продположеніемъ особой проницательности. Нѣтъ, достаточно и безъ насъ на этого бѣднаго Макара шишекъ валится, и мы не намѣреваемся прибавить къ нимъ ни одной новой съ своей стороны.

Вѣстникъ Воспитанія, *январь.* До какой степени въ нашемъ обществѣ сохранились еще слѣды крѣпостническихъ воззрѣній, видно изъ тѣхъ возраженій, какія дѣлаются сторонниками народнаго невѣжества—не смѣйтесь, у насъ такіе есть!—противъ защитниковъ всеобщаго обученія.

Почтенный педагогъ, спеціально много работавшій надъ изученіемъ этого вопроса, В. П. Вахтеровъ, въ статьѣ *Къ вопросу о всеобщемъ обученіи*, приводитъ эти возраженія и неотразимо ихъ опровергаетъ. Управлять народомъ образованнымъ труднѣе, нежели необразованнымъ,—провозглашаютъ враги грамотности. „Но какой же народъ,—возражаетъ имъ г. Вахтеровъ,—правильнѣе и скорѣе пойметъ и свои интересы, и правительственныя мѣропріятія, направленныя къ его благу? Невѣжественные люди могутъ совершенно превратно истолковать каждую мѣру, принятую къ огражденію ихъ здоровья или благосостоянія". И онъ напоминаетъ о звѣрскомъ отношеніи дикой толпы къ врачамъ во время холеры, къ ветеринарамъ во время чумы рогатаго скота; о такъ называемомъ картофельномъ бунтѣ въ 1842 году и проч.

Другіе изъ противниковъ всеобщей грамотности жалуются, что господамъ придется плохо жить: у нихъ не будетъ прачекъ, лакеевъ, горничныхъ и т. п. Образованные люди не захотятъ играть роль прислуги. Нелѣпость подобнаго сужденія очевидна. Но есть другое соображеніе, которое на первый взглядъ можетъ показаться нелишеннымъ основанія. Говорятъ, что школа отрываетъ крестьянина отъ земли и заставляетъ его искать болѣе легкаго заработка. Правда, что тяжелыя экономическія условія побуждаютъ иного крестьянина бросать землю и идти въ городъ, на фабрику, на желѣзную дорогу. Вина здѣсь лежитъ не на школѣ. Во всякомъ случаѣ, даже учащіеся въ сельскомъ училищѣ дѣти не отрываются отъ работъ въ деревнѣ, потому что постоянно въ теченіе лѣтняго рабочаго времени ученики свободны. Съ цифрами въ рукахъ г. Вахтеровъ показываетъ, что школьное образованіе нисколько до сихъ поръ не вліяло на стремленіе крестьянъ уйти отъ земли; что ничтожнѣйшій процентъ изъ числа окончившихъ курсъ въ школѣ покидаетъ родину.

Какъ ни дики, какъ ни безсмысленны сужденія противниковъ народной грамотности, но нельзя съ ними не считаться, нельзя съ ними не бороться, когда мы такъ невѣжественны, что отстали отъ всего культурнаго міра. Ни одна европейская страна не найдетъ у себя даже одного безграмотнаго на сотню; кое-гдѣ *на тысячу* насчитаете 2—8 безграмотныхъ человѣкъ. За то Россія, Сербія и Румынія такъ отстали, какъ будто это азіатскія, а не европейскія государства: на 100 рекрутъ приходится у насъ 68,70 безграмотныхъ, въ Сербіи — 79,3 и въ Румыніи — 89,1.

Пора, пора приняться за энергичныя мѣры борьбы съ такимъ невѣжествомъ! Невѣжество, дикость и вытекающая изъ того приниженность народной массы какъ нельзя ярче выражаются въ тѣхъ сочиненіяхъ учениковъ сельскихъ училищъ, которыя собралъ г. Петровъ и приводитъ, въ видѣ образцовъ, въ своей статьѣ. Вы видите, что дѣти рано приглядываются къ картинамъ невеселой деревенской жизни, рано свыкаются съ бѣдностью и зависимостью своею отъ всякаго кулака, отъ всякаго ростовщика, отъ любого эксплуататора ихъ силъ и труда. Свыкаются и—примиряются, и не догадываются о возможности и полномъ своемъ правѣ бороться противъ всякой вопіющей неправды, про-

тивъ всякой подлости и эксплуатаціи. Нѣ догадываются о мѣрахъ борьбы, потому что не знаютъ ни своихъ правъ, ни чужихъ обязанностей,—ничего, что могло бы помочь имъ выйти изъ тягостнаго положенія,—юридическаго, экономическаго и нравственнаго...

Спитъ тяжелымъ сномъ русскій народъ, закоснѣлый въ старыхъ понятіяхъ и предразсудкахъ; спитъ въ своей косной неподвижности и русская народная школа, застывъ въ однообразныхъ, узкихъ, скромныхъ формахъ, отведенныхъ ей уже давно и словно навсегда безъ разрѣшенія—мѣнять, улучшать, расширять рамки, обновлять дѣло, вести его къ дальнѣйшему совершенствованію. Статья г-жи Янжулъ невольно побуждаетъ насъ къ сравненіямъ весьма нелестнымъ для нашего національнаго самолюбія. Почтенная изслѣдовательница разсматриваетъ довольно щекотливый вопросъ: „чѣмъ отличается американская школа отъ русской?“ Отличій такъ много, что всѣхъ и не приведешь...

За то академикъ И. И. Янжулъ хотя и вдохновляется той же Америкой, что̀ и г-жа Янжулъ, но высказываетъ *отъ себя* нѣкоторыя слишкомъ рискованныя педагогическія положенія. Онъ разсуждаетъ такъ: пишущія машины Ремингтона оказались очень полезны ему, академику Янжулу, а стало-быть онѣ полезны всѣмъ дѣтямъ... Но, позвольте, вѣдь г. Янжулъ—не ребенокъ. Стало-быть его примѣръ—для дѣтей не резонъ. Беремъ его второй аргументъ. Работа на машинѣ пріучаетъ человѣка „къ порядку и подчиненію ему“. А какая же работа освобождаетъ насъ отъ порядка и подчиненія ему? Третій аргументъ: требуются при писаніи на ремингтоновой машинѣ вниманіе и дисциплина воли. Но эти качества достаточно утилизируются и при изученіи древнеклассическихъ грамматикъ и прочихъ школьныхъ предметовъ.

Не менѣе вѣски и слѣдующіе аргументы: пишущая машина пріучаетъ къ наблюдательности, потому что если мы не наблюдаемъ за своей машиной, то натворимъ ошибокъ и неточностей; она учитъ насъ *разсуждать,* строить „силлогизмы“, какъ выражается г. Янжулъ, и приводитъ для примѣра такой трогательный силлогизмъ: „если, положимъ, рычажокъ съ извѣстной буквой ударилъ у меня два раза по одному и тому же мѣсту, то это значитъ, что я забылъ сдѣлать то-то,—слѣдовательно, для того, чтобъ исправить, мнѣ предстоитъ совершить такое-то дѣйствіе“ и т. д.

Г. Янжулъ не замѣчаетъ, что если разсуждать по его методу, то все на свѣтѣ имѣетъ великое педагогическое значеніе. Наприм., пить чай. Для этого надо быть *внимательнымъ,* иначе мы обольемся; *наблюдательнымъ,* иначе мы съѣдимъ муху, попавшую въ стаканъ; *разсудительнымъ,* чтобы строить „силлогизмъ“ вродѣ слѣдующаго: „если, положимъ, чай вылился изъ блюдечка на сюртукъ, то это значитъ, что я забылъ придержать блюдечко крѣпче,—слѣдовательно для того, чтобъ исправить бѣду, надо скорѣе обтереться полотенцемъ или платкомъ и т. д.

Однимъ словомъ, бѣда, коль финансистъ займется педагогикой.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 марта 1897 г.

Бертильонъ, Ж. Курсъ административной статистики. Со вступ. статьей А. Ѳ. Фортунатова. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бильдерлингъ. Бесѣды по земледѣлію. Съ рисунк. Спб. Ц. 40 к.

Бобровницкій, Иннокентій. Существенныя черты православнаго нравоученія. Опытъ курса VIII класса гимназіи. Елисаветградъ, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бржескій. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Спб., 1897 г. Ц 4 р.

Брюсовъ, Валерій. Me eum esse. Новая книга стиховъ. М., 1897 г.

Бунинъ. На край свѣта. Кастрюкъ. Спб. Ц. 10 к.

Вахтеровъ, В. Народныя чтенія. Изд. журнала „Русская Школа“. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Викторовъ, П. П., д-ръ. Дальнѣйшее развитіе и успѣхи Брунъ-Секаровскаго способа. Лѣченіе болѣзней подкожными впрыск. вытяжекъ изъ органовъ животныхъ. Вып. I. М., 1897 г. Ц. р. 25 к.

Welschinger, Henri. Le roi de Rome. Paris, 1897 г.

Вучетичъ, Н. Г. Двѣ легенды. Съ рис. Одесса, 1897 г. Ц. 15 к.

Гельмгольтцъ. О сохраненіи энергіи. Ц 15 к.

— Популярныя рѣчи. Перев. слушательн. высшихъ женскихъ курсовъ. Спб., 1897 г. Ц. р.

Горовая, Н. Я. Гигіеническіе очерки. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. Спб., 1897 г. Ц. 80 к.

Дарвинъ, Ч. Измѣненіе животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Деревенскіе разсказы. Сборникъ. М., 1897 г.

Діатроптовъ, П. О чумѣ. Докладъ читан. въ общ. рус. врачей въ Одессѣ. 1897 г Ц. 20 к.

Додю, Гастонъ. Исторія монархическихъ учрежденій въ латино-іерусалимскомъ королевствѣ 1099—1291 гг Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Долгоруковъ, В. А. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жизнь — любовь. Сборникъ I-й. Составл. Кабановъ. М., 1896 г. Ц. 30 к.

Житейскія невзгоды. Сборникъ. М., 1897 г. Ц. 10 к.

Жуковскій, В. П. Склерома новорожденныхъ. Докладъ читан. на VI-мъ съѣздѣ врачей въ память Пирогова въ Кіевѣ. Спб., 1897 г.

Закревскій, И. О настоящемъ и будущемъ судѣ присяжныхъ. Спб., 1897 г. Ц 1 р 25 к.

— Уголовная антропологія на женевскомъ межународномъ конгрессѣ. Спб., 1897 г.

Злотчанскій, П. Прямолинейная тригонометрія для средн. учебн. завед. 2-е изд. Одесса, 1897 г. Ц. 75 к.

Кейръ, Фр. Воспитаніе характера. Перев. Линда. М., 1897 г. Ц. 10 к.

Киддъ, Веніаминъ. Соціальное развитіе. Перев. съ англ. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Краевскій, А. Практическія замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Спб 1897 г. Ц. 50 к.

Лазариль изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. Перев. съ испанскаго. Спб 1897 г. Ц. 75 к.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Перев. съ франц. Изд. 2-е журн. „Образованіе“. Спб., 1897 г. Ц. 75

Латышевъ, В. Руководство къ преподаванію ариѳметики. Изд. Тихомирова. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Лассаль, Ф., его жизнь, труды и общ. дѣят. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. очеркъ Классена. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Лейкинъ, Н. А. Среди причта. Романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Литвинъ, С. К. Среди евреевъ. Спб., 1897 г.

Маминъ-Сибирякъ. Алёнушкины сказки. М., 1897 г.

Мейснеръ, Александръ. Стихотворенія. Самара, 1897 г. Ц. 50 к.

Невѣжинъ, П. М. Жестокая воля. Повѣсть. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. Соколиныя гнѣзда. М., 1897 г. Ц. 75 к.

Никоновъ, С. П. Планъ лекцій по русскому гражданскому праву. Ч. I.

— Усадебныя земли крестьянъ общинниковъ.

— Круговая порука, какъ обезпеченіе обязательствъ. Ч. I и II. Спб., 1896 г.

Никольскій. Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ. Варшава, 1897 г.

Nietzki, R. Химія органическихъ красящихъ веществъ. Перев. съ нѣм. Съ таблицей Ш. Юліуса. Спб., 1896 г. Ц. 4 р.

Обычное право крестьянъ Харьков. губ. Вып. I. Изд. Харков. губ. статист. комитета. Харьковъ, 1896 г. Ц. 40 к.

Отоцкій, П. Гидрологическая экскурсія 1895 года въ степные лѣса. Спб., 1896 г.

Отчетъ о занятіяхъ четвертаго международнаго уголовно-антропологическаго конгресса. Состав. Закраевскій. Спб., 1897 г.

Перро. Сказки. Волшебный міръ. М. Ц. 75 к.

Платовъ, его жизнь и философ. дѣятельн. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. очеркъ Орлова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Покровская, М. П., врачъ. Санитарный надзоръ надъ жилищами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Прево, Марсель. Тайный садъ. Романъ. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Ренанъ, Э., его жизнь и дѣятельность. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. очеркъ Годлевскаго. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Реклю, Э. Земля и люди. Бельгія и Голландія. Полный перев. съ фран. Съ рисунк. Вып. II. Спб. Ц. 1 р.

Рождественскіе разсказы. Подъ редак. Вах—ва. М., 1897 г.

Рождественскіе разсказы. „Степного края". Омскъ, 1897 г. Ц. 20 к.

Сапожниковъ, В. В. По Алтаю, Дневникъ путешеств. 1895 г. Томскъ, 1897 г. Ц. 2 р.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ. Вып. III. Тифлисъ, 1897 г.

Симондъ, де-Сисмонди. Новыя начала политич. экономіи. Библіотека экономистовъ. Вып. VIII. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Славянскій, Кронидъ. Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней. Руководство для врачей и студентовъ. Съ рисунк. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1896 г. М., 1897 г.

Степановичъ. А. В. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ, 1896 г.

Станюковичъ, К. М. Вокругъ свѣта на „Коршунѣ". Сцены изъ морской жизни.

— Разсказы изъ морской жизни для дѣтей. Съ рисунк. Спб., 1897 г.

Сысоевъ, В. М. Разсказы и очерки. Съ рисунк. М., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тавастшернъ, К. Мать и сынъ. Перев. со шведск. Спб., 1897 г. Ц. 80 к.

Трубецкой, Е. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. Вып. I. Кіевъ, 1897 г. Цѣна за 2 вып. 2 р. 50 к.

Финиковъ, И. Латинская христоматія съ упражненіями. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Флексингъ, П., проф. Мозгъ и душа. Перев. съ нѣмец. Изд. журнала „Образованіе". Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Цейсъ, Э. Государственный строй Швейцарскаго союза. Одесса, 1897 г. Ц. 25 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Казань, 1897 г. Ц. 30 к.

Шрейсине, Ш. Очерки по философіи и математики. Перев. съ франц. Изд. журнала „Образованіе". Спб., 1897 г. Ц. 60 к.

Штернбергъ, А. Я. А. С. Суворинъ и евреи. Кіевъ, 1897 г. Ц. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Полное собраніе сочиненій П. А. Козлова".—„Просвѣтъ". *Вас. И. Немировича-Данченка.*—„Борцы". *К. Баранцевича.* — „Степные водки". Разсказы *Ал. Будищева.*— „Сказанія минувшаго". *А. А. Навроцкаго.*— „Пѣснь о Роландѣ" 103

Педагогика: „Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе". *Сенигова.*— Новочеркасская женская воскресная школа" 111

Исторія, исторія литетературы: „Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи". *Н. Н. Харузина.* — „Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе". *А. В. Васильева.* — „Псковская судная грамота". Сост. *Васильевъ и Кирпичниковъ.*—„Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ 1696 — 1727 гг.".—„Исторія норманновъ въ Сициліи". *Фонъ-Шакка.* — „Западно-европейскій эпосъ и средне-вѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ". *О. Петерсонъ и Ю. Балабановой* 113

Политическая экономія: „Отчетъ по сберегательнымъ кассамъ государственнаго банка".— „Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ и дѣятельности кустарно-промышленнаго банка пермскаго губ. земства за 1896 г.".—„Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1895 года". — „Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи" 120

Естествознаніе: „Микроскопъ". Руководство для научной микроскопіи д-ра *А. Циммермана* 126

Сельское хозяйство: „Краткое руководство къ сельско-хозяйственному химическому анализу". *И. Бевада.*— „Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству, читанныя въ Едимоновской школѣ В. П. Заварнымъ" 127

Медицина: „Сѣрно-спичечное производство въ санитарномъ отношеніи". *М. И. Козинцева* 128

Дѣтскія книги: „Аленушкины сказки". *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* . . . 130

Изданія для народа: „Читальня народной школы". Ежемѣсячный журналъ для грамотныхъ крестьянъ и для учениковъ народныхъ школъ 131

Справочныя книги, календари: „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ". Сезонъ 1895 — 96 гг.—„Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 годъ" 137

II. Періодическія изданія.

„Русское Богатство", *январь.*—„Міръ Божій", *февраль.*—„Вѣстникъ Европы", *февраль.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *февраль.*—„Вѣстникъ Воспитанія", *январь.* 1

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль съ 1 февраля по 1 марта 1897 г.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ, высылаетъ учебныя пособія, волшебные фонари, картины къ нимъ и проч. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Книжный магазинъ принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. Ц. 1 р. 80 к.

— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Семья Полоницкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Перев. В. М. Ремезова. Ц. 1 р.

— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юнѳша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль". Ц. 2 р., съ пер. Ц. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Ц. 1 р.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и разсказы Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Ц. 75 к.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?" Ц. 1 р.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Ц. 1 р.
— Литературные очерки. Ц. 1 р. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.
Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
Столѣтовъ, Т. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.
Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. 1½ к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. ½ к.
Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Библіотека „Русской Мысли".

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 40 к.
Немировичъ-Данчейко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ

В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ съ **15 декабря** 1895 года

открылась НОТНАЯ торговля,

сначала только для иногородныхъ.

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Абрамовъ, Я. В. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Вальдо, Франкъ. Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Вахтеровъ, В. Народныя чтенія. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

В—ка, Н. Что такое чума, способы ея распознаванія, предупрежденіе и лѣченіе. Спб., 1897 г. Ц. 20 к.

Воронецкій, А. М. Обзоръ учебныхъ пособій по географіи. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Воротынскій, А. На разсвѣтѣ. Историч. фантазія Рима 63 годъ по Р. Х. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Гадзяцкій, Конст. Борьба съ голодомъ въ періодъ XI—XIII вѣковъ русской исторіи. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Гельмгольцъ, Г. О. О сохраненіи энергіи. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Гиро, П. Частная и общественная жизнь грековъ. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи. К. В. Изданіе 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Карманный адресный указатель города С.-Петербурга. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Крыловъ, И. А. Басни съ приложеніемъ портрета автора, его біографіей, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Литвиновой. Правители и мыслители. Біографич. очеркъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Мижуевъ, П. Г. Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

...клеръ, Дж. Молодымъ дѣвушкамъ дружескіе совѣты. Спб., 1897 г. Ц. 10 к.

..., Гастонъ. Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи Антуанетты. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.

...керъ, Евг. Юность знаменитыхъ людей. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Навроцкій, А. А. Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Нейкайръ. Исторія земли. Вып. I. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

Петри, Э. Ю. Критическій обзоръ иностранныхъ пособій при преподаваніи и изученіи географіи. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Печоринъ, О. „Утро души". Книга шаржей и парадоксовъ. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Потѣхинъ, Л. А. Переходъ къ рамочнымъ ульямъ, устройство пасѣки на разумныхъ началахъ. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

Практическое опредѣленіе возраста лошади по зубамъ. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.

Proverbes, locutions proverbiales et gallicismes II. Le Mot propre. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Рафаловичъ, Л. А. Лажъ на золото и хлѣбныя цѣны съ таблицами. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.

Реклю, Э. Бельгія и Голландія. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.

Солнцевъ, К. М. Общедоступное изложеніе новѣйшихъ свѣдѣній о чумѣ и предохранительныя отъ нея мѣры. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Классификація наукъ. М., 1897 г. Ц. 50 к.

Списокъ адресовъ книгопродавцевъ въ Россіи. Спб., 1897 г. Ц. 80 к.

Таваствернъ, К. Мать и сынъ. Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ.

Флексигъ, П. Мозгъ и душа. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.

Фрейсинэ, Ш. Очерки по философіи и математикѣ. Спб., Ц. 60 к.

Фуртье, Г. Волшебный фонарь (проекціонный аппаратъ). Туманныя картины и научная проекція. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Хорватъ, А. О гипертрофіи сердца (изъ лекцій по общей патологіи). Казань, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чудновскій, Ю. Предохранительные мѣры отъ чумы. Изданіе 4-е. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.

1897 годъ. Вышла въ свѣтъ 1-я (январь — февраль) книга журнала годъ VIII.

„Вопросы Философіи и Психологіи",

издаваемаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

Содержаніе ея: *Б. Н. Чичеринъ.* «Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго».—*М. С. Корелинъ.* «Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки».—*В. В. Ивановскій.* «Общество и государство».—*Кн. С. Н. Трубецкой.* «Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма».—*В. О. Ключевскій.* «Западное вліяніе въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ)». — *В. Джонстонъ.* «Шри-Шинкара-Ачарія, индійскій мудрецъ».—*А. Н. Бернштейнъ.* «О воспріятіи постоянныхъ и перемѣнныхъ раздраженій». — *Кн. С. Н. Трубецкой.* «Къ библіографіи исторіи религій».—*В. Н. Ивановскій.* «Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи».—*Н. И. Карѣевъ.* «Экономическій матеріализмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій». — *П. Б. Струве.* «Свобода и историческая необходимость».—*Критика и библіографія.* 1) Обзоръ книгъ. 2) Обзоръ журналовъ. 3) Новости иностранной философской литературы. — *Психологическое Общество.*—*Извѣстія и замѣтки.*

Въ предстоящей къ выходу II книгѣ (мартъ—апрѣль) предполагается помѣстить, между прочимъ, продолженіе статей *В. О. Ключевскаго* и *М. С. Корелина*, «Существо и методы идеализма» *Б. Н. Чичерина*. — «Понятіе души и психической энергіи» *Н. Я. Грота*.—«Филонъ Александрійскій» *кн. С. Н. Трубецкого*.—«Время и пространство и ихъ общій субъектъ» *Вл. С. Соловьева*.—«Атеизмъ въ философіи Спинозы» *А. И. Введенскаго*.—«Къ вопросу о воспріятіи пространства» *Г. И. Челпанова*. — «Основанія макіавелизма» *В. Э. Вальденберга*. — «Біологическій механизмъ матеріализмъ» *Н. Д. Виноградова* и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ перес. въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: **МОСКВА**, Большая Никитская, д. **2—24** (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества **Н. Я. Гротъ.**

Редакторы: **Л. М. Лопатинъ.** **В. П. Преображенскій**

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

S

DUE SEP 25 62 H

SEP 25 62 H